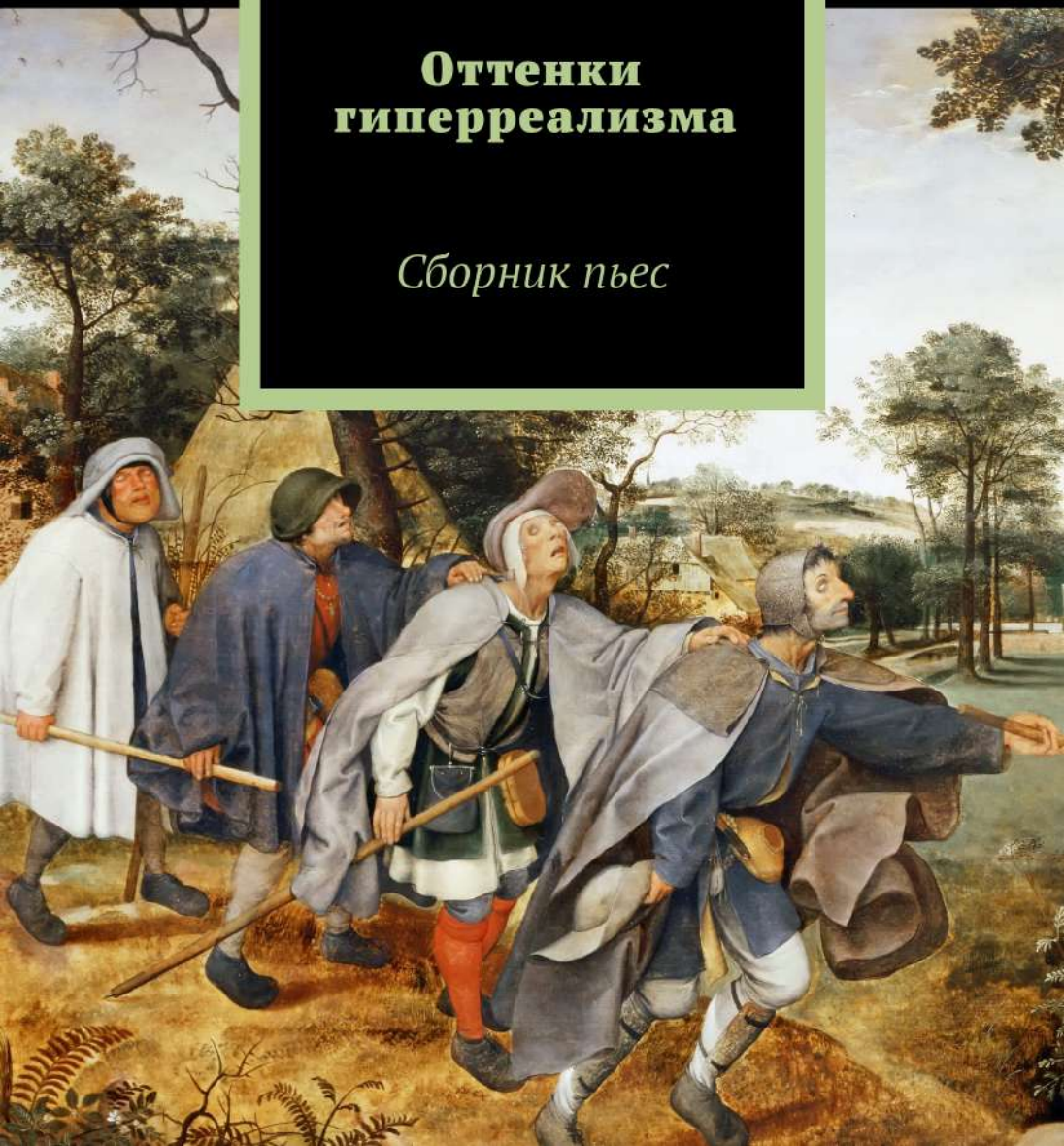

Глеб Нагорный

**Оттенки
гиперреализма**

Сборник пьес

Глеб Нагорный

Оттенки гиперреализма

Сборник пьес

Издательские решения
По лицензии Ridero
2020

УДК 82-3
ББК 84-4
Н16

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Нагорный Глеб

Н16 Оттенки гиперреализма : Сборник пьес / Глеб Нагорный. —
[б. м.] : Издательские решения, 2020. — 644 с.
ISBN 978-5-4490-5957-4

Пьеса «Лайф-Лайф»
«Без колебаний называю „Лайф-Лайф“ одной из лучших русских пьес начала XXI века...»

Алексей Битов, театральный критик
Роман-перформанс «Русский Хэллоуин»

«Сильный ход — поместить всё действие между двумя языческими праздника-ми. Получилось такое жуткое фантасмагорическое оформление всего происходящего. Этакая „комедия масок“... И маски, соответственно, как предтеча и иллюстрация надвигающегося его — того самого „страшного и беспощадного“».

Михаил Хейфец, режиссёр, драматург

УДК 82-3
ББК 84-4

18+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

ISBN 978-5-4490-5957-4

© Глеб Нагорный, 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
LIFE-LIFE, или новый взгляд на современное общество ..	5
Тольятти. Юбилейная тольяттинская осень	8
Лайф — это не Жизнь	10
Life, зачем ты нам дана? Ставропольский академический театр драмы им. М. Ю. Лермонтова	14
Театральный аргумент	18
Московское метро по-литовски	20
Канкан во время чумы	22
Smash the Pumpkin! [Убей олигарха]	28
ЛАЙФ-ЛАЙФ	33
Действие первое	36
Действие второе	83
КРАСНАЯ МЕЛЬНИЦА	117
Действие первое	119
Сцена первая	119
Сцена вторая	128
Сцена третья	134
Сцена четвертая	142
Действие второе	165
Сцена пятая	165
Сцена шестая	173
Сцена седьмая	180
Сцена восьмая	186
Действие третье	202
Сцена девятая	202
Сцена десятая	209
Сцена одиннадцатая	213
Сцена двенадцатая	219
САЛОН РИТУАЛЬНЫХ УСЛУГ	242
Действие первое	244
Сцена первая	244
Сцена вторая	248

Сцена третья	281
Действие второе	282
Сцена четвертая	282
Сцена пятая	350
РУССКИЙ ХЭЛЛОУИН	354
Действие первое	355
Картина первая	355
Картина вторая	371
Картина третья	388
Картина четвертая	405
Картина пятая	421
Действие второе	442
Картина шестая	442
Картина седьмая	460
Картина восьмая	480
Картина девятая	507
ЛАЙФХАК	508
Действие первое	513
Действие второе	567
ПОСЛЕСЛОВИЕ	606
Изюминки и безуминки в современной драматургии	606
Русский Хэллоуин — не бессмысленный, но беспощадный	613
Писатель — это стиль	622
Искусство призвано рождать, а не разрушать	629

ПРЕДИСЛОВИЕ

LIFE-LIFE, ИЛИ НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО

14 сентября Молодёжный драматический театр (МДТ) Тольятти открыл свой юбилейный 20-й творческий сезон премьерой спектакля «Life-Life» по пьесе современного российского прозаика и драматурга Глеба Нагорного в постановке тольяттинского режиссёра Владимира Хрущёва.

После спектакля, который прошёл при полном аншлаге, городские и областные деятели культуры торжественно поздравили коллектив театра с юбилеем. Так МДТ открыл свой юбилейный 20-й творческий сезон.

По словам директора театра МДТ Владимира Коренного, это современный спектакль. «В пьесе всё отвечает сегодняшнему дню, тому, что происходит у нас в стране. И неважно отрицательные или положительные эмоции уносит с собой зритель, людям надо показывать, что так жить нельзя».

Режиссёр Хрущёв всегда отличался особым неконъюнктурным взглядом. Все его постановки отвечают сегодняшнему дню, он никогда не подыгрывает зрителю, а открывает новый светлый пласт, на который интересно смотреть.

Несмотря на кажущуюся злободневность сюжета, в спектакле практически отсутствует модная ныне политическая подоплёка. Показаны определённые обстоятельства, в которых максимально раскрываются люди. Как отметил сам Владимир Хрущёв: «У театра нет задачи реагировать на политическую жизнь. Театр, прежде всего, исследует человека в его многообразии. И мне интересен сам человек». Собственно, поэтому для своих постановок режиссёр старается подбирать темы, не теряющие акту-

альности и через годы.

Поскольку пьеса «Life-Life» современная и тема незаезженной, она стоит отдельного внимания. Действие пьесы происходит в вагоне московского метро. На линии произошла авария, и совершенно разные люди по воле случая оказались на пару часов вместе. Своеобразный срез современного общества: бизнесмен и гастарбайтер, интеллигент и вор, успешная леди и бомж, гламурная девица и пенсионер, милиционер в штатском и обычные люди. Только что они были просто пассажиры. Внешне чуть разные, но в целом мало отличающиеся друг от друга люди. И вот нестандартная ситуация. Она и помогает раскрыть каждого человека, кто он есть на самом деле.

Авария – нежеланный и неожиданный сбой в привычном жизненном укладе. Что делать? В начале некоторые пытаются извлекать из ситуации личную выгоду. Например, так поступает агент-распространитель, раздавая визитки и скидки на новые курсы-тренинги «Лайф-Лайф», якобы обучающие людей правильно жить и позитивно смотреть на мир. Но что толку от этих курсов, если поезд продолжает стоять и проблема не решается? В результате люди всё больше нервничают, ситуация накаляется и дело доходит до драки. Немного успокоившись, пассажиры обнаруживают в вагоне труп убитого мужчины-пенсионера, ехавшего с ними. И вот уже, как в игре в «Мафию», все озабочены другим вопросом – кто убийца? И снова эмоции, снова провокации, снова драка и поиск крайнего. И вскоре опять: «Почему стоим?» В конце концов наступает стрессовое успокоение и люди перестают удивляться происходящему. Поезд стоит, в вагоне труп, но ведь и в такой ситуации нужно как-то жить дальше и что-то делать. Люди есть люди. Одни начинают растаскивать личные вещи убитого, кто-то играет в кроссворд, другие просто решили перекусить. А есть и такие, кто, глядя на происходящее, задумывается о смысле жизни, о своей нелёгкой судьбе, о родине и всём человечестве.

В ходе разговоров звучит вполне здравая мысль, что каждый человек – это, образно говоря, отдельно взятый вагон,

а всё человечество – это поезд. И чтобы двигаться и развиваться, нужен локомотив, общая идея. Каждый в отдельности, без осознания своей принадлежности к целому, так и будет топтаться всю жизнь на одном месте, стоять на своей или, того хуже, чужой станции или ехать в чужом вагоне. И только поняв себя, объединившись, осознав и поставив общую задачу, можно двигаться вперёд.

Но, пока люди говорили друг с другом, пытались наладить диалог, что-то придумать, произошло ещё кое-что. И тут по радиации сообщается, что авария устранена, и вагон трогается с места, все радуются, но на ближайшей остановке пассажиров вагона и зрителей ждёт неприятная правда о новой реальности...

Сама пьеса «Life-Life» читается замечательно, в ней ощущается литература, есть юмор и большое количество разнообразных персонажей из реальной жизни. Сюжет, люди, диалоги, мысли, ирония – всё это ещё долго не потеряет актуальности, поскольку отражает нашу современную жизнь.

Глеб Нагорный написал эту пьесу ещё в 2006 году. По его мнению, самое страшное в современной драматургии – конъюнктура. Поэтому в его пьесе нет известных нам популярных лиц. Зато есть совершенно обычные люди – сильные и слабые, местами похожие на нас с вами. В чём-то с каждым из них можно согласиться, а где-то и поспорить. Ведь и в жизни нет чёрного и белого, она вся состоит из полутонов. Пьеса соответствует современному обществу, и это, по мнению автора, должно обеспечить ей долгую жизнь. Кстати, пьеса уже поставлена в Русском драматическом театре Литвы, Ставропольском академическом театре драмы им. М. Ю. Лермонтова. Кроме того, готовится постановка в Мурманском областном драматическом театре, а теперь этот замечательный спектакль в постмодернистском стиле появился и в репертуаре тольяттинского Молодёжного драматического театра.

Думаю, практически любой зритель может увидеть в спектакле себя. Разнообразии характеров и ситуация, которая может произойти внезапно в жизни каждого из нас, а также отсутствие

главного героя, придаёт спектаклю ощущение реальности происходящего. Здесь, как и в жизни, не зависимо от того лидер ты по природе своей или ведомый, есть моменты, когда каждый из нас играет ключевую роль. Этого, возможно, не хватает современной драматургии.

Несмотря на «голую» правду о жизни, которую стремится показать нам автор пьесы и режиссёр-постановщик, в спектакле много весёлых моментов. А приятные эмоции после просмотра остаются, может быть, ещё и потому, что спектакль и в самом деле получился неконъюнктурный. На протяжении всего просмотра пребываешь в абсолютном неведении относительно концовки. Спектакль начинается с почти обычной детективной истории, а заканчивается оглушительным шоу, которое, если задуматься, и составляет нашу современную реальность.

Татьяна РУФЕЕВА

«Литературная Россия»,

№40 (2578), 5 октября 2012 г.;

«CityTraffic.ru», 19 сентября 2012 г.

ТОЛЬЯТТИ.

ЮБИЛЕЙНАЯ ТОЛЬЯТТИНСКАЯ ОСЕНЬ

14 сентября Молодежный Драматический Театр города Тольятти торжественно открывал свой юбилейный XX сезон. Весь город поздравлял юбиляра, праздник кипел и на площади возле театра и в самом здании, на всех этажах которого готовился торжественный вечер... С крыши пускали салют – словом, все, как полагается в такой знаменательный день...

История тольяттинского Молодежного Драматического Театра началась двадцать лет назад. Он был открыт в 1992 году, первоначально предназначался для детей и юношества и имел статус ТЮЗа. Организаторы предполагали с его помощью сделать для юных тольяттинцев свой особый островок нравственности и порядочности в том беспокойном мире, который нас окружал. С тех пор и поныне основу репертуара театра составляют луч-

шие произведения отечественной и мировой драматургии...

Интересы МДТ самые широкие: классика и авангард, история и современность, драма и детские спектакли. Экспериментаторство и поиск актуальной новой пьесы — в обязательной программе МДТ, учитывая молодежную ориентацию всей его жизни и деятельности.

Именно свежей, не известной в Тольятти пьесой «Life-Life» открывался новый сезон, и на торжественную премьеру был приглашен из Москвы сам автор, Глеб Нагорный. После Вильнюса и Ставрополя, в Тольятти состоялась уже третья постановка этой пьесы. Интересно, что драматург предоставил постановщику Владимиру Хрущеву право абсолютно вольного обращения с его текстом: «Я не из тех авторов, которые бьются за каждую фразу. Есть такие графоманы, которые говорят: „Ни в коем разе не режьте меня, потому что это все очень важно, это лучшие фразы из текста“. Я даже не знаю на самом деле, что Владимир сократил. Если ему что-то нужно для дела — то ради бога, потому что по результату должен быть спектакль, а не пьеса для читки, как это сейчас очень модно в той же Москве. То есть — когда читки стали выдаваться за полноценные спектакли, и им дают уже Золотые Маски — что, на мой взгляд, является абсолютным беспределом. Поэтому — как Владимир Хрущев сделает, так оно и будет. Тут, конечно, приоритет за режиссером, а не за драматургом».

Автор вообще показал себя человеком веселым, симпатичным и открытым. На пресс-конференции по поводу своей премьеры был крайне остроумен и щедро делился впечатлениями о московской театральной жизни...

Его пьеса — современный городской трагифарс (одновременно и психологический триллер), в котором ощутимы мистические традиции Юрия Мамлеева. Пьесу можно было бы назвать «Затерянные под землей» — поскольку речь идет о вагоне метро, остановившемся в туннеле, где пассажиры в страхе и панике вынуждены были провести всю ночь. Перед нами оказался некий ковчег современников — конечно же, с извечными рус-

скими экзистенциальными разговорами, которые начинаются с мелочей и переходят к размышлениям о смысле жизни и к катарсису. Ведь в вагоне имели место и убийство, и момент «точки невозврата» героев, переступивших границы своего обыденного мышления, и авантурный финал.

Пьеса сама по себе очень литературна, изобилует подробнейшими ремарками и собственной, авторской «режиссурой характеров» с исчерпывающим описанием внешности и поведения каждого. Словом, бери и ставь все, как написано, пользуйся авторской щедростью! Но Владимир Хрущев решительно пошел своим путем: и, если пьеса развивалась с добротной подробностью, то режиссура внесла динамизм, которого в ней не было — чуть ли вполтину сократив текст и поставив действие на рельсы стремительного движения. Непрерывно «ломающееся» пространство, рассыпающиеся в стороны стены злополучного вагона создавали ритмы тревоги и страха. Сочетание иронии и жутковатой инфернальности довершали стиль злой притчи о мельчающем современном человеке, который с годами не становится лучше...

Ольга ИГНАТЮК

*«Страстной бульвар, 10»,
№3 – 153/2012.*

ЛАЙФ – ЭТО НЕ ЖИЗНЬ

Новый сезон краевой драматический театр открыл спектаклем «Лайф-Лайф», что в переводе с английского значит «Жизнь-Жизнь».

Драматург придумал сюжет, изобилующий неожиданными поворотами. Рассказать обо всех хитросплетениях интриги нельзя. Это приблизительно то же самое, что в начале истории о запутанном преступлении ткнуть пальцем в персонажа: «Убийца он». И хотя «Лайф...», в общем-то, не детектив. С другой стороны, как посмотреть: убийство имеет место. Нечто вроде рассле-

дования тоже. А совершенно неожиданный финал, к криминалу отношения вообще не имеющий, его по какому жанру числить?

Атмосфера

Вы входите в зал и видите, что привычного занавеса нет. Тяжелая ткань служит для разграничения разных миров. Погаснет свет, и распахнется вход в чудесный мир, не похожий на будничную реальность.

Для «Лайфа...» это противопоказано. Здесь прямо перед первым рядом пространство, где будет разыграна наша действительность.

Ожидая начала действия, вы долго всматриваетесь в черные, словно закопченные стены с выгоревшими фризами, изображающими счастливую жизнь. Московское метро? Но в подземных вокзалах картинки сияют яркими веселыми красками. А этот склеп словно взят из романа Дмитрия Глуховского.

Наконец, появятся люди. Пассажиры. Все они одеты в одинаковые прозрачные плащи, похожие на костюмы противорадиационной защиты. Эти дождевики – символ замкнутости каждого из героев в собственном коконе. Ты отгорожен и от других, и от мира, пораженного невидимой, не имеющей цвета, вкуса и запаха отравой. А поскольку все оболочки сходны, на сцену вываливает толпа одинаковых людей.

Потом поезд помчится по туннелям, случится авария, и 14 человек, запертых в вагоне, начнут вынужденное общение.

Действующие лица

Глеб Нагорный не задавался целью глубоко разработать характеры. В спектакле действуют типажи, каких можно встретить на улице города. Приблатненный мужик. Менеджер компании «Лайф-Лайф». (За немалые деньги здесь обучат вас, как правильно, позитивно относиться к жизни. То есть ничего не принимать близко к сердцу.) Мама с сыном-калекой, интеллигент с двумя высшими образованиями («Корячусь теперь на заводе за 10 тысяч в месяц»). Девушка неопределенных занятий,

но вполне определенной внешности. Студент. Преуспевающие предприниматели. И другие узнаваемые лица и костюмы, уже не дождевики. Случайный, но вполне репрезентативный срез общества.

Что станут обсуждать эти люди? Темы, которые у всех «на слуху». То есть самые болезненные вопросы современного бытия и существования: развалили и разворовали великую страну или дали возможность со вкусом жить энергичным людям? Как всегда: кому на Руси жить хорошо, кто виноват и что делать?

Застрял посреди темного туннеля поезд? Под конвоем привычных ассоциаций является соображение: теракт. Начинается вполне фарсовая реприза «Поиски бомбы». Когда смотришь на таких же обывателей, как сам, со стороны, их страхи выглядят уморительно смешными. А глубоко внутри шевелится ужас человека, которому хоть раз да довелось оказаться в одной остановке, в пяти минутах или, не дай Бог, в эпицентре очередной катастрофы. В жизненный опыт россиянина это вошло неотъемлемой частью.

Потом обнаружится труп одного из пассажиров с огромным кухонным ножом в груди. Начнется новая реприза – «Расследование». Основополагающая ситуация классического детектива – душегубство в замкнутом помещении, поиски злоумышленника среди ограниченного «контингента» персонажей. От «Убийства в Восточном экспрессе» до «12 разгневанных мужчин» театр и кино создали законы и поэтику подобного зрелища.

Только вот Нагорному дедуктивный метод абсолютно не интересен. Да оно и логично, кто может представить себе Шерлока Холмса, разъезжающего по современной Москве на метро? Наши соотечественники будут устанавливать преступника иными, более привычными, чем умозаключения, способами. Например, руководствуясь правилами модной игры «Мафия». И расследование оборачивается пародией на детектив, доходящей до фарса, когда выяснится, что покойник умудрился исчезнуть из вагона.

Миражи — это наша жизнь

Как только мы осознаем это, становится понятным, почему пьеса и, соответственно, спектакль складывается из отдельных «реприз». Сюжет здесь состоит не из действий или событий, а из движения по господствующим «мифам» времени.

У типичных персонажей, какими их создал драматург, «крупноблочное мышление». Каждый сросся с идеями, мыслями, фразами, пришедшими из газет и с телеэкранов, из гламурных журналов или даже из должностных инструкций, отождествил себя с ними. Индивид превращается в рупор укоренившегося мифа («Меньше негатива. Позитивнее мыслить надо»). А миф, овладев умами, в полном соответствии с учением превращается во вполне материальную силу. Горячие, до мордобоя, споры, которые ведут герои, в большой мере столкновения не личностей, а социальных установок. Подобные образования Бэкон называл «идолами сознания», а Ницше подступал к ним с молотком.

Для каждого из действующих лиц однажды наступает «момент истины», когда обстоятельства сдирают защитный панцирь убеждений, и перед нами — слабый, беззащитный и жалкий человек, не защищенный милицейской инструкцией, нарядом от «Дольче» или статусом менеджера преуспевающей фирмы. В этот миг в зрительном зале рождается сочувствие. Потому, наверное, что мифы разделяют людей на «такое» и «инакое» верующих. А сострадание должно существовать на уровне главного инстинкта, а не какой бы то ни было идеологии.

Собственно, спектакль получился именно об этом — о тьме мелких обманов, соединившихся сегодня в идеологию, в представление о том, какова жизнь. О том, что каждый из нас зомбирован и подготовлен к тому, чтобы им управлял кто угодно — партия, фирма, секта. И неожиданный финал воспринимается как абсолютно логичное завершение действия. Вся история и должна была оказаться еще одной манипуляцией. Отличие от предшествовавших только одно: теперь героям наглядно показали, как пляшут они, «марионетки в ловких и натруженных руках».

Необходимо заметить, что существует еще один вариант понимания (трактовки) спектакля. Люди попали в критическую ситуацию, под ее воздействием открыли свои души и в этот момент узнали, что были только подопытными мышами в нехитром лабиринте.

Интерпретации можно предлагать любые. Главное, каждому зрителю запомнится финал: растерянные, уязвленные люди, точно такие же, как мы с вами. Их, как сказал бы персонаж американского боевика в русском переводе, только что в очередной раз поимели, даже не поцеловав. Они долго, долго уходят по некогда сиявшим яркими красками, а ныне словно выжженным коридорам метрополитена.

Геннадий ХАЗАНОВ

«Наше Ставрополье»,

№122 (517), 30 октября 2010 г.

**LIFE, ЗАЧЕМ ТЫ НАМ ДАНА? СТАВРОПОЛЬСКИЙ
АКАДЕМИЧЕСКИЙ ТЕАТР
ДРАМЫ ИМ. М. Ю. ЛЕРМОНТОВА**

В декабрьской афише Ставропольского академического театра драмы им. М. Ю. Лермонтова девять (!) спектаклей отмечены красной надписью «премьеры». По отношению к нему можно назвать еще несколько впечатляющих цифр. Например, из 400 тысяч населения краевого центра 120 тысяч ежегодно бывает на спектаклях; из них 80 тысяч – дети разных возрастов... Смотреть в театре есть что: спектакли по произведениям Лермонтова, Гоголя, Гольдони; почти половину афиши составляют пьесы современных авторов (явление нечастое на нашем театральном пространстве) – Мамлина, Мережко, Полякова, Ладю, Юрченко, Нагорного, Шендеровича. Плюс классики советской драматургии Арбузов и Цагарели...

«Лайф-Лайф» («Life-Life») поставил режиссер из Литвы Юрий Попов (бывший ростовчанин), и нынешний ростовчанин Анатолий Шикиуля оформил спектакль как сценограф и автор ко-

стюмов... в основу ее автор положил один из кочующих сюжетов мировой драматургии: то группа людей оказывается запертой в комнате, из которой нельзя выйти; то в отеле, заваленном снегом; то в салоне автобуса; то в тюремной камере... Как правило, в замкнутом пространстве представлен социальный срез общества, и хватает двух часов сценического времени, чтобы его социальные язвы обнажить. По мере расследования неизбежного в таких сюжетах убийства (или мнимого убийства) подозрение поочередно падает на каждого (или почти на каждого) из персонажей, и чего только мы не узнаем о них по мере того, как они вынуждены оправдываться и отбиваться! Все это у Глеба Нагорного наличествует, но в традиционный жанр внесены существенные коррективы. Я бы назвала жанр язвительной комедией, в которой серьез или даже надрыв в чьей-то речи тут же снимается иронической репликой товарища по временному заточению.

Художник выстраивает на сцене две подвижные конструкции — две половины вагона московского метро. Сдвигают и раздвигают их сами исполнители — то в одну линию, то друг против друга, то по диагонали. 14 человек, неразличимых в прозрачных плащах с капюшонами, входят в вагон. Сняв их, они вскорости обнаружат разность характеров, точек зрения и наклонностей. Вполне сегодняшнюю историю художник растягивает во времени — на целое столетие, нарядив персонажей в свободное шелковое платье начала века, в пиджак довоенного кроя, в тусклый костюмчик 50-х, в вельветовую пару 70-х, спортивный костюм 80-х и, наконец, в майки, высокие шнурованные ботинки и яркие колготки нулевых годов. То есть история с остановкой вагона и выяснением отношений могла произойти когда угодно, и люди вели бы себя точно так же. То, что природа советского человека не успела кардинально измениться, подтверждает и финал: выкатывается, весь в тросах, огромный бюст вождя революции — откуда-то свергли его; может, с какой-то станции метро. В общем, метафора представлена «грубо, зримо» и столь же «грубо и зримо» перечеркивается верноподданниче-

ской речью Инженера в кепке: какие бы перемены в жизни ни произошли, большинство людей по-прежнему себя под Лениным чистит. Герои «Лайфа» колоритны и играют со вкусом: громогласный обличитель власти Игорь Сергеевич (тот самый Инженер в кепке) – Михаил Новаков; Петр (Мужик) с замашками бывалого урки, что и окажется правдой, – Владимир Зоря; Арнольд (Лайфист), энтузиаст оздоровления сознания, беззаветный труженик фирмы «Лайф-Лайф» – Евгений Задорожный; Баба с пакетами и неутолимый аппетитом (в ресторане горбатится) – Светлана Колганова; вроде бы неприметный, себе на уме Белов (Мужчина с кейсом) – Александр Ростов; здравомыслящий простецкий парень без особых примет, именуемый «Просто мужчина», – Владимир Петренко...

Первое действие подкидывает зрителям интригу за интригой, оно увлекательно и стремительно. Репризный текст летает, как шарик в пинг-понге, от одного персонажа к другому. В комедийной заостренности ситуации ощущаются естественные ограничители в виде чувства меры, не позволяющего артистам принажать на остроумные реплики, придав им эстрадную броскость. Эффектен финал первого действия: свет в вагоне гаснет, пассажиры исчезают, на заднике загорается перспектива подземки – это тщательно сработанная видеоинсталляция. Таинственные черные своды над рельсами – путь, ведущий неизвестно куда. В тишине явственен звук падающих капель. Вполне апокалипсическая картинка.

Второе действие больше катит по сюжету, чем открывает что-то новое в людях, про которых нам уже все ясно. Они повторяют себя. Даже те, что снабжены длинными монологами. Мне кажется, изящная, без нажима роль Натальи Зубковой, играющей неколебимую, умную, умеющую пользоваться своими чарами Аллу Григорьевну, тускнеет, когда эта Женщина с длинными ногтями горячится и кликушествует. Думается, напрасно Игорь Сергеевич, стоя перед микрофонами реалити-шоу (в которое всех пассажиров втравили), благодарит правительство с тем же пафосом, с которым он только что поносил режим. За его спиной стояли еще

не остывшие от приключения спутники, и он наверняка, при всей своей бессовестности, слегка стеснялся их — такие люди чаще делают подлянку тихой сапой, понизив голос, чтобы и в одной, и в противоположной стороне выглядеть значительными. А вот в маленькой сцене с Парнем (Денис Криштопов) абсолютно уловлен родовой признак типа, который представляет Инженер в кепке. Народ в вагоне перекусывает неистощимыми запасами сердобольной Бабы с пакетами, а возмущенный разум Инженера все кипит. Ему якобы не до прозы жизни, хотя есть охота — это видно по взгляду, который он демонстративно отводит от жующих. Парень подсаживается к нему и осторожно, точно кусачему псу, пододвигает пластиковую коробочку с бутербродом, тихонько увещевая: «Поешьте... Поешьте...». И тот, смиряя гордыню, откусывает от бутерброда, в следующую же секунду продолжая свой демагогический марафон. «Как жить?» — драматически выдыхает он, не успев прожевать. В своеобразном Ноевом ковчеге, где кого только нет: от хозяев жизни до маргиналов — молодая поросль представлена именно этим Парнем (студентом) и Девицей в мини (Марина Каткова). Возраст их не объединяет; видимо, росли они, играя в разных песочницах. Скепсис юноши-студента по отношению к общей передряге в целом распространяется и на эту барышню в частности. Он ее вычислил моментально, что было несложно. Зрителям тоже. По прискорбно элементарному сленгу, подчеркнуто разболтанному шагу, застывшему взгляду и жующим челюстям...

В финале ликующие организаторы реалити-шоу в слепящих после мрака красных костюмах ведут себя как на параде, становясь «в фигуры» под бодрый голос Олега Газманова («Москва, гремят колокола...»), а люди, которых разыграли, медленно уходят восвояси уже не теми, что входили сюда в одинаковых дождевиках...

Людмила ФРЕЙДЛИН
«Страстной бульвар, 10»,
№5–135/2011.

ТЕАТРАЛЬНЫЙ АРГУМЕНТ

В Русском драматическом театре Литвы премьера, которую можно приравнять к крупному событию, дающему повод порассуждать о процессах в культурной жизни русской общины. В страстные споры о роли театра в деле сохранения русской культуры буквально влетела пьеса талантливого драматурга Глеба Нагорного, члена Международной федерации русскоязычных писателей (Лондон, Будапешт).

Сначала о пьесе. Она называется претенциозно – «Лайф-Лайф». Это вызывает смутные подозрения: уж не происходит ли творчество автора из высокомерной и часто малопонятной стихии андеграунда, тем более что действие спектакля – в «подполье», в вагоне метрополитена. Но с первых эпизодов становится ясно: таким названием автор обозначил горькое ироническое отношение к грустным реалиям нашей жизни.

«Лайф-Лайф» в применении к узнаваемым персонажам – от простых людей с их забавным суржилом до представителей псевдоэлиты и фальшивых правдолюбцев – как обобщенный символ инородного влияния на наши исконные порядки. Вот и «лайфист» – чудаковатый парень из некоей фирмы психологических услуг под названием «Лайф-Лайф» – назойлив со своими никчемными советами.

Г. Нагорный и режиссер Юрий Попов ставят двойной эксперимент. Один мы наблюдаем – он в сюжете пьесы. В другом участвуем сами – заденет ли за живое кажущаяся искусственной фабула, на самом деле списанная из жизни, но творчески переосмысленная.

Автор поместил героев в замкнутое пространство – вагон московского метро. Где-то происходит авария. Вагон стоит на путях. Пассажиры – представители разных слоев общества – вынужденно общаются. И вдруг выясняется, что один из них в сутолоке, возникшей из-за торможения, убит. Пассажиры начинают разбираться, и каждый обнажает свою суть. Но по ходу действия в финале мы узнаем: над ними фактически поставили

эксперимент, жестокий и инородный для русской земли, но, к сожалению, приживающийся. Какой?

Этот секрет откроется театралам, которые еще не видели спектакля. Скажу лишь, что внедрение образа «Лайф», довлеющего над персонажами, стало своеобразным тестом для героев и зрителей, каждый из которых по-своему воспринимает то испытание, или подарок природы, который называется «Жизнь».

Если бы дело сводилось просто к появлению хорошей постановки, то и повода для заметок не возникло бы. Что говорить о добротных театральных буднях, если к ним уже привыкли? Вот ведь в прошлом году театр порадовал отличным спектаклем — пьесой Николая Васильевича Гоголя «Игроки», замечательно поставленной и отлично сыгранной. Но не было неожиданности, а был очередной приятный сюрприз, даже некая традиция, выразившаяся в обращении к творчеству великого писателя. Ну и другие постановки, очень даже приличные, не выходили все-таки за рамки традиции, поскольку дань отдавалась произведениям известных, раскрученных авторов. В этом нет ничего плохого. Хорошо поставленная русская и иностранная классика, а также модные пьесы помогли театру вернуть зрителя. Аншлаги — тому свидетельство...

И тут афиши объявили о новой премьере — пьесе «Лайф-Лайф»... Эти английские слова вызвали смутные сомнения, и чтобы быть готовым к неприятному сюрпризу, я специально связался с Г. Нагорным и попросил показать пьесу. Открыл в Интернете текст и прочитал. И понял, что опасения напрасны...

Потом было лишь волнение — а что сделают с пьесой в театре? Какое особое прочтение предложат? В программке значится «трагифарс», так написано, наверное, для того, чтобы раскрутить спектакль. Действие носит черты фарса, но на самом деле все так узнаваемо, смешно и грустно, что лучше бы назвать пьесу трагикомедией.

Однако пишу не рецензию, пусть этим занимаются театральные критики, а просто делюсь впечатлением в связи с теми тревогами, которые часть общины связывает с очагом русской куль-

туры в Литве — Русским драмтеатром, и пытаюсь предугадать его судьбу. При короткой встрече с Й. Вайткусом он сказал мне о работе Глеба: «Я ее выбрал, потому что это хорошая пьеса». Тогда я еще не видел спектакля. А теперь понял, что независимо от причин смены руководства нет задачи погасить очаг культуры, иначе Й. Вайткус не дал бы «зеленый свет» этой пьесе. Могут быть проблемы, связанные с различием менталитетов, но для настоящего искусства это не барьер...

Юрий СТРОГАНОВ

«Экспресс-неделя»,

50 (618), 11 декабря 2008 г.

МОСКОВСКОЕ МЕТРО ПО-ЛИТОВСКИ

«Life-Life» по-русски

В минувшем году в одном из московских издательств вышла книга Антона Некрасова «Metro 2008», издатели которой определили сей труд как роман-бомбу и снабдили своеобразным эпиграфом: «Поезд дальше не идет» — самая большая ложь метрополитена». То, что происходит в столичной подземке, переваривающей за сутки около 10 миллионов пассажиров, как и в менее масштабных подземных транспортных дворцах других городов, способно вызвать у читателя чувство ужаса. В конце того же 2008 года в Вильнюсе в Русском драматическом театре Литвы поставили спектакль по пьесе Глеба Нагорного «Life-Life». На программке — знаменитый фонтан «Дружба народов», ставший символом ВДНХ. Глеб Нагорный — сам родом из Литвы. Получил там юридическое образование, имел хорошую практику, но в какой-то момент все бросил и уехал в Москву учиться кинорежиссуре, причем у классика Марлена Хуциева. Написал роман, а теперь и пьесу, рассказывающую о монстре под названием Московский метрополитен. Эта пьеса, дающая возможность занять разновозрастную труппу любого театра, с хорошими женскими и мужскими ролями, должна иметь успех на просторах России. К тому же нехватка совре-

менных пьес все еще остро ощущается в современном театре.

Обычный рядовой день в столичной подземке. Люди спешат по делам, у каждого свои планы, в которые совсем не входит длительное времяпрепровождение в вагоне. Но поезд отчего-то дальше не идет. И люди, незнакомые еще несколько минут назад, вступают в определенные отношения, сообразно возникшей ситуации. Вагон становится своего рода микромоделью социума. В одном пространстве оказались бомж, женщина с ребенком-инвалидом, пенсионер с кроссвордом, тетка с пакетами, которые очень пригодятся, поскольку в них еда, а сидеть под землей придется довольно долго, инженер, деловой человек, бизнес-леди, по чистой случайности спустившаяся в метро... Если внимательно присмотреться к тем, кто едет с нами в вагоне ежедневно, увидишь примерно ту же картину. Ситуация, как говорится, модельная. Из разговоров, столкновений в вагоне, страхов не выйти из него вообще никогда рождается понимание того, чем, собственно, все мы живем, будь то мегаполис или небольшой городок.

Удивительно все это было видеть в Литве, ставшей совсем европейской, живущей спокойной и на первый взгляд мирной жизнью. Если не считать того, что в дни пребывания в Вильнюсе как раз прошел марш протеста и люди вышли на центральную улицу, чтобы выразить недовольство тем, что происходит в стране в дни кризиса. Среди них – работники культуры. Все мирно, цивилизованно. Но разбиты стекла учреждений, и несколько человек серьезно пострадали от резиновых пуль, выпущенных теми, кто призван был охранять порядок. Картинка, возникающая на экранах телевизоров в блоке новостей, была устрашающей. А на взгляд обывателя, все мирно и спокойно. Так и наша жизнь – все вроде бы идет своим чередом, но только до определенной поры. Социум оказывается встревоженным ульем. Таковы особенности современной жизни.

Сценограф Андриус Жибикас воздвиг на сцене самый настоящий вагон. Воссоздано все в деталях. Вплоть до объявлений, звучащих в метро. Режиссер Юрий Попов не акцентирует за-

мкнутость пространства. Оно как раз открыто, широко открыто, тут словно бы гуляет ветер, который может внести любое дуновение, самое непредсказуемое развитие событий. Они и не предсказуемы. Есть и труп, и его исчезновение, и даже откуда-то взявшийся милиционер, начинающий расследование, словно специально для того подосланный...

В последнее время никакой другой спектакль в этих стенах не вызывал такого наплыва публики.

Светлана ХОХРЯКОВА

«Культура», №8 (7671),

26 февраля – 4 марта 2009 г.

КАНКАН ВО ВРЕМЯ ЧУМЫ

Не каждый день получается соприкоснуться с искусством. Я помню три самых ярких случая из моего личного опыта. Много лет назад, в Ялте, в разгар кинофестиваля, я прикоснулся к Жерару Депардьё. Сфотографировался с ним в обнимку. Ещё вспоминаю «Хард Рок Кафе» в Риме. Там под потолком висела гитара Джона Леннона. Тот самый знаменитый «Рикенбакер» 1964-го года. Конечно же, я улучил момент, подскочил со стулом, встал на него, потянулся и нежно стал водить пальцами по струнам... Меня попросили покинуть заведение, и я ушёл, не допив кальвадос, но цель была достигнута — я соприкоснулся с искусством.

А про третий случай мне хочется рассказать подробнее.

Однажды, одной тёмной февральской ночечкой, в предрасветный час, Глеб Нагорный прислал мне свою новую пьесу — «Красную мельницу». Я сразу насторожился, почему в неурочное время... То ли ему не спалось попросту, то ли по ночам ФАКИН меньше бдит. (ФАКИН — это, видимо, Федеральное Агентство по Контролю над ИНтернетом.) Я знаю непростые отношения Нагорного с Генеральной Линией. Например, неведомые силы неоднократно рушили его сайт. Когда я хочу узнать, как дела у Глеба, я просто захожу на его сайт... и, если там

опять первобытная темнота — значит, Нагорный в очередной раз что-то не то сказал или подумал.

Поэтому, получив потенциальную крамолу, я на всякий случай принял все меры предосторожности — задвинул засовы, спустился в погреб с рукописью, сел на приступку, запалил лучину, приложился к фляжке, ловко выхватил двумя пальцами из трёхлитровой банки огурец, звонко откусил и погрузился в чтение.

Теперь по существу. Получилась такая макабрическая антиутопическая буффонада.

Думаю, ещё пару таких вещей — и можно смело записывать Нагорного в родоначальники этого жанра.

При всей визуальной дурашливой мракобесности, фабула пьесы стройна и пряма, что твоя стрелка на чулках, все персонажи на своём месте, сюжет неспешно, но уверенно движется вперёд.

Что первое остаётся в послевкусии? Пожалуй, атмосфера. Атмосфера. Будни дешёвого кабаре в занюханном городишке — как точно, как сочно! И при этом ткань реальности всё же условна, очень условна. И до дрожи напоминает опять же Францию столетней давности, с её ярким блестящим антуражем, наспех напяленным поверх обшарпанных сумасшедших будней в наркотическом полубреду. Только вместо абсента тут — спиртыга и растворитель для красок, вместо Монмартра — Колхозная улица, вместо Гастоновской Мануфактуры — шерстомойная фабрика... Что это? Я до сих пор не уверен, что эта специализация существует в природе. Ага, «Ворд» не подчёркивает красненьким, значит, и правда есть, надо же... Век живи — век учись!

Да и несущественно это тут, подразумевалась просто обычная типовая фабричная работа, работа, подобную которой выполняют миллионы людей, каждый маленький день. Конечно, реальность пьесы напоминает не только Францию времён Макгрегора и Кидман, но я не буду об этом... Пусть люди из ФАКИНа отработывают свой хлеб, а мы тут об искусстве, знаете ли, рассуждаем, под круассаны да с пельмешками-с... Да и политика,

в общем-то, ни при чём. (Хотя, когда это у нас в стране политика была ни при чём?)

В безотрадные будни деятельниц культуры врывается свежий ветер. Как говорят в народе, свежий ветер – хорошо забытый несвежий. По сути – рейдерство, самое обычное рейдерство, которое может маскироваться подо что угодно, хоть под меценатство, хоть под руководящие органы, хоть под внеплановую реструктуризацию.

А в данном случае – всё вышеперечисленное и кое-что ещё.

Представитель выписан точно, даже гротеск только подчёркивает все характерные черты – невежество, лицемерие, жёсткая деловая хватка... А уж одно имя персонажа чего стоит – Альфред Германович, судя по всему – чистокровный якут, не устаёшь восхищаться политкорректностью автора!

Над многими репликами Представителя смеялся от души, голевским смехом: «...Эйфель большой, Лувр длинный, я мимо проходил, кварталы есть разные, но это так... я по долгу службы, чтоб детальней ознакомиться...»

Но ещё я призадумался. На его месте я бы, наверное, Париж точно так же изучил... Или нет... В Лувр бы ещё всё-таки зашёл... но всё равно есть над чем подумать. Сладка каша Мономаха, чего уж греха таить.

Много пластов в пьесе, много. Лично для себя я вывел, что главная из тем – всё же не социальная, не политическая, не криминальная, а женская. Да-да, Женская Тема.

Девочки-танцовщицы тут все разные, каждая со своим характером, со своими тараканами, и их диалоги и споры о женской доле как раз самые сильные. Даже странно, как автор-мужчина мог что-то вот такое взять и ухватить.

Вспоминается фильм «Лучше не бывает», где поклонница спрашивает у писателя Джека Николсона: «Как вам удалось в ваших книгах так глубоко забраться в душу женщины, так понять всё, что внутри?» А Джек мрачно ответил: «Очень просто, я всего лишь взял разум мужчины и убрал из него логику и смысл».

Не знаю, действовал ли Нагорный так или по-другому, но у него получилось.

У меня во время прочтения возникло неловкое ощущение, что невольно подслушиваешь разговор в гримёрке реальных танцовщиц... И вроде как надо кашлянуть из деликатности, и не хочется, ибо интересно, что же там ещё скажут. Как в транспорте порой слышу девичьи разговоры, оторваться не могу, знаю, что неправильно, но... Получается как бы живой репортаж с другой стороны баррикад.

Магда, кстати, вызывает сочувствие. Я – не женщина, но понять её могу. Вроде и любишь человека, но нужен нормальный адекватный человек, а все эти неземные, оторванные, опьянённые радугой, сумасшедшие люди или борцы блаженные – это хорошо, и пускай они существуют и цветут, и, дай Бог, у них всё получится, только пусть это будет не рядом со мной. Человек, который рядом с тобой по жизни, – он должен быть именно РЯДОМ – в сердце, в душе, в душе, в спальне, в гостиной, на кухне, в кругу общих друзей... в общем, на расстоянии дыхания, а не в запредельных сферах.

Да и стыдно становится от такой вот собственной позиции, но и отказываться от неё не хочется, ибо боязно.

Но если наступает Момент Истины (а такое иногда бывает) и возникает строгая дилемма МЫ или ОНИ, то поступаешь как по совести, а не как комфортнее. И это не может не радовать, и в пьесе это раскрыто.

А пока Момента Истины нет, можно и дальше спокойно прикрываться самодемагогией – «мол, как наступит момент, там и посмотрим, а пока что меня все устраивает, хата моя с краю».

Очень серьёзная тема, в общем, затронута. Вывод. Пьеса удалась. Имеет смысл сходить на неё.

Девочки-героини вообще симпатичны. Живые, естественные, простые, как соседки по лестнице. Со своими судьбами и драмами. Вообще, девочек обижать нельзя, а уж тем более так цинично. Кем бы обидчик ни был... Есть такое старое правило – подлеца нужно бить всегда. Независимо от того насколько он

сильнее, круче или могущественнее тебя... Если этого правила не соблюдать, то и жить как-то противно... Зато комфортно. Тут уж каждый решает для себя. Пьеса и призывает подумать над этими этическими дилеммами.

Ну и помимо этого – просто посмеяться над диалогами и прогуляться по полубредовому миру закулисья Страны Чудес. Четыре сольдо – и билет в цирк в кармане, Карабас уже потирает ручищи, Карло начал крутить шарманку, куклы уже готовы задирать свои целлюлитные ножки. А что ещё надо? Подумать о чём-нибудь серьёзном и проблемном, да, мои маленькие махровые интеллигентки в беретиках а-ля Че Гевара? Ну что же, будет вам и это! Кому женские ножки, кому – мыслишки. Каждому – своё, хватит на всех. Что ещё могу добавить?

Неожиданно в конце был хэппи-энд. Скажу честно, не ожидал! Видно, автор решил-таки меня побаловать, я когда-то просил его о чём-то подобном. Если бы закончилось всё мрачно, это был бы тогда обычный художественный злой памфлет, а так вышло очень даже вкусненько и с солнышком, озаряющим в рассветный час окровавленные лопасти Старой Мельницы... Всё в ней перемелется, только любовь – никогда...

И всё же хэппи-энд от Нагорного немножко пахнет грибоводщиной. «Карету мне, карету!» Мы не победим Систему, мы уйдём из Зоопарка.

Пожелаем же автору новых пьес, новых тем, новых идей. Пусть и дальше не даёт нам расслабиться в наших комфортных коконах.

Хочется ещё процитировать песню незабвенного Джона Леннона.

*Меня уже тошнит от услышанных вещей
От медоточивых, близоруких лицемеров,
Всё что я хочу – немного правды.
Меня тошнит от прочитанных вещей,
От невротичных свиноголовых политиков,
От маленьких толстогубых шовинистиков,
Дайте мне лишь немного правды.*

Это я к чему? Тоже ещё тот Дон Кихот был... как и наш Глеб, тоже высокий и тощий, тоже бросался на мельницы... Это, видно, так и должно быть. Пока они крутят свои багровые лопасти в лучах рассвета, всегда найдутся прекраснодушные донкихоты. Всегда.

И мне нравится соприкасаться с искусством, с таким искусством.

Кто знает, возможно, я однажды разбогатею и куплю дом на Лазурном Берегу, по соседству с Депардье, и мы будем каждое утро боксировать, ну, для здоровья и тонуса...

И куплю у вероломных римлян гитару Джона Леннона, и повешу её над кроватью, и буду иногда играть на ней песни на стихи Есенина...

И буду и дальше читать новые произведения Глеба Нагорного, где-то восхищаться, где-то спорить, где-то просто смеяться от души...

И тогда мой Внутренний Фрейд совершенно успокоится и блаженно закурит трубочку — соприкосновения с искусством будут зашкаливать, мы с искусством будем неразлучны, как корабли «Союз» и «Аполлон» посреди звёздной бесконечности.

Сильные и серьёзные произведения нужны нам. Нам, людям. Можно сколь угодно иронизировать над плачевным состоянием современной культуры, но оно не может не тревожить каждого мыслящего человека.

И я приветствую, когда появляются достойные произведения. Многие вещи мы разучились замечать, разучились наблюдать, разучились чувствовать.

И «Красная мельница» — одна из культурных шпаргалок, чтобы мы что-то вспомнили.

Алексей ФИЛИППОВ
*«Литературная Россия»,
№20 (2558), 18 мая 2012 г.*

SMASH THE PUMPKIN! [УБЕЙ ОЛИГАРХА]

Тему олигархата искусство не то, чтоб обходит, но не воспринимает всерьёз. Да, в премиальных «шортах» прогуливалось немало произведений о сладкой жизни. И, конечно, как тут не вспомнить С. Минаева – который, как это ни смешно ему самому, но выступил на ТВ с морализаторским комментарием по поводу юнца, предлагающего прохожим выпить в Парке Горького собственной мочи. Тут напрашивается сарказм: автор повести о ненастоящем человеке, черпавший документальные эпизоды из собственного, понятно, опыта – ужасается воплощению своих же текстовых достижений. Нет, мол, ТАК мы в школьные годы (хохо!) не хулиганили... Позоришко и авторское самоубийство, между прочим – ну, да прикремлённому телеведущему всё простительно.

Выходит, чтобы написать об олигархе – надо либо самому быть олигархом, либо хоть средним буржуа, как Минаев с его винноупаковочным заводиком (если это не его же миф). Вот тут-то мы и приближаемся к истине: большое видится на расстоянии, но не на расстоянии классовой ненависти (тут, признаю, я бы не смог бытописать, хотя и захаживал). Тут нужно этакое инсайдерство – побывать транзитом, а потом и вдарить из всех орудий. Как Максим Кантор, уделяющий особое внимание античным архитектурным особенностям домов нуворишей как в «В ту сторону», так и в «Красном свете», как Оксана Робски и ряд возлюбленных либерал-премиаторами литераторов с Рублёвки.

В нашем случае – попадание (в покои) стопроцентное. Автор – юрист, и с этим классом имеет контакты профессиональные. Иначе просто таких подробностей интерьера мы не заметили бы. Ведь и в том, что окружает олигархов – история страны, философия быта. И подобная пьеса (хотя, пьеса-то – переделанный роман о Романе Андреевиче, банальный каламбур, а приятный) напрашивалась, наболела, так сказать. Если постмодернисты с либеральной подкладочкой обстёбывали в конце восьми-

десятих и начале девяностых советского человека — то кто за-
прещает сделать то же самое с человеком, который родился
из отрицания социального равенства? Олигарх — не как частный
случай набора каких-то там черт, — а именно как итог развития
«тысячелетней Руси», как детище реформ и многих обществен-
ных усилий. Вот он — герой нашего времени, которого без-
успешно искали новреалисты, и сейчас иногда вспоминают о тех
поисках... Если вдруг Санька Тишин или Сергей Уражцев, пре-
тендовавшие на лавры Кибальчиша 21-го века, оказываются
в услужении у Кремля (потому что Кремль, как заявил Прилепин,
встал на его позицию), то кому же оставаться на фоне этой дешё-
венькой и душевно обнищавшей подтанцовки героем? Конечно
же, тому, кто равен Самому (в лучах славы коего пригрелись
обрюзгшие вчерашние баррикадники)...

Тут нужно пояснение: почему олигарх. Это не просто жела-
ние подсматривать за роскошью (хотя и она походя изображе-
на с должной иронией и искусностью). Это именно что досто-
евское желание заглянуть не в замочную скважину виллы,
а сразу в душу. Что там водится? Ради чего СССР погиб, про-
славляя личность и ещё раз личность. Во чью славу, причём
отчаянно абстрактно, пели реформаторы свои гимны о том, как
справедливо заживут вчерашние совки при капитализме? Ведь
там лейтмотивом-то шло нечто настолько прозрачное, что те-
перь и стыдно как-то признаваться: да, будущие олигархи сла-
вили самих себя, но пока что как абстрактные, не занятые ещё
местечки в новом обществе. Как ваучерный автор-исполнитель
Чубайс: сам придумал методичку, сам разбогател. Мол, как толь-
ко вырастет его величество Собственник, так всё и встанет
на полагающиеся места. Зачем какие-то многолюдные институ-
ты, министерства, комиссии эти совковые, что за бюрократиза-
ция общества ненужная? Дайте Собственнику нажраться и он
прокормит страну! Зачем бюджетирование, субсидии и прочее
перераспределение социалистических накоплений, когда — по-
строил церковь да и стал меценатом? Кто богат, тот и делится.
Институт меценатства, традиции купеческой Руси — они, ко-

нечно, куда мудрее большевистских вымыслов плановой экономики!

Я не приукрашиваю (приукрашенное читайте в пьесе товарища Нагорного) — так это всё и звучало на митингах демшизы. Долой контроль бюрократии! То есть общественный контроль — вскоре лозунг сменился формулой «не смотри в чужой карман, джентльмены так не делают» (это мне лично посоветовал Дмитрий Киселёв на передаче своей «Национальный интерес»). По рукам дать черни можно, но вот взгляд — не отвести! Так вот национальный интерес-то устремлён упрямо именно туда — внутрь личности того самого Собственника, ради которого сформировали СССР, распродали социалистическую собственность на части, укрупнив именно этот финансовый институт Личности. Удался ли либеральный эксперимент — велик ли этот новый русский человек?

А человек этот, с наименьшей из букв, в «Русском Хэллоуине» — в состоянии перманентного похмелья. Он, Андреевич (фамилия подразумевается, в отличие от каких-то загадочных Кряжистых — всё-то прихрамывают современнички, всей классовой правды не осиливают груз), грустит, и от грусти своей просит, например, лакея двинуть в своё олигархическое рыло (цитата). Представляет историческую расплату. В сущности, все действия в лондонской хмари происходят от этой высокой болезни, от скуки. Видно, что развлечь себя олигархату всё сложнее — идея неоригинальная в свете, скажем, английского, гринуэвского же «Повара, вора, его жены...», но для РФ всё же свежая. Ирония, выстраданная и нажитая, а вовсе не сиюминутная — пронизывает каждую реплику или ремарку пьесы, которую сам Глеб Нагорный определил как роман-перформанс.

И в этом, пожалуй, есть смысл. Ну, кто это прочёл бы? Книга — это ещё не действие. Конечно, сильный текст тянет экранизировать, поставить, обыграть... Но такой — с такой претензией и такой стартовой скандальностью? Тут явно Серебренников и Капков не сдюжили бы: если знать предысторию «цензурных» отношений последнего и Нагорного. Буквально дня за три до от-

ставки Капкова, Нагорный огласил просторы фейсбука очередным проклятием в адрес либерал-чинуши... Тут поверишь в колядки-прятки и всякое такое магическое — этот Хэллоуин точно удался. Капков как должностное лицо «сдох» — но ведь надо догадываться, сколько было таких «непоставленных» авторов, которые злобно выдохнули после его отставки.

А Капков, как мы знаем, был плотью от плоти Абрамовича — вот уж воистину поверишь в десакрализацию и всякое такое. Написать весело, искренне высмеять — и зашатались тверди. И почему никто до сих пор не брался за эту «глыбу», которая по силе оказалась только Глебу?.. Всё нас шариковыми пугали — ну и кого в ответ вырастили на горбу трудового народа?

Мне вот крайне любопытно, классово близкая главному герою перформанса «Практика» — не поставит ли? Вещица так и блещет как раз всеми постмодернистскими достоинствами (стёбными), но приложенными к объекту, который был табу для российского постмодернизма. Нет, конечно же и Пелевин и всё его литпоколение не могли не заметить сей класс и тоже как-то лениво шутили в ту сторону — но не было в тех шутках обличающей силы подлинной иронии, а не дежурного девяносокивого стёба.

Перформанс, украденный у придворных шутов этого самого класса (правящего, хоть он и в Англии) — работает не просто на сиюминутное ха-ха совокупного пролетария (коего, катарсического смеха, там даже с излишком), а на дальнейшие размышления. Это сколько же надо было миллионов «дорогих россиян» убедить в том, что выводить этого гомункула надо бережно, пятачками! Что нельзя ему мешать воровать — так как это святая святых, первоначальное накопление!.. Ну и? Накормили они вас, дорогие россияне? До сих пор ремешки затягиваете? А помните себя в нулевых, когда этот самый-самый любимый президентом олигарх тут красовался? Демонстрировал политическую чуткость, отходя от Березовского и «помогая» футболу не только аглицкому... Осоловелый народ и глядел в пробирку: у него самого и деревни мрут, и соседи, а у этих... Ну, хоть кому-то хоро-

шо! Вот это-то всё и перенесено на сцену — причём с такими подробностями, что, конечно, не переселяются из текста в декорации автоматически. Тут — роман в первую очередь, лишь пересказанный перформансом...

Кстати, Глеб Нагорный с этим своим ноу-хау победил в Международном конкурсе современной драматургии «Время драмы. Зима 2014» на пару с Александром Чугуновым. Вот так не спас флёр огромных денег олигарха от судьбы стать современным героем-посмешищем. Эта фигура умолчания, этот национальный позор (ведь и смешная манера говорить не «капиталисты», а именно «девяностые» — как будто это годы решают судьбы, а не люди), и многое стыдливое здесь выдаёт запущенный общественный невроз на грани немоты... И пора как-то просмеять то, что было прежде «проплачено»...

Финал перформанса в двух действиях — то есть второе действие, стремится ко гробам в самом прямом смысле. На сцене гробы. Короткая и гиблая ветвь человечества, предчувствуя свою гибель как возрождённого класса — привыкает к гробам, обсуждает модификации гробов, в общем обыгрывает эту тему. И становится ясно: то, во что так заботливо Россия Постсоветская инвестировала миллиарды, отдавая их на самотёк, обернулось обречённостью. Обернулось олигархом-беженцем, который в ностальгии по московской погоде и искренне переживает за английскую королеву, которую могут свергнуть шотландские «сепары». Ум, честь и совесть Постэпохи спешит поскорее исчезнуть с исторической сцены — не под силу ему волочь общество, ему бы как-то всё в свою сурдинку-волюнку дулось... Какие там функции Госплана ему выполнять — зачем?

Дмитрий ЧЁРНЫЙ

*«Литературная Россия»,
№18 (2701), 22 мая 2015 г.*

ЛАЙФ-ЛАЙФ

Пьеса в 2-х действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Парень – лет 20–23, одет в рваные модные джинсы с пуговицами на задних карманах и в черную футболку. На ней – рисунок карты метрополитена г. Москвы. Кроссовки качественные, но не очень дорогие. Негламурный.

Девушка в мини – примерно того же возраста. Постоянно жует жвачку. Юбка-мини, чулки, высокие сапоги, топик, пупок с пирсингом, курточка. Всё яркое, кричащее и дорогое. Гламурная.

Мужик (Пётр) – 40–45 лет. Балагур и насмешник. Широкие штаны и летняя куртка, несвежая майка, китайские кроссовки. Всё дешёвое, по цвету – мрачное. С рынка.

Инженер в кепке (Игорь Сергеевич) – хорошо за 50. Интеллигент на нерве. Без харизмы. С амбициями. Из-под дерматиновой темной кепки, которую он то и дело снимает, выглядывают сальные волосы. На лице – скорбь, наложенная двумя высшими образованиями. Серый галстук, такого же цвета костюмчик, коричневые сандалии и светлые носки. Всё из универсама советских времен. Антигламурный.

Лайфист (Арнольд) – к 30. Тощий и манерный – с характерной латентностью. Косит под интеллигента, но не интеллигент. Без харизмы. Представитель компании, занимающейся проведением курсов психологических тренингов личностного роста «Лайф-Лайф». Костюм ни дорогой, ни дешёвый, классический – синий в светлую полоску. Галстук – нежных тонов. Туфли модные. Узкие.

Женщина с длинными ногтями (Алла Григорьевна Величина) – с хорошим возрастом. И с большой буквы. С харизмой. Хо-

леная. Умная. Практичная. В меру цинична. Платье. Обувь. Сумка. Всё самое лучшее... Ногти.

Мужчина с кейсом (*Андрей Викторович Белов*) — в возрасте, но еще «вполне». Полноват. Очки, часы, кейс. Внутри кейса — ноутбук. Костюм качественный — почти фирменный. Туфли дорогие. Не узкие.

Просто мужчина — просто мужчина. И просто костюм. Не без иронии и отличительных черт, но в толпе теряется. Без особых амбиций. Возраст неизвестен.

Лейтенант (*Филимонов*) — классический милиционер в штатском. Иронии мало, отличительных черт тоже. Внешне можно перепутать с **Просто мужчиной**, возраст тот же.

Баба с пакетами — гастарбайтерша без возраста. Что-то в районе 40–60. Из-за разновеликих сумок и пакетов непонятно, во что одета.

Пенсионер с кроссвордом — возраст «к закату». Молчун, очкарик. Дужка очков перевязана изолентой. Рубашка клетчатая, штаны коричневые, подтяжки. На ногах тапочки. В руках брошюра с кроссвордами и сканвордами.

Мальчик с железной дорогой (*Саша*) — не девочка. Пяти лет. Сандаletteки, майка с мультипликационными вагончиками, шортики, разбитые коленки. Коробка с игрушечной железной дорогой.

Мама — мама **Мальчика с железной дорогой**. В соку. Одета по моде.

Бомж — классика. В «трениках» и шубе. От 20 до 60.

Седой мужчина — категорически 55. Подтянут, ироничен. Себе на уме. В джинсовом костюме, благородных тонов водолазке и светлых мокасинах.

Группа «Метрополитен» — 10–15 человек разного пола и разных возрастов, тщетно пытающихся одеваться, как **Седой мужчина**. Они же **массовка** в начале пьесы.

Фойе театра.

На стенах фойе красуются рекламные щиты. Тут и там видны названия станций — м. «Чеховская», «Китай-город», «Петровско-Разумовская», «Кузьминки». Местами попадаются хулиганские надписи. Некоторые фрагменты представляют собой движущиеся вагоны метро. На одной из стен изображен эскалатор с круглыми стоящими лампами. По нему едут люди.

*У гардероба лежат **актеры**, переодетые в бомжей. На стульях в фойе устроились актрисы с челночными сумками. При входе в зрительный зал, как в метрополитене, стоят турникеты. Около них — билетерши в форме работников подземки. Программки раздаются, как флаеры и листовки-завлекаловки в переходах метро, бесплатно, но с надрывом: «Да возьмите же, наконец! Возьмите!»*

Зрительный зал.

На левой стене — огромное окно и двери вагона, с картой метрополитена между ними. На правой — рекламные плакаты и, в середине, внушительное сигнальное устройство для экстренной связи с машинистом.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Раздается грохот движущегося поезда: «Тудум-тудум, тудум-тудум...» Шум постепенно затихает.

Сцена освещается – она выполнена в виде вагона метро. В левом верхнем (по отношению к зрителю) углу сцены висят электронные часы, которые показывают [23:45 00] [00:00]. Под обитыми дерматином скамьями вагона – металлические ящики.

*Во время звучания песни поезд останавливается – из вагона быстро выходят люди. Часть пассажиров остается на своих местах. Из динамиков раздается голос: «Уважаемые пассажиры! При выходе из последней двери последнего вагона будьте осторожны». В вагон входят **Девушка в мини, Парень и Баба с пакетами**. Парень и Девушка в мини встают по разные стороны около средних задних дверей. Парень прислоняется к ним спиной, Девушка в мини берется за поручень. Баба с пакетами оказывается около Парня и ставит свою поклажу на пол. Вагон трясется – поезд продолжает движение. «Тудум-тудум, тудум-тудум». Часы гаснут. Баба с пакетами, балансируя, роется в пакетах и сумках, что-то перекладывает, ищет. Наконец вытаскивает целлофановый мешочек, приподнимает и внимательно на него смотрит, шевеля при этом губами, – видимо, пересчитывает находящиеся в нем яйца. Рядом, на скамье, восседает **Мужик**. В руках у него почти пустая бутылка пива. Он делает несколько глотков и недовольно бросает бутылку на пол. Вздыхает. Озирается, словно ищет у присутствующих сочувствия. Напротив Мужика сидит человек, слишком для мужчины ухоженный – это **Лайфист**. Мужик смотрит на него и брезгливо морщится. Поворачивает голову влево (по отношению к зрителю вправо) и чуть нагибается. На своей скамье видит **Мужчину с кейсом, Женщину с длинными ногтями** и какого-то серого типа, читающего газету, – **Инженера в кепке**. На следующей устроились задумчивый **Пенсионер***

с кроссвордом, который слюнявит карандаш, и Мальчик с железной дорогой в коробке. Рядом с мальчиком сидит его Мама. Из ее сумочки выглядывает бутылочка «Фанты». Вдалеке, в левом конце вагона, дремлет Бомж. В ногах у него баул, а на коленях – бутылка с «бормотухой», повернутая дном к пассажирам. Мужик смотрит вправо и видит в противоположном конце вагона Просто мужчину и, чуть поодаль, мужчину обычного, сидящего напротив Просто Мужчины. Он явно спит, поскольку голова у него запрокинута. Это Лейтенант в штатском. Мужик, естественно, об этом не знает.

Время позднее, поэтому людей в вагоне немного.

Вдруг поезд резко тормозит. Пивная бутылка катится в конец вагона, в котором спит Лейтенант. Девушка в мини, держась за поручень, делает круговое движение, больше подходящее для танца с шестом в стрип-баре. Парень успевает широко расставить ноги, поэтому сохраняет равновесие. Остальные по инерции сильно дергаются в сторону движения, затем возвращаются в исходные положения. Лейтенант мотает головой, но не просыпается. Бомж недовольно ворчит во сне.

Баба с пакетами хватается за поручень. Раздается хруст скорлупы.

Парень. Да сколько можно! Второй раз за неделю!

Мужчина с кейсом. Кажется, опять застряли.

Женщина с длинными ногтями (как бы про себя). Зря я на метро поехала. Лучше бы такси взяла.

Инженер в кепке (без уверенности и куда-то вдаль). Может, еще поедем...

Баба с пакетами (в растерянности смотрит на мешочек, из него текут разбитые яйца). Ой, лышенько, шо теперь делать?!

Мужик. Это, мамаша, на сковородку неплохо б... Сальца порежешь с лучком, и сальмонеллой сверху...

Баба с пакетами. Та шо ж такэ?

Мужик. Чё, не видишь, приехали?

Баба с пакетами. Та мне ще три станции ехать!

Мужик. Опусти ты свою смятку на пол... растеклась. Говорю тебе, приехали. Ща захват поезда начнется, порежут нас всех — на шварки... *(Гогочет.)*

Баба с пакетами. Ах ты ж! Ах ты ж! *(Продолжает держать мешочек, не зная, что с ним делать. Переступает с ноги на ногу и задевает Парня.)*

Парень *(нервно).* Бабка! Да убери ты от меня барахло свое в конце-то концов! *(Показывает на футболку, внизу которой разползается мокрое пятно.)* Испачкала же!

Баба с пакетами. Ой, хлопчик...

В этот момент раздается голос из динамика:

«Уважаемые пассажиры! Пожалуйста, соблюдайте спокойствие и оставайтесь на своих местах. Поезд скоро отправится».

Баба с пакетами сворачивает мешочек, прячет в одну из многочисленных сумок, роется в ней и, наконец, достает — по виду ресторанную — клетчатую салфетку. Вытирает ею руки и протягивает Парню. Тот промокает низ футболки и возвращает Бабе с пакетами. Та подхватывает свой скарб и плюхается около слишком ухоженного человека — Лайфиста. Ему она неприятна, мужчина пытается отодвинуться, но куда: с другой стороны поручень. Девушка в мини оценивающе рассматривает «прикид» Парня.

Девушка в мини *(Парню, свысока).* Не «Дольче»...

Парень *(окидывая Девушку в мини хмурым взглядом).* Сама давно от сохи?

Девушка в мини *(перекатывая жвачку во рту, отчего видно, как искривляются ее ярко накрашенные губы).* Че-е-его-о-о?

Парень. Хватит пялиться, я не витрина.

Девушка в мини. Ка-азел!

Парень. Выдра щипаная.

Мужчина с кейсом *(достает мобильный телефон, пытается позвонить).* Нельзя ли потише? *(Смотрит на дисплей.)* Связи нет.

Совсем.

Мужик. Куда тише-то, считай, в могиле все... В братской. Ща черви шахидские приползут.

Мужчина с кейсом (*поворачиваясь к Мужику*). Перестаньте народ пугать. Тут женщины, дети...

Мужик. А чё нас пугать?.. То лагеря, то дефолты, то чучмеки разные... с поясочками... Нам теперь в пасть дьяволу попади – так он, поди, поперхнется... Так мы закалились.

Лайфист (*прокашливаясь, словно пробуя голосовые связки на ощупь*). В вас, уважаемый, очень много негатива. Знаете, я мог бы порекомендовать вам замечательные курсы оздоровления сознания.

Мужик (*набычившись*). В морду хошь?

Лайфист. Я серьезно. (*Достает из внутреннего кармана пиджака визитницу, из нее – карточку. Протягивает Мужику*) Возьмите. Тут адрес и схема проезда. Для вас, с этой карточкой, – пятипроцентная скидка.

Мужик (*вертит карточку в руках, читает*). «Лайф-Лайф». Чё за гавкотня такая?

Парень. Это «Жизнь-Жизнь» по-английски.

Мужик. А чё, одной мало?

Лайфист. Это тренинги такие специальные...

Мужик. Типа «Адидас»?

Лайфист. Это для головы.

Мужик. «Треники» для головы? А штанины на уши надеваются?

Парень (*усмехаясь*). На уши, на уши.

Лайфист (*не реагируя на Парня*). Это психологические тренинги. Для позитивного восприятия мира и достижения поставленных целей.

Парень. И стоят, как десять «Адидасов».

Лайфист. Деньги – не главное. Их всегда можно занять.

Парень. И бегать потом, бегать... От кредиторов. В «трениках» с пузырями на коленях.

Инженер в кепке на миг отрывается от газеты, смотрит на Парня, одобрительно кивает и снова углубляется в чтение.

Мужик. Пацан, не бузи. Дай чела послушать. А то ща как шахиды эти...

Лайфист (*поднимается*). Вот с чего вы взяли... вас, кстати, как зовут?

Мужик. Пётр.

Лайфист (*протягивает руку и манерно представляется*). Арнольд.

Мужик (*руку игнорирует и спрашивает с подозрением*). Чё за имя такое «голубиное»?

Лайфист (*озабоченно рассматривает зависшую ладонь, наконец прячет ее в карман и пожимает плечами*). Имя как имя.

Парень. У меня так попугая в детстве звали. Сдох.

Мужик (*хмыкает*). Какое у тебя детство тяжелое было...

Парень. А тритона – Арчибальдом. Тоже ласты склеил. Оказалось, плавать не умел. Топором на дно аквариума – фига-ась!

Лайфист. Вы знаете, мне кажется, вам бы тоже про «Лайф-Лайф» все-таки послушать не мешало.

Парень. Ага, чтоб самому коньки отбросить.

Лайфист. Очень много негатива. Очень.

Мужик. Ладно, Арноша, давай, валяй свой «Гав-гав». А то ща эти с детонаторами ворвутся... «Всэм лэжать! Нэ двыгаться!»

Мужчина с кейсом. Перестаньте травмировать людей!

Лайфист. И откуда в вас это?

Мужик. Чего откуда?

Лайфист. Негатив.

Мужик. Так Москва ж... туды ее растуды. Столица – мать наша... Златоглавая... Ты калякать-то будешь?

Лайфист (*прибодрившись*). Психологический тренинг «Лайф-Лайф» пришел к нам из Америки...

Парень. Кто б сомневался...

Девушка в мини. Клёво!

Баба с пакетами. А шо, в нас своево нэма?

Просто мужчина (*направляясь к сидящим из конца вагона*).
Вначале страну профукали, теперь мозги.

Лайфист. Я смотрю, вам тоже интересно. Присаживайтесь.

Просто мужчина садится около Бабы с пакетами.

Лайфист (*совсем бодро*). Так вот, «Лайф-Лайф» – это психологический тренинг, направленный на межличностное общение. Что же мы все с вами понимаем под таким простым, но одновременно сложным, а стало быть, универсальным термином, как «межличностное общение»?

Проговаривая это, Лайфист заглядывает каждому в глаза.

Баба с пакетами. Шо?

Лайфист (*бодро-бодро*). А понимаем мы под ним общение индивидуума с окружающим миром, то есть взаимодействие человека в семье, в кругу друзей, в команде единомышленников. Иными словами, под «межличностным общением» мы понимаем эффективность в партнерстве. С клиентом.

Парень (*подмигивая Девнице в мини*). Слышала? С клиентом...

Девница в мини. Ка-азел!

Лайфист (*не снижая темпа*). Большое внимание в тренинге уделяется повышению личностной самооценки, обретению своего «я» и нахождению контакта с ним, выявлению истинных целей и приоритетов в жизни великого создания, именуемого Человеком! Более того, основной курс тренинга дает возможность начать осваивать полный спектр жизненного, творческого и духовного потенциала, который скрыт в вас, словно бутон цветка, но который, на последующих курсах, обязательно расцветет великолепным лотосом счастья и благополучия, если вы пройдете полный, повторяю, полный курс наших психологических тренингов. Поверьте мне – это ноу-хау!

Парень. Вот если его сейчас не выключить, он вещать будет, пока в нем батарейки не сядут.

Мужик. Да ладно те, душевно впаривает. Ни хрена непонятно, но — красиво...

Просто мужчина (*массируя виски*). У меня даже голова разболелась.

Девушка в мини. Супер! А можно мне карточку?

Лайфист. Конечно. С пятипроцентной скидкой. Обязательно приходите!

Парень. «Мы вас прозомбируем...»

Женщина с длинными ногтями (*мелодично смеясь*). Мунисты были, сайентологи были, теперь еще и лайфисты объявились. Это и правда очередное ноу-хау по выкачиванию денег... А ведь есть совсем другие методики — куда более действенные и прогрессивные...

Лайфист (*не обращая внимания на последние реплики и подняв палец*). Но это еще не всё!

Парень. Да?! Кранты нам теперь, если из метро вылезем, то всё одно — путь в Кашенко обеспечен...

Лайфист. Зря вы так, молодой человек. Вот приходите к нам — тогда всё своими глазами и увидите... Какими люди счастливыми могут быть...

Парень. Ага, увидел один уже... Приятель мой...

Девушка в мини (*зло*). Тоже попугай?

Парень. Почему попугай? Нормальный парень был. В школе вместе учились... А потом бац, и в секту... С концами... Только мы его и видели — в простыне да с пятками голыми по Арбату ходит, в бубен бьет...

Лайфист (*срываясь на лай*). «Лайф-Лайф» не секта!

Мужик. Ага, питомник для болонок...

В этот момент раздается голос из динамика:

«Уважаемые пассажиры! Отправление поезда по техническим причинам задерживается. Убедительная просьба оставаться на своих местах и сохранять спокойствие. На линии произошла авария».

Просто мужчина. Ё-о-о! Когда же этот беспредел закончится?!
Парень. Попадаलोво!

Все достают мобильные телефоны и пытаются прозвониться. Баба с пакетами ныряет в сумки в поисках своего чудо-аппарата. Наконец, достает нечто невообразимое – размером в половину человеческой руки. Тычет в кнопки. Безумно орет: «Алле-е! Алле-е!» Девица в мини, вооружившись ярким телефоном, выдавливая из себя: «А-алло-оу! А-алло-оу!» Парень, быстро поняв, что всё безрезультатно, просто забавляется мобильником – пальцы его семят по кнопкам. Видимо, он играет в «закачанную» в телефон игру.

Мужчина с кейсом (*растерянно вертит в руках мобильный*). У меня же завтра сделка! Что же делать? Черт! (*Распаляясь*) Черт! Черт побери этот город с его городничими!

Женщина с длинными ногтями (*спокойно достает свой мобильный из сумочки, мельком смотрит на него и тут же кладет на место*). Ну... Этот город уже давно не в компетенции городничих...

Мужчина с кейсом. Да все они... Кого не спросишь... «Это не в моей компетенции...» Только дачи строят...

Женщина с длинными ногтями (*иронично*). Дачи – это к премьерам... Которые пасьянсы из земельных участков раскладывают...

Мужчина с кейсом (*взрываясь*). Да какая разница, женщина! Все они одинаковы – энергетики эти, нефтяники, газовики... А у меня нормальная сделка, в отличие от них! Че-ло-ве-че-ская! Простите меня... Не выдержал... Понимаете, наша компания теплоизоляцию поставить должна. Я строительством занимаюсь... И всё «в белую»...

Женщина с длинными ногтями (*удивленно*). Строительством? «В белую»?

Мужчина с кейсом. Представьте себе.

Женщина с длинными ногтями. Это, конечно, довольно

странно, но, как минимум, заслуживает уважения. В наше-то время... *(Пауза.)* Дайте я вам руку пожму. Признаться, первый раз такого человека вижу... *(Пожимает руку. Запрокидывает голову – думает, что-то прикидывает.)* Теплоизоляция, говорите? А утеплитель на кровлю у вас есть?

Мужчина с кейсом. Обижаете.

Женщина с длинными ногтями. Это очень интересно. А вы знаете, у меня есть деловое предложение. У нас с мужем одно из направлений деятельности связано со строительством, так-то мы вообще в фармацевтическом бизнесе, но если у вас есть утеплитель, кубов шесть-восемь, мы бы взяли. Я еще точно не знаю, сколько понадобится. Сметы окончательной нет.

Мужчина с кейсом *(вяло).* Шесть-восемь – это мало...

Женщина с длинными ногтями. Я имела в виду шесть-восемь тысяч... Мы недавно с друзьями развлекательный центр решили открыть.

Мужчина с кейсом *(нервно дергает головой, точно отказывается поверить в услышанное).* С этими? *(Показывает вверх пальцем – на потолок вагона.)*

Женщина с длинными ногтями *(кивая головой в сторону).* Нет, с теми... Ну, помните, там еще рынок взорвали у станции... Как же ее?.. Хорошее место оказалось, и друзьям очень дешево предложили. Мы согласились, естественно.

Мужчина с кейсом *(с восхищением).* Конечно, конечно... я вам прайс-лист вышлю...

Женщина с длинными ногтями. Высылайте. Думаю, договоримся... *(Достает из сумочки визитку.)* Вот вам мои координаты. Единственное... *(Пауза.)* Мы по безналу только часть можем... Надеюсь, войдете в наше положение?.. *(Подмигивает.)*

Мужчина с кейсом. Для вас – без проблем. *(С благоговением рассматривает визитку, поправляет очки, читает вслух.)* «Общество с ограниченной ответственностью „Совтранстелефарма“. Алла Григорьевна Величина. Консультант». *(Очарованно смотрит на Женщину с длинными ногтями.)* Понимаю, понимаю... Величина! *(Открывает кейс, прячет визитку, вынимает ламинирован-*

ную карточку, протягивает ее Женщине с длинными ногтями.) Белов Андрей Викторович... Там не смотрите, это так... Главное, телефоны и e-мэйл.

Женщина с длинными ногтями (*бросив беглый взгляд на карточку, кладет ее в сумочку.*) Спасибо. Только я – Величина. Знаете, в визитке же не будешь ударение ставить.

Мужчина с кейсом. Да, да... Скромно так...

Мужик (*убирает мобильный в карман куртки и хлопает себя ладонями по коленям.*) Ну, всё ясно! Откапывать нас будут только завтра!

Лайфист. У вас установка неправильная. А вот по системе «Лайф-Лайф» тренинг личностного роста напрямую связан с позитивным мышлением. Приходите, Пётр, не пожалеете. Мы настроим вас на правильную волну, которая вынесет ваш корабль в океан тепла и взаимопонимания, откроет вам новые горизонты возможного, раскроет ваш самобытный потенциал. И это только основной курс... а есть еще и продвинутый!

Парень (*не поднимая головы от телефона, продолжает играть*). Для особо тупых пользователей.

Лайфист (*прохаживаясь по вагону взад-вперед*). Как же вы не правы, молодой человек! Как не правы! Продвинутый курс даёт возможность пересмотреть свою жизнь и справиться с тем, что не позволяет индивидууму жить целостно и гармонично; помогает освободиться от ограничений, накладываемых на него его прошлым и, по большей части, деструктивным опытом. «Лайф-Лайф» – это возможность создать себя заново, с чистого листа, так, чтобы былые неудачи, обиды и низкая самооценка уже не могли повлиять в будущем на успешное достижение целей.

Девушка в мини (*надувает огромный жвачный пузырь и взрывает его*). Суперски!

Лайфист (*от неожиданности подпрыгивает, поворачивается к Девушке в мини и оценивающе смотрит на нее*). Девушка, это еще не суперски! Вот лидерский курс – это да, это суперски! Он позволит вам закрепить знания, полученные на предыдущих

курсах. Вы сможете поднять на небывалую высоту свою самооценку, стать желанным игроком в любой команде, значительно повысить стоимость своего труда и, как следствие, увеличить свой доход и ускорить карьерный рост.

Парень (*засовывая телефон в карман джинсов*). Про карьерный рост, это ей неинтересно. Вот про желанного игрока в любой команде и повышение стоимости труда – тут поподробней.

Лайфист. Карьерный рост – это не главное... Вы все сможете добиться вообще любых своих целей и выполнить личностную миссию в социуме, которую укажут вам консультанты «Лайф-Лайф»!

Парень. У нас одна миссия – из вагона метро выйти. Не научите?

Просто мужчина. Бредятина какая-то...

Лайфист не отвечает на вопрос, принимается суетливо раздавать карточки всем присутствующим в вагоне. Подходит да же к спящему Лейтенанту и аккуратно засовывает ему в нагрудный карман пиджака одну из них. Возвращается к остальным. Бомжа игнорирует.

Лайфист. Пять процентов скидка, пять процентов! Тренинги личностного роста и персональной эффективности, корпоративные тренинги и тренинги для акционеров, индивидуальная тренировка или VIP-коучинг, тренинги для молодежи и родителей, тренинги и семинары духовного роста... Возьмите же... У вас есть? Не хотите брать?.. Жаль... Пятипроцентная акция скоро заканчивается... Берите, я серьезно... У нас после основного курса – уникальная система скидок...

Парень (*кивая на Мальчика с железной дорогой*). Пацану не забудьте дать. Вырастет. Придет.

Лайфист (*не почувствовав иронию*). Я уже его маме дал. Вы же мама, да? Вот с папой и приходите. Всей семьей приходите. С родственниками. Это и сыну вашему будет полезно. Пусть только подрастет...

Парень. А то материал еще сырой... Лепить не из чего...

Лайфист (*воодушевленно, не реагируя на Парня и картинно раскидывая руки*). ...Это же как шкатулка со сказками...

Женщина с длинными ногтями. Только оттуда почему-то чертики выскакивают.

Лайфист. Женщина, женщина, что вы понимаете...

Женщина с длинными ногтями (*с красивой усмешкой*). Да уж побольше вашего... Ар-нольд...

Просто мужчина (*Лайфисту*). А не хило вы вообще зашибаете, если так подсчитать...

Мужик. Так, я не понял... а сколько твой «Гав-гав» стоит?

Лайфист. Для вас всех, всех (*обводит присутствующих нежным взглядом*) – первая лекция вообще бесплатно... Вы же для меня теперь как родные...

Парень. Ага. В семье не без уroda.

Инженер в кепке (*молча складывает газету, кладет рядом с собой, медленно поднимается и вдруг выкрикивает*). Всё это профанация! И вы, Альберт, это прекрасно знаете!

Лайфист (*в растерянности*). Арнольд.

Инженер в кепке. Всё равно!

Мужик (*радостно*). По-«голубиному»!

Мужчина с кейсом. Пётр, хватит. Здесь все-таки приличные люди.

Мужик. Он приличный? (*Показывает на Лайфиста*.) Да ладно те...

Инженер в кепке. Так вот, Арнольд. Всё, что вы все... нам тут всем... на протяжении уже лет пятнадцати на уши вешаете – всё это просто ужасно! Это кошмар просто какой-то! Эти тренинги. От чего эти тренинги, я вас спрашиваю? От правды? От реальности? От метро вот от этого? От пробок сплошных? От него вот?

Инженер в кепке, не разворачиваясь, указывает на Бомжа, похрапывающего в конце вагона. На коленях у того бутылка «бор-мотухи», которую он даже во сне держит аккуратно, словно дорогую технику.

Инженер в кепке (*подходит к Лайфисту, упирает палец ему в грудь*). Вот такие, как вы... всех нас в метро и спустили... как в отстойник... нам ни вздохнуть, ни выдохнуть... Вы скажите, скажите всем, сколько ваше мозго... не при женщинах... мозготерство стоит? Скажите... А методы, вами используемые? А НЛП? А гипноз? Вот вы — знаете, как это всё работает? Знаете, конечно... как же вам не знать... Но и я знаю! Мы все — знаем. Вначале нам помогают разобраться со своими проблемами, дают установки, работают с нами, по головушке поглаживают... Мы, дурни, смотрим — а сработало! Правда, помогло! И с женой как-то... и так... Позитив появился... На второй уровень переходим... Пла-тим, естественно... якобы со скидочкой, но в двойном размере... И тоже всё по делу... всё срабатывает... добиваемся намеченных целей... Тут уж не за горами и третий уровень — лидерский... И вот, если мы на первом уровне воспринимаем все ваши трели как правду, а на втором — почитаем за истину, то лидерский — мы уже само собой принимаем за слово Божье... Только дело в том, что на третьем уровне нам цели-то и подменяют. А мы так устроены, что два раза поверив, на третий — верим безоговорочно. И нет уже ни машины, ни квартиры. Цели подменены. Были в тренингах, стали — в «трениках»... (*Указывает на Бомжа, затем кивает в сторону Парня*.) Прав был молодой человек.

Лайфист. Как-то вы так... как-то... И у нас не уровни — курсы.

Женщина с длинными ногтями. Не вижу принципиальной разницы.

Мужик (*Лайфисту*). Чё скажешь в свое оправдание? Дури-те нас?

Лайфист (*опустив глаза и суетясь*). Мы, мы...

Мужик (*встает и берет его за грудки*). Ты не «мыкай»... Дуришь, спрашиваю? Бесплан нам в башке устроить хочешь? Ну-ка, давай мысли быстро! И позитива побольше.

Лайфист. Я вообще-то только недавно этим...

Мужчина с кейсом. Вот! Я же говорил! (*Поворачиваясь к Женщине с длинными ногтями, точно ища поддержки*.) Они все так... недавно... консультанты только... Извините. (*Отводит взгляд*

в сторону.)

Женщина с длинными ногтями. Да всё правильно вы, Андрей Викторович, говорите. Всё правильно, к сожалению.

Баба с пакетами. А я спытаты хотела: шо це такэ — Эн-Лэ-Пи? Эн-Лэ-О знаю...

Парень. Это, бабка, нейролингвистическое программирование. С тобой говорят, говорят, улыбаются, в глаза заглядывают, а потом ты под поезд вдруг бросаешься. Каренина в метрополитене...

Баба с пакетами (*хлопая глазами*). Ой...

Девушка в мини. То есть я правильно секу, что этот ваш «Лайф-Лайф» — полный отстой?

Парень (*усмехаясь*). Естественно!

Мужик. Кидалово это всё!

Инженер в кепке. Нет, мужчина, это не кидалово! Это больше, чем кидалово! За всем этим ва-а-жные люди стоят! Они, если хотите, лидерским уровнем заправляют. Они и по телемосту на весь мир вещают, и интервью направо-налево раздают... А мы их всё ищем, ищем... Будто это фантомы какие-то, призраки... Поймите, это выгодно — быть призраком!

Мужик (*отпуская Лайфиста и обращаясь к Инженеру в кепке*). А как это с тренингами связано, чё-то я в толк не возьму?

Инженер в кепке. Так потому что всё это одно — дурилово!

Парень. У вас как-то, того... ассоциативный ряд слегка нарушен.

Инженер в кепке (*набирает обороты*). Он не у меня нарушен, он у вас у всех перевернут. Мы вот тут в метро сидим, а там наши дети наверху гибнут, между прочим... Вот за что они гибнут? За какую такую страну?! Нет же страны! Разворовали всю! Руины кругом! Но нет, всё кичимся, всё цивилизованных из себя корчим, вместо того чтоб поднять самолеты да и сровнять кого надо с землей. (*Режет рукой воздух.*) Но нет, не по-европейски это... По-европейски — это с умным видом на вопросы телезрителей отвечать, а потом руками разводить. Да, мол, слажали, слажали... исправим... будем теперь рождаемость в стране по-

вышать.

Лайфист. Эта ваша позиция... Много негатива.

Инженер в кепке (*взорвавшись*). Я вам покажу позитив сейчас! Вы сами-то верите в то, что делаете?! Какой может быть позитив, когда я с двумя высшими образованиями, инженерным и философским, должен за десять тысяч на заводе корячиться!

Мужик. Это ты еще хорошо устроился...

Просто мужчина. Не надо было философский заканчивать.

Парень (*имитируя голос Лайфиста*). А вы к нам приходите на «Лайф-Лайф», вместе погавкаем...

Инженер в кепке (*не реагируя на реплики*). Вы вообще понимаете, хоть на минутку отдаете себе отчет, до чего мы страну довели?

Парень. Нормальный такой «приход»...

Инженер в кепке. Это не приход — это коллапс! Страна лайфистов! Всё хорошо, всё очень хорошо, сейчас деньги станут нашими, и всем от этого станет еще лучше... Что хорошего? Я вас спрашиваю!

Девушка в мини. Вы, блин, злой какой-то. Завидно, да? Десять штук — я, блин, столько за вечер трачу.

Инженер в кепке. Это потому что сучка... Извините, женщины.

Инженер в кепке замолкает, падает на свое место, срывает кепку, нервно теревит в руках и качает головой из стороны в сторону. Затем поднимается, прохаживается по вагону. Останавливается около сигнального устройства экстренной связи с машинистом, смотрит вверх него — на рекламу. Из пиджака достает блокнотик, записывает.

Мужик. Чё ты там пишешь?

Инженер в кепке (*совершенно спокойно, будто и не распаялся*). Тут работу предлагают. (*Читает вслух.*) «Служба электроснабжения метрополитена приглашает...»

Мужик. Кого?

Инженер в кепке (*читает дальше*). «...электромонтеров тяго-

вых подстанций... Третьего-пятого разрядов... Интересная работа, стабильная заработная плата, премиальные...»

Мужик. Не. Я — пас.

Просто мужчина (*Инженеру в кепке*). Вы ж философ, кажется?

Женщина с длинными ногтями. Для нашего метро это норма.

Инженер в кепке (*высокомерно*). Не забывайте, у меня два образования.

Просто мужчина. Толку-то.

Инженер в кепке не удостоивает его ответом и углубляется в чтение.

Парень (*посмеиваясь, смотрит на Лайфиста, затем обращается к Инженеру в кепке*). А коучеры для пассажиров там не требуются? Так, чтоб каждому пассажиру — по коучеру?

Инженер в кепке (*разворачиваясь*). Нет — кучера не требуются. Тут только эти... ну... надзиратели для торгашей. Идите сами смотрите.

Парень (*подходит к Инженеру в кепке, читает*). Торговая компания набирает супервайзеров для промоутеров. Оплата высокая... (*Посмеиваясь, отходит, чешет затылок*.) Да, ну мы даем, конечно...

Останавливается около Девуцы в мини. Инженер в кепке прячет блокнотик, возвращается на место и застывает памятником с «двумя образованиями» — кепкой на голове и газетой в руках.

Парень (*к Девуце в мини, ухмыляясь*). Что ж ты на метро ездешь, если десять тысяч в день просаживаешь?

Инженер в кепке отмирает, прислушивается.

Девуца в мини. Тачка заглохла.

Парень. А такси?

Девушка в мини. А чё-то в лом было...

Парень. Ясный пень. Небось у метро хачи какие-нибудь выкинули.

Инженер в кепке выпрямляет спину.

Девушка в мини. Я? С хачами?!

Парень. Ну, за деньги, небось, всё равно с кем.

Девушка в мини. Ты ваще лузер! На свой прикид глянь.

Парень. Да уж, не «Дольче» твое гребаное... *(Пританцовывает и кривляется, пародируя девушку из рекламы мороженого.)*
Вау! Вау! Вау! Вау!

Девушка в мини. Иди-ио-от!

Наконец Инженер в кепке отбрасывает газету, вскакивает, вытягивается и принимается трясти головным убором в сторону Девушки в мини.

Инженер в кепке. Нет, это какая-то страна бреда! Бреда и брендов! Вот вы мне, девушка, можете объяснить, чем ваше облачение от одежды, ну не знаю, вот кого-нибудь из нас отличается? *(Указывает кепкой на остальных, приглаживает другой рукой нечистые волосы.)*

Девушка в мини. Не «Дольче».

Инженер в кепке. У вас что, швы не на тех местах? Пуговицы как-то иначе пришиты? Что не так?

Девушка в мини. Всё. Не гламур.

Инженер в кепке. Поймите, девушка, платье и обувь должны тело закрывать, а вы этим «Дольче» себе мозги компостируете... Вы — зомби.

Девушка в мини. Сам ты — зомби! Лох в кепке!

Парень. А он дело говорит, между прочим. Вот ты мне можешь объяснить, что в твоём «Дольче» особенного?

Девушка в мини. А так не знаешь! Не каждому... вот... потому что... *(Интенсивно жует.)*

Парень. Почему же «потому что»?

Девушка в мини. Потому что — вот...

Парень. Что?

Девушка в мини. Не каждому...

Мужик. Это вы на каком языке сейчас чирикали?

Парень. Это мы, Петь, в пинг-понг играем — всё равно стоим... Так хоть размяться.

Инженер в кепке. Именно, именно! Размяться! Всю жизнь только и делаем, что разминаемся, а как до дела доходит, мы сразу занедуживаем! Потому что шарики-мячики сплошные в голове!

Парень. Что-то вы передергиваете сильно...

Лайфист. Негатива много. Вот на «Лайф-Лайф»...

Просто мужчина. Да заткнитесь вы все! Давайте лучше решать, как выбираться отсюда. Уж минут двадцать стоим... Надо с машинистом связаться. *(Обращается к Лайфисту.)* Нажмите на кнопку, пожалуйста. Вон она, рядом с вами.

Мужик. Не нажимай. Взлетим. Это они специально так сделали, вмонтировали в блок связи мину, знают же, гады, что мы первым делом на кнопку захотим нажать.

Лайфист *(подняв руку и поворачиваясь к Просто мужчине).* Нажимать?

Просто мужчина. Конечно, нажимайте. Что вы его слушаете.

Лайфист. А если он прав?

Парень *(ухмыляясь).* Вот и проверим. *(Подмигивает Мужу.)* Да, Петь? Вжих, и на кусочки...

Женщина с длинными ногтями. Вы, юноша, не по годам циничны. Мужчина, нажимайте же скорей.

Лайфист. Может, вы... что-то я... признаться... а вдруг он прав... вдруг...

Мужик *(смеясь).* Чё?.. Задрейфил? Да, пошутил я, нажимай.

Лайфист. Нет, знаете, давайте вы. Если что, то вы и отвечать будете. А вдруг на самом деле...

Парень. Если вдруг, то уже никто ни за что отвечать не будет. Нажимайте, что вы, будто в своем «Лайф-Лайфе», отключились...

Лайфист. Сами идите и нажимайте, в конце концов!

Просто мужчина. Да что вы как маленький, в самом деле. На кнопку нажать сложно? Берете указательный палец...

Парень ...направляете в сторону кнопки...

Женщина с длинными ногтями. ...нажимаете...

Мужик (*широко раскинув руки*). ...Ба-бах!

Лайфист (*отскакивая в сторону*). Ну уж нет. Вас вон сколько, а я один.

Парень. Вообще-то тут и одного достаточно будет.

Мужик. Чтоб взорваться...

Лайфист молча отходит в сторону, садится, что-то бубнит себе под нос, закрывает глаза и, откидываясь на спинку скамьи, затихает.

Мужик. Так, один готов. Сапер номер два... Кто следующий?

Никто не двигается.

Мальчик с железной дорогой. Мама, я боюсь.

Мама. Не бойся, солнце, дяди шутят... Скоро поедем... Там сломалось что-то...

Мальчик с железной дорогой (*успокаиваясь*). Мама, а когда починят?

Мама. Скоро, сынок, скоро...

Мальчик с железной дорогой. А мы не взорвемся?

Мама. Нет, конечно...

Пауза.

Парень. Что за ерунда... Давайте я нажму. (*Направляется к сигнальному устройству экстренной связи с машинистом.*)

Мужик. Если увидишь зеленый и красный проводки – рви зеленый.

Парень резко останавливается. Топчется.

Мужик (*ухмыляясь*). Ну, чего? Жми...

Парень. Тут три.

Все. Что три?!

Парень. Проводка три.

Мужик. Да ну? Кончай лапшу на уши вешать!

Парень (*зло*). Не верите, идите и посмотрите.

Отходит от кнопки. Все срываются со своих мест. Смотрят на сигнальное устройство.

Мужик (*почесывает затылок*). Да, дела... Слышь, инженер... Глянь, это по твоей части больше.

Баба с пакетами (*голося*). Мы загынемо уси, да?! Загынемо?!

Мальчик с железной дорогой (*начинает всхлипывать*). Мама! Мама!

Мама. Сынок... не бойся...

Инженер в кепке. Да это проводка просто вылезла.

Мужик. Ну, так нажимай тогда.

Инженер в кепке (*показывает в сторону сигнального устройства*). Да мне и сказать-то туда нечего вроде... Я, собственно, не спешу.

Мужчина с кейсом. Дайте я нажму. Никакого толка от вас. А у меня завтра сделка важная... поспать хоть чуть-чуть...

Все расступаются. Мужчина с кейсом подходит к сигнальному устройству. Всматривается. Делает бессмысленные шаги вперед-назад.

Мужчина с кейсом. Странные проводки все-таки... И кнопка блестит как-то... подозрительно, что ли...

Мужик. Кончай болтать. Нажимай. Она затерта просто. У нас же все, кому не лень, нажать норовят.

Мужчина с кейсом. А почему я?

Мужик. Ну ты же спешишь. Так ведь?

Мужчина с кейсом. Нет, ну, я спешу, конечно, но не так чтоб... Да и проводки... *(Проходит на свое место, садится.)*
Странно всё это как-то... странно...

Мама. Да нажмите же кто-нибудь на кнопку, наконец! Сколько можно? У меня ребенок плачет.

Мужик. Да, ситуация...

Просто мужчина. Шутить надо было больше...

Мужик. А я чё, знал, что так получится?

Просто мужчина. Вот и нажимайте теперь.

Мужик *(показывает кукиш).* На-ка, выкуси! Тебе надо, ты и нажимай.

Просто мужчина. Это вопрос принципа, понимаете – принципа. Вы это всё завертели – теперь и нажимайте.

Мальчик с железной дорогой. Мама, мама, я писать хочу!

Мама. Нажмите вы эту кнопку дурацкую, сколько можно ждать! У меня ребенок!

Мужик. Ну так вперед!

Мама. Я – женщина!

Мужик. И чё? Нажать нечем?

Мама встает, идет к кнопке.

Мужик. Хочешь сына лишиться? Валяй – дело твое... Детоубийца...

Мама *(останавливаясь и обращаясь к Инженеру в кепке).* Вы уверены, что это просто проводка?

Инженер в кепке *(отводя глаза).* Ну как вам сказать...

Мама. Вы не юлите! Это проводка, или там все-таки бомба?

Инженер в кепке. Откуда мне знать, в конце концов? Я, что ли, собирал?!

Мама. То есть вы не знаете, что там?

Инженер в кепке. Да нет, конечно. Откуда бы мне.

Мама. Бомба, значит. *(Садится на место.)*

Мальчик с железной дорогой. Мама, в туалет...

Мама (*закрывая голову руками*). Терпи... Будь мужчиной... Боже, что же это делается...

Парень (*с издевкой*). Будь мужчиной, малыш. Вырастешь – поможешь нам на кнопку нажать.

Просто мужчина. Подождите, давайте мыслить здраво. Попробуемся хотя бы... Ведь если бы нас хотели уничтожить, то, думаю, это уже давно бы сделали. Это во-первых... Ну, а во-вторых, вы же сами слышали, что это авария на линии, ведь не в первый раз... так почему...

Баба с пакетами. Это они хитрые... Я знаю, *д*онька моя замуж *в*ыходыла, а *в*ин *у*зяв та с Нэлькой *з*акрутив *о*дразу ж *п*осля *с*вадьбы, *з*лыдэнь.

Просто мужчина. Женщина, подождите... при чем тут...

Баба с пакетами. А ты не перебивай, дослухай. Он же ж и прописался у ней, у *д*оньки моей, и «Жигули» мы им подарува-лы, а сервизов, сервизов *с*кільки...

Просто мужчина. И?..

Парень. Не поддавайтесь на провокацию. Она вас заговорит сейчас.

Баба с пакетами. *З*араз ни «Жигулей», ни сервизов *н*эма, а *д*онька у нас *ж*ивэ.

Просто мужчина. Так это он из-за сервизов?

Баба с пакетами. Туфик *в*ин, шо тут ще *к*азаты...

Девушка в мини (*Парню*). Твоему попугаю прокатило б...

Парень. Иди ты...

Просто мужчина (*опомнившись*). Женщина, вы к чему это всё ведете?

Баба с пакетами. Та хитрые они *д*уже... И нас *з*араз тэж, да? (*Обращается к Мужу*)

Мужик. Да, да...

Просто мужчина. Вы меня слушаете вообще все – или нет? Вы поняли, что я сказал?

Инженер в кепке. Конечно... В-третьих, там на самом деле бомба оказаться может.

Просто мужчина. Да это идиотизм просто какой-то! Взрос-

лые же люди вроде!

Просто мужчина вскакивает и подбегает к кнопке. На него тут же наваливаются остальные. Увлекают за собой Пенсионера с кроссвордом. На своих местах остаются только спящий Лейтенант, Мама и Мальчик с железной дорогой, а также Женщина с длинными ногтями. В своем углу на скамье валяется Бомж, он что-то мямлит во сне. Свалка. Крики. «Я тебе нажму! Я тебе нажму!», «Взорвать нас всех решил!», «Да вы что, в своем уме?!», «Вали его на пол!» От криков просыпается Бомж. Сонно-пьяно поводит глазами. Поднимается. Пошатываясь, подходит к дерущимся. Смотрит по сторонам, видит сигнальное устройство и направляется к нему. Кто-то замечает его намерение и кричит: «Нет! Нет!» – но этому кому-то не дают вырваться из толпы. Бомж нажимает на кнопку. Ничего не происходит. Чей-то крик: «Он нажал! Нажал!» Все резко перестают драться, наблюдая за тем, как Бомж стоит и давит на кнопку, словно звонит в дверь. В этот момент просыпается Лейтенант. Широко зевает, потягивается. Заинтересованно склоняет голову, но никаких действий не предпринимает.

Бомж (заплетающимся языком). За-кры-то...

Поворачивается лицом к своему месту, видит оставленный баул, возвращается, плюхается на сиденье и делает несколько жадных глотков «бормотухи».

Лайфист манерно поправляет галстук. Мужчина с кейсом, сняв пиджак, чистит рукава. Девушка в мини пудрит носик. Парень считает количество дыр на рваных модных джинсах – не образовалось ли новых. Инженер в кепке прохлопывает свой костюмчик головным убором. Баба с пакетами массирует то локоть, то колено, приговаривая: «Ах ты ж... Ах ты ж...» Просто мужчина, запрокинув голову, пытается остановить кровотечение из носа. В руке у него носовой платок. И только Мужик сидит довольный и сладко пофыркивает: «Хорошо размялись! Эх, хоро-

шо!»

Мальчик с железной дорогой. Мама, я домой хочу... Писать...
Пить...

Мужик. Ты определись, пацан.

Мама (*успокаивая сына*). Потерпи. (*Обращается к остальным*.) Он же описается сейчас... Что мне делать?

Инженер в кепке. Меньше химией пичкать надо. (*Указывает на бутылочку «Фанты», торчащую у Мама из сумочки.*) И так всю страну отравили... Только и знаем, что всякую гадость со-сем...

Мама. Опять вы за свое.

Мужик (*кивая на Лайфиста*). Ага, негатива много. Весь позитив выжрал...

Инженер в кепке. Помолчите! Такие, как вы, с вашими шуточками, только беспорядки наводят. Вы посмотрите, что из-за вас произошло, кто эту дурацкую историю с кнопкой затеял!

Мужик. Я?! Я?! Чё ж ты сам не нажал?!

Инженер в кепке. Я не нажал, потому что вы... (*Тыкает в его сторону пальцем.*)

Мужик. Чё — я?

Инженер в кепке. Потому что вы, вы перевернули во мне всё!

Парень. Какой вы внушаемый.

Инженер в кепке. А вы? Что же вы не нажали?

Девушка в мини. Это он всё. (*Указывает на Мужика.*)

Просто мужчина. Перестаньте, наконец. (*Убирает носовой платок в карман.*) Как выбираться будем? С машинистом же связи нет. Что нам дальше делать?

Мальчик с железной дорогой. Ма! Писать!

Инженер в кепке. Дальше, дальше... (*Подходит к Мальчику с железной дорогой.*) Тебя как зовут?

Мальчик с железной дорогой. Саша.

Инженер в кепке. А меня — Игорь Сергеевич. Давай, Саша, так попробуем. Не «писать, пить»... А наоборот — «пить, писать»

... Ты напиток свой допей, а потом отойди в сторонку и пописай в бутылочку.

Мужик (*восхищенно*). Ну ты инженер!

Мальчик с железной дорогой (*Маме*). Можно?

Мама. Конечно, дядя правильно говорит.

Мальчик с железной дорогой выпивает остатки «Фанты» и отходит в сторону. Отворачивается к присутствующим спиной.

Мужик. Влазит?!

Мальчик с железной дорогой (*поворачивает голову к Мужику*). Ага...

Мужик (*зогочет*). Главное, чтоб не застрял...

Девушка в мини. Ка-азел!

Мужик. Овца!

Мама. Перестаньте вы, в самом деле!

Мужик. Тебя не спросил. Ты с мое поживи...

Просто мужчина (*кивает в сторону Мужика, затем показывает на пустую бутылку пива в конце вагона*). ...попей...

Мужик. Я смотрю, у кого-то нос восстановился. Или мне кажется?

Просто мужчина. А не пошли бы вы... Я так и знал, что это вы мне нос разбили.

Мужик. Кто ж еще... Я старался.

Мама (*Инженеру в кепке*). Спасибо вам.

Инженер в кепке. Да не за что.

Мужик (*переключаясь на Инженера в кепке*). Он всегда так делает. Выпьет... (*Пауза*) ...и в бутылку! В бутылку!

Инженер в кепке. Я вам сейчас... сейчас... (*Пауза*) ...По роже дам!

Мужик. А ты дай! Дай! Один уже дал такой! (*Кивает на Просто мужчину*.)

Мальчик с железной дорогой (*возвращается к Маме, протягивает бутылочку с жидкостью*). На.

Мама. Саша, Саша, что ж ты так... Дай я уберу. (*Завинчивает бутылочку и ставит ее под ноги.*)

Мальчик с железной дорогой. А что с дядей?

Мама (*имея в виду Инженера в кепке*). А что с ним? Он разве тоже хочет?

Мальчик с железной дорогой. Не с этим. С тем. (*Показывает пальцем в сторону.*)

Все смотрят в направлении, которое указал Мальчик с железной дорогой. На полу в скрюченной позе лежит Пенсионер с кроссвордом. Подтяжки на его спине перекручены. Из-под рубашки торчит майка. Правая нога подвернута под живот. Штанина, оголив икру, задралась. Лицо упирается в тапок. Очки съехали. В руке зажата брошюра с кроссвордами и сканвордами.

Парень. Так... (*Подходит к телу. Наклоняется. Трогает за плечо.*) Эй, эй... Вставайте. Холодно же... На полу...

Мужик. погоди, дай я... (*Направляется к Пенсионеру с кроссвордом, пинает его ногой. Затем склоняется над телом и переворачивает его на спину.*) У нас того... Кажется, э тот...

Инженер в кепке. Кто?

Мама. Кто там?

Баба с пакетами. Шо там такэ?

Женщина с длинными ногтями. Пётр, не тяните. Что там случилось?

Мужик (*возвращается на свое место, озирается, молчит, пыхтит и, наконец, выдавливая*). Кто, кто... Никто уже... Жмур там.

Просто мужчина. Опять вы со своими шуточками дурачками...

Мужик. Ну, ежели человек может жить с ножом в груди...

Мама (*испуганно*). Как – с ножом?

Мальчик с железной дорогой. Мама, дяди шутят?..

Просто мужчина (*подходит к телу, внимательно смотрит*). Нет, мальчик. Дяди уже не шутят.

Женщина с длинными ногтями. Доигрались! Следовало ожидать.

Баба с пакетами. Ой! Ой! Человека *вбылы!* *Вбылы!* Милиция!

Мужик. Заглухни, бабка!

Баба с пакетами (*продолжает голосить*). А-а-а! *Вбылы!* Сэр-эд *била дня вбылы!*

Просто мужчина (*замечает*). Вообще-то уже первый час ночи...

Мужик (*Бабе с пакетами*). Заткнись, говорю! А то рядом ляжешь!

Баба с пакетами замолкает, лезет в сумки, достает колбасу и нервно откусывает. Жует.

Мужик. Поминки справляешь? Не рано?

Баба с пакетами. Так *отж*, (*снова кусает*) я, как нервничаю, всэ *йим* та *йим*, *йим* та *йим*... *Сынку*, *шматочек* хочешь? (*Протягивает колбасное кольцо Мужуку*)

Мужик (*морщась*). Аппетита нет...

Мальчик с железной дорогой вздрагивает и начинает плакать.

Мужик. Пацан, кончай реветь! Будь мужиком!

Парень. Вы еще скажите — «слезами горю не поможешь», — так, чтоб совсем его успокоить.

Инженер в кепке. Что же теперь делать?

Мужик (*чешет затылок*). Чё, чё... Убийцу искать. Надо мыслить, из нас кто-то...

Просто мужчина. Дельное замечание, учитывая, что мы в замкнутом пространстве находимся...

Лейтенант. Милиция! Всем оставаться на своих местах!

Подходит, демонстрируя в развернутом виде удостоверение. Все поворачиваются в его сторону.

Баба с пакетами. Та мы и так на своих!

Мужик. О! Вот и рояль в кустах... Ты кто, боец?!

Лейтенант. Лейтенант Филимонов.

Мужчина с кейсом (*Лейтенанту*). Позвольте полюбопытствовать...

Лейтенант (*не выпуская удостоверения из рук и близко-близко поднося его к лицу Мужчины с кейсом*). Убедились? (*Быстро прячет удостоверение в карман*.) Ваши документы!

Мужик. Ты, лейтенант, успокойся. Сядь.

Лейтенант. Я не вас спрашиваю.

Мужик (*хлопает его по плечу*). Да брось ты, какие документы в наше время...

Лейтенант. Вы мне не тыкайте. Ваши документы. (*На этот раз обращается к Мужичу*)

Мужик. Ща, разбежался.

Отворачивается от Лейтенанта, но тот резким движением заламывает ему руку за спину и пригибает к сиденью.

Мужик. А! А!

Лейтенант. Я сказал — документы!

Мужик. Да отпусти ты руку! Больно же!

Лейтенант отпускает руку Мужика. Тот медленно выпрямляется, разворачивается, трет запястье, что-то бубнит под нос. Вдруг делает резкий выпад и бьет Лейтенанта в челюсть. Последний теряет равновесие и падает на пол.

Мужик (*подбегает к распластанному телу*). Лежать, с-сука! Лежать, я сказал!

Мужик вдруг яростно начинает пинать Лейтенанта ногами, к нему подскакивают мужчины, с трудом оттаскивают и усаживают на скамью. Баба с пакетами быстро дожевывает колбасу и снова лезет в сумку.

Мужик (*порываясь вскочить*). Менты! Ментяры поганые! Достали уже! Тут двести, там пятьсот... «Где ваша регистрация?! Почему не зарегистрировались?!» Сволота! Наверху от них продыху нет, так они еще в метро, как крысы! Как крысы!.. И по куску нас! По куску! Зарплата у всех копеечная, а ездят, суки, на джипах!

Инженер в кепке. Вы и его убили...

Мужик. Мало! (*Вскакивая*.) Таких расчлнять надо. Крысы!

Инженер в кепке (*раскачивается из стороны в сторону*). Это — конец. У нас теперь два трупа.

Парень (*ходит по вагону и нервно смеется, останавливается, зажимает нос руками, имитирует голос переводчика американских фильмов*). «Уорнер Бразерс» представляет: «Мертвые в метрополитене — 2».

Женщина с длинными ногтями (*Парню*). Вы с ума сошли!

Просто мужчина. Это у него нервное.

Девушка в мини начинает дико хохотать, но тотчас получает пощечину от Просто мужчины и затихает. Мужчина с кейсом и Женщина с длинными ногтями лихорадочно хватаются за мобильные телефоны, но сразу же понимают, что связь не восстановилась. Баба с пакетами почти целиком запихивает в рот бутерброд с сыром.

Тем временем Лейтенант приходит в себя. Садится на полу. Покачивается взад-вперед. Все тут же успокаиваются. Раздается возглас Парня: «Уф! Отпустило, кажется». Со своих мест подхватываются Лайфист и Мама.

Мама (*почему-то обращаясь к Женщине с длинными ногтями*). Помогите же кто-нибудь.

Женщина с длинными ногтями. Пусть мужчины... У меня — маникюр.

Инженер в кепке (*задумчиво*). Что нам жизнь человеческая... Маникюр, педикюр — это да... это — жизнь...

Подходит к Лейтенанту, вместе с Лайфистом и Мамой, усаживает его на скамью.

Мама. Вам плохо?

Лейтенант (*обводит всех затуманенным взглядом, останавливается на Мужике*). Это сопротивление представителю власти...

Мужик (*кивает на тело*). Ща компанию составишь! Представителям рая...

Лейтенант. Вот приедем...

Лайфист (*Лейтенанту*). Не злите его. У вас, кстати, в кармане пригласительный на наши курсы психологического тренинга. Со скидкой. Я вам положил, пока вы спали. Приходите. (*Пауза.*) Тоже.

Парень. Мы вас полечим...

Мама. Вы как?

Лейтенант. Вроде ничего... Голова только кружится и подташнивает...

Мужик. Это взятки наружу просятся — пережрал...

Лайфист. Не слушайте его. Негатива много. Вот если бы он на «Лайф-Лайф» пришел...

Мужик (*взрываясь*). Молчать! Молчать, урод!

Лайфист прижимается к спинке скамьи и защищается, делая руками неуклюжее движение, походящее на букву «Х».

Инженер в кепке (*Мужику*). Держите себя в руках. Вы хоть понимаете, что произошло? Вы человека убили.

Мужик (*часто моргая*). Кто? Я?!

Инженер в кепке. А то кто же? Мы все свидетели.

Мужик. Да вы чё? Зачем? Я его ваще первый раз вижу! (*Кивает в сторону трупа.*)

Инженер в кепке. Ну, вы же сами признались.

Мужик. Когда?!

Инженер в кепке. После того как лейтенанта уложили. Я же

вам сказал тогда, что вы и его убили... То есть я не знал еще, что лейтенант жив... А вы промолчали...

Мужик. Да ты чё! Я тебе не ответил, потому что мне не до того было.

Инженер в кепке. А вот странно как-то, что вы не ответили... Я бы, если бы не я убил, я бы ответил... А то как-то... навевает мысли определенные...

Лайфист (*мстительно и одновременно трусовато*). Да он это, кому же еще быть. Очень негативный человек. И лейтенанта хотел... да не получилось...

Просто мужчина. Ну, нашу власть простым хуком не вырубить... Тут в пах бить надо.

Лейтенант (*Просто мужчине*). Поговорите мне!

Лайфист. Не получилось, Пётр... Так-то...

Мужик. Я те ща «Лайф-Лайф» на одно место натяну!

Баба с пакетами (*кивая на Мужика*). **Вбывэць**, вин и е **вбывэць!**

Мужик. Да вы чё, с дуба рухнули все? Я даже не знаю, кто он!

Лейтенант. На место приедем, там разберутся, знали, не знали...

Инженер в кепке. Он это, он.

Лайфист. А вот ходил бы на психологические тренинги...

Мужик (*нервно*). Вы издеваетесь, да? Скажите, издеваетесь? Вы чё? Жмурика на меня повесить хотите? Да вы заодно все! Это – сговор! (*Подбегает к Женщине с длинными ногтями, заглядывает ей в глаза*.) Женщина, вот вы, чё, вы тоже так считаете?

Женщина с длинными ногтями (*рассматривая маникюр*). Ну, я не знаю... Но, с другой стороны... А кто, по-вашему?

Мужик (*срываясь на женский визг*). Да с чего бы мне? Я ножа с собой отроду не носил. Зачем мне этот геморрой, когда менты постоянно шмонают?! Я чё, самоубийца – нож с собой таскать?!

Лейтенант. Приедем – разберемся. Еще срок добавят. (*Направляется к трупу, приседает, щупает пульс на запястье*

и шее.)

Мужик. За что?!

Лейтенант (*отходит от трупа*). Мертвый.

Парень. Вы б ему еще искусственное дыхание сделали при таком раскладе.

Лейтенант. Ты не умничай. (*Мужику.*) За сопротивление!

Мужик. Да ты же первый начал руку мне выкручивать!

Лейтенант. Имею право. Я – представитель власти!

Мужик. Какой, на хрен, представитель! Сейчас эти ксивы на каждом углу купить можно! И ваще ты в штатском! Может, он и не легаш вовсе, чё вы ему все верите?!

Лейтенант. Еще и за оскорбление сотрудника правоохранительных органов намотают...

Мужчина с кейсом. Он документ показывал. Я видел. А нож, кстати говоря, всегда спрятать можно.

Мужик. Да мало ли чё там понаписано – в липе этой? А насчет ножа, так в чемодане – самое то его прятать. Туда даже топор влезет.

Просто мужчина. Кстати, кстати... (*Подходит к трупу.*) Рукоятка большая. Петру негде было его спрятать, а вот в дипломате...

Мужчина с кейсом (*в полной растерянности*). Да вы... вы... чего вы... Я вообще крови боюсь.

Просто мужчина. Ну можно ведь и зажмурившись...

Лейтенант (*Просто мужчине, в нетерпении*). Что вы там ходите взад-вперед? Закройте труп чем-нибудь, наконец!

Просто мужчина. Чем я его закрою?

Лейтенант. Да хоть пиджаком своим!

Просто мужчина. Решительно не буду. Он же испачкается. У вас свой есть – вот и закрывайте, если вам надо.

Лейтенант подходит к телу, демонстративно скидывает с себя пиджак и набрасывает на труп.

В этот момент Мужчина с кейсом вдруг начинает производить непонятные манипуляции с чемоданчиком: то ставит в ноги, то вновь кладет на колени, открывает и закрывает, показы-

вая содержимое присутствующим: «Видите? Тут ноутбук. Нож бы уже не влез». Некоторые склоняются, покачивают головами, кто-то говорит: «Но если сбоку, то – влез бы». После чего Мужчина с кейсом резко захлопывает кейс и прячет за спиной.

Мужчина с кейсом (*Просто мужчине*). Да не я это! Не я! Из-за вас, между прочим, драка началась! Вы ее спровоцировали! Спе-ци-аль-но!

Просто мужчина. Да я больше всех в этой драке пострадал. Мне нос разбили.

Мужчина с кейсом. Э... не... это вы так... для отвода глаз... А сами... с ним вот сговорились... (*Кивает на Мужика*.) Чтoб он якобы вас... и вы вроде как ни при чем...

Лейтенант. Это уже соучастие получается.

Просто мужчина. Ерунда какая-то... Так вы вообще до абсурда договоритесь. Будто мы вместе с ним (*показывает на Мужика*) по метрополитену ходим и пенсионеров режем.

Лейтенант. Так, может, это вы на прошлой неделе в Кузьминках?..

Просто мужчина (*не выдерживая*). Да! Я! А вечером – еще девочкой в Битцевском парке закусил. Вы не лейтенант, вы... вы!..

Лейтенант (*предупредительно поднимает указательный палец*). Внимание – статья!

Просто мужчина. А вы не при исполнении! И вообще (*озирается по сторонам в поисках жертвы*), может, это... Парень вот этот или девица. Что вы привязались ко мне?

Парень. Мне это всё игру в «мафию» напоминает...

Лейтенант (*задумчиво почесывая переносицу*). Мафия, значить... Так я и знал. То есть вы тут все в этом деле замешаны...

Парень. Вы, уважаемый Филимонов, вслушивайтесь во фразы. Игра в «мафию»... это означает именно игру, знаете, ну, как в «прятки» или «догонялки». Вам это должно быть знакомо.

Лейтенант. Не умничай, я сказал...

Парень (*с юношеским максимализмом*). А вы не тыкайте! Са-

ми же недавно на Петра обижались... *(Кивает на Мужика.)* Уважайте сограждан.

Лейтенант *(недовольно)*. Ладно, извините. Игра какая-то... что там еще за игра...

Парень *(ко всем)*. Ну, если интересно, могу рассказать.

Мужик. Валяй. Рассказывай.

Парень. Правила очень простые. Собирается группа милых приятелей и друзей. Вот почти как мы с вами. Все рассказываются вокруг уютного стола, желательно круглого, чтоб углов у него не было, а то негатив, сами понимаете... *(Лайфист, как болванчик, кивает головой.)* Выбирается ведущий, который раздает всем бумажки. Бумажки чистые. И только на одной нарисован крестик. Крестик – это и есть «мафия». При этом по правилам никто свою бумажку другим показывать не может. А дальше начинается правда жизни. Город милых, добропорядочных граждан засыпает. Ведущий говорит: «А теперь глаза открывает только „мафия“». И тот, у кого был крестик, открывает глаза – знакомится таким образом с ведущим, а потом снова закрывает. После чего ведущий мило вещает: «„Мафия“ себя показала. А теперь город добропорядочных граждан, матерей-героинь и защитников Родины, просыпается, просыпается...» Игроки распахивают очи и ударяются в поиски «мафии». Кто он, где он? Но поскольку никто не знает, кому выпала бумажка с крестиком, то выбирают кого попало. Кто-то кому-то не нравится из-за внешних данных, кто-то на кого-то не так посмотрел... А кто-то в компании просто самый говорливый и, значит, самый противный... *(Кидает беглый взгляд на Инженера в кепке.)* Слово за слово – выбор сделан. Ведущий объявляет: «Голосуем. Кто „за“? Кто „против“? Ваше последнее слово...» Встает новоиспеченный «мафиози» и начинает бить себя кулаками в грудь: «Да я, да вы что, я ж за Родину воевал», – и прочую пафосную лабуду. А остальные ему: «Ты бумажку, бумажку покажи». А он: «Да не я это, не я...» – «Как не ты? Ты. Кому еще быть? Ты вон даже кадыком нервно дернул, когда на свою бумажку смотрел». – «Я сглотнул». – «А чего это ты сглотнул?» – «Так просто. В горле пересохло». – «Что это у тебя в горле пере-

сохло, а у нас нет?.. Разворачивай давай бумажку». Ну, он разворачивает... а там, там... Там-то и пусто. Тут ведущий и говорит: «Дамы и господа, так сказать, поздравляю вас. Только что вы убили одного из своих... А сейчас, солнечные мои чикатилки, закрываем глазки и спим». Настоящая «мафия» открывает глаза и жёсткими показывает ведущему на свой выбор. Ведущий кивает и произносит: «„Мафия“ сделала свой выбор. „Добропорядочные“ Джеки-Потрошители открывают свои глазоньки и... и... — тут важно сделать паузу... — и просыпаются без Ивана Ивановича. Иван Иванович, вы у нас уже того — в веночках». Вот тут обычно и начинается самая игра. Все начинают обсуждать: «А почему Ивана Ивановича убили, кто на него зуб держал?» Некоторые перемигиваются: «Ну, мы-то знаем, Иван Иванович с женой Венедикта Соломоновича, нет, мы сказать ничего не хотим, мы просто подумали... Перемигиваемся только... Хотя, если вспомнить, то и здороваются они на людях как-то так, натянуто, что ли, будто кислоту из одной пробирки пьют...» На словах же получается следующее: «А может, это Венедикт Соломонович, а? Что это вы, Венедикт Соломонович, молчите? Вы что, не с нами? Почему не обсуждаете никого? А?..» — «Ну я так, я правила еще плохо знаю». — «Да ладно вам, вы ж в прошлый раз „мафией“ оказались...» И кто-нибудь: «Точно он! Он нас в прошлый раз всех пошел... Ну так что, вы снова „мафия“? Признавайтесь. Вы или нет? Что у вас в оправдание?» — «Я, честно говоря, не очень сегодня...» — и Венедикт Соломонович, отказываясь от последнего слова, разворачивает бумажку, в которой, как несложно догадаться, тоже дырка от бублика... Дальше опять все спят, «мафия» открывает глаза, и город новоиспеченных маньяков просыпается без Розы Арнольдovны...

Мужик. Нам тут Арнольдик тоже бумажонки какие-то впаривал... Со скидкой.

Лейтенант. Пётр, не встревайте. *(Парню.)* Ну а суть в чем? Что-то я не пойму.

Лайфист. Маму только больше не трогайте.

Парень *(Лайфисту, удивленно).* Что, попал? Попал?

Лайфист. Дважды. Меня в честь деда назвали, а мама — Роза.

Парень. Не может быть. Нет, честно?

Лайфист. Да.

Парень (*усмехаясь*). Извините, случайно.

Девушка в мини. При-и-кол!

Лейтенант. Повторяю вопрос. В чем суть?

Парень. А в том, кто же победит — «мафия» или «народ»? (Пауза.)

Инженер в кепке (*вскакивает*). Мафия, однозначно! Мафия у нас у всех давно вот тут сидит! (*Хлопает себя по шее*.) Вот как, как можно вначале всю страну до дефолта довести, а потом атомной энергетикой управлять? Уму непостижимо. Вы хоть понимаете, что у нас за управленцы? Хотя на минутку задумайтесь. Мы же все на реакторе сидим, который вот-вот... (*Подпрыгивает на сиденье, точно от взрыва, и резко встает.*)

Лейтенант (*Инженеру в кепке*). Сядь... (*Смотрит на Парня*.) Сядьте...

Инженер в кепке. Хватит уже! Насиделись! Время подниматься пришло!

Женщина с длинными ногтями. Нам еще в вагоне революционеров не хватало...

Мужик (*тихо, поглядывая на Лейтенанта*). Ща власть свергнем...

Лейтенант. Да погодите вы все... Что, фишка просто в том, кто кого... так?

Просто мужчина. Фишка игры в том, что мы готовы ближнего своего просто так... просто потому, что кому-то что-то вдруг померещилось... просто взять, и... убить!

Парень. Совершенно верно. Ведь, как правило, «мафия» почти всегда выигрывает. Потому что каждый руководствуется своими, какими-то только ему понятными умозаключениями. Кто-то до игры в «мафию» на кого-то не так зыркнул, кто-то чужую жену... что-то там... И что интересно, у так называемого добропорядочного гражданина цель, как ни странно, не просто выжить —

но убить, чтобы выжить... А для «мафии» норма — и провокатором быть, и путать всех; более того, если на него вдруг укажут, он же имеет право на последнее слово и, если у него хорошо подвешен язык, он легко может всех переубедить и перевести стрелки на кого-нибудь другого... Но поскольку каждый играет сам за себя, то сплоченной команды у игроков не получается... Вот «мафия» и убирает всех по одному... А если много играющих, и «мафии» две... То вообще нереально выжить. Поскольку один «мафиозник» другого еще и прикрывает.

Инженер в кепке. Мафия всегда одна!

Парень. Я не об этом.

Инженер в кепке. А я об этом! Об этом! У них школы с детьми взрываются, электричество постоянно вырубается, вагоны в метрополитене стоят, а они все с обложек журналов щерятся и щерятся!.. Всё починим, всё поправим...

Мужчина с кейсом (*усмехаясь*). Правильно, к дачам же энергию подвести надо...

Лейтенант. Так, а ну-ка все! Кончайте мне тут балаган устраивать! Власть им не нравится... Я, между прочим, представитель!..

Парень (*задумчиво*). Вот такая игра в «мафию»...

Все молчат. Каждый занят своими мыслями. Инженер в кепке начинает вздыхать. Баба с пакетами, будто что-то поняв, вдруг застывает над сумками, но потом продолжает движение и погружается в них с головой. Мальчик с железной дорогой ложится Маме на колени, дремлет. Мама нервно перебирает кудри сына. Просто мужчина ходит взад-вперед по вагону и приговаривает: «Да, да... да, да... мафия, мафия... По одному...» Лейтенант чешет затылок, Бомж что-то бормочет во сне, будто разговаривает с невидимым собеседником. Видимо, ему снятся кошмары. Лайфист с интересом поглядывает на Мужчину с кейсом. Тот отводит глаза.

Женщина с длинными ногтями. Гнусно это всё...

Инженер в кепке. Куда уж гнуснее! Парень дело говорит, мафия всегда выигрывает. Пока мы тут в метро... Они там наверху жируют!

Просто мужчина (*остановившись*). Вы не так поняли... Суть игры в том, что простой человек — он как раз и есть мафия... Чтоб найти настоящую мафию, надо почти всех убить... В нас в каждом убийца живет.

Инженер в кепке. Знаете, вы всех под свою гребенку... Не надо вот этого.

Просто мужчина. Да? А вы забыли, как на Петра накинлись? Вы что, видели, как он убил? Или вам померещилось, а? Парень правильно говорил — чтоб себя выгородить... Может, все-таки это вы — мафия, а?

Парень (*поправляя Просто мужчину*). Убийца, вы хотели сказать.

Просто мужчина. Да одна петрушка... Ты ж понимаешь... Я никого не обвиняю, но мы ведь правда — еще чуть-чуть, и невиновного бы обвинили... Вот просто так, потому что нам показалось...

Мужик. А ты чё его выгораживаешь, может, вы того?.. В сговоре?

Просто мужчина. Я имен их даже не знаю... (*Кивает на Мужчину с кейсом, а затем на лежащее тело*.) О чем вы говорите?..

Мужик (*хмыкая*). Ну, убийство еще не повод для знакомства...

Баба с пакетами. Так кто **вбыв**, **колы** никто нэ **вбывав**?

Мужик. Да ты, бабка, и замочила. Вон у тебя сумки какие. Там нож самое простое спрятать... Арнольд! Ко мне! Искать! Нож, сумка, сумка, нож... (*Погавкивает*.) «Лайф-Лайф»!

Лайфист (*гордо дернув головой на тонкой шее*). Не смейте со мной в таком тоне!

Мужик. А в каком бы тебе тоне, голуба моя, хотелось?.. Ладно, сбрызни... Ты острее пилочки для ногтей ничего не держал, куда тебе...

Девница в мини. Так кто старпера прихлопнул?

Парень. Начинается...

Просто мужчина. А мы все... Вы не поняли?

Мужик. Ну уж нет. Я на себя групповуху брать не буду. *(И тут его озаряет.)* Слушайте, а давайте его за окно выкинем! А то милиция, у меня регистрация опять же просрочена... *(Смотрит на Лейтенанта.)* Звоняйте, запоматовал, тут же у нас представитель как бы...

Поднимается, подходит к окну вагона, дергает вбок фрамугу.

Лейтенант. Стоять! Стоять, я сказал! Два шага назад!

Мужик *(набычившись)*. Ты чё, чё ты... Давно не чмырили?

Лейтенант. Сядьте на место! Никому никаких действий не предпринимать!

Женщина с длинными ногтями. Правда, Пётр, садитесь. Зачем нам еще сокрытие улик... Вы в своем уме?

Парень. Сокрытие улик при милиционере — это будет бомба...

Мужик. Ну, сесть я, положим, всегда успею. *(Все-таки возвращается на место.)*

Мужчина с кейсом. Давайте размышлять логически. У кого мог быть нож?

Парень. Да у кого угодно... Вот хоть у лейтенанта.

Лейтенант. Я?!

Девушка в мини *(хлопая жвачным пузырем)*. А вай нот?

Парень. Вы вроде как с нами едете. Или не с нами? Или вы в другом вагоне?

Лейтенант. В каком другом?

Парень. Правильно. Другого-то и нет... Мы же в последнем едем, а перед нами — сломанный. *(Показывает в сторону предполагаемого вагона.)* Вон, свет не горит, и внутри — никого.

Просто мужчина. Символично как всё... Мы все едем в последнем вагоне...

Парень. Да, да... За нами тоннель, а впереди — пустышка.

Лейтенант. Я и без тебя... вас... это знаю, вы к чему это?..

Парень. А к тому, что раз вы с нами ехали, то тоже причастны.

Лейтенант. Я же в драке не участвовал...

Парень. Разве?

Лейтенант. Я спал, вы что?! Я же после драки проснулся... И подошел уже только тогда, когда вы тут... труп сделали.

Женщина с длинными ногтями. То есть вместо того чтобы, как представитель власти, разнять драку, вы...

Инженер в кепке. Они всегда так: как что-то происходит, милицию не дозовешься.

Мужик. Зато они на трупы, как вороны, слетаются... Стаями.

Лейтенант (*повторяясь*). Да вы же сами знаете, я ж из конца вагона к вам подошел! После драки уже.

Парень (*пожимая плечами*). Нет, не знаем. Честно, не знаем. Я, например, могу предположить, что вы во время драки подбежали, сделали свое мокрое дело и на место вернулись — типа спите...

Лейтенант. Пацан, ты что?! Опух?! Я спал! Спал!

Мужик. Во! Власть труп проспала.

Инженер в кепке. А что вы хотите, если у нас на Красной площади...

Просто мужчина. Да погодите вы со своим политиканством! Скажите, Филимонов, это правда, что вы, как парень сказал...

Мужик (*продолжая измыываться*). Исподтишка кокнул. Негоже, негоже. Нас бы позвал, мы б подсобили кто чем.

Лейтенант (*в панике*). Да это бред! Просто бред какой-то! Вы все больные! Вы рехнулись! Я не мог отреагировать! Я спал!

Мужик. А надо было реагировать! Надо было не спать!

Лейтенант (*пятится, показывая на каждого пальцем*). Это вы, вы...

Парень (*задумчиво*). Ну это как посмотреть... Не видать вам теперь звездочек новых.

Лейтенант. Это просто мафия какая-то! Вы же сами про игру рассказывали! Вы шутите, да?

Парень. Какие уж шутки теперь, когда труп в вагоне.

Лейтенант (*бьется в истерике*). Но там же отпечатки!

Просто мужчина. Отпечатки? Вы в каком веке живете? Будет убийца в такой ситуации отпечатки свои оставлять, он что, умышленный?

Лейтенант. Вот приедем на место, там разберемся. Должно же было что-то остаться...

Все осуждающе и недобро смотрят на него, кивают головами, будто говорят: «Знаем, как же, не вы это...»

Не убивал я! Честное слово, не я это!

Мужик (*расслабившись, садится на лавку*). Так, ну убийцу мы походу нашли. Да, Арнольдик?

Лайфист делает вид, что не слышит.

Просто мужчина. Кстати, там на теле столько отпечатков... и все, между прочим, наши... А вот рукоятка ножа, думаю, чистая. Убийца же не дурак.

Мужчина с кейсом. Откуда такая уверенность?

Парень. Фильмов посмотрелся.

Просто мужчина. Это ваше поколение на сериалах и блокбастерах выросло. А я за нашей Родиной не первый год замужем. Опыт — будь здоров... Не будет там отпечатков на ноже.

Мужик. Ваще это всё на подставу какую-то смахивает. Только вот в чем — не пойму.

Женщина с длинными ногтями. Что же тут непонятного — труп на нас повесили. На всех причем.

Инженер в кепке. Мафия — это всё.

Девушка в мини (*обращается к Просто мужчине*). А если там наши отпечатки, на боди, так, мож, его почистить?

Мужик (*к Бабе с пакетами*). Пылесоса со «стиралкой» в сумке не завалилось? А? Ну ладно... жуй дальше... (*Девушке в мини*). Чем ты его чистить собралась, дура?

Парень (*зловецше*). «Тайдом»... Мы идем к вам. Белый ли у вас

саван?

Просто мужчина. Так его не отчистишь, разве что нитки какие от нашей одежды снять... или еще что-нибудь... *(Склоняется над трупом.)*

Лейтенант *(вскакивает)*. Ничего не трогать! Это улики! Не трогайте, вам говорят!

Просто мужчина. Раньше надо было думать. До драки еще.

Лейтенант. Я спал!

Просто мужчина. Вот и идите спать. Зачем людей подставляете? Вдруг рядом с телом чей-то предмет, а его обладатель к убийству никакого отношения не имеет. Мы ведь вашу братию знаем. Затаскаете потом.

Инженер в кепке. Правильно. Всю страну то сажаете, то выпускаете, то сажаете, то выпускаете! Будто мы скот какой!

Лейтенант. Не позволю!

Подбегает к телу, дорогу ему преграждает Мужик.

Мужик *(выпячивая грудь)*. Стоять, бояться!

Лейтенант несильно толкает его в грудь. Мужик хватается за руку. К Мужику присоединяются остальные. Начинается новая драка. Мужчина с кейсом бьет Лейтенанта чемоданчиком в лицо. Лейтенант падает около трупа. Его пинают ногами. Женский голос: «Вы убьете представителя власти, убьете!» Этот крик действует на всех отрезвляюще. Пассажиры впадают в ступор. Лейтенант опирается на труп, засовывает руку под пиджак, скрывающий тело, и выдергивает нож. Встает, пошатывается. С лезвия стекают кровавые капли. Лейтенант направляется к обидчикам, те разбегаются.

Баба с пакетами. Цэ вин, вин – вбывець!

Просто мужчина *(направляется к Лейтенанту)*. Бросьте нож! Не-ме-дле-нно!

Лейтенант топчется на месте, что-то для себя решает, ошалело смотрит на пассажиров и, наконец, бросает нож на пол. Бьет по нему ногой. Нож скользит по вагону, оставляя на полу неровный малиновый след, и замирает около Бомжа, который давно проснулся и копается в своем скарбе. Бомж приподнимает баул и ставит поклажу прямо на нож. Лейтенант падает на сиденье и закрывает лицо, трясется, кажется, что он плачет. Все постепенно возвращаются на свои места.

Просто мужчина (подходит к Бомжу). Поднимите, пожалуйста, сумку. У вас под ней важная улика.

Бомж. Не по-дни-му.

Просто мужчина. Это нож. Хотите в тюрьму попасть?

Бомж. Там хоть... кор-мят... *(Тычет бутылкой Просто мужчине в лицо.)* Вали отсюда. Ва-ли, я сказал!

Мужик *(кричит)*. Оставь его! На него и споем! У кого нож, тот и убийца!

Просто мужчина возвращается. Бомж продолжает меланхолично рыться в бауле. Нож из-под днища не достает. В этот момент просыпается Мальчик с железной дорогой и начинает плакать. Мама его успокаивает. Через какое-то время Мальчик с железной дорогой принимается икать.

Мама. Дайте воды... Кто-нибудь...

Баба с пакетами вытаскивает из сумки двухлитровую бутылку минералки и протягивает Маме.

Мама. Спасибо.

Мальчик с железной дорогой продолжает плакать. Мама разворачивает коробку, вытаскивает вагончики, дает сыну минералку, — тот пьет и через какое-то время затихает, играет, возит вагончики по скамье: «вжих, вжих...» Икать тем не менее

не перестает. Мужик поднимается со своего места, раскачивается – с вызовом смотрит на Лейтенанта, затем направляется к трупу. Склоняется, что-то поднимает.

Мужик. О, оторвалась. (Вскидывает руку.) Чья пуговка?

Все принимают осматривать свою одежду.

Парень (обнаружив недостающую деталь на заднем кармане джинсов). Моя.

Мужик. Иди, бери. Вещдок.

Лейтенант (не предпринимая никаких действий). Я... Я... Это статья!

Мужик (с довольным видом хлопывает его по плечу). Ты не переживай. Отпечатки пальцев у нас теперь есть. А может, и бомжара на себя грешок возьмет.

Парень подходит к Мужику и забирает пуговицу. Остальные тоже потихоньку подползают к убиенному, скидывают пиджак Лейтенанта и, стараясь не дотрагиваться до тела Пенсионера с кроссвордом, принимают снимать с его одежды кто нитку, кто ворсинку. Отчищают его штаны от следов обуви. Мужик шарит в карманах убиенного. При всех достает кошелек, раскрывает, пересчитывает деньги, со словами: «Не густо» кладет себе в карман. Мужчина с кейсом вынимает из руки трупа брошюру с кроссвордами и сканвордами, возвращается на свое место, садится около Женщины с длинными ногтями. Лайфист заботливо прикрывает тело пиджаком Лейтенанта, отходит к скамье и умиротворенно садится.

Лейтенант (чуть не плача). Что же вы... что же вы...

Мужик. Глохни уже... представитель...

Женщина с длинными ногтями (кивает в сторону трупа и обращается к Мужчине с кейсом). Пенсионера кроссворд?

Мужчина с кейсом. Да... всё равно... там уже (машет в на-

правления лежащего тела брошюрой) перевершили всё...

Лейтенант (*Мужик*). Мародер.

Мужик. Убийца!

Парень. Не зря мы в одном поезде застряли. Одни стрелочники...

Мужик. Это ты мне?

Парень. Это я нам всем. Ну вы даете... Я же пошутил. При чем здесь лейтенант?

Мужик. Ну, не... так дело не пойдет. Ты ж сам сказал, что это он.

Парень. Я только предположил, имея в виду, что это и он может быть. Вы разницу чувствуете между «может быть» и «есть»? Мы же сейчас и его чуть не убили... Из-за ерунды какой-то! Еще чуть-чуть и... у нас бы на самом деле два трупа было! Понимаете, не один, а — два!

Мужик. Не жалко. Одним ментом меньше.

Просто мужчина. Да, если вдуматься, уродство колоссальное. Мы так друг друга поубиваем всех почем зря, как в вашей «мафии».

Женщина с длинными ногтями. Уже в «нашей».

Мужик подходит к трупу, приподнимает безымянный палец правой руки убиенного, которая выглядывает из-под пиджака Лейтенанта.

Просто мужчина. Что вы там делаете?

Мужик (*напряженно*). Да кольцо обручальное. Только сейчас заметил. Ч-черт, не снимается. Как вросло прям!

Просто мужчина (*таким тоном, что Мужик отскакивает от тела*). А ну-ка, займите свое место немедленно, а то я за себя не ручаюсь! Скажите спасибо, что мы на кошелек глаза закрыли.

Мужик (*возвращаясь на место*). А чё — я? Вот он кроссворд взял. Каждому свое. Ему-то зачем теперь?

Инженер в кепке. Ну и страна! По клочку, по нитке, лишь бы

успеть. У трупа уже... Во дошли! Никого не стесняемся.

Мужик. А кого стесняться? Все ж свои.

Женщина с длинными ногтями. Да, Пётр, признаться, не ожидали мы от вас.

Мужик (*искренне*). Да зачем ему?

Просто мужчина. Затем, чтоб в гроб как человека положить.

Мужик. Да зачем ему деньги там? Тем более такие...

Женщина с длинными ногтями. Это уже не ваша забота. Он, между прочим, с нами ехал. Домой, наверное, к жене. А вы...

Инженер в кепке. Горбатого могила исправит, что ему объяснять!

Мужик. Вот только про могилу не надо! Не надо, хватит уже. Подавитесь вы своим кошельком! Натё! (*Кидает его на пол.*)

Просто мужчина. Нам чужого не надо – это ваши трофеи. И вообще, положите туда, где взяли.

Мужик (*смотрит вниз, думает, что-то решает, наконец, поднимает кошелек и запихивает в карман своих брюк*). Ну уж нет, дудки... Они мне еще пригодятся. Вам-то что... а у меня две отсидки в прошлом... и лейтенант недобитый... он-то свое веское слово вставит...

Лейтенант. Вот вы почему на меня убийство хотели повесить...

Мужик. Да пошел ты. Это пацан всё, со своей «мафией»... Запутал всех.

Парень. Это мы сами себя запутали. Только там игра, а тут...

Просто мужчина. Да... Доигрались мы. Мало того, что в застрявшем вагоне, так еще и с трупом в придачу...

Женщина с длинными ногтями. Обычно в лифтах застревают...

Парень (*недобро*). Представляю: нас всех в лифт засунуть и в «мафию» предложить поиграть... Кто бы выжил?

Мама. Хорошо хоть свет есть.

Баба с пакетами (*задумчиво*). А то бы *усих* повывали...

И тут резко гаснет свет.

Мужик. Сглазили вы, бабы! Какую нам теперь!

Парень (*на нерве, с похихикиванием и зажав нос*). «Уорнер Бразерс» представляет: «Психоделический триллер „Метрофобия“». В главных ролях: Пётр, рецидивист (*голос удаляется*), Лейтенант Филимонов в роли маньяка-убийцы пенсионеров, Игорь Сергеевич, инженер, – он же инженер человеческих душ, Арнольд – продвинутый «голубой» коучер... падшая девка в колготах... Кончай меня щипать... шучу я.

Женщина с длинными ногтями. Опять вы за свое?

Просто мужчина. Это у него нервное.

Занавес.

Антракт.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Голоса в темноте.

Мужик (*со смешком*). Эй, инженер! Это по твоей части. Вкрути лампочку.

Инженер в кепке (*серьезно*). Лампочка тут ни при чем — это на линии...

Мальчик с железной дорогой. Мама, я боюсь!

Мужик (*измываясь*). Не бойся, сынку, мы — в аду...

Мужчина с кейсом. Перестаньте изгаляться! Это же ребенок!

Женщина с длинными ногтями. Нажмите кто-нибудь на кнопку! Может, сработает в этот раз!

Инженер в кепке. Да уж, пусть сработает хоть что-нибудь...

Парень. Я уже нажимал. Без толку.

Мужик. Мало того что душно, так еще и не видно ни хрена!

Баба с пакетами. А ты виконце видкрый.

Мужик (*хмыкает*). Чё, так светлее станет?

Раздается звук отодвигающейся фрамуги.

Парень. Что дальше делать будем? Кого еще уьем?

Просто мужчина. Ждать. Что еще остается...

Парень. Может, через окна попробуем вылезти?

Лейтенант. С места преступления? Не позволю!

Мужик. А ты не увидишь...

Внезапно загорается свет. Пассажиры щурятся. Мужик стоит около приоткрытой фрамуги спиной к остальным.

Девушка в мини. О! Свет врубили!

Парень. А ты в темноте не любишь, да?

Девушка в мини вопрос игнорирует.

Просто мужчина. А где?.. Где?.. *(Начинает кашлять.)* Где труп?

Все смотрят на то место, где лежал убиенный. На полу валяется только пиджак Лейтенанта.

Баба с пакетами. Втик.

Парень. Ага. С колотой раной в груди... Я так часто делаю, зарежусь на досуге — и хожу, хожу... Думаю, зачем я это сделал... маюсь — покоя мне нет...

Лейтенант. Это как так?.. Это вы его в окно, что ли?

Мужик *(поворачиваясь).* А?

Лейтенант. Вы зачем его в окно выбросили?

Мужик *(смотрит туда, где лежал Пенсионер с кроссвордом).* Да зачем мне? Да он бы и не пролез.

Просто мужчина. А куда он мог деться?

Мужик. Не знаю, не знаю. Может, закатился куда?..

Инженер в кепке. Так поезд же не двигался. Да и куда он закатиться мог?

Парень *(юродствуя).* Сразу видно — ин-же-нер...

Мужик *(в растерянности).* Ну я не знаю, может, он сам... Я читал, так бывает... после смерти... от шока...

Парень. Где это вы такую глупость читали?

Мужик. Ну или по телику... А и в самом деле, куда он?..

Лейтенант поднимает пиджак с пола, отряхивает, надевает, затем встает на скамью, высовывается в оконный проем, смотрит вниз. Разворачивается и прыгивает.

Лейтенант. Нет там никого.

Женщина с длинными ногтями. А вы хорошо смотрели? Может, он под колеса закатился?

Несколько пассажиров подходят к окну, встают на скамью, мешая друг другу, просовывают головы во фрамугу.

Просто мужчина. Хоть глаз выколи.

Мужчина с кейсом. Да нет, привыкают глаза... вроде...

Девушка в мини (*визжит*). А-а-а! Крыса!

Мужик. Ух, жирная какая... Пшла отсюда!

Инженер в кепке. Пусто.

Неповоротливо спускается. Остальные, один за другим, следуют его примеру. Очищают сиденья от следов обуви.

Девушка в мини. Отврат полный! Крысятина!

Инженер в кепке. Не мерзее нас с вами... Так где все-таки труп?

Парень (*в своем стиле*). Отлично оттягиваемся. В «нажми кнопку» уже играли, в «убей пенсионера» – тоже, сейчас будем – в «искать труп». Мне это компьютерный квест напоминает.

Просто мужчина. Я смотрю, ты у нас по части игр большой спец.

Парень. Ага, только в этой я правил не знаю. А так вообще отличная тусня...

Лейтенант подходит к Мужу.

Лейтенант. Где труп?

Мужик (*пожав плечами и скорчив глумливую физиономию; глазки бегают*). Понятия не имею.

Лейтенант. Вы у окна стояли. Значит, вы...

Мужик (*морщит лоб – делает вид, что думает*). А, вспомнил. (*Пауза.*) Это бабка окно попросила открыть, чтоб на меня всё спихнуть. А сама взяла его и съела в темноте... Они, бабки, прожорливые очень. Жрут и жрут.

Баба с пакетами (*застывая с бутербродом*). У мэнэ нервная

почва.

Мужик. Вот она ее и удобряет... трупиками.

Лейтенант. Я серьезно.

Мужик (*разводя руками*). Не брал, на хрена мне чужое.

Лейтенант (*цедя сквозь зубы*). Ладно, разберемся. Приедем только, ты у меня попляшешь...

Лейтенант достает сигареты и надолго уходит в противоположный от Бомжа конец вагона. Открывает верхнюю фрамугу, нервно закуривает и садится.

Парень (*вслед Лейтенанту*). Нас раньше диггеры найдут, чем мы приедем! (*К остальным.*) Линять отсюда надо. Тут что-то непонятное происходит.

Мама (*Лейтенанту*). Не курите в вагоне! У меня – ребенок!

Лейтенант. Отстаньте!

Просто мужчина (*Парню*). Куда линять? А если поезд поедет? Он же раздавит всех.

Парень. А мы назад пойдем.

Лайфист. За ним же следующий идти может.

Мужик (*Лайфисту*). Откуда знаешь? В паровозики играть любишь?

Лайфист. Злой вы, негативный человек!

Мужик (*хохоча*). Ну, это, голуба моя, кому как.

Парень. Но ведь не сидеть нам тут до второго пришествия?

Проходит в угол к Бомжу, дергает последнюю дверь, та не поддается; возвращается, по пути без особой надежды рвет аварийные рычаги открытия дверей, затем останавливается около средних дверей и пытается раскрыть створки. Безрезультатно.

Просто мужчина. Стой! Не по рельсам же нам идти? Хочешь, чтоб током ударило?

Инженер в кепке. В метро током не бьет, в метро – сразу

убивает.

Парень. И правда. *(Отходит от средних дверей.)* Ну что ж, тогда будем мучиться — в «найди киллера» играть. *(Обращается к Бабе с пакетами.)* Угостите чем-нибудь, пожалуйста, очень есть хочется.

Баба с пакетами *(достает из сумки пирожок и протягивает Парню).* На, поужь трошки, сынку, замори чэрвячка.

Инженер в кепке *(медленно раскачивается из стороны в сторону, набирает темп, вдруг начинает орать).* Замори... замори... заморили... Человека убили! Че-ло-ве-ка! Вот просто так — в драке какой-то... Ехал себе, ехал, и всё... и не доехал... Нам человека, как оказалось, убить — это *(показывает на Бабу с пакетами и Парня)* что пирожок съесть! Есть человек, нет его!.. Вы «На дне» Горького читали? Так это про нас про всех! *(Бегает по вагону.)* А мы даже не на дне — мы вообще под землей. В могиле! Мы — трупы все. Это не пенсионер умер! Это мы! Мы — сдохли здесь! Сегодня! Сейчас! Я еще час назад нормальным человеком был, понимаете, я жил, как простой смертный. И только сейчас оказалось, что я умер. Что не жил я вовсе никогда, если вот так просто поддался... сломался...

Все с удивленными лицами смотрят на его хаотичные передвижения и слушают сумбурные выкрики.

Мужик. Так ты убил?

Инженер в кепке *(подбегает к нему).* Да вы не понимаете... То, как мы сейчас себя ведем... это уже неважно, кто воткнул... Понимаете — не ва-жно!.. Мы ж как стервятники, — вы вот кошелек утянули, мужчина кроссворд взял, просто так вот подошел по-житейски, как будто каждый день это делает, и взял кроссворд... у мертвого пенсионера... Парень — пуговку... да и я... хо-рош...

Парень. Вы-то что?

Инженер в кепке. А я смотрел на вас и не останавливал. Я тогда точно с душой попрощался.

Просто мужчина. Классическая интеллигентская позиция. Болтать и ничего не делать.

Парень. С душой прощаться. Рефлексовать.

Инженер в кепке (*бия себя кулаками в грудь*). Согласен с вами! Абсолютно с вами согласен! Знаете, я будто всю жизнь в вагоне ехал... ту-ту, ту-ту... А куда приехал? Куда?! Всё, нет меня! Сдох я здесь! Душу, душу потерял...

Мужик. А ты поищи. Может, и труп заодно найдешь.

Инженер в кепке (*подбегает к Мальчику с железной дорогой, берет у него один из вагончиков*). Я отдам, отдам, мальчик... Я не убегу... Мне уже некуда... Боже мой... Как это всё обыденно оказалось... А ведь не война... Вагон просто какой-то... (*Поднимает игрушку вверх.*) Каких-то несколько минут, несколько человек — и ты убийца! И кого? Пенсионера!

Мужик. Можно подумать, пенсионер — не человек, убить уже нельзя.

Парень. А был ли дедушка? Я вот уже и не уверен.

Инженер в кепке (*Парню*). Вы не шутите! Не шутите! Вы не то место для этого выбрали!

Просто мужчина. Это у него нервное.

Инженер в кепке. Вы еще не поняли, молодой человек, что произошло. Мы не пенсионера убили. Понимаете? Это мы себя зарезали. Походя, в вагоне!

Парень. Как в игре — я же говорил.

Мужик (*кивает на Инженера в кепке*). Эк его разбирает-то!

Инженер в кепке (*падает на сиденье*). Эх, люди, люди...

Возвращает Мальчику с железной дорогой игрушечный вагончик, обхватывает голову руками. Мальчик с железной дорогой пристегивает вагончик к игрушечному локомотиву и втягивает в игру Маму.

Остальные потихоньку, пряча глаза, подтягиваются к Бабе с пакетами.

Мужик. Мать, не будет пожрать чего? Оголодал я.

Баба с пакетами. *Йиж, йиж, сынку... Тоби с сыром чи з ковбасой?*

Мужик. И с тем, и с тем... И откуда у тебя столько жарчки?

Баба с пакетами. Та я ж у ресторане работаю. Со смены еду. Вы *йижтэ, йижтэ...*

Баба с пакетами угощает бутербродами и других. Все начинают жадно жевать.

Инженер в кепке (*разжав руки и подняв голову*). Даже сейчас... даже когда у нас труп... вы **едите**... никуда не **едете**, а **едите**... все, как один... Ну что вы за люди!..

Мужик (*с набитым ртом*). Так нет трупа-то... Ты чего? Нет трупа — нет проблемы. Это ж — здорово!

Инженер в кепке. О! Как это всё... Уже с ног на голову...

Женщина с длинными ногтями (*обращаясь к Инженеру в кепке*). Вы, конечно, где-то правы, но при нашей жизни, скорости, смене впечатлений... СМИ, наконец... Убийство уже не так и удивляет. Мы, в некотором смысле, даже привыкли. Смерть еще не пришла, а мы уже венки заказываем. (*Откусывает от бутерброда.*)

Инженер в кепке. Так это-то и ужасно! Для нас жизнь человеческая — пшик! Вы вот жуете, а мне кусок в горло не лезет!

Мужик. Надо себя заставлять... А то вондохлый какой, кто ж тебя на тяговую подстанцию возьмет?

Женщина с длинными ногтями (*Инженеру в кепке*). У меня просто трезвый ум и хороший аппетит. Почему я должна умирать из-за какого-то там пенсионера? Ну, убили... Да, согласна, нехорошо получилось. Страшно. Ну так ведь не я же убила, я в этом точно уверена. А милиция — она разберется. На то она и милиция. (*Кивает в конец вагона, в котором сидит нервно курящий лейтенант.*) Понимаете, в этой жизни каждому — свое...

Инженер в кепке (*открыв рот и хватая воздух, точно рыба*). Ничего себе позиция! Так и концлагеря можно оправдать.

Женщина с длинными ногтями. Знаете, никого не хочу

оскорбить, но и концлагеря порой очень даже... А то некоторые сильно в развитии отстают. Не поймешь, умерли давно или живут еще...

Инженер в кепке. Да вы фашистка! Вы с когтями!

Женщина с длинными ногтями. Нет, я просто сильный человек, в отличие от вас. И принимаю жизнь такой, какая она есть. Без ваших розовых очков и глупостей про жертв-убийц в одном лице. Всё это не ново, а выдается вами чуть ли не за озарение. Пошлость это всё – ваши образы...

Инженер в кепке. Человека убить – пошлость?!

Женщина с длинными ногтями. Не человека – убить, а кричать после убийства: «Позор мне! Как же я так пал?!» Вы же не любите жизнь, вы ее ненавидите... Если вы думаете, что это система вас довела до такого состояния, что вы, как говорили, с двумя высшими образованиями десять тысяч получаете, так, может, следует задуматься, а почему так? Почему один миллионом ворочает без какого-либо вообще образования, а другой – вот как вы...

Инженер в кепке. Потому что ворье вокруг сплошное!

Женщина с длинными ногтями (*вытирая губы платочком и обращаясь к Бабе с пакетами*). Спасибо. Очень вкусно было. (*Затем – к Инженеру в кепке.*) А я так не думаю. Я считаю, что один – сильный, а другой – слабак. И образования тут ни при чем. Вы к деньгам как относитесь?

Инженер в кепке. А как к ним еще относиться можно? Грязь это!

Женщина с длинными ногтями. Ну, я так и думала... Я вот иначе полагаю: я считаю, что деньги – это огромное счастье, это чудо, которое делает человека свободным. Более того, человек с большими деньгами, он же и других осчастливить может. Что бы вы, к примеру, сделали, если бы у вас появился миллион долларов?

Инженер в кепке (*в полном замешательстве*). Что бы... что бы... Да не знаю я, что... Ну, в начале сослуживцев бы угостил... (*Загибает мизинец.*) Жене шубу... (*Пауза.*) Не очень доро-

гую... *(Загибает безымянный палец.)* А, да! Ремонт бы обязательно сделал... У меня молдаване есть знакомые... Работящие, не пьющие, и берут недорого... А то, как вы перестроились все, лет пятнадцать к квартире не притрагивался... *(Загибает большой палец.)* «Девятку» бы купил... Тюнинг сделал, стекла затонировал... Или нет... иномарку какую-нибудь... «Daewoo», например, или «Hyundai»... *(Смотрит на оставшиеся два пальца – выбирает указательный. Застывает. Тут же прячет руку в карман.)* Остальное – в банк, под проценты...

Женщина с длинными ногтями. Не будет у вас миллиона.

Инженер в кепке. Почему это?

Женщина с длинными ногтями. Размаха нет. А если б и появился вдруг, совершенно мистическим образом, у вас миллион, то сослуживцев вы бы не угощали, а в лицо им плюнули.

Инженер в кепке. Это еще с чего бы?

Женщина с длинными ногтями. А вы их ненавидите. Вы вообще всех ненавидите. Власть, людей, деньги. Вы за маской инженера разрушителя прячете.

Инженер в кепке. Да? А вы, вы? Что бы вы сделали, если б у вас миллион был?

Женщина с длинными ногтями. А мне он не нужен.

Инженер в кепке. Всем нужен, а вам – нет?! *(Злобно.)* Ин-те-ре-снень-ко...

Женщина с длинными ногтями. А у меня уже есть.

Все перестают жевать.

Инженер в кепке. Да, да... *(С сарказмом.)* Поэтому на метро ездите...

Женщина с длинными ногтями. Да нет, конечно. Банальная ситуация просто вышла. Я у подруги задержалась на дне рождения. Выпили, разговорились... Честно говоря, не думала, что так задержусь. А водитель пораньше отпросился. Вот на метро и поехала... Лучше б, наверное, на такси. Но на такси как-то... в наше время...

Инженер в кепке (*язвительно*). Что-то слабо верится в вашу историю. Ну, и как вам метро *наше*? Не боязно?

Женщина с длинными ногтями. Терпимо. Как везде. Вы, Игорь Сергеевич, не обижайтесь. И правда, постарайтесь все-таки на вещи добрее смотреть.

Инженер в кепке (*с ненавистью смотрит на Женщину с длинными ногтями*). Мне кажется, мы не того убили...

Женщина с длинными ногтями (*высокомерно, с усмешкой*). Больше позитива!

Лайфист. Вот-вот. Позитивней надо!

Мужик. Смотрите-ка, Арнольдик проснулся... Где был, голуба? Медитировал? Чё-то мы давно нашего зайца не слышали! Может, психотренинг со скидочкой проведешь? А то мы слегка невменяемые... А, засланец наш американский?

Лайфист. Не хочу. Устал. Завтра приходите, у вас на карточке адрес есть.

Мужик. Приду я, как же. Завтра. Вот приедем, только вы меня и видели все.

Парень (*вдаль*). А завтра так никогда и не наступило...

Женщина с длинными ногтями. Перестаньте уже. Не смешно. Предлагаю всем просто расслабиться и немного отдохнуть. Андрей Викторович, что у вас там за слово не разгадывается?

Мужчина с кейсом. Да вертится на языке, а всё никак... Вот смотрите...

Женщина с длинными ногтями. Интересно...

Инженер в кепке. Очень это по-русски...

Женщина с длинными ногтями. Что – по-русски?

Инженер в кепке. Человека убить, труп спрятать, потом сидеть – кроссворды решать.

Женщина с длинными ногтями. Что вы как... как... я не знаю... как Герцен, в самом деле? Вас, что, декабристы разбудили? Вас растревожили?

Инженер в кепке. Кстати, о декабристах! Кстати, о Герцене! Да! Разбудили! Да! Растревожили! При Герцене хоть жизнь была! Литература! Театры! Искусство!

Мужчина с кейсом (*обращаясь к Женщине с длинными ногтями и расстроено опуская кроссворд*). Ну зачем вы начали... Теперь его не остановишь.

Женщина с длинными ногтями. Чем же вас современное искусство не устраивает?

Инженер в кепке. Мерзостью! Плагиатом! Халтурой! Всех купили! Всех! Литературой уже давно «Макдоналдс» правит! Да что там... Вы кого последнего читали?

Женщина с длинными ногтями. У меня нет времени на всякую бесполезную ерунду, я только «по делу» читаю... Хотя... когда-то очень Чехова любила... (*Пауза*) А сейчас что в литературе? Вы бы кого порекомендовали?

Инженер в кепке. А никого! Никого, ровным счетом! Я вот читал... всех их, всех читал... (*Делает круговое движение рукой*) Их нету. Они пишут, а их нет.

Мужчина с кейсом. Это еще как так?

Инженер в кепке. А вот так — это такие специально обученные издателями роботы, которые выдают на-гора всякую дрянь. И чем больше в книге дряни, тем выше ее тираж.

Женщина с длинными ногтями (*в усмешке*). Я так полагаю, вы и гонорары их подсчитали.

Инженер в кепке. Да, да, подсчитал. И что с того? Не в них дело. Пусть они писать научатся вначале, чтоб такие гонорары получать.

Женщина с длинными ногтями. Вы опять о деньгах. Как-то вам надо...

Инженер в кепке. Да! И о деньгах тоже! Потому что купили их всех — писателей! Я их читал, когда они только первые шаги в литературе делали. Так это на нормальные шаги похоже было, на искусство!.. Пусть тиражи небольшие, но хоть содержание вменяемое... А тут будто разом продались все! Трахаются только в романах и анашу курят! (*Обращается к остальным женщинам*.) Извините, пожалуйста...

Женщина с длинными ногтями. Ну, вообще-то писатель, как правило, окружающую действительность отображает.

Инженер в кепке. То есть солнце уже не заходит и не восходит? Пшеница не колосится?

Парень. Согласитесь, про колосья — это уже раз сто было, еще в школе.

Инженер в кепке. Ага, а вам больше всем про косяки нравится!

Парень. Ну, в общем...

Инженер в кепке. В общем, не в общем, но так не бывает. Я не против такого искусства, но это же засилье какое-то... А кино? А биеннале эти безумные с извращениями?.. Сплошь тусуются все — и хвалят друг дружку... (*Ходит по вагону гусем.*) Талантов-то настоящих — нет! Деланое это! Вы фамилии на обложках книг поменяйте, никто и не поймет, что автор другой... Потому что кругом — одни фаллосы... И критики вокруг них, обласканных издателями, увиваются и крупички истины выискивают... Нет там истин! Нет — и никогда не было! Какашки это всё, а не творчество!

Парень. Зря вы, конечно, женщина, про Герцена начали. Разбудили вы его. (*Обращается к Инженеру в кепке.*) Нормально всё читается, прикольно...

Инженер в кепке (*взрываясь*). Не «прикольно» должно быть, не «прикольно»! Когда о книге говорят — «прикольно», это значит, что книга ужасная! Книга учить должна, сердце будоражить, мозги, наконец!.. (*Пауза.*) А эти философы заморские, со своими путями-поисками?.. Я это всё у Киплинга в «Киме» еще читал, так там хоть написано было, выписано как!.. (*Поднимает указательный палец вверх.*)

Парень (*морщась*). Киплинг, кажется, «Маугли» написал...

Инженер в кепке. Это для таких, как вы, он «Маугли» написал, чтоб доходчивей... А для думающих он «Ким» написал... Что, неизвестна вам эта книга?.. А потому что — не «Макдоналдс»!

Просто мужчина. Такие, как вы, костры из книг жгут.

Инженер в кепке. А такие, как вы, в таком случае, всемирные потопаы устраивают... из макулатуры... Нельзя это продавать!

Нельзя! Плохо это! Дурно!.. Вот, девушка, скажите, вам имя Гессе говорит что-нибудь?

Девушка в мини (*жуя жвачку*). Без понтов. Чё я, лохушка какая?

Инженер в кепке. И что же?

Девушка в мини. Это кофе с мороженым. На Тверской.

Инженер в кепке (*перебивая*). Гессе – это писатель! Это не кофе! Это – «Сиддхартха»!

Девушка в мини. Чё он гонит? Глясе – это кофе. Или я попутала?

Парень. Попутала, попутала. Не парься.

Инженер в кепке (*победно*). Вот вам, пожалуйста!..

Женщина с длинными ногтями (*примириительно*). Ну, всё знать нельзя...

Инженер в кепке. Но основное-то – необходимо! Понимаете, просто жизненно необходимо... Чтобы выжить! Чтобы не «Макдоналдс»!.. А они нам своих закордонных чаек с алхимиками подсовывают... И так, знаете, по-простецки, каждую фразу разжевывая, чтоб любой даун понять мог... Что-нибудь вроде... «Наш герой вышел на край берега. Ему показалось, что птица парит в воздухе. Но это была не совсем птица. Это в небе парила его душа...» Да у Андерсена «Гадкий утенок» в сто раз больше чайкой был!

Женщина с длинными ногтями (*поправляя Инженера в кепке*). Лебедем.

Мужик. Хорошо не голубем, да, Арнольдик? (*Кидает на Лайфиста оценивающий взгляд*.)

Лайфист. Оставьте меня в покое, наконец!

Мужик (*напевая*). А я не знаю почему, а ты мне нравишься... А он мне нравится, нравится, нравится... (*Останавливается*.) Голубь по имени Арнольд...

Инженер в кепке. Да какая разница! Лебедем, не лебедем! Вы же понимаете, о чем я говорю! Нас пичкают всякой требухой, выдавая за деликатес, а мы жрем и жрем, вот как бабка!

Баба с пакетами. У мэнэ нервическое...

Инженер в кепке. Тупическое! Тупическое у нас всех! Актеров на сериалы разобрали, писателей на китайщину и японщину какую-то подсадили, художники кроме инсталляций вообще уже ничего путного сотворить не могут. «Это у вас что такое – красное в разводах?» – «Это инсталляция «Мать-Революция». – «А это что? Черное, разчувырканное?» – «Закат». Какой это, мать вашу музу, «Закат», какая «Мать-Революция»?! Это – паранойя! Чистой воды паранойя и бездарность!..

Баба с пакетами. Ты б, сынку, пойив чево-нибудь... А то кричишь, кричишь, как оглашенный!..

Женщина с длинными ногтями. И в самом деле, успокоились бы вы... Вы что, прозаик? Вас, что, романы с фаллосами писать заставляют? Сядьте, перекусите!..

Инженер в кепке. Так я только и делаю, что перекусываю!.. То книжку какого-нибудь распиаренного графомана почитаю – очередного гения от литературного стойла, то на биеннале схожу – на инсталляции попялюсь, низ с верхом поищу... То на статью маститого критика натолкнусь. И что удивительно – там, где он, критик этот доморощенный, кого-то с дерьмом смешал, там-то истинный художник и кроется, а вот там, где статья хвалебная – там миазмы сплошные... Ну, загадка!.. Страна – загадок! Королевство кривых зеркал прямо какое-то!.. А сериалы? А театр «за жисть»?.. *(Пауза.)* Всё перекусываю и перекусываю!..

Просто мужчина. Не доверяете критикам – читайте мнения обывателей в Интернете, там еще не то найдете.

Инженер в кепке *(будто его замкнуло).* ...всё перекусываю и перекусываю... перекусываю и перекусываю... А постоянно голодный!

Парень *(с усмешкой).* А вы не пережевывайте. Вы – сразу заглатывайте. Чтоб желудочный сок зря не гонять!..

Инженер в кепке. Вот вы всё шутите, а они – серьезно, между прочим. *(Вскидывает правую руку, очерчивает над кепкой круг.)* Понимаете, они с нимбами! Они с венками лавровыми! У них же словно взаправду всё... Будто это и есть жизнь – но это не жизнь, не жизнь! Я отказываюсь!

Парень (*подходит к Бабе с пакетами. Берет у нее бутерброд и огурец. Направляется к Инженеру в кепке*). Поешьте.

Инженер в кепке. Спасибо. (*Принимается жевать*.) Всё как взаправду. Всё! Как жить, как жить?!

Мужчина с кейсом (*поправляя очки*). Вообще как-то странно получается. Всё, что вы говорите, вроде правильно, а слушать вас не хочется. Почему так?..

Пауза.

Инженер в кепке. Правду никто слушать не хочет!

Просто мужчина. Слабак потому что.

Мужик. Глядите-ка, аппетит проснулся... Жрет!

Инженер в кепке. Я не жру! Я – вкушаю!

Просто мужчина. Это еще как посмотреть...

Женщина с длинными ногтями. Предлагаю все-таки вернуться к кроссворду...

Инженер в кепке. К какому кроссворду?! Мы человека убили! Где он?!

Мужик (*подходит к Инженеру в кепке, похлопывает его по плечу*). Тихо, тихо, юридивый. Всё хорошо... Нет его, и не надо... Зачем нам этот геморрой? Не было пенсионерчика, не было... Ему и так по жизни всего ничего оставалось... Всё, затихни... Не бы-ло!.. (*С этими словами разворачивается к остальным, внимательно заглядывает каждому в глаза*.) Так ведь?

Все одобрительно кивают. Мужик, удовлетворенный увиденным, возвращается на свое место.

В динамиках вагона что-то шумит, раздается скрежет, пассажиры напряженно прислушиваются. Голос машиниста: «Уважаемые пассажиры! Аварийная ситуация на линии устраняется. Убедительная просьба оставаться на своих местах. В ближайшее время поезд отправится. Приносим свои извинения за доставленные неудобства».

Тихо начинает звучать музыка.

Просто мужчина. Какой-то он подозрительно вежливый.

Мужчина с кейсом. Как не в метро прямо. И мелодия эта...

Инженер в кепке. Еще бы им не вежливыми быть... Знают ведь, что теперь по судам затаскают. Один моральный ущерб чего стоит... Впрочем, в нашей стране — это недоказуемо.

Женщина с длинными ногтями. Это если не попробовать никогда.

Мужик. Главное, объявились. Ща я им скажу, чё я о них думаю. *(Подходит к сигнальному устройству, уверенно давит на кнопку — в ответ ни звука.)* Тьфу! Ни фига. Как так?

Инженер в кепке. А как всё у нас. Связь в одну сторону. Сверху вниз.

Женщина с длинными ногтями. Ну так что, кроссворд, — или потанцуем?

Инженер в кепке. Вы в своем уме? После того, что случилось...

Мужик. Так, я не понял. Чё случилось, Игорек? Чё случилось? Мы же договорились. Так или нет? Я тя спрашиваю, Игорек. Или ты не с нами?

Инженер в кепке *(отводя глаза).* С вами, с вами...

Мужик. Ты смотри мне, порву. На кепки. А они пусть танцуют — дело молодое.

Мужик указывает на Деву в мини, которая уже вьется у поручня. Рядом с ней, в такт попсовой мелодии, перебирает ногами Парень. Просто мужчина сидит и отбивает руками ритм. Напротив него устроился вернувшийся Лейтенант, который напинает дружинника на дискотеке «застойных» времен.

Парень *(машет рукой).* Давайте разомнемся! Что вы там расцелись, как пенсионеры!

Женщина с длинными ногтями *(Парню, тоже машет).* Спасибо, мы лучше здесь загадки порешаем! Вы танцуйте!

Инженер в кепке *(в сторону).* Каждому — свое...

Женщина с длинными ногтями *(приглашающим жестом).* Ну

что ж, а нашему поколению остается кроссворд. (*Берет у Мужчины с кейсом брошюру с кроссвордами и сканвордами, читает вслух.*) По горизонтали — вид пассажирского транспорта, перспективный в условиях больших городов с насыщенным уличным движением. Отличается высокой эксплуатационной скоростью... Дальше пятно. Кровь, наверное... Пять букв.

Инженер в кепке (*задумчиво*). И там, и там пять.

Женщина с длинными ногтями. Где?

Инженер в кепке. Пятно. Кровь.

Женщина с длинными ногтями. Ну, с вами всё понятно. Пётр?..

Мужик. Поезд.

Женщина с длинными ногтями. Да ну нет, конечно. Metro это.

Инженер в кепке. Издевательство просто какое-то!

Женщина с длинными ногтями. По вертикали. Тоже пять букв. Несамостоятельное, а при оборудовании мотором — самостоятельное транспортное средство, движущееся по рельсам.

Инженер в кепке. Вагон!

Женщина с длинными ногтями. Правильно. Подходит. В нашем с вами случае, как вы понимаете, это средство самостоятельное... А вот это посложней. Девять букв. Координатор, контролирующий и регулирующий ход производственного процесса, график выполнения работ, выпуск продукции, и, как вы все, наверное, догадались, движение транспортных средств. Ну же, ну? Я вот догадалась. На «Д» начинается...

Мужик (*радостно*). Дегенерат!

Женщина с длинными ногтями (*жестко*). Нет.

Мужик. Как нет? Девять букв же?

Женщина с длинными ногтями. Это еще не значит, что оно подходит. Оно же с другими словами коррелировать должно...

Мужик. Коля... чё?

Женщина с длинными ногтями. Да ну вас... Диспетчер это. Так, пишем...

Инженер в кепке. Что это за кроссворд у вас такой? Что это

за измывательство?! Откуда вы его выкопали?!

Мужик. У пенсионера утянули. Ему уж всё равно. Не чтец. Но ежели он попросит, мы ему тут же – в момент – возвернем. Вот те крест – возвернем! Тока он уже никогда не вернется. По-нял? Не вер-не-т-ся. *(Показывает Инженеру в кепке кулак.)*

Мужчина с кейсом. И правда, странный кроссворд какой-то... *(Берет у Женщины с длинными ногтями брошюру, читает название.)* Сборник кроссвордов и сканвордов, выпущенный ко Дню Метрополитена.

Инженер в кепке. И что, там всё на одну тему?

Мужчина с кейсом *(перелистывая страницы).* Надо думать...

Инженер в кепке. Уберите его, уберите, наконец! И так тошно!..

Мужчина с кейсом *(откладывая брошюру в сторону).* Вы только успокойтесь. Вам и правда «Лайф-Лайф» бы не помешал.

Лайфист. Да, да!

Женщина с длинными ногтями. Я получше тренинг знаю. Сама иногда практикую. Хотите расскажу?

Инженер в кепке. И вы? И вы? Боже мой – кругом зомби!

Женщина с длинными ногтями. Ну так как, рассказывать?

Мужик. Валяйте, всё равно делать нечего... Бабка, попить нет чего?

Баба с пакетами. Минералочка.

Мужик. Давай. *(Берет бутылку, сосет из горлышка.)*

В этот момент к сидящим подсакивают Парень и Девица в мини.

Парень. Давайте расслабимся, нельзя же так!

Девица в мини. Оттяг! Оттяг!

Увлекают Инженера в кепке, Мужчину с кейсом и Женщину с длинными ногтями за собой. Все начинают пританцовывать. К ним присоединяются Лайфист и Просто мужчина.

Женщина с длинными ногтями (*в танце, обращается к Инженеру в кепке*). Вы послушайте, а там сами решайте. Это к «Лайф-Лайф» и прочим сектам никакого отношения не имеет. И денег платить никому не надо.

Лайфист (*подергивая тазом; недоверчиво*). Да?

Женщина с длинными ногтями. Представьте себе. Это, считайте, «Лайт-Лайф». Легкая, светлая и ясная жизнь! (*Обращается к Просто мужчине*.) Покрутите меня...

Просто мужчина (*крутит Женщину с длинными ногтями, недоверчиво замечает*). Ну, это только в мышеловке сыр бесплатным бывает.

Женщина с длинными ногтями (*вертится*). Я тоже вначале так думала. А оказывается, что мышеловка, мышь и сыр – это, по сути, лишь возможность выбора. И дело просто в том, кем вы себя считаете.

Инженер в кепке (*неуклюже переминается рядом, пытается поймать всё время ускользающую Женщину с длинными ногтями*). Человеком я себя считаю. Нормальным человеком! Читал... До сегодняшнего момента, как с вами со всеми познакомился.

Женщина с длинными ногтями (*хохочет*). Человеком-сыром или человеком-мышью?

Парень (*выделявая ногами кренделя*). Человеком-вагоном он себя считает... (*Напевает, перефразируя песню «Человек-свисток»*.) Человек-ва-гон, человек-ва-гон...

Инженер в кепке (*обиженно*). Ваш этот символизм непонятный... И вообще, я устал... Я танцевать не умею.

Парень. А, всё равно музыка кончилась. (*Плюхается на сиденье*.) Класс!

Девушка в мини. Суперски!

Женщина с длинными ногтями (*усаживается, отдувается, обращается к Инженеру в кепке*). По-моему, это вы с символизма начали. С вашими «ту-ту, ту-ту»... Уф, здорово потанцевали...

Инженер в кепке. Да, неплохо... Так что вы там про «Лайт-Лайф» говорили?

Женщина с длинными ногтями. Что? А, ну да... Вам правда

интересно?

Инженер в кепке. А что еще делать остается? *(С издевкой.)* Человека убили, пожрали, потанцевали – самое время психотренингом заняться.

Женщина с длинными ногтями *(усмехаясь)*. Сарказм ваш принимается. Ну, ладно, поскольку и вправду заняться нам нечем, то слушайте. Существует методика так называемого альфа-уровня. Я не инженер по образованию, как вы, Игорь Сергеевич, но даже мне понятны основные положения этой концепции. Суть ее в том, что мозг человека излучает и принимает определенные волны. То есть одновременно является и приемником, и передатчиком. Поверьте мне на слово, но это уже давно доказано учеными и проверено на практике. Если мы находимся в состоянии активности, т.е. на так называемом бета-уровне, мозг работает в режиме четырнадцати-двадцати герц; когда же человек засыпает или просыпается, то это – альфа-уровень, при котором мозг генерирует частоты от семи до четырнадцати герц. Далее идут другие уровни, но нас они на данном этапе интересуют меньше всего, поскольку относятся к состояниям разных фаз сна. В чем же суть альфа-уровня?

Баба с пакетами. В чем?

Женщина с длинными ногтями. А в том, что это пока единственный открытый уровень, при котором человек может сознательно программировать свое подсознание и, наоборот, брать из него нужные ему программы. *(К Бабе с пакетами.)* Я не очень запутано?

Баба с пакетами. Не... Я поняла... Как с холодильником... Ложишь, берешь, ложишь, берешь...

Женщина с длинными ногтями *(снисходительно)*. Примерно. Но попробую объяснить иначе.

Парень. На нашем уровне.

Мужик. Дай послушать.

Женщина с длинными ногтями. Я продолжаю?

Парень. Угу.

Женщина с длинными ногтями. Спасибо. Так вот. На созна-

тельном уровне мы, что называется, разъединены, как отдельно взятые вагоны. А вот все вместе на уровне подсознания — вы, Пётр, вы, Игорь Сергеевич, вы, Андрей Викторович, и я — все-все — представляем собой единое целое. Один, так сказать, поезд. А поезд — это как бы всё человечество. Только вместе со всеми нами он может двигаться и достичь пункта своего назначения.

Мужик. То есть типа если мы наляжем, так он поедет?

Женщина с длинными ногтями. Понимаете, Пётр, это — образы. Поезд, вагоны... Жизнь так устроена, что каждый едет в своем вагоне. Но движется он только вместе с поездом. Пока человек этого не понимает, он стоит на месте, именно поэтому нужно всегда думать о целом составе. О своем месте в нем... о том, что вы везете в своем вагоне... Нужны ли вы поезду? Не отцепят ли вас где-нибудь в депо за ненужностью? Но думать надо каждый день, постоянно, — будто вы подбрасываете дрова в топку. Каждый, каждый день...

Длинная пауза.

Молчание. Слова, произнесенные Женщиной с длинными ногтями, наводят всех на мрачные мысли.

Инженер в кепке снова берет у Мальчика с железной дорогой один из игрушечных вагончиков, вертит в руках, крутит колесики. Резко возвращает. Остальные, кроме Бабы с пакетами, которая занята поглощением пищи, на какой-то миг застывают. В тишине вагона слышится только шорох сумок и пакетов.

Мужик (почесывая макушку). А ведь дело! Это как про меня прям... Две ходки... семь лет в общей сложности... Вроде из тюрьги вышел... думал, по-новому заживу... вперед двигаться буду... семью, наконец, заведу... а чё семь лет назад, чё щас... стою, топчусь, а время идет себе... тик-так, тик-так... (В безнадеге машет рукой.) Ээ-х!

Инженер в кепке (вдруг вскакивая). Да не про вас это! Что вы лезете все! Про меня это! Это я всю жизнь топчусь! Женился, де-

тей нарожал, диссертации эти незащищенные... А как-то... будто на месте...

Мужчина с кейсом (*задумчиво кивает*). Да, да. Теплоизоляция... А зачем? Кому? Этим? Тем?

Просто мужчина (*хмуро*). Жена, развод, жена, — круговорот...

Парень. Я смотрю, ваш вагончик стихи повез.

Просто мужчина (*точно открыв для себя истину*). Я же холо-
стяк по натуре! Зачем я это всё?..

Женщина с длинными ногтями. Это потому, что своего поез-
да не знаете.

Парень. Ну, ведь вы тоже с нами... тут... как бы... застряли...

Женщина с длинными ногтями. Юноша, я про поезд жизни
говорю. Не про вагон, а про метрополитен! Понимаете меня?

Парень. Да понимаю я, понимаю... Только при чем здесь этот
ваш альфа-уровень?

Женщина с длинными ногтями. А потому, что он с подсозна-
нием связан. Там вы можете свои цели, свои чаяния программи-
ровать. Вы рисуете картинки, а они потом материализуются...
Человек картинками живет, которые рисует сам. Сам рисует,
и сам в них живет.

Пауза.

Баба с пакетами. Знаю, знаю... Я *колы* сильно хочу шо-то, за-
вжды *маю*. *Учора хотила* красенького крепленого, так со сва-
дьбы, шо у нас у ресторане гулялы, две сумки уволокла... Еле до-
перла...

Женщина с длинными ногтями. Не очень удачный пример,
но правильный, скажу вам. Главное — желание и картинка. По-
нимаете? Это не всем удастся — хотеть и получить, но это можно
запрограммировать. А потом эта программа в сознательный уро-
вень выплескивается, и картинка материализуется.

Инженер в кепке. Но мы же не компьютеры, в самом деле!
Что вы говорите такое?

Женщина с длинными ногтями. В том-то и дело, что компью-

теры! Именно! Только в отличие от какого-нибудь «Пентиума» у нас есть право — запрограммировать себя самим.

Мужик. А чё, это только задавая храпака можно сделать? Мне ваще слово не нравится... Альфа эта... Мурашки по коже... Будто наручники щелкают.

Женщина с длинными ногтями. Это же название только. Вы всему свои имена вольны дать. Тут главное понять, что сознание — это ваш вагон, а поезд — он в подсознании находится. Вагон может сдвинуться с места, только когда поезд движется. Вот у вас есть мечта, юноша?

Парень. Да. *(Пауза.)* Я актером хочу стать.

Женщина с длинными ногтями. И? Учитесь уже где-нибудь?

Парень. На экономическом. На втором курсе.

Женщина с длинными ногтями. Вот, юноша. Ваш вагон стоит.

Парень. С чего бы это? У меня после окончания работа будет, зарплата хорошая. Экономисты сейчас везде нужны.

Женщина с длинными ногтями. Юноша! Бросайте вы ваш экономический. Не нужен он вам. Идите в кинематограф, в театр. Вы же хотели.

Парень. Ну, не знаю. Я с отцом говорил, у него связи только на экономическом... В кино нет никого. Да и конкурс там — закупаешься.

Женщина с длинными ногтями. Юноша, не становитесь вы чужим вагоном, не надо! Это всё папа, понимаете? Это папино «хочу», не ваше! Человек создан, чтобы быть счастливым, человек создан для того, чтобы реализоваться, чтобы достичь своих целей, чтобы все его мечты сбылись, а вы стоите на месте... вы цепляете свои вагоны к чужим поездам.

Парень *(неуверенно).* Ай, да нормально всё... Никого я не цепляю.

Женщина с длинными ногтями. А надо бы цеплять. Надо бы. Поступками. Действием. Безумными выходками, наконец. Потому что в старости вы вдруг поймете, что всю жизнь простояли в депо, что всю свою жизнь только и думали, что выйдете из ремонта и встанете на новые рельсы. А нет там для вас места уже!

Нету!

Инженер в кепке. Куда я попал? Куда попал?.. Это палата для умалишенных! Что она говорит, что?! Эти вагоны какие-то, поезда, рельсы... Это... идиотизм какой-то! И что самое, самое... это... Это правда всё! Мы же не хотим двигаться, мы же все только рассуждаем о движении! А по сути-то — стоим!

Парень. Ну хорошо, брошу я экономический, а где гарантия, что...

Женщина с длинными ногтями. Вера — ваша гарантия. Желание. Вы же даже не пробовали хоть один шагок сделать. У вас картинка перед глазами неправильная. Понимаете, вы видите свой провал на конкурсе. Вы с вашим папой, который со связями, программируете в себе позицию неудачника. Вы уже сейчас... изначально обречены... Вы себя бухгалтером видите, а не актером.

Парень. Нет, ну почему... Закончу экономический, встану на ноги... и когда-нибудь...

Женщина с длинными ногтями (жестко). Не будет этого «когда-нибудь» с такой позицией. Подумайте, хорошо подумайте.

Баба с пакетами. Ну и як в эту альфу, прости Господи, входьты?

Женщина с длинными ногтями. Очень просто. Расслабьтесь, закройте глаза и то, что я буду говорить, тихо повторяйте за мной. Только глаза не открывайте.

Парень (мстительно). Типа как в «мафии»?

Лайфист. И с чего вы вообще взяли, что ваша лженаука... (Осекается.)

Мужик (показывает Лайфисту кулак). Глохни, ущербный!

Баба с пакетами (мистически, будто ей было знамение). Цэ вона, вона — вбывыця...

Мужик. Цыц! Никакая она не «вбывыця». И ваще, не было никакого трупa.

Лейтенант, Мужик, Девушка в мини, Баба с пакетами, Инженер в кепке, Просто мужчина и Парень расслабляются, закрыва-

ют глаза и хором повторяют за Женщиной с длинными ногтями. Лайфист кривится, но молчит, прочие с интересом наблюдают за происходящим.

Женщина с длинными ногтями (*мягким мелодичным голосом*). Мое тело совершенно расслаблено. Я глубоко вдыхаю, и на выдохе вижу падающие цифры. Глубокий вдох. На выдохе – три, три, три. Глубокий вдох. На выдохе – два, два, два. Глубокий вдох. На выдохе – один, один, один. Тело мое совершенно расслаблено, оно неосвязаемо. Я вижу шпалы. Я парю над ними. Я спускаюсь вниз. Я иду, считая шпалы. Я считаю их в обратном порядке. Глубокий вдох. Десять. Выдох – всё дальше и дальше. Глубокий вдох. Девять. Выдох – всё дальше и дальше. Глубокий вдох. Восемь. Выдох – всё дальше и дальше. Глубокий вдох. Семь. Выдох – всё дальше и дальше. Глубокий вдох. Шесть. Выдох – всё дальше и дальше. Глубокий вдох. Пять. Выдох – всё дальше и дальше.

Баба с пакетами заваливается на сиденье и начинает похрапывать. Женщина с длинными ногтями ее не тревожит. Остальные продолжают сидеть в расслабленных позах.

Женщина с длинными ногтями продолжает:

Глубокий вдох. Четыре. Выдох – всё дальше и дальше. Глубокий вдох. Три. Выдох – всё дальше и дальше. Глубокий вдох. Два. Выдох – всё дальше и дальше. Глубокий вдох. Один. Выдох – всё дальше и дальше... Я вижу перед собой свой вагон... (*Длинная пауза.*) А теперь войдите к себе – в вагон. Что вы видите в нем? Что бы хотели изменить? Посмотрите, подумайте... Начнем с вас, Пётр... Только негромко...

Мужик (*вполголоса*). Тут решетки везде... и нары вместо сидений... я иду... параша... тьфу, хрень какая...

Женщина с длинными ногтями. Представьте, что вы держите в руках тряпочку. А то, что вы видите, нарисовано мелом на доске. Стирайте ваш образ, Пётр, стирайте. Берите новый мелок,

другого цвета, и начинайте рисовать. Пусть то, что вы нарисуете, оживет...

Мужик (*морщится, пыхтит, крутит головой. Через минуту*). Оба-на! Пацаны... Двое... И баба... Ла-а-дная... Не, ну титьки!..

Женщина с длинными ногтями. Некоторые мысли, Пётр, лучше не высказывать вслух, пусть они останутся вашими. Любите эту женщину, любите...

Мужик. Ну дык...

Женщина с длинными ногтями. А вы, Филимонов, что в вашем вагоне?..

Лейтенант. Там решетки везде... и нары вместо сидений... а на нарах... (*Пауза.*) Пётр...

Мужик. Я те ща!..

Женщина с длинными ногтями. Пётр, успокойтесь... Сейчас мы Филимонову всё исправим. Вы, Филимонов, сотрите всё, как я рассказывала, и нарисуйте что-нибудь приятное... Можете это даже в тетрадке школьной проделать, с карандашами и ластиком... давайте я вам помогу. Пусть это будет большая такая звездочка... Внутри нее бриллиант... От звездочки идет муаровая красная лента... Звездочка непростая, звездочка – маршальская... Вы в кабинете, коньяк...

Лейтенант. И жена Петра...

Мужик. Я его ща ухайдохую! (*Вскакивает с места, но глаза тем не менее не открывает.*)

Женщина с длинными ногтями. Пётр, сядьте! Лейтенант, прекратите! Что вы его провоцируете?

Лейтенант. Что представлялось, то и программировал.

Женщина с длинными ногтями. С вами невозможно работать. Так же нельзя... Что у вас, девушка?

Девушка в мини. Прям тут, при этих ка-азлах?!

Парень (*не открывая глаз*). Тебе привыкать, что ли?

Женщина с длинными ногтями. Не будем развивать тему, хорошо?.. Что у вас, многоуважаемый наш Игорь Сергеевич?..

Инженер в кепке. Это вы мне?

Женщина с длинными ногтями. Естественно.

Инженер в кепке (*удивленным голосом*). Многоуважаемый? Ко мне никогда так не обращались...

Женщина с длинными ногтями. Ну, это от содержимого ва-шего вагона зависит... Так что у вас?

Инженер в кепке. Они визжат, а я их стегаю. Они у меня по вагону ползают, прощенья просят... А я их плетьюми, плетьюми!.. Весь вагон в крови уже... Но нет им пощады, нет!

Женщина с длинными ногтями (*с интересом*). Кто же они?

Инженер в кепке. Известно кто... Олигархи, писатели эти, ки-нозвезды... Бомонд, короче.

Парень. По-моему, это он все-таки... пенсионера...

Просто мужчина. Вряд ли... Масштаб не тот.

Женщина с длинными ногтями. Мрачно, мрачно вы себе свой вагон представляете, Игорь Сергеевич. Вы сотрите всё и представьте, будто вы журнал с вашей фотографией рассмат-риваете. «Time», например... Или еще лучше, Канны, красную дорожку, вспышки фотокамер, вы с женой, под ручку...

Инженер в кепке. А кого ж я тогда стегать буду?

Женщина с длинными ногтями. А никого стегать не надо. Поезд сам поедет.

Просто мужчина. Такой поезд никуда не поедет... (*Открыва-ет глаза*.) Я вас, женщина, понял. Все мы свои вагоны рисуем... И пока у нас с рельсами в голове непорядок — никакого движе-ния из тоннеля не будет...

Женщина с длинными ногтями. Ну, примерно... Жаль, конеч-но, что вы все...

Она не договаривает. Резко гаснет свет. Поезд начинает двигаться.

Голоса в темноте.

Девушка в мини. Поехали! Суперски!

Женщина с длинными ногтями (*победно*). Я же говорила!..

Мужик (*напевая*). «Вагончик тронется, перрон — останется»...

И тут поезд снова останавливается. Свет не загорается.

Парень. Что?! Опять?!

Инженер в кепке *(с издевкой)*. Плохо запрограммировали, надо еще раз попробовать...

Мальчик с железной дорогой. Ма-ма! Ма-ма!..

Мама. Скоро приедем, сынок.

Загорается свет.

Мальчик с железной дорогой испуганно жметя к Маме. Она гладит его по голове. Успокаивает.

Мужчина с кейсом. Что это было? Мы же вроде поехали...

Инженер в кепке. Всё у нас «вроде»... Вроде столица, а вроде – деревня... Вроде едем, а вроде – стоим...

Мужик *(вскочив с места и широко раскинув руки)*. По-здра-вля-ю вас всех! По-здра-вля-ю! *(Начинает дико гоготать.)*

Женщина с длинными ногтями. Что еще случилось?

Мужик. А вы не видите, да? Не видите? И правильно, что не видите... *(Хохочет.)*

Мужчина с кейсом. Говорите яснее, в конце концов... Что с вами, Пётр?

Мужик. Куда уж яснее... Мента-то нет. Растворился...

Инженер в кепке *(поворачивая голову туда, где сидел Лейтенант)*. Да это черт знает что... вообще... что тут... это мистика ка-кая-то!..

Парень. Шок – это по-нашему!

Девушка в мини *(надувая жвачный пузырь и хлопая по нему ладошкой)*. Опа! Сега-мега-драйф-ф-ф! Суперски исчезают!

Парень. В Москве появилась новая коллекция шапок-невидимок... Продаются в «Метро»...

Мужик. Он, наверное, за пенсионером пошел... Или альфовцы забрали... Чё, впрочем, одно и то же...

Мужчина с кейсом. Но это же... Нет, это как-то... Такого просто быть не может! Это чья-то шутка!

Мужик. Ты себя попрограммируй, попрограммируй... Предлагаю никого не искать. *(Обращается ко всем.)* Народ! Всё, всё! Стоп! Стоп-кран, говорю! Слуш меня! Трупа нет, мента нет... Чё у нас, значит, получается? А? А?.. Шевелите извилинами. Это, значит, нет ни убийства, ни сопротивления власти... Всё – чистые мы. *(Вытирает ладонь о ладонь.)* А ножичек мы сейчас выбросим. *(Направляется к храпящему Бомжу, приподнимает баул, брезгливо вытаскивает двумя пальцами за кончик лезвия нож и выбрасывает его за окно, после быстро-быстро затирает ногами остатки малинового следа, тянущегося по вагону, которые не стерли танцующие, и, довольный, садится на свое место.)* Всё! Баста!

Мужчина с кейсом. Да не бывает так! Это розыгрыш!

Инженер в кепке *(с совершенно серьезным видом).* Если это розыгрыш, и если это кто-нибудь, кроме нас с вами, видел, то это очень злой розыгрыш... Вы хоть понимаете, что мы все... мы все... души здесь наизнанку вывернули... Мы же так обнажились, что уже не оденемся никогда... Мы же теперь голые навсегда... Голые и грязные... Нам уже не отмыться! *(Застывает около одного из окон и читает вслух.)* «Места для инвалидов, лиц пожилого возраста и пассажиров с детьми». *(Бездумно повторяет.)* «Места для инвалидов... Для инвалидов...» *(Приседает, бьет себя по коленям и заходится в нездоровом смехе.)*

Со своего места поднимается Бомж, подходит к пассажирам и тычет каждому в лицо дном бутылки.

Бомж. Ну что, долбаки... Поехали?..

На его фразу никто не реагирует.

Поезд трогается и постепенно набирает обороты. «Тудум-тудум, тудум-тудум...»

Все бросаются друг к другу, обнимаются, поздравляют. Будят Бабу с пакетами, увлекают в свой круговорот Бомжа. Обнимают и его. Мужик показывает в сторону зрительного зала:

«Народ! Уже станция! Станция! Это дело надо отметить! Тут недалеко кабак есть!.. Во! Во! Вагон другого поезда!», – машет зрителям: «Эге-гей!» Девушка в мини подпрыгивает: «Суперски!» Парень: «Ур-раа!» Мужик бросается к Женщине с длинными ногтями. Сгребает в охапку, смачно целует в губы: «Это всё альфа твоей! Это ого-го!» Женщине с длинными ногтями не очень приятны его прикосновения, но она тоже счастлива, и потому старается не подавать вида. И только Инженер в кепке постоянно спрашивает: «А где труп? Труп – где? Мы же все-таки человека убили!.. Он же как бы человек был... хоть и пенсионер...» Ему отвечают чуть ли не хором: «Да это неважно! Важно, что мы из тоннеля выбрались! Вот что важно... Сейчас по домам все...» Инженер в кепке: «А как же лейтенант? Он же там, наверное, в тоннеле остался?» – «Да сам выйдет, что вы переживаете! И вообще он – мент, ментом больше, ментом меньше... Всё так здорово!» – «Но ведь человек все-таки... хоть и мент...» – «Не берите в голову! Смотрите, нас уже встречают! Видимо, и правда что-то серьезное на линии произошло. Мы, считай, герои!.. Смотрите-ка... ка... камеры!»

*Вагон останавливается, и к нему со всех сторон сбегаются люди. У одних в руках камеры, у других – микрофоны. Впереди шествует в джинсовом костюме **седой** сухопарый **человек** со смеющимися глазами.*

Мужик (широко улыбается в объектив телекамеры). Да всё пучком у нас! Не парьтесь! Поначалу, конечно, непросто было, но когда люди кругом хорошие... (Прихватывает Лайфиста, тот оказывается у него под мышкой и начинает жадно хватать ртом воздух.)

Инженер в кепке (позирует фотографам и говорит в поднесенные микрофоны). Спасибо, господа, спасибо. Хочу выразить огромную благодарность нашему правительству за оперативное разрешение чрезвычайной ситуации на линиях самого красивого метрополитена в мире.

Баба с пакетами (машет в объектив). Доньку, цэ я! Маты

твоя! Сюды казаты, да? (Тычется в микрофон.) Хочу передать привет усим своим родственникам. Леша, Миша, диду Женя, я вам гостинцев видправыла... с человеком... Там икорки четыре банки, черной, и сервелату восемь палок... (Камера продолжает снимать.) А, забула... Диду Женя, вид геморрою чаю попей, почечуйного... и осиновые листья – пид зад! Диду Женя, листья на два часа засунь, на два!.. Не больше! (Склоняется над сумками.) Пидожды, рецепт скажу!..

Остальные тоже позируют, как на фотосессии, и дают интервью.

Девушка в мини. А вы нас по TV покажете? Мы типа героини, да?

Седой мужчина. Герои, герои, девушка... Все вы героини... Примите наш поклон – от меня как режиссера и от всей съемочной группы нового реалити-шоу «Метрополитен»... Сердечно вас всех поздравляю с удивительным и незабываемым дебютом... Спасибо!

*В вагоне открываются два металлических ящика, находящиеся под обитыми дерматином скамьями. Из них поднимаются **Пенсионер** (без кроссворда) и **Лейтенант**, они выходят из вагона и направляются к собравшимся. К ним присоединяется **Бомж**.*

Щелкают затворы фотоаппаратов, глаза слепят вспышки.

«Герои» впадают в ступор. Мужик выпускает Лайфиста, тот плавно и медленно опускается на пол. Затем поднимается на четвереньки и застывает. Кажется, он вот-вот залает. Женщина с длинными ногтями нервно мнет подушечки пальцев. Девушка в мини стоит в позе «Не усекла» – ноги на ширине плеч, руки в боки, пирсинг вперед, рот открыт. Баба с пакетами, нагнувшись к поклаже, так и застывает. При этом голова чуть приподнята, а глаза косят как-то снизу вверх на Пенсионера, помятого Лейтенанта и совершенно трезвого Бомжа. Из глотки булькает: «Чур меня, чур...» Мужчина с кейсом прижи-

мает в отчаянии чемоданчик к груди, будто защищается щитом. Парень заходится в смехе. Мама придерживает Мальчика с железной дорогой за плечи, в руках у него коробка с игрой — из которой один за другим выпадают вагончики. Он пытается одновременно ловить игрушки и не выпускать коробку из рук. Инженер в кепке то снимает головной убор, то надевает. Из рта вываливаются слова: «Честь и достоинство... По судам...» Просто мужчину зациклило, он стоит напротив Пенсионера, смотрит на него и начинает делать бессмысленные движения — поправляет галстук и чешет нос, поправляет галстук и чешет нос, поправляет галстук и чешет нос... При этом, как заезженная пластинка, повторяет: «Так, так, так... Вот, значит, как... Так, так, так...»

Седой мужчина. Познакомьтесь, господа. Актеры театральной труппы «Вагонетка»¹, которые были с вами всё это время и полностью контролировали ситуацию. А здесь наш самый главный реквизит. (Показывает нож с секретом, пакетик с малиновой жидкостью, затем берет у Бомжа бутылку и поднимает ее высоко вверх.) Наша главная скрытая камера!

Мужик (первый приходит в себя). Реалити... угу... шоу... угу... На всю страну, значит... Я же чувствовал, что он липовый, мент ваш... (Тянется к бутылке Бомжа, которую держит Седой мужчина.) Дай, не балуй...

Женщина с длинными ногтями. Пётр, Пётр... не надо... не надо... я прошу вас...

Просто мужчина. Подождите. Не сходится что-то. (Все поворачиваются к нему.) Кто-то еще должен быть... Ведь драка... (Пауза.) Там же лейтенанта не было, а пенсионер с бомжом... (Пауза.) Они же просто сидели. (Начинает озираться.) Кто-то четвертый должен быть... тот, кто драку начал...

¹ Может быть использовано название театра, в котором ставится пьеса.

Парень (*хохоча*). Вы еще не поняли? Нет никакого четвертого! Это мы!.. Мы!..

Все теряют интерес к Просто мужчине и переключаются на Мужика.

Мужик. Дай, не балуй...

Седой мужчина. Извините, не могу.

Мужик. Дай, говорю. Не понтись, фраер!

Седой мужчина. Не могу.

Мужик. Дай!

Инженер в кепке. Петя, Петенька... Третий срок – дадут...

Последняя фраза явилась для Мужика катализатором.

Мужик (*рванувшись вперед*). УБЬ-ЮЮЮ!

От удара Седой мужчина падает на пол. Мужик подворачивает ногу и валится на него. Операторы продолжают снимать происходящее с разных ракурсов. Седой мужчина и Мужик крутятся по сцене волчком. При этом каждый норовит не только ударить соперника, но одновременно дотянуться до бутылки. Остальные, за исключением Мама и Мальчика с железной дорогой, которому она закрывает ладонями глаза, наваливаются на съемочную группу. Крушат камеры и лампы. Раздаются возгласы: «А вот сейчас всё будет по-настоящему!.. Это – мафия!.. Убью!..»

Поезд набирает обороты. В левом верхнем углу сцены зажигаются электронные часы, отмерявшие продолжительность спектакля. Под «Тудум-тудум, тудум-тудум» на сцену опускается полотно экрана. Кадры показывают зрителей, входящих в фойе театра, проходящих турникеты и занимающих свои места в зале. Зрителей – смотрящих спектакль.

Голос машиниста

(бархатистый и одновременно бесстрастный)

«УВАЖАЕМЫЕ ПАССАЖИРЫ!

БУДЬТЕ ОСТОРОЖНЫ, ВАС МОЖЕТ СНИМАТЬ СКРЫТАЯ КА-
МЕРА».

Занавес.

Москва, 18 – 25 июня 2006 г.

КРАСНАЯ МЕЛЬНИЦА

Пьеса в 3-х действиях

В одном из сохранившихся древних индейских мифов говорится, что когда мельница перемолола кости людей, погибших во время всемирного потопа, в муку, а боги напустили в нее крови, то получилась плоть нынешних людей.

Непроверенная информация

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Женщины:

Элеонора Ласковая — циничная женщина, давно всех нашедшая и давно всех бросившая. Седая, подкрашенная хной.

Инесса — умная женщина, бросившая кого-либо искать. Ярко-рыжая.

Магда — неглупая ищущая женщина. Жгучая брюнетка.

Виола — наивная женщина в постоянном поиске. Шатенка с оттенком.

Любочка — несчастная женщина, нашедшая не того. Пероксидная блондинка.

Почти женщины:

Роза — женщина с натяжкой. Пепельная.

Жанна — женщина с сигаретной затяжкой. Дымчатая.

Нонна — женщина в чулочных затяжках. Серая.

Даша — вообще не женщина. Мышиная.

В некотором роде мужчины:

Тулуз — мужчина не от мира сего, ищущий не там. Чернявый.

Представитель — мужчина от сего мира, нашедший всё тут.
Подкрашенный.

Следователь — мужчина между мирами, ищущий то тут, то там. Белесый.

Сценические фантомы:

Недоспившийся **поэт**.

Завязавший **кукольник**.

Пьющий **тапер**.

Спившийся **Колька**.

Непьющие **призраки** из кошмарного сна Тулуза.

Непьющие **призраки** из кошмарного сна Тулуза.

Периодически срывающийся **глава краевой администрации**.

Принципиальный трезвенник **помещик Ненашев**.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ МУЛЕН РУЖ

СЦЕНА ПЕРВАЯ КОНЬЯЧОК С ЛИМОНОМ

Сцена закрыта «тюремным» занавесом¹. На нем изображены двери камер, решетки, нары, тощие тела и протянутые руки с мисками.

Авансцена. Левая сторона.

Кабинет Следователя.

Обшарпанный стол, около него стоит небольшой сейф. На столе – уголовное дело, пепельница, графин воды с гранеными стаканами на подносе и лампа на резиновой гнущейся ножке.

*Два стула с разных сторон стола. На них – **Следователь** и **Инесса**.*

Следователь. Итак. Где все-таки ваш паспорт?

Инесса. На днях будет.

Следователь. Это как так?

Инесса. Я его в ОВИР сдала, чтобы заграничный сделали. Вот справку выдали. *(Роется в сумочке, вытаскивает бумажку, протягивает ее Следователю.)*

Следователь *(внимательно рассматривает справку; строго).*

¹ В качестве сценического решения спектакля возможны: 1) Крутящаяся сцена, разделенная на отсеки с соответствующим оформлением; 2) Легкие передвижные декорации и мебель на колесиках. **Сцены:** 1) Кабинет Следователя; 2) Гримерка танцовщиц; 3) Производственный цех Краснознаменной шерстемойной фабрики им. А. И. Деникина; 4) Кабинет Элеоноры Ласковой; 5) Спальня Магды.

А зачем вам загранпаспорт?

Инесса. Хочу за границу съездить.

Следователь. В бега собрались?

Инесса. Нет, на достопримечательности посмотреть. Тяга у меня.

Следователь. Хорошо, давайте со слов тогда. Итак, ваше имя?

Инесса. Инесса.

Следователь. Я не спрашиваю ваше сценическое имя.

Инесса. Нина Ильинична. Лялина.

Следователь. Год рождения? Месяц, число.

Инесса. Високосный — тысяча девятьсот семьдесят второй. Двадцать девятого февраля. Три года подряд молодоёму.

Следователь (*записывает*). Место рождения? Адрес проживания?

Инесса. Ну — здесь всё.

Следователь. Где?

Инесса. В городе нашем.

Следователь. Адрес?

Инесса. «Мулен Руж». Колхозная восемь. (*В сторону*.) Цифра бесконечности.

Следователь. Вы там работали, насколько я знаю.

Инесса. Совершенно верно. Вы меня должны, кстати, хорошо помнить. Вы мне еще в подвязку как-то целых десять рублей за-сунули.

Следователь (*нервно*). Не помню... Вернемся к протоколу. Колхозная восемь — это около «Белой Мельницы» какого-то купца, если не ошибаюсь?

Инесса. Помещика Ненашева. У него еще мукомольная фабрика была, которую в шерстомойную перестроили. Ну, после того, как его ухлопали.

Следователь. Ладно, это к делу не относится. Где живете?

Инесса. Исковая давность прошла?

Следователь. Где живете, я спрашиваю?

Инесса. Последнее время там и жила. Прямо в клубе. Благо

было где — помещений на целый бомжатник. Извините, конечно. Я хотела сказать — на всю администрацию края.

Следователь. А сейчас?

Инесса (*уклончиво*). Когда как.

Следователь. Иными словами, ведете асоциальный образ жизни? На какие же такие доходы вы за границу собрались?

Инесса. Помилуй бог, какой асоциальный? Ни в коем разе. Я на азотном комбинате подрабатываю. Аппаратчицей на полставки. А на поездку за годы скопила. Что до жилья, так в стране с ним перебои, должны знать: кто не успел купить, тот по углам всяким. Сами-то, небось, тоже в коммуналке мыкаетесь?

Следователь. Здесь вопросы задаю я. По национальности вы кто?

Инесса. Вот уж не знаю.

Следователь. Это как так?

Инесса. Мать — украинка, отец — белорус. Но говорят, монголы и татарва в роду еще были. Пишите — русская.

Следователь. Вероисповедание?

Инесса. Бабушка в костеле крестила.

Следователь. Партийная?

Инесса. Непременно. Могу показать. (*Достает удостоверение, кладет перед Следователем.*)

Следователь. Надо же, как и я. (*Записывает данные, возвращает удостоверение.*) И все-таки поподробней насчет проживания.

Инесса. А можно воды? В горле пересохло.

Следователь (*наливает из графина воду в стакан*). Пейте.

Инесса. Спасибо. (*Делает жадные глотки; выпивает до дна.*)

Следователь. Еще?

Инесса. Нет, пожалуй.

Следователь. Я задал вам конкретный вопрос.

Инесса. Да, да, я помню. Вышло вот как. Я закурю?

Следователь (*подвигает пепельницу*). Курите.

Инесса (*роется в сумочке*). Я, кажется, сигареты забыла.

Следователь (*раздраженно открывает ящик стола, протяги-*

вает пачку). «Яву» будете?

Инесса (вынимает из пачки сигарету). Благодарю. Прикурить можно?

Следователь свирепеет, ходит скулами, зажигает спичку, подносит Инессе, та прикуривает и томно выдувает дым. Следователь начинает нервно щелкать выключателем настольной лампы.

Инесса. А вы симпатичный. Женаты?

Следователь (жестко). Нет. (Выключает лампу.)

Инесса (проникновенно). А почему?

Следователь. Не знаю, не родилась та.

Инесса. Не переживайте. Родится еще. Вам сколько? Тридцать?

Следователь. Я так плохо выгляжу?

Инесса. Усталый вид очень.

Следователь. Нет мне тридцати. И жены нет.

Инесса. О, родится еще. Поверьте.

Следователь. Не знаю. Не уверен.

Инесса. Я прошу прощения, вас как? Забыла.

Следователь. Эдуард. Эдуард Михайлович.

Инесса. Эдик. Красиво. (Легким движением руки стряхивает пепел.) Вы вообще знаете, что ваше имя значит?

Следователь. Никогда этим не интересовался. У меня дел по горло.

Инесса. А зря. Ваше имя о многом говорит. Ведь Эдуард буквально означает «страж богатства, достатка и любви».

Следователь. Вы филологический заканчивали?

Инесса. Нет, читаю просто много. Делать-то в городе больше нечего. А так – Пэ-Тэ-У, мой милый. Пэ-Тэ-У. Где ты у нас, Эдик, в городе университеты видел?

Следователь. Я пишу?

Инесса. Пиши. Малярно-штукатурная специализация. Ничего, что на ты?

Следователь. Ничего... Кстати, кстати... *(Вскидывает голову, смотрит на потолок.)*

Инесса. Протекает?

Следователь. Периодически.

Инесса *(задумчиво)*. Знакомо. Вообще у нас в городе всё как-то периодически. Не заметил? То евроремонты, то котлованы.

Следователь. Ладно, неважно. Вы так и не ответили на мой вопрос. Где все-таки проживаете?

Инесса. Позавчера на комбинат переехала.

Следователь. Ордена Почёта?

Инесса. Да, на Колчаковский. Азотный. Я же говорила, что работаю там.

Следователь. Пишу, прописана по месту работы. Стоп. Не понял, как вы на азотном аппаратчицей работаете, если малярный заканчивали? Не вяжется тут. Вот если б химтех.

Инесса *(наклоняясь вперед)*. Ты в какой стране живешь, Эдик? У нас спортсмены и певцы в Думе... Эдик, ты по гороскопу вообще кто?

Следователь. Телец. Не мешайте, Нина Ильинична.

Инесса. Можно просто – Инесса. И на ты. *(Тушит сигарету в пепельнице; в сторону)* Унылое говно, значит. Ни разу не новатор.

Следователь. Что?!

Инесса. А?! Я говорю, знак очень хороший. Гитлер, Ленин, Хусейн. Замечательно. Революционеры... Далеко пойдешь.

Следователь. Вам что-то в Тельцах не нравится, Нина Ильинична?

Инесса. Инесса. Мы же договорились.

Следователь. Что там с Тельцами не так?

Инесса. Всё так. Один из двенадцати знаков зодиака.

Следователь. Нина... Инесса... Я это знаю... Что вы сказать этим хотите?

Инесса. Ну, просто я тут одного вспомнила. Тебе, Эдик, неинтересно будет.

Следователь. Мне всё интересно.

Инесса. Ты уверен?

Следователь. Абсолютно.

Инесса (*подмигивая*). А рюмочки у тебя не будет?

Следователь. Инесса!

Инесса. Я слышала, в органах вроде приветствуется.

Следователь (*укоризненно*). Инесса, Инесса... Впрочем, ладно, по чуть-чуть можно. Дверь только закрою. (*Встает, направляется за занавес, возвращается, подходит к сейфу, открывает его, погружается с головой внутрь, мычит.*) Шоколад будете?

Инесса. Не откажусь. Но лучше жидкий и сорокоградусный.

Следователь распрямляется. В руках у него початая бутылка коньяка, шоколад, порезанный лимон на блюде и две рюмки.

Инесса. О! Коньячок с лимоном. Гостеприимно допрашиваешь.

Следователь расставляет всё на столе и закрывает уголовное дело. Разливает коньяк по рюмкам.

Инесса. Ну что, за приятное знакомство?

Следователь. Принято. Приятно.

Инесса. На брудершафт, может?

Следователь. Не принято.

Чокаются. Выпивают. Инесса отламывает кусочек шоколада. Следователь занюхивает лимоном.

Следователь (*вновь открывает дело*). Ну что там у вас?

Инесса (*кладет ладонь ему на руку*). Эдик, мы же на ты. И хватит нервничать. Вон какой взвинченный. Давай я так расскажу. Без протокола. Русским по белому.

Следователь. Так нельзя. Я выборочно запишу. Что там с Тельцами?

Инесса. Ох, труба с ними, труба. Эдик, нельзя быть таким за-

крытым.

Следователь. Я не закрытый, я – сложный. (*Снова разливает по рюмкам; пауза.*) Ну, так и быть, не для протокола. Давай, Инесс, за Тельцов! (*Оба выпивают.*)

Инесса (*откусывает лимончик*). Тут такое дело, Эдик. Неуголовное. Слушай. Лет пять тому назад был у меня мальчонка. Ну как мальчонка – тридцать ему уже стукнуло. Пил безбожно. Поэт. Реальный. Так пил, так писал. Я от его талантов слезами исходила. Три дня пишет, пять – в запое. Уж и кодировали мы его, и ампулы вшивали. Безбожно всё выходило. На время поможет, а потом опять, вилкой в зад, выковыряет всё, и снова – лирика, оды, запой. И что меня в нем всегда удивляло – альтруист. Рубаху за ближнего порвет: волосья той же вилкой из груди повыдергивает. И в то же время поразительная жадность в нем была. По ларькам до последнего пульса будет ходить, пока сигареты на десять копеек дешевле не купит. А потом – хлоп! – если деньги есть – коньяк самый дорогой, букеты роз, подарки мне.

Следователь. Инесса... Нина Ильинична... Вы... Ты... К чему? Что за ахиней?

Инесса. Так Телец он был. В этом прикол.

Следователь. Ну, это тут при чем? Что, Тельцы только злоупотребляют?

Инесса. Я не знаю, кто как. Но ведь из опыта исхожу. Вечером домой приду, а он с вилкой меня в коридоре встречает. Я говорю: Жень, что ж ты опять? Ты б с ножом. А он мне: Нелли, не могу я так больше. Оды прут. А ножом не поддевается. Вот так и прожили с ним. С одами его.

Следователь. Какая Нелли?

Инесса. Я тогда Нелли была.

Следователь. Ты же Нина.

Инесса. А, неважно. Были времена – были имена. И вот вилка эта. Глаза безумные. Оды. И всё в рифму. Страшно, короче. Главное, у него жизнь в рифму пошла. Как он это соединял всё – не понимаю. Стихи, вилка, ампулы. И всё, Эдик, знаешь, по-честному так. Будто душу наизнанку. Телец, короче.

Следователь. А унылость-то тут где?

Инесса. Так в этом-то и унылость! Ты не понимаешь, Эдик! Тут ведь в чем беда. Он волком в одах воеет, на звезды зубы скалит, глаза у самого высвертью, а потом в туалете запрется под утро и так жалобно: «мяу-мяу». Описывался, бывало.

Следователь. Помер, телок твой?

Инесса. Зачем? Расстались мы в итоге.

Следователь. Ну и где он сейчас?

Инесса. Как где? Я же о батюшке нашем, что на Ленинском проспекте, рассказываю.

Следователь (*сильно кашляя в кулак*). Это отец Владимир, что ли?

Инесса. Ну так а кто? А в миру – Женёк. Вот ведь как ему знак зодиака мозг перекрутил. По спинке постучать?

Следователь. Не надо. (*Откашлявшись, задумчиво.*) Ну не знаю, писать это в протокол или нет. Ты, Инесса, как считаешь?

Инесса. Понятия не имею, вам, следователям, видней. Можно еще сигаретку?

Следователь. Конечно. То есть он живой остался?

Инесса (*прикуривая*). Ну, на Ленинском – живет всех живых.

Следователь. Правильно ли я тебя понял, что то, чем я сейчас занимаюсь, это как бы... ну, плохо кончится?

Инесса (*выдувая дым*). Так, а я о чем? В этом-то и унылость, Эдик. От поэта до попа один шаг. Итог известный – вилка, посох.

Следователь. Но я-то следователь.

Инесса (*жестко, припечатывая*). Тюрьма.

Следователь. Думаешь?.. Может, по маленькой?

Инесса. А давай! Ведь еще одиннадцать знаков зодиака осталось. Ты, кстати, не смотрел последнюю трактовку «Двенадцать» Андерсена по телику?

Следователь. Инесс, давай по делу все-таки?

Инесса. Так я по делу. У нас хозяйка «Мулен Ружа» – Скорпион.

Следователь. Та самая? Элеонора Ласковая? Мамка с тётка-

ми?

Инесса (*чокаясь со Следователем и выпивая*). Она. Ну ты же знаешь, что переспрашиваешь? Лимончик подай. И не с тётками, Эдик. (*Нежно поглаживает его по руке.*) С дамами. Забудь ты свой следовательский жаргон. Тётки на шоссе, а дамы – танцуют канкан.

Следователь (*не отдергивая руки*). Инесс, ты хоть понимаешь, что преступление произошло? Я тебя не о по~~па~~х и гороскопах вызвал поговорить, а на допрос. Пойми, пока что ты только свидетель. Но всё может очень быстро перемениться. (*Убирает руку.*) Так будешь рассказывать? Или мне тебе свой канкан устроить?

Инесса. Следовательский? Начнешь ножку пистолетиком задирать? (*Смеется, включает лампу на столе, направляет свет в лицо Следователю.*) Ладно, не обижайся. (*Выключает свет.*) Ты вон наливай лучше. Так разговор лучше тянется. Ну, как женский чулок с подвязкой. Не помнишь? Жаль... Короче, расскажу тебе как на духу, ну как если бы всё в храме на Ленинском происходило. О многом могу, конечно, только догадываться, но не обессудь, бабы мы такие – у нас действительность часто с фантазиями путается... Ты налил? Давай тогда, знаешь что, за твои новые звездочки. Или у вас лычки? Я в этом, честно говоря, не очень разбираюсь. В серьгах – да. А в ваших этих украшениях слабовато. (*Неожиданно наклоняется к Следователю через весь стол, тихо.*) Эдик, Эдик. Послушай сюда. Хороший ты человек, видимо. Глаза у тебя красивые. Должен понять меня. (*Плавно откидывается на спинку стула.*) Значит, так. Слушай. Внимательно...

Затемнение.

Слышатся затихающие такты канкана.

Занавес поднимается.

СЦЕНА ВТОРАЯ
ДЕВОЧКИ И КОЛГОТОЧКИ

Гримерка танцовщиц.

На сцене стоят несколько трюмо, стульев, балетный станок, шкаф и расписанная драконами китайская ширма.

На заднике изображен фабричный город с маковками церквей и трубами заводов. В центре его возвышается выкрашенная в красный цвет мельница с надписью «MOULIN ROUGE» и светящимися вращающимися лопастями.

***Инесса, Магда, Виола, Любочка** прихорашиваются у трюмо. На танцовщицах яркие платья, но без плюмажей и «канканной искры».*

*Позже в гримерке появляется **Элеонора Ласковая**.*

Виола. А я смотрю на них. А они никакие. В первых рядах этих. Вусмерть. И так мне тошно, а ножку пожалуйста поднимать. А у меня целлюлит, сын в круглосуточных. Вижу раз в неделю... Мне не до ног... Я, прикиньте, с мужиком не спала, наверное, год. Я б уже в подворотне дала кому-нибудь, честное слово.

Магда. Что ж не даешь?

Виола. Так не берет никто. Я разревусь сейчас. Мне и жизни-то всего ничего осталось.

Все. Почему это?

Виола. У меня опухоль в груди.

Магда. А ты к врачу ходила?

Виола. Боюсь. А вдруг и в самом деле рак, что я тогда делать буду?

Магда. Ну вообще, в таком вопросе себе диагноз не ставят.

Виола. А я вот поставила. Рак это! А я никому не нужна! Вот, потрогай!

Магда аккуратно трогает Виолу за левую грудь.

Магда. Ну и нет вроде ничего. Какая опухоль? Что ты выдумываешь?

Виола. А я говорю, рак у меня.

Инесса. Пятой стадии. Психоз у тебя, Вилка, на сексуальной почве.

Виола. Нет, рак! *(Пытается заплакать.)*

Магда. Не реви.

Виола. Никому я уже не нужна!

Магда. Нужна. Успокойся. А мужики на целлюлит не обращают внимания. Про рак им лучше не говори.

Виола. Магда! Я не могу так больше!

Магда. Борщ варить хочешь?

Виола. И борщ, да! И борщ. И чтоб перегаром от него несло.

Магда. От борща?

Виола. От мужика. И чтоб бил меня. Вот! Я любить хочу!

Любочка. Вилка, ты какая-то на всю башку треснутая. Хочешь, мы тебя с Магдой побьем?

Виола. Любка, ну ты, блин, как... Ведь мужик — это же знаешь что...

Любочка. Уж я-то знаю. Своего лет десять не могу из квартиры выпихнуть. Перегаром ты, Вилка, не дышала. Каждодневым. Я уж супы лет пять не варю. Некому. Призрак по квартире только ходит какой-то. Я про секс, кстати, тоже забыла давно... Это даже не «Доширак» уже, а ты говоришь борщ.

Инесса. Ну и гнала бы.

Любочка. Так муж вроде. Да и люблю как бы.

Виола. Вот. И мне нужно. Пусть хоть призрак, но мой.

Инесса. Вы что, девки, такое несете? Магд, подтяни корсет...

Магда затягивает корсет Инессе.

Инесса. Я вам вообще так, бабы, скажу, не нужны нам мужики. Так, на раз, это нормально. Но лично я их дальше кровати давно не пускаю. Сделал дело — гуляй смело. А то начинается: носки ему постирай, рубашку погладь, на пиво выдели. Там не так догладила, тут, видите ли, недокормила, здесь недодала. Пошли они в одно место.

Виола. Тебе хорошо говорить. Вон они вокруг тебя стаями вьются. А мне б одного.

Инесса. Вьются-перевьются. И не стаями, а стадами. Бараны. Мне и одного не надо. Я сама по себе. Нажралась я, девки, этой радости по самые гланды.

Магда (Инессе). Так не жмет? Узелок завяжется, узелок развяжется.

Инесса. Спасибо, Магдуль. Нормально, вроде. Давай, Вилка, три сопли, пудри нос. Нам на сцену скоро. А то сейчас выбежит наша мегера со своим: «Девоньки, девоньки побежали». Не забалуем.

Магда (Виоле). Да и не переживай ты так в самом деле — у меня тоже целлюлит. В чулках не видно.

В гримерную врывается Элеонора Ласковая.

Элеонора Ласковая. Это что такое, шалавы, было?! Вы что там за вертеп устроили? У нас «Мулен Руж», а не скотный двор!

Инесса. Вы, Элеонора, начитанная. Завидую.

Элеонора Ласковая. Я начитанная?

Магда. Это комплимент вообще-то был.

Элеонора Ласковая. Не сбивайте меня. Я вас, подзаборных, откуда вытащила? Вы что там устроили?

Любочка. Мы ноги задирали. Как всегда.

Элеонора Ласковая. Кто так задирает? Ну-ка покажи ляжки немедленно! Это не ляжки, это — синяки с бляшками. Где чулки?

Любочка. Элеонора Ивановна, так ведь на днях еще порвалась. Вы забыли? Вы нам китайские дали. А они на один раз.

Элеонора Ласковая. Это ты на один раз! Сложно дуре колготню купить?

Инесса. Знаете что, Элеонора...

Элеонора Ласковая. Что? У тебя почему тушь на сцене потекла?

Инесса. Что дали, то и намазала, а на Любочку кричать нечего. Вы когда последний раз с нами рассчитывались?

Элеонора Ласковая. Когда надо! Нет денег сейчас! Не наработали!

Инесса. Ну раз не наработали, так какая колготня тогда? Что есть, то и носим. В основном кожу. Элеонора, что вы вызверились? Нормально ж сплясали. Мужики в восторге.

Элеонора Ласковая. Вот именно что сплясали! Халабуду какую-то. У одной тушь течет, у другой ноги в рытвинах. Где растяжка? Где кураж?

Любочка. Ну, согласна... Ну не смогла я сегодня. Устала.

Элеонора Ласковая. А ты смоги, смоги. Больше двигаться надо. Вон, как Вилка, будто каждому мужику дает.

Виола. Вы как скажете...

Элеонора Ласковая. А что говорить, всё как есть. Одна за всех, молодчина. Попой крутила, ноги шпагатом. А ход?! А стать?! А поступь?! Чистая кобыла! Умница! Но остальные! Где вы этого набрались?

Инесса. Откуда подобрали, там и набрались.

Элеонора Ласковая. Ты не ехидничай, стрекоза, не настрокозила еще стрекозят, чтобы стрекозить.

Инесса. Я с вами вообще никого не настрокожу.

Элеонора Ласковая. И не настрокозишь. Тьфу, привязалось! Короче, бабы, еще один такой финт, и все обратно. На комбинаты и фабрики – на государство панельничать. Понятно?

Магда. Там хоть платят.

Элеонора Ласковая. Вот и вали отсюда! Не очень-то и надо! Тоже мне фея – в штанах у Орфея.

Инесса. Вы и правда начитанная.

Магда. Успокойтесь, Элеонора Ивановна. Успокойтесь. Давайте по существу. А на что нам тряпки покупать? Денег-то нет.

Виола. Да, Элеонора Ивановна. Я за комнату уже два месяца не платила. Меня выгонят скоро.

Элеонора Ласковая (*топает ногами*). Не называйте меня по отчеству! Сколько лет прошу! Всё вам об стену горох! Я – Ласковая!

Инесса. Это видно.

Элеонора Ласковая. Что тебе видно?

Инесса. Ну так... видно, и всё.

Любочка. Элеонора... Ласковая... Но ведь правда... У меня вот муж. Хороший. Любит меня. А денег в семье нет.

Элеонора Ласковая. Это так он тебя любит?! Как синюю птицу, что на прилавках?

Инесса. Вот за что вас уважаю, Элеонора вы наша Ласковая, так это за грамотность.

Элеонора Ласковая. Не поняла?

Инесса. Ну, грамотно вы нас песочите. С выходом в литературу. Я бы сказала — одна нога здесь, другая — полетом в искусство. Заслушаться можно. Чистый «Мулен Руж».

Элеонора Ласковая *(ко всем)*. Что она трещит?

Магда *(подмигивая Инессе)*. Стрекоза, что с нее возьмешь. Крылья расправляет.

Элеонора Ласковая. Я ей расправлю крылья! Оштрафую за тушь, узнает у меня.

Инесса. Интересно, как можно оштрафовать без выплаты зарплаты?

Элеонора Ласковая. Влегкую! В минус!

Инесса. Элеонора... Я вообще-то ведущая лошадь. Вы кого вместо меня запряжете?

Элеонора Ласковая. Кого надо, того и запрягу. Вот Вилку хотя бы. Как она сегодня копытцем-то выстукивала. Загляденье!

Инесса *(подмигивая Магде)*. И гривой в небо, и ноздрями — в звезды.

Магда. Нет у нас неба. Потолок один.

Инесса. Ага. Освежающий.

Элеонора Ласковая. Вы, оторвы, кончайте меня заговаривать. Потолок протекает, потому что урод ваш, карлик этот доморощенный, ничего делать не хочет. Сколько раз ему говорила, залатай крышу наконец. А он хреначит только одеколон свой сутками и мазюльками стены изрисовывает.

Виола. Это не мазюльки. Тулуз прекрасные картины пишет.

Элеонора Ласковая. Это в безумии он Тулуз, а по жизни —

Тимофейка. Держу из жалости.

Инесса. Вы еще и благотворительница.

Элеонора Ласковая. Я ласковая просто.

Магда. Отпустили б вы нас, Элеонора. Ласковая. Мне еще на фабрику успеть. Сегодня моя смена.

Элеонора Ласковая. Твоя фабрика – здесь! А там так – хобби. Дань государству. Барщина, оброк. Короче, слушайте. Не будет ног – не будет денег. (*Инессе.*) Тушь чтоб купила. (*Любочке.*) С тебя колготня. (*Магде.*) Ты растягивайся. Бери пример с Вилки. И вот еще что... Я – Ласковая, а у нас – «Мулен Руж». Ясно?!

Магда. Да, конечно. Руж. Только пенсия мне от фабрики пойдет.

Элеонора Ласковая. А на пенсии ты уже никому не нужна будешь! Работаем, девочки! Ра-бо-та-ем! Последний выход – и свободны! На западном фронте без перемен! (*Идет к выходу.*)

Инесса (*вслед*). Сексус! Плексус! Нексус!

Элеонора Ласковая (*разворачивается*). А?

Инесса. Я говорю, будем стараться! Без перемен!

Элеонора Ласковая *выходит.*

Инесса (*к остальным.*) Она вообще колготки от чулок отличает?

Затемнение.

Опускается «фабричный» занавес с изображенным на нем оборудованием производственного цеха Краснознаменной шерстомойной фабрики им. А. И. Деникина.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ
МАГДА / ТУЛУЗ

Авансцена.

Производственный цех Краснознаменной шерстомойной фабрики им. А. И. Деникина.

Магда и Тулуз.

Магда *(в бесформенном сером халате, в руках у нее швабра с тряпкой; она моет полы и разговаривает сама с собой).* Как же меня это всё достало! Чтобы ничего, ничего в жизни... Мне скоро... Боже, даже про себя произнести не могу, сколько мне... нет, лучше не вслух — с ума сойду... Господи, как же пусто-то! Сплошная дыра в душе. Даже не дыра, а ведро ржавое. С водой мыльной. Только тряпку туда макать! И выкручивать ее, выкручивать. От грязи этой. Как же грязно-то! Не вышла, не родила... чёрт, даже стиралку до сих пор не купила. Даже телевизор до сих пор ламповый... Вот что у меня есть? *(Застывает.)* Ни-че-го. Ни-ко-го. Только хоронила всех и хоронила, хоронила и хоронила... Родителей не состарившихся, детей не родившихся, любовников не дозревших... *(Моет полы.)* А если б не хоронила, с другой стороны? *(Вскидывает голову.)* Что бы сейчас имела? Стариков с пенсиями на лекарства? Детей на азотном комбинате, в ноль унюханных? Трясущихся любовников с проданным кинескопом?.. *(Остервенело срывает тряпку со швабры, окунает ее в воду; вытаскивает, крепко выжимает, приподнимает на уровень глаз, разговаривает с тряпкой.)* Вот ответь мне? Оно мне это всё надо? В мои за тридцать? К моим сорока? Что имеешь, что не имеешь. И так плохо, и так злокачественно. Вытащишь из ведра, отожмешь нас — серые и влажные, а опустишь — черные и мокрые. Один хрен получается. Как ни выкручивай. *(Бросает тряпку на пол, заворачивает на щетке, рьяно водит шваброй.)* А Элка эта — карга старая! Маши ей ногами — растягивайся. *(Прекращает мыть, разворачивается в сторону предполагаемой двери, кричит.)* А у меня до сих пор денег на духи французские нет! На помаду нормальную! Сумочку! На лифчик наконец! С чашечками!

Мягкими! А не с нашими алюминиевыми мисками! Дура я! И зачем я в этот «Мулен Руж» своими резинками подвязалась, зачем я повелась на эту авантюру дурацкую?! *(Моем полы, бубнит под нос.)* Тоже мне, купилась, идиотка, на быстрые деньги, а их как не было, так и нет... Думала, встречу там кого приличного... Уеду... Заезжают ведь иногда... *(Распрямляется, кричит в сторону предполагаемой двери.)* Между прочим, я не мельница, чтоб лопастями крутить, я — Женщина! Я в партере хочу сидеть!.. *(Снова моем полы.)* А красные белогвардейцы эти? Азотники и шерстомойщики? Ворошилов их с Тухачевским, видите ли, перестали устраивать, им теперь — Деникина с Колчаком подавай. У них что, азота больше от этого стало? Шерсть гуще расти начала?.. Вот интересно, у меня от них теперь какая пенсия будет?.. И вот не интересно вовсе. Потому что не доживет никто, а кто доживет — тот еще жалеть будет, что раньше не сдох... да пошло оно всё... к едрене... *(Опирается на швабру. В зал.)* И эти, блин, овцы, из европ и америк своих понаедут на туристических автобусах... в паричках и бусиках, с сумочками через сморщенную ручку... а за ними пердуны в замшевых пиджачках, мокалинах и цифровых аппаратах... шась-шась... Сладенькие все, как пирожные, глаза во! — чисто желе на блюде. И плещутся, по тарелке, плещутся. Безумцы. Никаких мыслей. Как коровы на пастбище. Жуют и церкви наши щелкают. Ээ бест! Вандерфул! Найс! Утопила бы! В азотной кислоте! Шерстяной бы нитью придушила!.. Что вам вообще дались наши церкви? Сплошные сараи с куполами. Лучше б в «Мулен Руж» хоть раз зашли. Нет, стороной все. Я туда зачем пошла? Ляжками трясти? Из любви к искусству, может?.. Еще батюшка этот на днях устроил... мол, блудница я... да ты на себя посмотри, морда небритая, где ты таких слов понахвтался! Давно из своей алкоголической поэзии выбрался?! Мне Инесска всё про тебя рассказывала. И про оды твои на звезды, и про «мяу-мяу»... Где ты блуд вообще такой видел, чтоб я — актриса, со студийным районным образованием, можно сказать, почти самородок, ночью тут шваброй всё драила, а вечерами ноги нарастяг корячила? Ты крест бы поберег для целей эмиграции в автобусы... к пари-

кам... козлина такой... Боже, как же так? Ну почему одним фотоаппараты, а другим засвеченные пленки? Вроде не дура. А вся жизнь нарастяг пошла... (*Смотрит на руки.*) Сволочи, даже резиновых перчаток не дали. Намывай им шерсть тут. Глядишь, золотое руно намоешь. Чёрт бы вас всех побрал! Не свою жизнь я прожила, не свою... Работать, Магдочка, работать! (*Молча моет полы.*)

В производственном цехе появляется неопределенного возраста невысокий мужчина – это Тулуз. Он в солдатских штанах, сапогах и телогрейке. На носу – очки. Борода – редкими кустами.

Тулуз. Привет, Магдуль.

Магда. О! Не было печали. Картину написал?

Тулуз. Нет.

Магда. Краски пропилил?

Тулуз. Магдуль, ну чего ты. У меня кризис.

Магда (*перестает мыть, опирается на швабру*). А мучить меня не кризис? Ты декорации вчера как поставил? Девки себе чуть все ноги не переломали.

Тулуз. Как смог. Магда, я один на весь «Мулен Руж». Пойми меня правильно. Времени не хватает.

Магда (*подбоченясь*). А я на всю фабрику. Деникинскую, кстати сказать!

Тулуз. Лучше Махновскую.

Магда. Один хрен. Чё приперся? Видишь, у меня работы невпроворот. Кто тебя вообще впустил?

Тулуз. Так ворота настежь. Я и прошел. Магдуль, мне ночевать негде.

Магда. Тебе всегда негде было. И что?

Тулуз. Ну Магда.

Магда. Я тебе – общежитие?

Тулуз. Магда...

Магда. Да, Тимофей? Тебя остальные профурсетки взашей

погнали?

Тулуз. Ну, если честно, на профурсеток-то вы все не очень...

Магда. Еще слово, ты шваброй по художественному загривку получишь.

Тулуз. Хорошо, пусть будет – профурсетки.

Магда. Поиронизируй мне тут.

Тулуз. Магда, я спать хочу. Я устал очень.

Магда. Отчего это так, дорогой мой?

Тулуз. Устал. Просто. Спать хочу.

Магда. Тулуз, ты дурак? Ты что, не видишь, что творится?

Тулуз. Что?

Инесса. Ты спиваешься.

Тулуз. Знаю.

Магда (*моет полы*). Знать мало, понимать нужно.

Тулуз. Я пытаюсь.

Магда. На пакеты с дихлофосом переходишь?

Тулуз. Ну что ты, в самом деле?

Магда. Надоел ты мне. Где картины?

Тулуз. Я пишу.

Магда. Ты последнюю полгода тому назад начеркал. Мы на рынке ее продать не смогли. Что с тобой?

Тулуз. Пишу.

Магда. Ты не пишешь. Ты – бухаешь! А остальное жжёшь!

Тулуз. Магда. Пусти меня. Я спать хочу.

Магда. Полы помоешь?

Тулуз. Магда, я – художник.

Магда (*бросает ему швабру с тряпкой*). А я – актриса. Вот бери кисть и рисуй. Только аккуратно, не разводи тут творческое болото.

Тулуз. К себепустишь?

Магда. Ты рисуй, рисуй, там посмотрим.

Тулуз нехотя берет швабру, неумело моет.

Магда. Нарастяг бери. Не халтурь.

Тулуз. То есть?

Магда. Профессиональное. С захватом. И амплитудой. И не елозь. На себя тяни. Вот, видишь, получается, когда хочешь.

Магда садится на край сцены, свешивает ноги.

Магда (*спиной к Тулузу*). Ну, ты как сам?

Тулуз. Страшно. Устал.

Магда. Это я слышала. А вообще?

Тулуз моет полы, молчит.

Магда (*вполоборота поворачивается к Тулузу*). Отчего устал, спрашиваю?

Тулуз. От всего. Ты что, не понимаешь?

Магда. Нет.

Тулуз (*перестает мыть полы, держит швабру как канатоходец*). От натуралистов, от постных модернистов, от авангардистов! От шелупени этой околохудожественной.

Магда. Ты опять за старое? Сам-то ты кто?

Тулуз. Я — псевдореалист, Магда. Что ты меня спрашиваешь? Ты же сама прекрасно знаешь.

Магда. То-то мы ни одну твою картину продать не можем.

Тулуз (*взрывается, бросает швабру на пол*). Так потому и не можем, что толпа толпу покупает. Что общее мракобесие за всеми стоит. Мы же уже давно одним стадом пишем. Нет художников! Нет писателей! Нет! Одно одутловатое лицо осталось. Тусовщики, союзы, партии, деятели. (*Отчетливо.*) Де-ла-те-ли. Легион есть, а ни одного воина среди них.

Магда. Партии-то тут при чем? (*Кивает на швабру.*) Реквизит фабричный подними.

Тулуз (*поднимает швабру*). Потому что это всё то же самое. Серая безликая масса. Манка. Авангардисты — каша. Натуралисты — каша в комках. Постнодерьмисты — прокисшая каша. А партии — так это вообще каша на воде. Только без крупы. Нам

по телику давно уже быдло быдлу впаривает быдло.

Магда (*сгибает одну ногу в колене и ставит на сцену, другая — свисает, покачивается*). Да, только ты забываешь, что у быдла есть одна особенность — оно всегда не ты.

Тулуз. Только мне это говорить не надо, ладно? Не надо вот этого. Ты прекрасно понимаешь, о чем я.

Магда. Может, вам тогда реализм пора всем писать? Чтобы быдлом себя перестать чувствовать?

Тулуз. А где он, реализм? Где? На фабрике этой? На комбинате? В клубе нашем доморощенном? Всё же псевдо. Только не понимает никто.

Магда. Ну почему же, всё я понимаю. Вы же сами все псевдо. Ходите только по нам и жизни наши топчете. Мы ж, бабы, для вас никто, так, кому чем придется... кому палитрой, кому пером, кому пюпитром... А вы по нам — по холстам — тряпкой, тряпкой... Ты выжимай, Тимка, выжимай. Извини, перчаток нет. Все на азотный ушли. Так что — голыми ручками... Вон Инесска даже один курс филфака в Питере закончила. А потом ее один професенок завалил. Объяснял, что очень хочет стихослагать ее образ. Не стихосложилось. В Пэ-Тэ-У пошла. А потом к нам.

Тулуз (*неумело отжимает тряпку*). Магда, что ты говоришь такое? Я, конечно, виноват. Очень, но... Я ведь и замуж тебя сколько раз звал.

Магда. Ой, ну да ладно тебе, Тимоха. В чем ты тут виноват? Ты ж палец о палец не ударишь. Всё у нас творческие муки. Там запьет, тут загуляет. Я картин твоих не помню. Что на мешок картошки обменяли, что на сивуху. Ну как же — Художник! Замуж за него еще иди. Я похожа на сумасшедшую? На что я тебя потом обменяю? На килограмм сахара? На пуд соли? На десяток яиц?

Тулуз. Магда, мне плохо очень.

Магда (*поднимается, подходит вплотную к Тулузу*). А мне, карлик ты этакий, хорошо, по-твоему?! Что я тебе вообще говорю? Ты посмотри на себя, ты даже до карлика не измельчал! Измельчал, может, и правда Художником бы стал. А так ни то, ни

се. Метр с кепкой – что это у нас за высокорослый гном?

Тулуз. У меня гормоны.

Магда. У меня тоже! Представляешь! Я мужика хочу! Нормального, без закидонов! Без истерик этих. Ты вспомни, что ты неделю назад сделал? Ты пять холстов сжег. Пять холстов!

Тулуз. Сжег. Согласен.

Магда. Тряпку отжимай!

Тулуз. Я отжимаю.

Магда. Фигово ты ее отжимаешь. Давай сюда! *(Отбирает у Тулуза тряпку.)*

Магда моет полы. Тулуз отходит в сторону.

Тулуз. Я – да. Сжег. А потому что. Плохо. Беда пришла, Магда. А я с бедой не могу жить. Когда это не нужно никому. Вообще. Когда только телевизор с куклами или кино с графикой. Любви нет. Понимаешь, Магда? А куклы не рожают любовь. А мне любовь нужна.

Магда *(снимает тряпку со швабры, опускается на колени, на корточках трет пятно).* А кто она, кто, для тебя эта детсадовская любовь?! Поиметься и опохмелиться? Тима, ты фактически несколько лет без нормальной работы. Ты своими кистями и красками уже задрал всех. Ты полукарлик-получеловек давно. По тебе хоббиты плачут. Твои декорации в «Мулен Руж» любой школьник сварганит.

Тулуз *(ходит вокруг Магды).* Но ведь были картины. Была нормальная работа – были и картины. Я же на азотном не последний человек когда-то был. Зам начальника химцеха, между прочим. Так что всё было. Когда-то. Это потом уже всё вкривь и вкось пошло... Руки опустились.

Магда. Вот именно, что были, была, было, был! *(Выжимает тряпку в ведро.)* Когда-то! Сплыло! Барахло осталось! *(Поднимает голову, смотрит на Тулуза.)*

Тулуз. И что мне, в петлю теперь?

Магда. Нет! Ухо себе, как Ван Гог, оттяпай, чтобы этого

не слышать.

Тулуз. Когда-нибудь я так и сделаю...

Магда. Ой-ой-ой! Где ты и Ван Гог? Что вы все бравлируете собственным сумасшествием? Ты еще, как Лотрек, прихрамывать начни. А мыть полы так никто, между прочим, из вашего брата и не научился.

Тулуз. Мы другие полы моем.

Магда. Да?! И что ты такого в своей жизни намыл? Ночевать даже негде! Иди домывай давай! *(Бросает ему тряпку под ноги.)*

Тулуз *(наклоняется, накидывает тряпку на швабру, но полы не моет, смотрит на Магду).* Я вот чего, Магда. Тут так... Как бы тебе объяснить... Да, ты права, конечно... Но отчасти, отчасти лишь... У меня ведь всё – винегретом. Но ведь это не у меня винегрет, а у них бардак... А я пишу, что вижу... А оно страшно... Оно не пишется в стиль... Мне смешно порой даже хочется сделать, забавно, а оно ужасно получается, вкривь и вкось, не держу линию... а жизнь... вообще... она вся – псевдо оказалась... и денег нет... пишу – и в печь. Напишу, и так мне поганно. Ведь знаешь же меня, за мной же и художественное, и премии были, а потом вдруг... я и писать тогда перестал толком... ну, когда враги вдруг героями стали, а герои – врагами... Вот ведь... я лишь отражаю... потому и псевдо всё получается... не реально... Теперь вот памятники рушат... И оползни эти, постсоветские, поползли... А ведь у меня деда когда-то убили... то есть вот так получилось... Я ведь, знаешь, права ты... Я теперь почти всё время жгу... Я устал, Магда. Я спать хочу. Как такую реальность писать?..

Магда бросает ему ключи.

Магда. Вали. Сама домою.

Тулуз поднимает с пола ключи.

Тулуз. Так вроде домыли уже. Пошли вместе, а? У тебя, кста-

ти, есть дома что выпить?..

Магда. Я тебе сейчас вместе с ухом язык отрежу!

Тулуз. Лучше сразу в гробу постели.

*Тулуз подхватывает ведро и швабру. Оба выходят.
«Фабричный» занавес поднимается.*

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ КУЛЬТУРНОЕ ДОСТОЯНИЕ

Кабинет Элеоноры Ласковой.

Письменный стол, шкаф, диван, расписанная драконами китайская ширма, а также круглый стол, на котором возвышается странный холм, прикрытый огромной цветастой шалью. Вокруг стола стулья.

*Элеонора Ласковая сидит за письменным столом. Вокруг него собрались **Инесса, Виола и Любочка.***

*Впоследствии к ним присоединяются **Магда, Представитель и Тулуз.***

Элеонора Ласковая (из-за стола). Ну-с, дзе-во-чки! Как растяжечка?

Инесса. Тянемся, Элеонора, тянемся.

Элеонора Ласковая. А Магда где?

Инесса. Опаздывает.

Элеонора Ласковая. Топчет ее кто?

Виола. Тяжело сказать.

Элеонора Ласковая. Звоните!

Любочка. Звонили. Никто не берет трубку. (С любопытством поглядывает на круглый стол.)

Элеонора Ласковая. Значит, топчет.

Инесса. У нас неизвестность в этом плане.

Элеонора Ласковая. Хотите сказать, что на троих работать будете?

Виола. Ну, если надо...

Элеонора Ласковая. А что с тушью и колготней? Наскребли по сусекам?

Любочка. Я у подруги одолжила.

Элеонора Ласковая. Показывай.

Любочка. Вот. *(Протягивает чулки.)*

Элеонора Ласковая. Ну-ка. *(Рассматривает, тянет в разные стороны; чулки лопаются.)* Подруге привет передавай. *(Возвращает две рваных «ноги» Любочке.)*

Любочка *(едва сдерживая слезы).* Что же вы наделали! Это же не мои.

Элеонора Ласковая. Не реви. Что у тебя, Инка?

Инесса. Я на толкучке купила, но боюсь, вы тушью обувь чистить начнете. Элеонора, вы в своем уме? Зачем вы Любочке чужие чулки порвали?

Элеонора Ласковая. Не хамя. Давай сюда. *(Инесса неохотно протягивает флакончик, Элеонора Ласковая с подозрением его рассматривает.)* Не пойдет. Левак.

Инесса. Может, мне тогда гуашью намазаться?

Элеонора Ласковая. Прикажу – намажешься. У Тимофейки этого добра навалом. Кстати, кто и когда видел нашего карикатуриста в последний раз?

Виола. Вчера был.

Элеонора Ласковая. А сегодня вроде нет. Значит так, чтобы через полчаса всех нашли. У меня сообщение будет. А это вам, оторвы, презент от меня. Спасибо спонсору.

Инесса. Какому еще спонсору?

Элеонора Ласковая. Самому главному. Всё потом. Разбирайте, я сегодня ласковая.

Встает. Подходит к ширме, вытаскивает из-за неё два огромных полиэтиленовых мешка. Бросает танцовщицам. Те подхватывают мешки и вынимают из них платья, туфельки, чулки, подвязки, плюмажи, краски и прочее «муленружевское» великолепие.

Виола. Откуда это всё?

Любочка. Боже, красота какая!

Инесса (*с подозрением смотрит на мешки с изображенной на них эмблемой в виде двух сердец – маленькое в большом*). Гуманитарная помощь подоспела.

Элеонора Ласковая. Язык за лошадиными губами придержи. Оттуда, между прочим. (*Показывает вверх пальцем, затем смотрит на часы*.) Значит так, всем быть здесь. Никуда не выходить. Звонить Магде. Искать Тулуза. Вещи быстро на себя. Чтоб как в армии – пока горит спичка. Всё. Я скоро буду. И чтоб все – в нарядах. Из пакетов. (*Кивает на круглый стол*.) Стол не трогать. Удавлю колготками.

Деловым шагом выходит из кабинета. Женщины в изумлении рассматривают содержимое пакетов. В кабинет влетает Магда.

Инесса. Ты где была? Элка обыскалась уже.

Магда (*валится на стул*). Уф, девчонки, извините, устала. Вчера еще на фабрике. Да и Тулуз достал.

Виола (*нервно*). Так он у тебя ночевал?

Магда. А где же ему еще ночевать?

Виола (*понуру*). Ясно.

Магда (*миролюбиво*). Ну что тебе ясно, Вилка? Что ты как маленькая, в самом деле? Он – мужик, я – баба.

Инесса (*с усмешкой*). Фабрика, говоришь? Тоже мне, рабочий и колхозница.

Магда. Девки, давайте закроем тему. Нам еще на растяжку.

Инесса. Подожди ты с растяжкой. У Элки тут аврал какой-то образовался. Сообщить что-то хочет. Тулуз, кстати, приковылял?

Магда (*кивает*). Рисовать пошел.

Любочка (*вытаскивает платье из пакета*). Глазам своим не верю. Чудо какое-то.

Инесса. Не к добру. Тряпки эти.

Магда. Что за тряпки?

Виола. Элка сегодня одарила.

Любочка. Вот. Смотри. *(Выкладывает вещи на письменный стол.)*

Магда *(подходит к столу, рассматривает одежду).* Вот это новость. Надо же, и бирки вроде французские. И чулки. Италия, что ли? Бог ты мой, какие подвязки, не то что наши.

Инесса. Не повиснуть бы нам на подвязках этих. А то знаешь, бирки — бирками, а спонсор наш. *(Внимательно рассматривает изнанку платьев.)* Кстати, лейблы странные. Это явно и не Франция, и не Италия. Самопал какой-то. Ладно, давайте, напяливайте это барахло. Элка сказала при параде быть.

Магда. Да ну?

Инесса. Ага...

Все направляются за ширму.

Виола. Да какая, собственно, разница? Франция — не Франция.

Инесса. Есть разница. Не люблю я эти подачки сверху.

Любочка. А мне нравится. Очень!

Магда. Согласна. Хоть танцевать будет в чем. А то мы уже непонятно во что превратились.

Инесса. Непонятно, во что мы потом превратимся. *(Перекидывает свое платье через перегородку ширмы.)*

Виола. Ой, как по ноге идет. Девчонки, у меня сейчас оргазм будет.

Любочка. Инесс, подай плюмажик, пожалуйста. Закрепишь? Так нормально? Не съезжает?

Инесса. Нормально. Теперь мы все на лошадей похожи. Нам хлыста только не хватает.

Магда. Надо же, платье как влитое сидит.

Инесса. Это тебе все-таки не халат на фабрике.

Виола. Девчонки, а кто меня затянет?

Инесса. Всё у тебя одно на уме.

Виола *(стонет).* О-ой-й! Будто в ладони чьей-то. Мягкой,

нежной, ласковой. Де-е-е-вки!!! Это — просто отпад какой-то! Посмотрите, какая колодочка! Чистый «Мулен Руж»!

Инесса. Мужика тебе надо. Зверя.

Любочка. Давайте быстрее. Мне кажется, Элка идет.

Инесса. Вот, вот, растянет нас прямо на ковре.

Выходят из-за ширмы. Складывают свою одежду в пустые пакеты. На всех платья для канкана, с плюмажами.

Любочка. Интересно, а что она на столике прячет? Честно говоря, очень кушать хочется. Аж под лифчиком свербит. *(Подходит к круглому столу, закрытому цветастой шалью, пригибается, приподнимает уголок платка, заглядывает под него.)*

Инесса. Не трогай — отравишься. Там наш азотный городок. В миниатюре.

В этот момент в кабинет входит Элеонора Ласковая с человеком лет пятидесяти. В руках у него кожаный портфель с блестящими замками.

Элеонора Ласковая *(суетится)*. А это, Альфред Германович, наши примы. Девочки, да что вы застыли, в самом деле? Ах, какие красавицы! Чистый розарий! *(Умильно хлопает в ладоши.)* Стесняются вас, Альфред Германович... Вот — заробели. Ну, родные мои, *(подбегает к танцовщицам)* давайте, сладкие. *(Нежно берет Магду и Виолу за руки, ведет к круглому столу.)* Вот, Любочка правильно сделала. Поднимай, поднимай, платочек, доченька. Оголодала, родная.

Любочка аккуратно снимает платок. У танцовщиц вырывается удивленный вздох — стол сервирован. На нем стоят блюда, вазочки с эклерами и пирожными, самовар, чайничек, фужеры и бутылки с шампанским.

Элеонора Ласковая. Давайте, мои рыбоньки, угощайтесь. Та-

кой день у нас, такой день! Сам Альфред Германович пожаловал. А что, Альфред Германович, может, сами представитесь? Девоньки, ну что же вы. Давайте. Пирожные, конфеты. Немного шампанского. Только, девоньки, вам много нельзя. Сегодня еще танцевать. (*Шаловливо подмигивает.*)

Танцовщицы в нерешительности стоят вокруг стола и с изумлением смотрят на Элеонору Ласковую.

Инесса. Элеонора... кх-кх... Ласковая... нам сладкого и мучного нельзя, вы же знаете.

Элеонора Ласковая. Ну что ты, Иночка, сегодня такой день. Сегодня можно. По чуть-чуть. Видите, Альфред Германович, как они ко мне? Со всей душой. Я им говорю, ну бросьте, девоньки, меня так называть. Я же из простых. Ивановна. Нет, говорят, вы для нас будто мать родная. Ласковая. Ну что с ними делать будешь? Вот так и живем: я — мать, это мои доченьки. А где сыночек-то наш, Тулузик? Так-то, Альфред Германович, он — Тимофей. Но уж больно талантлив. Вы бы его картины видели. А декорации! Так что для нас он — Тулуз. Не иначе.

Виола. Элеонора Ласковая, я схожу за ним?

Элеонора Ласковая. Сходи, солнышко, приведи его. Ну, давайте же уже садиться.

Все рассаживаются вокруг стола. Виола, подобрав полы длинного платья, быстро выходит.

Представитель (*усаживаясь и приставляя портфель к стулу*). А великолепных дам, простите, как звать-величать?

Элеонора Ласковая (*представляет танцовщиц*). Инессочка, Магдочка и Любочка. А Виолочка только что вышла.

Представитель. Какие у вас имена любопытные.

Элеонора Ласковая. Сценические.

Магда. Мы к ним как к собственным привыкли.

Представитель. И Любочка?

Любочка (*взбив пероксидные локоны*). А вот у меня родное, натуральное.

Инесса. Не прижилось просто ничего. Мы уж и Эльжбетой пробовали, и Гертрудой. Никак.

Представитель. А это весь ваш состав? Мне казалось, вас больше должно быть.

Элеонора Ласковая. Ой, тут беда такая, Альфред Германович. У нас еще четыре девушки было. Но одна в декретном, другая ногу недавно сломала...

Инесса (*перебивая*). Прямо на канкане. А при нашей профессии в полторы ноги не потанцуешь.

Элеонора Ласковая (*недобро стреляя на Инессу глазами*). ... А две других на время в Германию уехали.

Инесса (*подмигивает Представителю*). На заработки. Ну вы поняли.

Элеонора Ласковая (*шикая на Инессу и корча гримасы; тихо*). Угомонись.

Представитель. Да, да. Заработки – это хорошо. Это нужно. Это важно. Найти их, конечно же, в случае чего не составит труда?

Магда. А вам зачем, если не секрет?

Представитель (*туманно*). Да так. Я на всякий случай спросил.

Любочка. А они уволены. Без выходного пособия и задними числами. Да, Элеонора Ласковая? Ой, я что-то не то сказала?

Элеонора Ласковая (*кашляет в кулачок*). Они вообще-то все по собственному ушли. У меня и заявления где-то были. Надо поискать.

Представитель. Ну что вы, что вы. Не затрудняйте себя, это уже несущественно.

Долгая неловкая пауза.

Элеонора Ласковая (*умильно*). Альфред Германович?

Представитель. А? Да, конечно. (*Берет бутылку шампанского.*)

Элеонора Ласковая. Ой, да что вы, я сама, вы пока представьтесь. (*Аккуратно вытягивает у него бутылку из рук.*) А я уж за всеми поухаживаю. (*Опытным движением открывает шампанское, сама же и разливает в фужеры.*)

Представитель. Собственно, дамы, как изволила выразиться многоуважаемая Элеонора Ивановна...

Магда (*поправляет*). Ласковая.

Элеонора Ласковая. Ой, Магдочка, ну что ты. Это для вас я — Ласковая.

Инесса. А для остальных?

Элеонора Ласковая. Ну и для Альфреда Германовича, конечно. Но это же наше, внутреннее больше... Простите нас, Альфред Германович. Сами понимаете, женщины, — любим поболтать. Ох, конечно же, я для вас просто Ивановна. Ну и ласковая, конечно же, тоже... Доченьки — чаек, пирожные. Надо бы фужеры за такую удивительную встречу поднять!

Любочка. А Виолу с Тулузом не будем ждать?

Магда. Я посмотрю.

Инесса (*тихо*). Не надо.

Элеонора Ласковая. Ну, конечно же, давайте подождем. Альфред Германович, а мы пока вас послушаем.

Представитель. Ну, что ж. Если позволите, я сяду.

Элеонора Ласковая. Конечно, конечно.

Представитель. Как меня зовут, вы уже знаете. Альфред Германович. Фамилия моя — Шевяк¹. Но главное не в этом. А главное в том, что с недавнего времени я имею непосредственное отношение к культурному достоянию нашего края. То есть работаю в администрации. Не могу, конечно, сказать, что должность моя большая, но...

Инесса. Сытная?

¹ *Шевяк* (*сев. сиб.*) — кал, помет скота, животных, в том виде, как бывает по природе. По шевякам всякого зверя признаешь. (*«Толковый словарь живого великорусского словаря» В. И. Даля.*)

Представитель. Изредка, дорогая моя, изредка. Дело в том, что место мое не последнее в иерархии власти. Очень ответственное и сложное. Так сказать, сопряженное... (*пауза*) с владением, пользованием и распоряжением... Так что, сами понимаете, не до еды порой. Пока всё распределишь, не один месяц уйдет. Смотришь, и не поел даже.

Магда. Очень вас хорошо понимаем. Голодаете. Тяжело, наверное, распределять?

Представитель. Не то слово. Тяжкое бремя порой нести приходится. Невыносимое. Но суть опять же не в этом... Ведь как вам, барышни, известно, край наш один из самых... как бы это точнее выразиться – достоятельных.

Любочка. Простите, каких?

Представитель. Достоятельных. А достояние нашего края, как известно, основано на достоянии всего народа.

Инесса. Вот даже как. Очень интересно. Какое в вас живое любопытное.

Элеонора Ласковая. Не перебивай, Иночка.

Магда (*Инессе*). Я пойду, посмотрю. Что-то долго их нет.

Инесса. Сиди.

Магда. Нет, я схожу все-таки. Элеонора Ласковая, я выйду на минутку? Очень надо.

Элеонора Ласковая. Разве что на минуточку. Одна ножка здесь – другая там.

Инесса. Как на растяжке.

Магда, приподняв платье, нервно выбегает.

Элеонора Ласковая. Альфред Германович, милейший...

Представитель. О чем это я?

Инесса. О достоятельности нашего края... До этого вы про недоедание говорили и тяжкое бремя.

Представитель. Так вот... Но что есть достояние, дамы? (*Обращается ко всем.*)

Любочка (*внимательно слушает Представителя, опершись*

подбородком на выставленную ладошку). Что, Альфред Германович?

Представитель. А вы сами как, уважаемая, думаете?

Любочка. Ну, я думаю, что достояние — это когда дом у каждого, работа у всех постоянная, зарплата такая, чтоб можно было за границу ездить... На курорт. К морю. В отель пятизвездочный. И чтоб обязательно — шезлонг с коктейлем. И чтоб анимации еще. По вечерам.

Представитель. А что же вам у нас не нравится отдыхать? Вам наших анимаций не хватает?

Любочка, потупив взгляд, молчит.

Элеонора Ласковая (*Любочке*). Ну?

Любочка (*неуверенно*). Нет, мне нравится, конечно. Но иногда просто хочется в Египет, в Турцию. В Париж, например. В «Мулен Руж» тот же сходить... Вот у меня подруга дневник в Интернете ведет. Всё время фотки из разных мест. То пирамиды, то водопады. А я, кроме нашего края, и не видела ничего.

Представитель. Вот это очень хорошо, что не видели. И не надо. Потому что наше достояние — это не дом и чужие курорты, а мы сами. А что мы сами? Мы есть — культура. Большая и великая. Культура, так сказать, с ресурсами. С углем и нефтью, с торфяниками и чащами.

Инесса. Вот даже как.

Представитель. Конечно же. С нашими глубокими озерами и бескрайними полями. А сколько морей у нас? Хребтин горных? Снега? Но что самое главное, наша культура — это не просто какие-то там песочные пирамидки, а прежде всего, краеведческие музеи, музеи революции, церкви наши. Краеведческие, опять же.

Инесса. То есть — это не то, что мы едим, а что плодим?

Элеонора Ласковая (*сквозь зубы*). Прикрой ротик, Иночка. Возьми пирожное.

Инесса. Хорошо, матушка. (*Берет эклер, заталкивает в рот.*)

Представитель (*к Инессе*). А вы разве не согласны со мной?

Инесса (*с набитым ртом*). Согласна. Продолжайте.

Представитель. И вот как лицо, ответственное за культурное достояние нашего края, должен вам сказать, у нас не всё так плохо, как пишут в желтой прессе. И Париж вам (*Любочке*) вовсе даже не нужен. Ибо вы, барышни, — лучше Парижа, вы наши — родные. Наш, можно сказать, родной «Мулен Руж».

Инесса. Наше краеведческое фсё! (*Один за другим облизывает кончики пальцев*.) Вы, Альфред Германович, на какой машине приехали?

Элеонора Ласковая. Инес-с-са!

Инесса. Я просто поинтересовалась. Нельзя, что ли?

Представитель. С удовольствием отвечу на ваш вопрос. К сожалению, у меня пока нет своего автомобиля. Не заработал. (*Разводит руками*.) Только служебный Мерседес, принадлежащий, как известно, администрации края. И тот уже, кстати, старенький. Прошлогодний. А почему вас это вдруг заинтересовало?

Инесса (*усмехается*). А к тому, что, думаю, Любочке хотелось бы на «Мулен Руж» не изнутри так называемого краеведческого клуба посмотреть, а извне — как зрителю. И не на раскладушке со стаканом лежать — в тундре неасфальтированной, а вот именно что в шезлонге с коктейлем. С анимациями. Где-нибудь в солнечной Хургаде. Сами-то вы, кстати, за границей были? В Париже вот том же?

Представитель. Конечно. И не один раз. В служебных командировках. Мы французский народ с нашим достоянием знакомили. Иконы возили.

Инесса. Возили или вывозили? (*К Элеоноре Ласковой*.) Только интересуюсь. Мерседесик ведь старенький, мог и сломаться.

Представитель (*радушно хохоча*). Какая вы, однако ж, на язычок острая. И утрируете постоянно. Это выставки были. Разве не видели, еще по первому каналу освещали — «Православный ход в Париже».

Инесса. Я телик не смотрю. Мне православных хороводов

и тут предостаточно. Ну и что там народ французский? Обомлел от нашего православия?

Элеонора Ласковая. Инка!

Инесса. Спрашиваю исключительно ради самообразования.

Представитель (*легким движением руки останавливает Элеонору Ласковую*). С удовольствием ради вашего образования отвечу. Народ там открытый, душевный, понимающий. Знают же из какой страны мы приехали. Эйфель большой, Лувр длинный, я мимо проходил, кварталы есть разные, но это так... я по долгу службы, чтоб детальней ознакомиться... Но вот нашего, исконного, там нет.

Любочка. Исконного? А чего исконного?

Представитель. Души русской, размаха. Краеведения. Чтоб вышел в поле – и потерялся. Понимаете меня? Маленькая страна. Нечего там делать. Лягушатники.

Инесса. Ви? (*С любопытством наклоняет голову*.) А у нас чё делать?

Представитель. Так что угодно, милейшая вы моя! Сейчас такие возможности. Клуб вот ваш. Вы же таланты все. Я раз пять в «Мулен Руж» был, и что?

Любочка. Что? Расскажите, пожалуйста.

Представитель. Ничего! Мельница – она и есть мельница. А на вас посмотришь, жить хочется, душой петь, в загул на неделю, можно сказать.

Инесса. Вы, кажется, культурой заведуете?

Представитель. Так и я о чем! Поднимать ваш клуб надо, спонсировать! Делать из него достояние края, так, чтоб все туристы не в Париж ехали, а к нам, сюда – в русские поля и степи, к елям и березам ломились! Мы весь мир перевернем! Это же будет просто нечто!

Инесса. Это да. Это будет нечто.

*В кабинет входят растрепанные **Виола, Магда** и **Тулуз** с располосованным лицом. Телогрейка на его худом голом торсе распалхнута. На груди болтается крестик на шнурке. Виола и Магда*

поправляют плюмажи.

Элеонора Ласковая *(вскакивает)*. А вот и Тулуз наш. Краевая знаменитость, можно сказать. Господи, сынок, что у тебя с лицом?

Тулуз. Так... Кошка поцарапала.

Инесса. Какая из?

Любочка. У нас же ни одной кошки в клубе нет. Давно уже. Ни мышей, ни кошек.

Инесса. Теперь есть.

Элеонора Ласковая. Кошечки, ну теперь-то можно и по шампанскому. Тулузик, вытри личико и представься. *(Протягивает ему салфетку)* Это Альфред Германович Шевяк — культурный представитель из краевой администрации, а это... Тулузик, запахнись.

Тулуз *(одновременно вытирает лицо и застегивает телогрейку)*. Тимофей Палыч. Псевдореалист.

Представитель *(радостно)*. А вы знаете, похож! Похож! Я открытки в Париже видел! Этот как его... Мот... лот...

Тулуз. Лотрек.

Представитель. Точно! Только он по-другому одет был. Надо же, первый раз живого художника вижу. *(Протягивает руку, она беспомощно повисает в воздухе)*

Тулуз. Вам всё больше мертвые попадались? Извините, у меня рука в краске.

Представитель. В общем, да, конечно. Больше как-то из христаматерей... Ну да ничего, что вы еще не мертвый. *(Опускает руку)* Это ж у всех со временем, да? А вообще, очень приятно. Живой художник, прямо не верится! Только, скажите, почему же псевдо?

Тулуз *(насулленно)*. Потому что. *(Показывает пальцем на плюмажи Виолы и Магды)*

Представитель. Не понял?

Тулуз. Да неважно. На некоторых, я смотрю, у вас манишек и цилиндров с бабочками не хватило.

Представитель (*оцениваяще, Тулузу*). Какой вы, несомненно, любопытный человек.

Тулуз. А ничего, что живой?

Представитель (*мило улыбается*). Ну это ж поправимо. Извините, странно я как-то пошутил.

Тулуз. Я оценил.

Элеонора Ласковая. Всё, всё. К столу.

Виола, Магда и Тулуз садятся за стол. Места выбирают по-дальше друг от друга. Прячут глаза.

Элеонора Ласковая. За знакомство! (*Все встают.*)

Представитель. За край!

Присутствующие поднимают фужеры. Чокаются. Но не все. Затем выпивают, садятся и принимаются за пирожные.

Представитель. Так вот, дорогие мои... Я к вам с предложением, со спонсорством.

Инесса. Со спонсорством у нас туго, денег нет. Краю помочь ничем не можем.

Представитель. Не «за спонсорством», а «со спонсорством» Хочет администрация края ваш клуб в храм Мельпомены превратить. Показать, так сказать, всем им, на что мы горазды. Вот я и уполномочен донести до вас эту замечательную и колоссальную весть.

Магда. Это что-то новенькое.

Тулуз. Где мы, где — Мельпомена? Это ж муза трагедии. Вы не оговорились? Вот Терпсихора — да.

Любочка. Муза танца, Альфред Германович.

Представитель. А есть разница?

Тулуз. Несущественная, продолжайте.

Представитель. Иными словами, собираемся мы сделать свой, наш, советс... исконно русский «Мулен Руж»!

Виола. Так он вроде и так есть.

Любочка. В Париже.

Магда. Исконно французском.

Элеонора Ласковая. Девочки, не перебивайте. Это ж спонсорство.

Виола. Значит ли это, что нам выплатят зарплату за два последних месяца?

Элеонора Ласковая. Вилочка, ну не в этом же дело. Это значит, что теперь у нас своя, настоящая, мельница будет!

Инесса. Мы муку на ней молоть будем, да? Альфред Германович, поясните нам, пожалуйста, какой смысл администрации края вкладываться в нескольких танцовщиц с Богом забытых фабрик и комбинатов?

Представитель. Так и я о том же. Вы же — народ, гордость страны. А государство не имеет права забывать своих граждан. Государство должно поощрять и поддерживать любую православленную душу, любого человека... Пусть даже и с фабрики... и уж если в вашем городе есть такой уникальный культурный проект, так отчего же не улучшить его? Не украсить? Не облагодетельствовать?

Магда. А для кого? Вы что, реально думаете, что шерстистой фабрика не так важна, как наш клуб?

Инесса. Да. Почему вы, к примеру, индустрию не спонсируете? Не облагодетельствуете, так сказать?

Представитель. Ну, всему свое время, начинать надо с малого. А тут все-таки культурное достояние.

Виола. Где? Клуб наш?

Представитель. Проект! Прежде всего проект.

Тулуз. И клуб заодно. С землицей и гектарчиками. Да, Германович? *(Берет салфетку, достает из кармана телогрейки карандаш, слюнявит его и задумчиво начинает что-то рисовать.)* А не православные души вы не поддерживаете?

Виола. А онкологических? *(Прикладывает руку к правой груди.)*

Инесса *(Виоле, тихо).* У тебя слева, а не справа. *(Виола быстро хватается за левую грудь.)*

Представитель. Мы всех поддерживаем! И неправославных, и онкологических. Все души. Потому и решила администрация края посодействовать, поощрить, так сказать, творческую интеллигенцию, помочь и поддержать.

Инесса. А подробней можно? Я, как представитель творческой интеллигенции, хотела бы все-таки знать, где и в чем конкретно нам будет помогать администрация края?

Тулуз (*бубнит под нос*). Нашим душам. Мертвым.

Виола. Да. А то воду только включают и выключают. Я помыться не успеваю. Знаете, ощущение, будто всю жизнь мыльными пузырями облеплена.

Магда (*тихо*). Я тебя еще не тем облеплю.

Представитель. Включим воду! Обязательно включим, не всё сразу!

Элеонора Ласковая. Вернемся к вашему спонсорству...

Представитель. Так вот... Как вам известно, народ народом, а без партии — народ слеп, беспомощен, осиротен. Он как младенец без груди кормилицы, как кутенок... без... как бы это выразиться...

Тулуз (*поднимает голову*). Сосцов матери. Осиротен же.

Представитель. Вот! Именно!

Тулуз (*лениво опускает голову, рисует*). К чему вся эта пропаганда, Германыч?

Представитель. Это не пропаганда, милый вы мой. Это — история России. И веду я к тому, родные мои, что только партия может позаботиться о народе, только высочайшего уровня профессионалы в состоянии взвалить на свои плечи весь груз обязательств, ответственности... и нести их без страха и упрека.

Тулуз. Где-то я уже подобное слышал.

Инесса. И не один раз, кстати.

Элеонора Ласковая. Так, хватит!

Представитель. Почему, Элеонора Ивановна? Ласковая...

Элеонора Ласковая (*елейно*). Это я не вам, Альфред Германович. Девочки, кушайте пирожные. Я сказала — быстро!

Любочка. Я тоже не очень поняла. Началось всё как бы

со спонсорства, а кончилось какой-то партией.

Представитель. Не какой-то, милая моя. А партией «Близость».

Любочка. Так вы от них? *(Рука с пирожным застывает на полпути ко рту.)*

Тулуз. Откуда же ему еще быть. *(Рисует.)*

Виола. Доигрались.

Представитель. Да, да, именно от партии «Близость», которую, как вам известно, почти всё население нашей необъятной Родины абсолютно добровольно поддержало на выборах. А ведь таких показателей не было с самого развала! В смысле, я хотел сказать, с момента единения регионов.

Тулуз. Не стоит оправдываться, Германыч. Подсознанка, она не фильтрует. Мы прекрасно помним это воплощение массовых иллюзий. И открытое голосование с распломбированными урнами, и добровольное единение овец с волками.

Представитель. Я просто оговорился. И не передергивайте, пожалуйста, Тимофей Палыч. Вы ведь не будете отрицать, что все эти оставшиеся демократы, либералы и прочие словоблуды не могут быть истинными радетелями за права человека. И только партия «Близость» дала людям в последнее время всё – работу, жилье, пенсии.

Виола. Где?

Инесса. В других краях и регионах, видимо. Альфред Германович, что вы от нас хотите? Я всю жизнь беспартийной была – меня политика вообще не интересует. Хотите спонсировать – вперед! При чем здесь эта ваша близость с головой кутенка?

Элеонора Ласковая. Альфред Германович, не обращайтесь на нее внимания. Она иногда бывает резковата. Ну, такая вот она у нас. А про партию вы замечательно сказали. Партия «Близость», это ж не просто так, правда же?

Представитель. Конечно, Элеонора Ивановна! Но давайте не будем забывать, что если партия печется о народе, то и народ обязан заботиться о ней. Быть рядом, любить ее, а когда надо, то и жертвовать собственной жизнью.

Инесса. Вот поэтому я — беспартийная.

Представитель. А зря, между прочим! Очень зря. Потому что только все вместе мы можем поднять страну с колен. С колен, на которые нас поставили (*крутит головой, на глаза ему попадаетя рисующий Тулуз*) разные, так сказать, интеллигентшишки.

Магда. Простите, это вы нам? Творческой, так сказать, составляющей общества?

Представитель. Я не в том смысле... Я хотел сказать, что только многомиллионным кулаком мы сможем раскрошить всё то, чторосло за годы развала и беспредела!

Тулуз. Уже раскрошили.

Инесса. Я не очень понимаю,росло или все-таки развалилось?

Представитель. Наросло на развалинах! И только партия может помочь народу отстраврировать всё это. (*Раскидывает руки, показывая на обстановку.*)

Любочка. Как интересно!

Тулуз. Мне кажется, у вас раньше не оговорка была. Про развал.

Виола. Так что вы все-таки предлагаете?

Представитель. Подняться с колен! Убить в себе масона и черносотенца, коммуниста и демократа, либерала и консерватора... И... и... Раствориться в народе! Без остатка. Стать народом и властью одновременно! Стать партией!

Элеонора Ласковая. Девочки! Шампанского!

Разливает в бокалы. Все выпивают. Никто не чокается.

Тулуз. Германыч, вы, кстати, в другой партии никогда не числились?

Представитель. Когда-то. Но то прошлое. Зablуждения. А здесь настоящее. Реставрация.

Любочка. Замечательный вы человек!

Тулуз. Кристальный. (*В сторону.*) Только масона в себе убить сложно.

Виола. Вы так и не ответили. Что же вы нам предлагаете?

Представитель. Самую простую вещь. Дать вам деньги на реставрацию.

Инесса (*протягивает руку ладонью вверх и шевелит пальчиками*). Давайте.

Представитель (*подняв указательный палец вверх*). Но партия печется только о своем народе. А кто народ партии? Правильно. Партийцы!

Магда. Ах, так вот оно что. То есть мы в партию должны вступить?

Представитель. Не вступить — но стать полноправными ее членами, частями одного тела, каплями в народном море.

Инесса. А если я не хочу — каплей?

Представитель. Но тогда ведь и море не захочет вас.

Тулуз. Образно, Германыч, образно.

Магда. Вот еще новости какие. Я в «Женской» с незапамятных времен. И, кстати говоря, меня вполне устраивает ее программа. Почему я ее на какую-то другую партию должна менять? Из-за этой, как вы выразились, реставрации?

Представитель. Не какую-то другую, а на партию «Близость».

Тулуз. Интимную. (*Инесса смеется.*)

Элеонора Ласковая (*Магде; сквозь зубы*). Скажу — поменяешь.

Инесса. Мяку на бяку.

Элеонора Ласковая (*свирепея; Тулузу и Инессе*). Жрите пирожные! (*Отдельно Инессе.*) А ты — хватит ржать.

Инесса. Ладно, ладно, Ласковая. Не орите.

Магда. Ну и что, что «Близость»? Наша партия хоть к восьмому марта и на Новый год своим членам женские наборы дарит. А вы что?

Представитель. И мы дарим! Обязательно! Альбомы, например. Исторические и художественные. Рамки для фотографий. Да мало ли? Кружки с достопримечательностями края. Новогодние календари. У нас отличнейшие наборы. И все, кстати, — памятные. Одни грамоты с автографом самого главы администра-

ции края чего стоят.

Виола. Чего?

Представитель (*широко раскинув руки*). Всего!

Инесса. Я ща взопрею от счастья!

Магда (*разочарованно*). Понятно. А он вообще в состоянии что-либо подписать, глава ваш? А то я его каким-то странным по телевизору видела. Красный, как бурак, и будто всё время матерится про себя. Говорят, в Интернете и не про себя.

Элеонора Ласковая (*Магде*). Пирожные!

Магда. Спасибо, сыта.

Представитель. У него давление высокое.

Инесса. Внутрочерепное, видимо. На рожу вылезло. (*Элеоноре Ласковой.*) Знаю. Пирожные.

Любочка. А я лично согласна, Альфред Германович. Исторические и художественные альбомы — это хорошо.

Элеонора Ласковая. Молодец, Любочка.

Виола. Да и мне, собственно, всё равно. Если деньги на реставрацию дадите, так почему бы и не вступить? Какая разница?

Инесса (*задумчиво*). То есть получается так. Если мы в партию не вступаем, то денег не увидим, а если вступаем, то у нас — «Мулен Руж» под стать французскому будет?.. Хорошо, Альфред Германович, а где вы партийных канканщиц видели? Высверть мозга какая-то получается. (*Элеоноре Ласковой; разводит руками.*) Я так просто спросила.

Представитель. Мы людей на профессии не делим. Поэтому и вступать вам придется всем вместе. А отщепенцев, сами понимаете, партия кормить не будет. Кстати, через мою протекцию вы сможете вступить даже без стажёрства. А уж с выходом из «Женской» мы быстро разберемся.

Элеонора Ласковая. Ну что ж. Полагаю, все согласны!

Магда. Я своего слова еще не дала.

Инесса. Я, кстати, тоже. У вас вообще какая программа? Такая же, как у всех? Отобрать и не делить?

Представитель. Зачем вы так?

Тулуз (*неожиданно*). А вот я согласен. (*Распрямляется.*) Всё

равно всех в народном море утопите. Держите, Германых. *(Протягивает ему салфетку, нарочито неправильно ставит ударение в отчестве Представителя.)*

Представитель. Это что?

Тулуз. Серп и молот.

Представитель. Спасибо. *(Рассматривает рисунок.)* Странно, а похоже на свастику.

Тулуз. Рука сбилась.

Элеонора Ласковая *(подскакивая).* Ой, ну что ты, Тулузик, наделал... Альфред Германович, это он пошутил так. *(Настойчивыми пальцами вытягивает у него салфетку из рук.)* Творцы они такие шалуны, вы же знаете... Предлагаю так сделать. Вы к нам на днях приезжайте, а я к тому времени с коллективом нашим, творческим, побеседую. Вы не переживайте, мы прекрасно всё понимаем. Кто мы без партии — так, груднички.

Представитель. Пожалуй, Элеонора Ивановна. Так и сделаем. Какая же вы правильная и ласковая женщина, в самом деле... Что ж, барышни, Тимофей Палыч, спасибо вам за радушный прием, но вынужден откланяться. Культурное достояние, как говорится, зовет. Так что надеюсь на скорую встречу. И на вас, *(с нажимом)* Элеонора Ивановна, надеюсь. Очень. А вы *(слегка грозя Тулузу пальцем и странно улыбаясь)* не шалите больше...

Подхватывает кожаный портфель с блестящими замками, идет к выходу, по пути вытаскивает из внутреннего кармана пиджака мобильный телефон и жестким голосом произносит: «Машину к подъезду».

Элеонора Ласковая *(вдогонку Представителю).* А на чье имя заявления писать, Альфред Германович?

Представитель *(разворачиваясь).* Да оставьте пробел. Наши люди потом сами впишут.

Представитель *уходит.*

Элеонора Ласковая (*выжидает, вдруг начинает орать*). Вы что тут бойкотированием занимаетесь?! А?! Забыли те самые времена? Так я вам напомним! Благо постарше многих буду! Когда при невыясненных обстоятельствах... Боже, как же там было?!

Тулуз (*помогает*). ...сажали за невыясненные деяния на невыясненное количество лет. Только это не раньше было, а сейчас.

Элеонора Ласковая (*Тулузу*). Вот! Зеленку тебе на лоб! Ты вообще уже весь ум пропил? Что ты там нарисовал, придурочный?! Ну-ка, напомним, что там тебе когда-то вклеили? Тунеядство? Хулиганку? Так тебе сейчас какие-нибудь измену с экстремизмом впаяют! Тебе мало одной отсидки было?

Тулуз. Много не мало. А сидел я по диссидентским мотивам, между прочим.

Элеонора Ласковая. Кретин! Всё это то же самое! Что ты там на салфетке накалякал, спрашиваю?!

Тулуз. «Времена Рока».

Элеонора Ласковая. Ты совсем уже очумел? Мозги в масло взбились? Может, забродили? Так я тебя быстро кое-куда пристрою, рок-н-роллащика! А не я, так другие... Нашел кому свою псевдохрень показывать!.. Представителю краевой администрации!.. И вообще! У меня денег на зарплаты нет! Трубы протекают, крыша вся сгнила. Партия им, видите ли, не нравится! У вас, бабы, может, другие предложения есть? (*Инессе*.) Что ты тут за юродствование развела? И эта дура с тобой. В «Женской» партии она. Наборы ей к восьмому марта подавай. Значит, вердикт мой такой. Чтобы завтра же, вот на этом самом столе. Нет, на этом (*показывает на письменный стол*) лежало пять заявлений о приеме в партию «Близость». Иначе — кому панель, а кому лечебно-трудовой профилакторий. Пошли вон отсюда. На растяжку!

Инесса. Вы такая ласковая и добрая.

Тулуз. Как овчарка в помеси с догом. Намордника на вас, Элеонора, нет.

Элеонора Ласковая. На растяжку, я сказала!!! А ты – афиши мастырь давай! Разболтались тут!

Все расходятся.

Элеонора Ласковая (*кричит вслед*). И вечером, чтоб в платьях от спонсора танцевали! (*Проходит к письменному столу, устало падает на стул*). Сучье племя! Одни пляшут, другие молебны вокруг них читают! И кто меня, идиотку старую, в этот бизнес потянул? Сделала б из клуба библиотеку или столовку, и в ус бы не дула. Нет, бабла захотелось... С другой стороны, а какое тут бабло может быть, если все с азотного комбината да шерстомойной фабрики. Клиентурка, тоже мне... (*Барабанит пальцами по столу, напевает*.) Красотки, красотки, красотки кабарэ. Красотки, красотки, красотки кабарэ! (*Вскидывает руку*.) Так, надо же заявление написать, а то забуду.

Вытаскивает из ящика стола лист бумаги, пишет, одновременно читает вслух: «Я, Элеонора Ивановна Подлипчук, находясь в трезвом уме и женской памяти, прошу принять меня в члены...»

Лопасты мельницы с надписью «MOULIN ROUGE» медленно начинают вращаться.

Опускается «танцующий» занавес. На нем изображены четыре канканщицы с картины графа Анри Мари Раймон де Тулуз-Лотрек-Монфа.

*На авансцену выбегают **Инесса, Магда, Виола и Любочка** в платьях и плюмажах от спонсора. Высоко задирая ноги, они задорно и с визгами танцуют канкан.*

Затемнение.

Антракт.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КРАСНАЯ МЕЛЬНИЦА

СЦЕНА ПЯТАЯ ПОДВЯЗКИ ОТ СПОНСОРА

Поднимается «танцующий» занавес.

Гримерка танцовщиц.

Тихо звучит легкая классическая музыка.

Магда и **Инесса** делают растяжку на балетном станке. **Виола** и **Любочка** красятся у трюмо.

*Позже к ним присоединяется **Тулуз**.*

Инесса (закинув ногу на балетный станок). Идиот какой-то. Почему я должна в какую-то мутную партию вступать? Их же Альфред этот Германович даже слово «краеведение» непонятно как использует. Представляю, что у них в партии интимной «Близости» творится. Сплошные краеведы.

Виола (красится у трюмо). Не всё ли равно, куда ради денег вступать? Вот ты, например, давно деньги получала?

Инесса. Недавно.

Виола. Так поделилась бы, что ли. Мне за комнату платить нечем.

Магда. Я с тобой зато сильно поделилась, оторва!

Виола. Ты не так поняла. Он творил!

Любочка. Не ругайтесь, девочки.

Магда. Пошла ты, Любка, куда подальше! Или наш кривоногий и твои портреты писать начал?

Любочка. Почему портреты?

Магда. Потому что, когда я за ними пошла, то он, видите ли, писал. Вилку нашу. В полный рост. Нагишом. А сам

до пупа раздет.

Любочка. Сверху или снизу?

Магда. Был бы снизу, Вилка бы здесь не сидела, а в ацетоне плескалась!

Инесса (*Магде*). Это они для остроты красок. (*Виоле.*) А деньги я за свитера получила. Вязать, знаешь ли, недавно начала. На досуге. Когда уровень кислоты в агрегатах на Колчаковском не измеряю.

Магда. Ты, Инка, зубы тоже не заговаривай. Придет этот сучонок еще в мой дом. Художник, блин. Псевдореалист!

Любочка. Да что вы к нему привязались все. У вас другая проблема.

Инесса. Почему это у вас?

Любочка. Потому что нам с Вилкой всё равно, а у вас эти... Амбиции.

Магда. Вона как! Амбиции! Что-то я не припомню, чтоб этот доходяга хоть один эскиз мой набросал. Нажрется водки, оттопчется, что петух во хлеву, и спать.

Инесса. Во хлеву копытом бьют.

Магда. В ночи и копытом, кстати, бывало. Судороги у него. Алкоголические.

Любочка. Я не об этом.

Виола. Магдуль, ну что ты. Ну он один раз только... Портрет мой.

Магда. Я тебе не Магда! А Марья Владимировна!

Виола. Марья Владимировна, ну с кем не бывает. Ты ж Тулуза знаешь. Мне вообще, может, и жизни-то чуть-чуть осталось, и портрет этот последний в моей жизни, а я без нормального искусства уже не один месяц. (*Прикладывает обе руки к груди.*) Надыхаться бы. Да и не муж он тебе, кстати.

Магда (*тянет пальчики пальцев рук к ступням*). Хватит меня шантажировать своими несуществующими болячками. Сходи к врачу, развеи мои сомнения. А муж — не муж, так это не твое дело! И замуж он меня звал, между прочим! И не один раз.

Виола. Что ж ты не пошла?

Магда (*распрямляется как пружина*). Портреты мне его не нравятся!

Инесса. Девки, миритесь уже, наконец. Задрали. Давайте – мизинцы растопырили и крючками соединились. Вас послушать, так будто кругом Девы Марии с Исусиками бегают. Ну бывает...

Виола. Ин, а ты в самом деле хорошо вяжешь?

Инесса. Нормально. Никто не жаловался.

Виола. А мне свяжешь что-нибудь?

Магда. Удавку!

Инесса. Так, бабы! Хватит! Миритесь, я сказала! Натурщицы вы мои... Ну? Вилка, давай, проси прощения. С меня шарф.

Виола (*подходит к Магде, протягивает мизинчик*). Давай, а?

Магда (*отталкивает Виолу*). Не буду я с ней мириться! Чтоб ни одного моего эскиза!

Инесса. Значит, ты – муза. Их для великого хранят.

Магда. Для надгробий, да?! Ты это хочешь сказать?!

Инесса. Сглазить бояться, сглазить. С колена согнать. Магд, ты чего тут сцены закатываешь? Мы ж в одной упряжке. Нам работать вместе.

Магда. А я, закусив удила, работать буду. Думаешь, он первый раз чужие портреты рисует?

Инесса. Думаю, и ты не всегда соло пляшешь. Помиришься с Вилкой, с меня свитер.

Магда (*задумчиво*). Серьезно? С розами?

Инесса. С ними. И рукав тебе летучей мышью сделаю.

Дамы меняются местами. Инесса и Магда идут делать маки-яж. Виола и Любочка направляются к балетному станку.

Любочка. Ин, а мне?

Инесса. А виртуальным изменщицам я не вяжу.

Любочка. Ну, Ин. Я же в интернет-кафе от скуки хожу. Колька же без работы. Днем уйдет на поиски – вечером в хлам. А мне общение нужно. Этот. Социум. На меня в городе, как и на Вилку, тоже давно никто не западает.

Инесса. Надо пробовать. Чаше на людях бывать. А не по сайтам бегать.

Любочка. Я Кольку своего люблю, ты ж знаешь. А Интернет — это так, для досуга...

Виола. Это интернет-общение, что ли?..

Инесса. Во-во. Пристанище унылых интровертов и конченных неудачников. И не досуга, а досуга. Не уподобляйся краеведам, пожалей мои ушные перепонки с мочками.

Любочка. Извини. Ну а что еще делать? С Колей же особо не поговоришь... Ин, свяжи, а?

Инесса. Рейтузы, хорошо? Коляну твоему должны понравиться. Если заметит вообще. Ты б встречаться уже со своими виртуальными знакомцами начала, что ли.

Любочка. Так они ж в других городах все. Кто в Москве, кто в Питере.

Инесса. На дешевый гламур потянуло? Думаешь, там по-другому? На самом деле сидит за монитором такой вот «Колька — синяя майка» и пишет тебе от имени «Васьки — золотая цепка».

Любочка. Ну ты скажешь, тоже. Меня один, между прочим, в гости приглашал.

Виола. Что ж ты не поехала?

Любочка. А на кого я Кольку брошу?

Инесса. Всё с тобой понятно. Так и быть, свяжу тебе пару шерстяных чулок до колена. Синих.

Любочка. Хватит тебе уже шутить, Ин. Свяжи мне лучше перчаточки такие модные. Без пальчиков.

Инесса. Они сто лет назад модными были. У лотошниц с пирожками. Ладно, свяжу.

Любочка. Правда? Вот спасибо! *(Подбегает к Инессе, целует.)*

Инесса *(чуть отстраняясь).* Ох и глупая же ты, Любка. Ладно, хорош телячьи нежности разводить. Магда? Вилка? Ну?

Виола *(снова подходит к Магде, протягивает мизинчик).* Магд, ну извини. Ну прости... Давай, а? Мирись, мирись, мирись и больше не дерись.

Магда *(протягивает мизинчик).* На, подавись.

Инесса. Вот и замечательно. Итак. На повестке дня вступление в партию, что уже само по себе печально.

Любочка. А я вас, девчонки, не пойму. Это же как в Интернете. Ну, как в сообщество вступить. Зашел-вышел. Что мы теряем?

Инесса. Думаешь? Зашел-вышел?

Любочка. А чего? Меня знаете сколько в друзья добавляло, а потом удаляло. А я что, нормально. Свобода выбора. Демократия. Этот, как его. Плюрализм.

Инесса. Дура ты, Любка. Тут, знаешь, если из друзей удалят, то уже не виртуальным гробиком запахнет. Короче... Мы в партию вступаем. И это не Интернет. У кого есть мнение?.. Боже, откуда во мне этот слог?

Магда. Гены, Инка. И память историческая.

Инесса. Вот именно что историческая. Так вот, генофонд, вступаем в партию. Вопрос. Оно нам надо?

Виола. Ну я думаю, хуже не будет, если нас проспонсируют.

Любочка. И Колька, может, сивуху пить перестанет. Он же у меня нежный. Ему нельзя пить плохое. Почки, печень.

Инесса. Так, ну с вами всё на уровне колготки и рейтузов. Магда?

Магда. С одной стороны мне плевать, конечно. Я и в «Женскую» только под восьмое марта вступила. Они тогда неплохие наборы косметики и кастрюль раздавали, но что-то не пойму, откровенно... А зачем всё это нужно?

Инесса. Вот и я не пойму. Каким-то тут паленым пахнет. А позовите-ка, девочки, Тулуза. Неплохо бы и его мнение узнать.

Виола. Я сейчас.

Магда. Стоять!!!

Любочка. Девочки, давайте я.

Инесса. Давай. Только без портретов там.

Любочка выбегает.

Инесса (*Магде и Виоле*). Слушайте, хватит уже. А то я вам таких саванов навяжу, закачаесться. Ты, Вилка, конечно, паршивка.

Нет в тебе солидарности. Но и ты тоже хороша. (*Магде.*) Ни вашим, ни нашим. Или замуж за него выходи, или делись. Сама знаешь, как в городе с мужиками. Я по-бабьи Вилку, кстати, хорошо понимаю.

Магда. Так ты поэтому не пускала меня за ними сходить?

Инесса. Меньше знаешь — крепче спишь.

Любочка приводит Тулуза.

Инесса (*Тулузу*). Ну, а ты что скажешь?

Тулуз. А что сказать? У меня кисти, палитра. А тут Виола пришла. Я смотрю на нее. И вдруг началось. Я что, виноват? Это ж творческий процесс. Чувствую — надо. Писать могу. Работать. Начал с платья, конечно. Но вижу, мешает. Силуэт рыхлый какой-то. Размытый. Говорю, обнаженной попробовать надо. Вроде как Афродитой. У нас ведь, у художников, не сразу. Чтоб распознать силуэт — его из волн выцепить надо... А жарко ведь в мастерской. Ну я и разделся. По пояс... У меня такое раз в месяц, кстати, только бывает.

Магда. Вот, вот.

Инесса. Это всё?

Тулуз. Не всё. Я ведь проработать объект должен, прочувствовать, иногда даже прощупать, пропальпировать, можно сказать. Аккуратно, конечно же. Кистями, так сказать, огладить. Оттенки поближе увидеть. Вот, подошел. Пропальпировал. А тут — Магда ворвалась. Ну и получилась такая вот нелепица. Экспрессионизм, в некотором смысле. Извини, Магд. Неправильно ты нас поняла.

Магда. Кисть зато хороша была. С палитрой. Я тебе сейчас всю харю располосую!

Инесса. Так! Всё! Магда, успокойся! Глаза ему потом выцарапашь... Тулуз, я не это хотела спросить. Ты насчет Элки что скажешь?

Тулуз. Сука она. Ее только черной гуашью писать. При лунном затмении.

Инесса. Это мы все знаем. Что по поводу вступления в партию?

Тулуз. Ну что... Если выставку, конечно, сделают. Авторскую... Биеннале.

Магда. Ты пил, что ли, сегодня? Какое биеннале?

Тулуз. С портретами.

Виола. Ой, лучше не надо. Там такое...

Магда. Какое там — такое?!

Инесса. Да спуститесь вы все на землю уже! Конкретный вопрос. Тулуз, твое мнение по поводу вступления в партию?

Тулуз (*загибает пальцы*). Кисти очень нужны. Беличьи, желательны. Неплохо б, конечно, из соболя американского или египетского мангуста, но можно и не разевать варежку. Что еще? Охра венецианская, лак-гаранс, лазурь берлинская. Ватман, картон бристольский... Это для себя. А для «Мулен Руж» — материал для декораций. Погрубее. А то мельница уже вся перекосилась. Погода все-таки не французская...

Инесса. Ты издеваешься?

Тулуз. Просто знаю, чем это всё закончится.

Любочка. Чем, Тулузик?

Тулуз. Ничем. Кто мы, так — масло на холсте страны. Размажут нас. Но я, в принципе, не против. Мне терять уже давно нечего. Я и так всё потерял. С другой стороны, а вдруг и правда... (*С надеждой.*) Не кинут в этот раз.

Инесса (*задумчиво*). Художества пошли. Шиза... Иными словами, все как бы «за», я правильно поняла?

Любочка. Как бы — да.

Магда и **Виола** (*вместе*). Ну да. (*Быстро и недовольно переглядываются.*)

Инесса (*неожиданно*). А я вот против.

Виола. Ты чего это, Ин, надумала? Ладно, ты со свитерами и азотным комбинатом. Магда вон на фабрике. Ну, Тулуз еще как-нибудь пробьется. Кинотеатр, в конце концов, есть, афиши клепать будет. Любка вообще всегда, то полы у кого помоеет, то постирает. А я что?

Магда. А ты на панель! Портреты с тебя рисовать будут!

Инесса. Цыц, девки. Да, я — против. Потому что не понимаю, что происходит. Но вас большинство. И я одна к четырем полуючаюсь. Как свеча к букету на кладбище. Короче, я вас, бабы, *(смотрит на Тулуза)* понимаю. Голосовать будем?

Виола. Да ну его. И так всё понятно. Руки еще тут поднимать.

Магда *(с сарказмом)*. Вот именно. Ты ж по ногам в основном, да, Вилка?

Инесса *(усмехается)*. А что, отличная идея. Задираем? Кто — «за»?

Три правых ножки с подвязками от спонсора взмывают вверх. За ними неуверенно тянется рука Тулуза. Она в рукаве телогрейки.

Инесса. Раз, два, три, четыре. Кто — «против»? *(Танцовщицы опускают ножки, а Тулуз — руку.)*

Правая ножка Инессы взлетает вверх. На ножке — роскошная ажурная подвязка.

Инесса *(задумчиво ставит ножку на стул)*. Что ж, воздержавшихся, как я понимаю, нет. Короче, вердикт, как грится, такой. Решение принято простым большинством. Вступаем. С другой стороны, на свитера и правда особо не проживешь.

Тулуз. Сюрреализм, сплошной сюрреализм...

*Падает «тюремный» занавес.
Затемнение.*

СЦЕНА ШЕСТАЯ
ВОДОЧКА С ОГУРЧИКОМ

Авансцена. Центр.
Кабинет Следователя.
Следователь и Инесса.

Следователь. Итак, Инесса. Правильно ли понял, что в коллективе достаточно сложные отношения сложились?

Инесса. Не то слово. Отношения — как в хлеву отложения.

Следователь. Не понял аналогии.

Инесса. Почти как в городе нашем. Вот смотри. Лифты испи-саны, подъезды заплеваны и загажены. На улицах толпы безра-ботных. А виновата кто? Правильно. Власть.

Следователь. То есть отношения с Элеонорой Ивановной, я так понимаю, проблематичными были?

Инесса. Да уж, Эдик. Нелегкими, прямо скажем. Отноше-ния эти.

Следователь. Она вам часто зарплату не платила?

Инесса. Постоянно.

Следователь (*записывает в протоколе*). Что же вы в «Мулен Руж» оставались?

Инесса. Э, а вот тут всё непросто. Мы же и дольщиками од-новремененно все были. Понимаешь, вроде как по договору тан-цуем, но в то же время часть помещения каждому принадлежит. Замкнутый круг получался. Свое не бросишь, а своего-то и нет...

Следователь. Так-так. Это уже интересно. Рассказывай.

Инесса. А у тебя есть еще выпить? (*Показывает на пустую бутылку коньяка.*) В горле всё сохнет и сохнет.

Следователь. Посмотреть надо. (*Присев на корточки, лезет в сейф.*) Водку будешь? Спирт, конечно, не предлагаю. Огурец еще один есть. Малосольный. И конфеты. «Раковая шейка».

Инесса. Хорошо — не «Раковый корпус».

Следователь (*не расслышав*). А?..

Инесса. Спрашиваю, откуда набор такой уникальный?

Следователь. А, ну это мне мама прислала.

Инесса. Огурец или конфеты?

Следователь. И то, и другое. Это всё, что осталось.

Инесса (*в сторону*). Я смотрю, ты неплохо тут отдыхаешь... (*Следователю*.) Давай огурчик, наверное. А то в конфетах калории... Вообще, хорошая у тебя мама. Заботливая. Я вот наоборот своим посылки шлю. Раз в год. Носки, сигареты, мыло.

Следователь (*удивленно развернувшись и застыв с бутылкой в одной руке и жалким мешочком в другой*). За что это их?

Инесса. А за то, за что у нас на краевых архипелагах сидят. Раньше ведь как было. Диссидентство. Теперь что? Правильно. Бытовуха. Простая банальная бытовуха. Папа маме. Мама папе. (*Бьет кулачком правой руки по ладони левой*.) Так и сели оба, по дурусти. В разных местах, правда. Скучают теперь.

Следователь. Тяжелая у тебя судьба, Инесс.

Инесса. Да уж, нелегкая.

Следователь. Может, помочь, чем могу? Ты мне всё расскажешь, ну и я в долгу не останусь.

Инесса (*улыбается*). Сделку со следствием предлагаешь? Да чем дуракам помочь можно? У нас полстраны таких. Я тебе и так всё расскажу.

Следователь. Это очень хорошо. А то, честно говоря, глухарь какой-то напоминает.

Инесса. Кукушку, значит, нашел?

Следователь. Ну, Инесс, работа у меня такая.

Инесса. Я понимаю, Эдик. Всё я понимаю... Поухаживай за дамой лучше.

Следователь. Ага. Да, да.

Следователь кладет огурец в целлофановом мешочке на стол. Открывает бутылку. Заносит над рюмкой.

Инесса. Что ж ты меня, Эдик, не уважаешь, что ли?

Следователь (*зависнув*). Почему это?

Инесса. Из стаканов, только из стаканов. (*Берет с подноса два граненых стакана*.) До половинки наливай. Я все-таки дама.

Целый не выпью. А себе можешь полный.

Следователь. Не, я при исполнении. Мне много нельзя. *(Наливает в стаканы до половины. Неодобрительно кивает головой.)* Инесса, такой вопрос. А давно ты пристрастилась? К этому вот. *(Щелкает себя по кадыку.)*

Инесса. Я пристрастилась? Ну ты скажешь тоже. Это я еще не пристрастилась. У меня депрессия просто. Стресс сильный. Сам понимаешь.

Следователь. Ну да, конечно. После того, что случилось.

Инесса *(поднимает стакан)*. Ну? За что выпьем?

Следователь. За то, чтоб всех пересажали.

Инесса. Не, давай лучше за маму твою. Вон, какого красавца вырастила. Загляденье. *(Нагибается через стол, треплет его по голове.)*

Следователь. Правильно, за маму надо. Маму я люблю.

Чокаются, выпивают. Следователь вытаскивает из мешочка огурец, протягивает Инессе. Она сладострастно, точно мякоть банана, откусывает, игриво машет ручкой перед ротиком.

Следователь откусывает более смачно, с хрустом. Ухает. Бросает быстрый заинтересованный взгляд на Инессу.

Инесса. Хорошо пошла!

Следователь. Да, неплохо.

Инесса *(берет бутылку в руку)*. Наша? «Азотная»?

Следователь *(перехватывает бутылку, вертит)*. Она. Высшего качества.

Инесса. Запашок небольшой, а так ничего, конечно.

Следователь. Ну, что, Инесса? Вернемся к клубу?

Инесса. А о чем я рассказывала? Забыла. Напомни.

Следователь. Он вроде ваш.

Инесса. А, ну да, мы ж его давным-давно приватизировали. *(Следователь записывает.)* Чуть ли не за карамельки и огурцы малосольные. Тогда же неважно было, что покупать. Доли, акции, бублики, печенюшки. При наличии хороших связей всё

по одной цене уходило. Вот Элка... Ну, Элеонора Ивановна и подсуетилась. Мы потом в ООО «Мулен Руж» реорганизовались. Элке контрольный пакет перепал. Ну и мы, как бывший трудовой коллектив ансамбля «Песни и пляски», небольшие проценты получили.

Следователь. Помедленнее. Не успеваю.

Инесса (*наклоняясь к Следователю*). Ладно. Я только самое главное. Элка, короче, Гендиректором стала. Мы же в управлении всё равно ни бельмеса — художники, филологи, актрисы. Ты должен понимать. Самый страшный менеджерский состав. Мне даже кажется, что мы Элке пару лет назад доверенности по управлению долями выдали. Ну чтоб не голосовать по всяким глупым хозяйственным вопросам. Короче, в этих бумагах сейчас никто уже не разберется. Как приватизировалось? По какой цене? Сколько у кого процентов в этом ООО? Чёрт ногу сломит. Тогда вообще такой дым над городом стоял. Коромысла ломались. Даже странно, что из «Белой Мельницы» помещика Ненашева какой-нибудь ресторан не слепили. С другой стороны понятно, вроде как символ города. Это, конечно бы, уже сверхнаглость была. А, может, и ручки на тот момент еще коротковаты были. Но ты знаешь, что я тебе скажу... Тогда все-таки немного побаивались. Да и какие-никакие, а понятия были, пусть не закон, но вот понятия читли, не то, что сейчас... Эдик, да неужели ты не помнишь тот бестолковый период? Ай, ну да, ты же сам еще тогда таким же был...

Следователь (*пишет*). Бе-стол-ко-вый. Чёрт тебя, Инесса, по-бери! Я это в протокол всё записал.

Инесса. Ну ты же хотел правду. Вот она — правда. Короче, Эдик. Не грузись. Всё это к делу никакого отношения не имеет.

Следователь. А что имеет?

Инесса. Нальешь?

Следователь. А по делу можно хоть что-нибудь сказать? (*Разливает, выпивают, закусывают.*)

Инесса. А по делу так. Вот помню, у меня актер был. Ничего, что я о девичьем?

Следователь. Какой еще актер?

Инесса. Ну, из кукольного. Ты наверняка еще ходил туда. С мамой. Там теперь какой-то суд отстроили, с колоннами и ясноглазой Фемидой. *(Внезапно расстегивает несколько пуговиц на груди.)* Жарко у тебя.

Следователь. И что? Я, пожалуй, пока не буду писать. *(Завороженно смотрит на Инессу.)*

Инесса. Ну как что? Не понимаешь разве? У него амбиции. Ему в кино сниматься хочется. А он кукольник, представляешь?

Следователь. Не представляю. Какое это отношение к делу имеет?

Инесса. Отвечаю. Мы же тоже – куклы, нам «Мулен Руж» нужен, а мы дальше русских плясок не вылезли.

Следователь *(опомнившись)*. Инесса!

Инесса. Да, Эдик?

Следователь *(включает настольную лампу на гнущейся ножке, разворачивает к Инессе, светит в лицо)*. Тебя в подозреваемые перевести?

Инесса *(шуритя)*. Чего, Эдик?

Следователь. Преступления.

Инесса. Отпусти ты меня лучше. И выключи свою бандуру эН-Ка-Вэ-Дэш-ную. *(Сама выключает лампу.)* Я ж как умею, так и рассказываю. Да, согласна, много отступлений, но, с другой стороны, а как без них всё расскажешь? Надо же объяснить, почему эта ужасная трагедия произошла. Ты скажи спасибо, что я со своего детства не начала. Когда все дети в одних колготках бегали. Знаешь, как прело всё? Это тебе не «Мулен Руж». Это тебе не чулки. А ты о простом провинциальном актере послушать не хочешь.

Следователь *(снова включает лампу, светит Инессе в лицо)*. Бестолковый у нас какой-то допрос получается. Ну что там с актером? Он тоже, как твой поэт, пил?

Инесса. Нет, при мне уже нет. *(Разворачивает лампу к Следователю.)* Язва у него открылась.

Следователь *(шуритя)*. Телец?

Инесса. Пингвин. Скучнейший тип, надо сказать. От трезвости в Карабаса превращался. А иногда, знаешь, Буратиной, бывало, как глянеть — хотелось даже погладить. Но знала, нельзя — Карабас в нем сидит. Накрепко. И не кукольный давно.

Следователь. Инесса, мое терпение может и лопнуть. Выключи лампу немедленно! При чем здесь вообще эта история?!

Инесса (*разворачивает лампу в зал, поглаживает плафон*). А при том, Эдик, что мы все о великом мечтаем. О большом. О светлом. Нам каждому неповторимая жизнь дана. А меняем мы ее на кукольные театры. Плесни, а? (*Выключает лампу*.)

Следователь. Инесс, можно без философии?

Инесса. Нельзя. Ты думаешь, я не мечтала? Буратино мой не мечтал? Поэт этот долбаный? Все мечтали. Вот ты сам, как тут случился? Наверняка юрфак не ради сейфа с пистолетиком просиживал? Адвокатом, небось, хотел стать. Американские рубли килограммами стричь.

Следователь (*задумчиво разливает, задумчиво поднимает стакан, задумчиво выпивает*). Ну мечтал, и что с того? Там тоже, Инесса, знаешь, не просто так. (*Задумчиво закусывает огурицом, отдает Инессе «копчик».*)

Инесса. Может, расскажешь, тогда, где просто?

Следователь. Где, где... За границей, наверное...

Инесса. Ага. Хорошо там, где нас нет? Только мы как куда-нибудь приедем, там сразу почему-то плохо становится.

Следователь. Не скажи. Там возможностей много.

Инесса. Что ж ты не уезжаешь? Штаны здесь просиживаешь. Прилип?

Следователь. Не прилип. Мне, может, новое звание присвоят. Вот только дело это раскрою.

Инесса. А если не раскроешь, так тебя поганой метлой погонят? Что тебе это звание даст? Самоуважение? Перед кем? Перед такими же, как ты? Хибару около азотных труб выделяют? Гробо-вую пенсию? (*Выпивает. Закусывает «копчиком» от огурица.*)

Следователь (*вскипев*). Инесс! Перестань! Я, между прочим, за границу во сне уже вижу! Я о ней днем и ночью мечтаю! Так

вы мне все надоели! Но там я никто, и звать меня никак. Что ж, ты думаешь, я этого не понимаю? Лучше твоего понимаю. И вообще, я тебя не для философствований вызвал. Ты по статье свидетелем проходишь... *(Пауза.)* Пока свидетелем.

Инесса. Да? Очень интересно. Что же ты мне впясть можешь, Эдик?

Следователь. Да, откровенно говоря, что угодно.

Инесса *(хохочет во весь голос).* И он еще за границу хочет. Пясть ты там будешь, Эдик. На станках. Или в лучшем случае – вышибалой в стрип-баре. Только подкачаться, конечно, надо. Но, ничего, в порту на разгрузках рыбы и подкачаешься.

Следователь. Инесс, это, между прочим, оскорбление.

Инесса. Эдик, нашему человеку – это комплимент. Мы ж не негры какие-нибудь афроамериканские, которые героин в своих дырах продают. Что, хочется тебе еще за границу? Не передумал? Чё ж тогда не уехал? Ведь наверняка рассылал резюме свои.

Следователь. Да! Рассылал – не твое дело!

Инесса. Это цирк какой-то. Рассылал он. Меня, простую женщину, посадить хочет. А сам из страны смотать пытается.

Следователь. Никто тебя сажать не собирается! Расскажи, что было на самом деле, и я тебя отпускаю.

Инесса. Кукольный театр был. С Мальвинами.

Следователь. Под протоколом расскажешь?

Инесса. А я не помню ничего. Так – тени какие-то. Ну, как с актером моим.

Следователь. Он может что-то показать?

Инесса. Наверяд ли. Он сейчас при монастыре. Обет молчания у него. Давай, Эдик, разливай остатки... Ох и жарко у тебя... *(Расстегивает еще одну пуговку.)* Слушай, будь человеком, вырви листик из дела, а то веера нет... *(Красивой грудью ложится на стол; сексуально смотрит на Следователя.)*

Следователь хватается обеими руками за голову.

Затемнение. «Тюремный» занавес поднимается.

СЦЕНА СЕДЬМАЯ
МАГДА + ТУЛУЗ

Спальня Магды.

Письменный стол со стулом, шкаф, диван.

Магда *лежит на разложенном диване, укрывшись одеялом.*

Тулуз — *в домашнем женском халате и тапочках — сидит за письменным столом. Спиной к Магде. На столе стоят зажженные свечи.*

Магда. Какая же ты сволочь после этого.

Тулуз. Почему?

Магда. Я же люблю тебя, козла. А ты...

Тулуз. Обижаясь, что портретов твоих не пишу?

Магда. Тимка, скажи, ты идиот или придуриваешься? Какие портреты? Ты трясешься весь. Из тебя уже краски выпадают. Я тебя даже не ревную давно.

Тулуз. Что ж ты тогда мне всю харю располосовала?

Магда. Располосовала — люблю, значит. Но это не значит, что ревную.

Тулуз. А смысл?

Магда. Ты о чем?

Тулуз (*разворачивается к Магде*). Располосовывать. Я тебя сколько раз замуж звал? Сколько?

Магда (*приподнимаясь*). А я тебе сколько портретов простила? Сколько?

Тулуз (*нервно передергивает плечами*). Ну так и что?

Магда. Что?

Тулуз. Ты же всё равно не ревнуешь.

Магда. Это несущественно.

Тулуз. Тогда в чем проблема? Кто виноват?

Магда. Никто... Ты виноват.

Тулуз. Ты общаться собираешься или как?

Магда. О чем ты?

Тулуз (*отворачивается к свечам*). Вообще...

Магда (*закидывает руку за голову, смотрит в потолок*). Во-

обще не хочу... Хочу конкретно...

Тулуз. Замуж пойдешь?

Магда. Портреты рисовать будешь?

Тулуз (*греет руки над свечным пламенем*). Я не рисую. Пишу.

Магда. Понятно.

Тулуз. Что тебе понятно?! Что?!

Магда. Всё. Неудачник. Шел бы на комбинат. Ты же работал там раньше.

Тулуз. Не дождетесь...

Магда. Кто это — не дождетесь?

Тулуз. Я — художник. Псевдореалист.

Магда. Вот именно, что псевдо.

Тулуз (*взрываясь*). А у нас всё — псевдо.

Магда. Что конкретно? Что?

Тулуз (*встает, ходит взад-вперед*). Всё! Партии и народы — едины, портреты — по телевизору и на базарах! У меня в глазах от их реализма рябит! Мне реально сдохнуть хочется! Залезть на мельницу, взять какой-нибудь их размалеванный портрет с галстуком и часами, и вместе с ним, с портретом этим, вниз сигануть! Акт символизма совершить.

Магда (*усмехается*). Акт вандализма это, Тимка, будет. Бесмысленный и глупый.

Тулуз (*останавливается, смотрит на Магду, отчетливо произносит*). Вандалы памятники рушат. А это ассенизаторская работа.

Магда. За счет собственной жизни один портрет угрохать? Сильно. Очень художественно. (*Закидывает за голову вторую руку*.)

Тулуз. Если каждый с таким портретом грохнетя — города чище станут. Другие, может, писать начнут.

Магда. Если каждый сиганет, так кто же писать будет, сам подумай?

Тулуз. Те, кто родятся.

Магда. Интересно, от кого же они родятся тогда? Бессмыслица какая-то.

Тулуз. А в чем смысл, Магд? В чем? *(Возвращается к столу)*

Магда. А в том, что работать надо, а не болтать.

Тулуз *(смотрит на свечи)*. Где? На Деникинской фабрике? Уборщицей?

Магда. Я хоть деньги в дом приношу.

Тулуз. Это не деньги. Это сопли и слезы.

Магда *(лениво поворачивает голову в его сторону)*. Ну а ты-то что в своей жизни сделал?

Тулуз *(разворачивается вместе со стулом)*. Я вашу мельницу из души своей вылепил. С крыльями!

Магда. Ой-ой-ой. Не надо тут жертв. Мельницу он, види-те ли, нашу разукрасил. Четыре вращающихся культи.

Тулуз. Ты не понимаешь!

Магда. Всё я как раз понимаю. Ты когда на нормальную работу устроишься?

Тулуз. Никогда! Я не собираюсь ее искать! Я — художник. Я не хочу больше на их псевдокомбинатах работать! Я не буду в их киношках афиши клепать!

Магда. Гордый очень? Кисть в горле застряла?

Тулуз *(сидит на стуле, сильно наклоняется в сторону Магды)*. Не застряла. Я могу сутками писать, ты же знаешь. Я — трудоголик. Но я не хочу писать. Потому что не желаю находиться в реальности, которая больше похожа на дешевый и дрянной авангард, в котором не разбирается даже безумный автор. Я дышать не могу, когда эта ублюдочная масса в телике из своих долще-рубашек выглядывает, а я в телогрейке несколько лет хожу! Когда они по фуршетам тусуются и гужуются, а нам жрать нечего! Когда они в партийных блоках и пентхаусах, а мы в партийных вшах и бараках! Это рабство, Магда! Это не работа! Они же кровь нашу цедят сквозь свои упырьки зубки. Магд, ты не понимаешь, это росянки все. Мы для них типа мух.

Магда. У тебя что, есть какие-то другие предложения? Ты же сам к ним в партию вступаешь.

Тулуз. Нет у меня предложений. В том-то и дело, что нет. Я свои предложения на азотном комбинате оставил, когда он еще

не Колчаковским был. Я свои идеи, Магд, на нарах отлежал. Потому и вступаю, что не хочу я больше ничего и никому предлагать. Я смысла в этом не вижу!.. Я крест на себе давным-давно поставил. С гвоздями... Если хочешь, я терновый венец на себя натянул. Собственноручно.

Магда *(зевая и прикрывая рот ладонью)*. У тебя мания величия от выпивки развилась.

Тулуз *(поворачивается к столу, берет двумя руками свечу, близко подносит ее к лицу, поднимается, идет к Магде, по пути говорит)*. Да. Мания. Только не величия, а преследования. Пойми, я маленький брат, очень маленький, но есть и Большой Братец. И он следит, он за каждым движением нашим подглядывает. Каждый вдох и выдох подсчитывает... А потом с экранов лыбятся — выдает наши выдохи за посевы с удоями. За тонны и литры. За азоты и кислоты... Но вдохи-то наши он не считает, Братец этот. Ему плевать на вдохи... которых всё меньше и меньше, Ему выдохи нужны... Не люди с эмоциями, а канаты из нервов... И да, согласен... Я не крест, я, если хочешь, кол себе в душу осиновый вбил... Потому и вступаю в легион этот, в тьму, к Князю Тьмы... В поколение «Байкал»... Но и не только поэтому я вступаю. Не только из-за себя, но и ради вас. Потому что... А вдруг, вдруг не облапошат в этот раз... Вдруг и правда «Мулен Руж» будет... Вдруг — это не Князь? Не орда? Не опричники?.. Единственное, что я не растерял еще... Во что кол еще не вбил — это в веру, в надежду свою... *(Аккуратно берет двумя пальцами крестик, свисающий на шнурке, показывает Магде)*. А вдруг...

Магда. Тим, демагогия это всё. Скучнейшая и нелепейшая демагогия.

Тулуз *(стоит около дивана, смотрит сверху вниз на Магду)*. А всё остальное, по-твоему, не демагогия?! Магда! Да что ты от меня хочешь? В партию мы завтра уже все скопом вступаем. Декорации я малюю. Что тебе от меня вообще надо?!

Магда. Мне мужик нужен. А не вот этот псевдореализм в трусах и с крестом! С базарными разговорами. *(Показывает пальцем на Тулуза)*. Я сама себе это, между прочим, сто раз гово-

рила. Но я из этого идеологию не выстраиваю. Мне глубоко наплевать на всех этих легионеров. Мне просто нужен нормальный человек рядом. Вот и всё.

Тулуз (*садится на край дивана*). Знаешь что. Я тебе так скажу. Ты баба красивая. Умная. Бери тогда себе слесаря. ЖЭКовца. Не знаю я... простого мужика какого, чтоб лампочку ввинтить мог, кран починить, унитаз... Чтоб он пиво у телика с портретами жрал и под частушечные свистопляски на диване подпрыгивал, когда электричество вдруг врубают... А я — пишу... Ты понимаешь, пишу — я... Мне для этого и дневного света хватает.

Магда. Что ты там пишешь? Утят каких-то гадких да тварей болотных. Какой ты художник?

Тулуз. Да, утят! Потому что нет лебедей давно! Нет прудов! Твари сплошные! Мрази болотные!

Магда (*приподнимается*). Давай без истерик. Ищи лебедей. Ты ж художник. Тебе и кисти в руки. Знаешь, Тим, мне кажется, это в твоей голове проблемы. Ты видишь только то, что тебе удобно. Ты просто не хочешь делом заниматься. Действовать, вперед двигаться. Ты на самом деле надумал всё, чтобы вообще ничем не заниматься.

Тулуз. Портреты в галстуках на каждом шагу надумал?

Магда (*ложится*). Нет. Тварей. Знаешь, каждый видит то, что хочет.

Тулуз. Но тебя же я увидел. Разглядел... Я тебе сколько раз замуж предлагал?

Магда (*смеясь в голос*). За кого? За вот это вот? С одной беличьей кистью?

Тулуз. А хоть бы и за вот это. Чем я хуже тех, что к клубу свои руки тянут? Ты думаешь, для них партия цель? Нет, это мы — цель. А партия не цель, как ее не обзови.

Магда. Ну, ты тоже скажешь. Мужик он, конечно, противный и глупый. Но в отличие от некоторых дело свое знает и не рефлексирует.

Тулуз. Вот именно что... У них этот орган отсутствует. Потому что это не люди, а функции... Сама-то, кстати, тоже заартачилась

поначалу.

Магда. Я не артачилась. Просто в «Женской» духи давали и помаду неплохую. А с этими как-то пока неясно.

Тулуз. Ясно будет, не забалуем.

Магда. Ну, Тимка, ну умоляю тебя, давай без политики. Ты вообще весь из противоречий соткан. Говоришь одно, а сам же в толпе со всеми идешь. Тебя же никто силком туда не тянет. Ну, приехал посыльный из администрации. Ну, предложил спонсорство. Ну, в партию вступить. Хочешь вступи — хочешь не вступи. Свобода выбора. Что конкретно тебя в этой ситуации не устраивает?

Тулуз. Краски. Палитра у них с запашком... И, кстати, силком, если уж на то пошло. Он же сказал. Только все вместе... С другой стороны, а вдруг... Вдруг в этот раз мы не Сусаниных получим, а Данко?

Магда. Ой, ну не начинай. Иди ко мне лучше. Краски его, дурачка, не устраивают. Многие вообще вон дальтонизмом страдают и ничего — в костюмах, а не в телогрейке.

Тулуз (*ставит горящую свечу на пол*). Магд. Слушай...

Магда. Ну?

Тулуз. Замуж пойдешь?

Магда. Давай потом как-нибудь... (*Похлопывает ладонью по дивану*) Тебе поспать надо.

Тулуз. Ладно. Я и в самом деле устал очень. Ты знаешь, мне давно кошмары какие-то снятся. Только наяву... (*Не снимая халата, ложится, обнимает Магду, кладет ей голову на грудь*.) Ощущение, будто я кусок говядины в мясорубке.

Магда. Хватит уже. Свечи не забудь потушить.

Тулуз. Пусть горят.

Магда. А если сгорим?

Тулуз. Не сгорим. Я в последнее время темноты стал бояться. Спи, Магд.

Магда (*перебирает пальцами волосы на голове Тулуза*). Спи, Тим. Баюшки-баю.

Затемнение.

Ночь.

Сон Тулуза.

По сцене бродят призраки в белых балахонах. Они расставляют мебель из кабинета Элеоноры Ласковой. Слышатся голоса: «Смерть. Убьют... Мука. Фарш... Почему хлебушек? Вас здесь не стояло. Вам еще рано... Извините, я за вами буду. А то в другой очереди колбаску дают... Давайте. Только быстрее. Одна ножка здесь – другая там... А то убьют, убьют, убьют... „Белая Мельница“ – душа перемелется. Лопасты, крылья. И жернова... – Призраки тушат свечи. – За день мы устали очень, скажем всем – спокойной ночи, глазки закрывай, баю-бай...»

СЦЕНА ВОСЬМАЯ **КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ**

Кабинет Элеоноры Ласковой.

Элеонора Ласковая, Инесса, Магда, Виола, Любочка и Тулуз сидят вокруг круглого стола. Пьют чай.

*В кабинет деловым шагом входит **Представитель**. В руках у него неизменный кожаный портфель с блестящими замками. Дамы поднимаются навстречу гостю. Тулуз сидит не шелохнувшись.*

Представитель. Добрый день, сударыни. Ну-с, как ваши дела? Что надумали?

Элеонора Ласковая. Альфред Германович, (помахивает заявлениями) решение принято единогласно! Все – за!

Представитель (улыбаясь, ставит портфель на стул и берет заявления в руки). Ай, молодчинки какие! Впрочем, я и не сомневался. (Внимательно просматривает заявления.) Ну что ж, милейшие, надо бы такое большое событие отметить. Вы как?

Инесса (вытягиваясь и отдавая честь). Всегда! Близость должна быть близкой, а партия – партийной.

Представитель. Очень хороший лозунг! Отличный. Я его,

с вашего позволения, на Съезд вынесу.

Инесса. Несите.

Тулуз (*сидя*). Мы еще что-нибудь в таком же духе придумаем.

Представитель (*ко всем*). Минуточку... С вашего позволения...

Говорит что-то в трубку мобильного телефона, после чего несколько человек в однотипных костюмах вносят пакеты с алкоголем и закуской.

Элеонора Ласковая (*подхватываясь*). Ставьте прямо на стол. Мы сами, сами...

Элеонора Ласковая и танцовщицы расставляют тарелки и бокалы на круглом столе. Вытаскивают из пакетов с изображенными на них сердцами гостинцы. Однотипные молча покидают помещение.

Элеонора Ласковая. Ой ну что же вы, Альфред Германович. Не надо было.

Представитель. Это мелочи, Элеонора Ивановна. Партия заботится о своих членах.

Любочка. А нам удостоверения выдадут какие-нибудь? Ну, что мы в партии?

Представитель. Обязательно, родная вы моя. И удостоверения, и значки. Майки с эмблемами будут. Пакеты.

Виола. А скажите, нам теперь льготы какие-нибудь полагаются?

Представитель. Этого, милая моя, пока не предусмотрено. Но мы над этим плотно работаем. Полагаю, в следующем году будет внесен законопроект о льготном обслуживании партийных работников. Туда, естественно, и транспортные услуги войдут, и медицинское обслуживание, и образование. Наш блок печется о своих членах. О своих близких. Мы же не какие-нибудь пустозвоны говорящие. Мы только за дела. А дела у нас – конкретные.

Тулуз. Это точно.

Представитель (*кидает беглый оценивающий взгляд на Тулуза*). Да, да, Тимофей Палыч! Мы верим в «Близость»! Мы верим в себя!

Тулуз. Главное на сходки свои не забудьте позвать, а то мы по политинформации соскучились.

Представитель. Непременно!

Выстреливают бутылки с шампанским. Бокалы наполняются. Все стоят в ожидании ёмкого тоста.

Представитель (*подняв бокал*). Ну что ж. Как говорится — за наших новых членов, которые, полагаю, окажут посильную помощь в созидании и развитии нашей многонациональной и многополовой партии. Партии, которая дала стране всё — свободу, единство и право на выбор. Партии, давшей кров и хлеб, благосостояние и уют, защиту и заботу о каждом гражданине великой страны! Ура!

Дамы. Ура! (*Чокаются.*)

Инесса. Про многополовую это вы хорошо!

Тулуз. Про алкоголь забыли.

Представитель. Что?

Тулуз. Кров и хлеб, наркотики и алкоголь.

Инесса с Магдой смеются. Представитель недоуменно смотрит на Тулуза.

Представитель. Что вы хотите этим сказать?

Тулуз. Так ведь свобода. Вы же ее сами дали. Кому хлеб, кому — по венам.

Представитель. Нет, дорогой мой, (*ставит бокал на стол*) вот с этим мы боремся и будем бороться. Беспощадно! Ибо нация не должна пропасть и быть стертой с лица земли. Это — пороки. Это — не свобода. Вот походите на наши собрания, сами поймете. Странно, вроде бы художник, а так темны... Ведь сколь-

ко их сгорело в этой пагубе, сколько в яду потонуло, сколько скоропостились. Вашего брата, прежде всего. Мотрек опять же ваш.

Тулуз. Умерло, да, много. Только сдается мне, что так они бы еще раньше, как вы удачно выразились, скоропостились. Лотрек, так он бы в нашем крае и двух картин не написал.

Представитель. Обязательно ходите к нам на собрания. Обязательно. Считайте это моим официальным приглашением.

Тулуз. Вроде как в клуб анонимных алкоголиков?

Представитель. Мне просто кажется, вы не очень правильно понимаете смысл термина – «свобода».

Тулуз. Хотите об этом поговорить? Я вот иначе думаю. Калорийный алкоголь в нашей стране можно заменить только тяжелым наркотиком. Главное, конечно, чтоб посуда чистая была, но это уже, конечно, кому как повезет. *(Садится за стол.)*

Элеонора Ласковая. Да что это на тебя нашло, наконец, Тулузик! Потом, всё потом! Давайте праздновать! Он, Альфред Германович, не с той ноги, видимо, встал. Простите его.

Тулуз *(начинает есть)*. Да уж. Точно, не с той. Мне вообще последнее время кошмары какие-то снятся.

Представитель. Да за что ж его прощать. Мы теперь с ним единое целое. Возьмем, так сказать, на поруки. Подарим краски. Холсты. И все заблуждения из головы выйдут. Скажете тоже. Наркотики, алкоголь. И как вам такое в голову только пришло?

Магда. Это он так просто сказал.

Виола. Просто так он.

Тулуз. Собственно, да. Просто. Так. А краски, кстати, когда будут?

Представитель. Со временем, родной вы мой человек, со временем. Страна только-только с колен подниматься начала. Борьба идет. Строительство. А дело ведь это серьезное. *(Любочке.)* Вот вы чем собираетесь заниматься?

Тулуз. Ну, я так и предполагал.

Любочка. Как это чем, Альфред Германович? Танцевать, естественно. «Мулен Руж» в порядок приводить. На мировой ры-

нок, может, даже... ну, как вы говорили...

Представитель. Вот это правильно. А что это мы стоим все? Вон Тимофей Палыч давно уже за обе щеки уминает.

Тулуз. Пытаюсь успеть. Пока обо мне партия печется.

Представитель. А давайте-ка и мы присядем. А то получается, будто мы у Тимофея Палыча в незваных гостях.

Тулуз. Это вы верно заметили — присядем. У вас приступ юмора?

Элеонора Ласковая (*Тулузу*). Ты невыносимый сегодня!

Представитель. Не ругайте его, Элеонора Ивановна. Он просто голодный.

Тулуз (*остервенело откусывает колбасу*). А голодный художник — маньяк.

Все присаживаются, накладывают в тарелки еду.

Представитель (*ставит портфель у стула, садится, накладывает на тарелку мяско, салатки с колбасами и настороженно поглядывает на Тулуза*). Извините, милые мои, я тоже с утра не ел. Весь в мыле. Культурное наследие — оно же жертв требует. Самоотдачи. Порой придешь домой, рубаху скинешь, а она насквозь...

Тулуз. В крови.

Представитель (*чавкая*). А?

Тулуз. Колбаса в крови.

Представитель (*откидывается на спинку стула*). А? Да. Моя любимая. Кровяная. Можете, конечно, не кушать, это на любителя. А я вот ее с детства обожаю. Тяжелое, кстати сказать, детство было. Без деликатесов. (*Обращается ко всем*.) Помню, придет отец с работы. Развернет газету. А там она. А запах — пальчики оближешь!.. Отец у меня тогда партсекретарем на Микояновском мясокомбинате работал. Ну, который недавно в имени Корнилова переименовали. Тяжеленная работа была, доложу вам. На разрыв. Аж кости трещали... (*Ловит заинтересованные взгляды*.) В смысле соли у отца были. Хрустел сильно...

Тулуз (*поперхнувшись*). Да, Германыч, ну вы зажигаете сегодня. Что не фраза, то афоризм. А, скажите, предок ваш, он на мясодобойню по заблуждениям, естественно, пошел?

Представитель. Ну, тогда все по заблуждениям, вы же знаете. Времена такие были.

Тулуз. А там что, зарплату колбасой платили?

Представитель. Бывало, да. Бывало и так.

Инесса. Очень интересно. А чем же тогда партсекретарям на азотном комбинате выдавали?

Представитель (*пожимая плечами*). Вот уж не знаю, откровенно говоря.

Тулуз. Ничего, выкручивались как-нибудь.

Элеонора Ласковая. Тулуз?

Тулуз. Да?

Элеонора Ласковая. Жри, мой мальчик.

Тулуз. Жру, мамочка.

Представитель (*облизывая пальцы*). Да, так вот. К делу. Вот вы, милые, танцевать хотите. «Мулен Руж» восстановить. Это правильно.

Магда. Вообще-то реставрация — это ваша идея была.

Представитель (*задумчиво*). То-то и оно, то-то и оно... Но...

Элеонора Ласковая (*испуганно*). За это время что-то изменилось, Альфред Германович?

Представитель (*сыто отрыгивая*). Многое что, Элеонора Ивановна. Очень многое. Жизнь течет, реки вспять разворачиваются...

Тулуз. Люди тонут.

Представитель. Да, к сожалению, тонут. Но вот партия растет и ширится, и с курса своего не свернет. Так что «Мулен Руж» был, есть и будет!

Инесса. Ну, он уж больше века как есть.

Представитель. Я про наш «Мулен Руж» говорю. Свой, самобытный, с национальным, как принято говорить, колером.

Инесса. «Мулен Руж»? С национальным российским колером?

Тулуз. Вы нам, Германыч, всё больше и больше нравитесь. А как вы нашу самобытность на рынке продвигать собираетесь? Любопытно просто. Где мы и где мировое сообщество? Легче азотный комбинат кому впарить. Вместе с Колчаком.

Представитель. Вот, милейший, вот! Впарить! Так мы страну и разрушили. А надо не впаривать, а продавать товар. Новый, самобытный. Исконный.

Любочка. Но ведь «Мулен Руж» — это не наш товар.

Представитель. Да, не наш, но надо сделать, чтоб стал нашим. С русскими березками, кокошниками.

Тулуз. Олимпийским мишкой и прочей фауной.

Виола. Это мультик какой-то. Я сейчас от смеха умру. Как вы себе это представляете, Альфред Германович?

Представитель. По-русски. Вам спонсорство вообще нужно или нет?

Элеонора Ласковая. Конечно, нужно, Альфред Германович. Не слушайте их. Диссидентов этих. Своего счастья не знают.

Представитель. Ну, диссидентство мы в партии искореним, не сомневайтесь.

Тулуз. Искоренили уже один раз.

Элеонора Ласковая. Тулуз, да что вообще с тобой творится?! Какая тебя оса ужалила?

Тулуз. Телевизионная. Как не включу этот ящик — меня тряссти начинает. Радуюсь только, когда они копыта отбрасывают, а я некрологи читаю. Только жаль, маловато их — некрологов. Ничего же ровным счетом за последние годы не изменилось, только хуже стало.

Магда (*поглаживает его руку*). Успокойся, милый.

Представитель. Тимофей Палыч, друг-человек, что же вы тогда в партию вступили? Я вас, откровенно говоря, не понимаю. И не смотрите вы этот телевизор! Выключите его. Лучше меня послушайте. А я плохого не посоветую. А телевизор — это так, реклама.

Инесса. Точно. «Ваниш» — интеллектуальная формула идиотизма.

Тулуз. За компанию я вступил. Чтобы остальных не подставлять. Вы же реставрацию вначале обещали, а тут опять кокошники какие-то начались. И не реклама это — а пропаганда.

Представитель. Какое опять? Какая пропаганда? Тулуз Палыч? Это новация — проект русского «Мулен Ружа», так сказать. А не хотите кокошники, выносите на совет свои предложения. Мы за плюрализм. Всегда проголосуем. В конце концов, это и «Кантри» может быть. Сейчас модно дружить. У вас у самого есть предложения?

Магда. Нет у него предложений.

Тулуз. Есть. Робы с нашивками, а мы на шконках канкан танцуем. А «Кантри» не прокатит. Не исконное. И вообще, мы скоро коней с вашим благосостоянием жевать начнем. Что касается «Кантри» — так там ковбои. А они на конях быков ловят. А какие из нас ковбои? Где у нас быки? Одни голодные индейцы со стрелами остались. У нас лассо на бельевые веревки пошли. Нет у меня предложений, Германыч. И не будет. Права Магда. Вещайте.

Представитель. Станный вы. И сравнения эти ваши... Но, понимаю, с другой стороны... Творческая интеллигенция. Ладно, дамы, вернемся к моему предложению. Или, может, кто с идеей какой выступить хочет?

Инесса. Я тут подумала, Альфред Германович...

Представитель. Слушаю вас внимательно.

Инесса. Может, ну, как в индийских фильмах? *(Складывает ладони домиком, держит импровизированный шалашик под подбородком, ходит головой влево-вправо.)* Джимми, Джимми, Джимми. Ача, ача, ача.

Тулуз. Или вот еще что, извините, совсем забыл. При национал-социалистах, например, канкан танцевали с симпатичными крестиками на шапочках. Для разнообразия можно попробовать.

Представитель *(внимательно смотрит то на Инессу, то на Тулуза).* Больше предложений, я так понимаю, нет?

Элеонора Ласковая подхватывает два куска кровяной колбасы и быстро засовывает один Инессе в рот. Тулуз ловко успевает вернуться от второго, но идей на обсуждение больше не выносит.

Любочка. Вы рассказываете, Альфред Германович. Кокошники – это очень интересно.

Представитель. Ну, что ж... для начала мы, конечно же, отреставрируем здание. Бригад у нас много, так что реставрацию проведем в кратчайшие сроки. Программу, думаю, следует поменять. Канкан, конечно же, останется. Куда без него, но надо бы разбавить чем-нибудь исконным. «Березкой», «Барыней», «Калинкой-малинкой», «Казачком». Словом, сделаем этакий русский фейерверк.

Магда. Вы это серьезно сейчас?

Представитель. Вполне.

Любочка. А она долго будет идти, реставрация ваша?

Представитель. Наша, милочка, реставрация долго идти не будет.

Любочка (*поправляя*). Любочка.

Представитель. Да, Любочка. Так вот – повторюсь, недолго. На подготовительный период: замеры и прочую архитектурную чепуху, думаю, уйдет от силы пару недель.

Тулуз. Бригада из таджиков?.. Кстати, Германыч, как вы вообще себе наших дам в мужском танце представляете? В «Казачке», например? С выходом... И, кстати, я тут подумал, давайте уж сразу на планетарный уровень выходить. Всё как-то посолидней, а то мы с мировым мелочимся сильно.

Элеонора Ласковая. Сколько уже можно!

Тулуз. Сколько нужно.

Представитель (*миролюбиво*). Ну-ну-ну. Не ссорьтесь. Бригады у нас интернациональные. Материалы немецкие. Спонсорство российское. А «Казачок», кстати, можно и на «Цыганочку» сменить. Тоже, кстати, с выходом. Со временем, может, и с плане-тар-ным.

Виола (*хлопает в ладоши*). Здорово!

Инесса (*пережевывая колбасу*). Не «Казачок», так «Цыганочка». Как всегда у нас. Пир во время чумки. (*Пауза*) Колбаса, кстати, и правда дрянь. Но мерси за экскурс в прошлое.

Представитель. Именно, как всегда. Но гораздо качественней и оперативней. А колбаса на любителя, я предупреждал.

Тулуз. Угу. С кокошниками. (*Пауза*) На любителя.

Элеонора Ласковая (*Тулузу*). С грядущей безработицей кого-то. (*Смотрит на Инессу*) Двоих.

Тулуз. Молчу.

Инесса. Жую.

Представитель (*в легком замешательстве*). Единственное...

Элеонора Ласковая. Да, да, Альфред Германович, говорите. Что же вы замолчали?

Представитель. У меня к вам просьба небольшая будет. Думаю, вам это даже где-то выгодным предложением покажется. Все-таки «Мулен Руж» предполагает *большее* количество танцовщиц. А у вас четверо уволились. Вот мы и готовы предложить вам на время наших партиек-наставниц. Вы их со своей стороны подучите да и они вас в партийном плане подготовят. Шефство над вами возьмут. Полагаю, подружитесь. Можно сказать, целый боевой отряд у вас будет. В смысле ансамбль.

Тулуз. «Песни и пляски». У нас уже был когда-то такой.

Виола. Чтоб я свое трюмо с кем-то делила? Ну уж нет, Альфред Германович. Тут извините.

Инесса. Да, балетный станок всех не выдержит.

Магда. Я, откровенно говоря, с чужими танцевать тоже не буду.

Элеонора Ласковая (*сквозь зубы*). Еще как будете. С прискоком даже... Отличная идея, Альфред Германович. Мы согласны. Людей-то в городе нет. Все кадры кто на азотном, кто на шерсто-мойной. Культурное наследие никого, к сожалению, не волнует в наше время. «Березка», «Цыганочка» — это ж уникальный русский «Мулен Руж» будет!

Представитель. Вот и славно! Значит, договорились?

Элеонора Ласковая. О чем речь, Альфред вы наш Германович! Если за ваш счет, конечно.

Представитель. Ну, естественно, за наш. *(Кричит.)* Девочки!

В помещение строевым шагом входят четыре женщины в одинаковой форме со значками-сердцами на правой стороне френчей. Вытягиваются во фронт.

Представитель. Знакомьтесь. Роза, Жанна, Нонна и Даша. Лучшие кадры. Почти со сценическими именами.

Инесса. Особенно Даша.

Элеонора Ласковая *(с распростертыми объятьями).* Проходите девочки, проходите, будем знакомиться.

Магда *(с сомнением).* Они танцевать-то умеют? *(В изумлении показывает на Дашу, напоминающую гренадера.)*

Представитель. Если надо — научатся.

Тулуз. А не смогут — заставим. Тем более что вашу «Березку» любой дурак спляшет. «Катюша», и та побойчее будет.

Представитель *(Тулузу).* Кстати, а вы сами-то как, Тимофей Палыч? Танцами никогда не занимались? Как-то без мужчины, и «Мулен Руж». Вот в Париже... Да и вообще. Вы прямо в середине к ним проситесь. А они будто лопасти.

Тулуз. А я вроде точки, вокруг которой они кружатся, да? А вам, Германович, мой рисунок еще не понравился. Не, Германович, я художник, а не плясун.

Представитель. А все-таки подумайте. Должно неплохо получится. Я серьезно. В вас некий нерв чувствуется, это очень хорошо для танцев. Да и рост неплохой. Размер быстро подберем.

Тулуз. Не льстите. Мелкий подхалимаж здесь не оплачивается.

Представитель. Ну зачем вы так. Я ж от всего партийного сердца.

Элеонора Ласковая. Мы обязательно подумаем над вашим предложением, Альфред Германович. Да, Тулузик?

Тулуз. Да, мамузик.

Представитель. Очень хорошо. Ну что ж, полагаю, вам теперь всем следует поближе познакомиться, а вот мне бы хотелось с Элеонорой Ивановной ряд организационных вопросов обсудить. Не могли бы вы нас, так сказать, для конфиденциального разговора наедине оставить?

Инесса. Для конфиденциального – это мы всегда. Смотрите, краски правильно подбирайте.

Представитель. Не понял?

Виола. Это наше внутреннее, почти профессиональное.

Магда (*Виоле, тихо*). Ах ты ж стервь такая!

Представитель. Прошу прощения?

Любочка. Это она не вам, Альфред Германович.

Тулуз. Это она мне.

Представитель. А, ну тогда ладно. (*Партийкам-наставницам*.) Девочки, не подведите. Надеюсь на вас.

Роза (*выпрямляя спину*). Будет сделано, Альфред Германович!

Все расходятся. Остаются Элеонора Ласковая и Представитель.

Представитель. Ну, Элеонора Ивановна, спасибо вам и от меня, и от всей партии, конечно же. Буду ходатайствовать о награждении вас грамотой. За подписью главы администрации. Правда, он недавно приболел крепко. С ним это иногда случается. Но выздоровеет – обязательно замолвлю словечко. Просто сейчас, боюсь, он меня не очень адекватно воспринять может. Перенапряжение сильное.

Элеонора Ласковая. Ой, Альфред Германович, это такая честь для меня, такая честь. Не знаю, как вас и благодарить.

Представитель (*вышагивая и залажа руки за спину*). Тут у меня несколько формальных вопросов к вам образовалось, если позволите.

Элеонора Ласковая. Хоть сотню.

Представитель. Скажите, а у вас всё под юридическое лицо

оформлено, я правильно понимаю?

Элеонора Ласковая. Конечно. ООО «Мулен Руж». А что, Альфред Германович, позвольте узнать, за вопрос такой странный?

Представитель (*легко махнув рукой*). Да, чистая формальность. Просто, сами понимаете, чтобы проспонсировать такой грандиозный русский проект – провести в кратчайшие сроки реставрацию, выделить деньги на гонорары, купить новые наряды, мы же это как-то оформить должны. Юридически. То есть куда и на каком основании деньги переводить. Договор надо подготовить. Расчетный счет ваш нужен. Данные Генерального директора, учредителей всех...

Элеонора Ласковая. Ах, ну да, что ж я такая... Генеральная – я. Вы, наверное, знаете. А учредители мы все. Мы ж это всё давным-давно приватизировали.

Представитель. Надо же, как интересно. В равных долях, полагаю?

Элеонора Ласковая (*пряча глаза*). Почти. У меня контрольный.

Представитель. Вы еще что-то хотели добавить, может?

Элеонора Ласковая. Ну... от остальных у меня доверенности есть. Не знаю, интересно вам это или нет.

Представитель (*радушно улыбается*). Ну, это же отлично просто. Приятно работать с умными людьми. Знаете, как мы сделаем. Мои люди тогда необходимый пакет документов составят, если позволите, и на подпись к вам. Можете особо не вдаваться в детали. Это всё так, чистая бюрократия. Там вам подписать просто надо будет. Если хотите, за остальных тоже подпишитесь, чтобы от репетиций их не отвлекать. Раз уж у вас доверенности. Бумаг просто много. Сделаете? Это достаточно срочно.

Элеонора Ласковая. Конечно, что за вопрос.

Представитель. Тогда вечером к вам подъедут, а вы к этому времени подготовьте, пожалуйста, все документы. Ну, классический пакет по вашей компании и помещению... Да, забыл совсем. Это вам в некотором роде аванс. (*Достает из кармана бумажник, из него толстую пачку денег, отсчитывает несколько*

купюр, остальное кладет обратно, прячет бумажник в карман.)

Элеонора Ласковая. Спасибо. А что так немного?

Представитель. Ну это ж для начала только. Всему свое время... Остальное (*хлопает себя по карману*) через пару деньков... Я просто на время по краеведческим делам отъехать должен... Заметьте, Элеонора Ивановна, эта часть — наличными. Расписочку только подпишите, пожалуйста. Я подготовил. (*Берет портфель, открывает замки, вытаскивает лист бумаги и ручку*) Вот, возьмите.

Элеонора Ласковая (*удивленно*). Но здесь гораздо больше написано. В разы как бы. В сотни раз, если не в тысячи. А мне тут даже на платье не хватит. (*В изумлении смотрит то на купюры, то на расписку*) Я не могу, Альфред Германович. Поймите меня правильно. Да еще от имени Гендиректора. Да и без свидетелей. Без коллектива нашего, творческого. Как-то странно это всё, вам не кажется?

Представитель (*нежно-нежно*). Что ж тут странного? Естественно, тут больше написано. Нужны же какие-то формальные гарантии от вас. Что ж вы думаете, я просто так к вам ездил? Культурные достояния с наследиями на произвол судьбы оставлял? От важнейших дел отвлекался? Вы не переживайте, никакого обмана. Неужели вы думаете, что партия будет обманывать своего преданного партийца? А что без свидетелей, так на то и конфиденциальность. Этими деньгами вы вправе распоряжаться по собственному усмотрению. Вы меня понимаете? (*Заглядывает ей в глаза, говорит отчетливо*.) По собственному. А как остальные бюрократические, ничего не значащие, бумажки подпишем, так эту расписочку сразу же и порвем. Прямо на ваших изумительных глазах.

Элеонора Ласковая (*берет ручку*). Ну если на глазах.

Представитель. Только на них. Слово даю. Вы подписывайте, Элеонора Ивановна. Не бойтесь. А я о грамоте походатайствую... Да, такой момент еще. Пусть ваши и наши порепетируют какое-то время в другом месте. Вы ж понимаете. Краской будет пахнуть. Звук дрели. Запах. Шум.

Элеонора Ласковая (*занеся ручку над распиской*). А где же им репетировать?

Представитель. Ну, скажем, в помещении какого-нибудь завода. Что тут у вас рядом?

Элеонора Ласковая. Шерстомойная фабрика.

Представитель. Та самая? Деникинская? Краснознаменная? Ну вот! Вот! Пока реставрация идти будет, пусть они там и потанцуют. Цеха-то пустующие наверняка есть. Ведь не секрет, что в момент восстановления страны — развала убийственно много.

Элеонора Ласковая. Вы полагаете, Альфред Германович? Убийственно?

Представитель. А как иначе? Без разрушения не бывает созидания... А что до «Мулен Руж», то тут ведь сверлить начнут. Полы новые класть. Разве нашим красавицам до репетиций будет? Разве смогут это выдержать девичьи ушки?

Элеонора Ласковая. А и в самом деле, как это я не подумала.

Представитель. Вот и чудно. И знаете, что. Мне кажется, Тулузу вашему тоже неплохо бы к ним присоединиться. А то как-то... Такой ансамбль, и без мужчины. Да и уж больно нервный он, откровенно говоря. На взводе каком-то. Пусть слегка развеется. Хотя, конечно, если у вас есть кто-то другой на примете...

Элеонора Ласковая. А вы знаете, я тоже об этом думала. Ему было бы полезно.

Представитель. Вы поговорите с ним. Мы ему даже, может, краевую выставку организуем.

Элеонора Ласковая. Обязательно.

Представитель. Вот и превосходно! А что это вы, Элеонора Ивановна, застыли? (*Аккуратно, но настойчиво опускает ее руку*.) Вы подписывайте, подписывайте, и печать, пожалуйста, не забудьте поставить. Чистая формальность.

Элеонора Ласковая (*подписывает, достает из ящика стола печать, дышит на нее*). Здесь?

Представитель. Тут.

Элеонора Ласковая ставит печать.

Представитель (*легким движением руки подхватывает расписку, прячет в портфель, с шумом застегивает замки*). Поверьте мне, потом все в шоколаде будем.

Элеонора Ласковая (*мечтательно*). Да, шоколад я очень люблю. Особенно пористый.

Представитель. А я вот, знаете, как-то по колбаске больше.

Элеонора Ласковая (*в прострации держит ручку в приподнятом кулачке*). Голодное детство. Понимаю. Без деликатесов.

Представитель (*жестко*). Ручку верните.

Лопасты мельницы с надписью «MOULIN ROUGE» набирают обороты, ускоряются и начинают быстро-быстро вращаться.

Медленно гаснет свет.

Опускается «фабричный» занавес.

На авансцену выходят танцовщицы и партийки в серебряных кокошниках и мини-сарафанах под цвет коры исконных русских деревьев. Звучит унылая «Березка». Все водят хоровод, в середине которого притоптывает обезумевший Иванушка-дурочок. Это – Тулуз.

Затемнение.

Антракт.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ БЕЛАЯ МЕЛЬНИЦА

СЦЕНА ДЕВЯТАЯ ЦЫГАНСКИЕ ЮБКИ

Сцена закрыта «фабричным» занавесом.

Авансцена. Танцовщицы и партийки пляшут цыганочку с выходом. Тулуз в алой рубахе, шароварах и сапогах бодро семенит на полусогнутых и яростно хлопает себя по туловищу.

Затемнение.

Занавес поднимается.

Гримерка танцовщиц.

Мельница с надписью «MOULIN ROUGE» разгромлена, лопасти покорежены – идет реставрация.

По гримерке бродят Роза, Жанна, Нонна и Даша в цыганских юбках. Они что-то вымеряют, а данные записывают в какие-то бумаги.

В гримерку входят Инесса, Магда, Виола и Любочка, одетые так же, как и партийки. Те быстро прячут бумаги в складках одежды.

Позже появляется Тулуз.

Виола. О! А мы вас по всей фабрике ищем.

Роза. Мы переодеться зашли.

Виола. А нас что не предупредили?

Затяжное молчание.

Инесса. Что это вы воды в рот набрали?

Молчание.

Любочка (*садится у трюмо*). Девчонки, вы какие-то странные, мы уже которую неделю репетируем, а вы будто бы не с нами танцуете. Что вы закрытые такие? Давайте же поговорим.

Роза. О чем?

Любочка. Ну, о жизни. Чем занимаетесь? Где живете? Мы же о вас ничего не знаем. Честно говоря, так очень тяжело работать.

Жанна (*прикуривает сигарету*). Но ведь работаем. И ничего.

Любочка. Я не об этом. Понимаете, танец — это душа. А танец в коллективе — одна душа на всех.

Нонна. Ты вступила в партию, чё те от нас еще надо? Там знаешь сколько душ.

Любочка. Ну партия, это да... Это конечно... Но ведь партия — не танец. Понимаете меня?

Даша (*басом*). Не понимаем. Нормально работаем. Плечами трясем. Дело свое знаем. И чем тебе вообще партия — не танец?

Любочка. Ну это строй скорее.

Роза. Строй — это на зоне. А партия — песнь песней!

Инесса (*подозрительно*). Давно откинулась, певичка?

Роза (*резко*). Не твое дело!

Инесса. А ты чего это хамишь, партийка? Любочка — девочка хорошая, нормальный вопрос вам, бабы, задала, а вы тут в каких-то шпионов играете. Перешептываетесь только.

Жанна (*выдувает дым*). Кто это перешептывается?

Инесса. Кто? Да вы! Я сама видела, как вы у кабинета Элки на днях терлись. И не кури здесь.

Нонна. И чё? (*Подтягивает чулок*.) Блин, всё в затычках из-за этой фабрики.

Инесса. Ничё.

Нонна. Ну и всё!

Инесса. Что — всё?! Вы откуда взялись вообще?

Жанна (*продолжает курить*). Нас вообще-то Альфред Германович привел.

Магда. Вот именно что Альфред Германович. Слов-то он пока своих не сдержал. Краевед ваш.

Инесса. Кстати, да. Где наши денежки? Мельницу разворотил только, а зарплаты как не было, так и нет. Вам-то, небось, платит. А?

Молчание.

Инесса. Эй. Что молчите? Отвечайте.

Роза. Мы не на допросе. Ясно?

Инесса (*взрываясь*). Нет! Не ясно. Пришел какой-то хрен знает кто, привел непонятно кого, разворотил клуб. Наобещал с три короба. А в итоге ни двора, ни кола. Куда казахи делись? Вчера еще что-то тут клепали, где они сейчас?

Жанна (*с наслаждением затягивается*). Это не казахи, это — таджики.

Инесса. Какая разница! Весь клуб перевертели с ног на голову. Куда они делись?

Нонна. У них праздник.

Магда. Какой еще праздник?

Даша (*басом*). Курбан-байрам.

Виола. Это еще что такое?

Любочка. Это вроде нашего Нового года.

Магда. Тоже на месяц?

Даша (*басит*). Как придется.

Инесса. Салют наций! А православнутах партийцев ваш краевед не мог привлечь?

Роза. Думай, что говоришь. Чтоб партиец вашу крышу латал — этого не будет.

Инесса. Вообще-то это не наша крыша, а по заверениям Альфреда вашего Германовича — культурное достояние страны. Достоительность, так сказать. Откуда он это вообще выкопал — ума не приложу.

Роза. Откуда надо, оттуда и выкопал. Не вашего ума дела.

Инесса. Что ты тут рот разеваешь! Нам повесили на уши ка-

кую-то хрень, а мы ее радостно заглотили. Ушами.

Роза. Еще не то заглотишь, если надо будет.

Магда. Девчонки, я что-то не пойму. Бабы на скандал нарываються?

Даша (*руки в боки*). А ты попробуй.

Любочка. Девочки, не ссорьтесь, пожалуйста.

Роза (*Даше*). Потом всё.

Инесса. Что — потом? Партия народ накормит?! Так мы это от вашего краеведа уже слышали. А мои глаза не врут, между прочим. Мельница несколько недель как разгромленная стоит. Денег нам не платят. Заработать тоже не можем, всё только репетициями заканчивается. Альфред пропал. У этих — байрам. И только четыре странных молчащих тётки по помещению шарятся и всё время что-то выискивают.

Нонна (*подтягивает чулок*). Кто это выискивает? Дурацкие колготки какие...

Виола. Это чулки.

Нонна. Всё равно дурацкие.

Инесса. Да вот хоть ты выискиваешь! Что я, не вижу, как ты к трубам присматриваешься и штукатурку ногтем колупаешь? А ты? (*Обращается к Жанне*.) Дались тебе эти розетки и огнетушители. Кончай тут курить, наконец! Мы в гримерной никогда не курим. Ты зачем вчера огнетушитель брала?

Жанна (*докурив сигарету*). Когда? Не помню.

Инесса. Что ты из меня дуру делаешь? Вчера, вечером! После «Березки».

Жанна (*достает новую сигарету, ухмыляется*). Не. Не помню.

Инесса. Хватит из меня идиотку делать! Эта вообще (*показывает на Дашу*) всё время башкой вертит да шагами что-то вымеряет. Может, вы больные, а?

Роза. Хорошо, ну а я что не так делаю?

Инесса. У тебя губы постоянно шевелятся, и ты пальцы загибаешь. Явно считаешь что-то.

Роза. Тебе в психушку пора. В стационар. Надолго.

Инесса. Это вам в психушку пора, с вашим краеведом. Вы же

танцевать ни фига не умеете. Вам до «Мулен Руж», как мне до Большого театра. Кто вы вообще такие? Что вы нам тут устроили?

Роза. Что надо, то и устроили. Узнаешь. Со временем.

Инесса. Что я узнаю?! Что?!

Даша (*хрипло*). Что надо.

Любочка. Девочки, ну, пожалуйста, ну сколько можно.

В этот момент в гримерку врывается Тулуз. Он в алой цыганской рубахе. Глаза его безумны.

Тулуз. Всё! С меня хватит!

Магда. Что случилось, Тим?

Тулуз. Всё! Всё! Всё!

Роза. Э, болезный, успокойся!

Тулуз. Всё! Не могу больше! Я — художник!

Виола. Кто спорит-то?

Тулуз. Я — псевдореалист!

Любочка. Конечно, Тулузик! Да что произошло, в конце концов?

Тулуз (*рвет на себе рубаху, крест на его шею беспомощно болтается из стороны в сторону*). Не барон! Не цыган! Не танцор!

Нонна. А кто сказал, что ты барон?

Тулуз. Кто?! А, это вы — партийцы?! Развели тут цыганщину! Где бабло?! Я два дня не жрал! Где краски?! Где значки?! Где майки с пакетами?!

Жанна (*курит*). Ты чего разорался, будут тебе пакеты.

Тулуз. Когда?! Когда мне пакет в этой стране на голову наденут?! Когда из меня альбом для значков skleпаяют?! Где мое удостоверение?! Где льготы?! Где обещанная близость, наконец?!

Роза. Ах, да. Удостоверения. Забыла совсем. (*Лезет в сумочку, стоящую у трюмо*.) Уже несколько дней, как ношу. Дарья, принеси остальное.

Даша медленно покидает гримерку. Все смотрят ей вслед.

Тулуз затихает.

Роза. Вот. Натe. Пожалуйста. *(Раздает всем удостоверения.)*
Теперь вы партийцы. Близкие.

Виола. Интересная книжечка. Красная, с флажком трехцветным.

Инесса *(раскрывает удостоверение).* Что-то я тут сама на себя не похожа.

Любочка. А мне нравится. Партийный билет. «Близость». И два сердца. Как на день влюбленных. Правда? А почему они пронзены какой-то бякой?

Жанна. Какой бякой? Покажи. А нет, это царапина просто. А сама эмблема символ – двух сердец – партии и партийца.

Любочка. Это где маленькое в большое входит?

Нонна. А чё, не нравится? Это ты в партии.

Магда *(к Розе, Жанне и Нонне).* Э, бабы, а почему у меня дата рождения другая?

Инесса. Ты там старше или моложе?

Магда. Судя по всему, еще не родилась.

Тулуз *(наблюдая за происходящим).* Вот! Не родились мы еще, а нас уже похоронили. Сплелись сердца сиамцев! Теперь одно пульсирует за счет другого. И не разнять их уже!.. Где реставрация мельницы? Где мука денежная?!

Возвращается Даша, в руках у нее пакеты.

Нонна. А вот и подарочки. И чё?

Тулуз. Вот чё!

Подбегает к Даше, вырывает пакеты, встряхивает содержимое на пол и кричит: «Народ и партия – едины! Я хочу дышать воздухом партии! Питаться ее значками! Носить майки с нашивками!» Бегает, надсадно орет «Мою цыганскую» Высоцкого.

Магда и **Виола** *(вместе).* Что ты-ы-ы де-е-ела-а-а-ешь?

Тулуз. Эх, раз! Да еще раз! Да еще много, много, много, много, много раз!.. В кабаках — зеленый штоф, белые салфетки, — рай для нищих и шутов, мне ж — как птице в клетке... А в конце дороги той — плаха с топорами... И ни церковь, ни кабак — ничего не свято! Нет, ребята, всё не так! Всё не так, как надо!.. *(Резко натягивает один пакет себе на голову.)*

Танцовщицы и партийки пытаются сорвать с него пакет, из-под которого раздаётся сдавленное: «Оставьте меня! Я устал!»

Любочка. Боже, вызовите кто-нибудь врача!

Инесса. Тихо все! *(Рвет на Тулузе пакет; к Магде.)* Он сколько не пил?

Магда. Дня три. Денег же нет.

Инесса. У него белочка.

Нонна. Где?

Инесса. Горячка у него! Белая.

Виола. Так он же трезвый.

Инесса. Мне лучше знать. Я таких уже навиделась. Белочка в основном трезвых алкоголиков посещает, когда им через силу завязывать приходится. Кто-нибудь, принесите выпивку.

Жанна *(берет свою сумочку, вытаскивает из нее фляжку).* На...

Инесса *(вставляет Тулузу фляжку в руку).* Пей. *(Тот жадно пьет, выглатывает всё без остатка.)* Отпустило?

Тулуз *(кивает, устало садится на пол, обхватывает голову руками).* Да, да, да... Вот она партийная забота. Вот оно шефство. Кретинов из нас сделали.

Жанна *(забирает пустую фляжку, тушит сигарету).* Всё вылакал... ху-до-жник.

Виола *(Тулузу).* Тебе как, полегче?

Магда *(отталкивая Виолу).* Да отвали ты! Тим, ты как? Нормально всё?

Тулуз. Ага. Спасибо. Извините. Извините, что я живой. Изви-

ните, что не мертвый. Оставьте меня. Пожалуйста. (*Раскачивается из стороны в сторону.*) На звезды порвали. На свастики расчленили. На серпы и молоты издробили.

Магда (*ко всем*). Может, и вправду оставите нас на минутку? Пусть в себя придет.

Нонна (*подтягивает чулок*). Как он танцевал вообще?

Тулуз (*поднимает голову, горько усмехается*). С выходом.

Роза. Ладно, пошли мы. (*Делает знак партийкам.*)

Инесса. Хоть что-то человеческое осталось.

Роза. У самой такой же... Был.

Инесса. Не сочувствую.

Любочка. Ой, а я так испугалась, испугалась...

Танцовщицы и партийки *вместе покидают гримерку. Слышатся удаляющиеся голоса.*

Любочка. А вообще не знаю, как вам, девочки, а мне майки очень понравились. Это же стопроцентный хлопок. Весной и летом в таких очень хорошо.

Инесса. Ну да — на голые титьки напаялишь, и строим на демонстрацию. А соски от праздников твердеют. Весь реал — твой.

Виола. Совсем Тулуз плохой стал. Жалко.

В гримерке остаются Магда и Тулуз.

СЦЕНА ДЕСЯТАЯ **МАГДА – ТУЛУЗ**

Гримерка танцовщиц.

Магда и Тулуз.

Магда. Тим, ну что ты с собой делаешь? Ну как же так? (*Собирает вещи с пола.*) Значки вот раскидал. Рубашку порвал. Тим, нельзя так. Иди на азотный лучше работать или на шерстомойную. Я тебя пристрою. Нельзя тебе искусством заниматься. Оно губит тебя. Ты неменяемым становишься. Чужим. Не моим.

Тулуз. Замуж пойдешь?

Магда (*становится перед ним на колени, в руках у нее майка с эмблемой из двух сердец, она нервно ее теребит*). Нет, Тим, не пойду. Прости. Я люблю тебя, конечно. Очень. Но... Ты чужой мне стал. Ты в своем псевдореализме потерялся давно. В красках этих, портретах. Ты новеньких не писал еще? Нет? С кистью проблема? Скажи честно, ты наших девчонок всех из волн и водорослей выловил? Из пены своей сумасшедшей? А, Тим? Молчишь? Какое замуж? Ты что вообще, если честно, в последнее время написал? Нарисовал даже? А? А я вот знаю. Свастики и звезды. Ты хоть помнишь, что ты неделю назад всю кафельную плитку на кухне фломастером испортил. Не помнишь? Потому что я стерла всё. А там псевдосимволизм уже пошел. Скрещенные колосья какие-то, серпы, молоты, святые с нимбами. Сумасшедший дом.

Тулуз. А потому что не могу я иначе! Не могу! И не колосья это вовсе! Не святые! Это черти со сковородами!

Магда. А ты, значит, рыбий жир пьешь и розами какаешь?

Тулуз. Нет! Кровью я какаю! Искусством – через геморроидальные трещины!

Магда. Вот уж точно. Тим, да у тебя уже звезды на звезды давно не похожи, о чем ты?

Тулуз. И пусть! Зато я честный! У меня душа распахнута! Я любить умею... ценить...

Магда. Ничего ты уже не умеешь. Кончился ты – как Тулуз. Слабый ты. В партию вот вступил. Зачем? Ты же их всех ненавидишь.

Тулуз. А ты, ты?

Магда. А я – женщина, Тим. Простая русская баба. Баба-дура. Любящая, слабая, одинокая. Меня не интересуют партии. «Близость», значит, «Близость». «Женская», значит, «Женская». Мне на политику с большой мельницы плевать. Мне бы мужика – теплого, настоящего, и пусть слесарь, и да, пусть из ЖЭКа... Но чтоб без псевдо. Без чужих портретов.

Тулуз (*вскакивает*). То есть псевдо у меня всё?! Да? А они (*показывает рукой на дверь*), стало быть, настоящие? Со значка-

ми этими? С пакетами и майками?

Магда (*смотрит на него снизу-вверх*). Нет, Тим, не настоящие они. Но они и не родные, а ты — родной. (*Пауза.*) Был.

Тулуз (*орет*). А теперь что? Не родной?!

Магда (*протягивает ему майку*). На вот, майку лучше примерь.

Тулуз. Я эту ветошь на себя не напялю! Прищипи пойдут!

Магда (*горько усмехаясь*). Они скорее у тебя от другого пойдут. Хорошая майка, возьми. Ты же летом в том же, в чем зимой ходишь.

Тулуз. Зато всё свое с собой ношу! Зимой и летом одним цветом! Серым! Как шконка на зоне! Да если б Бог хотел, чтоб мы здесь жили, он бы нас вообще шерстью покрыл, а нам всё майки какие-то подсовывают! И пойми ты, наконец, я люблю Родину, я обожаю ее, я — государство ненавижу!

Магда. Тим... У нас с тобой давно уже не диалог происходит, а монолог твой кричащий... нам расставаться надо, устала я. Правда. Я тебя не пущу больше к себе.

Тулуз. Какая же ты сука! Сука!

Магда (*горько усмегается*). Я смотрю, ты в норму пришел. И пусть я — сука, пусть — дрянь, но и жить так больше нельзя.

Тулуз (*бегает по гримерке, раскидывает вещи*). А где можно? Где ты живешь?! В стране этой? Думаешь, душу удостоверением прикроешь, значок нацепишь — так тебе пенсию накинут? Мешок вам на голову всем накинут! Большой полиэтиленовый мешок с эмблемой из двух небьющихся сердец! Где наша мельница? Где «Мулен Руж» с выходом? С выходом на мировой рынок? Нет ее! Не может эта страна построить ни одной мельницы, потому что она хлеб ненавидит, муку гноит, трупами пашни удобряет! (*Пытается порвать собственное удостоверение — оно не рвется.*) А, сука! Дьяволиная кожа! У них даже удостоверения заговоренные.

Магда (*спокойно*). Псевдо это всё, Тим. Проходили.

Тулуз. Нет, не проходили! Ты бы знала, какие мне кошмары снятся. Хочешь послушать?

Магда. Нет, не хочу, Тим.

Тулуз. А что так? А ты послушай! *(Приподнимает руки к груди, выходит на авансцену, застывает и, понижая голос, почти шепотом, говорит.)* Трупы. Кругом трупы. И собаки лают. А в зубах у них наши удостоверения. И ветер по городу с воем гуляет. Плачет. Плакаивает. Молитвы читает... А в небе пакеты с сердца-ми. Они, точно стервятники, парят, жертв высматривают, а потом вниз людям на головы бросаются. И душат, душат. *(Безумно начи-нает вращать глазами.)* И мельница... Она вдруг в мясорубку превращается. Лопасты крутятся, крутятся. А жернова перемалы-вают. Человека в фарш. В отруби. В муку. В пыль. Будто и не бы-ло... Смертью, Магда, пахнет. Смертью. Я чувствую. Мясобой-ней... Ветер, собаки... Человека в пыль.

Магда *(устало)*. Боже мой, ты совсем спятил. Ты не понял. Мне мужчина нужен, а не...

Тулуз. Не кто?!

Магда *(встает с колен, поднимает на Тулуза глаза, прямо смотрит ему в лицо, отчетливо произносит)*. Не крикун. Не су-масшедший. Не параноик. Не никто. За тобой ведь ни одного по-ступка...

Тулуз. Ах так?! *(Резко бьет ее по лицу.)* А вот так?! Вот так?! *(Снова бьет ее.)* Ну что, есть у меня поступок?!

Магда *(отбегает назад)*. Не смей меня бить! Ты, ты... Псев-до! Я тебя ненавижу! Ты мне всю жизнь искалечил!

Тулуз *(движется на нее)*. Я?! Псевдо?!

Магда *(упирается в трюмо)*. Да! Ты! Ты сам — пыль! Амёба!

Тулуз. Да я убью тебя, дрянь! *(Подбегает, дает ей мощную пощечину.)*

Магда *(стоит, прижатая к трюмо; неловко завернув одну ру-ку за спину, пытается нащупать какой-нибудь предмет)*. Псевдо! Псевдо! Всё в тебе — псевдо! От кистей до слов твоих шизофре-нических!

Руки Тулуза смыкаются на горле Магды.

Тулуз. Шалава!

Магда (*вырывается*). Не смей меня бить!

Со всей силы дает Тулузу коленкой в промежность, тот резко гибается. Магда разворачивается, подхватывает с трюмо лампу и со словами: «А это тебе за шалаву!» – с размаху опускает ее на голову Тулуза. Тот кулем валится на пол.

Магда, не оборачиваясь, быстро покидает помещение.

Тулуз лежит недвижим.

Медленно опускается «тюремный» занавес.

Затемнение.

СЦЕНА ОДИННАДЦАТАЯ **СПИРТ С КАРАМЕЛЬКАМИ**

Авансцена. Правая сторона.

Кабинет Следователя.

Следователь и Инесса.

Инесса (*обмахивается листом, вырванным из уголовного дела*). А вот был у меня еще пианист. Ну тапёр в ресторане. Ликерчиками озоровал. Помнишь, ликеры такие были сладкие, турецкие? Разных цветов. Женщины тогда сангрией наливались. Ай да, не помнишь. Это сразу за одеколонными временами было. Ты еще только «Жигулевское» хлестать начинал и портвяшку в подворотне.

Следователь (*слегка заплетающимся языком*). По-о-слушай, пока что ты как свидетель значишься. Но мне очень легко тебя в подоз-зр-реваемые перевести.

Инесса. Ну какие подозреваемые, о чем ты?

Следователь. Ладно, Инесс, расскажи, что у вас там произош-шло. Вот до меня слухи доходили, что у Тулуз-за с Магдой большие проблемы были. Так или не так? Тьфу, ёлки... У Тимофея Палыча с Марьей Владимир-ровной.

Инесса. Так, еще как так. А у кого их не было, Эдик? Вот помню, тапёр мой нажрется этой турецкой сивухи и давай: «брям-брям-брям». По перилам. Брям, брям, брям. Кричал, что это черные клавиши страны. Тулуз, он такой же был. Скандальный.

Следователь. Что з-значит «брям-брям-брям»?

Инесса. А то и значит, Эдик. Нереализованные они оба. А нереализованность в нашей стране, сам понимаешь. Кто в ментовку, кто на зону... Извини, что-то я не то ляпнула.

Следователь. Вернемся давай к з-зо-оне. Что из себя Тулуз-з представлял?

Инесса. Художник. Тяжелый случай. Псевдореалист.

Следователь. Это к-как?

Инесса. Это – страшно. Запойный. Вернее даже так – каждодневно пьющий. Понимаешь, душа у него болела. Вот он ее и задабривал. Ликеры-то уже в городе исчезли. Да и работы толковой нет, ментовка только. Так он, бывало, одеколон или растворители для красок хлебал. Знаешь, какие он нам потом белочки вытанцовывал?

Следователь. Что ты несешь такое, Инес-с-са?

Инесса. Я сама сколько раз видела. Художники, они все-таки посильнее лабухов будут. Этим всё ликерчики подавай. А закончились ликерчики – резко появился денатурат с очистителями для окон. Там уже минуя всех зверей. Не рассчитал мой тапёр, короче.

Следователь. Ты о ком?

Инесса. Ну о последнем моем. Он сейчас рядом с церковью на гармони играет. Слепеный. Ну я тебе рассказывала – там, где отец Владимир.

Следователь. Первый твой?

Инесса. Один из.

Следователь. Давай к худ-дожнику вернемся.

Инесса. А давай еще выпьем?

Следователь. Только с-спирт ос-стался. С кара... с карамельками.

Инесса. Фу, гадость какая. Я тогда только карамельки. Мама

твоей.

Следователь достает из сейфа спирт и карамельки. Наливает в один стакан – спирт, в другой – из графина воду. Резко опрокидывает спирт в горло, за ним пьет воду. Кряхтит. Бросает в рот карамельку.

Следователь (*катая карамельку во рту*). Инесс, ты расскажешь уже что-нибудь дельное? Преступление все-таки произошло. Со с-смертельным исходом. Мас-с-с-овым.

Инесса (*берет карамельку*). Апельсиновые? Мои любимые. Сразу за границей себя чувствую... (*В сторону*) Как тебя развезло-то.

Следователь. Не з-заг-говаривай мне з-зубы. Давай, Инесс, расска-азывай. Мне твои поэт... ты, с ак-ктерами и пианис... там пор... рядом надоели. Хватит мне моз-зги п-пуд-дрить.

Инесса. А ты не ревнуй... И вообще, а что тут рассказывать? Любили они друг друга. Дрались, бывало... Помню, тапёр как-то мой пришел, так меня исколошматил, я целую неделю танцевать не могла.

Следователь. Инес-с-с! По д-делу!

Инесса. А я по делу. Ты спросил, я – отвечаю. Всё честно. Россия – страна любви и мордобоя. Я ж тебе еще про своих родителей рассказывала. Что тут, секреты какие-то разве есть?

Следователь. Правильно ли я понял, что в итоге произ... произошла крупная драк... ка?

Инесса (*поглаживая его по руке*). Ты о чем, Эдик?... (*Томно*) Я тебе, кстати, нравлюсь? Или старовата?

Следователь (*заплетающимся языком*). Я о том, были ли в «Мулен Руж» люди с деви... деви... девиантным поведением? Чёрт, что-то меня уже вставило.

Инесса. Какой же ты умный. Как наша Элка. Да мы там все такие, если честно. А Магда с Тулузом постоянно дрались.

Следователь. Ага. Запис... сываю.

Инесса. А ты у нас, что, в городе других видел? Не девиант-

ных? Ручку подержать?

Следователь (*борется с ручкой*). П-п-плохо пошла. А я еще с утра не ж-жрал. Ладно, п-п-отом запишу. Инесса, а раньше у них до рукоприклад... до драк доход... дило?

Инесса. А у кого не доходило? Кстати, Эдик, ты кровяную колбасу любишь?

Следователь. Т-те-ер-п-петьне могу, но сейчас бы... А что?

Инесса. Так, ничего. Вспомнила просто. Детство некоторых. Сама не знаю, к чему.

Следователь. Ко-олбаса-то тут при ч-чем? Давай к с-сути. Меня интересует, где-е...

Инесса (*наклоняется к нему*). Меня тоже... давай прямо здесь... Следователя у меня еще не было. А ты вообще при ору-жии, Эдик? Знаешь, это так возбуждает. У тебя тэтэ или мака-рыч?

Следователь. Ты чего? Я при и-спол-не-ни-и.

Инесса. Вот и выполняй. Взрослый же мальчик... Всё равно ты никого не найдешь. Это я тебе просто обещаю. Никого. А я дама – девиантная. Намерений своих, преступных, всегда придерживаюсь.

Следователь (*вскакивает и тут же валится обратно на стул*). Инесс! Где все во-още-е-е-е? Ты одна из «Му-улен-н Руж-ж-ж» ос-сталась! Куда все, ядр-ре-она вош-шь, делись? Найдены окров... окровавленные удостов... удостоверения с несколькими фраг... фраг... щас... (*Выплевывает карамельку на стол, наливает из графина полный стакан воды, залпом выпивает, вытирает тыльной стороной ладони губы.*) ...с фрагментами тел, разбросанными по всему городу... Твоих подруг, ме-е-жду прочим, с которым ты не один год ногами ма-а-ахала. А сами тела не на-а-айдены. Они, что, по-твоему, испа-а-арились в воздухе? Тебе показать фотогра-а-афии? (*Открывает уголовное дело, показывает.*) Вот, смотри. Произошло ужасное и ци... ци... циничное преступление. С очагча... с отяч... с отягчающими. Ты с-смотри, с-с-смотри. А ты мне тут д-д-дурочку валяешь!

Инесса. Жуть какая. Закрой, а то мне сейчас плохо будет.

И вообще, ты меня, что ли, подозреваешь? Женщину? Я их, по-твоему, испарила? Съешь карамельку лучше.

Следователь (*наливает спирт, выпивает, заталкивает в рот карамельку, включает лампу, направляет свет на Инессу*). А кто?! Кого мне еще подоз-з-рывать? В тебе же горечи ни на грош-ш-ш! Ни одной слезы ни проронила! А это кос-свенная улика, между прочим! (*Откинувшись на спинку стула, бессмысленным взглядом смотрит на Инессу и слегка мотает башкой*.)

Инесса. А не плачу я, Эдик, потому что выплакала всё. (*Разворачивает лампу к Следователю*.) Что ж ты думаешь, я постоянно реветь должна? Слава Богу, что сама в живых осталась. А девченок жалко, конечно. И Магду, и Любочку с Вилкой. И Тулуза. Да и Элка неплохая, в общем, была. Только дура. Но скажи, Эдик, при чем здесь я? Мне повезло просто.

Следователь (*машет руками перед лицом*). А ты где... была... с пятницы... на субботн..?

Инесса (*встает, подходит к Следователю, садится ему на колени, опускает плафон лампы чуть вниз, расстегивает на Следователе рубашку*). На субботницу? Да ты ревнуешь, что ли? Да не ревнуй ты, в самом деле. Женщина должна быть немного портовой шлюхой, а причинное место, как известно, пусто не бывает. Ну загуляла я тогда. С кем не бывает?... Иди ко мне лучше, мой сладкий. Не ревнуй. Ядренька вошь ты моя.

Следователь. Инесс-сса! Что-о-о?.. что-о-о... что ты д-делаешь?.. У меня глух-х-харьна глух-х-ха-а-аре...

Инесса (*расстегивает на нем рубашку*). Да, да. А потом мы ласточками улетим с тобой, далеко-далеко. В Париж, например. Чартером каким-нибудь. Самым экономным. Ты вообще был за границей когда-нибудь? Я тоже нет. Но очень хочется. Полетели, а? Мне на днях заграничный паспорт выдадут... А их считай что нет, и никогда не было. Забудь ты эту страну, с этими людьми... (*Расстегивает ремень на брюках Следователя*.) Помоги, молния заела... Ты, кстати, не заметил, какие последнее время по городу собаки сытые бегают? Может, их спросить?.. Но жизнь ведь всё равно идет дальше. Какой бы страшной и абсурдной она не бы-

ла. Да?.. Иди ко мне, Эдик. Успокой меня.

Следователь (*снимает Инессу с колен, встает, пошатывается*). Что ты несеш-шь? Какие с-собаки? Ты п-пьяна!.. Я с-сейчас, сейчас-с...

Инесса. Вот! Говорила мне мама – не мешай напитки. Так что – пользуйся моментом, мой генерал...

Следователь (*опустив голову, одновременно шатаясь и борясь с молнией*). Я – май-йор. З-за-аела з-за-араза.

Инесса. О! Мой генерал-майор! В этой стране мы и правда все пьяны, если майоров до тридцати получаем. Остальные так вообще невменяемые. Да, Эдик? В двадцать пять – и уже в Думе. Ну иди же ко мне... (*Наконец расстегивает ему брюки, они падают; Следователь стоит в семейных трусах, на которых изображены красные сердечки; Инесса смеется*.) Как антуражно! Тебе в «Мулен Руж» надо было, а не в ментовку. Кстати, Эдик, ты петь или танцевать умеешь? За границей может пригодиться. Я же знаю, ты же тоже их всех терпеть не можешь... Полетели со мной? Тебе же всё равно в этой стране ничего не светит. Или сопьешься, или за взятки посадят. (*Аккуратно сажает Следователя на стул*.) Дай брючки сниму.

Следователь. Не н-над-до. Там ш-шнурки дальше. Не з-завяж-жу. (*Прячет ноги в спущенных штанах под стол, скрещивает руки на столешнице и пьяно улыбается Инессе*.) Жен-щи-на – ка-ра-мель! (*Выключает лампу и вдруг резко падает на руки*.)

Инесса (*теребит его за плечо*). Эй-эй, глухарь... Полетели. Там абсент с монпансье.

Следователь (*приподнимает голову*). Хо-ро-шо... По-ду-маю... За-втра. (*Вырубается на скрещенных руках. Храпит*.)

Инесса (*задумчиво*). Орлик сдох.

Она подхватывает сумочку и направляется к выходу. Затем возвращается, грациозным движением руки берет карамельку и кладет за щечку. Поворачивает гнущуюся ножку лампы, светит на макушку Следователя, несколько раз щелкает выключателем. Напоследок треплет Следователя по волосам и, забросив

сумочку через плечо, пританцовывая, выходит. На ходу прищелкивает пальчиками и напевает: «Наша служба и опасна, и трудна, и на первый взгляд как будто не видна...»

Затемнение.

В темноте раздается долгий храп Следователя.

«Тюремный» занавес поднимается.

СЦЕНА ДВЕНАДЦАТАЯ **КУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ**

Кабинет Элеоноры Ласковой.

*В кабинете **Инесса, Магда, Виола и Любочка. Элеонора Ласковая** – руки в боки – нависает над **Представителем**, который, вытянув ноги, вальяжно раскинулся на диване. Рядом лежит портфель с замками. Танцовщицы напряженно сидят на стульях, расставленных по всему кабинету. Круглый стол не накрыт и пуст.*

*Позже появляются **Тулуз, Роза, Жанна, Нонна и Даша.***

Элеонора Ласковая (*жёстко*). Альфред Германович, не соизволите ли нам объяснить, что вообще происходит?

Представитель (*елейно*). А что такое, Элеонора Ивановна?

Элеонора Ласковая. А вы не знаете?

Представитель (*разводит руками*). Что же я должен знать, по-вашему? У меня всё идет по плану.

Элеонора Ласковая. А у меня нет. Прошло чёрт знает сколько времени. Мельница разгромлена. Денег нет. Что творится? Где ваши обещания?

Магда. Мы так скоро женские копытца откинем при вашем спонсорстве.

Инесса. Увидите вы «Мулен Руж» с дохлыми лошадами.

Любочка. Да, Альфред Германович, вы же обещали.

Представитель. Милые вы мои... близкие... раз обещал – значит, всему свое время.

Виола. Какое время? Меня скоро из комнаты выгонят.

Представитель. Сейчас у страны тяжелые времена, вы же знаете... мы только-только с колен начали...

Элеонора Ласковая. Так! А ну хватит демагогию тут разводить! Где деньги? Где реставрация? Где узбеки?

Представитель. Это не узбеки.

Элеонора Ласковая. Неважно! Где хоть что-нибудь? Вы вообще в курсе, что вы частную собственность разгромили? Мы на вас в милицию заявление напишем.

Представитель (*удивленно приподнимает руки, покручивает ладошками*). Я? Разгромил? Вы? В милицию? Побойтесь Бога, Элеонора Ивановна.

Элеонора Ласковая. Я – Ласковая!

Представитель. Пусть так. Но чтоб я – разгромил... Это уже оговор. Это статья, в некотором роде.

Инесса, Магда, Виола и Любочка (*хором*). А кто? Кто разгромил?!!

Представитель. Явно не я.

Инесса. Не тупите, Альфред Германович! Послушайте сюда. Клуб давно приватизирован. У нас у всех доли, между прочим. У Элеоноры – контрольный пакет. Но и мы тоже немножко имеем. Даже Тулуз. Пусть мы копейки какие-то зарабатывали, но это хоть что-то в нашей азотной Тьмутаракани, а вы тут приперлись со своими партийными делишками – и всё нам испоганили. Отвечайте по существу. Когда здание будет отреставрировано? Когда пойдет реальное спонсорство? Или вы думаете, вы нас майками своими купили? Так когда?

Представитель. Когда надо, тогда и будет.

Инесса. Это не ответ.

Любочка. Альфред Германович, вы что-то от нас скрываете?

Представитель. Да могу ли я скрывать от вас что-либо, красавицы-чудесницы? Вы же знаете, что в крае сейчас проблемы. Что на первый план Съезд выдвинул сельское хозяйство и индустрию. Сейчас просто глупо говорить о культурных вопросах. Как вы не понимаете?

Магда. Это вы не понимаете! При чем здесь ваши съезды?

Представитель (*усмехается*). А как иначе партийные деньги в частную собственность привлекать?

Элеонора Ласковая. Ну и где эти деньги?

Представитель. Ушли на другие цели. Я к вам со всей душой, кстати...

Инесса. Ну да. Плюйте нам в глаза. Плюйте. Нам всё роса.

Входит Тулуз, на голове у него что-то наподобие белого тюрбана — это повязка из бинтов.

Тулуз. Мы, кстати, тоже. С душой. Со всей. Не будет никаких денег, да? Я правильно понял, а, Германыч? Дураков-то из нас не надо делать.

Представитель. Тимофей Палыч, почему вы со мной так разговариваете? На каком основании?.. И что у вас с головой вообще?

Тулуз (*трогает повязку-тюрбан*). Это — цилиндр. Наш. Исконный. И кое для кого я здесь — Тулуз.

Представитель. Псевдореализм. Понимаю. А то я уж подумал, что это опять кошечки ваши постарались.

Тулуз. Не важно, кто постарался... Ну так что, сам объяснишь или помочь?

Представитель. Я, право, не знаю, что вы от меня хотите. Всё же по плану идет.

Тулуз. И я даже знаю, по какому.

Элеонора Ласковая. По какому, Тулуз?

Тулуз. По кидальному. Мы же все псевдо тут, как бы... у нас всё якобы. Мы вон и в партию вступали — ничего толком не читая. Думали, понарошку всё. На халяву спонсорство получим. На халяву исконно русский «Мулен Руж» замоздрячим. А на халяву, как известно, только бесплатный ради в кофе бывает. Я вот прочел на досуге документики. Очень, скажу вам, интересные. Близкие, в кавычках, сердцу любого гражданина.

Любочка. Ничего не понимаю, какие документики?

Виола. Да. Ты можешь как-нибудь подходить?

Магда. Как умеет, так и рассказывает. Не мешайте ему.

Тулуз (*Магде*). Я с тобой потом поговорю. Отдельно. (*Остальным показывает пальцем на Представителя.*) Вот он, он всё прекрасно понимает. И девочки, которых он нам подsunул, совсем даже непростые. Да, Германыч? Специально обученные такие девочки, натасканные на недвижимое имущество. Только проблема в том, что бабы они и есть бабы — не в тех местах бумаги оставляют. Кстати, где они — чувырлы твои?

Представитель (*быстро кладет руку на портфель и тут же убирает; хмуро*). Не знаю.

Тулуз. А я знаю. Они сейчас бумаги по всему клубу ищут, а бумаги здесь.

Элеонора Ласковая. Говори внятно. Какие бумаги?

Тулуз. Которые вы тут конфиденциально наподписывали.

В кабинет врывается Роза.

Роза. Альфред Германович! У нас проблема. Те документы, что вы нам на днях дали...

Представитель (*спокойно*). Иди сюда. И остальных зови.

Роза. Ага, сейчас.

Она исчезает, через мгновение в кабинет входят четыре партийки во френчах. Тулуз быстро забегают им за спины и закрывает дверь на ключ. Ключ прячет в карман.

Представитель. Это как понимать? В заложники решили нас взять? Вы хоть знаете, какой вам срок за это светит?

Тулуз. Плевать. Мне уже давно на всё плевать. Направо пойдешь — портки отнимут, налево — без рубахи оставят, прямо — догола разденут.

Магда. Ты пояснишь наконец что-нибудь или нет?

Тулуз (*поправляя повязку на голове*). Не твое дело. Проходите, барышни, проходите. Чаёк, шампусик, программа партии —

так вы всё культурное наследие в муку искрошите.

Роза, Жанна, Нонна и Даша занимают свободные места.

Магда. Тим...

Тулуз. Я с тобой вообще не разговариваю!

Элеонора Ласковая. Так, давайте без семейных сцен. Что происходит? Тулуз, ты головой сильно ударился?

Тулуз. Мы все ей ударились. *(Расстегивает рубаху, вытаскивает документы в пакете, на котором изображены сердца.)*

Нонна *(приподнимается)*. О! А мы их искали.

Тулуз. Всем сидеть на своих местах. Сейчас будет очень весело. Итак. Для чего же нас так усердно тянули в партию? Кто ответит мне на этот вопрос?

Инесса. Ты во «Что? Где? Когда?» решил поиграть?

Тулуз. Жду ответа. Время пошло. Иго-го...

Любочка. Чтобы проспонсировать.

Тулуз. Ответ правильный, но неточный. Вопрос: кого проспонсировать? Себя или нас?

Виола. «Мулен Руж».

Тулуз. В «молоко». А просто нас проспонсировать нельзя было? Прийти и от всего сердца дать денег на реставрацию? Пардон, от двух сердец. Большого и маленького. Как на значках ваших да пакетах. А, Германыч?

Представитель. Мы партийными деньгами так просто не разбрасываемся. Своим — пожалуйста.

Тулуз. Вот именно — своим. Близким, так сказать. А кто не предаст? Правильно, родной. А как человека родным можно сделать, если не по крови? Правильно, связать ему руки документами.

Элеонора Ласковая. Так, так... И что мы там подписали?

Тулуз. Вы, Элеонора, подписали. Вы. Смертный приговор себе. Слили и разрешили себя поглотить. *(Напевает.)* Я буду жить тобой, я буду спать с тобой, ты будешь мне теперь такой родной...

Виола. С кем слились?

Тулуз. С Альфредами и Розами.

Роза. Хорош пургу гнать. Альфред Германович, его пора из партии за неэтичное поведение выгонять.

Тулуз. Это пожалуйста, это — я с удовольствием. А долю вы мою себе оставите? Культурного наследия?

Элеонора Ласковая. Ты что-то путаешь. Одно дело общество с ограниченной ответственностью и совсем другое — партия. Вещи вроде как несвязанные. Или я чего-то не понимаю?

Жанна с Нонной смеются.

Магда. Вы чего это, бабы? Тим...

Тулуз. Отстань! С тобой вообще разговора сейчас нет... Германыч, ничего не хочешь нам рассказать? *(Помахивает пакетом с документами.)*

Представитель. Нет. Верните документы. Быстро!

Тулуз. Успеется, Германыч, успеется. Итак, я все-таки продолжу. Немножко истории, с вашего партийного разрешения. *(Ходит взад-вперед.)* Так вот, если помните, лет десять тому назад приватизация в некоторых местах проходила за копейки. Что, собственно, и получилось с нашим клубом. Был некий творческий коллектив, за которым было закреплено здание... как мы тогда, кстати, назывались, помнит кто?

Любочка. «Песни и пляски».

Виола. Точно, я и забыла.

Тулуз. Правильно, Любочка! И вот этот «Песни и пляски» удивительным образом приватизировал здание. Пели мы, значит, в этой приватизации и плясали. Утренники устраивали, новогодние ёлки, детские спектакли. А потом нам захотелось чего-то нового. А рядом заброшенная мельница стоит. Недлинный ассоциативный ряд, споры по поводу названия и дальнейшего развития плясок с песнями, и так появился «Мулен Руж»...

Магда. Это мы все помним.

Тулуз. Помолчи!

Виола. А правда, зачем ты нам всё это рассказываешь?

Тулуз. Затем, чтоб вспомнили. А то некоторые историю забывать начали.

Элеонора Ласковая. Ну хорошо. Вспомнили. Что дальше?

Тулуз. А никому из вас не приходило в голову, откуда лепнина такая на потолке? Колонны? Паркет? Да, обветшалое всё... но тем не менее, тем не менее... Германыч, вот он, (*показывает на Представителя*) очень хорошо такие вещи сечет. Это мы, голь перекатная, не разбираемся в этих вопросах. А он — ого-го как в них разбирается. Но проблемка произошла. Я тоже кое-что в этом понимаю. Не зря ведь декоратором здесь числюсь.

Виола. Ну и что дальше?

Тулуз. А то, что клуб этот и в самом деле культурное наследие. Самое настоящее.

Представитель (*вскакивает*). Документы!

Элеонора Ласковая. Ну уж нет. Пусть говорит.

Представитель (*медленно садится, упирается руками в колени и чуть наклоняется вперед*). Ну, пеняйте на себя в таком случае.

Инесса, Магда, Виола и Любочка. Что?

Роза. Что слышали.

Инесса. Это наезд?

Элеонора Ласковая. Вы нам угрожаете, Альфред Германович?

Представитель. Предупреждаю. Пусть говорит ваш псевдохудожник. Даша!

Даша направляется к дверям. Встает у входа. Ноги на ширине плеч.

Тулуз. Личина обнажилась, Германыч? Хороший художник — мертвый художник? Ну я другого от тебя, собственно, и не ожидал. А насчет угроз, так засунь их себе в пятую партийную точку. Я и не таких на зоне обламывал.

Даша (*басит*). Посмотрим, посмотрим.

Тулуз. И смотреть нечего. Мне ваши запугивания до одной беличьей кисти.

Роза. За базаром следи.

Инесса (*Розе*). Рот закрой!

Любочка. Девочки, не ссорьтесь!

Элеонора Ласковая. Тулуз! Говори!

Тулуз. А суть вот в чем. Я всё думал, что же этот червь партийный к нам приперся. Да еще из культурного наследия. Неспроста это. Чтоб вот так вот. Искренне, с распростертыми объятиями. Достоятельно! Да не бывает так. Короче, сходил я на днях в нашу районную библиотеку. Покопался в архивах. И что б вы думали? Клуб-то непростой оказался.

Представитель. Еще слово и...

Тулуз. Еще много слов будет, Германыч. Мы твою демагогию терпели, и ты нашу правду-матку потерпишь. Продолжаю. Некто, в свое время очень зажиточный помещик Ненашев, был владельцем ряда крупных объектов в нашем городе. По тем временам – крупного уездного города, ну а по нынешним – большой зачуханной деревеньки. Так вот, этот Ненашев был в том числе и собственником, не поверите, мукомольной фабрики и старой мельницы, оставшейся ему еще от прадеда. В народе так называемой «Белой Мельницы». Да, да. Той самой. Крестной матушки нашей «Красной». Ведь именно благодаря ей мы идею с «Мулен Руж» в жизнь и воплотили, именно она нас на название натолкнула. Сейчас-то она старье-старьем, конечно, развалюха, но в свое время ее помещик Ненашев как память о прадеде хранил, постоянно реставрировал и так и не снес. Впоследствии помещика по старой русской традиции ухайдохали. Не то его пристрелил какой-то пьяный красный офицер, не то подняли на вилы неопохмелившиеся крестьяне, не то проткнул штыком храбрый солдатик, полоснувший сто грамм, не то порубали лопатками славные пролетарии, не выходящие из коматоза, тут в архивах есть некоторые нестыковки, но суть в том, что помещика Ненашева в этом физическом мире не стало, и он полетел к прадеду. Фабрику по той же милой традиции национализиро-

вали и перестроили в шерстомойную, а вот мельницу почему-то не тронули. С одной стороны, не снесли, но, с другой, и средств никогда не вкладывали. Хотя, она, между прочим, до сих пор работает. Вот тебе, Германыч, кстати, истинная, а не краеведческая любовь к своим корням. На века строили. Короче, со временем эта мельница, как известно, стала вроде символа нашего городка. Она у нас и на значках, и на проспектах города. Будь он неладен.

Жанна (*закуривая*). Задрал уже свои беспомощные истории втюхивать.

Инесса (*вскакивает, подбегает к Жанне, выдергивает сигарету*). Не кури здесь! (*Бросает сигарету на пол, тушит каблучком.*)

Даша (*басом*). Альфред Германович?

Представитель. Потом. Пусть поговорит.

Тулуз. А я, собственно, уже закончил. Несложно догадаться, что клуб наш — это особняк помещика Ненашева. Принципиального трезвенника, трудоголика и мецената. Единственный, кстати, в городе непьющий был. Наверное, поэтому и богатым стал.

Представитель (*медленно хлопает в ладоши*). Молодец, художник! Нарыл!

Тулуз. Да тут и рыть особо нечего. Я ж не самоучка. Паркет от линолеума отличаю. Просто раньше не было особой причины задаться этим вопросом.

Элеонора Ласковая. Так это ж здорово, что у нас такое поместье!

Виола. Конечно!

Любочка. Радоваться надо!

Роза, Жанна, Нонна и Даша хмыкают.

Тулуз. Парижских удовольствий захотелось? Не будет их. Сибирь наш кайф. Леса, поля и реки!

Любочка. Почему это?

Тулуз. А поздно радоваться. Вы знаете, кто эти люди? И за-

чем они тут были? Может, сами представитесь? *(Помахивает пакетом документов.)*

Роза, Жанна, Нонна и Даша молчат. Пауза.

Элеонора Ласковая. Говорите уже.

Тулуз. Скромняшки. Ну, ладно. Тогда я сам. *(Вытаскивает несколько листов из пакета.)* Значит, так. По порядку. *(Поочередно показывает на партиек.)* Розочка наша оказалась из налоговой, Жанночка — из противопожарной безопасности, Нонночка — из санэпидемстанции, ну а Дашуля, она вообще прелесть, — из бюро технической инвентаризации. Я ничего не перепутал?

Инесса. Ах вот оно что! То-то одну к розеткам тянет, а другую к штукатурке.

Жанна выуживает новую сигарету из пачки.

Инесса *(орет)*. Я сказала, не кури здесь!

Жанна *(закуривает)*. Тебя не спросила!

Инесса. Ты что рот раскрываешь?! Ты откуда взялась вообще?!

Жанна. Откуда и ты!

Инесса. Вот и иди туда!

Магда *(Инессе)*. Успокойся, Ин. Пусть курит. Может, сдохнет раньше.

Жанна *(выдувая дым)*. Только после вас.

Инесса. Я сказала, не води жалом! Вырву!

Инесса вскакивает, Магда хватает ее за локти, усаживает. Жанна, закинув ногу на ногу, продолжает спокойно курить.

Любочка. Не ругайтесь! По-жа-луй-ста!

Магда *(Инессе)*. Давай дослушаем. Потом хоть глаз ей на нейлоновую пятку натяни.

Инесса. Это уж обязательно!

Виола (*Тулузу*). Тим, ну а суть в чем?

Тулуз. Вилка, ты не поняла. Они внеплановые проверки делали. Инкогнито. Они такие же танцовщицы, как я барон цыганский. Инспекторши это.

Элеонора Ласковая. Какие проверки?! Это же незаконно! Они даже удостоверений не показывали.

Тулуз. В этом-то и соль, Элеонора Расчетливая. А кто их пустые бланки подписывал? Вместе с партийным пакетом? Более того, они же не только проверки делали, а еще и к реставрации готовились. Вымеряли, высчитывали.

Любочка. Так, значит, все-таки будет реставрация?

Тулуз. Будет. Только не про нас. Они, судя по документам, управу шерстомойного района здесь хотят отгрохать, чтобы кровь из нас сосать было удобней. Реставраторы, вашу мать! Мельничный жернов вам в одно место!

Пауза.

Элеонора Ласковая. Ох, и дура я — дура! Что же я за идиотка такая старая! Боже, дайте мне кто-нибудь воды. А лучше яду!

Тулуз (*задумчиво*). Да, да. Вот и взбили мы скисшие сливки. Вот и поймали Жар-птицу за общипанный хвост.

Любочка наливает воду из графина. Протягивает стакан воды Элеоноре Ласковой. Та жадно пьет.

Жанна (*стряхивает пепел на пол*). Очень много нарушений.

Нонна. А чё, закрывать всё надо. Ремонт опять же незаконный.

Магда. С чего это он незаконный?

Даша. С нами несогласованный.

Роза. Именно.

Виола. С ума сойти. Вот это нас кинули. Но если вы и не собирались нас спонсировать, так зачем платя было покупать?

Представитель (*нагло хохочет*). Ну вы и дуры все. Это ж

из театра.

Тулуз. Того самого? Который полгода назад на реконструкцию закрыли?

Представитель зло смеется в ответ.

Роза (*Элеоноре Ласковой*). Кстати, а где у вас кассовый аппарат? Я так и не нашла. И с бухгалтерскими книгами путаница. Я правильно поняла, что у вас двойная бухгалтерия?

Элеонора Ласковая. Подождите, подождите, можно же как-то договориться. Наверное...

Представитель, Роза, Жанна, Нонна и Даша глумливо смеются в ответ.

Тулуз. Не думаю, что тут что-то выйдет. Это они так, для страховки. Попугать да по судам нас затаскать. Знают же, что денег ни у кого из нас нет. Банкротить наверняка будут. Да, собственно, и банкротить нечего. Представляете, нам сейчас адвокатов брать? Интересно, за какие такие тугрики? Но самое важное не это. Самое главное — документы по ООО и устав партии. А инспекторш они к нам просто внедрили. Как партиек-надсмотрщиц, чтоб за нами присмотрели и заодно свое дело государственной важности сделали. Так сказать, глаз приметали.

Элеонора Ласковая (*держась за сердце*). Что еще с этим уставом не так? Что с ООО случилось?

Тулуз. Могу кое-что зачитать... (*Копается в документах, вытаскивает буклет, с пафосом читает.*) «Член партии обязан всемерно содействовать реализации программы партии; лично и беспрекословно выполнять и активно способствовать претворению в жизнь решений руководящих органов партии; не совершать действий, дискредитирующих партию; член партии имеет право обжаловать решения и действия руководящих органов в вышестоящие руководящие органы партии». Вы разве не видите здесь логических тупиков и ляпов? Когда все решения

партии следует лично претворять в жизнь, обжаловать их можно только внутри этой же партии, а любое ваше несогласие может быть истолковано как дискредитация. Так что вот так. Не умеем мы вчитываться. А доли вы все просто продали, Элеонора. И ваши, и наши. Они вам пакет ведь привозили, правильно?

Элеонора Ласковая (*дрожащим голосом*). Да. Боже!!! Я же и расписку еще давала!

Тулуз. Вот вы всё, не глядя, и подписали. Так?

Элеонора Ласковая. Так. Это впопыхах как-то было... Вечером. Приехали молодые люди. Опрятные такие, вежливые. Но очень спешили куда-то. Времени вчитываться не было.

Инесса. Вот же, в самом деле, дура вы старая. В кокошнике.

Элеонора Ласковая. А что я могла?

Тулуз. Да всё понятно, не оправдывайтесь, Элеонора. Любой на вашем месте оказаться мог. А там и акты проверки инспекторов, и ООО-шная шелуха, и партийная дурь... И плевать они на партию хотели. Вы же, Элеонора Мудрая, все документы не только подписали, но и там, где нужно, печатью еще заверили. Кашу маслом заправили. Об этой безумной расписке вообще молчу. Может, есть чем отдавать?

Элеонора Ласковая. Но я не брала столько! Это же можно всё в суде обжаловать. Разве нет?

Тулуз. В суде? О чем вы? Да вся эта партия для отвода глаз была. Вам под это дело массу документов подсунули. Все скопом. Как ребеночка развели. Не с теми вы ласковая оказались. Да и мы, конечно, те еще юристы... Только вот одного не могу понять. (*Поворачивается к Представителю.*) Доли почему-то, судя по документам, до сих пор не перерегистрированы. Германыч, не пояснишь, что вы в этом тройном тулупе не так нацудили?

Представитель (*по-хамски*). Короче, Тимофей. Наплел ты тут много. Но документы есть документы. Всё подписано. Из партии еще никто вперед головой не выходил. Ляпнешь где это, я тебя в порошок сотру. Понял?

Тулуз. О, брат Альфред, как ты изменился. Истинное лицо

показываешь? И много ты таких особняков начудил?

Представитель. На мой век хватит. Я таких, как ты, ногтем давил. Давай сюда документы быстро. А что до долей, то отмашки ждем. У главы администрации давление подскочило. *(Медленно поднимается, смотрит на всех, преображается.)* И вообще, запомните, быдло. Вы – никто! Рабское племя! Нули! А партия – это блеф! Это для баранов! Это, кстати, последнее, маляр, что ты в этой жизни услышал... Жаль, конечно, что водитель с охраной в автосервисе. Но ничего, я тебя, пигмея, и сам уделаю. А потом ресторан в «Белой Мельнице» открою и поминки по тебе отпраздную.

Инесса *(нервно смеется)*. Таки сломалась машинка?

Представитель *(Инессе)*. Не твое дело, пэтэушница!

Инесса. Я?! Я тебе сейчас глаза выцарапаю! *(Подскакивает на месте, но снова садится, обводит танцовщиц изумленным взглядом.)* Девочки, что творится? В нас плюют, а мы глотаем.

Элеонора Ласковая *(оценивающе смотрит на Представителя, слегка наклоняется вперед)*. Что-то мне кажется, мы уже давно любой плевок за глоток свободы принимаем. Так, Аль-фред Гер-ма-но-вич? Без обид только.

Представитель. А я не злопамятный, Элеонора «как вас там». Отомщу – забуду.

В этот момент Роза, Жанна и Нонна молча поднимаются со своих мест. Танцовщицы продолжают сидеть. Представитель начинает двигаться на Тулуза, тот пятится назад.

Виола. Не трогайте его!

Магда. Да! Не смейте!

Представитель *(разворачивается к Магде)*. Тебя, шалава, не спросил!

Инесса. Вот это новость – прямо в рожу залепил. Чтобы Магду да еще какой-то хрен костюмный так назвал. Это ты, Шевяк, рискнул сильно.

Тулуз *(перестает пятиться)*. Не понял? Что ты, мразь, ска-

зал? Повтори.

Представитель (*членораздельно*). Ша-ла-ва.

Тулуз. Еще раз, туалетная морда. Я не расслышал.

Представитель и **партийки** (*хором*). Ша-ла-ва!

Тулуз. Кто шалава?! Она?! Да я тебя на куски за такие слова!

Магда. Тулуз?!

Тулуз разбрасывает по полу документы, в руках у него остается пустой пакет с эмблемой в виде сердца, он резко бросается на Представителя и ловко набрасывает пакет ему на голову, валит с ног, душит. Элеонора Ласковая, Инесса, Магда, Виола и Любочка, не сговариваясь, вскакивают со своих мест и бросаются на партиек.

Элеонора Ласковая – на Розу, Инесса – на Жанну, Любочка – на Нонну, Магда и Виола – на Дашу.

Элеонора Ласковая. Любочка, пакеты в верхнем ящике стола. И включи музыку. Погромче.

Медленно гаснет свет. Истошно надывается цыганочка. Слышатся возня, потасовки и сдавленные крики.

Тулуз. Ты хотел цыганочку с выходом? На тебе – с выходом!

Инесса. Задохнись, курильщица!

Магда. Дави гренадера! Вилка, да за ноги ее держи! Она брыкается!

Элеонора Ласковая. **На** тебе – кассовый аппарат! **На** тебе – двойную бухгалтерию!

Любочка. За Париж!

Виола. За «Мулен Руж»!

Элеонора Ласковая. Управу на нас нашли?!

Тулуз. Вы верите в «Близость»? Мы верим в себя!

Магда. Тулуз! Ты не псевдо! Я люблю тебя! Прости!

Зажигается свет. На сцене с пакетами на головах, на кото-

рых изображены сердца, в один ряд лежат Представитель, Роза, Жанна, Нонна и Даша.

Над ними склонились Элеонора Ласковая, Инесса, Магда, Виола, Любочка и Тулуз.

Долгая пауза.

Инесса. Ё! Пэ! Рэ! Сэ! Тэ! Лихо мы их уделали.

Тулуз. Не надо ему было охрану с водителем отпустить.

Любочка (*закрывает лицо руками, начинает всхлипывать*).

Что же теперь будет? Что же мы наделали? Пять трупов. Я сейчас сознание потеряю.

Тулуз наклоняется. Щупает пульсы. Поднимается.

Тулуз. Сдохли. Все. (*Пауза.*) Ничего не скажешь, поплясали мы.

Инесса. Ну, Бог не Тимошка – видит немножко. Прости, Тулуз, двусмысленно получилось.

Магда. Вот же чёрт. Куда их прятать?

Виола. Нас теперь всех посадят.

Элеонора Ласковая. Это к гадалке не ходи.

Пауза. Все безмолвно смотрят друг на друга.

Тулуз (*недобро усмехается*). Не посадят. Я, кажется, знаю, что делать. Их просто никто и никогда не найдет. Ни-ко-гда. (*Пауза.*) Нам мельница нужна.

Виола. Так она же декоративная.

Элеонора Ласковая. Я поняла. Тулуз другую имеет в виду.

Магда (*испуганно смотрит на Тулуза*). Жуть какая. Ты как придумашь...

Тулуз. У тебя есть другое предложение?

Элеонора Ласковая. Предложений нет.

Любочка. Мы их, что, в муку всех, да?

Тулуз. В колбасу. Кровяную. Покойный ее очень любил.

Инесса. А колбасу собакам скормим? Ты, Тулуз, не псевдо, ты – натуралист.

Тулуз. Это то же самое. Ничего, «Белая Мельница» – в ней всё перемелется. А ведь мне что-то подобное уже снилось.

Тулуз наклоняется, обыскивает Представителя, достает толстый бумажник из пиджака, пересчитывает деньги.

Магда. Тим, а ты изменился.

Тулуз (*вытаскивает кредитку из бумажника*). Достало всё просто. Надоело с ветряными мельницами бороться.

Магда. Честное слово, ты даже подрос как-то.

Тулуз. Ну не знаю... (*Берет портфель Представителя, вытаскивает пачку бумаг, читает.*) Облигации государственного займа. (*Брезгливо бросает портфель и бумажки на пол.*)

Инесса. Подрос, подрост.

Магда. Тим...

Тулуз. Да, Магд?

Магда (*берет его за руку*). Позови меня еще раз замуж. Пожалуйста.

Тулуз. Что это на тебя нашло? Из-за этого вот? (*Помахивает бумажником.*)

Магда. Нет. Из-за другого... за то, что не шалава я. Спасибо тебе.

Тулуз. Ну?.. Пойдешь за меня? В последний раз спрашиваю.

Магда. Угу. Пойду. Только...

Тулуз. Что опять не так?

Магда. Только не здесь. Давай в Париже? И портреты больше не пиши. Завязывай ты с этим делом. Обещай.

Тулуз (*внимательно смотрит на Магду*). Ладно. Обещаю.

Виола. Как-то не вовремя вы это всё.

Инесса. Это их смерть сплотила.

Любочка начинает плакать.

Виола. Не плачь, Любочка. Это не люди были.

Любочка. Я не из-за них. Я из-за Магдули с Тулузом. Наконец-то. Поцелуетесь?

Магда крепко целует Тулуза в губы, гладит тюрбан.

Магда. Не болит?

Тулуз. Чуть-чуть.

Магда. Я больше не буду.

Тулуз (*улыбается, целует Магду*). Да, лучше не надо. У меня там ай-кью все-таки.

Инесса. Эй, ну вы, в самом деле, нашли место и время для сюсюканий.

Магда смущенно отстраняется. Тулуз пересчитывает деньги.

Виола. Много там?

Тулуз. На всех хватит. Этот идиот на кредитке еще код написал. Сделаем дело, и в Париж.

Инесса. Чёрт! Какой Париж?! У меня же загранпаспорта нет.

Магда. Ну ты сделаешь и потом к нам приедешь... (*Берет Тулуза под руку*)

Тулуз. У нас и так один лишний получается. Тебе, Ин, правда на время придется остаться.

Любочка. Только, вы знаете, из партии, мне кажется, лучше не выходить. Так, на всякий случай. Вдруг пригодится.

Элеонора Ласковая. Нет, девочки и мальчик, из партии надо выходить. И желательно вперед ногами. Вдруг не всё перемелется? Доставайте-ка свои удостоверения. Мы их потом подкинем к тому, что останется. А тебя (*обращается к Инессе*) я научу, что и как говорить, чай не один год в партии была. В той еще.

Инесса. Да, вы уж меня научите. Я с вами по полной программе загремлю. Понаподписывали тут невесть чего.

Элеонора Ласковая. Ну затмение на меня нашло. Мне ж хотелось, как лучше.

Инесса. А получилось хрестоматийно.

Элеонора Ласковая. Ну, знаешь. С кем не бывает. Все мы люди. Все ошибки делаем.

Инесса. Но не все же людей убивают.

Элеонора Ласковая. Тебе уже Вилка сказала. Партийцы – это не люди. А мельницы мне, признаться, уже давным-давно не жалко. Всё равно бы отобрали. Не эти, так другие. И не бойся. Само всё рассосется.

Виола. Постойте, что вы все несете? Нас же искать будут. А их тем более.

Элеонора Ласковая. Не будут. Я тут придумала кое-что. Тулуз, ты ж – художник, так? Можешь псевдо свое наваять?

Тулуз. Могу, конечно, а что надо?

Элеонора Ласковая. Это я образно. На самом деле нам знакомства твои нужны. Не зря же ты за диссидентство сидел. Нам бы загранпаспорта с их фамилиями и нашими фотографиями. Сколько тебе времени понадобится, чтоб старые связи поднять?

Тулуз. Вот оно что... Ну, за ночь найду людей. Не проблема.

Элеонора Ласковая. Вот и отлично. Бери деньги этого проходимца, и вперед. А ты, Любочка, утром возьмешь у него паспорта и поедешь в аэропорт, билеты купишь. Париж, значит, Париж. Так тому и быть. Нас здесь теперь уже ничего не держит. А там Тулуз нам новые документы выправит. На каких-нибудь Жоржет...

Инесса. Вот за что я вас люблю, Элеонора, так это за пронительность и организаторские способности. Если б вы еще документы изредка читали, которые подписываете. Только вот вопрос. Почему бы и мне загранпаспорт не выправить? Чем я хуже вас всех?

Элеонора Ласковая. Объясняю. Будет очень подозрительно выглядеть, если ты одна уедешь с ними в Париж (*показывает на трупы*), а мы все погибнем. Понимаешь? Ты спалить нас можешь. А так выйдет, что они все уехали и потерялись, а мы погибли, и осталась ты одна. Спаслась вроде как. А потом уже про-

сто тур какой-нибудь купишь и к нам приедешь. Там уже новые документы и сделаем. Всем. Ясно? Плюс если правильно будешь себя вести, то дело вообще развалится. Кому вообще придет в голову тебя в чем-то подозревать, сама подумай. Был бы шестой труп – вообще никаких проблем. Но трупа нет, а на поиски кандидата времени у нас уже не остается.

Инесса. Бодяга какая-то. Вам бы, Элеонора, детективы писать с чумовым сюжетом.

Элеонора Ласковая. Хватит мне плясок на старости лет.

Виола. В такой логике, честно говоря, только безумец разобратся может. Я ровным счетом ничего не поняла.

Элеонора Ласковая. В этом-то и вся соль.

Тулуз. Да, палить нас, Ин, не надо. Но, уверен, ты справишься.

Инесса. Ну вы и засранцы все. Под статью меня подвести решили, а сами в Париж?

Элеонора Ласковая. Не решили, Ин. Выхода нет. Ты, главное, не переигрывай особо на допросе, а я уж научу, что говорить. Побольше отступлений, и ничего по делу. Чем больше бреда, тем лучше.

Инесса. Вы мне, главное, из Парижа круассанов с сухариками пришлите.

Виола. Плохая шутка.

Магда. Я бы, конечно, Вилку оставила. Всё равно ей терять нечего.

Виола. Почему это?

Магда. Так как же... Какая разница, в какой стране умирать?

Элеонора Ласковая (*в недоумении смотрит на Виолу*). Что еще за рак?

Инесса. Девичий. На определенной почве.

Виола. Я, между прочим, врачей там найду. Хороших. Французских.

Магда. Главное, от метастазов в голове здесь избавиться.

Виола. Злая ты, Магда!

Магда. Ты зато очень добрая. (*Прижимается к Тулузу*)

Элеонора Ласковая. Виолу нельзя оставлять. Она как раз всех и спалит. Только Инессу. Она из вас самая умная.

Инесса. Может, вы вместо меня останетесь, а, Элеонора? Я готова уступить. Безвозмездно, так сказать.

Элеонора Ласковая. Мне нельзя. Они без меня в Париже пропадут. Толпа без лидера, как известно, — бараны. Считай, цитата. *(Кивает на труп Представителя.)* И вообще, как бы они там без меня на реальной, а не государственной панели оказались. *(Показывает на танцовщиц с Тулузом.)*

Инесса. Не льстите себе.

Элеонора Ласковая. Я не лъщу. Говорю, как будет... Что касается остальных, то Тулузу оставаться нельзя — он у нас по документам. Связи опять же в соответствующих кругах. Магда с ним. А Любка с Вилкой — ну ты сама понимаешь. И вообще! Ин! У тебя загранпаспорта нет.

Любочка. А я вот ничего не поняла, что вы тут за схему выстроили.

Элеонора Ласковая. А тебе и не надо... Ну? За работу.

Инесса. Какую мне теперь. Кирдык. И аут. А вы — засранцы!

Тулуз. Никакой, Инка, тебе не какую. Правильно Элеонора говорит. Краевед с краеведчицами уехали за границу, а танцовщиц порешили. Спаслась только ты. Тебя одну никто в таком деле подозревать не станет... Всё логично получается. А так ерунда бы была. Краеведы, и почему-то Инесса с ними. В самом деле, псевдореализм какой-то выходит. *(Наклоняется.)* Надо, кстати, не забыть с них всю одежду снять и документы сжечь...

Все наклоняются, за ноги оттаскивают трупы.

Любочка. А что все-таки с «Мулен Руж» будет?

Тулуз. Что-что... Ничего. Я же говорил. *(Достает коробок спичек, трясет.)*

Любочка. Так, может, их проще? Вместе с клубом сжечь?

Тулуз. Не оскверняй, Люб. Пусть ими тень помещика Нена-

шева займется. Да и гарантий никаких. Тем более что по останкам определить можно будет, кто есть кто... А тут мука, просто мука...

Инесса. Скорее уж фарш. Никто не думал, что так тоже можно личность убитых определить?

Элеонора Ласковая. Не смейся мои крашенные седины, кто без заказа будет серьезно в этом деле копать? На наши удостоверения посмотрят и плюнут.

Магда. Согласна с Ласковой. Искать будут только краеведа с инспекторами. Но к тому времени у нас во Франции вообще новые паспорта будут, да, Тим? А русские танцовщицы никому не нужны. Закроют дело.

Любочка. А как же Коля? Он же пропадет без меня.

Магда. Да бросай ты его. Он всё равно смену обстановки не оценит. Другого себе найдешь.

Инесса. Николая какого-нибудь.

Виола. Хорошо, ну а ребенок мой?

Тулуз. Не переживай. Выкрадем.

Инесса (*Виоле*). А я тебе с зоны шарф обещанный пришлю. У меня теперь свободного времени много будет.

Любочка. Как-то оно, честно говоря, непонятно всё получается... Ладно, ну а что мы все-таки в Париже делать будем? Мы и тут-то никому не нужны. Мы же только танцевать умеем.

Пауза. Все в замешательстве смотрят друг на друга. Бросают трупы.

Элеонора Ласковая. А вот это как раз и радуется...

Снова принимаются за дело – утаскивают трупы.

В помещение возвращается Тулуз. В руках у него канистра. Он поливает кабинет Элеоноры Ласковой. Встает лицом к разгромленной «Красной Мельнице». Зажигает спичку. Высоко поднимает над головой. Бросает. По сцене гуляют всполохи пожара. Тулуз разматывает тюрбан и, опустив голову, медленно удаля-

ется — тащит за собой белый бинт-ленту. Уходит. Бинт, изви-
вающийся змеей, лежит на сцене.

Сбоку выдвигается мучного цвета мельница помещика Нена-
шева. Она перекрывает «Красную». Крылья «Белой Мельницы» на-
чинают яростно месить воздух.

Вдалеке истошно лает свора собак. Лай плавно перетекает
в звук летящего самолета, под шум которого опускаются три
занавеса. Вначале — «тюремный». Перед ним — «фабричный». И,
наконец, — «танцующий».

Авансцена. Paris. «MOULIN ROUGE».

Музыка медленно набирает обороты, закручивается, заво-
дится и вдруг, словно отпущенная пружина, выстреливает мощ-
ным безудержным танцем.

Элеонора, Магда, Виола, Любочка и Тулуз, высоко задирая но-
ги, пляшут канкан.

Через какое-то время к ним присоединяется **Инесса**.

За собой она тянет бестолково пританцовывающего **Следо-
вателя**.

Москва, декабрь 2009 — январь 2010.

САЛОН РИТУАЛЬНЫХ УСЛУГ

Пьеса в 2-х действиях

Кремация – процесс сжигания трупов.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Семейство:

Папик (*Вадим Альбертович*) – усопший. Роль в гробу, в урне с пеплом и на фотографии с креповой лентой.

Мать (*Каролина Карловна*) – вдова. В черном. С серой душой. На руках перчатки с открытыми пальцами. На пальцах кольца.

Сестры:

Настенька – старшенькая дочь. Синий чулок. Душа цветная. Пальцы без колец. Тридцатник.

Лизон – младшенькая дочь. Розовый чулок. Душа блеклая. Кольца с пальцами. Двадцатник.

Братья:

Михаил – старшой. Молчун в уме. Сорокет. Дорого одет.

Борис – средний братец. Язык средней болтливости, ум такой же. 37. Прилично одет.

Глебушка – младшенький. Болтун без ума. 33. Нормально одет.

Сборище:

Адвокат (*Юрий Владимирович*) – деловитость, костюм, очки. Поджарый и бритый.

Партнер по бизнесу (*Роман Андреевич*) – деловитость в ко-

стюме. Без очков. Не поджарый и небритый.

Отец Сергей — деловой без костюма. Ряса, крест, скорбь. Со-
всем не поджарый. Линзы и борода с пузом.

Вспомогательный состав:

Болек (*Бенедикт*) — вытянутый охранник.

Лёлек (*Леонид*) — короткий охранник.

Светик (*Светик*) — округлая секретарша Папика.

Драматургические призраки:

Дядя Славик — жертва авиакатастрофы.

Исаак Иосифович — нотариус, жертва алчности.

Зойка — уборщица, повариха и прачка с Рублевки; жертва
обстоятельств.

Президент ЭР-ЭФ — жертва России.

Жанна — подруга Светика, удачно выскочившая замуж
за Гонсалеса, владельца апельсиновых плантаций в Испании;
она же, как и Светик, жертва «плантаций» постсоветского про-
странства.

Гонсалес — просто жертва.

Шестеро неизвестных — жертвы автокатастрофы.

Байстрючонок — жертва, которая еще не знает, что она
жертва.

Прочие жертвы.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ ОТПЕВАНИЕ

Сцена разделена занавесом на две части.

Авансцена.

Крематорий. Венки. Гроб. Звучит траурная музыка. Вокруг домовины собрались провожающие в последний путь Вадима Альбертовича.

*Отец Сергей напевно читает молитву. Вид у него серьезный, величавый. **Мать** подносит платок к сухим глазам. Рядом с ней два охранника в мешковатых костюмах с галстуками — **Болек** и **Лёлек**. **Глебушка** покачивается. Он пьян и икает. На его лице блуждает глупая улыбка. Глебушку с двух сторон поддерживают братья — **Михаил** и **Борис**. **Лизон** — в гламурном золотом спортивном костюме с траурными вставками по бокам — нервно переминается. **Партнер по бизнесу** стоит, скорбно склонив голову и скрестив руки на животе. На самом деле он любит новые лакированными туфлями, приподнимая то одну, то другую ногу. **Адвокат** прячет зевок в кулак. Плачет только **Настенька**.*

Отец Сергей (*помахивая кадилом*). Помяни, Господи Боже наш, в вере и надежди живота вечнаго преставльшагося раба Твоего, брата нашего Вадима, яко Благ и Человеколюбец, отпущаяй грехи и потребляяй неправды, ослаби, остави и прости вся вольная его согрешения и невольная...

Михаил (*Глебушке, сквозь зубы*). Кончай икать!

Отец Сергей. ...избави его вечныя муки и огня геенскаго, и даруй ему причастие и наслаждение вечных Твоих благих, уготованных любящим Тя: аще бо и согреши, но не отступи

от Тебе, и несумненно во Отца и Сына и Святаго Духа, Бога Тя в Троице славимаго, верова, и Единицу в Троицу и Троицу в Единстве православно даже до последняго своего издыхания исповеда.

Михаил (*Глебушке, громко*). Перестань икать, я сказал!

Отец Сергей. Темже милостив тому буди, и веру яже в Тя вместо дел вмени, и со святыми Твоими яко Щедр упокой: несть бо человека, иже поживет и не согрешит. Но Ты Един еси кроме всякаго греха, и правда Твоя правда во веки, и Ты еси Един Бог милостей и щедрот, и человеколюбия, и Тебе славу возсылаем, Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Михаил дает Глебушке мощный подзатыльник.

Глебушка. Кончай, я ж не специально.

Михаил. Урод, даже на похоронах родного отца напился!

Глебушка. А где еще пить?

Борис. Тише оба. Заканчивается уже.

Отец Сергей. А теперь, братия и сестры, проститесь с рабом Вадимом. И да упокоится его душа с миром.

Настенька. Папа, папка! (*Кидается на гроб.*)

Мать. Оттащите эту малахольную.

Михаил подходит к Настеньке.

Михаил. Насть, Насть, успокойся.

Настенька. Папка!

Мать (*оттесняя Настеньку*). Дай мне. (*Склоняется над гробом.*) Ну, что?.. (*Смотрит сверху вниз, потом на отца Сергия.*) Что говорить-то?

Отец Сергей. Попрощайтесь. В последний путь мужа провожаете.

Мать. А? Ну да. Пока, Вадик. Чтоб тебе, как говорится, земля пухом.

Глебушка. Мы в крематории.

Мать. Один чёрт. Извините, отец Сергей, не при вас.

Отец Сергей. Бывает, матушка... Вообще, Каролина Карловна, православие кремацию не приветствует, мы больше за ингумацию. Но поскольку это давнишняя просьба Вадима Альбертовича... Так я как бы и вашим, и нашим.

Мать. Спасибо за участие, батюшка... Собственно, вот, Вадик... Всё... (*Отходит.*)

К изголовью гроба по очереди подходят братья, прощаются. Глебушка наклоняется к гробу и застывает в неестественной позе. Михаил хлопывает его по плечу.

Михаил. Давай, брат... Эй! Чёрт! Он уснул!

Михаил и Борис оттаскивают Глебушку от гроба, хлопками по лицу приводят его в чувство.

Глебушка. А?!

Михаил. Что – а? Дома поспишь, алкаш! Выбрал место.

Лизон подходит к гробу.

Лизон (*поворачивается к Матери*). Это что значит? Совсем накрылся Куршевель на Новый год?

Мать (*шипит*). Молчи, дура. Дома поговорим. Прощайся давай быстрее.

Лизон (*обращаясь к усопшему*). ...это... ну ты давай... того... не скучай... Ой! Я чё-то не то сказала?!

Мать. Нормально всё.

Настенька снова бросается к гробу.

Настенька. Па-а-а-а-ап!

Мать. Оттащите ее! Хватит уже причитать!

Братья бросают Глебушку и кидаются к Настеньке. Она вырывается. Они силой оттаскивают ее в сторону. К гробу подходит Партнер по бизнесу – кладет руку на край гроба, пальцами отбивает легкую дробь.

Партнер по бизнесу. Дорогой Вадим. Мы прошли с тобой долгий и тяжелый путь. Но только благодаря тебе и только тебе мы добились столь превосходных результатов в нашем деле. Теперь, когда тебя нет с нами, мы все оплакиваем твою безвременную кончину. Без твоей мудрости, жизненного опыта и стойкой гражданской позиции нам всем будет нелегко. Но мы не посрамим твоего имени, мы будем помнить тебя всегда. До скончания наших дней, до последнего вздоха, до последнего толчка в наших сердцах. Спасибо тебе, Вадим. Спасибо, что был с нами, спасибо тебе за все. И да покойся с миром!

Глебушка. Спасибо тебе за наш бизнес, который стал моим. Да, Роман Андреевич?

Михаил. Не обращайтесь на него внимания. Он – пьян.

Партнер по бизнесу. Я вижу.

Глебушка (*пьяно помахивая пальцем*). Э, не...

Партнер по бизнесу уступает место Адвокату.

Адвокат (*подбирая слова*). Дорогой Вадим Альбертович! Вы были для нас светочем. Каждый миг, каждый час нахождения рядом с вами являлись для нас счастьем и благодатью как для меня лично, так и для всех ваших близких, ежеминутно находящихся в лучах вашей сияющей звезды. Вашего Солнца. Но вот зашло Солнце... и пропали созвездия, и исчезла Галактика... и вот наступила ночь... и не видно теперь ни зги во всей Вселенной... но память о вас, чувства... предания... они станут для нас факелом, сопровождающим нас по Млечному Пути, именуемому Жизнь...

Глебушка (*в сторону*). Крындец! Еще бы он для тебя, Юрасик, не факелом был, так ты из него искры в виде банкнот вы-

бивал.

Адвокат. Скорбим, Вадим Альбертович. Скорбим. Но что делать... что делать... такова жизнь... Я позабочусь...

Глебушка. Не сомневаемся.

Отец Сергей. Братия и сестры!..

Мать. Отец Сергей, достаточно... (*К остальным.*) Ну что, простились? Тогда пора...

Звучит скорбная музыка. Гроб с телом уплывает. Собравшиеся быстро покидают крематорий. В зале задерживается один Борис.

Борис (*радостно хлопая в ладони*). Сдох, скотина! Сдох! На-конец-то!

Бодро выбегает за остальными.

Затемнение.

СЦЕНА ВТОРАЯ ПОМИНКИ

Занавес поднимается.

Особняк Вадима Альбертовича. Зал. Над ним нависает балкон второго этажа, к которому тянется лестница с перилами.

На обоих этажах висят картины: Пиросмани, Кандинский, Шагал, Пикассо и проч. Между ними воткнуты охотничьи трофеи — панты, рога и оскаленные пасти с клыками. В зале, на полу, лежит шкура марала.

*Вперед вынесены кожаная мебель, стеклянный столик, жидкокристаллический телевизор и потрескивающий камин. На камине возвышаются фотография покойного с креповой лентой в рамке и урна с пеплом. В центре зала стоит накрытый гостинный стол. Вокруг него собрались **родственники** усопшего, а также **Адвокат, Партнер по бизнесу и отец Сергей**. У всех в руках рюмки с водкой.*

Михаил. Ну-с. Надо как-то...

Глебушка. Отметить.

Михаил. Заткнись. Надо сказать что-то. Вроде как положено. Сергей, может, ты?

Мать. Не надо.

Михаил. Так ведь положено. Слова хорошие. Отец как-никак.

Глебушка. Вот именно, как-никак.

Мать (*Глебушке*). Сейчас из-за стола выйдешь!

Глебушка. Я, Карловна, не в том возрасте, чтоб ты мне указывала!

Михаил. Глеб, хватит! Надо сказать что-то.

Глебушка. Вот и скажи.

Михаил. Ком в горле. Я не знаю что. В первый раз ведь хороним.

Глебушка. А тебе бы папашкина десять раз на дню хоронить хотелось? Чтоб попривыкнуть?

Настенька. Ну можно хоть сегодня...

Лизон. А вот когда дядя Славик погиб, мы ничего не говорили.

Глебушка. Потому что и сказать было нечего. Его же после того, как вертолет взорвался, не нашли. Ни рожек, ни ножек. Да, Миша?

Михаил (*нервно*). А я тут при чем?

Глебушка. Да ни при чем. Ты всегда ни при чем. Собственно, и тут нам сказать нечего. Своего-то мы вообще сожгли. В печак крематория.

Лизон. Но ведь дядю Славика все равно погибшим признали. И поминки были. Но не помню, чтоб мы там говорили что-то.

Глебушка. Что ты помнить-то могла, после ганджубаса своего? Сидела, дура, хихикала все поминки.

Мать. Дети, хватит! Надо помянуть!

Глебушка. Так помянь!

Мать. Сказать что-то надо. (*Обращается к Адвокату*.) Юрий Владимирович, давайте вы. Скажите. Ну как вы умеете. Как на суде.

Глебушка (*вытирает глаза*). Страшном. Адвокат дьявола.

Мать. Глеб!

Глебушка. Молчу, молчу.

Адвокат. Я вроде бы на похоронах все сказал.

Мать. Пожалуйста. Очень просим. Вы там про «предания» — красиво так... А то, видите, у нас как-то не получается.

Глебушка (*ёрничая*). В печали мы... Еще бы у нас получалось. Говорят-то о хорошем человеке, а у нас всеобщая ненависть. Родственный синдром, так сказать. Виноват, Карловна...

Адвокат. Насколько помню, на поминках обычно молча и не чокаясь.

Глебушка. Многих клиентов похоронил, Юрасик? Ночами не снятся?

Настенька начинает всхлипывать.

Глебушка. Во! Довели девку! Не переживай, Настурция, ща накатим, дальше пойдет как по маслу. Дележ наследства, взаимные обвинения. (*Ко всем.*) Все будет хорошо. Готовьтесь!

Мать. Про наследство позже.

Адвокат. После соответствующей процедуры.

Все. Какой это процедуры? (*Ставят поднятые рюмки на стол.*)

Адвокат. Наследство еще открыть надо.

Борис (*резко подаваясь вперед*). Что значит — открыть?

Адвокат. Так, как это законом регламентировано.

Мать. Поясните-ка, Юрий Владимирович.

Глебушка. О! Я же говорил! (*Поднимает рюмку, залпом выпивает и кивает в сторону фотографии усопшего, стоящей на камине.*) Спасибо тебе, папик, удружил.

Адвокат. Строго говоря, он тут ни при чем. Это требование закона.

Партнер по бизнесу. Так, а вот тут поподробней. (*Тоже выпивает.*)

За ним следуют остальные.

Глебушка. Ну что, между первой и второй? *(Берет початую бутылку водки.)*

Михаил. А... *(Безнадежно машет рукой.)* Наливай.

Глебушка *(напевая, разливает всем по рюмкам).*

Мы делили апельсин,
Много нас, а он один,
Эта долька – для ежа,
Эта долька – для стрижа,
Эта долька – для утят,
Это долька – для котят,
Это долька – для бобра,
А для волка – кожура.
Он сердит на нас – беда!
Разбегайтесь кто куда!

Мать. Перестань юродствовать!

Глебушка. Извини, Юрасик, тебе не хватило. Ща новую откroю. Айн момент. Для волка.

Борис. Давай быстрее.

Глебушка. Не терпится лекцию про наследственное право послушать? *(Открывает новую бутылку водки, наливает Адвокату.)* Ты этот предмет в Кембридже закашивал, что ли?

Борис. Я не на юрфаке, а на экономическом учился.

Глебушка. Много папашкиных деньжат наэкономил?

Борис. Не твое дело.

Глебушка. Ну да, ну да... Наше дело тебя из английских скотланд-ярдов в невменяемом состоянии вытаскивать.

Борис. Ты вообще ничего не закончил. С трех факультетов вытурили, даже папа помочь не смог.

Глебушка. Ничё. Рублевка – мои университеты. А дипломы можно и в метро купить.

Борис. Что-то я тебя давно в метро не видел.

Глебушка. Что-то я тебя тоже. Майбах небось не влазит. Бо-

ковые зеркальца на эскалаторе застревают... И как ты только тогда уговорил себя до полицейского участка подвезти? В английском воронке.

Мать. Глеб, что ты говоришь такое? Не было этого. Какой полицейский участок?

Глебушка. Да? Не было? Забыла, как его повязали?.. Ширк-ширк в ноздри из стодолларовой купюры. Прямо на барной стойке. Его, наверное, музей мадам Тюссо сильно впечатлил. С Палатой Ужасов.

Мать (*хлопая ладонью по столу*). Я говорю, не было ничего такого. Ты выдумываешь.

Адвокат. Каролина Карловна? Я чего-то не знаю?

Глебушка. Да всего... Я тебе сейчас расскажу. Помнишь, наш Борюсик недавно в Швейцарию лечиться ездил? Типа в санаторий. Ты думаешь, он горлышко застудил или синусит подхватил? Не-е-е... Это у Боряйлы аденоиды выпадать начали. Он частенько флакончик «Санорина» с пакетиком кокса путал... А в Англии у него вообще крышу сорвало, вот его Миша и летал вызывать из лап правосудия. Мы тебе, Юрасик, звонили, кстати. Только ты вне «зоны» (*с упором*) как всегда был.

Борис. Мама! Скажи ему!

Мать (*Глебушке*). Ты все сочиняешь! Боря в Англию по делам летал. А Миша с охраной в это время просто в Шотландии был. Замок нам смотрел. Слишком много пьешь, у тебя в голове все перемешалось.

Глебушка. А я на вас вообще трезвый смотреть не могу. На охранников так вообще без слез не взглянешь. До сих пор по дому в юбках шастают.

За кулисами раздается протяжный вой волюнки. Все вздрагивают. Отец Сергей крестится.

Отец Сергей. Что сие?

Глебушка. Это некоторые в себя прийти не могут. Сотрясение одного мозга на двоих произошло.

Партнер по бизнесу. Послушайте, Глеб Вадимович, вы вроде бы тоже заинтересованы, чтобы про наследство узнать, а ведете себя как ребенок.

Партнер по бизнесу встает, расправляет затекшие мышцы, медленно прохаживается, рассматривает висящие на стенах картины, отходит и снова подходит. Задумчиво кивает головой, точно разговаривает сам с собой. Затем поднимается по лестнице наверх – разглядывает галерею картин на втором этаже.

Лизон (соглашаясь с Партнером по бизнесу). А он и есть ребенок.

Михаил. Недоросль он, а не ребенок.

Глебушка. Ага. Анфан террибль. Пьянь, дебошир и охальник. Что с меня взять-то? Младший брат. Дурачок.

Михаил. Давай уже, садись. Ду-ра-чок. Тут дело важное.

Отец Сергей (держа на излете вилку с рыбиной, обращается к Матери). Какое у вас замечательное серебро, однако же!

Мать. Николаевские.

Настенька. Фамильные, между прочим.

Глебушка. От папика папика папика.

Отец Сергей. В смысле?

Глебушка. От прадеда остались. Мы ж голубых кровей. Прямыми корнями в трон упираемся.

Отец Сергей (с удивлением). Странно. А я отчего-то полагал, что Вадим Альбертович исходом из брянских.

Борис. Забудьте.

Глебушка. Папик не так давно нам новую гинекологию выправил.

Отец Сергей. Вот даже как...

Партнер по бизнесу (перегибается через перила, обращается ко всем). Интересные работы. Не знал, что Вадик рисует. Только вот эти странные какие-то... с овцами и козами. Поместье какое-то? (Кивает на одну из работ.)

Настенька (вскидывая головку вверх). Это – Пиросмани! Ве-

ликий примитивист.

Все поднимают головы и смотрят на Партнера по бизнесу.

Партнер по бизнесу (*распрямляясь*). Да? Ну не знаю, по-детски как-то... И вот это... (*Делает пару шагов назад, склоняет голову, смотрит и так и этак, приближается, отходит.*) Не пойму. Лицо? Жопа?

Настенька. Роман Андреевич, вы что? Это же Пикассо!

Партнер по бизнесу. Да ну? Забавно. Целое состояние, на-верное?

Борис. Еще бы!

Партнер по бизнесу. Как по мне, так муть какая-то. Хоть и Пикассо. А вот эта очень ничего. (*Показывает на огромную картину, любуется.*) Жизненно. Семейная пара. Вечернее платье, фрак. Со вкусом. Чувствуется, мастер владеет кистью. Только вот при чем тут лошадь рядом?

Настенька (*кричит вверх*). Это на заказ! Мама, папа и Миша в гусарской форме.

Лизон (*тоже кричит*). На Венском балу в Манеже!

Партнер по бизнесу. А... то-то я смотрю, черты знакомые. Так это не лошадь?

Михаил (*поперхнувшись*). Это неудачная работа!

Партнер по бизнесу. Тоже Пиросмани?

Настенька. Нет! Это из новых! (*С придыханием.*) Гений.

Партнер по бизнесу. Хорошо. Но если это не лошадь, то за-чем тут седло? Тем более вы сами про манеж говорили.

Настенька. Это не седло! Миша к нам как бы вполоборота повернут! Это левый эполет! Он символизирует преданность Отечеству!

Глебушка. Новый взгляд! Правый намеренно не показан — это преданность офшорам! Вы, Роман Андреевич, в какой стране живете? У нас по манежу уже давно не лошади скачут!

Партнер по бизнесу (*задумчиво*). У... Любил, конечно, Вадик деньги на всякую дрянь выбрасывать.

Борис. Это — вложения!

Партнер по бизнесу. Смотря во что... А это? *(Показывает на картину — по размеру не уступающую «Венскому балу в Манеже» и висящую в центре галереи.)* Воробей какой-то двуглавый. Или это утка? *(Трогает багет.)* В золотой раме.

Настенька. А вот это уже наш папа рисовал! Герб России!

Глебушка. Грачи прилетели!

Партнер по бизнесу. На заказ?

Настенька. Для души. Правда, здорово? У него много вариантов в мастерской висит. Эта просто самая любимая.

Глебушка. Поэтому он ее рядом с Пикассо и повесил. Я и Пабло. Инсталляция «Русские голуби мира»!

Мать. Да вы спускайтесь, Роман Андреевич, так очень тяжело общаться!

Партнер по бизнесу. А, этого... как его бишь... Ну, который нефтяные скважины рисовал?

Настенька. Малевича? К сожалению, нет.

Партнер по бизнесу. Жаль. Я бы приобрел.

Глебушка. Не переживайте, здесь всё — черный квадрат. *(Обводит круговым движением руки интерьер особняка и присутствующих.)* В том числе и «Грачи». Можете забирать.

Партнер по бизнесу *(спускается, в задумчивости покачивает головой, возвращается на свое место, копошится вилкой в салате).* Свежо, свежо... Оказывается, я Вадика-то и не знал толком. Надо же. Как бы художник, как бы коллекционер... А вообще, знаете... Гений, Настенька, говорите? А координаты у вас этого гения с новым взглядом есть? Я б себе тоже что-нибудь в этом роде заказал. Правда, у меня семьи нет. Но ведь можно, наверное, что-нибудь в этом духе? В полный рост, например. Аксельбанты там какие-нибудь, скромные.

Глебушка. В полный рост — это из гранита. На кладбище, от братвы. Аксельбанты мы поднесем.

Партнер по бизнесу. Глеб Вадимович, вы забываетесь. Если бы не мое уважение к вашему отцу...

Глебушка. Ну, всю Россию в асфальт не закатаешь, Роман Ан-

дреевич.

Настенька. Как, Роман Андреевич, вы не знаете этого художника?

Партнер по бизнесу. Настенька, я примитивный человек. Я нефть коллекционирую.

Глебушка. И скорлупой от Фаберже закусуваю. Да?

Партнер по бизнесу (*игнорируя Глебушку*). Так что, Настенька, сосватаете мне этого портретиста?

Настенька. Обязательно, Роман Андреевич. Вам сейчас?

Партнер по бизнесу. Да нет, Настенька, после... как-нибудь...

Глебушка. Очень это по-деловому «да-нет» на поставленные вопросы отвечать. Вы подписывали этот контракт? «Да-нет». Вы голосовали за нового президента, который нам этот райский ад устроил? «Да-нет». Так вы «за» или «против»? А то мы что-то не можем вашу позицию разобрать. «Да-нет». Вообще странно, я думал, мы по другому поводу собрались. Помянуть, а не в искусствоведов играть. А, Карловна, или я не прав? Отца семейства вроде поминаем, или я что-то не догоняю по младости ногтей? В смысле, с пьяных глаз... Да? Нет?

Мать (*быстро*). Конечно. Мы и вправду отвлеклись. Давайте. Как Юрий Владимирович говорил — молча и не чокаясь. (*Выпивает, машет ладонью перед открытым ртом.*) Уф... (*Официально.*) Юрий Владимирович, слушаем вас. Вни-ма-тель-но... Глеб, заткнись.

Глебушка. Да ради Бога. Простите, отец Сергей, язык не подадите? Оскоромлюсь с вашего позволения. Ага. Да, да. Нет, нет. Спасибо, и майонезик.

Михаил (*сквозь зубы*). Кончай жрать в такое время.

Глебушка. А в какое — такое? Самое время. Поминки, закуска, родственнички, поп, адвокат, друг по игре в монополию. Роман Андреевич, не считите за труд — там семга и икорка около вас. Впрочем, где им еще быть.

Борис (*зло*). Дайте ему уже лохань какую-нибудь, пусть жрет!

Мать. Боренька, успокойся. Держи себя в руках. Юрий Владимирович, пожалуйста...

Глебушка (*наваливаясь на семгу*). По-жа-луй-ста... А то мы очень убиваемся из-за смерти кровиночки нашей.

Михаил (*Глебушке*). Еще слово, и я тебя урою.

Глебушка. Как дядю Славика? На Алтае? Хлоп, и нет вертолётника. Только ополоумевшие маралы по горам бегают. (*Напевает*). А о-о-бла-а-ка-а, бе-ло-гри-и-вы-е лан-дша-а-фты-ы.

Адвокат. Простите?

Мать. Не обращайтесь на него внимания. Так что там про «открытие наследства»?..

Адвокат. Можно я в процессе, так сказать? А то весь день на ногах. С утра не ел.

Мать. Да, да, конечно.

Все едят и пьют.

Глебушка. Не вздумайте чокаться. А то воскреснет, не ровен час. Плакало ваше наследство тогда.

Настенька. Ну почему ты такой? Откуда в тебе столько ненависти? Что он тебе сделал?

Глебушка. Ничего, Настурция. Ничего он мне не сделал. Вообще. Вот поэтому... Тебе поподробней? С детства начать? Отрочества? Юности? Это ты там в своих классиках доморощенных сидишь, в достоевщине и горьковщине этой, вот и сиди... читай, мусоль страницы. С Данко, вырывающим сердце, и прочими киборгами... А мы тут — в реальности. С акциями и киллерами. Прости, Мишаня, не хотел... Это тебе не сердце вырвать, тут до кишок пробирает.

Адвокат. Михаил?

Михаил. Да, Владимирыч.

Адвокат. Мне кажется или?.. Или Глеб Вадимович на что-то намекает, чего я не знаю. Я все-таки ваш семейный адвокат.

Михаил (*набычившись*). Адвокат или прокурор?

Адвокат. Понимаете, мне бы просто не хотелось, чтобы потом всплыли некие неучтенные нами обстоятельства, а мы бы оказались не готовы к защите.

Глебушка. Мы тебя обязательно во все обстоятельства посвятим. Потом. Опосля.

Адвокат. Просто странно, я ваш адвокат, а узнаю...

Михаил (*нервно*). Это все домыслы Глеба! Я к этому не причастен.

Глебушка (*жует*). Ага... Как же, домыслы.

Адвокат. Как угодно, конечно. Но мне бы хотелось прояснить ситуацию. А то как-то... я все время обо всем последний узнаю.

Глебушка. Это нормально. Хороший адвокат должен быть в неведении. Тогда защита лучше строится. Главное, вначале адвокату лапшу на уши повесить. А уж потом он ее присяжным вешает. Переходящее знамя лжи. Ушной серпантин.

Адвокат. Каролина Карловна, может, вы проясните ситуацию? Мне бы все-таки хотелось некоторой ясности, что ли.

Мать. Юрий Владимирович, не отвлекайтесь. Будет вам ясность. Некоторая... Вы еще не поели? А то мы ждем вас. Нет? Тогда, попробуйте, пожалуйста, фаршированную голову щучки.

Глебушка (*показывая на рыло кабана, висящее на стене*). Лучше свиньи.

Мать. Извините его, Юрий Владимирович. Вы ж знаете, он язык за зубами держать не умеет.

Михаил. Вот именно. Такой язык неплохо бы отрезать и в холодец закатать.

Глебушка (*смеется*). Отравиться не боишься? (*Высовывает язык изо рта, испускает дух, словно удушенный.*) А-а-кхе-кхе...

Михаил. Тебе семь собак поставь – всех перелаешь.

Глебушка. Вас перелаешь, как же. С вами только одним методом бороться можно. Собаколовами. С электрошокерами.

Настенька. Мерзавец! Когда же ты замолчишь?!

Глебушка. Синий чулок с перекошенным швом! Не буянь. Возьми вон какое-нибудь «Преступление и наказание» и захлопнись в своем книжном чулане. А еще лучше «Гамлета» полистай – там вообще все дохнут.

Настенька. Хоть бы Шекспира не трогал!

Глебушка. Его тронешь, как же.

Лизон. Ну ко-ро-че... Заманали уже все. Чё там с бабками?

Глебушка. Во! Деловой подход, Лизон. Уважауха и респект. Чувствуются папашкины гены. Давай, Юрасик, вещай! Кому из нас яхта, а кому – кормовая часть.

Мать. Мишенька, разлей, пожалуйста.

Михаил разливает.

Мать. Ну-с?

Все поднимаются с рюмками в руках. Молча выпивают.

Глебушка. Шоб усе там были!

Партнер по бизнесу начинает кашлять.

Глебушка. Привыкайте, Роман Андреевич. Вы нас еще плохо знаете.

Мать. Юрий Владимирович? (*Жестко.*) Поели? (*Адвокат кивает.*) Вам слово.

Глебушка. Попросим, господа, попросим! (*Аплодирует.*) Пьеса «Дележка».

Михаил (*поднимается, поправляет галстук, поворачивается к Глебушке*). За-а-а-аткни-и-исссь!

Глебушка. Ёптить! Кто чувака с мегафоном пустил?

Настенька. Ну по-жа-луй-ста...

Глебушка. Хрен с вами... Отец Сергей, что вы там чавкаете все время? Чавкать в притоне... в смысле в приходе будете, с маленькими мальчиками.

Отец Сергей (*не отрываясь от тарелки*). К православию сие не имеет никакого отношения. Это к католическим прихвостням, веру в Бога нашего испоганившим.

Глебушка. Да ну брось ты, все вы одинаковые. Креста на вас негде ставить.

Отец Сергей. Вот на Соборе...

Глебушка (*перебивая*). Хрен, говорю, батюшка, подайте... Се-

рег, ну дай тарелку, чё ты, как при голодоморе, нажраться не можешь.

Отец Сергей передает соусницу.

Глебушка (*принимая соусницу*). Спасибо, храни тебя Дева Мария и младенец Иисус.

Отец Сергей. И тебя, сын мой.

Глебушка (*через стол лезет к отцу Сергию обниматься*). Папаня воскрес! Воистину! Верую!

Михаил молча хватается Глебушку за плечи. Встряхивает. Сажает на место.

Адвокат. Я начну?

Мать. Да! Пора бы уже!

Михаил (*держит перед лицом Глебушки кулак; Адвокату*). Начинай.

Адвокат встает из-за стола. Поправляет костюм, важно прохаживается.

Глебушка (*восторженно*). Хорош! (*И тут же получает в нос от Михаила*). Отвали!

Михаил (*садится на свое место*). Сиди тихо! Я предупредил.

Адвокат (*чеканя шаг*). Законодательство Российской Федерации предусматривает...

Глебушка (*потирая нос*). Восемь лет с конфискацией! (*Михаил вскакивает*.) Все, Мишань, молчу. Пять условно. (*Завязывает рот пальцами на невидимый замок*.)

Адвокат. Так вот, законодательство Российской Федерации, а в частности, часть третья, раздела пятого Гражданского Кодекса Российской Федерации...

Глебушка. Как-то ты на Российской Федерации сильно зациклился, можно по существу? А то мне это Совет Федерации

Федерального Собрания Российской Федерации напоминает. Масло масляное.

Лизон. Это еще чё за фигня?

Глебушка. Это здание такое – на Большой Дмитровке. Очень элитарный крематорий напоминает. Роману Андреевичу должно быть хорошо знакомо. А, Роман Андреевич?

Михаил. Глеб!

Глебушка. Слушаюсь и повинуюсь!

Мать. Да, Юрий Владимирович, если можно, без Российской Федерации. Пожалуйста.

Глебушка. А то нас от нее мутит. Миша, заметь, я ничего особенного не сказал.

Михаил. На вот... *(Наливает в фужер водку, силой вставляет ему в руку.)*

Глебушка. Другой разговор. *(Встает, поднимает фужер.)* Ну, за Родину! Молча. Не чокаясь. *(Выпивает, закусывает.)*

Борис. Угомонись уже!

Глебушка *(плавно садится).* Ок.

Адвокат. Так вот. В соответствии со Статьей 1111...

Лизон. Класс!

Адвокат *(удивленно).* Простите? Что – класс?

Лизон. Ну эти, единички.

Глебушка. На блатной номер козырного катафалка просятся.

Борис *(Михаилу).* Плесни ему еще.

Михаил *(наливает в фужер).* Пей.

Глебушка. Без вас не буду. Вы ж моя кровиночка. Наркоманы, киллеры, адвокаты. Если пить, то всем вместе.

Мать. Ну что с ним делать! *(Михаилу.)* Налей всем тогда уж.

Михаил снова разливает.

Глебушка *(Матери; мистическим голосом).* На Алтай меня, Карловна! На Алтай! К маралам – в горы, в снега. И поглубже. *(Встает.)* А теперь предлагаю выпить за курорты!

Мать. Глеб, не порти поминки наконец!

Глебушка. Интересно, а как их *еще* испортить можно?

Михаил. Например, голову кому-нибудь отрезать.

Глебушка. О, я погляжу, у старшего чувство юмора прорезалось.

Михаил. Ты еще не знаешь, *как* я шутить умею.

Глебушка. Дядя Славик уже узнал, ему хватило. *(Выпивает второй фужер.)* Ух! Ну, Юрасик, *(нетрезво машет рукой)* давай лицедействуй!

Адвокат. Каролина Карловна, если меня постоянно будут перебивать...

Мать. Юрий Владимирович, потерпите, скоро уже не будут. Я его знаю.

Глебушка *(пьяновато)*. Э... не... всю федерацию не напоишь... гри, авокадо!

Адвокат *(откашливаясь)*. В соответствии со статьей... иными словами, наследование осуществляется по закону и по завещанию.

Лизон. Ну, это даже я знала.

Глебушка. Во! В семье юрист родился. Предлагаю отметить это событие минутой молчания и залакировать! *(Встает, опускает голову.)* Михаил! *(Щелкает пальцами, как официанту.)* Бельенкой, с росой!

Михаил. Сам нальешь.

Глебушка. Слушай, Юрасик, чему тебя на твоём юрфаке вообще учили, если у нас это даже Лизон знает?

Мать. Дальше, Юрий Владимирович, дальше. Не обращайтесь на него внимания. Он просто пьян.

Глебушка. Да, Юрасик, продолжай. Мы все затаили дыхание и потираем ручки в преддверии, так сказать, дележа... *(Трет ладони, хватает бутылку водки, наливает себе в фужер.)*

Адвокат. Ну вот... В соответствии с Гражданским Кодексом наследники по закону призываются к наследованию в порядке очередности...

Глебушка. Российской Федерации...

Адвокат. А?

Глебушка. Гражданским Кодексом Российской Федерации. А то мы решим, что ты на западную разведку работаешь.

Адвокат. Я? На разведку?

Глебушка. Почему нет? Нормально платят небось. Или тоже во время кризиса экономят? На шпионах.

Адвокат. Что вы говорите такое, Глеб Вадимович? Я, и на разведку. Я присягу давал, между прочим! Чтить! Конституцию, Кодекс профессиональной этики адвоката!

Глебушка. эР-эф, надеюсь?

Адвокат. Да, эР-эф!

Глебушка. А, ну тогда я за наших шпионов спокоен.

Борис. Юра, что вы с ним разговариваете?! Он же больной на всю голову.

Глебушка. Я на всю федерацию больной. *(Выпивает.)*

Адвокат *(Глебушке).* Я могу продолжить?

Глебушка. Давай, авокадо, продолжай.

Адвокат. Каролина Карловна, я бы попросил оградить меня в вашем доме от оскорблений...

Глебушка *(Борису).* И синусита... Да, Боряйла?

Мать. Все, мое терпение лопнуло! Еще одно слово, Глеб, и я позову охрану.

Глебушка. Зови! Мы на троих накатим.

Мать. Я предупредила.

Борис. Давно пора, мама!

Мать. Юрий Владимирович...

Адвокат. Ну, если Глеб Вадимович не будет нам мешать... *(Смотрит на Глебушку, тот молча ему подмигивает.)* Значит, ситуация следующая. Как я говорил ранее, наследники по закону призываются к наследованию в порядке очередности... Наследники каждой последующей очереди наследуют, если нет наследников предшествующих очередей, то есть если наследники предшествующих очередей отсутствуют, либо никто из них не имеет права наследовать, либо все они отстранены от наследства, либо лишены наследства, либо никто из них не принял наследства, либо все они отказались от наследства.

Всего существует семь очередей...

Лизон. Бли-ин! Я запуталась!

Глебушка. А ты думала. Это тебе не в бутик съездить или в Милан на выходные слетать. Принятие наследства – дело тонкое и хлопотное. Вот если мы очередь с утра займем...

Адвокат. Каролина Карловна...

Мать. Лёнчик! Бенья!

В зал вваливаются два охранника. На них шотландские килты с пряжками и ремешками, вязанные белые гольфы до колена и береты с лентами. Один из них держит волюнку.

Глебушка. Во, наши дудочки явились. Поддув! Вентиляция! Свежесть!

Лёлек. Слушаем вас, Каролина Карловна.

Мать (*показывает на Глебушку*). Выведите его отсюда.

Охранники направляются к Глебушке.

Болек (*поправляя волюнку*). Come on, Глеб Вадимович.

Глебушка. Карловна, ты чего? Я же по делу высказался.

Мать. Я тебя предупреждала.

Глебушка. Но я тоже послушать хочу. Э, Юрасик, что там у нас с недопущением к наследству?

Мать. Либо ты молчишь, либо тебя уводят.

Глебушка. Молчу. (*Охранникам.*) Расслабьтесь, ребята.

Мать. Свободны, мальчики.

Болек и Лёлек уходят.

Партнер по бизнесу (*проводя охранников взглядом*). М-да. Печатляет. Это ж до какого состояния себя надо довести, чтобы юбку напялить.

Глебушка (*пожимая плечами*). Шотландия – страна чудес. (*Пауза.*) И непуганых олигархов, кстати. Возьмите себе на за-

метку.

Партнер по бизнесу. Зачем это?

Глебушка. Пригодиться может. Кто вас там пасущегося на лугах искать будет? Да еще в юбке?

Партнер по бизнесу. Ерунду говорите, Глеб Вадимович.

Борис (*Адвокату*). Так что там с очередями? У нас людей столько нет, чтоб в семи очередях стоять.

Адвокат. Могу вас обрадовать. Вы все в одной. В первой.

Михаил. А кто за кем?

Адвокат. Наследники по закону, а именно дети, супруг и родители наследодателя, наследуют в равных долях. А значит, выражаясь бытовым языком, все стоят вместе.

Глебушка (*поднимая палец вверх*). Хорошо не сидят... (*Осекается*.) Понял, понял, Карловна. Ладно, я по делу. (*Набрасывается на Адвоката*.) Так что ж ты нам тут про семь очередей впаривал?

Мать. Да, Юрий Владимирович.

Адвокат (*замешкавшись*). Я привык скрупулезно подходить к поставленным вопросам. Иначе не был бы адвокатом вашего покойного супруга и бабушки.

Мать. Юрий Владимирович, мы вас очень уважаем, поверьте, но нельзя ли как-нибудь поконкретней? К нам остальные очереди как-нибудь относятся?

Адвокат. Полагаю, что нет. Поскольку наследники последующих очередей наследуют, когда нет наследников первой очереди. Скажем, наследниками второй очереди по закону являются полнородные и неполнородные братья и сестры наследодателя, его дедушка и бабушка как со стороны отца, так и со стороны матери. А вот наследниками третьей очереди, если нет наследников первой и второй очереди, являются полнородные и неполнородные братья и сестры родителей наследодателя. Дяди и тети наследодателя...

Лизон. Жуть! Ни фига не понятно!

Отец Сергий. Братия и сестры! (*Тянется к бутылке*.)

Глебушка. Одобряю! Серег, не возжелай рюмки ближнего своего. И мне плесни... Христа ради.

Лизон. Что-то я не догоняю. Как это — «неполнородные братья»?

Глебушка. Это как мы. Как бы родные.

Адвокат. Нет, Глеб Вадимович, «неполнородные» — это...

Мать. Подождите, Юрий Владимирович. Не надо. Мы уже все поняли, что дальше безумие начнется. Еще несколько очередей я не выдержу. Давайте к первой вернемся.

Адвокат. Ну если по делу... поскольку у Вадима Альбертовича родители давно скончались, то вы по закону должны были бы наследовать в равных долях.

Глебушка. Нам еще тут бабушки с дедушкой не хватало.

Мать. Леонид! Бенедикт!

*Входят **Болек** и **Лёлек**.*

Глебушка (*кивает на Адвоката*). Выведите его отсюда.

Болек. Sorry, Каролина Карловна?

Мать. Ладно, свободны...

***Болек** и **Лёлек** уходят.*

Мать (*Адвокату*). Я ослышалась или вы сказали «должны были бы»?

Михаил. Да, кстати?

Борис. Кстати, да.

Пауза. Все смотрят на Адвоката.

Адвокат. Дело в том, что Вадим Альбертович неделю тому назад составил завещание.

Пауза.

Глебушка. Сожгите меня!

Михаил. Как завещание?!

Мать. А я почему не знаю?

Борис. Юра, мы же договаривались!

Партнер по бизнесу (*откидываясь на спинку стула*). Так, так... Это уже интересно.

Лизон. То есть... он как угодно поделить мог? Наследство типа?

Глебушка. Лизон! Отлично информацию перевариваешь. (*Настеньке.*) Тень отца Гамлета живет всех живых.

Настенька (*обращается к фотографии с креповой лентой*). Папа?!

Мать (*Борису*). О чем это вы договаривались?!

Борис. Так, ни о чем...

Мать. Как это ни о чем?! Я же слышала! Что это вы за нашими спинами за переговоры договариваете?! Юрий Владимирович?!

Глебушка. О, началось! Сергунь, плесни пять капель. Для сугреву. Во спасение душ наших.

Адвокат. Вы не так поняли, Каролина Карловна.

Мать. Все я так поняла! Вы нас облапошить собирались! Борис?

Михаил (*хрустя пальцами*). Можно я?

Борис. Мама... Миша...

Мать. Он тебе информацию сливал, что ли?

Адвокат. Каролина Карловна, да как вы...

Мать. Что – как? Что это за договоренности? Леонид! Бенедикт!

Входят Болек и Лёлек.

Болек и Лёлек (*хором*). Something wrong?

Мать. Вот этого вот. (*Показывает на Адвоката.*) Потолкуйте с ним.

Болек. No problems, Каролина Карловна. (*Подходят к Адвокату, берут его под руки.*) Это мы всегда.

Глебушка (*хлопая в ладони*). Началось!

Михаил. Э-э... так мы вообще никогда ничего не узнаем. Ма, дай я. Я — аккуратно.

Болек и Лёлек в замешательстве.

Адвокат (*быстро-быстро*). Каролина Карловна, я вам сейчас все объясню.

Мать. Попробуйте. Отпустите его. Ну? Я вас слушаю!

Адвокат. Дело в том, что ваш сын, Борис...

Мать. Я знаю, чей он сын. Дальше!

Адвокат. Он просил меня, чтобы на случай, если Вадим Альбертович захочет завещание составить, ну, чтоб я его проинформировал в некотором роде.

Глебушка. За некоторую мзду... так?

Мать. Это еще зачем?

Адвокат (*смотрит на Бориса, тот в страхе таращит глаза и мелко трясет башкой*). Ну просто...

Борис (*мямлит*). Мам, ну я хотел, чтоб во всеоружии, так сказать...

Мать. Для чего?

Борис (*заикаясь*). Чтоб во всеоружии...

Мать. Я прекрасно слышу! Зачем?!

Борис. Просто... вот...

Мать. В нашем деле просто не бывает! Жду ответа!

Борис. Я тебя проинформировать хотел, если что не так...

Мать. Так что ж не проинформировал?!

Борис. Так я и не знал! Мне Юра ничего не передавал.

Мать. Так... (*Адвокату*) Почему не проинформировали моего сына?

Адвокат. Так ведь тайна. Адвокатская.

Мать. Так вы же договаривались!

Адвокат (*не выдержав*). Так он и не заплатил!

Мать. Ну все понятно...

Болек. Большие sorry, конечно. Но чё нам делать, Каролина Карловна?

Мать. Вы еще здесь? Пошли вон! Я на вас, олигофренов, смотреть не могу!

Болек и Лёлек, понуро опустив головы, уходят. Болек дудит в волынку.

Глебушка (подходит к Адвокату, похлопывает его по плечу). Классный у нас семейный адвокат. Не продажный, честный. Чё там в вашем кодексе пишут? (Направляется к камину, подхватывает серебристую кочергу.)

Адвокат. Бес попутал.

Отец Сергей (тянется к жратве, по ходу утаскивает «фамильного» серебра ложечку). Покайтесь...

Адвокат. Ну так я ведь и не сказал ничего, с другой стороны...

Глебушка. Ну а совесть там... Честь и достоинство. Профессиональная этика. Как, не крикают? (Похлопывает себя кочергой по ладони.)

Мать. Глеб, ты за старое?.. Итак, Юрий Владимирович. Что там с этим завещанием?.. Чёрт тебя побери! (Обращается к фотографии с креповой лентой.) Живой был — жизни никому не давал, так еще и после смерти всем покоя из-за него нет!

Отец Сергей. Побойтесь Бога, Каролина Карловна!

Партнер по бизнесу. О покойнике или хорошо, или ничего.

Мать. Ой, сидите вы там оба, честное слово! Вас еще не хватало! Так что там с завещанием? Как оно вообще появилось? Его же нотариус вроде бы заверяет.

Адвокат (боязливо кивает в сторону ушедших охранников). А вы их не позовете?

Мать. Смотря на содержание, которое вы нам тут изложите.

Адвокат. Можно я тогда... (Подбегает к столу, наливает рюмку водки, залпом выпивает.)

Глебушка. Чувствую, мы скоро наших Чука и Гека увидим. (Начинает размахивать кочергой в разные стороны.)

Лизон. Давайте уже скорее. Сколько можно резину тянуть.

Настенька. Боже, какие же вы все звери!

Мать. Глохни, рыба!

Настенька (*вскакивает, направляется к камину, разворачивает фотографию Папика лицом к стене*). Я не могу, чтобы папа видел этот позор!

Мать. Поверни обратно! Я сказала, поверни! Пусть видит, что натворил!

Настенька неохотно подчиняется, разворачивает фотографию, но ставит ее немного боком.

Адвокат. Я еще одну, можно? (*Быстро наливает, выпивает и отбегаем подальше от остальных.*) Тут такое дело. В общем... завещание закрытое. (*Пятится назад.*)

Братья (*хором*). Это еще что за хрень?

Мать (*орет*). Ле-о-о-ни-ид!

Влетают Болек и Лёлек. Юбки-килты на них развеваются.

Адвокат (*быстро*). Я постараюсь объяснить. Только вы меня не перебивайте, если можно...

Мать. Точно?

Адвокат (*быстрее быстрого*). Да, да...

Мать (*охранникам*). Свободны.

Болек. Это – welcome. Это – пожалуйста.

Болек и Лёлек уходят.

Адвокат. Неделю назад Вадим Альбертович вызвал меня к себе в больницу. Он тогда очень плохо себя чувствовал.

Мать. Мы в курсе. Ближе к делу!

Адвокат. Ну вот... А я, значит, после процесса только... Моего подзащитного неправоммерно осудили за уход от налогов. Девять лет колонии общего режима дали.

Партнер по бизнесу (*заметно вздрагивает*). Сколько? Де-

вать?

Адвокат. Заказное дело. Мы уже обжаловали.

Глебушка. Толку-то. Делиться надо. *(Замахивается кочергой; делает вид, что играет в гольф.)* Вас, Роман Андреевич, это тоже непосредственным образом касается. А то они вначале в гольф все вместе играют, а потом проигравшие у них в лунках сидят. Дистанционная дружба типа.

Партнер по бизнесу начинает нервно накладывать в тарелку все без разбора.

Глебушка. Наедайтесь впрок. Там, говорят, фуршеты не ахти.

Адвокат. Мы надеемся на справедливый процесс. Задействовали СМИ.

Глебушка. Это вы зря сделали. Еще добавят годков «адцать», с конфискацией. *(Цитирует Островского.)* Ибо — «упадает чиновничество»...

Мать. Юрий Вла-а-адимирыч, можно без ваших отступлений? Я вас умоляю просто.

Адвокат. Простите... Ну вот, а Вадим Альбертович, он болел...

Мать. Да вы что, издеваетесь?! Мы знаем, что он болел! *(Машет рукой в сторону фотографии с креповой лентой.)* Не болел бы, мы бы тут не сидели!

Адвокат. А, ну да... ну так вот... а по закону есть такое понятие как «закрытое завещание».

Глебушка. Задрал уже, авокадо! *(Зовет охранников.)* То-о-о-м! Дже-е-рри! *(Оказывается позади Адвоката, замахивается кочергой.)*

Никто не выходит. Лизон прыскает.

Михаил (Борису). Как он дела выигрывает в судах? Ума не приложу.

Борис. Он же сам только что сказал, что проигрывает.

Мать. Так, быстро заткнулись все! Дальше!

Адвокат. Статья тысяча...

Мать. Без статей!

Адвокат (*растерянно разводит руками*). Но без статей нельзя.

Мать. Хорошо, без цифр тогда!

Глебушка. Я знаю, он судей измором берет. (*Делает вид, что бьет Адвоката кочергой по затылку*.)

Лизон смеется в голос.

Мать (*Адвокату*). Вы родите, наконец, что-нибудь дельное?!

Глебушка. Жабу, например, или выхухоль.

Адвокат. Я стараюсь.

Глебушка. Поднатужьтесь. Сейчас родится юридическая чуврыла.

Мать. Леони-и-и...

Высовывается голова Лёлека. Над ним нависает башка Боллека.

Боллек (*вытаскивая хобот волынки изо рта*). Yes, Mam?

Мать (*безнадежно машет рукой*). А, ладно...

Михаил (*Адвокату*). Соберитесь уже, наконец!

Адвокат. Я пытаюсь... Дело в том, что законодатель предусматривает право завещателю совершить закрытое завещание.

Глебушка. Роды закончились выкидышем.

Борис. Мы, по-моему, с чего начали, тем и закончили.

Михаил. Ну и с чем его едят, завещание это?

Глебушка. С самим завещателем, надо полагать.

Мать. Юрий Владимирович, вы — идиот? Вы смерти нашей хотите?

Глебушка. Как знать, может, и хочет. Вдруг ему по этому завещанию все после нашей смертушки и обломится.

Адвокат. Глеб Вадимович, ну как вы можете... Понимаете, смысл этого завещания, он как раз в названии и кроется. Оно — закрытое.

Лизон. Ну и чё, так откройте!

Адвокат. Объясняю подробнее.

Глебушка. Пипец, мы попали. *(Играет в гольф.)*

Мать. Ладно, слушаем... Глеб! Поставь, наконец, эту кочергу на место!

Глебушка *(плаксиво)*. Я еще не со всеми мальчиками в гольф поиграл. Не все мячики в лунки забил.

Мать. Поставь, я сказала!

Глебушка возвращается к камину, нехотя ставит кочергу на место.

Мать. Юрий Владимирович... в сотый раз... итак?

Адвокат. Дело в том, что завещатель имеет право совершить завещание, не предоставляя при этом другим лицам возможности ознакомиться с его содержанием... В том числе и нотариусу.

Партнер по бизнесу. Как же его заверяют в таком случае?

Адвокат. При свидетелях. Понимаете ли, есть определенная процедура. Завещатель собственноручно пишет завещание, подписывает и в заклеенном конверте передает нотариусу в присутствии двух свидетелей, которые на конверте ставят свои подписи. Этот конверт в свою очередь тоже запечатывается в присутствии свидетелей в другой конверт, на котором уже нотариус делает соответствующие надписи.

Партнер по бизнесу. Не можем мы без русских матрешек.

Лизон. Прямо яйцо Кощея получается.

Глебушка. Ну а дальше что? В асфальт оно закатывается, что ли, чтобы наследникам сюрприз сделать?

Адвокат. Дальше просто. По представлении свидетельства о смерти завещателя нотариус не позднее чем через пятнадцать дней со дня представления свидетельства вскрывает конверт с завещанием в присутствии не менее чем двух свидетелей и пожелавших при этом присутствовать заинтересованных лиц из числа наследников по закону. Дальше уже идут формальности. Вот. У меня все.

Мать. И кто этими двумя свидетелями был? Дайте-ка отгадаю... Архаровцы наши?

Адвокат. Ну да... Леонид с Бенедиктом.

Мать. И вы хотите сказать, они завещания не читали?

Адвокат. Ручаюсь.

Мать (*пристально глядя в лицо Адвоката*). А вы?

Адвокат. И я. Оно же – закрытое.

Мать (*подзывает его пальцами правой руки*). Так, Юрий Владимирович, все понятно, давайте конверт сюда.

Адвокат. Так у меня его нет.

Мать. Вы в больнице были?

Адвокат. Да.

Мать. Давайте сюда завещание. Быстро.

Адвокат. Так я ж говорю – оно у Исаака Иосифовича.

Глебушка. Это еще что за вепрь такой?

Адвокат. Нотариус... наш. Меня Вадим Альбертович вызвал и попросил, чтоб я с ним связался. Исаак Иосифович тут же приехал. Вообще-то завещание может и главврач больницы заверить, но тут такое дело серьезное. Нестандартное. Да и Вадим Альбертович человек все-таки не последний. С активами.

Михаил. Не очень понятно, а зачем тебя было вызывать? Взял бы он Исаака и вызвал. Напрямую.

Адвокат. Но Исаак, он в некотором роде мой, а не ваш.

Глебушка. Понятно. Рука руку моет.

Адвокат. Просто ваш папа всегда проявлял щепетильность в таких вопросах.

Глебушка. Папкин? Щепетильность? Да он кого угодно কিনуть мог. Начиная от федерации... Скажешь тоже.

Партнер по бизнесу. Ну, в этом и есть щепетильность.

Мать. Тогда звоните, Юрий Владимирович.

Адвокат. Куда?

Мать. Исааку вашему. Или вы думаете, я пятнадцать дней буду ждать? Вы же сами сказали, что нотариус ваш.

Адвокат. Ну да. В некотором роде.

Мать. Звоните.

Адвокат. Не могу.

Глебушка. Деньги на мобиле кончились? Коллегия адвокатов не компенсирует?

Адвокат. Не в этом дело.

Мать. А в чем?

Адвокат. Он в отъезде. Сейчас же Новый год и Рождественские праздники. Нотариальная контора только в середине января откроется. А куда он уехал, я понятия не имею.

Борис (*хлопая себя по коленям*). Твою мать!.. Извини, мама... Мы же и забыли совсем!

Михаил. Что же делать?

Мать (*жестко*). А замов у него нет?

Адвокат. Это только нотариус может сделать. Да и закрылись они... еще в католическое Рождество.

Глебушка. Нравится мне наша страна! Месяц бухаем, потом на кризисы жалуемся!

Мать. А контора где?

Адвокат. В центре. Около Василия Блаженного.

Мать (*задумчиво постукивает костяшками пальцев по столу*). Значит, так! (*Вытягивает указательный палец в сторону Адвоката*.) Ноги в руки, и чтоб через час блаженное завещание лежало у меня на этом столе.

Адвокат. Но это незаконно, Каролина Карловна!

Мать. Леони-и-ид!

Молча входят Болек и Лёлек.

(*Охранникам*). Дело есть. Съездите с этим прохиндеем в одно место, он покажет. Надо будет одну конторку почистить.

Болек. Cleaning?

Мать. Вроде того. Он объяснит по дороге. Только, умоляю, переоденьтесь во что-нибудь приличное, а то вся милиция ваша будет.

Болек. Never mind, Каролина Карловна!

Охранники уносятся. Из-за кулис раздается вой волюнки.

Адвокат. Каролина Карловна, вы меня под статью подводите!

Мать. Все будет нормально (*поворачивается к картинам; переходит на «ты»*) – сделаешь дело, получишь Шагала.

Глебушка. Лучше «Грачей» ему папкиных предложи.

Адвокат (*в некотором замешательстве*). Но если так, то я бы Кандинского предпочел. Он лучше на Сотбисе идет.

Мать. Не вопрос. Я все равно в этой ереси и загогулинах ничего не понимаю. Всё, давайте, в темпе.

Борис (*подхватываясь*). Я проконтролирую.

Мать. Сиди дома. Ты уже проконтролировал. Пусть Миша съездит. (*Михаилу*.) Только не высовывайся там особенно.

Партнер по бизнесу. О! Вы меня заодно до дома не подберите? Я бы у вас свою машину оставил, а то выпил немного. А водитель еще на католические в свою Польшу к родственникам умотал. Приходится теперь самому баранку крутить – молодость вспоминать. (*Усмехается.*) Времена, конечно, были.

Глебушка. Что, глобалист, удочки сматываете?

Партнер по бизнесу. Да нет, устал просто. Да и Новый год скоро, подготовиться надо. Отдохнуть перед праздниками.

Глебушка. Устали очень? «Да-нет» – отдохнуть просто...

Отец Сергей (*вытирая длани о скатерть*). И меня, милостью божьей...

Все поднимаются.

Мать. А вы поместитесь?

Михаил. Болек же на джипе.

Мать. Ну, Бог в помощь. Только осторожней, гололед все-таки. Роман Андреевич, отец Сергей, на Новый год, а? Приходите. В узком кругу посидим.

Адвокат. А...

Мать. С вами разговор позже будет. Отец Сергей, помните, что вы мне обещали?

Отец Сергей. Ну вообще сие не принято. Но за вспомоществование церкви и прихожанам...

Мать. Порадуйте нас. Сюрприз всем будет. Я уж и забыла, что Новый год на носу, за всей этой кутерьмой... А у вас фактура, образ. Вылитый Николай Угодник.

Отец Сергей. Вы мне льстите.

Глебушка (*обращаясь к отцу Сергию на «вы»*). Да, да, приходите, батюшка. У нас ряженые будут. Фрики¹ там всякие – но-вогодние. (*Делает круговое движение рукой, показывая на присутствующих.*) Ну а от нас вспомоществование... (*Подмигивает отцу Сергию.*) Не побрезгуете ли Пиросмани? Желтком от Фаберже не оскоромитесь ли?

Михаил (*Глебушке*). Тормози уже.

Глебушка. Приходи, Сергунь. А то без тебя как-то бесово. (*Убегает к столу, ставит на поднос рюмки, разливает водку.*)

Мать. Так будете, отец Сергей?

Отец Сергей (*осеняя крестным знамением*). Всенепременно. Храни вас Господь, святую женщину!

Партнер по бизнесу (*целуя ручку*). Всего хорошего, Каролина Карловна.

Глебушка (*с подносом*). Ну так давайте – на посошок! На великое дело идете, господа! Завещание по законодательству эР-эф вскрывать!

Все выпивают на посошок, удаляются. Остаются Мать, Борис, Глебушка, Настенька и Лизон.

Лизон. Может, телик посмотрим?

Включает телевизор. Щелкает с канала на канал.

¹ Фрик – (*англ. freak*) – странный человек, (*устаревш.*) инвалид, урод, выступающий в цирке или шоу.

О! *(На одном из каналов идет второсортное юмористическое шоу.)* Щас поржем!.. Мамуль, а о чем ты с нашим пресвятым Сержем договаривалась? Чё-то я не воткнула.

Мать *(стоит около какой-то картины).* На Новый год узнаешь...

Лизон. Ну ладно... *(Смотрит телевизор.)*

Мать *(склонив голову набок).* Пикассо... Прав Роман Андреевич. Это ж надо так лица испоганить!

Глебушка. Какими увидел, такими и написал. Великий прохиндей.

Настенька начинает собирать посуду. При этом тихо плачет.

Мать *(Настеньке).* Оставь. Завтра Зойка уберет.

Настенька. Мам, я сама хочу. Отвлекусь хоть.

Мать. А, делай что хочешь... И кончай слезы лить!

Глебушка *(предлагает Борису выпить).* Давай, Боряйла... Молча. Не чокаясь.

Разливает. Выпивают.

Борис *(недоуменно).* Совершенно не понимаю, какой смысл Юрасику было выносить нам мозг наследниками по закону, если имеется закрытое завещание?

Глебушка. Ты что, дурачок? Это ж консультация. Время тик-так, тик-так. Денежка в карман — дцзынь-дцзынь... Адвокаты — они же не юристы, а профессиональные вешатели лапши. Ты думаешь, им судебные процессы нужны? Делать им больше нечего. Им клиент нужен. Жирный и тупой. Типа тебя. Экономист ты наш доморощенный.

Борис. Сам ты!.. Гнать его надо.

Братья садятся за стол, выпивают, закусывают. Лизон смотрит телевизор, хохочет. Мать продолжает рассматривать

картины. Настенька, всхлипывая, убирает со стола посуду.

Глебушка (*направляется к камину*). Хотите хохму? Я недавно в одном журнале прочел, что в Ша и Европе научились химическим способом из человеческого пепла выводить карбон. А потом знаете что из него делают? Никогда не догадаетесь.

Борис. Что?

Глебушка. Его под большой температурой превращают в бриллиант.

Мать (*растопырив пальцы, задумчиво рассматривает руку*). Серьезно?

Глебушка. Ага, ты подумай. Можно кулон сделать. Пепел Клааса стучит в мое сердце! (*Бьет себя кулаком в грудь*.)

Борис. Перестань. Неостроумно.

Глебушка. А тебя что, больше романтика кладбищ привлекает? Или какие-нибудь новые технологии? Например, как их там? Проматории в странах Евросоюза. Ну, когда гроб с телом охлаждают, а потом замораживают в жидком азоте. От удара ультразвуком все рассыпается в порошок. Можно еду посыпать. Очень экологично. Очень — по-европейски. (*Постукивает костяшками пальцев по крышке урны*.) Э-эй! Выходим! Пора, наконец, людям пользу приносить.

Настенька. Мне сейчас плохо будет.

Глебушка. Это не от меня, Настурция. Это от Евросоюза. Изгаляются над людьми, как хотят. Даже после смерти... Как говорится, общество тотального и окончательного потребления.

Настенька (*в сторону; тихо*). Шизофреник... Ма-а-ам!

Мать (*от неожиданности вздрагивает*). А?! Не пугай ты меня так!

Настенька. Кажется, нескольких ложек не хватает.

Мать. Может, под стол упали?

Настенька (*лезет под стол*). Может быть... Нету.

Мать. Да оставь. Потом сами найдутся.

Настенька. Как скажешь.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ
ПОХОРОНЫ

Авансцена.

Сценический экран¹.

*На экране изображен крематорий с шестью гробами и венками. Звучит траурная музыка. Вокруг экрана собрались провожающие в последний путь Михаила, Адвоката, Партнера по бизнесу, отца Сергия и двух охранников – Болека и Лёлека. Никто не читает молитв. **Мать** подносит платок к мокрым глазам. **Глебушка** не покачивается. Он трезв и поддерживает пошатывающегося **Бориса**. Плачут и **Настенька**, и **Лизон**.*

Экран с полыхающими в огне гробами поднимается вверх.

Глебушка (с горькой усмешкой). Зачастили мы сюда что-то...

Настенька подходит к Глебушке и дает ему звонкую пощечину.

Затемнение.

Антракт.

¹ Варианты сценического решения: 1) колумбарий с шестью урнами в нишах; 2) гробы с венками.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ ЗАВЕЩАНИЕ

Особняк Вадима Альбертовича.

*Вокруг гостиного стола сидят **Мать**, **Настенька** и **Лизон** в розовом платье и такого же цвета чулках. Она покрывает лаком ногти. **Глебушка** в прострации полулежит в кожаном кресле около камина, на котором в рамках теснятся семь фотографий с креповыми лентами. Во главе с Папиком. Его фотография большая — она в центре. Остальные — по три с боков — чуть поменьше. Урны с пеплом отсутствуют — пальцы Матери унизаны семью кольцами с бриллиантами.*

*В углу стоит наряженная новогодняя елка. Ее макушку венчает пятиконечная красная звезда. Посверкивают елочные игрушки. **Борис** стоит у елки и бездумно то включает, то выключает гирлянду.*

Лизон. Что же теперь с завещанием будет? И где нам этого нотариуса искать?

Борис. Непонятно, непонятно...

Настенька. Как вы можете! В такое время!

Пауза.

Глебушка. Mam, надо бы Старый год проводить.

Мать. А?... Да...

Пауза.

Глебушка. Так я открою шампанское?

Мать. Да, конечно...

*Глебушка тяжело поднимается и направляется к столу. На-
стенка начинает всхлипывать.*

Глебушка (*пытаясь открыть шампанское; Борису*). Не могу.
Попробуй ты.

*Борис выключает гирлянду, подходит к Глебушке и берет бу-
тыль. Она не поддается. Борис трясет бутыль.*

Мать. Оставьте.

Глебушка. Мам, надо проводить. (*Борису*). Да не трясги ты ее!

Мать. Проводили уже... (*Пауза*). Всех... (*Показывает на камин
с фотографиями. Пауза*)

Борис. Не получается что-то.

Глебушка. Дай сюда.

Глебушка забирает у Бориса бутыль с шампанским.

Глебушка (*Борису*). Фужеры давай!

*Борис подставляет фужеры, Глебушка с хлопком открывает
бутыль, но шампанское с шипением вырывается из емкости и за-
ливает Бориса.*

Лизон (*разочарованно*). Ну вот.

Борис (*Глебушке*). Ты что наделал! Этот костюм десятку ба-
кинских стоил!

Мать. Иди замой.

Борис. Как я его замою? Его теперь в химчистку надо.

Лизон. Какая химчистка в Новый год?

Глебушка. Я же не специально. Ну, переоденься.

Борис. Это мой любимый костюм, между прочим, был. Он
мне как талисман!

Мать. Не ори! Иди возьми тот, который мы тебе в Милане осенью купили.

Борис. Ты что? Он же с красной подкладкой. А этот год в красном нельзя встречать!

Глебушка. Ага! Цвет крови! Тебе что, одеть уже нечего? Все шкафы, как у бабы, барахлом забиты.

Лизон. Вот именно что барахлом. *(Любуется ногтями.)* Я в розовом, и ничего.

Борис. На себя посмотри! Ты всегда или в розовом, или в золотом! Одета непонятно во что! А я в красном Новый год встречать не буду! Примета плохая!

Глебушка. Так возьми Мишино что-нибудь!

Борис. Сдурел, что ли?! Новый год в костюме мертвого встречать!

Глебушка. Ну так не встречай! Иди и удавись! Мы еще не всех похоронили! *(Матери.)* Не из всех украшения понаделали!

Мать. Это – память!

Борис *(бросается к Глебушке и хватается за горло).* Я тебя самого сейчас удавлю!

Настенька *(вскакивает).* Я вас ненавижу всех! Ненавижу! Вы – мрази! Ублюдки! Пиджак ему, видите ли, заляпали! Красный цвет ему не нравится!

Борис *(отпуская Глебушку; Настеньке).* Ты чего?

Настенька *(сквозь слезы).* Да вы все подонки! Отбросы! Это вы папу убили! Это из-за вас Миша погиб!

Мать. Что ты такое несешь, рыба?!

Настенька. А ты вообще... вообще... *(Пауза. Настенька подбирает слова.)* Самая главная сука! Это ты их всех такими сделала! По салонам, по SPA и бутикам только шлялась да любовников как перчатки меняла! Тебе же наплевать на всех было! Только бы папа деньги давал!

Мать. Да как ты смеешь, дрянь ты такая!

Настенька. Смею! Смею! Вы хоть знаете, как он жил?! Чем занимался?! Он же и умер оттого, что его никто не любил! Что

вы только деньги из него, как пиявки, сосали! Я долго весь этот фарс терпела! Но сейчас все скажу! Хватит с меня! *(Подбегает к Глебушке.)* Ты вообще — дерьмо! Ты — ничтожество! Ты — пустое место! Только вонючее очень. Что ты сделал в своей жизни? Что ты закончил? Измываешься только над нами. А сам? Сам? Кто ты такой? Провокатор и трус!

Мать. Угмоните ее, идиотку эту, кто-нибудь! А отца я вашего, между прочим, любила! До поры до времени! Пока он, кобелина, направо-налево бегать не начал! И не тебе судить меня, сикуха! Мы первое время вообще впроголодь жили. И если б не мой отец, царствие ему небесное, из Вадьки вообще бы никогда ничего не получилось... Это уже потом... через много лет... *(Показывает рукой на интерьер.)* А нам и по общагам, и по коммуналкам пожить пришлось, между прочим. Ты этого, рыба очкастая, не застала всего! Ни очередей за туалетной бумагой, ни чулок — «пара в руки». Это сейчас у тебя жопа цветами благоухает, а мы ее «Правдой» терли!

Глебушка. Давай, Карловна, так ее — правду в матку. Расскажи нам про страшную советскую жизнь и голодное детство юных ленинцев. *(Вскидывает руку в пионерском приветствии.)*

Мать. Ты вообще заткнись! Алкоголик! Хронический!

Глебушка. А кто меня таким сделал? Ты же и сделала, Карловна!

Мать. Скажи еще, я тебе водку в рот вливала!

Глебушка. Буквально нет. А вот фигурально именно вы мне ее штопором в глотку и ввинчивали. Вы ж меня с папиком не любили никогда. Вначале няньки какие-то, потом интернат с непонятным уклоном. Я ж, Карловна, вас и не знаю вообще! Дома только на выходных и появлялся!

Мать. Это не интернат был, а спецколледж с англо-литературным уклоном! Мы из тебя образованного человека хотели сделать! А ты три раза из ЭМ-Гэ-У вылетал! Мы устали тебя восстанавливать!

Глебушка. Какой колледж? Тогда не было еще никаких колледжей! Интернат это был! Только дорогой очень! Типичный ин-

тернат, в котором классической литературой отца с матерью подменяли! И что вы хотели из меня сделать? Есенина?! Так вы его и получили!

Лизон. Кто хотел?

Борис. Что-то я за тобой стихов не замечал.

Глебушка. А потому что некогда! Этот бабло свое ворует (*кивает на фотографию Папика*), она это бабло на чип-и-дейлов тратит, на салоны своих старческих услуг — ботоксы, отсосы жира, подтяжки... Да ты посмотри на себя, Карловна, ты ж вообще как кукла давно стала! Улыбнешься — треснешь вся!.. (*Борису*) У вас с Мишаней вообще своя песочница! Я для всех лишним был!

Мать. Сучонок! Неблагодарный!

Борис. Что ты его слушаешь, мама?!

Глебушка. А за что благодарить? Ты мне что, когда-нибудь сказки на ночь читала? Попу в детстве подтирала? Ты меня за всю жизнь не поцеловала даже ни разу! За всю жизнь! Так, по голове потреплет, нянькам-Зойкам с рук на руки передаст и в Коктебель с новой звездой советского кино на месяц умотает, пока папашкин своих секретарш в Пицунде топчет!

Мать. Мы тебя в «Артек» возили! В «Орленок»! А туда только отличников брали! Представляешь, через что нам пришлось пройти, через какие медные трубы, чтоб тебя, троечника, туда запихнуть?!

Глебушка. Ага! Еще одни интернаты! И что, что тройки? Да я вообще всю жизнь как сорняк рос! Ну да, со временем и по кабакам, а что вы хотели?! Потому что мне ваш ЭМ-Гэ-У в крематории снился! Там же давно ни одного вменяемого человека нет. Сплошные папенькины сыночки с разъеденным кислотой мозгом!.. И что мне делать еще оставалось? Вот ты знаешь, что мне папашкин один раз сказал, когда я домой пришел? «Вы кто?»

Лизон. Это когда ты в прошлом году вдрабадан на восьмое марта приперся?

Глебушка. Нет! Это, когда я на восемнадцатилетие в отчий дом из интерната вернулся. Он меня не узнал просто. Реально

не узнал. Нормально так? Крошка сын пришел к отцу и спросила кроха: что такое хорошо, что такое плохо?! Я тогда первый раз напился! Первый раз! В восемнадцать лет! Я до этого алкоголь вообще не пробовал.

Борис. Втянулся зато быстро.

Глебушка. Чья б корова мычала! Ты вообще с кокоса не слазишь!

Мать. Неправда это! Боренька всегда хорошим мальчиком рос! Правда, Боренька?

Глебушка. Правда, маменька!

Борис. Конечно, мама.

Мать. Вот!

Глебушка. Что — вот? Ты про Лондон забыла, что ли?

Мать. Бореньку тогда подставили!

Глебушка. Карловна, что ты несешь? Как человека подставить можно, когда у него в ноздре стодолларовая купюра, а он через нее прилюдно на барной стойке кокос всасывает?

Мать. Это неправда!

Глебушка. Да там свидетелей целый кабак был!

Борис. Ну и где эти свидетели? Где?

Глебушка. В Караганде! Что мы зря, что ли, Мишу с архаровцами посылали?

Мать. Не трогай Мишу! Он святой человек был! Самый умный из вас! Из-за вас погиб!

Глебушка (*спокойно подходит к Матери и показывает на нее пальцем*). Из-за тебя, Карловна. Исключительно из-за тебя...

Мать. Щенок!

Глебушка (*продолжает; сквозь зубы*). ...из-за твоей алчности. Это ты их на смерть отправила. И от Миши ничего не осталось, и от Романа Андреевича. И от всех остальных. Фейерверк такой. Ты бы и нас с удовольствием в эту машину запихнула. Да только места не хватило.

Мать. Это была банальная автоавария!

Глебушка (*прищуриваясь*). Такая уж и банальная, когда все, заметь, Карловна, все сгорели. Если б Миши там с архаровцами

не было, я бы голову на отсечение дал, что это их рук дело.

Мать. В чем ты меня подозреваешь?!

Лизон (*дуя на ногти*). Ну ты, Глебушка, дал. Совсем мозги пропил.

Глебушка. Ты, идиотка в розовом, вообще рот закрой. А лучше послушай, что я тебе скажу. У Романа Андреевича наследников не было. Он у нас всегда по мальчикам работал. А они детей не рожают. А Миша, как всем известно, всегда преемником отца по бизнес-делишкам был. Так что я даже не буду гадать, кому папик свою долю в бизнесе в этом треклятом яйце-завещании отписал. Роману Андреевичу, Мишане или им обоим. Только нет теперь ни одного, ни другого.

Мать. Ты окоlesiцу несешь! Роман Андреевич сам в машину сел.

Глебушка. Так ты бы его в другой раз угрохала!

Лизон (*членораздельно*). Что ты та-ко-е го-во-ришь? Никто же не знал, что он туда сядет. Как это можно спрогнозировать? Да и зачем? Мы же долю Романа Андреевича наследовать не можем, даже если бы ему папка завещал что-то. Он же не родственник нам.

Глебушка. Ничё, Юрасик подсуетится! Глядишь, у нас новый дядя появится. Типа дяди Славика. Только дядя Рома.

Лизон. Так Юрасик ведь тоже.

Глебушка. Ну другой какой-нибудь авокадо.

Лизон. Между прочим, что в завещании написано, из нас, кстати, вообще никто не знает. Может, тебе все, Глебушка, и достанется. (*Обращается ко всем, показывая ногти на руках.*) Как вам? Не тускло?

Глебушка (*валится в кресло, закидывает ногу на ногу*). Как же, как же... Не припомню, чтоб он мне хоть раз даже мороженое купил.

Борис. Шизанутый какой-то.

Лизон. Да с чего ты взял, что их вообще убили?

Глебушка. Чувствую. Как-то странно они все — бах! И на небесах... Значит, твоих рук, Боряйла.

Борис. Да ты психопат просто!

Лизон. Маньяк, блин!

Настенька. Какие же вы все мрази! Что же вы говорите такое? Стольких людей похоронили, а вы как паразиты какие-нибудь, как полипы! У вас семь трупов за месяц, а вы тут грязь льете. С вами же за одним столом сидеть противно!

Мать. Не порти нам Новый год! Не нравится, проваливай отсюда!

Глебушка. Вот-вот. Ползи к своим классикам замороженным и гениям с новыми взглядами. Они тебя успокоят. Один Шекспир твой любимый чего стоит. Понакидает трупов, а нам расхлебывай.

Настенька. Что ты вообще в искусстве-то понимаешь? Шекспир – величайший драматург!

Глебушка. Нормальный. Не надо только вот этих придыханий и заламываний рук.

Настенька. Ты хоть одну пьесу его читал? Хоть читал?

Глебушка (*зло вскакивая*). Да!!! Читал! Спасибо спецколледжу! Причем и в оригинале, и в переводах Маршака и Пастернака.

Лизон. Ни фиги себе!

Глебушка. Да – ни фиги себе!

Лизон. Я не про тебя вообще. Я ноготь, кажется, сломала. (*Достаёт пилочку, подпиливает ноготь.*) Блиин, обидняк какой. Прямо в Новый год...

Глебушка (*Настеньке*). Да – вот так вот! Представляешь, читал! Глебушка у нас, видите ли, алкоголик! А я, между прочим, не только водку глушу! Я ее для самообороны глушу, чтоб на вас, ублюдков, не смотреть. А сам закроюсь у себя в комнате и читаю. Годами, между прочим! Привычка с интерната! И вот, что я тебе, Настурция, скажу. Все твои филологические закидоны – это одна огромная Матрица, в которую тебя воткнули! Только одни в Матрице пиджаков от Лагерфельдов живут, а другие – в пафосной классике. Пропиаренной в веках. И самая страшная Матрица – это Матрица не гламура, а Матрица – ве-

ков. Потому что гламур — пришел и ушел, а водка и русские медведи навсегда!

Настенька (*с искренним удивлением*). При чем здесь медведи?

Глебушка. А при том, что все эти твои Шекспиров, Толстые и Достоевские — это медведи.

Борис. Ты Толстого с Достоевским на каком языке читал? Что ты их всех в одно корыто? Шекспир, Достоевский...

Глебушка. Вот именно что в корыто! А мы, как свиньи, около него топчемся. Не понимая, что помимо Толстых и Шекспиров были и десятки других. Но Матрица никогда не даст вам узнать их имен. Их затерли еще тогда — несколько веков тому назад.

Борис. Например?

Глебушка. Например, например... Не помню!.. Нет данных в Матрице! Но уверен — были они! Не могли просто не быть!.. Вот вы, к примеру, все от Пушкина претесь, а мне Лермонтов всегда ближе был. Потому что нерв, истерика, боль! И ему времени просто не хватило! А Матрице Пушкин был просто выгодней. И погиб Лермонтов поэтому раньше, чтоб, не дай Бог, к тридцати семи весь мир с ног на голову не перевернуть.

Лизон. Кто это тут от Пушкина прется?

Настенька (*дрожащим голосом*). Пу-шкин — ге-ний. Лермонтов — тоже.

Глебушка. Ты что, правда, не понимаешь, о чем я, или придуриваешься? Я разве сказал, что они не гении? Я это сказал? Я о другом совсем говорю! Я говорю о программе, в которой вы живете. Когда Достоевский — давно уже глянцевым журналом стал. Когда его на сериалы раздербанили! И стоит кому-нибудь, Боже упаси, о них, о великих, что-нибудь не так заявить, так это означает на себе крест в определенных кругах поставить! Это как на открытие бутика Версаче в барахле с Черкизовского рынка заявиться. Пойми, Настурция, Толстой, Достоевский, Шекспир, Островский и прочие-прочие — это все тот же гламур. Их принято знать, их принято читать, о них принято говорить, ими принято восторгаться. Так — при-ня-то! Это и есть Матрица! (*Раскидывающая руки, показывает на картины, висящие на стенах.*) Вот ты,

Боряйла, что конкретно ты из Толстого читал?

Борис. «Войну и мир». В спецколледже еще. Великая проза, кстати.

Глебушка. Вот, Настена. Вот! Это – Матрица и есть! Половина людей и десятой части того, что Толстой написал, не читала. Я тебе голову на отсечение даю, что Боряйла на первом томе застрял! Но при этом будет с умным видом рассуждать на толстовскую тему. А многие «Войну и мир» вообще дальше первых фраз на французском не осилили. Но каждый будет утверждать, что это гениально. В этом прикол. Как вообще можно кого-то считать гением, если ты его даже не читал? Я не обсуждаю их творчество. Напротив, почти всеми их произведениями я восторгаюсь! Но нас лишили мнения. Нам не дают думать! Пушкин – гений, Шекспир – гений, Толстой – гений, Достоевский – гений. Все – приплыли! Мы – в Матрице! Мы родились в мире, где Толстой – уже гений! Вы понимаете? Не вы так решили, не я, не Боряйла, который Безухова от Болконского не отличает, а за нас решили! Мы приходим в мир, в котором все уже предопределено. Мы же не развиваемся. Мы в стагнации. И современность абсолютно так же устроена. Нам подсовывают новых гениев, которых никто не читает, но от которых все прутся. Вот поэтому нас на западе до сих пор так и воспринимают – водка, матрешка, медведи, Достоевский!

Лизон. Ты вообще уже офигел. Недоперепил, что ли? Ты еще скажи, Шекспир наш.

Борис. Во-во... водка, матрешка, Гамлет. Новый взгляд. Ты того, полегче на поворотах. Классики все-таки.

Глебушка. Идите вы все! Вы не понимаете, о чем я! Только я, только Карловна, только Лизон можем для себя определить, кто гений, а кто нет. И то – только для самих себя! Пока, Боряйла, Толстой не прочитан – мнение о нем у тебя существовать не может. Его тебе навязывает Матрица! Хочешь, Настена, пример приведу?!

Настенька. Н-н-у-у приведи.

Глебушка. Вот возьмем пьесы, которые сейчас ставят. Давай

перечислять что, в основном, идет. Итак. «Гамлет», «Ромео и Джульетта», «Ричард III», «Тартюф», «Женитьба Фигаро», «Ревизор», «Горе от ума», «Три сестры», «Дядя Ваня»... Ну и еще пяток другой разных пьес. И ты что, хочешь мне сказать, что это все не Матрица? Что нет спектаклей? Нет пьес?

Настенька. Таких нет!

Глебушка. Так дайте другие! Хоть какие-нибудь! И они есть, между прочим. Ими весь Интернет до отказа забит! Они уже из мониторов вываливаются! Только они — не вековой гламур, вот в чем фишка. Все эти дяди Вани проверены Матрицей. Они, если хочешь, супергламуром давно стали. Это беспроектный вариант. Никто не хочет рисковать. Выгодней поставить какого-нибудь халтурного «Гамлета», слупить денюжку на постановке и купить себе такого же йоркширского терьера, как у знакомого режиссера «Грозы». Чтобы не выделяться! Чтоб в толпе быть! Среди элитарного быдла! Итог. Идет гора театрального сала, а в руках болонка с бантиком в ушах. И вот в чем парадокс — были пьесы как пьесы. Отличные, замечательные пьесы — а вдруг стали блевотиной. Меня от одного имени Шекспир воротит. Потому что нельзя тиражировать гениальность! Я, как зритель, уже давно пережрал всех этих дядей Ваней, бесприданниц и Джульетт. Я не могу каждый день жрать одну и ту же клубнику! У меня аллергия начинается!

Настенька. Но ведь остальное вообще — клюква!

Глебушка. Но ведь и в клюкве — витамины! Я нового хочу. Кислого. Я устал от Матрицы! Меня выворачивает от нее!

Борис. Это тебя от желчи выворачивает.

Мать (*задумчиво и с интересом*). Вот ты, Глеб, оказывается, какой... Я и не знала. Не такой уж ты и дурачок.

Глебушка. Поздно, Карловна, в бубен бить! Где эта розовая? (*Ищет глазами Лизона.*) А, во! (*Подбегает к ней.*) На тебе что надето?

Лизон (*вжавшись в стул*). Чё-чё. Платье.

Глебушка. Вижу, что не шинель. От кого?

Лизон (*зло кричит*). Prada! Коллекция следующего года!

Глебушка (*подбегая к Настеньке*). Вот, Настена. Девочка без бусиков — не девочка, а недоразумение! (*Показывает на Лизона*.) Дьявол носит Prada! Золотой гламур! Вопрос: почему? Кто сказал? Кто кроил? Зачем покупаем? А потому что — пиар! Матрица! А нитки, между прочим, торчат!

Лизон (*вертится, рассматривая платье*). Где?!

Глебушка. Дура, это я образно. (*Настеньке*.) Поэтому не надо нам тут мозг парить своими филологическими изысками и охами-ахами насчет великой литературы. О-тли-чна-я литература. За-ме-ча-тель-на-я. Никто и не спорит. Только мнение свое должно быть, а не Матрицы! И пусть оно будет неправильным, но пусть оно будет своим! Потому что знаете, чем все это рано или поздно закончится?! (*Подбегает к одной из картин Пикассо*.) Пабло! Лицо — жопа! И он это лучше всех понимал. Потому что гений был. И вот еще что... майбахообразные вы мои и версаче-ненасытные гламураги... Его же словами и замечу: «Человек с сильной волей навяжет остальным кучу мусора». Потому что вы не вещь покупаете, а бирку от нее.

Лизон. Жесь! Про мусор надо запомнить.

Настенька. Ты — подонок! Провокатор! Да как ты смеешь! (*Бросается на Глебушку, бьет его кулачками в грудь*.) Не прощу! Не прощу! Они — гении! Они — святые! Как ты посмел, языком своим поганым!

Мать. Леони-и...!

Никто не выходит.

Глебушка (*отпихиваясь от Настеньки*). Не утруждай себя, Карловна! Поздно уже! (*Настеньке*.) Да, посмел! Да! Да! Да! У меня, оказывается, есть свое мнение! Представляешь?! У меня есть свой взгляд! Я — не в Матрице! Я — сво-о-обо-о-одны-ый! (*Раскидывает руки в стороны*.)

Настенька. Да если бы не было Пушкина, литературы вообще бы не было!

Глебушка (*стоит лицом к Настеньке, обхватывает ее, скру-*

чивает ей руки за спиной). Да, Настурция! Именно! И Гомера бы не было без Пушкина! И Свифта! И Сервантеса!.. А Александр Сергеевич Антона Павловича не читал, представляешь, как ему не повезло?

Настенька. Зато Чехов его читал!

Глебушка (*прямо в лицо Настеньке*). Сдаюсь! Перед бриллиантовым гламуром! Только как бы это Омару Хайяму объяснить?

Настенька вырывается.

Настенька. Я не могу больше с вами! Не могу! Сами тут справляйте! Чтоб вы передохли все! Даже не поддержит никто. Сволочи!

Выбегает из гостиной.

Лизон. Проводили Старый год... И когда ты, маньячина, последний раз в театр ходил? Бухаешь же по-черному.

Глебушка. Не твое дело! (*Затем разворачивается к Борису и указывает на него пальцем.*) И когда-нибудь придет время, Боряйла, Матрица навяжет тебе не Пушкина с Толстым, а Тяпкина с Ляпкиным. Знаешь почему?

Борис. Почему?

Глебушка. Потому что у тебя мнения своего нет. Потому что у нас на одного Пушкина миллион Ляпкиных приходится, а на одного читающего тысячи — орущих. И пока у тебя не будет книги в руках, ты будешь орать в общей толпе... (*Осекается.*) И вообще, я не о Пушкине говорил. С ним как раз все превосходно. Что-то я главное хотел сказать... Очень важное... (*Безнадежно машет рукой.*) А, ладно. Вы все равно не поймете.

Глебушка смотрит на часы, быстро включает телевизор, падает в кресло, затем зло вскакивает и включает гирлянду, направляется к столу, подхватывает другую бутылку шампанского, ловко ее откупоривает и возвращается на место.

Борис. Хотелось бы все-таки понять, а чем ты, собственно, от нас отличаешься?

Глебушка. Да ничем! В такой же Матрице живу... *(Приподнимается в кресле и наклоняется в сторону брата.)* А хочешь, пример из других областей приведу? Знаешь, о ком все говорят, и кого толком никто не читал?

Борис *(со скучающим видом).* Н-ну... поведай...

Глебушка *(членораздельно).* Фрейд. Юнг. Ясперс. И Кьеркегор. Но почти у каждого есть «свое» *(показывает пальцами кавычки)* мнение по поводу их *(с нажимом)* гениальности. Я таких имен десятки могу накидать. Потому что – Матрица! *(Победоносно раскидывается в кресле.)* Во! Грачи уже прилетели!

Лизон. Это еще чё за бренды?

Борис *(Матери; отчетливо).* Его нужно срочно сдавать в психушку.

Все смотрят телевизор.

По нему идет новогоднее поздравление Президента эР-эф:

Президент эР-эф. ...Через несколько мгновений изменятся цифры на календаре, но неизменными останутся ценности, которые являются нашей опорой во все времена...

Глебушка делает вид, что чокается с телевизором и подносит бутылку к губам.

Президент эР-эф. ...это любовь к своим близким, дружба и верность, участие и милосердие...

Шампанское пенится. Глебушка обливается.

Глебушка *(вытираясь).* Ч-ч-чёрт!

Президент эР-эф. ...Они придадут нам силы в любой ситуации, помогают не только преодолевать сложности, но и подниматься на новую высоту...

Лизон. Ну Глеб! Ну, налей нам! Не жадничай! Новый год все-таки.

Борис. Надо Настеньку позвать. Я сейчас.

***Борис** убегает за Настенькой. Глебушка подходит к столу. Разливает шампанское в фужеры.*

Президент ЭР-ЭФ. ...сейчас мы все думаем о своих родных. Новогодняя ночь – это время надежд. Я желаю каждому из нас мира, любви, исполнения желаний. Будьте счастливы, дорогие сограждане и телезрители! С Новым годом!

Глебушка (*про себя, но вслух*). Во! Новое ругательство XXI века – сограждане и телезрители!

*Появляются **Борис** и заплаканная **Настенька**. Присоединяются к остальным. Бьют куранты. Все поднимают фужеры. Чокаются.*

Лизон. Ну чё? С Новым годом?

Борис. С Новым...

Мать. Здравья нам всем. (*Неловко протягивает руку к Глебушке, треплет его по голове.*)

Настенька (*тихо*). Надежд... Любви...

Глебушка (*уклоняется от Матери, чокается со всеми бутылью и, поворачиваясь к телевизору, восклицает*). Православных куполов на фоне красных звёзд! Пентаграмм на царском знамени! Мавзолея у Василия Блаженного! Сюрреализма! Идиотизма! Лица – жопы!

Мать (*опуская зависшую в воздухе руку*). Глеб, ну можно хоть в Новый год...

*В этот момент в дом Вадима Альбертовича входит **Дед Мороз**. За ним появляются **Снегурочка**, трое в новогодних костюмах и масках: **Снеговик**, **Снежинка** и **Пингвин**, а также двое в коробках на туловищах и головах. На одном тулове надпись – **Procter &***

Gamble, на другом – **Johnson's baby**.

В руках у вошедших хлопушки, зажженные бенгальские огни и выстреливающие языки. С улицы раздаются взрывы фейерверков, отчего по дому гуляют разноцветные блики и всполохи.

Мать, Борис, Глебушка, Настенька и Лизон застывают.

Глебушка (медленно). А вот и фрики. Борода из ваты...

Лизон. Жесть!

Дед Мороз (бубнящим басом).

С Новым годом поздравляем!
Счастья всей душой желаем!
Чтоб прожить Вам этот год
Без печали и забот.
Чтоб с успехом Вам трудиться,
А на праздник веселиться,
И удачи Вам в делах,
И улыбок на устах.

Борис. Это еще что такое?

Гости подбегают к хозяйевам, берут их за руки, утягивают к елке и поют.

Маленькой елочке
Холодно зимой.
Из лесу елочку
Взяли мы домой...
Сколько на елочке
Шариков цветных,
Розовых пряников,
Шишек золотых!..
Встанем под елочкой
В дружный хоровод,
Весело, весело
Встретим Новый год!

Мать (*вырываясь из лап Деда Мороза*). Кто вы такие?!

*Но ее никто не слушает. Все водят хоровод и подпевают го-
стям.*

Мать. Да отпустите меня, наконец! Откуда вы взялись?!
(*Сильно бьет локтем Деда Мороза по лицу*)

Дед Мороз. А! (*Хватается за лицо, резко наклоняется и на-
чинает что-то искать на полу*.) Линза! Бесово семя!

Мать (*орет*). Как вы вошли сюда?! Леони-и-и...!

Глебушка. От дурных привычек, Карловна, пора избавляться.

Procter & Gamble. Да, Каролина Карловна!

*Хозяева застывают и медленно поворачиваются к существу
в коробке.*

Все. Лёлек?!!

Длинная-длинная пауза.

Борис. А как же... как же... (*Вяло машет в сторону фотогра-
фий с креповыми лентами*.)

Дед Мороз (*с пола*). О, нашел! С Божьей помощью. Хвала
святителям и Деве Марии. (*Распрямляется. Крестится*.)

Настенька теряет сознание и валится у ног Деда Мороза.

Глебушка (*сглатывая ком в горле*). С воскрешением, Сер-
гунь...

Отец Сергей. Ну вот, думал, не узнаете. Хотел сюрприз вам
всем... Как с вашей матушкой договаривались. Чтобы весело,
с задором. А где у вас ванна с туалетом, прости Господи? Мне
линзу промыть и опорожниться с дороги.

Борис (*в шоке отводит руку от фотографий с креповыми
лентами и направляет в противоположную сторону*). Там...

Отец Сергей. Я отлучусь с вашего позволения, по делам мирским. *(Уходит.)*

Лизон. Обалдеть!

Снеговик *(в недоумении)*. А что вы так удивились? Будто Новый год никогда не встречали?

Мать бросается к Снеговуку.

Мать. Миша! Мишенька! Живой! Живой! *(Покрывает его маску поцелуями.)* Мишенька! *(Начинает плакать.)*

Михаил. Ма, да что ты в самом деле?

Лизон. Мишка! *(Кидается ему на шею и срывает маску.)*

Борис. Миша?!

Глебушка. Возвращение блудного сына. *(Пристально всматривается в остальных.)* Вы откуда, гламураги, взялись? Из ада, что ли?

Снежинка. Еле на последний рейс успели...

Глебушка. Чартером? Роман Андреевич, оттуда уже что, лайнеры летают?

Пингвин. Очень редко. Благо у Романа Андреевича в той стране связи неплохие.

Глебушка. С Вельзевулом, что ли?

Мать и Лизон устремляются к Снежинке и Пингвину.

Мать и Лизон. Роман Андреевич! Юрий Владимирович!

Партнер по бизнесу *(принимая от женщин поцелуи в маску)*. Что-то я вас, Глеб Вадимович, не понимаю.

Глебушка. А что непонятного? Мы же вас похоронили. *(Протягивает в его сторону руки.)* Вот этими собственными руками. Вернее сожгли.

Johnson's Baby. Sorry? Как сожгли?

Глебушка. В крематории, Болек. В кре-ма-то-ри-и.

Мать *(радостно)*. Бенедикт!

Johnson's Baby. It's me, Каролина Карловна!

Мать. Иди ко мне! Я тебя расцелую!

Адвокат. Как в крематории?

Глебушка. Как, как... Как папика.

Мать. Ой, ну давайте же к столу. Боже, счастье-то какое!

Мать утаскивает всех к тарелкам и фужерам.

Глебушка. Бесовщина какая-то. *(Направляется к столу, по пути удивленно бормочет.)*

С красным носом — вечно пьяный!

Он высокий и румяный.

(разводит руками и в удивлении пожимает плечами)

Ну, конечно, не вопрос,

Это, дети, Дед Мороз!

Настенька лежит около елки. На нее никто не обращает внимания. Входит отец Сергей, присоединяется к остальным.

Отец Сергей. Ну вот! Все в сборе! С Новым годом! Любви вам, братия и сестры, здоровья и благодати божественной! *(Обращается к Матери.)* Извините, матушка, сюрприза не получилось. Раскрыли вы меня быстро.

Глебушка *(откашливаясь).* Как раз очень даже получился... *(Пауза.)* Ты подарки нам привез, жирный поп косматый?

Отец Сергей. Конечно! *(Развязывает тощий мешок с подарками.)*

Мать. А насчет сюрприза, вы, отец Сергей, не переживайте. Будет вам новый приход. Будет! В образах и с иконами, как обещаю! Боже, как же я счастлива!

Глебушка. Карловна, образа и иконы — это то же самое.

Мать *(в умилении).* Неважно.

Отец Сергей. Благодарю вас, матушка, за доброту вашу ангельскую. *(Раздает подарки.)*

Лизон. Это еще чё такое?

Отец Сергей (*читает*). Фром Ыбыца виз лав. Магнитик на холодильник.

Лизон. Где мы и где Ибица? Вы чего, Серж?

Глебушка (*рассматривает подаренный набор открыток*). Любопытный Новый год получается. Пляж, пальмы. (*Смотрит на отца Сергея*.) Щедро, ничего не скажешь. Алтарь заложить пришлось?

Партнер по бизнесу. Мы спешили очень. На серьезные подарки времени не хватило.

Глебушка. Понятно. На те, Боже, шо нам не гоже.

Борис (*вертит брелок в руке*). Ерунда какая-то. Из отеля, что ли?

Мать. Давайте же праздновать, наконец! Потом поговорим!

Все садятся за стол. Мужчины открывают шампанское, разливают в фужеры. Все чокаются. Болек и Лёлек продолжают стоять, переминаясь с ноги на ногу. Сестры им мешают коробки.

Михаил (*показывая на камин*). А это что?

Глебушка. Это вы нам все объясните, *что это* такое?

Вновь прибывшие с открытыми ртами смотрят на фотографии с креповыми лентами.

Михаил (*Матери*). Ма! Ты меня наследства лишила?!

Глебушка (*усмехаясь*). Остальные просто в нагрузку пошли.

Мать. Миша, не неси чушь!

Михаил. Но я не понимаю... как?

Глебушка. Скоро девять дней будет.

Михаил. Каких девять дней?

Глебушка. Когда вы все туда... (*Показывает вверх указательным пальцем*.) Или скорее туда... (*Показывает большим пальцем руки вниз*.)

Михаил. То есть?

Глебушка. Что — то есть?! Мы с похорон на днях вернулись! Ваших! Всех! Или я в воскрешение поверить должен?!

Отец Сергей. Сие только поистине просветленным подвластно.

Глебушка. Заткнись, Сергунь! Если еще и папик из пепла восстанет, я этого не переживу.

Лизон. Да, кстати... Может кто-нибудь из вас это объяснить?

Адвокат. Ничего не понимаю. Какие похороны?

Глебушка. Ваши, Юрасик, ваши!

Лёлек (*испуганно*). И что, мама из Житомира приезжала?

Мать. Никто не приезжал. Мы никому не дозвонились. В Житомир тем более. (*Обращается к Партнеру по бизнесу, Адвокату и отцу Сергию.*) А некоторые почему-то координаты своих знакомых и близких упорно скрывают.

Отец Сергей. Слава те, Господи! Уберег.

Партнер по бизнесу. Да как такое вообще возможно? Мы же только с самолета.

Борис. С какого еще самолета?

Михаил. С крыльями.

Мать (*жестко*). Так, Леонид! Вы где были?

Лёлек. На Ибице, Каролина Карловна.

Глебушка. Прости меня Господи, да, Сергунь? Да что вы там делали, на Ибице вашей? (*Помахивает подаренными открытками.*) Христарадничали на европейском курорте?

Адвокат. Так к нотариусу летали.

Михаил (*Матери*). За завещанием, ты же сама просила.

Мать. Я сейчас от вас с ума сойду. Зимой? На Ибицу? К нотариусу? За завещанием?

Глебушка. Ну, если б с вами Боряйла был, я бы еще понял. Кокос, он до добра не доводит, но...

Борис. Не было этого ничего!

Мать. Так, тихо все. Юрий Владимирович... нет, у вас отступлений обычно много... Лёничка, расскажи, пожалуйста, как было дело.

Глебушка. Вот прямо с того момента, как вы все порог наше-

го логова переступили.

Мать. Да, с порога.

Лёлек. Ну, значится так... Каролина Карловна, а можно я коробку сниму, а то взопрел весь. И неудобно очень.

Мать. Можно. Снимай.

Глебушка. Свой продакт-плейсмент. Ты б еще олвэйс нацепил.

Лёлек (*обиженно*). Что подвернулось, то и взяли.

Глебушка. Это в каком, интересно, новогоднем магазине такие костюмчики продают?

Лёлек. Это мы на шоссе. Потом объясню.

Лёлек вылезает из коробки с надписью Procter & Gamble и остается в спортивном костюме с ретро-аббревиатурой СССР на левой стороне груди и серпо-молотовской эмблемой на спине.

Болек следует его примеру, скидывая Johnson's baby. На спине его спортивного костюма изображена уменьшенная копия картины Папика «Грачи», а грудь украшает надпись «Слава России!» с триколорным флажком.

Глебушка (*хохмит*). А тебе не разрешали.

Болек (*нерешительно*). Каролина Карловна?

Мать. Снимай, конечно.

Болек. Я в домашнее переоденусь?

Мать (*хлопая по столу ладонью*). А вот это нет!

Болек. А why?

Мать. Потому что — not! Тьфу! Развели тут цирк! Лёлек?!

Лёлек (*расправляя затекшие мышцы*). Ну вот, значится, поехали мы... Ну как вы, Каролина Карловна, и приказали. К нотариусу. А он (*показывает на Адвоката*) по дороге быковать начал. Мол, незаконно, то да се. Ну мы вначале думали с Бенею ему объяснить. Растолковать, так сказать. Но с другой стороны, вроде как и адвокат типа. Короче...

Глебушка. Да, короче...

Болек. Ну, короче, мы ему объяснили, что ехать надо.

Лёлек. Короче, приехали мы. А эти за нами увязались.

Мать. Это не эти. Это Роман Андреевич и отец Сергей.

Лёлек. Ну да. С этими мы, короче, и приехали.

Мать. На Ибицу?

Лёлек. Не, на Ибицу это мы уже потом. А в начале в контору. К Исааку этому. А она закрыта. Ну мы звонили, короче, а нам, короче, никто не открывал.

Мать. Так вам никто и не должен был открыть. Он же улетел!

Лёлек. Ну да. Не открыл. Мы еще позвонили и ушли.

Мать. Я вас туда зачем посылала?

Болек. Съездить.

Мать. Съездить и взломать нотариальную контору!

Болек. Yes, indeed.

Мать. Что – indeed? Говори по-русски!

Болек. Так мы и съездили.

Мать. Но ведь не взломали!

Лёлек. Каролина Карловна, я вам сейчас объясню все. Мы звонили, звонили, а тут звонят...

Мать (*поворачивается к дверям*). Где?! Где звонят?

Лёлек. Не тут... там... Короче, этому лоху (*кивает на Адвоката*) сам нотариус вдруг позвонил... Короче, они перетерли что-то, и мы поехали.

Мать. Куда?!!

Болек (*с интонацией – «спрашиваете тоже»*). Ask, Каролина Карловна... В аэропорт, конечно. Ну чтоб на Ибицу...

Борис. Зачем?

Болек. Ну к нотариусу. Типа.

Борис. Для чего? Он что, на Ибицу с собой наше завещание повез, что ли?

Лизон. Ой, не, ну я угораю просто!

Мать. Роман Андреевич, может, вы что-нибудь объясните?

Партнер по бизнесу. Если честно, не могу, Каролина Карловна.

Мать. Почему?

Лёлек. Так он бухой был.

Глебушка. Чё ты несешь, архаровец?! Он на поминках несколько рюмок выпил.

Лёлек. Так пока до конторы доехали. Мы ж с Рублевки-то быстро выехали, а дальше пробень. Говорили, вроде какой-то джип в бензовоз въехал. Менты с пожарниками все оцепили, кругом полыхает. Ни туда, ни сюда. А рядом магаз как раз был. Ну, они с попом за вискарем и вышли.

Мать (*поправляя*). Это — отец Сергей. Кто — они?

Лёлек. Мишаня, Роман Андреевич, ну и этот — батя. Мы их потом еле в самолет погрузили.

Михаил. Что ты сдаешь-то всех?!

Отец Сергей. Иудово отродье!

Лёлек. А я чё, я по правде, как было... Тачку мы в аэропорту кинули. Болек билеты купил, мы и полетели.

Мать. Михаил, ты тоже ничего не помнишь?

Михаил. Нет, ма.

Мать. Отец Сергей, ну а вы?

Отец Сергей. Сие есть тайна неведомая...

Глебушка. Нормально ты, Сергунь, разговелся. Пьяный русский поп на Ибице. Я тебя очень хорошо там представляю. В рясе, с крестом, и в хлам. До положения риз, в смысле.

Мать. Но позвонить-то вы могли, что улетаете?

Михаил (*задумчиво*). Могли. Но не позвонили. Извини, ма. Мы думали, мы быстро.

Болек. Согру, конечно, большие, Каролина Карловна.

Лизон. У меня сейчас атомный взрыв в голове будет.

Борис. Ничего не понимаю. Хорошо, вы прилетели на Ибицу. А кого мы тогда похоронили?!

Пауза. Все переглядываются.

В этот момент на полу приходит в себя Настенька. Она поднимается и присоединяется к остальным.

Глебушка (*язвительно, Настеньке*). Бодрый день, веселая минутка! А мы тут шарады без вас разгадываем. Мозгом не подсо-

бите?

Михаил. Ты где была?

Настенька (*вздрагивает*). А? Не знаю. Но там так хорошо. И вас никого нет.

Михаил. Что-то я таких мест не встречал.

Глебушка. Эт точно. Мы ж как тараканы — везде и всюду. Нас ни один дихлофос не берет. (*Михаилу.*) Да она на полу у елки валялась. Сил набиралась.

Мать. И в самом деле, а кого мы вместо вас?.. (*Озабоченно рассматривает руки в бриллиантах.*)

Михаил (*Матери*). Ма, у тебя новые кольца?

Мать (*неохотно*). Да.

Михаил. Любопытные. И огранка красивая. Новогодняя распродажа была?

Глебушка (*показывая на средний палец правой руки Матери*). Этот называется — «Папик». А этот (*показывает на другой палец*) — «Воскресший Миша».

Михаил. Что-то я не возьму в толк...

Мать (*резко сжимает пальцы в кулаки и прячет руки под стол*). Неважно! (*К остальным.*) Повторяю. Шесть человек, между прочим, похоронили!

Настенька (*вклиниваясь в разговор*). Беня... а у тебя какой номер на джипе?

Болек. Три кола, of course. Адвокат еще в прошлом году подогнал.

Глебушка (*хлопает ладонью по лбу*). Ба! Спасибо тебе, Настурция, от всего Рублевского народа! Теперь все понятно! Мы тех, кто в бензовоз влетели, и кремировали. Тоже, небось, какие-нибудь блатняки ехали. В Мырреево свое. А менты, как всегда, особо ни во что не вдавались. Номера и марку машины сверили, а дело по быстрому закрыли, чтоб статистику перед Новым годом не портить. Трупы-то после встречи с бензовозом опознать нельзя было... Во страна, во муть, каждый первым почет быть. Всё спешим. Даже в ад... Ну а мы со своей стороны просто провели ассенизаторскую работу. Кстати, кстати... (*Под-*

нимаются, проходит к камину и одну за другой бросает в огонь фотографии в рамках с креповыми лентами; оставляет только фотографию Папика.) С вашего наилюбезнейшего дозволения... Надеюсь, никто не против?

Все, как загипнотизированные, смотрят на действия Глебушки. Рты у некоторых открываются в беззвучном крике.

Михаил (с обалдевшим видом тянет руку к камину). Ты зачем это?..

Глебушка насвистывает и, как ни в чем не бывало, возвращается на место. Фотографии в рамках полыхают в камине ярким пламенем.

Глебушка (похлопывая Михаила по плечу). Импровизированная кремация. Как с куклами Вуду. Хоть так себя порадовать. Или, может, тебе нравится с черной лентой стоять, на нас глядеть? Смотри, раздвоение личности, не ровен час, начнется. Да и вряд ли вы в ближайшее время опять погибнете. Хотелось бы, конечно. Но, видимо, судьба не на нашей стороне.

Михаил. Придурок! И как тебя земля только носит?

Глебушка. Так же, как и тебя. Вздыхая.

Мать. Хватит идиотничать! (Ко всем.) С бензовозом, пожалуй, ясно. Могло и так случиться. Мы и правда никого из вас не опознали. Хотя бред, конечно. Они же — те, кого мы похоронили, — не иголки в стоге сена. Их, что, никто не ищет?

Глебушка. Новых нарожают. Таких же.

Мать. Ладно, нас это не касается. Дальше что?

Адвокат. Ну, если не вдаваться в подробности, на Ибике мы встретили нотариуса и...

Глебушка. Перетерли?

Адвокат. Не перебивайте, пожалуйста, Глеб Вадимович... и Свету.

Глебушка. Это еще что за кукла?

Адвокат. Так вот она. *(Показывает на Снегурочку, сидящую в кресле и смотрящую телевизор.)*

Светик разворачивается ко всем и машет ручкой.

Мать. Вы кто такая?

Светик. Света. Секретарша.

Мать. Кого?

Светик. Вадика.

Мать. Какого еще Вадика?

Светик. Ну, Вадима Альбертовича. Мужа вашего. Бывшего уже.

Длинная пауза. Все смотрят на Светика.

Глебушка. И давно у нас секретарши по Ибицам, прости Господи, паломничают?

Борис. Еще пару таких сюрпризов, я сам в гроб лягу.

Мать *(сквозь зубы).* Подойдите-ка сюда, до-ро-га-я. *(Светик подходит к остальным.)* Ну... рассказывайте.

Светик. Я на Ибике у подружки была.

Глебушка. С уборщицей папика? Или, может, с поварихой?

Светик. Я на свадьбу ездила. К Жанне... Ну вы не знаете... Она замуж за одного испанца выходила. У него плантации.

Глебушка *(подмигивая Борису).* Кокаина?

Светик. Апельсинов. Богатый очень. Они мне и билеты оплатили. Туда-обратно. *(Извиняющимся голосом.)* Я на несколько дней только съездила. На Ибицу вашу. Извините.

Борис. Она такая же наша, как и ваша.

Мать. Хорошо. Легенда принята. Дальше.

Светик. А Юрия Владимировича с коллегами мы уже в аэропорту на обратном пути встретили.

Глебушка. Понял, Лёлек? Вы теперь с Юрасиком коллеги. Смотри, не подведи.

Лёлек *(кивая на Глебушку).* Каролина Карловна, уводить?

Мать. Пусть сидит. Кто это — мы?

Светик. Я и Жанна с Гонсалесом. С мужем, то есть.

Борис. А они где?

Светик. В «Национале». У них вроде как медовый месяц. «Золотое Кольцо», Сибирь. Гонсалес очень хотел Родину жены увидеть.

Глебушка. Вот твоя Жанна его там и оставит. Нормальные люди из нашего Гулага бегут.

Мать. Не отвлекайтесь. Что дальше было?

Светик. Ну мы вместе и полетели. А они меня и пригласили. К вам. По пути мы костюмы купили.

Глебушка. Johnson's baby? Это где ж такое продают? В каком магазине ужасов?

Светик. Им не понравились костюмы. Там зайки только оставались и ежики.

Глебушка. А чем это Лёлек не зайка? Вполне даже. Вон, Роман Андреевич у нас вообще снежинка. Не побрезговал.

Партнер по бизнесу (*потупив глаза*). Я хотел, чтоб смешнее.

Глебушка. Не оправдывайтесь, Роман Андреевич. Сейчас за это не сажают. Да, Юрасик? Итак, как вас там... Светик. Как на наших архаровцах продакт-плейсмент прозападный оказался?

Светик. Не знаю, они на шоссе останавливались. Там такие специально обученные люди в этих коробках рекламки раздавали.

Глебушка. Чую, мы скоро ментов увидим. Что у вас там, чуки-геки, получилось? Грабеж, разбой?

Болек. Мы красиво попросили.

Глебушка. И простые гастарбайтеры вам просто так отдали чужой реквизит?

Лёлек. Ну не так чтоб просто. Мы объяснили.

Лизон. Не, ну я не могу!

Глебушка. Бакланы! Объяснили они.

Мать. Продолжайте, Светлана.

Светик. А, собственно, всё. Мы к вам приехали.

Мать. Ясно. Присаживайтесь, *(с прищуром)* Све-та.

Все молчат, переваривают информацию.

Борис. Забавно. А я вот что-то ее у папы в секретаршах не припомню.

Михаил. Она недолго работала. Пару месяцев всего.

Лизон. У нашего папки — это супер как долго.

Мать *(Светику, подозрительно)*. Видимо, угодили вы ему чем-то.

Глебушка *(подмигивая)*. А, Светик? Колись.

Борис. Мне кажется, мы теряем нить разговора.

Мать. Да. Так, где нотариус?

Адвокат. На Ибице.

Мать. Почему?

Партнер по бизнесу. Новый год празднует. Плюс казино там. А у него страсть...

Борис. Идиоты какие-то! А завещание?!

Адвокат. Вот. *(Лезет в карман и продолжает говорить.)* Мы, Каролина Карловна, как сделали... Я с Исааком поговорил, мы и полетели, потому что разговор не очень телефонный. Ну, сами понимаете... А Исаак мне ключи от офиса дал. Объяснил, что где лежит. Мы когда вернулись, то первым делом в контору заехали. Я завещание и забрал. Почти по закону получилось. Да, кстати, я тут отчет привез, еще в самолете составил. Тут за Ибицу, и прочие расходы. Вроде как командировочные. *(Вытаскивает конверт с завещанием и подсчеты.)*

Мать. Я за ваши курорты платить не буду!

Адвокат *(разводя руками)*. Ну, Каролина Карловна... Мы же по делу ездили.

Борис *(подскакивает, вырывает конверт)*. Давайте сюда его скорей! Мам! Он вскрыт!

Михаил тут же бросается к Борису и выхватывает у него конверт.

Мать. Как вскрыт?! Михаил?!

Михаил. Ма, ну не выдержал.

Мать. Так его же нотариус со свидетелями вскрывать должен!

Адвокат. Обижаете, Каролина Карловна. Исаак вернется, все подпишет. Расчетики возьмите, пожалуйста. *(По пути забирает у Михаила конверт.)*

Мать. Потом разберемся. Читайте завещание уже наконец!

Все затихают.

Адвокат, одетый в костюм Пингвина, вытаскивает из конверта завещание.

Глебушка. А хорошо ты выглядишь в этом наряде. Вы в судах все в таких прикидах?

Адвокат. Я переоденусь, Каролина Карловна? А то и в самом деле неофициально как-то получается.

Мать *(рывает)*. Читайте как есть!

Адвокат. Хорошо. Кх... кх... *(Откашливается; громко.)* Завещание! *(Все вздрагивают.)* Я, Вадим Альбертович Кряжистый, проживающий по адресу: г. Москва, Рублевское шоссе...

Мать. Давайте без пафоса и ваших прелюдий. Только по делу. Кому что...

Адвокат. Без статей?

Мать. Без них.

Адвокат *(читает вслух)*. Ну вот... главное... все мое имущество, какое ко дню моей смерти окажется мне принадлежащим, в чем бы оно не заключалось и где бы ни находилось, я завещаю в равных долях следующим лицам: моей жене Каролине Карловне Кряжистой... так, дальше паспортные данные, дата рождения, это неинтересно... *(Вскидывает глаза, смотрит на Мать.)* Или прочитать?

Мать. Ни в коем случае! Дальше! Имена только.

Адвокат. Хорошо, значит так... моим сыновьям Михаилу Вадимовичу Кряжистому, Борису Вадимовичу Кряжистому, Глебу

Вадимовичу Кряжистому, моим дочерям Анастасии Вадимовне Кряжистой, Елизавете Вадимовне Кряжистой...

Борис. Уф! Ну наконец-то все прояснилось...

Мать, Настенька, Лизон, Борис и Глебушка вскакивают. Поздравляют друг друга, тянутся к бутылкам. Остальные напряженно и безмолвно сидят на своих местах.

Адвокат (*нервно бегаем глазами и выпаливаем на одном дыхании*). ...а также следующим лицам, оказывавшим мне содействие и всестороннюю помощь при жизни (*Мать, Настенька, Лизон, Борис и Глебушка цепенеют.*): Роману Андреевичу Найденьшеву, Юрию Владимировичу Тихонькому, Валерьяну Самуиловичу Жидоморову, Леониду Ивановичу Жмых и Бенедикту Степановичу Голомызда...

Мать (*обрывает Адвоката и хлопает ладонью по столу*).
Дальше можете не продолжать!

Лизон. Нормально так...

Борис. Лихо вы... (*Пауза.*) Как пирог порезали...

Глебушка. Молодцы! И жидомора с гастарбайтерами не забыли! Сергунь, это ты, что ли, Жидоморов?

Отец Сергей. В миру.

Глебушка. Сильно. А что, Светика не вставили? Как она теперь по Ибицам мотаться будет?

Настенька. Вы обманули нас? Да как вы могли?!

Михаил (*кричит Адвокату*). Я же говорил, что они раскусят! Не надо было Болека с Лёлеком вставлять!

Глебушка. Да вы чё, идиоты? Белыми же нитками все шито.

Мать. Где *нормальное* завещание?

Михаил. Ма!

Мать. Не мамкай! Ты мне не сын больше! Юрий Владимирович, как это все понимать? Где документ?

Адвокат кивает в сторону Михаила. Тот вылезает из костюма Снеговика и начинает рыскать по карманам.

Михаил. Сейчас, сейчас...

Мать. Немедленно объяснитесь, Юрий Владимирович!

Михаил. Куда же оно подевалось?

Адвокат. Дело в том, что то, что Вадим Альбертович изволил написать, нас в некотором роде не устроило. Вот мы и решили... чтобы по-честному... всем... Мы же тут в одной упряжке как бы получаемся, и свидетелей очень много. Ну, чтоб никому обидно не было.

Мать. Что вы за ахинею несете?! Миша, где завещание?

Михаил (*разводит руками*). Нет его. Везде уже посмотрел. Сюда ехали – было, а сейчас нету.

Мать. Ищи!

Михаил. Ничего не понимаю.

Мать. Ищи лучше! А вы рассказывайте, Юрий Владимирович, рассказывайте!..

Адвокат. Так а что рассказывать?.. (*Пауза*.) Он вас всех наследства лишил.

Лизон. Бли-ин! Какой обломище! Я так и знала!

Настенька. Папа? (*Поворачивается к камину*.) Как же ты мог? Я не верю...

Борис. Это неправда! Неправда!

Глебушка. Даже не удивляюсь.

Мать. Я вам не верю. Он не мог этого сделать.

Адвокат. И тем не менее сделал. Без указания причин. Перечислил всех, чтоб сомнений ни у кого не возникало. И лишил.

Мать (*обращается к приехавшим*). Это правда?

Те кивают головами.

Мать. Это невозможно просто! Я пока своими глазами не увижу... (*Михаилу*.) Нашел?

Михаил. Я понятия не имею, где оно.

Мать. Хорошо, тогда я вызываю милицию.

Михаил. Ма, ну правда.

Мать. Леонид! Звони.

Лёлек. Не буду.

Мать. Что значит — не буду? Метнулся быстро, я сказала!

Лёлек (*набычившись*). А меня устраивает, что там (*кивает на поддельное завещание*) написано.

Борис (*срываясь на бабий визг*). Что?! Что ты сказал, житомирский выродок?

Лёлек (*растегивает молнию спортивного костюма и выхватывает пистолет из-под мышки*). То, что слышали.

Борис (*отступая*). Это как... как так?

Мать. Лё-ё-ёлик! Что я слышу?

Болек. Я согласный. Там ща нормально написано. А по той маляве все бы на нулях остались. (*Спокойно вытаскивает пистолет из кармана тренировочных штанов.*) Большие sorry, конечно, Каролина Карловна, но делиться надо...

Глебушка. Ну ты и голомызда!

Присутствующие делятся на два лагеря. По одну сторону становятся Мать, Борис, Глебушка, Настенька и Лизон. По другую — Михаил, Адвокат, Партнер по бизнесу, отец Сергей, Болек и Лёлек. Светик оказывается в стороне.

Мать (*кричит*). Это уголовщина! Вы подделали завещание!

Болек. Лучше по чесноку подделать, чем всем без бабла остаться!

Мать. Миша, как ты мог! Я не верю! Где завещание?!

Михаил. Ма, оно было! Я не знаю, куда оно делось!

Борис. Да ты охренел вообще! Что ты беспредельничаешь! Ищи!

Михаил. Я не знаю, где оно!

Глебушка (*Болеку и Лёлеку*). А вы пульните в нас, пульните — из волюнок своих! На меньше частей делить придется!

Лёлек. Надо будет — пульну!

Настенька. Миша, ты семью предал!

Михаил. Никого я не предавал! Мы как лучше хотели!

Мать. Гони сюда бумагу! Я не верю! Я этой суке лучшие годы

отдала, он не мог меня наследства лишить.

Партнер по бизнесу. Каролина Карловна, это правда!

Отец Сергей. Христом Богом клянусь! *(Осеняет себя крестным знамением.)*

Глебушка. Глохни, Жидоморов! На те креста негде ставить! Вся шкура татуировками забита!

Лизон. Миша – ты отмороженный! Ты зачем с ними поделился?

Михаил. Они – свидетели!

Глебушка. И что, что свидетели?! У тебя с дядей Славиком опыт большой! Какая на хрен разница, вертолеты взрывать или самолеты!

Михаил. Что ты на меня гонишь все время?!

Борис *(верещит и топает ногами).* Где завещание?! Ссццу-ушки!

Борис подбегает к картинам, снимает одну со стены, устремляется к Михаилу и со всей силы бьет брата по голове. Холст трещит и лопается – картина покачивается на шее у Михаила.

Настенька. Шагал! Шагал! Убью! *(Бросается с кулачками на Бориса.)*

Борис. Отвали, дура! Это «Венский бал в Манеже». На них вон лучше бросайся!

Глебушка *(рассматривая холст).* «Венский бал» на втором этаже. Это – Кандинский. *(Обращается к Адвокату.)* Плакал твой гонорар, Юрасик. Но не переживай, мы тебе потом кремимальные выпишем. А урну в трехцветный флаг завернем. *(С силой бьет ладонью по раме. Картина, как качели, раскачивается на шее Михаила.)*

В этот момент Лёлек от неожиданности выстреливает в пол. Стоящий рядом Адвокат визжит и валится на пол. С криком: «Мы вас кремируем! Мы ваш прах над Кремлем развеем!»

Глебушка тут же бросается на Лёлека и выбивает пистолет. Начинается драка. В ней участвуют все, кроме Светика. Лизон хватая вилку со стола со всей силы всаживает «фамильное» серебро Лёлеку в руку. Тот орет. Болек подскакивает к Лизону и бьет ее по голове. Мать летит к Болеку и вцепляется ему в лицо. Болек закрывает лицо руками, орет и роняет пистолет на пол. К пистолету устремляется Борис. Отец Сергей ставит ему подножку. Тот спотыкается и падает. Настенька бросается на отца Сергея сзади. Хватает его зубами за ухо, пальцами располосовывает лицо. Борода Деда Мороза летит в ключья.

Светик спокойно наблюдает побоище. Улучив момент, подбирает пистолеты.

Тем временем драка перетекает на лестницу. Затем все окатываются на втором этаже около «Грачей» и через какое-то время снова валяются вниз. Михаил шныряет туда-сюда с картиной на шее.

Светик подходит к елочке. Выключает и включает гирлянду.

Светик *(обращается к дерущимся).* Эй! Вам светомузыка не нужна?

Никто не реагирует.

Светик *(громко).* Эй! Рублевские! У меня завещание! Эй! У меня!

Все затихают прямо на полу. Раздаются стоны. Все смотрят на Светика в наряде Снегурочки и с пистолетами в руках. Она взбегает по лестнице наверх.

Светик. С Новым годом!

Борис *(с пола).* С Новым...

Светик *(помахивая пистолетами).* Так что вы хотели узнать, Каролина Карловна? *(Ко всем.)* Вы вставайте, вставайте, что вы развалились?

Все поднимаются с пола. Отряхиваются. Михаил снимает с шеи раму.

Адвокат. Я ранен! Нога!

Глебушка. Нога не печень. Заживет.

Адвокат. Вызовите доктора! По-жа-луй-ста...

Борис. Сейчас, разбежались.

Лёлек держится за руку, Лизон за голову, Мать гладит ее по голове и успокаивает, приговаривая: «Бедная Лиза». Глебушка, наблюдая эту сцену, комментирует: «Как это хрестоматийно». Отец Сергей с перекинутым за спину крестом ищет на полу линзы. Остальные более-менее целы.

Болек (*Адвокату*). Показывай, чё с ногой. Это тебя верняк рикошетом цепануло.

Адвокат медленно закатывает штанину.

Болек. Да ну, фигня. Реально кожу чутка царапнуло. У нас в десантуре...

Адвокат (*перебивает*). А кровь?! Кровь? Я же умру сейчас.

Лёлек (*подходит, смотрит на ногу Адвоката*). Ну извини, юрист. Не хотел я. У тебя шкура только задета. Ща перевяжем. Где-то аптечка была. Каролина Карловна, не помните?

Мать. Я тебе не Каролина Карловна. Штрейкбрехер!

Глебушка. Ты не поняла, Карловна. Это – врачи без границ.

Лёлек. Ну и хрен с вами. Пусть погибается.

Настенька. Я сейчас бинт принесу.

Светик. Никто никуда не пойдет. Садитесь все. Я сказала, садитесь.

Снегурочка-Светик направляет на всех пистолеты.

Лёлек. Кишка тонка.

*Лёлек с глумливой улыбкой поднимается по лестнице.
Светик совершенно спокойно выстреливает в ступеньку рядом с ногой Лёлека.*

Светик. Следующая – в живот. Хочешь проверить?
Настенька (*Лёлеку*). Садись. Умоляю.

Все рассаживаются. Отец Сергей промывает найденные линзы в бокале, запрокидывая голову, вставляет их в глаза и морщится. Адвокат ковыляет к столу, вытаскивает носовой платок, смачивает его водкой, прикладывает к ране, болезненно кривит губы и стонет.

Глебушка (*Адвокату*). В судах лицедействовать будешь.

Адвокат (*Светику*). Это захват заложников, между прочим.

Светик. Да? Ну это вы потом решите. Захват или освобождение. Вам, наверное, всем очень интересно узнать, что же с завещанием? Я с удовольствием вам отвечу. Оно в надежном месте.

*Светик спускается. Останавливается на середине лестницы.
Пауза. Все смотрят на Светика.*

Борис. В каком – надежном?

Светик. Давайте по порядку. Вы наливайте. Разговор будет долгим. (*Оценивает обстановку, совершенно спокойно проходит к столу.*) Я жду, Борис. Новый год все-таки...

Лёлек весь подбирается, готовый броситься на Светика.

Светик (*Лёлеку*). Не советую. Невыгодно просто. Сейчас объясню почему.

Мать (*делает движение рукой, останавливая Лёлека*). Вначале послушаем.

Борис и Михаил встают. Открывают бутылки.

Михаил. Кому что?

Светик. Я шампанское буду.

Глебушка. Водку.

Настенька. Вино.

Лизон. Мне шампусика плесни.

Мать. Я, пожалуй, тоже водки выпью.

Борис (*обращается к Партнеру по бизнесу, Адвокату и отцу Сергию*). А вам?

Партнер по бизнесу, Адвокат и Отец Сергей (*хором*). Водки!

Лёлек. И нам плесните.

Борис. Я охране не официант.

Лёлек. А мы не гордые.

Лёлек наливает Болеку. Болек – Лёлеку.

Борис (*Матери*). Вообще, не понимаю, что охрана за столом делает?

Болек. Мы – наследники! Так что – no comments!

Мать (*рычит на охранников*). Пошли вон отсюда! За тот столик садитесь!

Болек и Лёлек неохотно берут свои тарелки с рюмками, но слушаются и уходят к круглому столу с кожаными креслами.

Светик. Ну что, поднимем бокалы, наследнички? (*Держит в одной руке пистолет, другой по-ковбойски засовывает за пояс, подпоясывающий шубку Снегурочки; поднимает фужер с шампанским*.) С Новым годом!

Под дулом пистолета Светика все чокаются бокалами и фужерами. Болек и Лёлек поднимают вверх свои рюмки. Все садятся. Закусывают.

Светик (*смакуя игристый напиток*). Отличное у вас шампанское. Люблю «Асти Мартини», а то все «Советское». У меня

на него изжога.

Борис. Это не «Асти», это — «Кристалл». По штуке баксов за бутыл. Его, между прочим, английские принцы пьют.

Глебушка. И русские нувориши.

Светик. Ну налейте тогда еще фужерчик. Поухаживаете за дамой.

Борис (*разливая*). Нат. Подавитесь! Чтоб у вас пузыри в горле застряли.

Светик (*смеется*). Не переживайте. Если вы у меня в горле не застряли, то какие-то пузыри тем более не проблема.

Мать. Не томите уже, Светлана. Что там с завещанием?

Светик (*весело*). Рассказываю. Итак, встретились мы на Ибице.

Глебушка. Еще раз услышу про Ибицу и удавлюсь.

Светик. Как пожелаете. Встретились мы в аэропорту. Я и правда была на свадьбе у подружки... А тут они. (*Показывает пистолетом на ряженых.*) Ну, полетели. В полете разговорились. Места как раз у всех рядом оказались. Юрий Владимирович посоветовал, что меня уволили. Рассказал про смерть Вадима Альбертовича. Про вашу историю с завещанием.

Глебушка. Адвокатская тайна, адвокатская тайна...

Борис. Ты ж говорила, что работаешь, должна была и так знать! Да и чтоб ты и Роман Андреевич в одном самолете летели... Никогда не поверю.

Партнер по бизнесу. Она не врет. Билеты только на эконом-класс были. И то последние взяли. Перед Новым годом же.

Лизон. Бли-и-ин. Я еще могу понять, когда на Ибицу билетов нет, но чтоб обратно не было?

Глебушка. Разочаровали вы нас, Роман Андреевич. Пали, можно сказать, в глазах наших. В одном самолете. И с кем? С кем? С пролетариатом!

Мать. Глеб, прекрати! (*Светику*.) Говорите.

Светик. Ну а что касается работы, то меня ваш папенька месяц тому назад еще уволил. Потом объясню, почему... Мы и не общались с ним после этого. Сволочь, даже выходного пособия не выплатил. Я, конечно, понимаю, что о покойниках или

хорошо, или ничего, но вы не обижайтесь — отец ваш все-таки редкостная мразь был.

Глебушка. Без тебя знаем, не затягивай.

Светик. В самолете мы наступающий Новый год отметили. Выпили, значит. А ваши меня и пригласили. Вот батюшка предложил. Сказал, что у вас Снегурочки нет.

Отец Сергей. Неисповедимы пути Господни. В наказание она нам дана, за грехи наши...

Глебушка. Кончай пургу, Сергунь, гнать. Шаблонно мыслишь очень. И вообще сделай бороду проще — народ к тебе сам потянется. В притон твой.

Светик (*Глебушке*). Я продолжаю? Спасибо. Ну я и подумала. А что мне делать на Новый год? Жанна с Гонсалесом в «Национале». А у меня? Денег нет. Работы нет. Однушка в Мытищах. В ней еще три подружки. Из Таджикистана, Белоруссии и Эстонии.

Глебушка. Я смотрю, к нам уже некоторые из Евросоюза валют. Обратно в Гулаг просятся. Что вы там вчетвером за интернациональный вертеп устроили — в деревеньке нашей?

Светик. Вам, Глеб, не понять. Так легче квартиру снимать. Вы хоть знаете, сколько в Москве жилье стоит? Вся зарплата уходит. Или питаться и спать на вокзале, или спать под крышей, но ничего не есть. Одно из двух.

Глебушка (*хмыкает*). Добро пожаловать в Москоу-Сити. То-то у нас девки самые стройные.

Борис (*подозрительно*). А сама откуда?

Светик. Из Краматорска. Неважно. Это на Украине. Вы не знаете.

Глебушка. Гениально! Там в печах живут?

Светик. По-разному. Некоторые в общагах. А кто и в бараках. И не Краматорск, а Краматорск.

Мать. Понаехало вас тут!

Лизон (*тянет*). Ма-асква-а — не рези-и-иновая.

Глебушка (*с издевкой*). Мочи их в сортире, змеюк подколенных!

Светик (*обращается к Матери*). А что, Москва, по-вашему, только таким, как вы, принадлежит? Остальные рожей не вышли? Я, например, еще в э-Сэ-Сэ-СЭР родилась. Столица моей родины Москва была. А потом у меня вдруг столицей почему-то Киев стал. В Эстонии – Таллин, в Таджикистане – Душанбе. (*С искренним удивлением*.) Почему за нас решили? Нас кто-то спрашивал? Почему это дед моей подруги вдруг в оккупанта превратился? А кто-то должен делать липовые приглашения, чтобы въехать на территорию столицы своей бывшей Родины по визе, как иностранец? Я не понимаю.

Глебушка (*кивает на телевизор*). Это не к нам. Это – к грачам. Бабайкам нашим.

Светик. Да, но вы-то все это поддерживаете. Вам же наплевать глубоко, что происходит.

Партнер по бизнесу. Вообще-то это вы все отсоединились, а не мы.

Болек достает из кармана колоду эротических карт, тасует – раздает себе и Лёлеку. Развалившись в креслах, они рассматривают карты и обсуждают изображенных на них обнаженных «дам». Начинают играть в «очко» на целбаны.

Светик (*Партнеру по бизнесу*). Разве? А мне кажется, вы просто глаза на все закрыли. Плюнули на всех, границы позакрывали, таможен понаставили и только за въезд деньги дерете. И у кого? У своих же бывших сограждан! А я и мои подруги, может, всю жизнь в Москве хотели жить!

Мать. А в Воронеж вас не тянет?

Светик. Не знаю, может быть. Если в Москве не получится...

Глебушка (*Матери*). Ты сама-то, Карловна, была там хоть раз? В Воронеже.

Мать. Была, кстати. Не лучше ее Краматорска, между прочим. Тоже мне патриотка! Запомни, девочка: Москва – не Россия! И что-то я не слышала, чтобы сикухи, навроде тебя, именно в Россию рвались. Нет, все в Москву лезут. Думают, под кошелек

с деньгами лягут – у них сразу брюхо золотым станет.

Светик. А хоть бы и так! Почему одним все, а другим ничего?! И дело вообще не в этом! Я – русская, понимаете, русская! И я не понимаю, чем Воронеж хуже Москвы! Просто я Третьяковскую галерею люблю, Кремль, метро!

Глебушка. Конфискации! Репрессии!

Лизон. Не... думаю, «Националь» с «Марриоттом».

Михаил. Только все они Ленинградским шоссе заканчивают.

Настенька. А я ее, кстати, понимаю. В Воронеже Третьяковки нет. Там, говорят, вообще ничего нет. Бегут все.

Мать (*Светику*). Ты, дурочка, ничего не понимаешь. Наивная очень. Россия, как страна, не существует. Это вы там, в своих отсоединенных вотчинах, русскими себя считаете. Здесь русских нет. И городов здесь нет. Здесь только одно – Москва, москвичи и все остальные. Даже Питер уже давно в провинцию превратился – оттуда все крысы к нам перебежали. Что уж о других городах говорить. И те, кто приезжают в Москву, у них только три пути. Или на стройку, или локтями и мохнатками дорогу в жизни пробивать, или, утерев слезы и сопли, назад возвращаться. Других вариантов нет и не будет. А про Россию и русских с пафосом орут только неудачники на своих безумных пикетах около памятника Пушкину. Нормальные люди деньги зарабатывают. И в Москве неважно – русский, грузин ты или якут. Хоть эскимос. Хоть ты вчера с бананового дерева слез. В Москве одно важно. Есть у тебя деньги и связи или нет. Все остальное: «Нас отсоединили! Я – русская! Кремль!» – это все патриотический бред, не имеющий никакого отношения к действительности. Так что отдавайте пистолеты и поезжайте-ка, милочка, на свой жовто-блакитный Майдан. В палатках жить.

Лёлек (*громко*). Очко! (*С оттягом дает Болеку щелбан. Все вздрагивают.*)

Михаил. Потише там!

Болек. Ок'ей, Ок'ей. (*Тасует карты. Охранники принимают играть в «дурака».*)

Светик. Ну уж нет! Мы не договорили!

Мать. Да нет, Снегурочка, договорили мы. И как бы вы тут нам не угрожали, все равно по-нашему будет. Вот увидите. Разберемся только. А я, пожалуй, еще выпью. Боря, налей всем. И там (*к Михаилу*) – на другом конце стола.

Глебушка (*спокойно*). Я прав был. Матрица. Мы все в ней живем. (*К ряженым*.) Ах да, трупики, вы же при разговоре не присутствовали. Воскрешали. Так вот, я тут с Карловной согласен. Все это – Матрица и ее разновидности. Вот Настурция, она в Матрице литературы живет, Светик-семицветик – в путеводителях города-героя Москвы, Боряйла – в кокаиновой Матрице, Роман Андреевич – в нефтяной, Юрасик – в адвокатской, Жидоморов – в религиозной, Лизон, так та вообще в виртуальной, на сайтах знакомств и одноклассников – с фотшопами несуществующих особняков и яхт. Каждый в своей симпатичной программке. Так что Карловна права. Те, кто в Матрице путеводителя сидит, тот в Матрицу рублевскую никогда не попадет. Программа не та.

Отец Сергей (*недовольно*). Я – отец Сергей. Попросил бы с уважением...

Глебушка. Ты, Жидоморов, такой же Сергей, как я апостол Павел.

Борис (*наливая Глебушке*). Хочешь, отгадаю, в какой ты Матрице живешь? В сорокоградусной.

Глебушка. А хоть бы и так. Моя программа мало чем от твоей отличается. Только я кредит у своей печени беру, а ты и еще полстраны – у банков. Иллюзию богатства создавая. Одолжил, купил – заплати проценты. Не заплатил проценты – лишишь собственности и всего того, что одолжил. Ее же нет, собственности, Боряйла! Ты чё, не видишь?! Это – фикция все! Нет всех этих Рублевок, майбахов и бентли. Это все гостиничная жизнь. Вписался – выписался. За сколько вперед проплатил, столько и живешь. А нет, пшел вон из номера. Ты что не понимаешь, что для того, чтобы во всем этом жить, пахать и пахать надо, отдавать и отдавать. Замкнутый круг. Ведь, если вдуматься, противоположность олигарху – это даже не нищий, а должник, он еще

должен долги отдать, чтобы стать нищим. Но разве сам олигарх — не должник? А, Роман Андреевич? Как по-вашему? Хороша ли такая Матрица?

Партнер по бизнесу. Так вообще-то весь мир живет. Это нормально. Ничего нового вы не сказали.

Адвокат. Полностью с Романом Андреевичем согласен. Вы и правда, Глеб Вадимович, никакой Америки не открыли. Сам факт рождения уже к чему-то да обязывает. (*С пафосом.*) От защиты Отечества до уплаты налогов, между прочим!

Партнер по бизнесу. Именно.

Глебушка (*ухмыляясь*). Первый раз от Романа Андреевича конкретный ответ услышал.

Партнер по бизнесу. Более того, Глеб Вадимович, я вам даже секрет долговой ямы могу раскрыть. Всего мира, если хотите. И это посерьезнее того, о чем вы тут говорили. Интересно?

Глебушка. Ну просветите, просветите...

Партнер по бизнесу (*Матери и Светику*). Вы позволите? (*Те благосклонно кивают головами.*) Что ж, тогда смотрите. С точки зрения Глеба Вадимовича — это будет Матрица всеобщего долга. (*Достает из кармана толстую пачку денег в дорогом зажиме.*) Это, как известно, британские фунты. Я последнее время, по некоторым соображениям, в них свои сбережения держу. Если так можно выразиться. (*Усмехается и вытаскивает одну банкноту.*) Так вот, исходя из того, что написано на этой бумажке, получается, что мне обещают выплатить по моему требованию определенную сумму, указанную на банкноте. (*Читает без акцента: «Bank of England. I promise to pay the bearer on demand the sum of 50 pounds»*) и пускает банкноту по кругу. Сидящие за столом с интересом вчитываются в надпись на купюре. Болек заинтересованно вскидывает голову, старательно вслушиваясь в непонятный язык, но ничего не разобрав, возвращается к игре в карты.) То есть, если я, скажем, прихожу в банк, то мне по этой бумаге должны выплатить пятьдесят фунтов. Причем даже не столько сейчас, сколько обещают это сделать когда-нибудь потом, в будущем. Но сама бумага и есть те самые пятьдесят

фунтов. Получается бессмыслица. Деньги, как некая долговая расписка с обещанием выплатить сумму без указания срока, просто перекачываются из рук в руки. Более того, хочу вам заметить, что на банкнотах нашей страны даже таких надписей нет. По сути, это просто туалетная бумага. Государство за ее использование не отвечает. Можете сами проверить. Ну а что касается кредитов, то банки, предоставляя заем, дают вам в долг еще и с процентами. Но поскольку, как я говорил ранее, выделенная вам сумма уже сама по себе является долгом банка вам, то банк, по сути, вам ничего не давая, на вполне законном основании может забрать ваше имущество в случае, если вы в срок не погасите кредит. Думаю, не стоит углубляться в правительственные долги международным банкам и транснациональным корпорациям, когда за долги государства ответственны налогоплательщики? То есть — мы с вами. Вот и получается, что ответственность есть, а денег — нет. *(Спокойно принимается жевать.)*

Отец Сергей *(помахивая банкнотой)*. Я, с вашего позволения, в приходе детальней ознакомлюсь. А то зрение слабое.

Партнер по бизнесу. Ознакомьтесь. И заодно прихожан просветите. Им интересно будет.

Отец Сергей. Всенепременно!

Раздаются редкие хлопки со стороны Матери, затем начинают аплодировать остальные. Светик задумчиво откидывается на спинку стула.

Лизон. Ну вы, Роман Андреевич, и фокусник! С бабками — это вы круто загнули.

Партнер по бизнесу. Это не фокусы, Лизонька. Это — правда жизни. И не мне вам говорить, какой бизнес выгоден государству и будет им поддерживаться. Малый, средний или крупный. Ответ очевиден — поддерживаться будет тот, кто больше всех берет в долг и вешает на себя обязательств. А точнее, электронных долгов и виртуальных обязательств. Поскольку в банках, путем нажатия клавиш, создают даже не деньги, а просто цифры.

Вот так... А вы, Глеб Вадимович, говорите – Матрица. Это даже не Матрица. А пустота.

Глебушка. То-то вы от этих пустых цифр такой сытый налогоплательщик! А впрочем, правильно. Что это меняет? Это только лишний раз подтверждает программу фиктивной собственности и манипуляцию с нашими мозгами. Кстати, вы заметили, что банки уже стали физическими, а не юридическими лицами? «I promise». Я обещаю. Кто это – «Я»? Где тебя, призрака, искать, если что? При таком раскладе никакие реституции с национализациями не нужны. Сами своими руками все и отдадим этому юридическому фантому. Тем более что, кроме долгов, нам и отдавать нечего. Фунт есть, фунта нет. Хопа! Хопа! Внимательно следите за моими движениями. Ничего, кроме ловкости рук. Да нам до тюрьмы и суммы ближе, чем любому бомжу на вокзале. Рабы гламурные! Спасибо папику, хоть наворовать успел. Мы теперь вроде никому не должны... *(Пауза. Тихо.)* ...кроме уголовного кодекса.

Отец Сергей *(аккуратно складывает и прячет банкноту).* Побойся Бога, бесово семя! Какие программы, какая Матрица? *(Осеняет себя крестным знамением.)* А что до тюрьмы и суммы, так не зарекайся, на все воля Божья, и не нам грешным судить о поступках Его!

Глебушка. Бог? Бес? Очень интересно. Это с каких это пор?

Отец Сергей. С распятия Христа нашего!

Глебушка *(взрываясь).* Жидоморов! Какого вашего? Христос вообще иудеем был! Его римляне распяли! Мы в то время в лесах грибы и ягоды собирали!

Отец Сергей. Иисус Христос есть Спаситель всего человечества. По воле Бога Отца и из сожаления к нам, грешным людям...

Глебушка перебивает отца Сергея, вскидывает руку вверх и резко сгибает ее в локте. С интонацией, с которой кричат: «Йес!», выкликает: «Аз есмь!» Затем срывается с места, взбегают на второй этаж.

Светик. Глеб! Немедленно вернитесь на место!

Глебушка (*кричит с балкона*). Подождите! Я на его плешь сверху хочу посмотреть!

Отец Сергей (*проводя дланью по макушке*). Где?!

Глебушка. В душе, Сергунь! В душе! Ты ведь принципиальный момент обозначил. Человек – тварь дрожащая! Человек – ничто, шлак, из праха пришел и в прах обратился. На этом все религии построены. (*Отец Сергей пытается что-то возразить, но Глебушка резким движением руки его останавливает.*) Подожди, Сергунь, меня проповедью грузить. Дай мне, грешнику, из эМ-Гэ-У вылетевшему, высказаться. А там проповедуй. Вот смотри, сотни тысяч лет тому назад появились мы (*раскидывает руки в стороны*) – Боряйлы и Глебушки. Мы собирали плоды и удили рыбу. Мы боролись со зверьем и стихиями. Рождались и помирали. Эволюционировали и деградировали. Испускали дух и снова возрождались. Тащились от запаха трав, потому что анаши тогда не было. И все это время пытались понять, кто мы и зачем на этом свете. И в итоге так и не поняли...

Отец Сергей (*орет, запрокинув голову вверх*). От того, что грешен человек и от Бога Отца нашего оторван!

Глебушка (*кричит с балкона*). Так в этом-то и фишка, что не оторван он! Что Бог – это вопрос только личной веры, а не знания. А вера всегда порождает сомнения. Это то же самое, как верить в какую-то звезду во Вселенной, которая всем управляет и которую надо почему-то непременно бояться, но при этом она давно умерла, а до нас только ее свет доходит! Сергунь, что вы нам годами впариваете? О чем вы все? Бог – это метафора! А любая религия – лишь традиция. Между одним египетским Аменхотепом и другим прошли тысячи лет! Сергунь, ты хоть это понимаешь? И никаких талмудов с запретами и страшилками! Я не буду сейчас обсуждать ваши талмуды. Деструктивны они или гениальны. Но ты мне можешь объяснить, почему одни сказания вы признаете каноническими, а другие упорно считаете апокрифическим мусором? Будто речь не о Священном Писании идет, а о новой редакции уголовно-исполнительного

кодекса. И не Бог, заметь, это когда-то решал. А вполне себе человеческий Собор — голосованием и перевесом в несколько голосов... И вообще, скажи мне, почему я должен жить под страхом постоянного наказания? Почему я, родившийся весом три пятьсот и ростом пятьдесят один, и еще ничего не сделавший в этом мире, кроме пука новорожденного, уже изначально грешен? И шаг вправо, шаг влево — мне грозит геенна огненная? Да это тот же расстрел, что при военном коммунизме. Только при коммунизме тела расстреливали, а религия — душу убивает. Да, да, Сергунь! Религия не помогает человеку обрести себя. Она его гнобит. Она его душу в кандалы извечного страха заковывает. В историю каких-то там, не имеющих никакого отношения ни ко мне, ни к Лизону, ни к Светику согрешивших Адама и Евы! В оковы ваших постмодернистских романов всех времен и народов, где что не слово, то — вынос мозга! Это и есть — Матрица! Почему я, думающий человек, пусть даже и сильно пьющий, но — Человек! — должен верить в ваши баллады двухтысячелетней давности? Когда самому человечеству несколько сотен тысяч лет?! Когда, кроме религиозных сказаний, вы только вдумайтесь все, нет ни исторических данных, ни воспоминаний современников о плотнике, вознесшемся на небо! Когда все христианские обряды и символы вообще из язычества взяты! Жидоморов, ответь мне! Как так?

Отец Сергей (*свирепя*). Какое язычество?! Что ты несешь, нехристь?!

Глебушка. Какое?! А просвети нас тогда, почему христианские праздники совпадают с праздниками древнего Вавилона? Откуда вообще в Вавилоне могли появиться Иштар-Семирамида, непорочная мать Таммуза, а в Египте — Исида, непорочная мать Гора? Отчего иконы Девы Марии с младенцем Иисусом один в один совпадают с их изображениями? И почему Семирамиду рисовали с «христианским» (*показывает пальцами кавычки*) крестом за тысячи лет до возникновения самого христианства? А как насчет «пасхального» яйца Иштар? А как по поводу мифа о Гильгамеше — о Всемирном потопе? А нимбы святых, взятые

у солнечных богов со свечением вокруг голов? А двенадцать месяцев-апостолов? А Рождество — как гениально изложенная история о зимнем солнцестоянии? История, ни больше ни меньше, — о возрождении Солнца! Очнитесь же вы все, наконец!

Лизон. Откуда ты это все знаешь, дурачок?

Глебушка. Потому что книги читать надо! Не гламурные! И не на пиар вестись, а своей башкой думать!.. Да, если хочешь знать, Жидоморов, то склонность к вере связана всего-навсего с составом химических соединений в мозге. И это уже не первый год как доказано. А многие религии вообще на одних и тех же легендах построены. Остальное — это символизм, сюрреализм и постмодернизм. Это — форма. Это — кружки литературные! Мы с такой же легкостью кришнаитами могли оказаться. Просто по месту своего рождения. А вы всё кресты на себе рвете! Да от масштабов вашего религиозного мошенничества просто дух захватывает!

Отец Сергей *(вскакивает с места, грозит Глебушке посохом Деда Мороза и топает ногами).* Ересь! Ересь! Ересь! Грешник ты! Это бесы в тебе горланят! Покайся!

Глебушка. Не буду! Не буду я каяться вашей Матрице! *(Раскидывает руки в стороны; стоит в виде креста; высвечивается прожектором.)* Вы же погружаете всех в одну и ту же формулу: страх, контроль, наказание. Это что ж получается, что пигмей из африканского племени — он зря свою жизнь прожил? Что, алеут зря в снегах мерз? Да мы и православные только потому, что нас в детстве покрестили. Только поэтому. А некоторых так вообще уже в сознательном возрасте. После комсомола и партии. Таким же принудительно-пиарным методом. И не удивительно, что наш папик вначале партбилетом размахивал, а потом свечи принялся ставить. Всем своим партийным кагалом.

Отец Сергей. Прозрел он.

Глебушка. Папик? Прозрел? Я тебя умоляю. Он на мир вообще глазами бетономешалки смотрел. Это самый прожженный циник во все времена был. Он ни в Брежнева, ни в Иисуса не верил. Ему плевать на все эти коммунистическо-

христианские бредни было. Со всей своей неправославной колокольни. Он вообще один раз на Рождество, знаете, что брякнул? «Воистину воскрес!» Как вам? Нормально?! На Рождество! А умер, кстати говоря, немолодым человеком, и не в нищете, а богатой сволочью! И будут его черти на сковороде жарить или нет, никто этого не узнает... Его вообще — здесь зажарили! Вы хоть знаете, кстати, что вы с ним сотворили? Слабонервным просьба заткнуть уши! Так вот, слушайте, гламурщики и гламурияги! Вначале от высокой температуры лопаются глаза. Затем назад откидывается голова, православные руки, скрещенные на груди, раскидываются, ноги сгибаются, а верхняя часть туловища приподнимается. В глазных, ушных и носовых отверстиях, а также во рту бурлит и клокочет кровь. Швы черепной коробки расходятся. В это же время обозначаются кости конечностей и грудная клетка, а голова отделяется от туловища. Почти одновременно с горением костей разваливается череп и обнаруживается мозг, который полыхает зеленоватым пламенем. Экологично, эстетично, практично!

Лизон. Меня сейчас вырвет!

Глебушка. Не вырвет! Нюхни ацетона!.. Так что, если на то пошло, ад вы ему уже *здесь* устроили, пра-во-сла-вны-е вы мои! Кремацию с дефекацией!

Настенька. Папа жертвовал много. Ему зачтется.

Глебушка. Где? Где зачтется? В президентском фонде, в который он так альтруистично отстегивал?! На том свете? На каком? Где это «тот свет» находится? В какой книжке? Вы хоть знаете, что люди, пережившие клиническую смерть, по возвращении с того света все разное видели? Одни — Деву Марию, другие — Будду, третьи — Мухаммеда, четвертые — вообще кукиш с маслом. Потому что — Матрица. Все в башке! Как там у вас, Сергунь, «по вере вашей»? Вот это и есть основополагающее. Вера каждого отдельного человека. Вера в Бога, но Бога — в себе! В себя! И я никогда не поверю, что атеист хуже христианина! И если уж на то пошло, то именно ваша инквизиция миллионы трупов

по всем странам положила. Именно с именем Бога на устах. Сам подумай, вы же на шее крест носите. Орудие пыток! Да вы весь коммунизм-атеизм на годы вперед переплюнули! Потому что есть вера, а есть – кровавая пропаганда!

Отец Сергей. Нечестивые разговоры ведешь, нехристь! Сектантские! А инквизиция к православию не имеет отношения! Это – католики!

Глебушка. Ты еще скажи, это ошибки на производстве были! Сергунь, да что вы друг на друга кривыми перстами тычете? Православные на католиков, иудеи на мусульман, ортодоксы на сектантов, коммунисты на капиталистов, туземцы на гастарбайтеров. Все вы именами своих богов одни и те же дьяволиные делишки прикрываете!

Отец Сергей. Это какие?

Глебушка. Всех в свои Матрицы загнать. В свои салоны ритуальных услуг. Только у одних ритуал креститься, а у других – лоб зеленой мазать. Да вы же друг от друга ничем не отличаетесь! У вас же самый главный Храм на деньги воров восстановлен, гэбни бывшей и их прихлебателей! Папенька, кстати, тоже к его куполам приложился! Копытом своим! Покайтесь!

Отец Сергей. Повторяю, то, о чем изволишь речь – это дьявол в тебе беснуется! Отступник ты! А Храм на пожертвования народа восстановлен!

Глебушка. Папенька – народ? Может, Роман Андреевич – народ?! Да ты где, Жидоморов, у народа такие деньги видел? И он мне еще будет про дьявола рассказывать! О чем ты? Да вы же и есть самые настоящие бесы! Олигархи, попы, полпреды, губернаторы, бандиты. Вы же болезные все. Вы же одним и тем же вирусом по самую церковно-гэбэшную маковку заражены. Вас снова пора от государства отсоединять! У вас же и епитимьи, и индульгенции в одних и тех же руках! И какой бланк вытащить – это только от величины пожертвований зависит! У вас же все тайные обряды давно уже в зомбоящике проходят! При телекамерах и фотожабах, убирающих брюхо. Вы же не стесняетесь никого! Вначале креститесь, а потом этой же ру-

кой журналистов отстреливаете — над пропастью во лжи!.. И не Храм вы восстановили, а бассейн в террариум превратили! Потому что нет Солнца в вас! Но зато оно в каждом рисунке! (*Не поворачиваясь к картинам, показывает за спину — на «Грачей».*)

Мать. В нас, а не в вас.

Михаил. Кто отстреливает? Отец Сергей? Ты сколько выпил?

Глебушка. Не отец, так крестник его какой-нибудь на лексусе с козырными номерами. Это же все одна шарашкина контора. Одна рука вешает, другая — грехи отпускает! И нет никакого промысла Божьего, есть людские алчность, трусость и лицемерие! А история страны так вообще на трех черепахах держится — мумификация, эксгумация и кремация!

Сбегают по лестнице вниз, становится у стола, жадно пьют воду и валятся на свое место.

(Тихо; в сторону). А Бог есть. Есть. Не может не быть.

Партнер по бизнесу (*пугливо озираясь*). Вы, Глеб Вадимович, поосторожней со словами. Тридцать седьмой не так уж давно был...

Глебушка. Что, эхо репрессий в ушные мембраны отдает? Оглохнуть боитесь?

Партнер по бизнесу. Ничего я не боюсь. Опасаюсь. Мало ли...

Глебушка. Вы еще, чтоб в вашу лояльность поверили, слезу для правдоподобия смахните и промурлыкайте, что офицеров бывших...

Глебушка осекается и смотрит на вскочившую Настеньку, которая устремляется к отцу Сергию.

В этот момент Лёлек накладывает Болеку по карте на плечи.

Лёлек (*смакуя*). А вот те и погончики из шестерок-блондинок!

Болек (*недовольно*). Я рыженьких люблю. Блондинки — тупые.

Лёлек. Ты вообще в курсах, что все рыжие — это крашенные блондинки?

Болек. В натуре? (*Оценивающе смотрит на коллегу*) Вашу Машу, вот ведь — везде разводилово!

Лёлек (*подтрунивая над Болеком*). Of course. Ясен пень.

Настенька (*пока общаются охранники, она только размахивает кулачками, тяжело дышит и подбирает слова*). Вы, отец Сергей, — трус! Вам что, сказать ему нечего?! Я вами разочарована! Как же вы в своем приходе проповедуете? Почему не опонируете? А между тем, он вас просто провоцирует. Я сама видела, как он свечи ставит. И крест у него нательный есть! Да, да! И крестится Глебушка так же, как мы, и Богу молится, и даже «Отче Наш» наизусть знает! Я знаю, я видела!

Михаил. Да ну?

Настенька. Да! Только у него полная каша в голове. Вот он эту кашу на нас и выплескивает, а мы только и утираемся. У него же своего мнения нет, и никогда не было. Начитается разных книжек, а потом сам же и разобраться не может, где правда, а где ложь! С ним, если хотите, вообще разговаривать и спорить бессмысленно! Его нельзя воспринимать серьезно! Вы копните поглубже. Он же поверхностный весь. Все смешалось — Аменхотеп, коммунизм, кресты! Его вообще лечить надо. От всего — от пьянства, от поисков душевных, от него самого. У него же логика абсолютного шизофреника! Вы что, не видите?! А вы, отец Сергей, сидите тут и мямлите что-то нечленораздельное. Глебушка! Ты же просто бо-о-о-ольной! Ты же — неадеква-а-атный!

Глебушка вскакивает, подбегает к Настеньке и дает ей вялую пощечину.

Настенька (*плюет ему в лицо*). Я даже плакать не буду. Потому что ты — никто! Тебя нет! Ты — пузырь мыльный! А вы, отец Сергей... вы... вы — поп Гапон! Вот вы кто такой!

Отец Сергей (*качая головой*). Отроки, отроки...

Глебушка (*Настеньке; утираясь*). Наплой в колодец, пригодится — будет из чего напиться.

Улучив момент, Борис ловко отбирает пистолеты у Светика, в изумлении наблюдавшей за происходящим.

Борис (*злорадно*). А, сучка! Отвлеклась! Где завещание, дрянь?!

Мать (*кривя губы в ухмылке*). Я же говорила, милочка. По-нашему будет.

Светик (*спокойно и равнодушно*). Как знаете... Тогда вообще без всего останетесь. Вас же Вадим Альбертович наследства лишил. Так что прошу ко мне в гости, в Мытищи. Можете на кухне устроиться. Если поместитесь, конечно. (*Обращается к Партнеру по бизнесу*.) Положите мне, пожалуйста, во-о-он тот салатик. (*Передаёт ему свою тарелку*.) Вообще, вас послушаешь, отравиться хочется. Никаких денег не надо.

Настенька (*Светику*). Я не верю ни одному вашему слову!

Светик принимает тарелку и спокойно начинает есть. Борис трясёт пистолетом.

Борис. Куда ты его спрятала?

Светик (*жует*). Неважно.

Борис. Я тебе сейчас пулю в лоб всажу!

Светик. Сомневаюсь. Вам всем это крайне невыгодно.

Михаил. Не понимаю, а тебе какой с этого бульон? Ты тут вообще не пришей кобыле хвост.

Светик. Вы так думаете?

Мать. Что-то здесь не так. Слишком уж она уверенная. Борис, перестань маячить. Леонид! Забери у него оружие. Застрелится еще, не ровен час.

Борис. Э, не! Мне так спокойней!

Лёлек (*бросает игру и направляется к Борису*). Каролина

Карловна, он не отдает.

Мать. Кто охрана – ты или я? Отбери.

Борис наставляет пистолет на Лёлека.

Борис. Только попробуй.

Лёлек (*возвращается на место, кидает вполоборота*). Не, Каролина Карловна, сами забирайте. Он невменяемый. (*Продолжает играть с Болеком в карты.*)

Мать. Ладно. Бог с ним. Борис, да отверни ты от меня пистолеты!.. Светлана, слушаем вас...

Светик. А все очень просто. Мы прилетели и сразу поехали в контору к нотариусу. Меня оставили в машине. Потом они из конторы все вышли, о чем-то долго спорили. Миша ваш руками размахивал, конвертом тряс, матом крыл.

Глебушка (*подмигивая Матери*). Не было этого!

Светик. А потом все как-то вдруг успокоились. Перекурили. Зашли обратно в контору. Я их ждала-ждала, в общем, не выдержала и к ним пошла. Их, наверное, целый час не было. А они там за компьютером сидят, печатают что-то. Я даже толком увидеть ничего не успела, поскольку меня Юрий Владимирович попросил удалиться. Мол, тайна адвокатская. Но я же не дура. Поняла, что к чему. Потом они все вернулись. Радостные уже. Мы и поехали. По дороге все время где-то останавливались. То отцу Сергию, по его словам, за упокой уходящего года росы водочной испить надо было, то Мишу постоянно укачивало.

Глебушка. Блевали-с они, стало быть.

Михаил. Не было этого! Я подышать выходил!

Светик. Ну вот. А по дороге отец Сергей еще новогодние костюмы предложил купить. Что-то про Николая Угодника говорил. Я, честно говоря, не очень поняла, думала, он выпил просто. Вот и говорит глупости. Но все согласились, и мы заехали в магазин. Охранникам ничего не подошло, так они по дороге каких-то людей, раздающих листовки, ограбили. Я рассказывала, кажется.

Лёлек. Едрить твою! Они сами отдали!

Глебушка. Ага. Сами.

Светик. Ну мы опять поехали.

Борис. Что-то вы долго едете...

Светик. Потерпите немного, скоро уже приедем. Юрий Владимирович предложил в кабачок по пути заехать. Перекусить. Мы заехали. Выпили. Ну а я все время к Мише присматривалась. Вернее к карману его дубленки. Решила проверить свои догадки. Вытащила из кармана два, повторяю, два конверта, и пошла, извините, в туалет. Там все и выяснилось.

Глебушка. В клозете?

Светик. В конвертах. В одном вы все лишены наследства, а в другом – все поделено. И знаете, я бы еще согласилась, если б вы меня туда включили, соучастники же в некотором роде, ну так нет же...

Настенька. Не может быть! Папа не мог!

Светик. И тем не менее это абсолютная правда.

Настенька (*заглядывает остальным в глаза*). Это правда? Правда?

Остальные, участвовавшие в поездке на Ибицу, утвердительно кивают головами.

Настенька (*хватается за голову и начинает, как болванчик, раскачиваться из стороны в сторону, затем закрывает лицо руками, плачет*). Я его так любила! Так любила! Он же великий человек был, не чета вам всем! Всего сам добился. Своими руками. Дом, бизнес, почет!

Глебушка. Почет особенно. То-то его, кроме нас, никто хороших не пришел.

Настенька. Что ты понимаешь?! Он же с утра до вечера, как белка в колесе. Переговоры, разъезды. Все ради нас. Вечером придет, с ног валится. И где это все теперь? Где? С чем он нас оставил? Что же теперь делать?

Партнер по бизнесу. Что-то я вас, Настенька, не пойму. Вы кого жалеете, Вадика или наследство?

Настенька. Так какой смысл в этом был?! Я ведь как всегда думала, вот папа деньги зарабатывает, образования нам дает,

возможность реализоваться. И что, что в итоге?

Михаил. Ну, полагаю, мы уже более чем реализовались.

Настенька. А жить нам теперь на что?.. *(Пауза. Тихо. Зло.)*
Сволоочь...

Глебушка. Ты что-то сказала, или мне послышалось?

Настенька *(остервенело срываясь с места).* Да! Да! Сволоочь! Сволоочь он! Предал нас всех! Куда мы теперь? Куда я?! Он же нас лишил всего! Что я без денег в тридцать-то лет делать буду?! Кому я нужна такая?

Мать. О, дорогая моя, какая у тебя любовь, оказывается, была. Бескорыстная. Не ожидала от тебя, признаться.

Настенька ревет. Сквозь слезы слышится: «Сволоочь! Ненавижу!»

Глебушка *(задумчиво).* Правильно нас папик наследства лишил. Всех прозондировал. Подноготную каждого. Я б еще понял, если бы он Настурции на новые очки что-то подкинул или, скажем, библиотеку оставил, так на фига такой кровиночке вообще что-либо отдавать, если она свою любовь прямо пропорционально доле в наследстве выплескивала.

Настенька *(бросается на Глебушку).* Ты — дрянь! Мразь! Провокатор! *(Затем бежит к фотографии Папика, топает ногами, орет.)* Ненави-ижу! Ты нас предал всех! Ты такой же, как все! Предал! Предал!

Мать. Успокойте же ее кто-нибудь! У нее истерика!

Борис набирает в рот воду из бокала, брызжет Настеньке в лицо.

Михаил. Болек! Лёлек!

Охранники бросают карты и подбегают к Настеньке. Пытаются схватить за руки. Она вырывается, брыкается, орет. В какой-то момент им все-таки удается ее скрутить.

Мать (*брезгливо*). Уведите ее отсюда.

Охранники выволакивают **Настеньку** из гостиной. Она все еще продолжает сопротивляться, но уже не так интенсивно. В конце выкрикивает: «Рублевское отродье! Выродки! Чтобы вы сгорели все!»

Глебушка (*вслед Настеньке*). Прозрела, наконец. А то папенька, папенька.

Мать (*задумчиво*). Истеричка. Да, так что там с этим завещанием?.. Хоспадибожежмой!!! Как же я от всего этого устала! (*Борису*.) Налей-ка мне водки!!!

Борис наливает Матери водку. Она залпом ее выпивает и даже не морщится.

Лизон. Жесть! Давно я так не отрывалась!

Светик. Милая вы семейка, ничего не скажешь.

Мать (*переходя на «ты»*). Не тебе судить, из Мытищ своих.

Светик. Как сказать. Оттуда, может, даже видней.

Мать. Хватит философствовать. Ну вскрыла ты эти конверты. И что?

Светик. А то, что пока они многократно Старый год провожали, я успела у администратора копии сделать и на почту сбежать, которая напротив кабачка находилась.

Глебушка. Роман Андреевич, со свитой, по кабачкам... ну-ну...

Мать. И надо полагать, копии этих документов ты выслала самому Президенту эР-эф? Я угадала?

Светик. Не совсем.

Глебушка. Генпрокуратору? Понтию нашему Пилатовичу?

Светик. Не попали.

Глебушка. Может, тогда прѣмьеру – гаранту и защитнику свободного бизнеса?

Светик. Я что, похожа на дуру? Вы же их купите всех. Через него вот. (*Кивает на Адвоката.*)

Борис. А куда тогда? Куда?!

Светик. Не угадаете. Что бы вы на моем месте сделали? *(Пауза.)* В СМИ, конечно. И еще в ряд общественных организаций.

Все. Что?!

Светик. Именно. С сопроводительными письмами. В случае моей смерти прошу винить таких-то и таких-то. Нахожусь в трезвой памяти и здоровом уме. Паспортные данные. Адрес. Телефон. Ну как полагается в таких случаях.

Глебушка *(восторженно)*. Рисковая ты девка, однако! Нам же тебя в камине раз плюнуть спалить.

Светик. А мне, собственно, терять вообще нечего. А вот вам...

Лизон. О-фи-геть! И чё нам теперь делать?

Мать *(Михаилу; быстро)*. Она выходила? Почта была рядом?

Михаил. Вроде была какая-то. А вот выходила она или нет... Выходила, кажется. Да, точно.

Борис. И что, успела на почту сбегать? Вы сколько там Старый год провожали?

Адвокат. Часа два.

Отец Сергей. Три. Бог троицу любит.

Лизон. Кажется, мы попали.

Мать. Ну это слова все. А доказательства, милочка, доказательства?

Светик *(вытаскивает пачку квитанций с описями вложений)*. Этого достаточно, чтобы вы поверили?

Мать *(берет документы в руки, читает, хватается за сердце)*. Идиотка! Боже, какая идиотка! *(Документы выпадают у нее из рук, их быстро подбирает Борис.)*

Борис. «Первый канал», «Россия». Так, ну с этими мы быстро разберемся. «Эхо Москвы». «Правда», «Известия». С этими расплеваться тоже не проблема. Но чёрт! Здесь перечень еще тридцати организаций! Тут никакого наследства не хватит, чтоб разрулить.

Адвокат. Дайте мне. *(Берет бумаги в руки; через мгновение, озабоченно.)* Да уж... неприятный прецедент, может быть. О-оч-

чень неприятный.

Михаил. И как теперь?

Светик. Договариваться.

Мать. С кем? Ты с ума сошла? Кретинка! Как мы теперь с этим журналистским быдлом договоримся?

Светик. А вам не с ними договариваться надо, а со мной.

Мать. Ты-то каким здесь местом?

Светик. Тем самым. Самым что ни на есть женским. Вы же не дослушали. Перебиваете только все время да отношения выясняете. Поэтому дослушайте все-таки до конца. Оригинал настоящего завещания находится в надежном месте, где оно, вам знать не обязательно. В СМИ отправлены копии обоих завещаний с моими пояснениями. Оригинал вашего поддельного завещания я никуда не отсылала. Его я положила Михаилу обратно в карман. Объясняю логику. Если вы им воспользуетесь, то это сразу станет всем известно, поскольку копии с моими пояснениями разосланы. А за такие шалости вас могут просто посадить, что уже мне самой невыгодно, так как в этом городе мне нужны и люди с определенными связями, и в некотором роде обслуживающий персонал для наследника. А таких знакомых у меня нет. Скажу честно, вы, конечно, как знакомые, — дрянь, но как говорится, чем богаты. С другой стороны, вроде как и родственники Санечке будете. Словом, слишком много «но» для того чтобы просто так от вас избавиться. Да и пятно на Санечку ляжет, за чем нам это, правда же?

Мать. Я сейчас с ума сойду. Какому еще Санечке? Какие родственники? Светик, ты очумела? С каких это пор Мытищи с Рублевкой кровными связями соединились?

Светик. С момента зачатия, Каролина Карловна. Пять минут женского унижения, но зато годы на Рублевке.

Глебушка (*хлопая в ладони*). Эм-Гэ-У! Поступайте к нам на психологический!

Мать. Хочешь сказать, что ты и Вадик...

Светик. Ну, я полагаю, для вас это небольшой шок, правда же?

Мать (*в сторону фотографии Папика*). От же кобелина! От же! Я ему лучшие годы! Молодость свою!

Борис. Ой, ну брось, мама. Папа всегда гулял. Об этом только слепой не знал!

Глебушка. О покойнике или ничего, или самое худшее! Забрюхатели вы, сударыня, значит. Золотое брюшко.

Светик (*гордо*). Я – беременная. Он потому и выгнал меня с работы, когда я ему об этом сообщила. Как собаку на улицу выбросил.

Глебушка. М-да, забавный, гляжу, пасьянс у нас складывается. Рублевско-мытищинский. Правильно ли я понимаю, что, если мы все останемся без наследства, то как бы... (*Обращается к Адвокату*.) А, Юрасик?

Лизон. Бли-и-ин, чую не будет больше никакого Куршевеля.

Глебушка. О! Глупую голову посетила умная мысль.

Лизон. Сам дурак! Лузер! Хронический!

Адвокат. Подождите. Я, кажется, начинаю понимать всю схему. Поправьте меня, Светлана, если я не прав. Вы отправляете в СМИ копии одного завещания и копии другого завещания с соответствующими пояснениями. Оригинал настоящего завещания прячете. Таким образом, не даете нам, скажем так, воспользоваться вторым завещанием, в некотором роде... несколько как бы...

Светик. Да, да, поддельным, вы хотели сказать...

Адвокат. Ну я этого не говорил, это уже суд должен доказывать...

Светик. Не смешите меня, тут доказывать нечего... не говоря уже о том, что копии по всему городу раскиданы. Воспользуйтесь подделкой – начнутся проблемы, а договоритесь со мной – всегда можно сказать, мол, баба – дура, токсикоз у нее был. Не было никакого поддельного завещания. Да и думаю, что вы бы им и не воспользовались, раньше перестреляли бы друг друга.

Адвокат. Ну хорошо, предположим... Заметьте, я сказал – предположим...

Мать. Давайте уже без своей юридической галиматии и выкрутасов. Что дальше-то выходит? На ребенка-то, как я понимаю, никакого завещания нет. Да и вообще он незаконнорожденный. Какое это все отношение к делу имеет? Какая-то беременная га-старбайтерша с нерожденным байстрючком. Да еще и отцовство доказать надо. Может, вообще не Вадик отец, а какой-нибудь эстонец из Латвии.

Михаил. Из Эстонии, ма.

Мать. А, все едино. Я их путаю постоянно. Вильнюс, да?

Михаил. Ма! Вильнюс столица Литвы, ты что? Это же культурный центр Европы.

Мать (*с неподдельным удивлением*). Культурный центр? Надо же, я и не знала. Думала – Париж, Рим. Чёрт, они вообще как отсоединились, у меня в голове все их столицы перепутались. Было же нормально. Одна столица на всех.

Михаил. Вот и доигрались, что одна на всех.

Глебушка. Это ты, Карловна, в старой Матрице живешь. У тебя устаревшая модификация. Сейчас уже все перепрограммировали.

Мать. Сам ты в Матрице!

Партнер по бизнесу. Не отвлекайтесь, пожалуйста. Давайте по делу. Отцовство и вправду доказать еще надо.

Лизон (*задумчиво*). Кстати, Дэ-эН-Ка-то не возьмешь. Папу же мы кремировали. Как теперь докажешь?

Светик (*подозрительно*). Между прочим, а почему вы его в гробу не похоронили? Вы его не отравили случайно?

Все переглядываются. Пауза. Тишина.

Борис (*неожиданно*). Не докажете! Это последняя воля отца была.

Мать. Боря, что я слышу?!!

Глебушка. Ах вот оно даже как. А я думал, папик просто клаустрофобии боялся.

Борис. А что Боря, что Боря? Я просто так сказал. А Лизон

молодец! Не вяжется тут ничего!

Михаил (*Борису*). Просто так, просто так...

Мать. Так! Закрыли тему! А то вообще непонятно, что начнется. Но тут и правда явные нестыковки.

Адвокат (*чешет затылок, обращается ко всем*). Понимаете ли, нет тут нестыковок, поскольку по законодательству неважно, рожденный или не рожденный ребенок. Главное, чтоб он во время жизни наследодателя был зачат. И я, кстати, очень хорошо понимаю логику Светланы. Отсылкой документов в СМИ и ряд других организаций она перекрыла нам доступ к наследству, поскольку по завещанию мы все его лишены.

Мать. Мы, а не вы.

Адвокат. Ну да. Вы. То есть, если всплывет второе завещание, то тут я гарантий никаких дать не могу. Вы представляете, что вообще будет? Нас же на части разорвут. И, поверьте мне, ни один аппаратчик, судья или прокурор в это дело не вяжется. Открестятся от нас, как от шелудивых собак. Но, с другой стороны, нас спасает ее беременность, поскольку в законодательстве, в одной из статей ГэКа, значит, что несовершеннолетние дети наследодателя наследуют независимо от содержания завещания не менее половины доли, которая причиталась бы каждому из них при наследовании по закону. Понимаете? Независимо от содержания завещания. Вы это что, знали, Светлана? Откуда?

Светик. Проще некуда. Сериал когда-то смотрела. Там похожая ситуация была. Вот и вспомнила.

Михаил. Так ведь нет этого наследника еще, что он наследовать-то может?

Светик (*уверенно*). Будет! У нас в роду женщины крепкие.

Глебушка. Крематорские! И что главное — юридически подкованные!

Светик (*пожав плечами*). Каждый защищается, как умеет.

Мать. А как с Дз-эН-Ка быть?

Адвокат. В том-то и дело, что нам теперь всем очень выгодно, чтобы этот ребенок был рожден и признан ребенком именно Вадима Альбертовича. Я правильно понимаю вашу логику, Свет-

лана? Вы же их (*показывает круговым движением руки на пользователей особняка*) без помощи не оставите? Они же родственниками наследнику будут.

Светик. Ну наконец-то!

Мать. Можно как-нибудь поточнее?

Адвокат (*продолжая*). Дело в том, что нам этот ребенок крайне выгоден. Мы теперь Светлану на руках должны носить, поскольку ситуацией можно очень удачно воспользоваться. Ну а соответствующие документы, я думаю, не составит особого труда привести в порядок. За определенный процент, естественно, от половины обязательной доли в наследстве.

Глебушка. Ай молодца, Юрасик!

Адвокат. Ну я в некотором роде не альтруист все-таки. У меня семья, дети.

Мать. Ну это мы уже поняли, что безвозмездно только статья в уголовном кодексе бывает. Другими словами, получается, что если нет Светика с животиком, то мы все теряем. А если есть, то она становится обладательницей половины обязательной доли в наследстве. То есть ребенок, конечно, наследником становится, но она как мать... Хорошо, а мы что, на улицу?

Борис. Что в лоб, что по лбу!

Светик. Вовсе нет. Вы здесь останетесь. Я же сразу сказала. Мне нужна ваша помощь будет. Связи, выход в свет. Охрана, в конце концов, уборка по дому, присмотр за малышом или малышкой, смотря кто родится, конечно. Я потому Сашенькой и назвала, что пол пока неизвестен.

Борис. То есть попользоваться нами хочешь? Я тебя замочу сейчас!

Светик (*спокойно*). Убьете меня — останетесь без наследства. Да еще и с убийством беременной женщины.

Адвокат. Строго говоря, с отягчающими обстоятельствами.

Светик. Вот именно. Ну а не согласитесь на мои условия — снова будете ни с чем. Поскольку то, что вас всех лишили наследства, в любом случае всплывет. А так я вам всем предлагаю вполне конкретную сделку. Мы приводим в законный вид доку-

менты по признанию отцовства, Сашенька наследует половину обязательной доли, ну а вы, если будете себя хорошо вести, останетесь жить в особняке. Я вам даже деньги на карманные расходы выделять буду. Ну а вы за это ко мне с огромным уважением относиться будете. Не так, как сейчас – сверху вниз. Или у вас есть какой-то другой выбор?

Глебушка. С уважением, да в услужение. В гастарбайтеры, короче, предлагаешь идти. Снизу вверх.

Светик. Ну, иногда бывает очень полезно градус зрения поменять.

Михаил. Я же говорил, что ее надо было тоже в наследство включать! А Роман Андреевич уперся. «Не надо, не надо!» Твою ма! Вот всех кинуть хочет и свой кусок побольше урвать! Теперь вообще все с носом остались! Кретин! Сам-то при бизнесе, как всегда, остался!

Партнер по бизнесу. Я к этому делу не имею никакого отношения! Это была идея Юрия Владимировича, это он настоял ее не включать!

Мать (Адвокату). Иуда!

Адвокат. Это инсинуации. Я отстаивал честь вашей семьи!

Мать. Долю ты свою в липе отстаивал, а не честь!

Лизон. Стоп. Не ругайтесь. Я что-то не врубаюсь. А куда остальные бабки денутся? Ну, хорошо, байстрючонок наследует свою часть, а остальные-то куда?

Адвокат (поправляя очки). Исходя из практики, надо полагать, государству.

Пауза. Все переглядываются.

Глебушка. Понятно. Грачи как всегда расклюют. А кое-кто на этом еще и процентики поимеет. Да, Юрасик?.. Так всегда, только к трапезе приступишь, а тут люди в погонах. Не разевай, говорят, рот. Только ты губоньки свои распахнешь, а каравай-то уже и уплыл вслед за погонями. Зубами щелк по краю тарелки – и молчишь в умилении. Голодный, но живой.

Михаил. Государству, значит. Следовало ожидать. Сколько у него не воров, оно все равно в прибыли... А остаток хоть большой выгорит?

Адвокат. Ну, с учетом коллекции картин и прочих вложений. Думаю, не маленький. До конца жизни всем должно хватит. Да, кстати, *(обращается к Партнеру по бизнесу)* у меня большое подозрение, что у вас в холдинге теперь более чем существенная доля, принадлежащая государству, окажется.

Партнер по бизнесу *(быстро, по-деловому)*. Понял. Активы успеем вывести?

Адвокат. Надо попробовать. Ну вы в курсе, мои классические десять процентов.

Партнер по бизнесу. Естественно.

Адвокат. Вообще я бы вам советовал из страны уехать. Хотя бы на время. Пока это все не рассосется.

Партнер по бизнесу. Да дел пока невпроворот. Вот разгребуть немного, а там посмотрим. *(С усмешкой.)* Хотя сомневаюсь, что здесь *когда-нибудь* и *что-нибудь* рассосется... Кстати, мне тут идея в голову пришла, а что, если Вадика попробовать невменяемым признать? Тогда ведь завещание недействительным будет. Разве не так?

Адвокат. Нет, Роман Андреевич. Кое-кому это очень и очень может не понравиться. А я, извините, против них не пойду. *(Показывает пальцем вверх.)*

Лизон. Полный абзац какой-то! Они крэйзанылись тут все.

Глебушка *(поправляет ее с невеселой ухмылкой)*. Скорее уж – полный бизнес.

Борис. Все! Я больше не могу. У меня сейчас голова взорвется от этой чертовщины! Доли! Мытищи! Юристы! Байстрюки! Все! Хватит!

Борис решительно направляется к круглому столику, с размаху плюхается в кожаное кресло. Рядом с собой кладет пистолеты. Из кармана вытаскивает пакетик с порошком. Высыпает на столешницу. Подхватывает игральную карту из колоды, раз-

бросанной охранниками, и делает две аккуратные полоски.

Мать. Ты что делаешь, Боря?!!

Борис. Это лекарства, мама. Ле-кар-ства! От насморка!

Борис вытаскивает стодолларовую купюру, сворачивает в трубочку, одну за другой втягивает полоски в ноздри и запрокидывает голову.

Отец Сергей. Не Божье это дело. Припекут.

Глебушка. Полегчало? *(Усмехается.)* Новый год на носу...

Борис *(пальцем втирает остаток порошка в верхнюю десну).*
Ничего, ничего... Хоть в последний раз оторвусь!

Вдруг резко вскакивает и начинает палить из пистолетов в воздух, кричит: «Что нам делать?! Что делать?!» Расстреливает все патроны, падает в кресло и методично нажимает на спусковой крючок. Раздаются холостые щелчки.

Тишина.

Светик. Ну так как, будем договариваться?

Михаил. Ни за что!

Лизон. Ща, разбежались!

Глебушка. Бежим и падаем!

Адвокат. Ситуация все-таки неординарная. Тут надо хорошо подумать.

Мать *(Адвокату).* Ни слова больше, Юрий Владимирович. Вы уволены.

Адвокат. Как скажете, Каролина Карловна. Однако я бы на вашем месте еще раз взвесил все про и контра. *(Обращается к Светику.)* Простите, вас как по отчеству?

Светик. Николаевна.

Адвокат. Извините, не успел представиться. Юрий Владимирович Тихонький. Адвокат. Вот моя визитка. Если понадобится грамотная юридическая консультация, непременно обращай-

тес. В любое время суток.

Мать. Иуда в квадрате!

Борис вскакивает и бежит к картинам. Одну за другой срывает их со стен. Затем взбегает на второй этаж. Снимает картины там. Сносит вниз.

В свою очередь отец Сергей под шумок утягивает «фамильное» серебро.

Мать (Борису). Ты что делаешь? Повесь на место! Немедленно!

Борис. Хрена лысого, мама! Я делиться ни с кем не буду! (Бежит, орет, бездумно таскает картины туда-сюда.) Да как вы не понимаете, она же теперь нас всех за волосы в носу держит!

Адвокат (Борису). Я бы вам, Борис Владимович, не советовал этого делать. Верно, Светлана Николаевна? Я, с вашего позволения, подготовлю соответствующее соглашение на оказание правовой помощи и представление ваших интересов в судах и правоохранительных органах? Сегодняшним числом, если позволите.

Светик. Конечно, Юрий Владимирович. Готовьте.

Лизон (об Адвокате). Кра-ас-савчик!

Михаил. По-моему, это — конец...

Мать (Борису). В доме копии, дурачок. (Тот удивленно застывает с одной из картин в руках.)

Глебушка (с усмешкой). Блаженны прыгающие, ибо они допрыгаются.

В гостиную входят Настенька с охранниками.

Настенька. Я все слышала. (Пауза.) Я согласна. Выхода нет. А замуж меня нищую никто не возьмет.

Болек и Лёлек. No comments. Мы — за.

Мать (со всей силы хлопает пятерней в бриллиантовых кольцах по столу, отчего падают фужеры). Только через мой труп!

Глебушка. Не, Карловна, я больше в крематорий не поеду...

Борис, нелепо расставив ноги и вытянув вперед руки, стоит с картиной. Это «Лицо – жопа». Все смотрят на Бориса, затем поднимают головы вверх и упираются взглядами в высвечивающийся прожектором «Грачей».

Занавес.

СЦЕНА ПЯТАЯ КРЕМАТОРИЙ

Авансцена.

Крематорий. Венки. Гроб. Звучит траурная музыка. На улице идет дождь.

К гробу выходят провожающие в последний путь тело усопшего.

*В руках у них раскрытые зонты. У **охранников** – в бело-синекрасные полоски. У **Лизон** – розовый с кошечкой. У **Адвоката** – черный зонт-трость. У **Матери** – цветастый, потертый и со сломанной спицей. У **отца Сергия** – в виде золотого купола. Без зонта только **Глебушка** – на нем глупый дождевик с капюшоном.*

***Партнер по бизнесу** держит в одной руке клетчатый зонт, а в другой – волынку. Он облачен в килт, вязаные белые гольфы и бонет – берет с лентами и орлиными перьями, символизирующими заслуги перед чужой страной. С пояса у него свисает упругий туго набитый спорран – кожаная сумка-кошелек, отделанная мехом. К ноге, к гольфу, прикреплен нож для защиты от Отечества – скин ду.*

Вошедшие обступают домовину, какое-то время стоят с раскрытыми куполами, затем закрывают зонты и стряхивают с них капли. С триколорным грибом остается только Болек. Им он прикрывает Светика. Оба охранника одеты в строгие смокинги с бабочками.

Никто не плачет. Все прощаются с Исааком Иосифовичем.

Борис. И как его угораздило?

Адвокат (*опираясь на трость*). Монако не все выдерживают. От сердечного приступа. Говорят, в казино поиздержался... А вот вам, Борис Вадимович, крупно повезло со Светланой Николаевной. (*Преданно поглядывает в сторону Светика.*) Могли вообще на вокзал жить переехать. Золотая женщина. Большая редкость в наше время. Другая бы вас...

Борис (*перебывая*). Да знаю я, знаю. (*Опускает поднятый воротник пиджака. Недовольно.*) Не мог даже время смерти нормально подгадать. Все с *вашим* Исааком через одно место было!

Адвокат. Все равно жаль. Где теперь найдешь такого?

Партнер по бизнесу. Да. Деловой человек был. Нужный. А что, родственников нет?

Глебушка. У нотариусов их не бывает. Нотариусы своих родственников в зародыше ничтожат, чтоб они рты на наследство не разевали... Да и поиздержалась наша лягушка-путешественница, надо полагать, крепко.

Лёлек (*кивая на Глебушку*). Уводить, Светлана Николаевна?

Светик. Успеете, Леонид.

Адвокат (*задумчиво*). Это еще хорошо, что Вадим Альбертович щепетильно к подобного рода вопросам подходил и на себя все оформлял, а не на третьих лиц. Так бы вообще все нищими оказались.

Партнер по бизнесу (*тоже задумчиво*). Неизвестно, что лучше.

Светик. А вы надолго, Роман Андреевич, в те края собрались?

Партнер по бизнесу. Как получится, Светлана Николаевна. Устал я что-то от всего этого. А там национальный колорит. Луга. Замки. Может, подыщу себе что-нибудь. (*Прихватывает губами хобот волынки.*)

Глебушка (*в сторону*). Делиться вовремя надо. Конспиратор.

Светик (*Партнеру по бизнесу*). Мы с удовольствием к вам присоединимся. Тем более что Сашеньке свежий воздух нужен. (*Ко всем.*) Правда же?

Все. Безусловно!

Светик. Ну и отлично. Мам, а вы зайца-то нашего покормили? С ним все в порядке?

Мать. Не беспокойтесь, Светлана Николаевна. Если что, за ним Миша присмотрит. Я ему объяснила.

Отец Сергей. Надо бы покрестить. Большой уже малец.

Светик. Успеется, Сережа.

Отец Сергей. Как скажете, матушка. *(Передает свой зонт Лёле, возится с кадиллом. Неожиданно.)* Чёрт, промок весь! Не раскурить.

Глебушка. Светлана Николаевна, а можно я сегодня задержусь? У меня еще дневные лекции в университете. Боюсь, не успею.

Светик. Конечно, Глеб Вадимович. Только не забудьте по дороге домой в прачечную заскочить, белье забрать.

Глебушка. Светлана Николаевна, но это же Настеньки обязанность.

Светик *(жестко)*. Глеб Вадимович, вы, кажется, забываетесь, кто здесь главный. Вам сложно?

Глебушка. Ну, не сложно. Просто я вчера газон подстригал. Как-то оно все в одни ворота получается. А Борис с Лизой вообще ничего не делают.

Светик. Глеб! Перестаньте артачиться. Борис сейчас на амбулаторном лечении. Вы же знаете. Ему нельзя волноваться. А Елизавета Вадимовна в следующем году в Оксфорд поступает. Да что я вам, в самом деле, очевидные вещи говорю.

Глебушка *(обиженно)*. Газоны как раз успокаивают, между прочим... А с Оксфордом, так она дура непроходимая, я с ней уже месяц маюсь. Не поступит она. Она же английского не знает. Лучше уж Болека пристроить. У него хоть потенциал есть.

Светик. А я говорю, поступит! Ручаюсь! И не будем больше об этом! Вы даже из поминок фарс можете устроить! Что у вас за язык, как помело?!

Болек. Уводить?

Светик. Оставьте, Бенедикт. И закройте зонт, наконец. Мы в помещении.

Болек (*закрывает триколор*). Sorry, забылся.

Светик. Кстати, Глеб Вадимович. А Глеб Вадимович? От вас опять запах или мне кажется? Ну-ка дыхните.

Глебушка (*втягивая в себя воздух*). Что вы, Светлана Николаевна, ни капли. Я же обещал. Уж какой месяц. Это просто дождевые капли с формалином перемешались... В смысле, с выхлопами города.

Светик. Смотрите мне. Оштрафую.

Отец Сергей (*откашливаясь*). Кх-кх... Вы позволите, Светлана Николаевна? Пора начинать.

Светик. Приступайте, Сережа. Правда, мне кажется, он не православный был. Да и с кремацией я как-то не уверена. Но, думаю, ему уже все равно. (*Обращается ко всем.*) Ну что ж, склоним головы...

Глебушка. Архаровцы.

Светик кидает беглый взгляд на Глебушку и неодобрительно качает головой. Тот усмехается и закрывает рот на невидимый замок.

Присутствующие опускают головы в трауре.

Отец Сергей (*помахивая сырым кадиллом, из которого ничего не вьется*). Помяни, Господи Боже наш, в вере и надежди живота вечного преставльшагося раба Твоего, брата нашего Исаака, яко Благ и Человеколюбец, отпускай грехи и потребляя неправды, ослаби, остави и прости вся вольная его согрешения и невольная...

Медленно гаснет свет. Раздается плач маленького ребенка.

Голос Михаила в темноте:

«Что ж ты орешь все время? Байстрючонок!»

Звучит волынка.

Москва, декабрь 2008 – июнь 2009.

РУССКИЙ ХЭЛЛОУИН

Роман-перформанс в 2-х действиях

*Вот дом,
Который построил Джек.
С. Маршак*

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Олигархический тандем:

Роман Андреевич — демон к шестидесяти.

Леон — короткий анчутка¹ к тридцати.

Бенедикт — длинный анчутка к тридцати.

Семья Кряжистых:

Каролина Карловна — ведьма за шестьдесят.

Михаил — бес за сорок.

Борис — полубес к сорока.

Глебушка — чёрт за тридцать.

Настенька — ведьмочка за тридцать.

Лизон — ведьмочка за двадцать.

Прочий сброд:

Отец Сергей — экзорцист на доверии. Без возраста.

Юрий Владимирович — адвокат дьявола. С возрастом.

Светлана Николаевна — дьяволица за тридцать.

А также:

Шотландская и русская массовки.

¹ *Анчутка (устар.)* — мелкий бес, чертёнок.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ¹ ТРИК & ТРАК²

Теги³: #«Юбочники» и «портчонники», #Хэллоун, #«Черный квадрат», #«Красный квадрат», #«Johnnie Walker», #«Red Label», #«Black Label», #Swarovski, #«Некрополь Москвы», #Формат 3D, #Джек.

КАРТИНА ПЕРВАЯ КАРАНДАШНЫЙ НАБРОСОК

Шотландия. Предместье Эдинбурга. Время по Гринвичу. Замок Романа Андреевича – олигарха-беженца.

*В просторной зале у стены возвышается камин в человеческий рост. Над камином парит постмодернистский герб с перекрещенными алой и белой розами. По бокам камина, под бронзовыми бра, две картины: «Черный» и «Красный» квадраты Малевича. За ними скрываются вмурованные в стену сейфы. В камине на вертеле крутится баран. Около барана вертится **слуга** в ливрее. Он же – кухарка, прачка, охранник и мажордом.*

По центру залы располагается гостиный стол со стульями

¹ Роман-перформанс «Русский Хэллоун» является сиквелом пьесы «Салон ритуальных услуг». Тем не менее данный текст самостоятелен и не требует детального ознакомления с его предшественником (-цей).

² Верное написание *trick or treat / trick or track* (англ.) – варианты вольных переводов: «получим или проучим», «сладости или гадости», «кошелек или жизнь» и т. п. Одна из традиций Хэллоуина с хождением по домам и выпрашиванием угощений. (Прим. авт.)

³ Теги (англ. tags) – ключевые слова.

викторианской эпохи. В левом углу прикорнули граммофон, стойка с виниловыми пластинками и хьюмидор красного дерева. На черно-оранжевых стенах висят картины с обнаженными девами, коллекция оружия и боксерские перчатки. На потолке лежат пухлые херувимы с дудками и невероятных размеров люстра с рожками и подвесками.

Вокруг в беспорядке разбросана антикварная мебель: оттоманки на кривых ногах и торшеры на стройных; кокетливые козетки и хрупкие ломберные столики; мощные кресла зеленого бархата и сытые пуфы в порочном атласе; уверенные шкафы и комоды; неуверенные серванты и секретеры.

Всё загромождено табакерками, пепельницами, статуэтками, вазонами, блюдами и прочим дорогим хламом. Иными словами: привычный русский бардак в непривычной европейской среде.

В правом углу залы на передвижной платформе возвышается трон, в металлический каркас которого встроены бутылки. Подлокотники имеют нежную округлую форму, они ирландского и шотландского происхождения – из пивной стеклотары «Guinness'a» и «Armageddon'a»¹. Седалище же выполнено из англоязычных скотчей, виски и бурбонов прямоугольной формы. Наравне с элитными, вопиюще дорогими емкостями, присутствуют вполне бюджетные «Johnnie Walker» – «Red» и «Black Label».

Спинку трона венчает коллекционный кельтский танкард² на две пинты, с откидной крышкой. Бок кружки украшает древняя геральдика – дракон, попирающий лапой поверженного всадника. Рядом с воякой валяется бездыханный конь и сломанное копьё.

В изножье трона стелется шкура бурого медведя. Из разверстой пасти хищника торчит потухшая сигара, под нижней че-

¹ «Armageddon» – самое крепкое пиво в мире шотландской компании Brewmeister. Содержит 65% алкоголя. Крепче виски и бренди и в 16 раз крепче обычного пива.

² Танкард (англ. tankard) – пивная кружка.

люстью притулились влажная от виски мельхиоровая пепельница и серебряный квейк¹ с окурками.

На троне восседает завернувшийся в шотландский плед **Роман Андреевич**. На мизинце его левой руки сверкает перстень; на подбородке – шотландка-переросток с разноцветными плетеными косичками; волосы на голове стянуты в хвост и перехвачены трикольной – под цвет флага покинутой отчизны – лентой; на шее болтается шотландский шнурок с двумя мохнатыми ало-белыми цветами, напоминающими «затычки» -наушники.

Олигарх облачен в несвежую сорочку, мятый жакет «Принц Чарли», с растянутым под ним жилетом, и килт, украшенный цепочкой белого золота. С цепочки свисает отороченный каракулем кожаный спорран². Ноги олигарха покрыты полосатыми бело-сине-красными гольфами с глупыми бумбонами. Гольфы слегка приспущены, бумбоны лениво покачиваются из стороны в сторону. Роман Андреевич задумчиво дудит в волынку. Взгляд его печален и опустошен.

Леон (протыкая шпажкой тушу барана). Роман Андреич, ну хватит уже. Ушам больно.

Роман Андреевич. А?

Леон. Выключите звук, пожалуйста. У меня голова раскалывается.

Роман Андреевич. А у меня сердце. Ты посмотри, что со страной творится. Средневековье! Мужики в юбках права ка-

¹ *Квейк* (англ. quaich) – специальная шотландская чашечка для виски с двумя ручками. Внешне напоминает пепельницу.

² *Спорран* (англ. sporran) – поясная сумка-кошель, чаще всего кожаная, носимая на поясе, на ремне килта или на отдельном узком ремешке или цепочке. Исторически используется для хранения мелких вещей или в качестве кошелька, поскольку у килта отсутствуют карманы.

чать начали! *(Пауза.)* Народ против кого, против королевы попер! Ты читал, что на Трафальгара творится? Нет, ты читал это? Полицейские якобы забили до смерти мирного шотландца, который, задрав юбку, показал премьеру пятую точку. Ты в это веришь?

Леон. Нет, конечно. Британия — демократическая страна.

Роман Андреевич. Вот, и я о том же. Не мог он жопу показать.

Леон. Жопу мог. Забить до смерти не могли. Это вам не Россия.

Роман Андреевич. Ой, да ладно тебе, в самом деле. *(Всаживает струю воздуха в волюнку.)*

Леон. Роман Андреич, я ща на колени хлопнусь. Пожалуйста. Не волыньте.

Роман Андреевич *(перестает играть).* Ладно, ладно. Вообще, Лёнчик, в Москве, помнится, тебе этот колорит нравился. Юбочный. Когда ты еще у Вадика, царство ему небесное, и Каролины Карловны работал. Забыл, что вы на Рублевке с Бенею вытворяли? Напрялят юбки и давай в волюнку дудеть. Тоже мне охрана. Цирк! Вас же в приличном обществе показать нельзя было.

Леон. Так то в Москве. Мы с Бенею прикалывались просто, под шотландцев косили. Круто же было! А тут туман, дожди, сучка. А вы еще на волюнке этой. Удавиться хочется.

Роман Андреевич. Вот. Доприкалывались. Ты хоть понимаешь, что революция на носу? Сейчас эти «юбочники» королеву ухлопают, и пиши пропало всей демократии. *(Неумело пытается воспроизвести на волюнке «The Queen is Dead» британской рок-группы «The Smiths».)*

Леон. Монархии, вы хотели сказать. *(Складывает ладони домиком.)* Я прошу вас!

Роман Андреевич *(задумчиво).* Хорошая монархия демократию не отменяет. *(Снова дудит.)*

Леон. Роман Андреич, у вас бодун? Что это вас в политику понесло? Какая тут революция может быть, в такой сырости?

Роман Андреевич (*не дудит*). Ну, нам же морозы когда-то не помешали. Или ты, может, в Москве хотел бы остаться? Могу устроить.

Леон. Да ну, ни фига. После того, как Светка у Каролины Карловны всё наследство оттяпала. Ну ее в Болотную, Москву эту. Ни одного честного человека. Одни гастарбайтеры.

Роман Андреевич. А сам-то кто?

Леон. Я – честный гастарбайтер.

Роман Андреевич. Честных гастарбайтеров, Лёнчик, не бывает. Скажи спасибо, что я вас с Бенею с собой забрал, сейчас бы горбатились где-нибудь у Светланы Николаевны... Что ж так башка-то трещит?

Леон. А чё вы так квасили вчера? Весь замок вверх дном. И хватит вам телик перед сном смотреть. Нормально всё у Трафальгара – разогнали их утром. Я наши каналы по спутнику смотрел.

Роман Андреевич. Да нет, я не из-за волнений. Всё равно они рано или поздно отсоединятся. Это и шотландскому ежу понятно. Депрессия у меня, Лёнь. Понимаешь? Де-пре-сси-я.

Леон. С чего бы это? Вы что... из-за целостности?

Роман Андреевич. Это ты на российском Тэ-Вэ таких слов нахватался?

Леон. А хоть бы и на нем.

Роман Андреевич. Смотри Discovery, здоровее будешь. Депрессия у меня по другому поводу. Со-о-о-всем по другому. (*Пауза.*) Из-за Гамильтона.

Леон (*крутит тушу барана на вертеле*). Вам-то не по фигу на него?

Роман Андреевич. Значит, не по фигу. Вот же черти! В Москве грабят, здесь грабят. Никуда от них не деться. Как думаешь, Лёнчик, кто его на картины развел, а?

Леон. А хрен его знает. Вас это колышет? (*Колет барана шпажкой.*)

Роман Андреевич. Угу. Колышет, еще как колышет... Он ведь мне недавно изящный набор подарил. Перстень, спорран, таб-

летницу. Шнурок вот шотландский. И знаешь что сказал? «Пусть, — говорит, — берегут тебя эти амулеты. Алый цветок — это могущество. А белый — защита Богородицы. А без защиты, Ромео, нет и могущества. Когда-нибудь тебе эти предметы обязательно пригодятся». *(Теребит цветы на шнурке.)* Ромео, хм... *(Усмехается.)* Приятно, конечно, хотя я из этого возраста лет сорок как вышел. Добрый сказочник этот Гамильтон, что тут скажешь. А самого, видишь, Богородица не уберегла... Но я, Лён, добра не забываю. Как и зла, впрочем. Надо будет во всем этом разобраться, конечно... *(Мычит волюнкой.)*

Леон *(хлопается на колени)*. Ну, Роман Андреич! Умоляю! Перепонки лопаются. Сколько можно!

Роман Андреевич *(искренне)*. А что такое?

Леон. Что, что?! Вчера весь день бухали, мешали много. Шотландский ёрш пили. Виски, пиво, квас. Потом морс меня заставили делать, кисель варить. Всю мебель под утро перевернули... Сегодня... Я уже не могу это терпеть просто!

Роман Андреевич *(удивленно)*. Моя мебель, между прочим. Хочу переверачиваю, хочу на место ставлю. Ты чего это такой нервный? Из-за российского Тэ-Вэ на меня обиделся? И встань с колен. В этой стране крепостного права нет.

Леон *(поднимается)*. Да при чем здесь Тэ-Вэ? Вы со шкурой медведя вчера разговаривали, на брудершафт с ней пили. С портфелем, как угорелый, носились. Документы всю ночь с места на место перекладывали. Несли вообще чёрт-те чё... А сегодня в волюнку с утра пораньше дудите. Тут любой с вами с ума сойдет. А вы говорите — нервный!

Роман Андреевич *(с любопытством)*. Да ну? И что же я нёс? Не кричи, и так голова раскалывается.

Леон *(успокаиваясь)*. Типа вы всех из-под земли достанете.

Роман Андреевич. Так и достану. Ты меня, Лёнчик, знаешь.

Леон. Да хрена лысого вам этот Гамильтон вообще сдался?

Роман Андреевич. Не он, Лёнчик, не он... И вообще, ты прав. Ску-учно-о-о... запредельно скучно... *(Примеривается губами к мундштуку волюнки.)*

Леон. Ну, Роман Андреич, пожалуйста. Прекратите.

Роман Андреевич. Ладно, успокойся. Слушай. Может, по новой нажраться? А, Лёнчик? Как думаешь?

Леон. Five o'clock'a еще нет, чтоб бухать. И, это... Роман Андреич, не называйте меня так. В Европе я – Леон. Мы же договаривались.

Роман Андреевич *(хмыкая)*. Ассимилировал, гастарбайтер? И вообще, к твоему сведению, Леон больше для Франции подходит... Кстати, а сколько сейчас? *(Вертит головой из стороны в сторону, ищет часы.)*

Леон. Рано пить еще.

Роман Андреевич. Нет, я нажрусь всё-таки.

Леон *(пожимая плечами)*. Вот я не понимаю, оно вам надо? Уехать из эР-эф в Шотландию и спиться?

Роман Андреевич. А потому что ску-уч-чно-о-о... *(Наконец откидывает плед и встает; оправляет жакет, застегивает жилет на все пуговицы.)* Смог, сплин, сплюнь. Тьфу! Грабежи эти пошли. *(Хрустит суставами, бродит взад-вперед по зале, возвращается к трону, интересуется содержимым танкарда, задумчиво хлопает откидной крышкой, бормочет под нос.)* М-да, алкоголизм бывает мажорный и форс-мажорный... *(Пауза.)* Ведь это же не первый увод картин за год. И главное. Ощущение, что мне схема знакома. И заметь, никого не поймали. Даже подозреваемых нет.

Леон *(отворачиваясь спиной)*. В Москве тоже весело было. Тоже не ловили никого. И забейте вы на картины, Роман Андреич.

Роман Андреевич. Не забью... А в Москве, Лён, и правда жизнь была, движуха, разборы полетов. Рыла родные опять же. А тут что? Выйдешь на улицу – сплошные джентльмены. Соплей перешибить можно. А теперь еще и «юбочники» права качать стали.

Леон. Вы давно в зеркало смотрелись?

Роман Андреевич. Я не по одежде имел в виду, а по ментальности.

Леон. По чему?

Роман Андреевич. По менталитету. Если в двух словах, Леончик, то мир делится на две категории — «юбочники» и «порточники». Одни правду оголяют, другие скрывают. А правда, между прочим, у всех одна. Та, что между ног. Особо тут хвастаться нечем.

Леон. Демагогия какая-то. С этим... пафосом.

Роман Андреевич (*усмехаясь*). Узнаю, Леончик, ярлыки 1-ого канала.

Леон. Леончиком тоже не надо... И что-то я не помню, чтоб вы в Москве особо в движухах участвовали. Чуть ОБЭП заявится — вы сразу на самолет. Извините, конечно.

Роман Андреевич. Согласен, надо было ввязываться. Эх, сколько я в Москве из-за этого потерял. Знал бы, из драк не вылазил.

Леон. Так мы вроде и так из них не вылазили. Ну... это... Вы-то, конечно, образно.

Роман Андреевич. А я вот не образно хочу. Хочу по-настоящему, по-русски. Так, чтоб харя в кровищу. Так мне тошно сейчас. После всего... (*Пауза.*) Знаешь, чтоб нос сломанный и почки отбитые. Чтоб души перелом! Открытый!

Леон. Ну, это я могу, конечно, устроить. Но вы ж меня закатаете потом.

Роман Андреевич. Не закатаю. Слово даю.

Леон. Олигарха слово?

Роман Андреевич. Его.

Леон. Не подпишусь тогда. Болека вон просите. Беню, в смысле.

Роман Андреевич. Кстати. Точно! Как я сразу не догадался? (*Противным голосом.*) Бе-ня-я-я-я!

Входит садовник, шофер и чистильщик бассейна — Бенедикт. На нем прорезиненный фартук с нагрудным карманом. В одной руке огромные садовничьи ножницы. В другой — букет из алых и белых роз из зимнего сада.

Бенедикт. Hello, Роман Андреич! How are you?

Роман Андреевич. Fine. Слушай, Бень, дело есть. Отметель меня, пожалуйста. Хандра у меня.

Бенедикт. Вы ж меня закатаете потом.

Роман Андреевич. Вы сговорились, что ли?

Бенедикт. А я чё, подписывался, чтоб меня в Лондоне хоронили?

Роман Андреевич. Да никто тебя не собирается в Лондоне хоронить. Тем более что до него отсюда пилить и пилить.

Бенедикт. А где тогда? На природе? Или, может, в зимнем саду? Букет я уже нарезал. *(Ставит цветы в вазу.)*

Роман Андреевич. Ты что, Бень, не понял? Я тебе сделку предлагаю.

Бенедикт. Contract, в смысле?

Роман Андреевич. Вроде того.

Бенедикт. Ну а conditions'ы какие? *(Кладет ножницы на стол.)*

Роман Андреевич. Ну, какие-какие. Поспаррингуемся просто. Я тебе десять фунтов дам.

Бенедикт. Я ж вас умочаю, Роман Андреич. Какое поспаррингуемся?

Роман Андреевич. Ты мне не хами давай. Я, между прочим, на морфлоте когда-то служил. Руки удар еще не забыли. Ого-го удар какой!

Бенедикт. А смысл? *(Обращается к Леону.)* Ты можешь что-нибудь объяснить?

Леон *(пожимает плечами).* Опять за старое взялся. Тоска, чего непонятого? Этот... сплин.

Бенедикт. Так, может, шотландских цыган лучше закажем? Или бухнем просто? В пабе.

Леон. Five o'clock'a еще нет.

Роман Андреевич. Я не хочу в паб. Я крови хочу!

Бенедикт. Это вам, Роман Андреич, в Москву надо. К «ватникам» и «пиджачникам». Или к «юбочникам» на Трафальгар. Там оттянетесь. За десять не согласен.

Роман Андреевич. Двадцать.

Бенедикт. Fifty.

Роман Андреевич. Тридцать пять.

Бенедикт. Семьдесят.

Роман Андреевич. Ты на английском только до пятидесяти научился считать? Сорок. И ни пенни больше.

Леон. Роман Андреич, вспомните Москву. Вы там тоже не умели торговаться. И чем это всё закончилось?

Роман Андреевич. Ты давай барана готовь!

Бенедикт. Лёлек прав. Сто. Или дальше продолжаем?

Роман Андреевич. Ладно, хрен с тобой. По рукам. Леон, будьешь рефери.

Леон. Вообще-то у меня баран.

Роман Андреевич. Ну так выключи.

Леон. Роман Андреич, это камин, а не плита.

Бенедикт. Да мы, Лёль, недолго. Правда, Ромыч? Хлоп, и нокаут.

Роман Андреевич. Какой я тебе «Ромыч»?

Бенедикт. Sorry, Роман Андреич. Это я по московской привычке.

Роман Андреевич. Что-то я не помню у тебя такой привычки. Ладно, а «долго — недолго» — это мы еще посмотрим.

Бенедикт. Только бабули вперед, Роман Андреич. А то из нокаута особо не возьмешь.

Роман Андреевич. Вот ты наглый, как сто фунтов.

Олигарх подходит к одной из висящих на стене картин. Это «Черный квадрат» Малевича в китчевой золотой раме с переплетенными дубовыми листьями. Роман Андреевич отодвигает холст в сторону. За холстом обнаруживается сейф. Олигарх набирает на дверце код, в этот момент Леон и Бенедикт синхронно приподнимаются на цыпочках и, словно гуси, вытягивают шею.

Леон (Бенедикту). Там у него офшоры. Бермудские.

Бенедикт (*подмигивая Леону*). Это где всё пропадает?

Леон. Ага, как в толчке. (*Смеются*.)

Роман Андреевич, не реагируя на смех, открывает сейф, достает толстую пачку денег, сляпывая пальцы, отсчитывает купюры. Кладет пачку на место, захлопывает сейф, придвигает картину и разворачивается к слугам. Те моментально опускаются на ступни и возвращают головы на места.

Роман Андреевич. Посмотрим еще на нокаут. Держи. (*Протягивает деньги Бенедикту*.)

Бенедикт (*пересчитывает*). Здесь семьдесят.

Роман Андреевич. Дай сюда. (*Забирает купюры*.) Нет. Ровно сто.

Бенедикт. Теперь я. (*Настойчиво вытягивает деньги из рук олигарха*.) Семьдесят.

Роман Андреевич. А я говорю — сотня.

Леон. Может, я попробую? (*Берет фунты у Бенедикта*.) Сотка вроде. (*Еще раз мусолит бумажки*.) Точно сотка.

Роман Андреевич (*отбирает деньги у Леона; прикладывает руку, в которой держит купюры, кренделем к поясу*). Я же говорил, а ты не веришь. Что я тебя обманывать, что ли, буду?

Бенедикт. Ну-ка.

Бенедикт нежно прихватывает олигарха за руку, распрямляет его цепкие пальцы, вынимает купюры, каждую показывает Роману Андреевичу и Леону, медленно опускает деньги в карман фартука и членораздельно говорит: «Семь-де-сят». Долго смотрит на Романа Андреевича, подходит к нему вплотную, вытаскивает у того из-за спины спрятанную за пояс банкноту, затем хлопает ладонями по складкам килта. Из килта выпадает еще две купюры.

Бенедикт (*нагибается, подбирает банкноты*). Шотландское чудо? Второе после Лох-Несса?

Роман Андреевич (*недовольно бурчит*). Никакого пиетета.

Бенедикт (*убирает деньги в карман фартука*). Ну чё, поехали?

Роман Андреевич. Лёлек! Леон! Перчатки!

Леон. Но у меня баран сгорит!

Бенедикт (*сквозь зубы*). Мы быстро, Лёль.

Леон. Ну как знаете. Сгорит — я не отвечаю. (*Бенедикту*)

И не называй меня бабским именем.

Бенедикт. А не надо кухарить.

Леон. Сам, между прочим, в фартуке.

Бенедикт. Ладно, кулинар, не дуйся. Поехали.

Леон. Три, как у любителей? Или двенашка?

Роман Андреевич. «Двенашка» плохо звучит. Не те ассоциации навеивает.

Бенедикт. Тут и одного раунда хватит.

Бенедикт с Леоном двигают мебель в разные стороны, расчищая пространство для импровизированного ринга. Затем Леон снимает перчатки со стены и раздаёт спаррингующимся. Роман Андреевич и Бенедикт расходятся в противоположные углы. Леон идет за Романом Андреевичем, надевает ему перчатки, после направляется к Бенедикту, помогает ему.

Леон (*Бенедикту*). Ты его не сильно там. Он нам всё-таки зарплату платит.

Бенедикт. Угу, постараюсь. Вот придурок. В Москве ему не сиделось.

Роман Андреевич. Я всё слышу!

Роман Андреевич приседает, подпрыгивает, пыхтит. Бенедикт водит шей и плечами.

Леон. Традиционно, Роман Андреич?! С разминочкой?

Роман Андреевич. Да! Со словесными баталиями!

Леон. Поехали тогда! Бьемся в дёсны!

Роман Андреевич (*не двигаясь, кричит Бенедикту*). Я тебя

на шотландские гетры порву!

Бenedикт (*из своего угла, с воинственным рыком*). В Москве надо было рвать! Щас-то чё раззявились?!

Роман Андреевич. Под Тауэр закатаю!

Бenedикт. Не кипятитесь, фокусник! Юбка не мешает?

Роман Андреевич. Ты мне поговори еще! И не таких уделывал!

Бenedикт. Кто кого еще уделает, неизвестно!

Роман Андреевич. Ой, ой! Не смешите меня! Парикмахер цветов!

Леон (*командует*). Сходитесь!

Бenedикт. Замочалю! Всю страну разворовали!

Роман Андреевич. Пролетарий в фартуке!

Бenedикт. Хапуга в платье!

Роман Андреевич. Плебей! Быдло!

Бenedикт. Ворьё! Будете очки из бровей выковыривать!

Роман Андреевич. Я не ношу очки!

Леон. Бокс! Не в парламенте!

Сходятся. Пританцовывают. Нарезают круги, но не дерутся.

Леон. Бокс, я сказал!

Роман Андреевич (*нелепо держит руки в перчатках перед собой*). Сейчас, сейчас!

Бenedикт (*Роману Андреевичу*). Бей уже!

Роман Андреевич. Не бей, а бейте!

Бenedикт. Бейте уже, олигарх! Утомили!

Роман Андреевич. Я не могу первый!

Бenedикт. Как вы бизнесом вообще занимались?!

Леон. Баран сгорит!

Бenedикт. Баран передо мной.

Роман Андреевич. Что ты сказал?

Бenedикт. Что слышали!

Роман Андреевич. Кто «баран»? Я — «баран»?

Бenedикт. Вы — баран.

Роман Андреевич (*Леону*). Нет, я так не могу, он меня оскорбляет. В конце концов, это просто неспортивно! (*На мгновение опускает руки.*)

Бенедикт. Достали уже! (*Со всей силы впечатывает хук справа и догоняет снизу апперкотом; Роман Андреевич крикает и, скинув ножки, падает на пол; юбка задирается.*)

Леон (*подбегает к Бенедикту*). Ты чё, опух?! Ты же продукт, как всегда, должен был.

Бенедикт (*снимает перчатки*). Sorry, на автомате вышло. А не фигу было грабли опускать.

Леон. Надо было ему всё-таки капу вставить.

Бенедикт. Ничё. Удачный баран не ходит без ран.

Слуги склоняются над олигархом. Леон подхватывает со стола кувшин и льет из него воду на лицо Романа Андреевича. Тот фыркает и приходит в себя. Крутит башкой. Зло сдирает с себя перчатки. Поднимается, ковыляет к трону. Взгромождается на него. Трет челюсть. Обиженно нудит волюнкой.

Бенедикт. Роман Андреич... Ром...

Роман Андреевич не реагирует. Леон подходит к барану, крутит его на вертеле.

Бенедикт (*виноватым голосом*). Я ж не специально.

Леон (*шаманя у камина и приправляя барана специями*). Предлагаю Беню дисквалифицировать за недостойное поведение на ринге.

Бенедикт. А хочешь, в смысле — хотите, я себе по морде надаю? (*Несильно хлопает себя ладошками по лицу.*)

Роман Андреевич (*вскакивает, кричит*). А потому что!.. Потому что — ску-у-учно-о! Потому что — одиноко! Мне поговорить тут не с кем! У меня уже во рту от одиночества воняет! Я в Москву хочу!

Леон. Вам нельзя в Москву.

Роман Андреевич. А здесь я с ума сойду! Где твой баран? Не сгорел еще?

Леон. Не, я перевернул.

Роман Андреевич. Скучно!

Бenedикт. Ну так ведь праздник вот-вот.

Роман Андреевич. Надоело! Каждый год этот дурацкий праздник! Как идиот на нём выгляжу!

Леон. Так тоже вообще-то не очень.

Роман Андреевич. А потому что — скучно! Одиноко! *(Топает ногами.)* И спать из-за этой погоды постоянно хочется!

Бenedикт. Ёкарный бабай, ну чё ты заладил в самом деле!

Роман Андреевич. А ты мне не тыкай! Никакой субординации!

Бenedикт. Ладно, извините. А хотите, тёлочек позовем?

Роман Андреевич. Не хочу!

Леон. Может, мальчиков тогда?

Роман Андреевич. Нет! Надоело всё!

Бenedикт. Карликов с лилипутами?

Роман Андреевич. Ты за кого меня держишь?

Бenedикт. Я вообще-то цирк имел в виду. Королевский.

Роман Андреевич. Мне цирка в Москве хватило! Президентского!

Бenedикт. Так чего ж вас тянет туда постоянно?.. *(Олигарх не отвечает.)*

Слуги усаживаются по разные стороны от Романа Андреевича. Глядят его, точно маленького ребенка, по головке, сюсюкаются. Приговаривают, как в советском мультфильме: «Эх, Рома, Рома...» Олигарх кукуется и гудит что-то печальное на вольтинке.

В этот момент раздаётся мелодичный звонок в дверь. Мелодия: «Москва — звонят колокола».

Леон *(Роману Андреевичу).* Вы разве ждете кого-то?

Роман Андреевич. Я? Нет, конечно... То есть, стоп... Да! Сегодня какое число? Ну конечно же! Как я забыть мог, сам же

приглашал. Это, наверное, из Москвы приехали! Иди открывай!
(Лихорадочно заплетает косички на бороде в одну мощную косу.)

Леон *(бьет себя по лбу ладонью)*. Fuck! Я и забыл совсем!
(Уходит в холл.)

Бенедикт. Вот чума сейчас будет. Мои вам congratulations'ы,
Роман Андреич.

Возвращается обескураженный Леон.

Роман Андреевич. Ну что, приехали? Кряжистые, да?

Леон. Роман Андреич... Там это... Как бы это выразиться...

Посылка...

Роман Андреевич. Посылка?

Леон. Да.

Роман Андреевич. Подарок, что ли, какой? Неси!

Леон. Ну... не знаю... *(Переминается с ноги на ногу, мямлит.)*

Вы гроб заказывали?

Роман Андреевич. Какой еще гроб?

Леон. Односпальный. С кистями.

Роман Андреевич. Гроб? Какой к чёрту гроб?!

Леон. Откуда я знаю? Дубовый, наверное. Чё делать-то теперь будем, Роман Андреич? Там венки еще.

Бенедикт. Чё за херня? Метка, что ли?

Роман Андреевич. Чё?! Чё?! Разчёкались тут! Дохнуть теперь все будем! *(Пауза.)* С-суки! Нашли меня всё-таки. Нет! Я, пожалуй, нажрись сегодня. Несите. *(Направляется к трону, приседает, откручивает одну из бутылок и, путая квейк с пепельницей, плещет в последнюю коричневатую жижу.)*

Бенедикт с Леоном вносят гроб.

Затемнение.

КАРТИНА ВТОРАЯ
ПАСТОРАЛЬНЫЙ МОТИВ

Леон, Бенедикт и Роман Андреевич стоят, склонившись над гробом. В руке у Романа Андреевича мельхиоровая пепельница – олигарх посасывает вискарь и морщится, точно от неприятного запаха. Леон с Бенедиктом в недоумении перебирают ленты на венках.

Леон (*читает*). «От товарищей по работе», «Скорбим, помним, жди».

Роман Андреевич (*нервно тербит косу на бороде*). Вот сволочи!

Бенедикт. Жестко. Рвать отсюда надо.

Роман Андреевич. Куда? (*Вытаскивает из споррана таблетницу, достает разноцветные пилюли.*)

Бенедикт. Да хоть в Штаты.

Роман Андреевич. Они и там найдут.

Бенедикт. Но чё-то ж надо делать?

Роман Андреевич. Всё уже сделали, что смогли. Если и сюда их руки дотянулись... (*Запивает пилюли алкоголем.*)

Леон. А вот еще. Ту би ор нот ту би... От бисексуалов каких-то... Дальше вообще непонятно...

Бенедикт. Ну-ка, дай. (*Читает.*) Везер тис ноблер ин зе минд ту суффер...

Роман Андреевич (*автоматически поправляет*). Mind to suffer.

Бенедикт. Ага. Ту саффер. Зэ слингс анд арроус оф аутрагеоус фортуне... Абракадабра какая-то... Ор ту таке армс агаинст а си оф траблес... Блин! Язык сломать можно...

Роман Андреевич. Бень, ты в какой стране живешь? Это же Шекспир. Монолог Гамлета.

Бенедикт. А он разве не на английском писал?

Роман Андреевич. А это, по-твоему, какой язык?

Бенедикт. Какой?

Роман Андреевич (*членораздельно*). Ан-глий-ский.

Бенедикт. Да бросьте. Я английский знаю, это не он.

Роман Андреевич. А какой тогда?

Бенедикт. Ну, немецкий. Датский, может. Или даже финский какой-нибудь.

Роман Андреевич. Да нет, Беня, это – самый настоящий английский.

Бенедикт. Бросьте, Роман Андреич, прикалываться. Где тут – sorry? Indeed? Где? Покажите.

Роман Андреевич. А у тебя словарный запас из скольких слов?

Бенедикт (*обиженно*). Достаточный. Если надо – объясню. (*Бьет правым кулаком в левую ладонь.*)

Леон (*переворачивает ленту*). Тут на обратной стороне перевод есть. (*Читает как телеграмму*)

Быть или не быть зпт вот в чем вопрос тчк Достойно ль
Смиряться под ударами судьбы зпт
Иль надо оказать сопротивленьё
И в смертной схватке с целым морем бед тчк

Роман Андреевич (*продолжает*). Покончить с ними? Умереть. За-бы-ться! (*Допивает виски, ставит пепельницу на гостиный стол.*)

Бенедикт. Ну вот, так гораздо понятней! Забыться. А то ноблеры всякие, траблеси.

Роман Андреевич (*Леону*). Там есть еще что?

Леон. Конверт какой-то. Вскрывать?

Роман Андреевич. Покажи. (*Берет конверт, рассматривает на свет.*) Открытка какая-то. Некролог наверняка. Читай.

Леон вскрывает конверт. Достает открытку. Она оказывается музыкальной – с траурным маршем Шопена.

Леон (*читает вслух*). «Дорогой Роман Андреевич! Пусть не печалит вас музыка последнего пути! Пусть не смущают вас

венки и ленты! Пусть не тревожат вас домовина и атласные подушки! Да, нет у вас Родины! Да, не имели вы семьи! Да, были вы гонимы и обесчещены! Но ваши боевые товарищи помнят вас! И каждый день, каждый час, которые вы проводите в изгнании и вынужденном заточении, не проходят для нас даром. Вы живете в наших сердцах еженощно, ежечасно, ежесекундно... И если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе!»

Роман Андреевич. Вот сволота!

Бenedикт. Чеченский след? Про Магомед-то.

Роман Андреевич. Не городи чушь, я на их территории не работал.

Бenedикт *(недоверчиво)*. Да ну?

Роман Андреевич. Неважно уже! Подпись есть?

Леон. Есть... *(Пауза)*. Всегда ваши. Семья...

Дочитать он не успевает. В этот момент распаивается крышка гроба, и из него появляется рука с бумажкой. Роман Андреевич, Леон и Бенедикт пятятся назад. Из гроба медленно восстает тело. Это – Глебушка Кряжистый.

Глебушка *(облаченный в костюм чёрта)*. Слава Шотландии!

Роман Андреевич, Леон, Бенедикт *(автоматически; хором)*. Шотландцам слава!

Глебушка. Танцуйте, узник совести! Вам повестка!

Роман Андреевич *(срываясь на визг)*. И-и-иди-о-от! У меня чуть инфаркта не было!

Бenedикт. Вот так surprise!

Леон. Глеб Вадимыч, ты откуда?

Глебушка *(выходя из гроба)*. Откуда-откуда? Оттуда. Из Москвы.

Леон. Ну ты дал, Глеб Вадимыч! Я же выстрелить мог.

Глебушка. Из чего? Из открытки?

Роман Андреевич. Уф, я уж думал – это за мной. Ну вы нас и напугали.

Глебушка. Ну, у кого совесть чиста, тем бояться нечего. Кста-

ти, это вам, Роман Андреевич. *(Вручает ему повестку.)* Приглашение на казнь. От русского Кафки. Доставка DHL-ом, так сказать. Дверь-то откройте. Там остальная кодла.

Леон с Бенедиктом уходят в холл.

Глебушка *(в недоумении оглядывает олигарха с головы до ног).* А что это вы, Роман Андреевич, как Керенский вырядились? Панкуете?

Роман Андреевич. Это национальное.

Глебушка. Понятно. Хиппуете, значит. То-то я смотрю, на вас фенечек больше, чем на «детях цветов». Скажите честно, а в Израиле кипу бы прикупили?

Роман Андреевич. Мне, Глеб Вадимович, не надо. У меня есть.

Глебушка. Ну ладно, а беруши-то вам зачем? Шотландские соседи шумят? *(Показывает на кожаный шнурок с цветами.)*

Роман Андреевич. Это не беруши.

Глебушка. А что тогда?

Роман Андреевич. Так. Подарок. Амулет. От человека одного важного...

В это время в залу под хит ливерпульской рок-группы «The Beatles» «Back in the USSR» вваливается семья Кряжистых с православным священником. Все, кроме батюшки, облаченного в casual-рясу, одеты в карнавальные костюмы.

Каролина Карловна *(мать), Михаил* *(старший сыно-брат), Борис* *(средний сыно-брат), Настенька* *(старшая сестра-дочь), Лизон* *(младшая сестра-дочь) и отец Сергей* *(никому не отец).*

Леон и Бенедикт оттаскивают гроб в угол.

Каролина Карловна *(в костюме летучей мыши; с распротертыми объятиями устремляется к олигарху).* Роман Андреевич! Дорогой вы мой человек! Как же мы по вас соскучились! *(По московскому обычаю трижды елозит щечками по лицу оли-*

гарха.)

Глебушка (*поправляя*). По вам, Карловна, по вам.

Роман Андреевич (*обнимает Каролину Карловну, елозит в ответ*). А уж я как! В этой стране с ума сойти можно! Вы маску-то снимите, Каролина Карловна. Я вас всё равно узнал.

Каролина Карловна. Я без маски, Роман Андреевич! Вам нравится?

Роман Андреевич. Отлично выглядите! Посвежели. Только другая какая-то... Вроде вы, а вроде нет.

Глебушка. Это у мамы ботокс, Роман Андреевич.

Каролина Карловна (*шипит на Глебушку*). Помолчи!

Слуги (*хором*). Nice to see you, Каролина Карловна!

Каролина Карловна (*похлопывает их по плечам*). Леонид! Бенедикт!

Слуги (*хором*). Помолодели!

Глебушка. Знаем!

Каролина Карловна щиплет Глебушку. Тот отбегает в сторону от матери.

Лизон (*в латексном костюме черной кошечки; хвост-хлыст, перекинутый через руку; на голове трехцветный чулок*). С Хэллоуином, Роман Андреевич! (*Выключает iPad, из которого раздаётся музыка, прячет планшет в сумку, затем принимает из рук Бориса позолоченную тыкву с горящими электрическими свечами и вручает ее олигарху. Тыква разукрашена стразами.*) А это вам сувенир. Swarovski! Последняя коллекция.

Роман Андреевич (*принимая подарок*). Спасибо, Лизонька! А что это у вас за чулок на голове?

Лизон. Это последний московский shit!¹ Или вы телик не смотрите? (*Стаскивает с головы бело-сине-красную балаклаву.*)

Роман Андреевич (*вертит в руках тыкву*). Редко, Лизонька.

¹ *Shit* (англ.) — фекальные массы.

Нет там правды. Сплошная пропаганда. А вещица забавная. Спасибо.

Глебушка. Сможете монолог принца Датского над этой тыковкой прочесть. Там, кстати, есть замечательные слова: «Боязнь страны, откуда ни один не возвращался...» Догадываетесь, на что это Вильям, Шекспир наш, намекал?

Роман Андреевич. Узнаю московский сарказм, Глеб Вадимович.

Настенька (*в наряде нежной феи с крылышками; в руке разноцветная волшебная палочка*). Глебушка, прекрати! Мы же только приехали.

Глебушка. «Офелия! О радость! Помяни мои грехи в своих молитвах, нимфа».

Каролина Карловна. Глеб! Хватит!

Глебушка. Самое время начинать, Карловна. А то у меня язык в гробу затек.

Настенька. Роман Андреевич, не обращайтесь на него внимания, вы же его знаете!

Роман Андреевич. Знать-то знаю, отвык немного. Здравствуйте, Настенька!

Настенька. Здравствуйте, Роман Андреевич!.. Лёнчик, Бенчик!

Слуги (*хором*). Hello, Анастасия Вадимовна!

Михаил (*в гламурном костюме беса – с искрой*). Ромыч! На! (*Протягивает руку.*)

Роман Андреевич. Миша! (*Жмут друг другу руки.*)

Борис (*в костюме полубеса – без искры*). Роман Андреевич! Как говорят в Финляндии – Хювя пяйвя! Добрый день!

Роман Андреевич. Боря! (*Обнимаются, елозят.*) А почему в Финляндии?

Борис. А я недавно финский учить начал. Для саморазвития. Ну и так. Мало ли.

Роман Андреевич. Похвально. В наше время всё может пригодиться. Интерактивно или как?

Борис. Пока, к сожалению, обычно. По самоучителю. Но на-

деюсь, в самое ближайшее время с прямыми носителями получится взаимодействовать. Пока в самолете летел, даже несколько пословиц выучил. Знаете, например, как на финском будет «скупой платит дважды»? Пихи максса кахдести. *(Лучится.)* Здорово, правда? Меня еще, правда, произношение немного подводит, но я стараюсь. Или вот. Опи улвомаан сусиен мукана, йос элят нииден кансса. Угадаете, нет?

Роман Андреевич. С волками жить – по-волчьи выть?

Борис. Удивительная проницательность, Роман Андреевич! Как вы догадались?

Роман Андреевич. Жизненным опытом, Боренька, догадался. А произношение дело поправимое. Главное, чтобы, как ты выразился, «прямые носители» рядом были. А так – умница! Пословицы со смыслом. *(Похлопывает его по плечу)*

Борис. Будут прямые носители, Роман Андреевич! Обязательно будут!

Отец Сергей. Славься дом сей во Христе! *(Хищным взглядом оглядывает залу; осеняет углы.)* Приветствую, Роман Андреевич!

Роман Андреевич. Здравствуй, Серёжа!

Лизон. Ой! А дайте я вас всех сфоткаю! *(Снова достает планшет, разворачивает таким образом, что всем хорошо виден чехол с голограммной оранжевой тыквой на черном фоне; руководит.)* Роман Андреевич, вы давайте сюда. В центр. Мам, ты рядом с Романом Андреевичем. Обними его. Миша, Боря, улыбаемся. Настька, сними очки!

Настенька. Я без очков не вижу.

Лизон. Тебе не надо видеть. Это на минутку.

Глебушка. Вампирам вообще видеть необязательно, они чувствуют.

Настенька. Дурак!

Лизон *(батюшке, который рыщет по зале).* Отец Сергей, вернитесь! Да, да, сюда. Нет, ложиться не надо.

Глебушка. Крест только снимите.

Лизон. Не снимайте!

Михаил *(даёт легкий подзатыльник Глебушке).* Хорош бол-

тать!

Глебушка. Я только начал. Бесово твоё семя. (*Леону и Бенедикту.*) Анчутки сбоку. Не нарушайте субординацию. Роман Андреевич, возьмите фонарик Джека.

Роман Андреевич. Какой фонарик?

Глебушка. Да тыкву эту. Видите, как лыбится? Это она вам радуется.

Роман Андреевич. Я её и так держу.

Глебушка. Так вы мордой-то её от себя разверните.

Роман Андреевич. Вы, Глеб Вадимович, совсем не изменились.

Глебушка. Ну, юбку уж точно не ношу.

Каролина Карловна, Михаил, Борис, Настенька (*хором*). Глеб, пре-кра-ти!

Лизон. Так, улыбнулись все! Сейчас отсюда вылетит птичка!

Глебушка. И поцелует всех клювиком в лоб! Быстренько намазались зеленкой.

Каролина Карловна. Замолчи!

Лизон. Ну вот, мам, ты рот открыла. Переснимать придется.

Глебушка. Это она зевнула. Нормально, Лизон, оставь. Зевок в прыжке.

Михаил (*Глебушке*). Я тебя сейчас обратно в гроб уроню.

Роман Андреевич. А мне нравится! Это как раз то, чего мне здесь не хватало!

Глебушка (*всем*). Видите, у меня уже своё шотландское лобби образовалось.

Лизон. Глебушка, помолчи. Ну пожалуйста... Внимание! Пять сек! Фоткаю! (*Делает несколько снимков.*) А теперь со мной. Глебушка, иди сюда.

Глебушка (*берет планшет; Лизону*). В ноги олигарха падай. Типа бабло побеждает зло. Нимфой стелись. Роман Андреевич, а вы типа ногой её попирайте.

Лизон (*нервно щелкает хвостом-хлыстом*). Ну Глебушка, ну не смешно уже.

Глебушка. Ладно. Так. Напряглись все. Роман Андреевич,

представьте, что вы в СИЗО.

Роман Андреевич. Типун вам на язык, Глеб Вадимович!

Глебушка. Не разговариваем! Разговорчики, понимаешь, в строю! Итак. Роман Андреевич, вы признаете свою вину перед обществом? Распилы? офшоры? Подкупы? Лжесвидетельствования? Немножко полония в кофе? Самую малость, а? Первый полоний, как первая любовь, — раз и навсегда.

Михаил вырывается вперед и отбирает у Глебушки планшет.

Михаил. Вон на место!

Роман Андреевич. Да пусть болтает! Знаете, как я по вам соскучился!

Михаил. Всё! Улыбаемся! Улыбаемся, Глебушка, я сказал!

Глебушка. А я что делаю?

Михаил. Ты рожу корчишь! Не скалься, на!

Глебушка. А как, по-твоему, господарь Цепеш улыбаться должен?

Лизон. Кто?

Глебушка. Граф Дракула.

Борис. Ну, до Дракулы ты еще не дорос.

Роман Андреевич. Как же хорошо с вами!

Михаил. Фотографирую! Граф, улыбнулся быстро, а то осиновый кол всажу! *(Фотографирует.)* Всё!

Лизон *(забирает планшет, рассматривает фотографии).* Классно получилось! И крест такой, ух! *(Отходит к гробу, делает селфи¹; принюхивается.)*

Михаил. Только фотки не вздумай в сеть выкладывать.

Лизон. Ну я дура, что ли?.. А чё это за запах?!

¹ *Селфи* (англ. selfie от self) — разновидность автопортрета, заключающаяся в запечатлении самого себя на камеру и последующем выкладывании снимка в социальные сети.

Каролина Карловна. Точно! Паленым каким-то пахнет.

Леон. Баран! Баран сгорел! Я предупреждал!

Все бегут к камину. Подхватывают со столов емкости. Дуют, льют воду.

Леон (*огорченно*). Ну вот. Сгорел всё-таки. Я так старался.

Борис. Да, запашок.

Бенедикт. С другого бока вроде не запылен.

Роман Андреевич (*слугам*). Унесите.

Леон. Кое-чѐ еще можно подать. Если вот тут и тут отрезать.

Глебушка. Только куски не перепутай. А то, знаю я вас, салатом прикроете просто.

Леон. Глеб Вадимыч, обижаешь. Я в поварском деле ас.

Глебушка. Это я уже понял. Шустрая стряпуха.

Роман Андреевич. Лѐнь, напитки хоть принеси.

Леон (*поправляя*). Леон...

Глебушка. Леон? Так стриптизеров в Москве зовут.

Леон. Мы, слава Богу, не в эР-эф, Глеб Вадимыч. Британия — свободная страна.

Роман Андреевич (*Леону*). Быстрее, я сказал! И приберитесь тут, наконец!

Слуги снимают вертел и уносят барана на кухню. Затем возвращаются, отволакивают гроб в холл и расставляют разбросанную после поединка мебель. Уходят на кухню.

Часть гостей рассаживаются, часть бродят по зале — рассматривают картины и коллекцию оружия.

Роман Андреевич. Ну, Каролина Карловна, рассказывайте. Как вы там поживаете? Как крестник мой?

Каролина Карловна. Да по-старому, Роман Андреевич. Сашенька подрастает. В детсаду сейчас. Круглосуточном. А то времени на него нет. А вот Светлана Николаевна помимо бизнеса еще и политикой занялась... Цветы, кстати, недавно разводить

начала.

Роман Андреевич. Политикой? Без образования? Цветами занимается?

Глебушка. Ну вы, Роман Андреевич, вроде тоже оксфордов не заканчивали да и флорой, смотрю, увлекаетесь. (*Кивает на розы в вазе.*) Белая роза – эмблема печали, алая роза – эмблема любви.

Настенька (*поправляет*). Черная. Печали.

Роман Андреевич. Так я и в политику никогда особо не лез. Только бизнесом. А цветы это так – хобби.

Глебушка (*усмехаясь*). А для бизнеса образование, значит, не нужно? Ах, ну да, забыл. Пилить и без диплома можно.

Михаил. Тормози уже, на!

Глебушка (*садится в кресло, картинно закидывает ногу на ногу*). А что? Поддерживаю светскую беседу. (*Ёрничает.*) Предлагаю, Роман Андреевич, поговорить о погоде. Какие нонче погоды в Британиях? Дожди? Туманы? Иные осадки? Не шалит ли Ла-Манш? Давно ли наблюдались паводки? Ну, и самое главное. Что с полями для гольфа с крикетом? Как боретесь с плесенью?

Роман Андреевич. Вот сколько вас не видел, а вы, Глеб Вадимович, как были балагуром, так им и остались. А погоды плохие тут – даже в бадминтон толком не поиграешь. (*Вздыхает.*) Настроение паршивое. Что уж тут говорить – дрянь настроение. Сплин, тоска, депрессия. Вон, революция на носу. В Москву хочу. Там-то как?

Глебушка. А там всё стабильно. Ваньки-встаньки качаются, матрешки на месте, ну и вы в розыске. На выборах только подморозило.

Роман Андреевич (*морщась*). Не надо про выборы.

Глебушка. А чё так? Не любите игру в фанты? Вам по душе активный скрэббл?¹

¹ *Скрэббл* (англ. scrabble – рыться в поисках чего-либо) – настольная

Роман Андреевич (*кисло улыбаясь*). Нет, Глеб Вадимович, я больше лапту люблю. С городками.

Глебушка. Ну, в этот городок я бы на вашем месте не совался. Тем более вы и так в Forbes сильно сместились, слаломист вы наш. Как бы на новой трассе вообще ноги не переломать.

Борис. Да, Роман Андреевич, нельзя вам в Москву. Неспкойно там. А вы сейчас для всех лакомый кусочек. Что для правых, что для левых...

Глебушка. Что для центровых футболистов. Посадки нужны, сами понимаете. В смысле – голы. Для рейтинга. А то офисные хомячки недовольны. Свирепствовать начали... *(Пауза.)* Роман Андреевич, скажите, а у вас к рукам только определенные документы липнут?

Роман Андреевич (*удивленно смотрит на руку, в которой всё еще держит повестку*). Тьфу ты, чёрт! *(Устремляется к камину, бросает в него уведомление, поджигает; говорит вполборота с ударением на второе слово.)* Какие еще новости?..

Глебушка. Ну как вам сказать, фигня всякая. В регионах референдум за отсоединение. Столицу переносят в Ёбург. В Москве организована русская диаспора. Остатки России присоединяются к Финляндии. Алеуты бесчинствуют. Государственный язык отменен за ненадобностью. Повсеместно вводят глиняные письма. Еврейские погромы. Ну, это как всегда, впрочем. Много чего. За всем не уследишь... Иными словами, после долгих поисков ориентации на Запад или Восток Россия выбрала нетрадиционную ориентацию.

Роман Андреевич. Опять шутите?

Глебушка. Ну, после «юбочников» и «порточников» я, честно говоря, ничему не удивлюсь. Слава Шотландии, кстати!

игра, в которой 2 или 4 играющих соревнуются в образовании слов с использованием буквенных деревянных плиток на доске, разбитой на квадраты. В русскоязычной среде известна под названием «Эрудит» или «Словодел».

Борис. Шотландцам слава!

Роман Андреевич. Беспредел, конечно, творится.

Настенька. Только шотландский.

Михаил. Бандерлоги, чё тут скажешь.

Глебушка. Ага, правда, в юбках.

Михаил. Зато платят хорошо.

Роман Андреевич. Платят?

Михаил. Это позже обкашляем, на.

Роман Андреевич. Миша, я вот спросить хотел. А откуда у тебя это странное «на» появилось? В Москве вроде не было.

Михаил. В офисе подхватил. От ЧОП-овцев¹. Бизнес же защищать надо.

Роман Андреевич. Понятно.

В этот момент входит Леон с подносом. На подносе стоят бокалы. К бокалам тут же устремляются Лизон и отец Сергей, рассматривавшие коллекции на стенах.

Леон. Аперитивы!

Роман Андреевич (*раздраженно*). Аперитивы, sir! Сколько можно повторять?!

Леон. Они самые, sir!

Михаил. Вот! Другое дело! (*Поднимается, берет бокал.*) Ты, Ромыч, Глебушку не слушай. Он глумится, как всегда. Скоро власть сменится — нормально вернешься, на.

Глебушка. Вот именно, что «на».

Роман Андреевич. Когда это скоро?

Михаил. Ну, лет через пять-шесть. Максимум двенадцать.

Глебушка. Сменится она, власть, как же. Шиворот-навыворот. Клептократия на клептоманию.

Каролина Карловна. Хватит вам о политике! В конце концов, мы отдыхать приехали.

¹ ЧОП (*аббрев.*) — частное охранное предприятие.

Лизон. Точно, мам! Хэллоуин же!

Настенька. У вас есть костюм, Роман Андреевич?

Глебушка. А зачем ему костюм? Он и так замечательно выглядит. Вон как мимикрировал. От настоящего «юбочника» не отличишь.

Настенька. Глеб, ну зачем ты так? Ты вон на праздники вообще мундир поручика надеваешь. У Романа Андреевича тоже что-нибудь интересное должно быть. У вас же есть что-нибудь интересное, правда?

Глебушка (*усмехается*). Интересней шотландской юбки, моему, уже ничего быть не может.

Роман Андреевич. Есть, Настенька, но он мне надоел. Я так, пожалуй, буду.

Борис. Что-то вы совсем без настроения.

Роман Андреевич. А откуда ему взяться, настроению? Когда вон что везде творится.

Михаил. Ромыч, ну чё ты душный такой? Ща накатим, Британья сразу фейерверками расцветет.

Глебушка. Русскими. А какой костюмчик, если не секрет? Щелкунчика или дровосека?

Роман Андреевич. Мундир королевского гвардейца. Но там медвежья шапка очень неудобная. Сваливается постоянно. (*Показывает руками огромную шапку.*) И ремешок в подбородок жмет. Я сегодня не буду переодеваться.

Глебушка. Ну и правильно. У нас Сергуня тоже в постоянном прикиде. Экзорциста.

Отец Сергей. Побойся Бога, Глеб Вадимыч!

Роман Андреевич (*Глебушке*). А у вас серьезно мундир поручика есть? Настенька не преувеличивает?

Глебушка. Ну надо же в чем-то русские маскарады справлять. Вон, у Миши вообще гусарская форма в шкафу висит. Коляды ждет. До этого казачий бешмет был. Он его с бодуна в секонд-хенде приобрел. Там как раз оптовая распродажа была: килограммами шмотье продавали. Но фишка в том, что в комплект еще и нагайка входила. А она Мише сильно по пьяному

делу мешала. Он ее частенько в ход пускал. В итоге пришлось остановиться на гусарстве, шпорах и сабельке. Пластмассовых, правда.

Михаил. Да ладно те, Глеб!

Настенька. А вот и не ладно, не ладно!

Роман Андреевич. Да-а-а... Давно я в эР-ЭФ не был... Ну хо-рошо. Давайте уже выпьем!

Все поднимают бокалы.

Каролина Карловна. За встречу, Роман Андреевич!

Роман Андреевич. За нее.

Чокаются. Отпивают.

Каролина Карловна. Отличный букет!

Глебушка. Зачетное винище!

Борис. Неплохо, неплохо. Знакомый вкус какой-то.

Настенька. Аромат! Ничего подобного раньше не пила.

Отец Сергей (врастяг). Сла-а-адость-то какая. Во Христе.

Михаил. Чё за вино такое знакомое? Не могу разобрать, на.

Борис. Квинтарелли Джузеппе?

Каролина Карловна. Боренька, что ты! Мы когда в Мадриде были...

Лизон. Нет, мамуль, это Франция. Жэ-Пэ Шене. Бюджетное.

Борис. Две тысячи первого, угадал?

Роман Андреевич (загадочно). Ни за что не угадаете...

Борис. Нулевого урожай?

Роман Андреевич (довольно улыбается). Нет.

Борис. Сдаюсь.

Глебушка. Может, экспрессивные чилийские виноделы? Или те больше по сухачу?

Роман Андреевич. Не угадали. Вы только прочувствуйте, как вино на фракции распадается. Это вам не Италия с Францией! *(Водит носом над бокалом.)*

Глебушка. Неужели местное домашнее? Ну, колитесь уже.

Леон (*выстреливает*). Arbatskoye polusladkoye! У нас весь погреб забит. Им и Massandroy.

Настенька. Для гостей?

Леон. Да. Sovetsky brut еще есть, но это на Новый год шипучка. Роман Андреич не разрешил открывать.

Роман Андреевич (*Леону*). Неси барана!

Глебушка. Роман Андреевич, вы в Британии нищенствовать стали? За нашу и вашу свободу?

Лизон. Фу, гадость какая!

Гости синхронно ставят бокалы на поднос. Леон уходит на кухню.

Роман Андреевич. Соскучился я, понимаете, соскучился просто. Сколько можно эти виски с Гинессом хлебать?

Глебушка. Зря. Вы бы денатурату, что ли, из duty free заказали. Спецом для нас. Или из трона чего вытащили.

Михаил. Мы бы не отказались, на.

Роман Андреевич. Не поймете вы меня. Для меня Arbatskoye давно элитным стало. Мне даже как-то неловко вам европейскую пакость предлагать. У меня вообще ощущение, что она последнее время окурками какими-то отдает. А в российском brute, кстати говоря, перляж отменный.

Настенька. Простите?

Роман Андреевич. Ну, эти. Пузырёчки.

Глебушка. А что, не пузырится уже душа Мондорой? Мордор¹ настал?.. Ладно уж, сиделец. Баран хоть настоящий? Или коза какая-нибудь из-под Твери?

Роман Андреевич (*обиженно*). Настоящий, настоящий.

Каролина Карловна. Роман Андреевич, знаете что, вы

¹ *Мордор* (*сунд.* Mordor) — «черная страна» в легендарииуме Дж. Р. Р. Толкина.

с мальчиками пообщайтесь, а я, пожалуй, с девочками на кухню схожу. Прослежу. Настя! Лиза! За мной!

Дамы удаляются. Слышно, как они тихо переговариваются между собой.

Настенька. Arbatskoye – гостям. Sovetsky brut – на Новый год. Какой перляж!

Лизон. Совсем он тут алкоголиком стал. Ему, по-моему, все равно, что сосать. Вы трон-то его видели? Он же даже бутылки не сдает.

Каролина Карловна. Тише, услышит еще. Здесь некуда сдавать. Отсталая страна. *(Нервно оглядывается.)* Роман Андреевич, мы скоро!

Роман Андреевич *(в удаляющиеся спины женщин).* Угу.

Михаил. Какой-то ты, Ромыч, не праздничный совсем. Чё не так, на?

Роман Андреевич. Всё не так. Курить будете? Угощаю.

Михаил. Не, после вина я лучше свои.

Борис. Так что случилось?

Роман Андреевич. Здесь болит. *(Прикладывает руку к сердцу.)* Ноет. Саднит. На-до-е-ло. И спать все время хочется. *(Шагает к трону, поднимает квейк, направляется к камину, вытряхивает окурки, затем идет к хьюмидору и вытаскивает сигары.)*

Глебушка. Трофейные или союзнические?

Роман Андреевич. Контрабандные.

Глебушка. Давайте!

Отец Сергей. «Отче наш», Роман Андреевич, на ночь следует читать. Молитва, она всегда от греха отводит и злые сердца умягчает...

Долгая пауза. Мужчины смотрят на отца Сергея, как на конченого идиота, молча рассаживаются и закуривают сигары.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ
НАИВНЫЙ РЕАЛИЗМ

Глебушка (*закуривая сигару*). По березам и соснам, значит, соскучились? По махорочке? Это мы быстро можем организовать. Лет на десять.

Роман Андреевич (*гильотинкой отхватывает кончик у сигары*). Да ну вас, Глеб Вадимович. Мне бы одним глазком только, и обратно. Да и дел там невпроворот.

Глебушка. Одним глазком — это, знаете ли, до первого погранца. Может быть, погоны еще успеете разглядеть. А дальше — рожей в пол и берцы¹. Изредка будут во двор погулять выводить. Как раз между перестукиваниями по стенкам.

Михаил. Нельзя тебе сейчас в Москву. Закроют. Подожди несколько лет.

Роман Андреевич. Нельзя, но нужно. Неужели ничего не придумать?

Борис. А что тут придумать? Вас же любая собака в России знает.

Глебушка. Что собаки, его все блохи на собаках знают.

Роман Андреевич. А если грим или бороду очень серьезную отпустить? (*Поглаживает шотландку-переросток.*) Вот как у Серёжи.

Глебушка. Инкогнито типа? Аки шпиён? Представляете, во что ваши десять лет выльются, если поймают? Вы же, как йети, шерстью можете обрасти, а вас всё равно любой гэбэшный цирюльник опознает. Или вы думаете, что вас дреды в бороде сильно спасают? Так вот нет. Можно, конечно, еще в растамана поиграть или даже китайским мандарином вырядиться, но, думаю, и это не поможет.

Роман Андреевич (*задумчиво*). Да-а-а... И всё-таки я бы попробовал. Вряд ли меня в таком виде...

¹ *Берцы (разг.)* — высокие армейские ботинки на шнуровке; часть амуниции ОМОН.

Отец Сергей (*перебивает*). Может, пластику?

Борис. Конечно! У мамы же есть знакомый хирург.

Глебушка. Ну да. До кучи ему осталось только лицо потерять.

Роман Андреевич. Это вы, Глеб Вадимович, на потерянную совесть намекаете?

Глебушка. Заметьте, Роман Андреевич, не я это сказал. А на воре шапка, как известно...

Михаил. Сейчас, Глебушка, ты обратно поедешь. Грузовым рейсом. В гробу, на.

Глебушка. Ты кого пугаешь? Сам подумай. Я ж и так – нежить.

Роман Андреевич. Кстати, а откуда он у вас? Презент этот крупногабаритный.

Михаил. Так просто. Наш он.

Роман Андреевич. В смысле – ваш?

Борис. Семейный бизнес, Роман Андреевич. Мы развиваться решили. «Kriazh Airlines», конечно, хорошо. Но мы диверси... короче, фицировали риски в прошлом году. Открыли сеть похоронных бюро. (*Говоря эти слова, Борис деловито вытаскивает из внутреннего кармана пакетик и платиновую VISA, высыпает на столешницу порошок, ребром карточки аккуратно нарезает две «дорожки», затем достает стодолларовую купюру, скручивает ее в трубочку и, зажимая одну ноздрю пальцем, втягивает в себя белые кристаллы.*) Будет кто? (*Кивает на вторую «дорожку».*)

Глебушка. Надо говорить салоны ритуальных услуг, Боряйла. Так солидной понты кидать.

Михаил (*гордо*). «Братья Кряжистые и Ко»! Лимитед, так сказать. Я там и.о., Ромыч. (*Борису.*) Дай мне чутка. (*Всасывает ноздрей половину «дорожки», кряхтит.*)

Роман Андреевич (*кашляет*). Зачем? «Братья»?

Борис (*дотягивает за братом порошок*). Людей хоронить.

Роман Андреевич. Каких?

Отец Сергей. Отошедших. Неужто, Роман Андреевич, пояснять сие надо?

Роман Андреевич. Ничего не понимаю. Это что, прибыльней, чем авиалинии?

Глебушка. А то! И материал всегда есть, и спрос. Самолеты падают, гробы восстают.

Роман Андреевич (*задумчиво*). И давно вы этим?

Борис (*трет пальцем десны и прячет аксессуары в карман*). Так я же говорю — год. Мы гробы, как обычно, через свои авиалинии привезли. Один из партии взяли и вам доставили. Ну а Глебушка уже около дома в него лег.

Роман Андреевич. Интересно-интересно...

Михаил (*неожиданно вскакивает*). Ромыч, да ты не понял! Бизнес — крутяк! Реальная тема. Ты хоть знаешь, сколько по миру народу дохнет? Это же скоропортящийся продукт. А у нас ведь и экспорт. И Ближний Восток, и Евросоюз, на... На Востоке, например, цинк очень в ходу. И главное, оптом последнее время берут!

Глебушка. Ничего, скоро и на Западе так будет. Только на прокат. А то их кредитные пузыри с ипотечным кризисом дуют.

Роман Андреевич. Так вы, что, и на Запад возите?

Михаил (*радостно*). А то! У нас же экологически чистое всё. Без примесей, на.

Глебушка (*выдувая дым*). Европейцы, они же без гмо любят... Отличный самокрут, кстати.

Михаил. Вот ты знаешь, Ромыч, что такое настоящий дубовик? Любой короед зубы обломает. А сосна?! А тополь?! Осина! Бук! А подушки с покрывалами?! Атлас! Тюль! Жак... ёпт, как там, на?

Глебушка. Жаккард.

Михаил. Точняк! Жаккард! А фурнитурка?! А обивка?! Лежать одно удовольствие! Чисто младенцем себя чувствуешь! Если б не жизнь — сам бы лег!

Отец Сергей. Ты, сын мой, говори да не заговаривайся.

Михаил. Ну да. Это я лишку дал.

Роман Андреевич. И много у вас клиентов?

Михаил. Отбоя нет! Сейчас-то мы упор, конечно, на западную VIP-клиентуру сделали. На элитарку.

Глебушка. Своих-то мы еще в 90-ые похоронили.

Роман Андреевич. Я помню.

Михаил. Своих тоже с удовольствием хороним. Просто количество сейчас не то... А знаешь что, Ромыч, у нас ведь и скидки имеются. Для среднего класса и для чуть пожиже.

Борис. Эконом-класса.

Глебушка. Для совковых экономистов. В мешковине. Народ ведь поддерживать надо.

Михаил. Глохни, Глебушка! А ведь можно и на заказ, Ромыч. Например, в Китае есть висячие гробы на скалах. А сейчас же ретро всемирное пошло. Хотят, чтоб как у предков было. К истокам, так сказать, припасть, на.

Роман Андреевич. Китай — это уже не Ближний Восток. Что у тебя с географией, Миша?

Михаил. Да хер с ним, какая, на, разница! Мрут-то так же. А воздушные похороны у узкоглазых япошек? А водные у пиндосских офицеров? Горный воздух, океанская вода! А наши погребальные ладьи? Это же обряды целые! Традиции! Э-ко-ло-гия! А экология — это всегда субсидии, госдотации, гранты. Э-э-эх!.. Гробы! Саваны! Кремация! Курганы, наконец, лепить можно! Размах! Размах-то какой! Гло-ба-ли-за-ци-я! На!

Глебушка. Миша обрел себя. Видите, аж глаз горит. На пепелище.

Михаил (*никого не слушает, бегаёт, машет руками*). Или вот недавно одного хера в реальном iPhone хоронили. Типа в Apple. Только побольше. Пойми, Ромыч, просто гроб — это прошлый век. Сейчас эксклюзив в ходу. Гламур, на! (*Пишет в воздухе рукой.*) «Умирать не страшно, умирать — дорого!» Чего за этот год только не было. И башмак, и бутылка водки, и авто. Прикинь, даже рояль был. А наши бронированные катафалки с ветерком?! А какие у нас саркофаги?! Ты бы видел! Чистый музей! Ни у кого лучше нет. Даже двуспальники с реальным лифтом были. Ты только зацени. Вот была семья скромных чиновни-

ков. Душа в душу, вашу Машу, жили. Он недрами заправлял, она кадастры подмахивала. И тут — оба-на! Кругосветка им в одном конверте подвернулась. От благодарных недровиков.

Глебушка (*поправляя*). Недропользователей.

Михаил. Не. Недровиков. В общем, они в один день и час — от Эболы в Сьерра-на-Леоне гикнулись. Ну мы их, по просьбе управления, — в тандеме, и на лифте. Вжих! — и на минус первый этаж, под земельный фонд. Мечта всей жизни, на!

Роман Андреевич. Какого еще управления?

Глебушка. Могли бы и догадаться. Кадастра и картографии.

Борис. Они по рекомендации Министерства к нам обратились. Природных ресурсов и экологии. Тоже хорошие ребята.

Глебушка (*с сарказмом*). Очень.

Михаил. Именно! Понимаешь теперь, Ромыч? Всегда вместе. Бок о бок. *Тут рядом, там рядом.* Не разлей вода. Одно слово — семь-я! Тандем, на!.. Эх, жаль, ты нашей выставки на Вэ-Дэ-Эн-Ха не видел! А какая там «красная дорожка» была!

Роман Андреевич (*изо рта которого вяло свисает сигара*). Выставки?

Борис (*шмыгая пыльным носом*). Да, ее еще отец Сергей освящал. «Некрополь Москвы»¹. Мы даже Гран-при получили. Нам и статуэтку с грамотой дали.

Роман Андреевич. Статуэтку? С грамотой?

Глебушка. Ага. Верительной. «Лауреату Выставки достижений некроложного хозяйства».

Отец Сергей. Было дело. Божье. Благое. Мэр вручал.

Михаил. Во такенный крест в золотом венке! (*Разводит руками.*) А в прошлом году мраморный ангел был. Мы тогда еще не очень развернулись, да и серьезных выходов на оргкомитет

¹ Выставка новинок похоронного бизнеса проходит в одном из павильонов ВДНХ. Имеет статус международной. В 2012 г. проект «Некрополь» с помпой отпраздновал 20-летний юбилей. (*Прим. авт.*)

не было — поэтому только третье место заняли. Я ангела матери подарил, он у нее в спальне сейчас стоит. Но ангел, конечно, хорошо, да и маме, на, приятно... но все ж таки не так, чтоб очень... Самое главное, Ромыч, это то, что мы благодарственное письмо от Мосгордумы получили. Копию маман в рамку повесила, а я с собой оригинал ношу, если проверка какая. *(Вытаскивает из внутреннего кармана сложенный четверо лист бумаги, разворачивает, с восторгом читает.)* «Уважаемые партнеры! Выражаем нашу искреннюю благодарность и глубокую признательность за участие в выставке. Мы верим в сохранение сложившихся деловых и дружеских отношений, надеемся на дальнейшее взаимовыгодное сотрудничество и укрепление связей на российском рынке. Желаем успешного развития и достижения новых вершин в бизнесе». Вишь, чья подпись, на? То-то же! Считай — индульгенция! *(Показывает письмо олигарху, гордо прячет в карман.)*

Глебушка. Так что с душой подходим. Креативненько. Гробовых дел мастера. По телику даже целая передача о нас была. «Новости ритуалки». Лизончик мастер-класс по плетению венков провела, Настурция азам траурной лепки учила. Она у нас очень талантливая оказалась. Фея смерти, можно сказать. Если вам, Роман Андреевич, ваши руки когда-нибудь понадобятся или маска — обращайтесь, милости просим... *(Олигарх начинает сильно кашлять.)* Вам по спинке похлопать?

Роман Андреевич *(откашлявшись)*. Не надо.

Отец Сергей. Это всё сигары контрабандные...

Глебушка *(продолжает)*. А Боря, не поверите, в кои-то веки не поленился и скачал в Инете две презентации. Одну по крионике¹, другую — сразу по изготовлению гранитных плит, чтоб

¹ Крионика, криоконсервация (от греч. κρύος — холод, мороз и лат. conservo — сохраняю) — практика замораживания людей, находящихся в состоянии клинической смерти, в жидком азоте с надеждой на возрождение их в будущем.

далеко не ходить. Потому что тут ведь пятьдесят на пятьдесят — либо прокатит, либо нет... Народу на презентациях, надо сказать, тьма была. Хочется ведь при жизни чему-то стоящему научиться... Ну и Миша, конечно, очень пылко говорил. О новых формах во времена стагнации, о скидках, о тесном сотрудничестве с Евросоюзом. Жёг, можно сказать. Пожарче, чем в крематории.

Роман Андреевич. То есть... Подождите... Миша вот говорил... Вы хотите сказать, что на заказ любую форму можно сделать?

Михаил. Хоть тульский самовар. Или даже пряник. Такой, знаешь, типа с глазурию, на. Шоб послаще... Но тебе, если хочешь, можем в форме сигары скрутить. А сверху голограммный портрет нашлепать.

Глебушка. Хоть в профиль, хоть анфас. И еще в шотландский плед замотать. Для теплоты. Эпоха креаклов и креативщиков — сами понимаете. Время-то какое. Пора к землице привыкать.

Роман Андреевич. Какое такое?

Глебушка. Содомии да мать ее Гоморры. Кругом сплошные творчество, разврат и суицид. Как там говорят? Человек проживает жизнь с мебелью из Дэ-эС-Пэ, а в землю ложится в дереве из ценных пород. Золотые слова, между прочим. Благость, как сказал бы наш экзорцист.

Отец Сергей. Окстись, Глеб Вадимыч!

Глебушка. Ща! Окщусь! Вы, кстати, в курсе, Роман Андреевич, что вашего Малевича вообще в супрематическом гробу кремировали? *(Поочередно кивает на «Черный» и «Красный» квадраты.)* Знаете, в чем фишка? Этот гроб был в виде креста с раскинутыми руками. Я вот думаю, как же его в печь засунули?

Роман Андреевич. Да, интересно, как? *(С удивлением смотрит на «Квадраты».)*

Глебушка. Надо полагать, боком.

Роман Андреевич. Думаете?

Глебушка. Ну а вы по-другому попробуйте. Я посмотрю.

Роман Андреевич. Честно говоря, не хочу.

Михаил (*переходя на доверительный шепот и оглядываясь по сторонам*). Это что, Ромыч. Гробами же еще и революции поддерживать можно.

Роман Андреевич. Это еще как? Не понял.

Михаил. Ну сам подумай, чё гробы порожняком на Запад гонять? Вот сейчас шотландцам помогаем.

Роман Андреевич. И что же вы им поставляете?

Михаил. Что-что?! Волынки для переворотов. (*Начинает громко ржать.*) Но я тебе, Ромыч, этого не говорил.

Роман Андреевич (*снова кашляет, тушит сигару в квейке*). Вы, Кряжистые, даже как-то выросли в моих глазах... В своем цинизме. Молодцы.

Глебушка. Не циничней жизни, Роман Андреевич.

Роман Андреевич. Ну да. Согласен. Какая-то мысль в голове всё вертится и вертится... Год, значит, этим занимаетесь... Авиа-линии, гробы... А акционеры кто? Ах, ну да, что это я глупые вопросы задаю... (*Задумчиво выуживает из споррана таблетницу, наливает в фужер виски, запивает пилюли.*)

Глебушка. Роман Андреевич, слушайте, а чем это вы закидываетесь, если не секрет?

Роман Андреевич. Это от давления.

Глебушка. «Колеса» с алкоголем?

Роман Андреевич. А какая разница?

Глебушка. Никакой. Просто вштыривает, наверно, неплохо. Да, Боряйла?

Борис (*Глебушке*). Матери только не говори.

Глебушка. Про Мишу тоже?

Михаил. Меня вроде отпустило. Я ж чутка только. Побаловаться.

Глебушка. Зато Бореньку, я смотрю, так и не взяло. Совсем толерантный стал.

В этот момент в залу входят Каролина Карловна, Лизон, Настенька и слуги. В руках у них блюда.

Леон. Мясо! *(Пауза.)* Sir!

Каролина Карловна. А вот и баран! К столу, мальчики! Ох и накурили!

Мужчины поднимаются и проходят к столу. По пути Роман Андреевич заворачивает к трону и вытаскивает несколько бутылочек из кармана. Смотрит на дорогие этикетки, возвращает на место, вытягивает бюджетные «Johnnie Walker» – «Red» и «Black Label».

Глебушка. О! Чую запах паленого агнца!

Настенька. Мы его частично спасли.

Глебушка. А мы его по полной накажем! Жрать хочу – сил нет. А то в самолете эти термообеды дурацкие. Толком и не поешь, измажешься только весь. Надо Светлане Николаевне сказать. Не бережет она свои авиалинии. Глядишь, семья Кряжистых такими темпами скоро по миру пойдет.

Михаил. Не пойдет, на.

Глебушка. Ах, ну да. У нас же дотации, гранты. Гробовые.

Все усаживаются за стол. Лизон ставит тыкву от Swarovski в центр накрытого стола.

Леон с Бенедиктом разрезают барана. Кладут каждому по куску. Накладывают запеченную картошку.

Роман Андреевич (Леону). А мне приготовили?

Бенедикт. Ask, Роман Андреич. Уральские.

Бенедикт со словами: «Sorry, что не в мать» снимает колпак, закрывающий серебряный поднос, и ставит перед олигархом глубокую деревянную миску под хохлому – с пельменями. Рядом кладет расписную под палех ложку.

Леон. Кисель будете? Вы просили.

Роман Андреевич. Ага! Сварил всё-таки. Наливай!

Леон подхватывает глиняный кувшин. Плещет кисель в олигархическую кружку-гжель.

Леон. Кому еще?

Глебушка (*вооружается вилкой с ножом*). Никому. Мы не для этого уезжали. Знал бы, чебуреков вам из Москвы привез. Какие у нас разносолы в Москве, Роман Андреевич! Беляши, шаурма, пирожки с мясом. А начинка! Купи пять чебуреков и собери кошку. (*Лизон смеется*.)

Каролина Карловна. Помолчи, Глеб! А вы почему, Роман Андреевич, барана не едите?

Роман Андреевич (*поглощая пельмени*). А надоела мне эта замковая кухня. Хочется чего-то родного.

Глебушка. Коммунального. Вы валенки специально не носите, чтоб никто не догадался? Или ножки преют?

Роман Андреевич. Они с килтом не смотрятся.

Глебушка. Вы это серьезно?

Роман Андреевич. Вполне. (*Слугам*.) Свободны. (*Всем*.) Давайте праздновать!

Леон с Бенедиктом удаляются.

Глебушка. Поддерживаю! И раз у нас такое хэллоуиновское дело случилось, то, может, кто-нибудь слово возьмет? (*Отцу Сергию*.) Может, ты? Нет? Ну на нет и Судного дня нет. Тогда я скажу. (*Поднимается*.) Итак, господа, что же из себя представляет этот великий праздник, доставшийся нам в наследство чёрт знает откуда и чёрт знает от кого?

Отец Сергей. От Сатаны праздник сей. Лукавый день.

Глебушка. В связи с чем даем слово экзорцисту, ибо они просят.

Отец Сергей. Не буду славить. Греховный день.

Глебушка. А в компании ряженных пить не греховно?

Отец Сергей. Я согладатайствую, чтобы вы во грех не пустились.

Глебушка. Угу. В свальный. Ну, ладно – соглядатайствуй. А я пока тост скажу. За руки предлагаю не браться и благодарение не приносить.

Настенька. Мне кажется, ты праздники путаешь.

Глебушка. Я вас умоляю, сударыня. Всё это одного поля ягоды. Только идола с провайдерами разные.

Лизон. Глебушка, ну можно уже быстрее как-нибудь? Рука устала бокал держать.

Глебушка (*юродствует*). Быстрее только котики для чебурек рождаются, а у нас сегодня большой день. Важный. День бесов и прочей нечисти. (*Высоко поднимает бокал.*) И только в таком коллективе, только в этой изумительной макабрической атмосфере и черной ауре можно справлять сей нелепый праздник. Ведь вспомните, что было раньше! Международный женский день, День защитника Отечества, День Победы, годовщина Октябрьской революции, Новый год, наконец. Кто были наши герои? Клара Цеткин, Роза Люксембург, Владимир Ульянов. А что сейчас? День нетрадиционной ориентации, День святого Валентина, Хэллоуин. Кто этот Валя-Валентин? Кто эти бесы, я спрашиваю? Девальвация праздников произошла. Обнищание героев. Экспансия западничества на наш Восток. На нашу Евразию и Азию. Продали, господа, страну! Разворовали! Обесчестили! И да упокоится с миром всё то, что строили наши деды и прадеды, и что с таким удивительным разгильдяйством мы профукали всего за пару десятилетий. Посему – рыдает Москва! Дрожит столица! Аминь, господа-товарищи! (*Залпом осушает бокал.*)

Борис. Кто-нибудь понял, что он сейчас сказал?

Михаил. Очень даже понял, на. Измазал ты нас, Глебушка, по самое небалуй.

Глебушка. Сами измазались. Расхлебывайте теперь.

Лизон. А ты типа как и ни при чем?

Глебушка. А я как Сергуня. Соглядатайствую, чтобы вы еще чего не учудили.

Каролина Карловна. Ну, с тобой, Глебушка, всё понятно. У кого есть приличный тост?

Настенька (*вскидывает вверх волшебную палочку*). У меня.

Борис. Давай, Насть, говори!

Настенька. Когда умер папа...

Глебушка. Отличный день для ковыряния в прахе.

Михаил. Глохни! На!

Роман Андреевич. Продолжайте, Настенька.

Настенька. Так вот, когда умер папа и мы все его хоронили, я думала, что земля уходит у меня из-под ног. Ведь, казалось бы, всё тогда пропало...

Глебушка. Заводы, акции, яхты...

Настенька. Я так не могу!

Каролина Карловна (*Глебушке*). Не перебивай!

Глебушка (*тихо*). Ее перебьешь, как же. Самим останавливать придется.

Настенька. Ну так вот. А папа, если помните, не очень хорошо тогда поступил. Но он пожилой человек был.

Глебушка. Возраст — лучший друг Альцгеймера.

Каролина Карловна. Не был он в Альцгеймере!

Глебушка. А в каком интеллектуальном голодании он тогда был?

Каролина Карловна. Не тебе судить его! Продолжай, Настя!

Настенька. Ну вот. И когда он нас всех лишил наследства, я думала, что всё — День всех святых настал... А он вот продолжается... Этот День... Извините, я что-то путаюсь... И теперь, когда папы нет... Мы всё равно помним о нем, потому что в нашей семье появилась Светлана Николаевна и Сашенька... А Светлана Николаевна святая женщина оказалась — не пустила нас по миру, не дала умереть, а приютила, дала хлеб и кров, образование...

Лизон. Стоп, Настька. Чё-то я не воткну, а к чему ты это всё рассказываешь?

Настенька. Так канун Дня святых. А папа — святой человек был. И Светлана Николаевна святая...

Глебушка. Святая! Фактически все папкины деньги заграбастала и вассалами нас сделала. Настурция, надо было тост ска-

зять, а не зауспокойную прочесть. Тем более что эта святая женщина, в отличие от папика, еще жива.

Лизон. Блин, никто не знает, что в этот день говорить нужно! Прикольный же праздник! Вы чего все?!

Борис. Может, я попробую?

Каролина Карловна. Попробуй, Боренька.

Борис (*поднимается*). Я вот что хочу сказать. Вот, если взять в расчет, что смерти в ее духовном смысле нет, то праздник Хэллоуин, безусловно, является доказательством того, что мертвые среди живых, а живые среди мертвых.

Михаил. Поясни. Ни хера непонятно.

Борис. Ну, Миша, это же просто. Иными словами, не каждый мертвый является мертвым, в то время как и не каждый живой живым. Понимаешь, Миша, таким образом происходит как бы казуистика или физическая несостоятельность ряда философских школ, базирующаяся на материальном восприятии мира. Так как в этот День не представляется возможным отличить одно от другого – дух от тела, а тело от души. Поэтому предлагаю выпить и вспомнить всех тех, кто уже не с нами, но остался в нас. Как говорят в Финляндии: кахта куолемаа эй оле эйкя ихдельтя вьяльтю. Двум смертям не бывать, а одной не миновать. Спасибо.

Каролина Карловна. Ты от Бога оратор, Боренька! И с финским у тебя гораздо лучше стало.

Глебушка. Ага, блеснул эрудицией и погас. Твои слова да нашему экзорцисту в уста. Вся паства бы его была. Роман Андреевич, вы Бореньке ваших пилюлек не давали?.. Ах, ну да, я и за был совсем...

Михаил. Вообще ни хера не понял, на!

Глебушка. Это потому что у Бори IQ очень высокий. Девять по шкале Рихтера¹.

Роман Андреевич. Честно говоря, я тоже не совсем понял,

¹ *Шкала Рихтера* – сейсмическая шкала для оценки колебаний при землетрясениях. Содержит условные единицы от 1 до 9.

что ты, Борис, хотел сказать. Да и финский-то тут при чем?

Борис. Финский мне, Роман Андреевич, для саморазвития нужен. Я же вам говорил. В остальном могу повторить. Душа и тело как бы едины, а смерть как бы является перерождением физической составляющей живого человеческого естества из одной сути в другую. В плоскость Бога и райских куш. По-фински – в Паратииси. То есть – в Рай.

Глебушка. Чистый Демосфен. Тебе бы в рот камней напихать.

Лизон. Борька! Глебушка прав, ты такой умный, аж оторопь берет! Ты в самолете с преподобным Сержем, что ли, сидел? (*Возится с планшетом, хихикает.*)

Отец Сергей. Не уместно, дочь моя, иронизируешь. Борис давно Богом интересуется.

Глебушка. Ага, поэтому Хэллоин справляет.

Отец Сергей. Борис в поиске. Мечется душа. Я напутствовал его.

Глебушка. Как-то он, однако, кривенько по этому пути пошел. Буераками какими-то.

Каролина Карловна. Давайте не будем отвлекаться! Итак, Боренька, ты сказал прекрасный тост. Предлагаю чокнуться.

Настенька. В Хэллоин?

Глебушка. Идея. О покойниках либо хорошо, либо ничего. Поэтому предлагаю – молча. Не чокаясь.

Настенька. Но у нас же не поминки!

Лизон. А я с Глебушкой согласна! Прикольно же!

Каролина Карловна. Дети! Хватит шутить!

Роман Андреевич. А что, в этом, кстати, есть сермяжная правда. Праздник всё-таки специфический.

Роман Андреевич поднимается. Все, переглядываясь, следуют его примеру. Немного неловко поднимают бокалы, но не чокаются. Лизон хихикает.

Глебушка (*поддакивает Лизону*). Тихо. Минута молчания. Быстро склонили черепа. (*Опускает голову*)

Все выпивают. Садятся. Приступают к еде.

Глебушка (*жуёт*). Ну-с... Кто кого вспомнил?

Михаил. Кого, на?

Глебушка. Ну вот ты, к примеру, кого вспомнил в минуту молчания? Тех, кого ты из физического в астральный мир в Москве перевел, вспоминал?

Михаил. Мать, он мне надоел, на!

Каролина Карловна. Глеб, не начинай!

Глебушка. Так полагается усопших вспоминать.

Роман Андреевич. Вы, Глеб Вадимович, с католическим днем путаете. А это Хэллоин. Светский праздник. Он накануне празднуется.

Лизон. Да, Глебушка! Его праздновать надо. Праздно-вать!

Глебушка. А как? На демонстрацию выходить? Черно-оранжевые ленточки повязывать? Белыми обматываться? Может, еще какие-нибудь пошлые бутоньерки в виде алых и белых роз придумать?.. И ничего я не путаю, Роман Андреевич, в некоторых странах эти праздники совпадают. Вот прямо день в день.

Лизон. А и в самом деле, как праздновать будем?

Отец Сергей. Нарушены традиции. А когда нет традиций, тогда и Бог у праздника отсутствует. Бесовщина сплошная.

Роман Андреевич. Ну, традиция, положим, у праздника многовековая.

Глебушка. Ну-кась, просветите. Вы ж, небось, его уже не первый год справляете? А то мы дальше тыквы с пьянками в своих Мытищах не продвинулись.

Роман Андреевич (*хмыкает*). Лучше б не справлял. Мне бы что-нибудь попроще. 23 февраля, например.

Глебушка. Только не рассказывайте, что вы еще и служили.

Роман Андреевич. Служил, что ж вы, Глеб Вадимович, думаете, я сразу бизнесменом стал?

Михаил (*искренне*). А чё, нет?

Роман Андреевич. Да нет, Миша. Перед тем, как им стать, надо было годы своей стране отдать. Долгие годы.

Глебушка. Отдали годы — забрали недра. Знаем, плавали.

Роман Андреевич. Вы, Глеб Вадимович, постоянно утрируете. И, кстати, да, именно плавал. Я Балтийскому флоту, между прочим, три года отдал.

Глебушка. То-то его разворовали наши дружественные республики. Ваших шаловливых рук дело? За три года такое можно наворотить! Аж дух захватывает! А было бы больше времени, вы бы, небось, собственноручно Байконур казахам подарили, а Севастополь хохлам. Да, Роман Андреевич? А тут флотик какой-то балтийский с корабликами. Как говорится, с Днем Рождения, страна, потерявшая треть!

Каролина Карловна. Глеб! Ты сейчас обратно в Москву полетишь!

Михаил. Можно я его провожу, на?

Каролина Карловна. Нужно!

Глебушка. Забываешься, Карловна. Это раньше ты мне могла такое сказать. А сейчас всё в руках у Светланы Николаевны. Думаю, она сильно опечалится, если я неожиданно вернусь. Всё-таки билетики за ее счет куплены.

Каролина Карловна. Ладно, сиди. Роман Андреевич, извините, перебили вас.

Роман Андреевич. Ничего, Каролина Карловна. Хорошо, что хоть кто-то перебивает. А то тоскливо очень. А вам, Глеб Вадимович, вот что замечу. Моей биографии на десятерых, между прочим, хватит. Вначале Пэ-Тэ-У, потом шоферил, морфлот, кооперативы... Я ведь и правда с морфлота бизнес начал... Только не продавали мы флот, а модернизировали, как сейчас принято говорить.

Глебушка. В ноль умодернизировали.

Роман Андреевич. В ноль не в ноль, а первые большие деньги я именно на морфлоте заработал.

Глебушка. «Поднял бабло» надо говорить, Роман Андреевич. Отвыкаете от русского языка.

Роман Андреевич. А это, по-вашему, русский?

Глебушка. Самый что ни на есть.

Роман Андреевич. Ладно, не будем спорить... А вам разве не интересно послушать, на чем я первый капитал заработал?

Глебушка (*поправляет*). Сколотили.

Роман Андреевич. Ну да. Построил.

Михаил. Так на чем, Ромыч?

Каролина Карловна. Очень интересно, Роман Андреевич.

Лизон. А по мне, так про Хэллоуин интересней послушать.

Роман Андреевич. Про Хэллоуин я еще расскажу... Одну секундочку... Давление...

Запивает киселем горсть пилюлей, затем поднимается, идет к трону, берет волюнку и резко в нее дудит. Гости вздрагивают. Появляются Леон с Бенедиктом.

Леон и Бенедикт (*хором*). Yes, sir?!

Роман Андреевич (*командует*). Камин!

Бенедикт. Come in?

Роман Андреевич. Камин!

Леон. Так мы ж вошли.

Роман Андреевич. Я вижу! Камин зажгите!

Леон и Бенедикт (*хором*). Just a moment, sir! (*Суетятся около камина, зажигают.*)

Роман Андреевич. Свободны.

Леон и Бенедикт (*хором*). O'key!

Леон. А пудинг когда подавать?

Роман Андреевич. Позже!

Бенедикт. Чай с молоком? Имбирь? Или лучше с чабрецом?

Роман Андреевич. Валите отсюда, я сказал!

Леон и Бенедикт (*хором*). OK! OK!

Бенедикт (*Леону*). Так бы сразу и говорил. А то орет только.

Леон (*Бенедикту*). Мне от этой волюнки уже тошно. Хоть бы ему кто губную гармошку подарил...

Слуги уходят. По пути приглашают свет в зале: бра бликуют, камин трещит, Swarovski льбится.

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ
ИМПРЕССИОНИСТСКАЯ ЛИНИЯ

Глебушка. Ну вы ваших сиамских близнецов и вышколили, Роман Андреевич! Какие манеры, какой прононс! Чувствуется британская школа! Лёлек даже на целый дюйм подрост. Да и Болек восхитителен. На скрипке играть еще не начал? Английский, я смотрю, он уже в совершенстве знает. Пора его на Бейкер-стрит переводить.

Роман Андреевич. Нет, не играет. Но со временем не исключая.

Каролина Карловна. Морфлот, Роман Андреевич!

Роман Андреевич. Он самый. *(Жадно осушает кисель из желье-кружки и поднимается из-за стола.)* Итак! Балтика! Вы только представьте себе на мгновение. Чайки! Кряквы! Лысухи! Дуновение ветра. Солёный вкус на губах. Изморось. Море большое, рыбы много!

Глебушка. Аж мороз по шкуре! Прямо так и вижу — закаленный морской волк. Борода. Трубка. Рельефные бицепсы под тельняшкой. Вылитый Хэм. А изморось, конечно, добила.

Настенька. Глебушка, не перебивай! Дай Романа Андреевича послушать!

Роман Андреевич *(садится)*. Сбился я что-то...

Глебушка *(напоминает)*. Лысухи, кряквы. Матросский бушлат, бескозырка и лента в зубы. Я в восхищении от ваших образов. Вы мне даже Мишу чем-то напомнили. По темпераменту.

Михаил *(Глебушке)*. Еще раз вякнешь, урою!.. Давай, Ромыч! Русский без водки, что моряк без лодки! *(Выпивает виски «в одно лицо».)*

Роман Андреевич. Ну так вот. Птицы реют, ветер дует, рыба плещется... *(Пауза.)* А какие гагары там!

Глебушка. Гоголя на вас нет. Прошу прощения, конечно, Роман Андреевич, у вас в школе по сочинению какая оценка была?

Михаил *(Глебушке)*. Я тебе что сказал, на?! Ща вилкой по губам получишь!

Роман Андреевич. Крепкая тройка у меня была, Глеб Вади-

мович. Но — крепкая! В бизнесе, кстати, литература не нужна.

Глебушка. Это да. Согласен. Сегодня оценки в школе вообще не компромат. Компромат — ворованные диссертации. Продолжайте.

Роман Андреевич. Так вот, а мы на корабле!

Лизон. На каком?

Глебушка. «Балтика-семёрка»¹.

Михаил. Ма, я заеду ему в ухо? Можно?

Каролина Карловна. Глеб, в самом деле, дай послушать, сколько ты болтать можешь?

Глебушка (*вяло машет рукой*). Ладно уж, слушайте вашу сагу о море. Без буревестников и альбатросов.

Роман Андреевич (*подтягивает к себе тарелку с запеченной картошкой*). Судно наше, Лизонька, называлось скромно, по-домашнему — «Варяжек».

Глебушка. Вальяжек? Это эсминец или дредноут?

Каролина Карловна. Глеб!

Глебушка. Не перебиваю. Просто переспросил.

Лизон. Тебе же сказали. «Варяг». Только маленький.

Роман Андреевич. Да, небольшой. Под ним сельдь, треска, камбала. Сёмужка мигрирует. Шпроты бултыхаются.

Глебушка. В масле?

Роман Андреевич. А?

Глебушка. Вот тут юродствовал, извините. У матросов нет вопросов.

Роман Андреевич. Ну вот. Внизу, значит, рыбные косяки без толку шныряют, а я наверху картошку чищу.

Лизон. Вы и картошка?!

Настенька. А что тут удивительного?

Лизон. Просто в голове как-то не укладывается.

Настенька. Ну Роман Андреевич не всегда же таким был, правда?

¹ «Балтика №7 Экспортное» — марка пива.

Роман Андреевич. Естественно, Настенька. А что такое на морфлоте чистить картошку? Подушечки пальцев – в кровь. А ведра стоят. Ты чистишь, а ведер, кажется, только больше становится. Ты чистишь, а ведер больше. Чистишь, чистишь, а ведер всё больше и больше. Чистишь, а их всё больше. Ты чистишь-чистишь... *(Сбивается.)*

Глебушка. Фарватер потеряли? Роман Андреевич, вас плющит или мне кажется? Может, давление подскочило? Ну-ка, скажите быстро – эскалация, экстрадиция, экспроприация.

Роман Андреевич *(вздрагивает)*. Экспро... А?! Ну так вот... И в какой-то момент приходит осознание того, что этот процесс необходимо модернизировать. А как его можно модернизировать? Как повысить капитализацию? *(Подхватывает на вилку картошку.)*

Лизон. Как?

Роман Андреевич. Очень просто. Не чистить картошку! *(Поднимает вилку с наколотой картошкой высоко вверх.)*

Глебушка *(хлопает себя обеими руками по коленям)*. Гениально! Низкий поклон вам в ватерлинию!

Роман Андреевич. Конечно, гениально! Ведь ее можно просто варить в мундире, поскольку в кожуре самые питательные элементы. В ней вся соль жизни. Вся философия!

Михаил. Ну а бизнес-то тут в чем?

Глебушка. Да, в чем спекуляция?

Роман Андреевич. Как в чем? Время же высвобождается. То самое время, которого так не хватает любому молодому матросу. *(Жадно поглощает картошку.)*

Глебушка. Боевому матросу или коку?

Борис. Глеб, надоел, правда. Ну и что с этим временем делать? Письма домой писать?

Роман Андреевич. Да нет. Зачем? Ведь пока варится картошка – мысли разные в голову приходят, проекты рождаются, бизнес-планы строятся. Вы вообще представляете, что такое Балтийский флот? Сколько ежегодно боеприпасов под списание идет? А ведь это же не утилизировать можно, не выбрасывать

почем зря, а только по бумагам проводить. И вот стоишь ты на палубе, пока крахмал в кастрюлях доходит, куришь и видишь, как к кораблю шлюпка плывет с европейскими товарищами... А что такое Европа по тем временам? Магнитолы, виски и валюта, между прочим! И вот выплывают из импортного тумана кассетники, солодовый напиток, долларовые знаки...

Глебушка. Не шпроты, значит?

Роман Андреевич. Да какая разница, Глеб Вадимович! Меня, между прочим, после этого на руках весь личный состав носил! Знаете, как это всё на черном рынке шло?

Каролина Карловна. Вы, Роман Андреевич, просто уникальный человек!

Глебушка. То-то вас на Родину тянет. Теорему Фирма доказывать. Небось в Шотландии такой кунштюк с русской смекалкой не прокатит. Да и возраст у вас не призывной. Одного не пойму, кто вас до такой кормушки допустил вообще? Что, старшие товарищи поделитья со своим коком решили?

Роман Андреевич. А язык? А переговоры? На флоте же по тем временам только азбуку Морзе знали. По-английски все через пень-колоду.

Глебушка. Это вас в Пэ-Тэ-У языку научили? Или пока шоферили?

Роман Андреевич. Сам, Глеб Вадимович, изучал, сам! В школе английский так себе преподавали. На уровне «I am a boy. I am a pioneer boy. I live in Moscow». Но самоучители достать можно было. Цена-то смешная была – несколько чешских стёрок и «биговская» ручка.

Борис (*подобострастно*). Да! Самоучители всегда пригодиться могут!

Настенька. Я прошу прощения, Роман Андреевич, что вторгаюсь в ваш профессиональный разговор. А где вы тогда стёрки такие брали? Ну, чешские...

Роман Андреевич. Как где? На жвачки менял. Польские.

Глебушка. Роман Андреевич, вы какого года рождения? Какие стёрки? Какие жвачки? Вы себе лет двадцать скостили.

Михаил. Да, Ромыч, это моя молодость, на.

Роман Андреевич (*в замешательстве*). Но ведь что-то же я менял? Странно...

Борис. Может, джинсы с пластинками?

Роман Андреевич. Убей Бог, не помню. Так много опций в моей жизни было. Так много суеты... Зажигалки, марки, значки. Тут разве вспомнишь всё? Я ведь поднимался год за годом. Рос. Шелуху, как говорится, отбрасывал, ненужное из памяти вымарывал... Потом вот акции пошли, доли, облигации. Бартер. Мена. Если честно, запутаться можно. Кооперативы, ЗАО, корпорации. В голове от этого кавардак иногда стоит... (*Пауза.*) Тут ведь как? Деньги же, если вдуматься, — мусор. А в основе всего мена лежит. Вот как раз на ней мир всегда стоял и стоять будет. И суть грамотного бизнеса состоит не в том, как выгодней купить, а как удачней... ну, не знаю, к примеру, угольный завод на нефтяные акции обменять. И ни копейки при этом не потратить. Вот тогда-то спекуляция, как выразился Глеб Вадимович, и становится настоящей инвестицией... Вы вот, наверное, думаете, что мы при капитализме живем? Ничего подобного. У нас как был перво-бытнообщинный строй, так и остался... Так что — жвачки я, скорее всего, и менял...

Глебушка. Божественно, Роман Андреевич! Я в восторге от вашей манеры изложения. И служить вы толком не служили, и работать не работали, и меняли непонятно что. Крепкий хозяйственник, иными словами... А что наш экзорцист на эти дела греховные скажет?

Отец Сергей. Мена — дело не греховное. А самообразование церковь всегда поддерживала.

Глебушка. У... Ну тогда предлагаю Романа Андреевича в королевский флот определить. Глядишь, Великобритания на суверенные графства сама развалится. И как вам, Роман Андреевич, только всё с рук сходило?

Роман Андреевич. А мне, между прочим, не сошло тогда.

Глебушка. Неужто посидеть пришлось? Что-то я не знаком с этой вехой в вашей биографии.

Роман Андреевич. Да нет. На берег списали.

Глебушка. Морская болезнь?

Роман Андреевич. Что-то в этом роде.

Глебушка. Чистый Хэллоуин получается. Старик Данте со своими кружками по интересам отдыхает. И вместо морского десанта у нас коки балтийские, и боеголовки мы на кассетники меняем. И на вопросы отвечаем всегда четко и без запинки: «да-нет». (*Пауза. Задумчиво.*) Вот интересно: «Тюльпан», «Буратино», «Катюша», «Подкидыш», «Палтус»¹. Система распознавания «Свой-чужой». Теперь вот «Вальяжек». Мы их, наверное, специально так называем, чтоб никто не догадался... Знаете, я картошечки, пожалуй, поем. В ней, я так понял, вся правда жизни. Вдруг бизнес-план какой родится. Скажем, как аглицкой королеве шотландскую юбку подарить и носить ее заставить... (*Сидит. Жует.*) Кстати, Лизон, не глянешь, что там у Трафальгара творится? Утром вроде спокойно было.

Роман Андреевич. Да, Лизонька, если не сложно. Откройте, пожалуйста, какой-нибудь новостной сайт.

Лизон тычет в iPad – гуглит.

Лизон. Только я всё читать не буду. Здесь очень много. О! Тут и ролик с музыкой есть. Включать?

Настенька. Конечно!

Лизон включает музыку на планшете. Раздается один из многочисленных унылых фолк-гимнов Шотландии «The Flower of Scotland», под который шотландские регбисты обычно выбегают на поле.

Лизон (*читает вслух с планшета*). «На дружественный слет биатлонистов в Лондон чартерным рейсом прибыла группа веж-

¹ Названия вооружений (*жарг.*)

ливых прибалтийских товарищей...» А, это не то. Это про спорт. Вот, наверное. «Великобритания щедро открыла свои границы нелегальным мигрантам без опознавательных знаков. Граждане страны ласково прозвали их „зелеными человечками“, поскольку во время намаза парламентарии не могут попасть в Вестминстерский дворец, подступы к которому перекрывают люди, обмотанные зелеными полотнищами...» Тоже ерунда какая-то... А, вот про Трафальгар. «В то нелегкое время, когда в холодные осенние ночи миротворческие силы НАТО вынуждены жечь покрывки, ирландские безработные беззастенчиво поддерживают шотландских коллег домашней выпечкой и горячими напитками „Cocktails Molotoffa“. Последний раз площадь расцветала так на торжествах, посвященных двухсотлетию празднования Трафальгарской битвы. Уникальность рецепта состоит в том...» Дальше неинтересно, пошли ингредиенты к коктейлю.

Глебушка. Ну, всё понятно. Кто не скачет, тот в портках!

Борис. Слава Шотландии!

Все. Шотландцам слава!

Глебушка. Чую, первый указ, который они введут, будет об «антигосударственном левостороннем движении». Наверняка еще организация по беспределу и сепаратизму свое веское слово скажет.

Роман Андреевич (*протяжно*). М-да... Их разогнали, а они всё равно вернулись... В Москву, конечно, надо. Всё-таки в ЭР-ЭФ такого нет.

Глебушка. Мне сейчас муха в слуховой аппарат не залетела? А, Роман Андреевич?

Михаил. Да рассосется, Ромыч. Не дрейфь, вялые они. Пошумят, вольнками помашут и расползутся. Тем более мы им левак часто гоним. Через раз всё стреляет, на.

Борис. Ну это вряд ли, Миша. Шотландцы народ свободолобивый. Их просто так не возьмешь!

Михаил. Да ну, Боряйла. Мутота это всё. Они сотни лет этой фигней маются. Лишь бы поорать. Пошумят, потом юбки напялят и опять в дуду.

Глебушка. Ага, Мишань, рассосется, как же. Как бы они королеву при таком раскладе не ухлопали.

Отец Сергей (*впечатывает мощную лапу в стол*). По делам ее греховным кара! За принцессу ответ держать будет!

Настенька. Жаль, конечно, если старушку убьют.

Каролина Карловна. Это невозможно! Она – королева!

Глебушка. Из воска, что ли? Как в музее мадам Тюссо? А с возрастом еще и не портится? Тебе бы так, Карловна, да?

Каролина Карловна. Я сказала, хватит! И вообще, что это мы то о бизнесе, то о политике.

Лизон. Точно, сколько можно! Роман Андреевич, вы же нам про Хэллоуин обещали рассказать. (*Показывает на тыкву в середине стола.*) Есть какие-нибудь традиции?

Роман Андреевич. Масса. Если Глеб Вадимович отвлекать не будет, с удовольствием расскажу. Эх, знали бы вы, как я по вам соскучился! По разговору этому...

Глебушка. Бессвязному... Сейчас сага о тыкве будет. Пост-модернистскую балладу о чапаевской картошке мы уже выслушали.

Каролина Карловна. А кому не нравится, тот может выйти!

Лизон. О тыкве! О тыкве, Роман Андреевич, расскажите!

Роман Андреевич. С удовольствием. Слушайте. Что мы, собственно, об этом празднике знаем? Ничего. А между тем у него есть своя история и многовековые традиции...

*В этот момент в зале резко гаснет свет. Женщины вскрикивают. Через какое-то время появляются **Леон** и **Бенедикт**. В руках они несут канделябры.*

Леон. Пробки, sir! Finish.

Слуги устанавливают канделябры и зажигают свечи. Отец Сергей крестится.

Бенедикт. Sorry, починим! Don't worry. (*Уходят.*)

Лизон. Блин! Круто! Как по заказу!

Роман Андреевич. Так вот, о традициях Хэллоуина.

Глебушка. Шёпота, Роман Андреевич, больше дайте. Так страшнее будет.

Роман Андреевич. Давным-давно, еще в дохристианские времена, — извини, конечно, Серёжа, — время делилось только на лето и зиму. А земли Ирландии, Северной Франции и Англии населяли воинственные кельты-язычники. И вот переход одного сезона в другой как раз и приходился в ночь с 31 октября на 1 ноября. Тогда в свои права вступала русская матушка-зима...

Лизон. Русская? В Ирландии?

Глебушка. Снова давление?

Роман Андреевич. Виноват, оговорился. Ирландская зима-матушка.

Михаил. Как-то не звучит, Ромыч.

Каролина Карловна. Кончайте уже перебивать! Рассказывайте, Роман Андреевич.

Роман Андреевич. Ну вот. А еще в эту ночь открывалась граница между мирами мертвых и живых. Называлась она... Как же она называлась... Вспомнил! Самайн! Тогда кельты наряжались в шкуры зверей, надевали рога и головы убитых животных и таким образом отпугивали демонов. Ну что еще. Приносили в жертву скот. Выходили на улицу и собирались вокруг костров. А вот в домах наоборот — очаг гасили. У меня, собственно, всё. *(С невозмутимым видом жует.)*

Все переглядываются. Смотрят на потухший камин.

Настенька. Как похоже. Камин, баран. И света нет.

Глебушка. А откуда инфа такая исчерпывающая? А, Роман Андреевич? Как вам так лихо удалось несколько тысячелетий в пару фраз уместить?

Роман Андреевич. Ну... это... Так Интернет... я погуглил...

Глебушка. Роман Андреевич, вы ли это? Погуглили? Сами?

В поисковике? Может, вы еще и на Facebook-е зарегистрированы — в этом храме самовыражения? *(Смеется.)* Ладно, давайте я расскажу, раз у нас Роман Андреевич информацией из Интернета толком пользоваться не умеет. На самом деле с этим праздником всё гораздо сложнее. И, в отличие от некоторых, я еще помню, что такое бумажная книга. Дело было так. Духов, как известно, надо прикармливать. Поэтому вся жратва выставлена на улице. И костры, у которых собирались кельты, разжигали не какие-нибудь «юбочники», а самые настоящие жрецы. Не попы, Сергунь, заметь, а друиды! А вот язычки пламени от этих священных костров уже разносились по домам, и от них зажигался огонь. Всё тогда между людьми и природой по чесноку было. Природа, а потом человек. А не так, как сейчас. Человек, а потом всё остальное.

Отец Сергей. Бог — есть мера всего сущего, а не человек с природой!

Глебушка. Вот такая фантомная вера и привела к тому, что мы сегодня имеем, Сергунь. Экзорциста, справляющего Хэллоуин.

Отец Сергей. Я за компанию приехал! Случайность с праздником вышла!

Глебушка. Для Бога случайностей нет, тебе ли не знать. И для кельтов, кстати говоря, тоже случайностей не было... Но ближе к делу... В первом веке нашей эры пришли римляне и подмяли кельтов под себя. А поскольку новая метла по-новому метет, то и праздники пришлось упразднить. Только вот незадача. Упразднить можно всё, что угодно. Но вот как заставить повиноваться? Втихаря всё языческое действие, конечно же, праздновалось, пока что? Правильно, пока не тупанул один из христианских пап. И не перенес празднование Дня всех святых с мая на ноябрь. Итог. Незаметно для себя христиане начали отмечать языческий праздник, о котором язычники, кстати говоря, никогда и не забывали. Кто еще кого победил, неизвестно.

Настенка. Так, может, в этом как раз хитрость была? Чтобы всех заставить христианские праздники справлять.

Глебушка. Может быть, Настурция. Очень даже может быть. Вопрос в другом. Так чьи же праздники мы все справляем?

Отец Сергей. Ересь не неси!

Глебушка. А ты, Сергунь, тоже погуглить можешь. Глядишь, любопытная информация на рясу вывалится. Отсюда что? Совершенно верно. В конце октября – начале ноября христиане всего мира рядятся в ведьмаков. Гадают, пугают, приносят жертвы. Я, пожалуй, баранинку пожую. *(Пауза.)* А хотите я еще про православное Рождество с Колядой расскажу?

Отец Сергей. Босаякие разговоры ведешь! Нечестивые!

Глебушка. Не хотите, значит. Понятно.

Борис. Где ты это всё вычитал, Глеб?

Глебушка. Там, где ничего не спрячешь. В Интернете, Боряй-ла. Ну и книжки кое-какие любопытные на эту тему почитал. Бумажные еще. Помнишь, были такие?

Лизон. Ну а с тыквой-то что?

Глебушка. О, тут вообще всё просто. *(Рассказывает зловеще.)* Много веков назад на диких ирландских землях, в то светлое время, когда их еще не облюбовали разные российские деятели, жил-поживал некто Джек. *(Ловит на себе неодобрительный взгляд олигарха.)* Не вас, Роман Андреевич, имею в виду. Вы у нас истинный шотландец, а не ирландец какой-нибудь завалыщий. Так вот, Джек этот, по легенде, вроде как кузнецом был. И был он таким скупердяистым и хитрющим, что смог обмануть даже Дьявола и получить от него обещание, что тот никогда не покусится на его душу. Но хитрован наш умудрился обмануть даже самого себя. В итоге после смерти он не смог попасть ни в ад, ни в рай. Поскольку, с одной стороны, Дьявол пообещал ему своего рода депутатскую неприкосновенность, а с другой – с апостолами Джеку договориться не удалось, ибо грешен и алчен наш кузнец был до безобразия. А у тех с коррупционной системой было жестко – но таких больших денег у Джека не было. Ну и, словом, отправили его обратно на землю – бомжевать и бродяжничать по странам и весям, до самого, стало быть, Судного дня. *(Многозначительно смотрит на олигарха.)* Вот как

с Романом Андреевичем, свет очей нашим, произошло. И единственное, что у Джека осталось — это кусочек угля, который он от ирландских бурь поместил в тыкву. Ну и стал побираться, освещая себе этим угольком путь. Заметьте, не ярким всполохом от угольных шахт, а простым таким древесным угольком... Ну а огонек в этой тыкве символизирует не что иное, как неприкаянность грешных душ. Сама же тыква называется — светильником Джека. Вот теперь всё.

Молчание. Все переваривают услышанное. Пауза.

Роман Андреевич. Плохой миф. Злой.

Глебушка. А не надо было воровать и жульничать. Ибо, как известно, каждый кузнец своего счастья. Кстати, никакую библейскую историю не напоминает, а, Сергунь? Про жида вечно-го?.. Возникает другой вопрос. Так чьи же мы истории друг другу на разный лад пересказываем?.. И что до мифов, то этот праздник — яркий образчик того, что вся наша жизнь — сплошной миф и абсурд. Только человек может смешать всё в одном корыте. И поминовение усопших, и вакханалии с тыквами. А лет десять тому назад еще и ЮНЕСКО отметилась. Включила Хэллоуин в список культурного наследия человечества. Клёво, да? Так что с праздничком вас, ведьмаки от христианства!

Роман Андреевич. Знаете что, Глеб Вадимович...

Глебушка. Это что, Роман Андреевич. Говорят, Джек нередко в дома захаживает. И не стоит на меня, как олигарх на народ, смотреть. Сами виноваты, что у вас всё юбкой закончилось.

Михаил. Мать, можно я ему зоб вырву?!

Лизон. В самом деле, хватит, Глебушка, пузыриться! Давайте отмечать. Роман Андреевич, у вас есть музыка?

Роман Андреевич. Конечно, Лизонька.

Борис (*шмыгая носом*). Точно! Давайте праздновать!

Глебушка. Не напраздновался еще, мучных дел мастер?

Борис. Ма! Скажи ему!

Каролина Карловна. Глеб! Тан-це-вать!

Настенька. Да! Да! Танцевать!

Роман Андреевич подходит к граммофону. Вытаскивает из конверта виниловую пластинку. Бережно сдувает с нее пыль. Кладет на вращающийся диск. Поворачивает раструб к гостям. Крутит ручку – заводит граммофон. Играет музыка: темпераментный, как сыр в фондюшнице, из раструба зажигает Эдуард Хиль. Во всю граммофонную удаль раздается «Mr. Trololo». Гости танцуют, веселятся, корчат рожи, пугают друг друга. Некоторые кучкуются, заодно, словно прыщавые подростки, подпрыгивают вверх, хлопают в ладоши и кричат: «Трик энд Трак! В Британии – бардак!» Со стороны всё это напоминает шабаш.

Роман Андреевич утягивает Каролину Карловну к трону. Разворачивает его к стене. Натягивает небольшой экран и настраивает какой-то древний аппарат, отдаленно напоминающий детский фильмоскоп с диафильмами. Усаживает Каролину Карловну на трон и протягивает ей 3D-очки. Стоит рядом, но стальгирует.

Роман Андреевич (показывая на размытые слайды, появляющиеся на экране). А вот это, Каролина Карловна, жизнь в формате 3D. Слайд-шоу, так сказать... Здесь мы с вашим Вадиком, царство ему небесное, в 90-х. Так, ну это чьи-то похороны. Боец какой-то. Это неинтересно. Это тоже скучно. Братские холмы, погосты замкадья. Там сейчас, насколько мне известно, коттеджные поселки. Очень престижные, надо сказать... А! Вот! Это мы уже на серьезной панихиде. Тут Вадик очень красиво сказал. Я даже прослезился. Так. Вот кресты пошли. Прекрасная коллекция, правда?

Каролина Карловна (поправляя очки). Замечательная. И венки – удивительные. Боже, Роман Андреевич, какие ленты роскошные! Хоть в волосы вплетай. Сразу видно – от всей души дарили!

Роман Андреевич. Это что! А посмотрите, какой великолепный памятник! Масштаб 7 к 1. Мы его, кстати, вместе с Вадиком

спонсировали. Один автомобиль чего стоил. Не машина, а комплекс «Тополь». И внешне, и по цене. А видите, какая цепочка на шее? А брелок? Роскошные, да?

Каролина Карловна (*вертит головой из стороны в сторону*). Просто прелесть. Неужели... Шэ... Шэ... Шемякин?

Роман Андреевич. Ну что вы, Каролина Карловна, сам Зураб Константинович ваял... Не будем же мы с Вадиком по всяким диссидентским мелочам размениваться. Уродцев ведь и на Болотной хватает. А тут имперский размах необходим.

Каролина Карловна. Имперский? На кладбище?

Роман Андреевич. Почему нет? Как при жизни, так и после нее. А этот крест, насколько помню, вообще из цельного массива дерева. Отличная работа. Из африканского венге, если мне память не изменяет. Я недавно каталог листал: так вот, сейчас такую мебель в гостиную модно ставить. Очень хорошо смотрится. Стильно. (*Листает слайды.*) Так, ну это чьи-то сороковины с паленым коньяком. Тут я, честно говоря, мало что помню. Это снова чье-то отпевание. Забыл. (*Звонко щелкает пальцами.*) Вспомнил! Это же как раз того самого коньячного магната отпевание.

Каролина Карловна. Любопытно, очень любопытно. Какой вы, Роман Андреевич, жизнелюбивый человек, оказывается. И ленты, конечно, просто изумительные.

Роман Андреевич. Это что, я вот всё московскую природу вспоминаю, Каролина Карловна. Ностальгирую, можно сказать. Я же на кладбищах чаще, чем в кинотеатрах бывал, м-да... (*Пауза.*) Эх, если бы вы знали, какая на Новодевичьем благодать летом! А в Троекуровском филиале! А на Ваганьковском! Воздух! Зелень! Птицы поют! Вы, кстати, когда там последний раз были? Расскажите, что там новенького.

Каролина Карловна. Боже упаси, Роман Андреевич. Никогда я там не была. Мои родители вообще под Тулой похоронены. А Вадика мы кремировали. Вы забыли, что ли? В колумбарий он, сволочь такая, видите ли, не захотел. Он же мизантроп, в смысле — интроверт... А там народу якобы очень много — пришлось урну дома держать.

Роман Андреевич. Точно, совсем из головы вылетело. Он и правда от людей еще при жизни уставал. Со многими приходилось расставаться. Царство ему небесное...

Каролина Карловна. Вот тут, честно говоря, сомневаюсь.

Роман Андреевич. Ну, тогда им – царство. Долгих лет им на том свете... Ладно, не будем о грустном, Каролина Карловна... Так вот... Вы многое пропустили, скажу я вам, очень многое... Обязательно сходите на какой-нибудь имперский погост в Москве, который еще таунхаусами не застроен. Это же история всей страны. Можно даже книги не читать. Всё там, всё на кладбищах. Эпохи, формации, надстройки. Одна шестая часть суши на десятках гектаров уместилась. Просто поразительно! Как говорится, от голубой крови и белой кости до... *(Сбивается.)*

Каролина Карловна. До кого?

Роман Андреевич *(в замешательстве)*. До... Я разве сказал «до»?.. Впрочем, неважно... Зато какие там имена, Каролина Карловна, чудные! Какой истеблишмент! Какие трепетные лица! Вы только послушайте! Лев Измайлович, Нурумбек Хызырович, Шараф Ухматович. Золото, газ, нефтянка! А сколько аппаратчиков из 90-х! Иван Сиплый, Чалый Константин. Идешь – любишься! Душа поет! Это вам не лондонский Хайгейт какой-нибудь или, не дай Бог, Бруквуд¹.

Каролина Карловна. Там что, Роман Андреевич, знаменито-

¹ *Хайгейтское кладбище* (англ. Highgate Cemetery) – кладбище, расположенное в Хайгейте, Лондон, Великобритания. На кладбище похоронен А. В. Литвиненко, бывший сотрудник ФСБ, вероятно, отравленный полонием; замешан в связях с Б. А. Березовским – опальным олигархом-беженцем, возможно, покончившим жизнь самоубийством в марте 2013 г. (похоронен на Бруквудском кладбище, в британском графстве Суррей). *Бруквудское кладбище* (англ. Brookwood Cemetery) – самый крупный некрополь в Великобритании и один из крупнейших в Западной Европе. Также известен как Лондонский некрополь.

стей нет?

Роман Андреевич. Селебрити? Конечно, есть. Ими всё кладбище усеяно. Но, понимаете, в слякоти и тумане. И диссидентов много. А у нас... *(Пауза.)* Извините, у вас уже. *(Поднимает палец вверх.)* При-ро-да! Дух имперский! Чёрт побери, как же в Москву хочется!

Каролина Карловна. Роман Андреевич, а скажите, вот те ленты... Вы не помните, где их брали?

Роман Андреевич. А зачем вам, если не секрет?

Каролина Карловна *(смущенно).* Я кому-нибудь по случаю презентую.

Роман Андреевич *(доверительно кладет ей руку на колено).* А, ну это без проблем. Я вам контакты одного специалиста дам. Берет, правда, дорого, но ленты будут наилучшие.

Каролина Карловна. Огромное вам спасибо! Если честно, мне на всякий случай. Просто иногда не знаешь, что человеку подарить.

Роман Андреевич. Охотно вас понимаю. Особенно когда всё уже есть.

Каролина Карловна. Да. Только ленты и остаются... А это, простите... Ну-ка, Роман Андреевич, верните, пожалуйста, картинку назад... *(Протягивает когтистый палец в сторону экрана.)* Это, извините, что за шалавы?

Роман Андреевич *(быстро сворачивает слайд-шоу, выключает проектор и снимает 3D-очки).* А это мы в бане. Обслуживающий персонал. Ерунда какая-то. Случайно в кадр попали.

Каролина Карловна. На колени Вадику тоже случайно?..

*Разговор их резко обрывается, поскольку Настенька начинает неожиданно кричать. Она дрожит и показывает куда-то в угол. Лизон поворачивает голову и тоже принимается орать. К ним тут же присоединяется голосящая Каролина Карловна. На крик выбегают **Леон с Бенедиктом**. У обоих в руках столовые ножи. Михаил с Глебушкой одновременно несутся к стенам и срывают с них оружие. Михаил вооружается арбалетом, Гле-*

бушка – пикой. Остальные, словно загипнотизированные, смотрят куда-то в угол.

*В углу стоит **Джек**. Вместо головы у него тыква. Из глазниц полыхает ярко-оранжевым.*

Джек (скрежещущим голосом). Трик энд Трак. Трик энд Трак...

Роман Андреевич тянется к споррану с таблетницей, Борис лихорадочно лезет в карман за «понюшкой».

КАРТИНА ПЯТАЯ **ЭКСПРЕССИВНЫЙ МАЗОК**

Внезапно загорается свет на люстре и бра. Но тотчас гаснет. Загорается, гаснет. Загорается, гаснет. Всё дрожит.

Леон. Пробки, sir. Сами.

Зала окончательно освещается. Немая скульптурная сцена. Одна из скульптур начинает двигаться.

Джек (переминаясь с ноги на ногу). Я дичайше извиняюсь, а где у вас тут water closet?

Все. Что?!

Джек. Сортир. Извините, но, как бы это выразиться... Очень писать хочется.

Роман Андреевич (вяло машет рукой). Там...

Джек удаляется.

Каролина Карловна. Мне померещилось? Нет? Немедленно скажите, что мне померещилось!

Борис. Нет, ма, не померещилось.

Настенька. Я сейчас сознание потеряю.

*Все толпой семят за Джеком. Останавливаются. Прислушиваются. Раздается раскатисто-сиплый хрип спускаемой воды. Через мгновение шумно захлопывается дверь и звучат бодрые приближающиеся шаги. Все разом пятятся назад. Братья – Михаил и Глебушка – держат оружие наперевес. Испуганно делают храбрые выражения лиц. В залу входит адвокат **Юрий Владимирович**. В руках он несет маску-тыкву. За плечами адвоката, как у горьковского Луки котомка, висит рюкзак. Однако посох, котелок и чайник на поясе отсутствуют.*

Юрий Владимирович (*обращается к присутствующим*). Чу-ма на эту землю и ее провинции! Просто кошмар какой-то! Не поверите, я ему говорю: «Ну останови, будь человеком! Вон же лесок. Никто не увидит». А он мне: «No! No! Punishment! Law!» Я ему отвечаю: «Да я сам адвокат! Какой, на хрен, закон?!» А он вдруг поворачивается и на русском: «И что? Я тоже в Москве адвокатом был. Хайло, не слышал обо мне? Терлецких защищал. Они по Владимирскому тракту все пошли. А я вот здесь оказался. Но ссать здесь нельзя, оштрафуют! А то меня из-за тебя лицензии лишат. Это тебе не Россия – тут не всё туалетная зона. Кол-ле-га!» Ну что за люди! Что за таксисты в этой стране! Вот правильно говорят, адвокат адвокату – волк. Вы в Москве такое встречали? Чтоб свободный человек не мог опорожниться там, где захочет? Тоталитаризм у них в Британии, вот что скажу. Монархия! (*Идет навстречу толпе.*) Ну, здравствуйте, наконец! Рад вас, Роман Андреевич, в добром здравии видеть! (*Протягивает руку олигарху.*)

Глебушка. Ты руки хоть, демократ, помыл? Признавайся.

Юрий Владимирович. И вас, Глеб Вадимович, очень рад видеть!

Роман Андреевич (*пожимает протянутую руку*). Привет, Юр! Тебе бы в Кондратия переименоваться, честное слово. У меня даже давление подскочило.

Братья убирают оружие. Все здороваются. Обнимаются.

Елозят щечками.

Каролина Карловна (*обмахиваясь крылом «летучей мыши»*). Уф, Юрий Владимирович, ну вы нас и напугали.

Глебушка. Что там напугал, у нас от страха чуть вены самопроизвольно не вскрылись. Ты «Черную Руку» с собой из Москвы, часом, не прихватил?

Юрий Владимирович (*радостно*). Так на это же и было рассчитано, чтоб как в ужастике. Здорово получилось, правда?

Борис. Тебе бы с такими талантами в «Пиле» играть.

Лизон (*подхватывает*). Ага, без грима. Я чуть не описалась!

Настенька. Здравствуйте, Юрий Владимирович. У меня сердце до сих пор колотится. Я аж взопрела вся.

Все подтягиваются к столу. Рассаживаются. Леон с Бенедиктом удаляются на кухню.

Глебушка (*усаживаясь*). Видишь, даже Настурция взопрела. Не обращай на нее внимания, Юрасик. Это она от испуга литературно выражаться начала. Видимо, Антошу Чехонте на днях штудировала.

Юрий Владимирович (*скидывая рюкзак и садясь за стол*). А вот это вы зря, Глеб Вадимович. Чехов, между прочим, пожизненно нынешних драмоделов будет. Я вот на днях один московский полуподвальный театрик посетил. Матерщина, чернуха, на сцене чуть не совокупаются. Пакостно. Театр сдох!

Глебушка. Это они в своих подвалах правду-матку рубят. Тренд унылого реализма шлепают. А то репертуарные театры всё под себя подмяли. Прорыду уже от этих нафталиновых гоголей-чеховых нет.

Настенька. Согласна с Юрием Владимировичем! В эМ-Ха-Тэ себе такого не позволяют.

Глебушка. Взопреть можно! Ты когда последний раз в эМ-Ха-Тэ была? (*Говорит с прidyханием, заламывает руки.*) Театр?.. Ненавидите ли вы театр так, как я ненавижу его, то есть всеми

силами души вашей, со всем энтузиазмом, со всем исступлением, к которому только способна пылкая молодость, жадная и страстная до впечатлений ужасного?..¹ (*Своим голосом.*) Такой вот — ка-тар-сис.

Настенька. Хватит ёрничать... (*Противным тоном.*) Гле-е-еб.

Каролина Карловна (*Глебушке*). Мне кажется, ты театры перепутал².

Глебушка. Сложно не перепутать, когда они так называются. А такими темпами скоро их все отличить нельзя будет. Любите ли вы цирк, как люблю его я?.. Можем еще о русском архаусе поговорить. Когда у них в кино даже дельфины матом кроют.

Роман Андреевич (*мечтательно*). Москва... Боже, Юрочка, как же я по ней соскучился! По грязи этой, по слякоти. По спектаклям-дефекациям. И чтоб на сцене совокуплялись. И мат, чтобы мат кругом стоял. Чтоб душа вместе с дельфинами переворачивалась! Чтоб по щиколотку в химикаты проваливаться!

Настенька. Ой, ну вы скажете тоже, Роман Андреевич...

Михаил. Да, Ромыч, когда это ты в Москве по щиколотку в химикаты проваливался?

Глебушка. Когда из Бентли выходил. Знаешь, Мишаня, бывает, не там остановишься, — хрясь — а тут лужа нефтяная. Хрясь, а тут еще какая-нибудь прибыльная пакость. И всё ногой туда норовишь. С головой вместе. Главное вовремя вынырнуть, а то захлебнуться можно.

¹ «Перевертыш» отрывка из статьи В. Г. Белинского «Литературные мечтания. Элегия в прозе». Отрывок исполнялся народной артисткой СССР, художественным руководителем МХАТ им. М. Горького Т. В. Дорожиной в к/ф «Старшая сестра». (*Прим. авт.*)

² Каролина Карловна права, Глебушка путает названия. Московский Художественный Академический театр им. М. Горького (*МХАТ имени М. Горького*) и Московский Художественный театр им. А. П. Чехова (*МХТ имени А. П. Чехова*), известный своими радикальными постановками. (*Прим. авт.*)

Роман Андреевич. Да ладно вам, Глеб Вадимович, шутки шутить, это же я образно. Москва – она огромная! (*Раскидывает руки.*) Там же всего навалом. Купола, восхитительный памятник Петру, мэры, матрешки.

Глебушка. Ага, а тут туманный-туманный Альбион. Восковые фигуры, вечно молодая королева, стагнация. И никаких перформансов, сплошной театр!

Юрий Владимирович. Кстати, о матрешках, Роман Андреевич. Я ж привез вам. Поностальгировать. (*Вытаскивает из рюкзака бутылку водки в виде Кремля и рюмки-матрешки с лицами мэров и президентов.*) А то эти «юбочники» с «порточниками». Брр, только с трапа сошел, а на душе уже промозгло. Такое ощущение, что какая бы здесь погода ни была – она всегда плохая.

Настенька (*ёжится*). Совсем как в Москве.

Юрий Владимирович (*продолжает выуживать подарки из рюкзака*). И вот еще. Тут презент... Наши общие друзья небольшой коллекционный набор передали. От холодов. Тут кипятильник, подарочная кружка и чай краснодарский. А это от жены. Платок оренбургский.

Глебушка. Надо было Павлопосадский везти. С багрянцем. Лучше с юбкой смотрится. Да и название позабористей будет.

Роман Андреевич (*принимает подарки, накидывает платок на плечи*). И так хорошо! (*Рассматривает кружку, дзинькает ложечкой по граненому стеклу, читает надпись на мельхиоровом подстаканнике.*) «эР-Жэ-Дэ». Вот спасибо! Помнят меня еще, значит! Привет им от меня передавай. И жене своей... Кружка, кстати, вот к этому очень подходит. (*Показывает всем пепельницу.*) Старинный квейк! Настоящие шотландцы только из него виски пьют.

Глебушка. Ну-ка, дайте. (*Вертит в руках.*) Роман Андреевич, вынужден вас огорчить. Это пепельница.

Роман Андреевич. Нет – квейк!

Глебушка. Можете мне весь мозг мельхиоровой ложечкой выесть, но это – пепельница. Видите, тут «Ashtray of the United Kingdom»¹ написано. «Made in China».

Роман Андреевич. Это — опечатка! *(Зло выхватывает пепельницу, в недоумении вертит в руках.)*

Юрий Владимирович. Конечно-конечно, Роман Андреевич. Это всё унылые «порточники» напортачили. Извините за каламбур.

Роман Андреевич. Всё ты правильно, Юр, говоришь. Спасибо тебе еще раз. *(Протягивает адвокату бутылку водки.)* Ну-с, открывай презент.

Глебушка. Ну как знаете, Роман Андреевич. Только потом не удивляйтесь, что у вас виски бычками пахнет... А ты, Юрасик, вообще-то в Шотландии. Здесь не унылые «порточники», тут косные «юбочники». И вообще, при таком раскладе нужно было «Jack Daniel's» взять, а не русскую палёнку. Очень уж у вискаря название говорящее. А вот с кипятыльником, конечно, угодил. *(Кивает на камин.)* Рафинаду надо было еще привезти.

Юрий Владимирович. Название, может, и говорящее, а вот ностальгическое послевкусие, Глеб Вадимович, отсутствует. А ведь у нас, у русских, какая основная проблема? Мы и у себя жить не можем, и ассимилироваться нигде не в состоянии. Правда ведь, Роман Андреевич? *(Тот утвердительно кивает.)* И что, по-вашему, есть большая разница между «юбочниками» и «порточниками»? *(Ловким движением откупоривает бутылку водки, срывая с нее звезду-затычку.)*

Глебушка. Ну как тебе сказать. В одежде колоссальная. Ты еще, кстати, хитрых ирландцев не видел. До сих пор в средневековых хламидах бродят. Плащи, капюшоны. А под плащом ирландский сюрприз таится: от пиджака с юбкой до рыбацкого свитера с кожаными портками. На любой политический вкус. Это тебе не наши кондовые «ватники» с «пиджачниками», когда всё напоказ.

Юрий Владимирович. Вот, и я о том же. Все они — англичаш-

¹ *Ashtray* (англ.) — пепельница. Фраза дословно звучит как «пепельница Соединенного Королевства».

ки! *(Разливает по рюжкам-матрешкам.)*

Лизон. И всё-таки, а как вы, Юрий Владимирович, здесь оказались?

Юрий Владимирович. Ну это очень просто. Дай, думаю, навещу. Праздник всё-таки какой. Неординарный. Да и вас всех давно не видел. Ну что, за встречу?!

Михаил. Вздрогнем! На!

Остальные. За встречу! *(Чокаются, выпивают, закусывают.)*

Отец Сергей. Благостный напиток. Расейский.

Глебушка. Угу. Со слезой. Кремлевской.

Роман Андреевич *(ставит локоть на стол, упирается подбородком в открытую ладонь, умильно внимает; в килте с пуховым платком он напоминает дичайшую смесь Плюшкина и Коробочки).* Ну, Юр, рассказывай. Как там? Большой театр, опера, балет, Чайковский?

Юрий Владимирович *(закусывая).* Ну а что рассказывать? В Большом я давно не был — дороговато. А по поводу остального вам уже, наверное, доложили. Холодно, снег, митинги. В бюджете, как всегда, проблемы. Они, конечно, увеличились, но, с другой стороны, и перспективы для многих улучшились. Но это же всем не объяснишь. Вы ж меня понимаете, Роман Андреевич... *(Пауза. Олигарх с пониманием кивает.)* Еще какой-то странный референдум намечается. О целостности и самобытности. Честно говоря, ерунда какая-то... Ну и вы... *(Пауза.)* В розыске... В перманентном...

Глебушка *(раскидывает в удивлении руки).* Никак найти не могут.

Ищут пожарные,
Ищет милиция,
Ищут фотографы
В нашей столице,
Ищут давно,
Но не могут найти,
Парня какого-то
Лет -адцати.

Всю Россию уже перерыли. Намекнул бы им кто, что на туманных островах искать надо. Тогда бы озеро Чайковского для некоторых сразу лебединой песней закончилось. *(Лизон прыскает.)*

Каролина Карловна. Глеб, помолчи пожалуйста.

Роман Андреевич. Да я это, Юр, знаю всё. Как там вообще?.. Музеи, выставки, дух свободы. Тут ведь Тауэр везде, что в Шотландии, что в Ирландии. Сплошной английский Шекспир. Страшное дело. *(Таращит глаза.)* Душит. *(Хватает себя рукой за горло.)* А там всё-таки Третьяковка, Пушкинский, Кремль.

Глебушка. Ага, там не душат, там сразу пристреливают. Вы когда в Третьякове были, Роман Андреевич? Наверняка последний раз в пряничном детстве, когда вас кто-то из взрослых за руку водил. А в Алмазный фонд вам нельзя. Можете не выйти. И вообще, надо было не на Бентли по нефтяным лужицам рассекать, а в метро ездить. Там замечательные табло висят: «Посадки нет».

Михаил. Заткнись, Глебыч! Юрасик, давай! Между первой и второй. На!

Юрий Владимирович. Глеб Вадимович прав. Очень напряженная ситуация. Очень. Но можно ведь и исправить... *(Снова разливает по рюжкам.)*

Роман Андреевич *(замирает).* Это еще как?

Юрий Владимирович. Ну... *(Подбирает слова.)* Если поделиться... Немного... Самую малость... *(Поднимает свою рюмку.)*

Длинная пауза.

Роман Андреевич. Это как это поделиться?

Юрий Владимирович. Чуть-чуть... совсем чуть-чуть... могут ведь и простить...

Роман Андреевич *(ставит свою рюмку на стол).* Так ты за этим, что ли, приехал?

Юрий Владимирович. Нет, ну просто многие делятся... И ничего.

Роман Андреевич (*свирепея*). Де-лят-ся?! Де-лят-ся?! Да я двадцать лет без продыху вкалывал! Двадцать лет хвостом вилял! Пригибался, стелился, лизал! Двадцать лет под бурями и шторами ходил!

Глебушка. Это в морфлоте, что ли?

Роман Андреевич. В бизнесе! Девятый вал — это штиль по сравнению с тем, что мне пережить пришлось!.. Да как у тебя, Ю-ю-рий, только язык повернулся такое сказать!

Каролина Карловна. Роман Андреевич, родненький, успокойтесь. Юрий Владимирович просто так... Случайно...

Глебушка. Брякнул...

Роман Андреевич. Нет! Нет! Не случайно он брякнул. Он просто так ничего не брякает! (*Сбрасывает с себя пуховой платок.*)

Юрий Владимирович. Роман Андреевич, да что вы в самом деле? Я же не сказал всё отдать. Я сказал — поделиться только. Немножко.

Роман Андреевич. Вот! Вот! Слышали? Поделиться! Взять и отдать! Вот этими руками! Братве этой шелупонистой! Гэбне этой прокремлевской!

Юрий Владимирович. Ну какой братве? Какой гэбне? Зато спать спокойно будете.

Борис. Про сон Юра правильно говорит. Многие поделились. Нормально спят.

Роман Андреевич. Я и так нормально сплю! Хера я с ними делиться буду?! Раз заплатишь — всю жизнь должен будешь!

Лизон. Ну и правильно, Роман Андреевич, нечего с ними делиться. Давайте танцевать лучше будем.

Михаил. И в самом деле, давай бухнем нормально... (*Пауза.*) Хотя, если бы чуть-чуть. Типа задобрить. Слегонца так... А вообще, и в самом деле, давай бухать лучше. Где мы и где они, на?

Роман Андреевич (*ходит, суетится, никого не слушает*). Делиться, делиться... (*Вытаскивает из споррана таблетницу, обнаруживает, что она пуста; бубнит.*) «Пряничное детство». Ага, как же... А кашу на воде да потроха куриные не хотите? Вы

что ж думаете, у меня родители номенклатурой были? А уборщица в поликлинике да слесарь в ЖЭКе устроят вас? Поделиться! Ща! *(Складывает мощнейший кукиш, тычет всем в лица.)* Детства вы моего из сухарей и спитого чая не видели! Я, чтоб от этой нищеты убежать, даже в драмкружок по вечерам ходил. Сатина в «На дне» играл! А там, между прочим, монологи очень сложные. Я слова постоянно путал! Домой приду освищенный, а там отец пьяный. И порет меня, порет! А утром опять! Каша эта! На воде!

Настенька. Успокойтесь, Роман Андреевич. Пожалуйста. Овсянку как раз лучше на воде варить.

Роман Андреевич. Идиотка вы, Настенька! Гофрированная идиотка!.. И вообще, у меня голова от вас от всех разболелась! У меня давление! Что вы тут за балаган устроили! *(Подходит к картине «Красный квадрат», отодвигает в сторону, распахивает сейф, вытаскивает коробочку, достает пилюли.)* Дайте воды! Без овсянки!

Глебушка. А вы кваску из барной стойки возьмите. *(Кивает на трон.)*

Настенька подхватывается, наливает воду в стакан, подносит Роману Андреевичу.

Настенька. С другой стороны, Юрий Владимирович не всё же вам предложил отдать. А только немного. Отщипнуть буквально.

Отец Сергей. Дело отроки говорят. Иисус делиться с ближними завещал.

Роман Андреевич. Так то с ближними!.. *(Смотрит на раскрытый зев сейфа, показывает пальцем внутрь, из глотки что-то клопочет.)* Хы-хы... А где?!. Где?!

Все. Что?

Роман Андреевич *(сиреной).* До-ку-мен-ты!!!

Все. Какие?

Роман Андреевич. Мои! Мои документы! *(Залезает по пояс в сейф, выуживается, пристально смотрит на присутствующих,*

рякает.) Леон!!! Бенедикт!!!

В залу влетают слуги.

Роман Андреевич. Разберитесь!

Леон и Бенедикт (*хором*). Forever!

Слуги подхватывают стулья и расставляют в ряд.

Каролина Карловна. Что это вы задумали?

Роман Андреевич. Сейчас узнаете.

Бенедикт. Seat down, please. Все. Welcome. Welcome.

Каролина Карловна. Но я не хочу сидеть, у меня и так всё затекло.

Леон (*настойчиво*). Большие please, Каролина Карловна.

Все, ничего не подозревая, рассаживаются. Леон и Бенедикт быстро подходят к каждому сзади и ловким движением надевают пластиковые наручники. Им помогает Роман Андреевич. В ответ раздаются робкие возгласы протеста.

Глебушка. Эй! Вы чего паскудничаете?!

Михаил. Охренели, на?!

Лизон. Больно же, блин!

Борис. Ну, это...

Отец Сергей. Побойтесь Бога!

Юрий Владимирович. Роман Андреевич, я хочу вас предупредить...

Роман Андреевич. А теперь заглохли все!

Настенька. Лёнчик, что ты делаешь?

Каролина Карловна. Рома-ан Ан...

Роман Андреевич. Заглохли, я сказал! Ну что? Навестить меня решили? В гости, значит, приехали?

Каролина Карловна. Ну да. Вы же сами нас приглашали.

Роман Андреевич. Документы я вас тоже приглашал красть?

Борис. Вы о чем?

Роман Андреевич. Не хотим, значит, по-хорошему признаться... Ладно, будет по-плохому.

Глебушка. Роман Андреевич, вы в Шотландии совсем мозгом двинулись? Вас на левостороннем движении заносит? Развяжите нас быстро!

Роман Андреевич. Молчать, щегол! У меня в сейфе лежали документы!

Лизон. Ну так посмотрите, может, они и сейчас там.

Роман Андреевич (*деловито расплетает косу на бороде*). Я смотрел, не лежат. Словом, так. Либо вы признаетесь, либо... Короче... Вначале... Вот, к примеру, попа... Потом Настеньку... Нет, Лизоньку... Сами выбирайте.

Юрий Владимирович. Прошу прощения, Роман Андреевич, но как бы... Это же киднеппинг... Это же... подождите, ну нельзя же так, в самом деле!

Роман Андреевич. Быстро вернули документы!

Глебушка. Какие, к чёрту, документы?! Что вы там за пилюльки глючные пьете? Купировать давление перестали?

Лизон. Да! Синюю с красной перепутали?! У вас матрицу переклинило?!

Каролина Карловна. Роман Андреевич, миленький, отпустите нас, пожалуйста.

Настенька. Мы никому не скажем, правда... Вы же хороший человек...

Роман Андреевич. Я — олигарх! Естественно, не скажете. Некому уже будет. Что ж вы меня за идиота всё время держали? Перебои со светом. Ага. Трик энд Трак. Разговоры эти странные про «поделиться».

Лизон. Да вы параноик просто какой-то!

Роман Андреевич. Значит, с Лизоньки начну.

Настенька. Вы ведь не серьезно?

Роман Андреевич. Тогда с Настеньки.

Каролина Карловна. Лёнечка, спаси нас, пожалуйста. Ты же на нашу семью столько лет работал.

Леон. Но сейчас он мне вообще-то зарплату платит.

Роман Андреевич. Цыц, карга старая!

Каролина Карловна. Да как вы... как вы...

Роман Андреевич. Беня, пакеты!

Бенедикт. Who first?

Роман Андреевич. На попа давай, он самый бестолковый.

Настенька. Роман Андреевич, что вы делаете?!!

Роман Андреевич. И на эту. Орет много.

*Бенедикт надевает целлофановый пакет на отца Сергия,
Леон – на Настеньку.*

Леон. Sir, я хотел сказать...

Роман Андреевич. Потом скажешь! Последний раз спрашиваю, где документы?

Михаил. Чё ты кипишуешь, олигарх? *(Пытается распутать руки, но в этот момент Бенедикт ловко надевает ему пакет на голову.)*

Роман Андреевич. Я вам сейчас устрою Хэллоуин. Кто взял документы?

Леон. Я... Роман Андреич... хотел...

Роман Андреевич. Не до тебя!

Борис. Какие документы?

Глебушка. Что вы несете, Роман Андреевич? Вы в детстве в зарницу не наигрались?

Каролина Карловна. Настенька задохнуться может. Отпустите ее, пожалуйста.

Роман Андреевич. Одной Кряжистой меньше! В сейфе лежали документы. Акции, облигации, компромат кое-какой на флешке. Неважно. Сейчас там пусто. А в доме, кроме вас, никого нет.

Юрий Владимирович. Да откуда мы могли знать, что у вас там сейф?

Роман Андреевич *(вышагивает).* Вот в этом-то и вопрос. Откуда? Жучки? Прослушка? Камеры? Весь дом наверняка, суки,

напичкали. *(Ходит по зале. Проверяет вещи.)*

Лизон. У вас паранойя! Паранойя! Паранойя! *(Но тут же глохнет под пакетом, услужливо надетым на голову Бенедиктом.)*

В этот момент Леон подходит к Роману Андреевичу. Шепчет ему что-то на ухо.

Роман Андреевич. Да? Seriously? Ну-ка, принеси.

Леон *выходит. Возвращается с портфелем из кожи чистокровного шотландского ягненка. Протягивает его Роману Андреевичу.*

Роман Андреевич *(открывает замки, роется в бумагах).* В самом деле, всё на месте. Вчера, говоришь, переложил? *(В удивлении смотрит на гостей со связанными руками. Слугам.)* Ладно, отпустите их.

Леон с Бенедиктом снимают со всех наручники и пакеты.

Лизон *(хватает воздух ртом).* Сука! Сука! Сука!

Михаил *(разминая руки).* А что, Ромыч, не боишься, если я тебе сейчас рыло олигархическое начищу, на?

Борис. Оставь его! Мараться еще!

Глебушка. Мразь!

Каролина Карловна. Девочки! Мальчики! Мы уезжаем! Ноги моей больше в этом доме не будет! А вы, Роман Андреевич, вы... вы... Собираемся все!

Юрий Владимирович. Только деньги на билет выбросил! На-до будет, конечно, об этом заявить куда следует. Я, конечно, не стукач, Роман Андреевич, но форму доклада, знаете ли, не забыл.

Отец Сергей. Грешник! Как был грешником, так и остался!

Роман Андреевич *(в растерянности садится на трон, плю-*

хает на колени раскрытый портфель). Ну, послушайте... Ну, не уезжайте... Ну, извините...

Каролина Карловна. Извините?! Мне кажется, я не расслышала. Ну-ка, повторите еще раз! Да вы в своем уме? Вы Лизоньку с Настенькой чуть не задушили!

Отец Сергей. И меня!

Каролина Карловна. И его! (*Слугам.*) Вы вообще отморозки! Как были ими в Москве, так и остались! Я вообще в происходящее поверить не могу! Как такое в голову могло взбрести?

Роман Андреевич (*вскакивает, бросает портфель на трон, подбегает к гостям, хватает за руки, пытается остановить, суетится*). Постарайтесь меня понять... Ведь столько лет... Как между молотом и наковальней... Каждый ведь оттяпать хочет... Вот я и подумал, что вы тоже... Извините, забыл, что в другое место переложил. Ну с кем не бывает... Ну вспылил, погорячился... Ну и лекарства с алкоголем, может быть... тоже... ну, не уезжайте... По-жа-луй-ста...

Глебушка. Ни хрена себе заявочки! Лекарства с алкоголем. Да вы двадцать лет на лекарствах с алкоголем! Поехали отсюда! Придурок шотландский! Коктейлей Молотова на вас нет!

Гости быстро направляются к выходу.

Роман Андреевич. Не уезжайте! Я тут с ума сойду! Я заплачу! Я возьмешу!

Все резко поворачиваются.

Юрий Владимирович (*почесывает подбородок*). Хм... ну это, конечно, можно обсудить.

Кряжистые, бабушка и адвокат возвращаются.

Каролина Карловна. Ваши предложения?

Роман Андреевич. Ну, скажем, я готов возместить. Компен-

сировать, так сказать. В разумных пределах, конечно. *(Возвращается к портфелю, вытаскивает из него чековую книжку, садится за стол, заполняет чек, все склоняются над олигархом.)*

Юрий Владимирович. Еще ноль припишите.

Каролина Карловна. Два!

Отец Сергей. Бог троицу любит.

Роман Андреевич. Троица – перебор.

Глебушка. «Стокгольмский синдром» дорогого стоит. Отслюньте еще нолик, или мы пошли.

Роман Андреевич. Ладно! Уговорили! *(Замирает над чеком.)*
Нет, не могу.

Все. Подписывайте! Ну!

Каролина Карловна. Или мы уезжаем!

Роман Андреевич. А знаете что? Уезжайте! *(Закрывает чековую книжку.)*

Михаил. Ну и пропадай тут один, на.

Борис. Хрен с тобой!

Лизон. Параноик!

Гости уходят. Слышно, как открывается входная дверь.

Роман Андреевич *(кричит вдогонку).* Пойдите! *(Торопливо подписывает чек, вырывает его из чековой книжки.)*

Все быстро возвращаются. Михаил выхватывает чек из рук олигарха.

Михаил. Всё нормально.

Каролина Карловна *(протягивает руку к чеку).* Дай матери.

Михаил *(пытается спрятать чек в карман).* С чего это, на?

Каролина Карловна. Я – мать!

Настенька. Это меня, между прочим, душили!

Отец Сергей. Я тоже пострадал!

Юрий Владимирович. Я права отстаивал!

Лизон. У нас паранойя!

Начинается свалка. Крики: «Убью, суку!», «А-а-а!», «Больно же!», «За руку его держи!», «Я тебе зоб вырву!» Роман Андреевич и слуги бестолково бегают вокруг дерущихся. Из толпы выживается Лизон.

Лизон (*держит в руках клочки бумаги*). Ну вот... Порвали.

Гости в позах «море волнуется раз» замирают на полу.

Отец Сергей. Аки бесы. Запрещать сей праздник пора.

Глебушка. На себя, экзорцист, посмотри. И ты не в России, чтоб запрещать.

Лизон. Ну и чё делать теперь?

Каролина Карловна. Пишите, Роман Андреевич, на каждого отдельный чек.

Роман Андреевич. Не буду.

Михаил. Как это не буду, на?!

Роман Андреевич. А вот так. Не буду. Подпишу только с одним условием. Если придумаете, как мне отсюда уехать. За всё платить надо, в конце концов.

Юрий Владимирович. Так это вы нам должны, а не мы!

Роман Андреевич. Я заплатил. Не виноват, что вы поделить ничего не смогли. (*Садится за стол, ест.*) Чёрт, остыло всё!

Все молча поднимаются с пола и рассаживаются вокруг стола. Пьют, закусывают.

Роман Андреевич (*с набитым ртом*). Я свое обещание выполнил. Думайте. Придумаете — заплачу.

Юрий Владимирович. Роман Андреевич, ну сами посудите, вас же на границе сразу арестуют. Это просто нереальная задача. (*Прикладывает руки к груди.*) Клянусь старым и новым президентом.

Роман Андреевич. А ты сделай так, чтоб не арестовали.

Глебушка. Хотите и на елку влезть, и на фэзтоне покататься?

Роман Андреевич (*жует*). Хочу. Думайте. Каждый получит симпатичный бонус. О-о-чень симпатичный.

Глебушка. Ну-ну. Как говорится, будьте реалистом – требуйте невозможного.

Каролина Карловна. Так! Мальчики! Девочки! Думаем! Быстро!

Гости сидят. Думают.

Глебушка. Мозговая атака нужна. Роман Андреевич, может, «звонок другу», если они у вас еще остались, конечно?

Роман Андреевич (*чавкая*). Некому звонить.

Борис. Вообще ничего в голову не приходит, хоть ты тресни.

Настенька. Мам, я на минутку.

Каролина Карловна. Куда?

Настенька. Туда. (*Выходит.*)

Глебушка встает, прохаживается.

Глебушка. Вообще странная ситуация происходит, если подумать. Ехали мы сюда вроде как людьми...

Борис. Это ты к чему?

Глебушка. Да так, вспомнил одну любопытную классификацию. По ней вся нечистая сила делится на три вида. Черти, полубесы и бесы. Так вот, если черти – они черти и есть, то вот полубесы с бесами могут превращаться в кого угодно. Последнее даже в человека. Элита, так сказать. Фиг отличишь.

Михаил. Нарываешься, на?

Глебушка. Констатирую. Только вот в голубя им не дано вплотиться. Чтоб границу пересечь.

Роман Андреевич. Намеками говорите, Глеб Вадимович.

Глебушка. Да какие уж тут намеки.

Борис. Ну и чем же твои бесы друг от друга отличаются?

Глебушка. Уровнем гнусности. Люди вышли – бесы остались.

Каролина Карловна. Глеб, не отвлекайся!

*В этот момент слышится грохот. Все оборачиваются. Через какое-то время в залу, хромая, входит **Настенька**. Потирает ногу.*

Настенька. Ч-ч-ёрт!

Каролина Карловна. Не смешно.

Настенька. Я споткнулась. Там же гроб.

Все переглядываются. Пауза.

Юрий Владимирович. Да ну, бросьте...

Роман Андреевич. А почему нет?

Глебушка. Разве что в качестве бреда.

Роман Андреевич (*слугам*). Ну-ка, принесите мне это корыто!

Каролина Карловна. Роман Андреевич, вы же не хотите, в самом деле...

Лизон. А чё! Прикольная идея!

Слуги вносят гроб. Ставят. Открывают. Роман Андреевич вытирает руки салфеткой с елизаветинским вензелем, берет портфель, подхватывает волынку и усаживается в гроб.

Роман Андреевич. Ну-ка, поднимите меня!

Гости собираются вокруг сидящего в гробу олигарха.

Михаил. Ромыч, протрезвей, на!

Юрий Владимирович (*почесывая затылок*). Впрочем, если сделать дырочки и кое-кого на таможе подмазать. Есть у меня парочка кошерных людей...

Отец Сергий. Святая мысль.

Глебушка. Да вы идиоты, что ли?! Это же уголовщина. Э, адвокат...

Борис. Может, своими авиалиниями попробовать? У нас же и в Эдинбурге, и в Лондоне аэробусы есть.

Роман Андреевич. Отлично! Поднимайте!

Леон. А пудинг?

Роман Андреевич. В следующий раз. Выше! *(Подхватывает губами мундштук волюнки и начинает наигрывать сингл «God Save the Queen» британской панк-группы «Sex Pistols».)*

Слуги, Миша и Борис поднимают гроб и под гуденье олигарха несут его по зале. В этот момент они напоминают «атлантов, держащих небо».

Лизон. А как вы его обратно собираетесь вывезить? Тоже в гробу?

Глебушка. Угу, только в цинковом. Я поверить просто не могу, взрослые же люди. Театр абсурда какой-то. Вы бы еще трон с собой прихватили.

Каролина Карловна. Мальчики! Только не ногами вперед! Примета плохая! И не лихачьте – уроните! *(Стоит около вазы с цветами.)* Беня, цветы свежие?

Бенедикт *(поворачивая голову).* Сегодня нарезал.

Каролина Карловна. Я Светлане Николаевне захвачу. *(Берет букет алых и белых роз.)*

Настенька. Роман Андреевич! Платок! Платок захватите! В самолете может быть холодно! *(Подхватывает оренбургский платок.)*

Борис. Ома маа мансикка, муу маа мустикка! В гостях хорошо, а дома лучше!

«Атланты» разворачивают гроб, делают несколько церемониальных кругов и наконец выходят из залы. За ними следуют остальные.

*Зала пустеет, свет меркнет и высвечивает одиноко стоящую на столе тыкву. Тыква противно улыбается. Внезапно из глубины возвращается задумчивый **Глебушка**, берет ее в руки, стоит какое-то время в нерешительности и вдруг вскидывает «овощ имени Swarovski» вверх.*

Глебушка. Бедный Йорик!

*Неся тыкву на вытянутых руках, **Глебушка**, словно королевский гвардеец, гротескно чеканит шаг и удаляется.*

Из полумрака раздается женский английский голос с сильным шотландским акцентом. Голос объявляет о вылете аэробуса компании «Kriazh Airlines». Рейсом Эдинбург-Москва (Vnikovo). С посадкой в Лондоне. Затем слышится протяжный вой взлетающего самолета.

После чего на сцену один за другим выбегают люди в шотландских юбках. Они выстраиваются в шеренгу и кричат: «Death to the Queen! Independence on dress! Death to the Queen! Independence on dress!» Размахивают синим полотнищем с белым косым крестом и горящими фэйерами¹, играют на волынках неофициальный гимн Шотландии «Scotland the Brave» и маршируют. Музыка нарастает, волынки дудят, барабаны заходятся в дробь, а гимн постепенно переходит в «The Show Must Go On» британской рок-группы «Queen».

Антракт.

¹ *Фэйер (жарг.)* — факел или дымовая шашка.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ ТРЭШ & УГАР

Ключевые слова¹: #«Ватники» и «пиджачники», #Коляда, #Алые и белые розы, #Целостность и самобытность, #Референдум, #€па, #Формат 3D, #Трансильвания.

КАРТИНА ШЕСТАЯ СЮРРЕАЛИСТИЧЕСКИЙ КОЛЛАЖ

Подмосковье. Рублевские урочища. Гринвич+3. Где-то в урочищах истерит петух.

Дом, который принадлежал упокоившемуся с миром Вадиму Альбертовичу Кряжистому. Дом, который принадлежит его любовнице Светлане Николаевне и малолетнему байстрючку Сашеньке. Дом, в котором по инерции продолжает обитать семейство Кряжистых.

Гостиная выполнена в шикарном стиле «русский стандарт» – хай-тек с плазмой и ампир с гипсовой лепниной. Бархат и шелк вперемешку с кафелем и стеклопакетами. Жалюзи и шторы с кистями. Дорого, броско, кричаще: белые кожаные кресла, белый кожаный диван, белые кожаные подушки. На полу – шкура медведя. Белая. Кожаная.

На широких подоконниках стоят горшки с комнатными георгинами, хризантемами, бегониями и розами. Преобладают алые и белые цвета. На второй этаж тянется лестница с перилами, заканчивающаяся внутренним балконом, на котором, как и на подоконниках, также стоят кадки с цветами. Из-под лест-

¹ Ключевые слова (русс.) – теги.

ницы выглядывает какая-то скособоченная деревяшка с облупившимся золоченым венком и блеклой надписью на горизонтальной перекладине «Некрополь Москвы».

На стенах висят полотна, выполненные в жанре гиперреализма. Светлана Николаевна с иконописным лицом. В руках у современной мадонны пухлый младенец с малиновыми щечками и перетяжками на конечностях. На темени чада – триколорный чепец, во рту – соска, на которой, если приглядеться, изображены два криволапых орла-сиамца с развернутыми в разные стороны клювами. Один пернатый держит в когтистой лапе микроскопическую державу, у другого в скрученных подагрой фалангах – лилипутский скипетр с крошечным набалдашником. Далее следуют холсты-откровения: Михаил в гусарской форме при эполетах с «левым» аксельбантом, Глебушка в мундире поручика с погонами, и один групповой ретро-портрет. Каролина Карловна в мощном крепдешиновом платье в пол, сидящая на кресле-троне: ее морщинистую шею и плечи в пигментных пятнах скрывает легкая воздушная шаль; с груди свисает богатый кулон, инкрустированный изумрудами, внутри которого щекоотится прах почившего в бозе мужа; на руках маман – перчатки с открытыми пальцами, на пальцах – бриллиантовые кольца¹; в правой руке Каролина Карловна Кряжистая на излете держит павлиний веер, в левой – белоснежный носовой платок с вензелем ККК, навевающим странную ассоциацию с Ку-клукс-кланом. Около трона теснятся Борис в замшевых штиблетах и бархатном костюмчике, отчего он напоминает инфанта, и Настенька с Лизон в лаковых туфельках с «бабочками» и бальных платьях – в розовом и в розовом. Над всеми парят легкие нимбы. На заднем плане картины виднеется лакированный столик на высокой ножке. На столике величаво возвышается урна с остатками Вадима Альбертовича внутри и гравировкой «R.I.P.»² снаружи.

¹ История бриллиантовых колец описана в пьесе «Салон ритуальных услуг». (Прим. авт.)

Светлана Николаевна, облаченная в деловой брючный костюм, в задумчивости ходит около высокого, в человеческий рост, зеркала на колесиках. Рядом с ней стоят **Каролина Карловна**, **Настенька** и **Лизон** с сумками из *duty free*.

Светлана Николаевна. А разве Роман Андреевич не в Шотландии? Об этом же вся Москва знает. Даже адрес где-то в печати мелькал... Ничего не понимаю, а что с зеркалом?

Каролина Карловна. В том-то и дело, что нет. Здесь он, в Москве. Сейчас его ребята привезут. Мы с девочками на такси поехали, а они еще разгружают. Это, кстати, вам, Светлана Николаевна. *(Заискивающе протягивает букет из роз.)* Я вам на обратном пути еще и семян купила, как вы просили. Тут «Махровые Ланкастерские» и «Йоркский гибрид»³. *(Вытаскивает два полотняных мешочка с вышитыми на них кровавыми и бледными цветами.)*

Светлана Николаевна. Что разгружают? *(Ставит букет в вазу, расправляет цветы.)* Алые подвяли, а вот белые хорошо выглядят. Давайте сюда семена. *(Принимает в дар мешочки.)*

Настенька. Романа Андреевича.

Лизон *(посасывая Чира Чипс)*. В гробу.

Светлана Николаевна. Так он умер, что ли?

Каролина Карловна. Живее всех живых, Светлана Николаевна.

Настенька. Просто он так просил, так просил.

Светлана Николаевна. Подождите, я что-то вообще ничего не понимаю. Он же в розыске.

² *R.I.P.* (англ.) – «Rest In Peace» / «Покойся с миром».

³ *Ланкастеры* и *Йорки* – две ветви династии Плантагенетов, развязавших серию вооруженных конфликтов между группировками английской знати в 1455–1485 гг. («*Война Алой и Белой розы*»). Символом дома Ланкастеров являлась алая дамасская роза, эмблемой Йорков была белая роза.

Лизон. Правильно. Вот мы его и вывезли.

Светлана Николаевна. Зачем?

Настенька. Москву посмотреть. Он соскучился.

Светлана Николаевна. Что значит «соскучился»? Послушайте, да что с зеркалом за ерунда творится?

Каролина Карловна. Ну. Ностальгия у него. А что не так? *(Подходит к зеркалу.)* Да, странно.

Светлана Николаевна. С ума сойти. И что, его сейчас сюда привезут?

Каролина Карловна. Ну а куда же еще? Друг семьи всё-таки.

Светлана Николаевна. Каролина Карловна, вы в Шотландии что, со своим Боренькой наркотики пробовали?

Каролина Карловна. Бореньку не трогайте. Он давно не нюхает.

Настенька. Я вам сейчас всё объясню, Светлана Николаевна. *(Подходит ближе к зеркалу.)* Может, брак какой?

Светлана Николаевна. Не надо мне ничего объяснять! Я не для того вас в доме держу, чтобы объяснения ваши глупые выслушивать. Сами подумайте, что вы говорите. Олигарх-беженец приезжает в Москву. Как вы сказали? В гробу. И останавливается у меня. Депутата и бизнесмена.

Лизон. Вумен. Чё там такое? *(Тоже подходит к зеркалу.)* Клёво!

Светлана Николаевна. Именно! Бизнесвумен! Это же подсудное дело.

Настенька. Так он же инкогнито. *(Обходит зеркало.)* Надо же, тут то же самое.

Лизон. Он погостить только. Туда и обратно. Тем более с нами Юрий Владимирович. А он типа адвокат.

Светлана Николаевна. На погосте он погостит! Вы что, не понимаете? Он же особо опасен. Такого в страну пусти – сразу дефолт начнется... Ну-ка, дыхните все. *(Подходит к каждой, принюхивается.)* Ну конечно, от вас же запах.

Настенька. Мы чуть-чуть только. На Хэллоуин.

Светлана Николаевна. Дома надо сидеть! Коляда праздню-

вать, Масленицу, Пасху!

Настенька. До Пасхи еще далеко.

Светлана Николаевна. Зато до Коляды близко! Каролина Карловна, я вас зачем в Шотландию послала?

Каролина Карловна. Отдохнуть. Проведать. Ну и на распродажу. По магазинам.

Светлана Николаевна. А вы что привезли?

Лизон. Prad'y, Светлана Николаевна! Louis Vuitton. *(Помахивает сумочками.)* А это вообще эксклюзив, ручная работа! *(Протягивает замшевую сумочку, на которой золотым шнуром красуется «Voïna i Mir».)* Слушайте, вы когда это зеркало купили? Может, позвонить? Поменяют. Оно же бракованное.

Светлана Николаевна. И гроб, Лиза! Гроб вы привезли! Как вы додуматься вообще до такого могли? А если бы вас на таможне задержали? *(Берет iPhone, набирает номер.)*

Лизон. Да не, нормально всё. Миша с Юрием Владимировичем всё порешали.

Светлана Николаевна. Что значит «порешали», Лизонька?

Лизон. В смысле, всё ОК.

Светлана Николаевна. То есть, я правильно понимаю, вы не British Airways летели? *(Делает властное движение рукой, чтобы все замолчали, говорит в смартфон.)* Здравствуйте, я у вас зеркало заказывала. Да... Рублевское шоссе... Да... Румынское... Фирмы «Цепеш»... Да... Доставили нормально. Поменять можно? Да, акт приема-передачи подписывала... Да, по акту моральных и материальных претензий не имею... Да... Поменять можно?.. Как это «почему»? Оно бракованное оказалось. Что значит «шучу»?.. Послушайте, девушка, не хамите. При чем здесь «из Трансильвании поставки временно не производятся»?.. Что значит «пока у нас праздники с референдумом не пройдут»?.. Я нормально с вами разговариваю. Какие «превентивные санкции»?.. Сами вы «пьяная»! Трубку бросили...

Снова звонит. Из телефона раздается мелодичное: «Ваш звонок очень важен для нас. В настоящее время все операторы заня-

ты. Пожалуйста, оставайтесь на линии. Обращаем Ваше внимание, что в целях повышения качества обслуживания разговор с оператором может быть записан. Время ожидания десять минут». Светлана Николаевна сбрасывает номер. Пауза. Задумчиво смотрит на Кряжистых.

Светлана Николаевна. Так что, вы его Аэрофлотом вывезли?

Лизон. Ну нет конечно, мы что, сумасшедшие? Разбиться же все могли. Нашими семейными авиалиниями.

Светлана Николаевна (*впадает в ступор*). Какими «нашими»?

Настенька. Лиза хотела сказать «вашиими».

Светлана Николаевна. Это безумие какое-то! На моей авиалинии, олигарха-беженца, в гробу, в мой дом!

Лизон. А мы никому не скажем. Посмотрите, какие сумочки клёвые. Правда, лакшери?¹

Светлана Николаевна. Идиотка! Сумочки у нее! Эксклюзив! Лакшери!

Каролина Карловна. Между прочим, Светлана Николаевна, это когда-то и наш дом был, пока он по наследству вашему сыну не перешел, так что вот...

Светлана Николаевна. Что «вот»?! Что «вот»?! Он Сашеньке по завещанию перешел. А остальное – это всё крохи, из которых я империю создала. Или вы хотите сказать, что авиалиния и похоронный бизнес – это папа ваш всё создал?

Каролина Карловна (*закипая*). Создали вы, но мы вам тоже, между прочим, помогли.

Светлана Николаевна. Допомогались, что сейчас всё в один день рухнуть может! Это же уголовное дело! Вы что, дуры, простых вещей не понимаете?!

Каролина Карловна (*сквозь зубы*). Лизочка же вам сказала. С нами Юрий Владимирович был. Он всё решил.

¹ *Лакшери* (англ. luxury) – предмет роскоши.

Светлана Николаевна. Не повторяйтесь. Где Юрий Владимирович не появляется, там везде проблемы. Прохиндей еще тот! Ни одного моего суда толком не выиграл. Всё только через взятки.

Лизон (*облизывая Чипа Чипс*). То есть всё-таки выиграл?

Светлана Николаевна. Купил, а не выиграл!

Лизон. Ой да ладно. Он прикольный чел. По правилам просто играет. Если бы не он, так неизвестно вообще, были бы вы тут...

Светлана Николаевна. Ты, Лиза, вообще помолчала бы! На моей шее, между прочим, сидишь!

Настенька. Не ссорьтесь! Ну пожалуйста. Каждый день одно и то же. Кто кому должен, кто кому не так завещал... Ну уж как есть. Пожалуйста, хватит!

Каролина Карловна (*взрываясь*). А что это ты на ее стороне, Настька?! Она тебе что, мать? Сестра? Она, между прочим, нас лишила всего! Или ты забыла, как всё было?! Этот кобель обрюхатил ее, а нас по миру чуть не пустил! (*Показывает пальцем на лаковый столик с урной, нарисованный на групповом портрете.*)

Настенька. А она, между прочим, нас не выгнала. А могла! Ты бы спасибо лучше Светлане Николаевне сказала!

Каролина Карловна. Да если бы не мои связи, она бы в жизни такой бизнес не выстроила!

Светлана Николаевна. А ничего, что я тут нахожусь? А, Каролина Карловна?

Каролина Карловна. Ничего хорошего. Вон, даже в зеркале не отражается!

Светлана Николаевна. Вы тоже, между прочим, не отражаетесь! Можно мне сказать, наконец?

Каролина Карловна. Можно и помолчать! Потому что деньги — деньгами, а связи — связями, если уж на то пошло!

Светлана Николаевна. Да вы бы поблагодарили, что я беременела от вашего мужа. Вы что, Каролина Карловна, забыли, что он вообще вас всех наследства лишил? Только благодаря Са-

шеньке обязательная доля в наследстве осталась.

Каролина Карловна. И где этот Сашенька? Где? Я его неделями не вижу.

Светлана Николаевна. В круглосуточной группе он! Вы сами настояли! Мол, времени на ребенка нет при занятии бизнесом. Я, между прочим, скучаю по нему!

Каролина Карловна. Скучает она! Кто ему мать, в конце концов?!

Светлана Николаевна (*в негодовании*). Я... Я... Да скажите спасибо, что я вас вообще всех вон не выставила!

Каролина Карловна. Может, мне в ноги еще поклониться?

Светлана Николаевна. А может, и не мешало бы!

Лизон. А может, заткнетесь вы когда-нибудь?! У меня уже уши в трубочки свернулись!

Каролина Карловна. А может, ты не будешь встревать, когда старшие разговаривают?

Лизон. Бли-и-ин! Как же вы мне надоели все! Поскорей бы гроб уже привезли. Идиотизм какой-то. С вами же жить невозможно. Всё срётесь и срётесь. То из-за наследства, то из-за акций.

Каролина Карловна. Язык, оторва, придержи. Хорошо, что у нас хоть акции есть, так бы она нас точно отсюда выжила.

Светлана Николаевна. Вот и дура я тогда, что согласилась с вами поделиться. Думала, как с близкими.

Каролина Карловна. Это не ты дура, это я – умная. (*В сторону.*) Вот Романа Андреевича привезут, я у него обязательно номер специалиста возьму. Он тебе вплетет ленты куда следует...

Настенька. Кстати, Светлана Николаевна, если уж разговор зашел... по поводу акций... а что с кредитом? У нас же все сроки вышли.

Светлана Николаевна. Не переживай, всё нормально будет. А с банком я разберусь.

Настенька. Просто не хотелось бы всех акций лишиться. У нас же больше нет ничего.

Светлана Николаевна. Сказала же – не переживай. Партию

продадим и погасим.

Каролина Карловна. Какую еще «партию»? Вы свою партию продавать собрались? Или я чего-то не знаю?

Светлана Николаевна. Я разве сказала «партию»? Оговорилась. Это всё референдум дурацкий. Слишком много политики во всем стало... И петух этот соседский постоянно орет. Надоел, сил нет. Голова из-за него кругом... Вы, кстати, как голосовать будете? За целостность или самобытность?

Каролина Карловна. Светлана Николаевна, вы не уводите разговор в сторону. До референдума еще два месяца. Что это за «партия», которую вы собрались продавать?..

В этот момент из коридора слышатся голоса, раздающиеся из коридора, и разговор резко прерывается.

Глебушка. Да говорю, не тот это.

Борис. Тот.

Бенедикт. Не, Глеб Вадимыч дело говорит. Не тот.

Юрий Владимирович. Да тот, тот.

Глебушка. Да не тот.

Отец Сергей. Когда веры нет, всё не тем кажется. А придет вера — всё тем становится, что и есть на деле.

Глебушка. Я когда тебя, Сергунь, слышу, мне кажется, что хляби небесные у меня прямо в мозгу разверзаются. В сотый раз вам повторяю. Не тот.

Леон. А по мне тот.

Михаил. Ща проверим, на!

Вносят гроб, ставят посреди гостиной.

Отец Сергей. Славьтесь во Христе, Светлана Николаевна!

Светлана Николаевна (*растягивая*). Здравствуйте, Сери-и-ожа.

Отец Сергей. Будто вы и не рады нам. А мы ведь с гостинцем к вам.

Светлана Николаевна. Я вижу. Табакерку с чёртиком привезли? Вы в своем уме?

Юрий Владимирович. А, так вы уже в курсе. Добрый день, Светлана Николаевна. Хэллоуин же. Вот мы и подумали...

Светлана Николаевна. Чем вы подумали? Чем?

Леон. Мозгом. Good evening, Светлана Николаевна.

Светлана Николаевна. Говори по-русски. Ты в России. *(Леону и Бенедикту.)* Зачем приехали? Я вас приглашала? Ваше дело в Шотландии сидеть.

Бенедикт. Так мы ж охрана. Hello, собственно.

Светлана Николаевна. Я сказала – по-русски! Может, всё-таки откроете табакерку?

Склоняются над гробом.

Глебушка. Чё-то у меня большие сомнения. Разве что, если он только похудел в дороге.

Открывают домовину, все в замешательстве смотрят внутрь.

Отец Сергий. Чертовщина! Прости Господи. *(Крестится.)*

Михаил. Хера себе, на!

Глебушка *(радостно).* Ну вот! Я же говорил. Не тот это!

Борис. А где тогда тот?

Юрий Владимирович. Ничего не понимаю.

Лизон. Улётный Хэллоуин вышел!

Настенька. А что внутри?

Лизон. Вроде рулоны какие-то.

Глебушка. Да ну, вряд ли Роман Андреевич за время полета в обои превратился.

Каролина Карловна. Помолчи, Глеб. Это не рулоны – это картины. Причем ценные.

Светлана Николаевна. А чёртик куда пропал?

Ей никто не отвечает. Все вытаскивают рулоны. Слуги присвистывают.

Каролина Карловна. Тут на миллионы. Бог ты мой, какие полотна!

Лизон (*досасывая Chupa Chups*). Я фигею!

Отец Сергей. Дары волхвов.

Глебушка. По-моему, ты, Сергунь, первый раз в тему сказал. Бень, набери-ка своему Монте-Кристо на трубу. Мы, по-моему, гробы перепутали.

Настенька. Да! Надо Роману Андреевичу позвонить!

Бенедикт (*набирает номер на мобильнике, ходит взад-вперед*). Это кто? (*Длинная пауза.*) Ты... это... как тебя... Короче, не вернешь... Что?! Ты, баклан, чё, не понял, с кем базаришь? Да я тебя урою, тварь!.. Сука, трубку бросил. (*Набирает снова. В растерянности опускает руку.*) Вне зоны...

Глебушка. Он всегда вне зоны.

Каролина Карловна. Что там случилось, Бень? Ты с кем разговаривал?

Бенедикт (*плюхается в кресло*). Короче, походу, засада у нас большая. Влип олигарх.

Юрий Владимирович. Можно поподробней, Бенедикт?

Бенедикт. Чё тут «поподробней»? В заложники его, кажись, взяли. Сказали, не вернем картины, по кускам его присылать будут.

Отец Сергей. Святые угодники!

Каролина Карловна. Юрий Владимирович, срочно звоните в полицию!

Юрий Владимирович. Ни в коем случае.

Лизон. Почему это?

Глебушка. А что, так не понятно? Мы же его вывезли. А он в розыске. Чистая уголовка. Сколько нам, Юрасик, по твоим кодексам светит?

Юрий Владимирович. Глеб Вадимович прав, нельзя в полицию.

Настенька. Так, а что делать? Его же убьют.

Михаил. Ну и пусть.

Настенька. Что значит «ну и пусть»?

Михаил. А то и значит, на!

Борис. Миша правильно говорит. Это его проблемы. После того, что он с нами в Шотландии натворил, туда ему и дорога.

Светлана Николаевна. Не поняла. А что там было?

Глебушка. Трэш энд Угар там был. Роман Андреевич скучал по нам очень. Отелло наш доморощенный. Мне вообще показалось, что он за время пребывания в Шотландии сильно деградировал. Видимо, медикаментозное лечение плоды дало.

Настенька. Он нас чуть не придушил от любви. Вот с ними.
(Показывает пальцем на слуг.)

Леон. Мы на работе. У нас приказ был.

Глебушка. Ага, не так страшен чёрт, как его малютки. Лизоньке надо было не Swagovski Роману Андреевичу везти, а веревку с мылом. И вам заодно. В подарок.

Отец Сергей. Согласный я. Очень грешные люди. Ничего святого.

Бенедикт. Это ты про кого сейчас сказал? *(Отец Сергей молчит.)*

Настенька. Ну и что нам сейчас делать?

Борис. Надо срочно картины прятать.

Каролина Карловна. Хорошая мысль, Боренька. А через час посмотрим, что будет. Может, они блефуют.

Глебушка *(ходит взад-вперед).* Угу, блефуют. Карловна, подумай, что ты говоришь. Олигарх в заложники попал, его же на куски порвут.

Лизон *(кивает на картины).* А большие бабки?

Каролина Карловна. Миллионы, Лизонька. Десятки миллионов.

Глебушка. Вы слышали, что я сказал? *(Внезапно останавливается у зеркала. Удивленно.)* А что с зеркалом?

Светлана Николаевна. Ничего. Брак.

Юрий Владимирович *(будто пробует на вкус слова).* Милли-

о-ны, мил-ли-о-ны... *(Пауза.)* А Роман Андреевич и правда не очень красиво себя вел. Негостеприимно. Так что можно рискнуть.

Глебушка. Знакомый подход. Что нам душа человеческая? Пшик. 21 грамм всего. Рулоны главное! Рулоны! Вот где реальный вес! Это же вообще уже за гранью добра и зла. Роман Андреевич тот еще, конечно, олигарх на выпасе, но и вы больные на всю голову. Какая вам разница, убьют его, порежут, на мозаику разберут – плевать! Главное свое отхватить! Сергунь, что там в православном талмуде по этому поводу?

Отец Сергей. Око за око. Роман Андреевич не по-христиански себя вел.

Борис. Хорош, Глебушка, рассоливать! Надо картины прятать! На втором этаже хороший тайник был. В нем папа компромат всякий прятал.

Светлана Николаевна. Только не туда!

Борис *(алчно)*. Туда-туда... Внутри подвесного потолка замечательное место. Целое кладбище влезет, не то что гроб. *(В оханку хватает часть картин, бежит вверх по лестнице.)*

Светлана Николаевна *(устремляется за ним)*. Нет! Нельзя! Борис, вернись!

Настенька. А как же Роман Андреевич?

Борис *(сверху)*. Плевать! Пусть подышает! От чёрт!

Раздается грохот. Со второго этажа слышится перепалка.

Борис. Что вы тут понаставили, Светлана Николаевна?

Светлана Николаевна. Не твое дело!

Борис. Как это не мое? Зачем вам гробов столько?

Светлана Николаевна. Не смей открывать!

Борис. Ну, наверное... Вот те на! Ма! Мама! Идите все сюда!

Светлана Николаевна. Леонид! Бенедикт!

Леон *(вытаскивает пистолет)*. Спускайся давай!

Каролина Карловна. Что тут происходит вообще?

Борис. Мама, тут иконы! Яйца! Фаберже!

Леон. Живо, я сказал.

Борис спускается с иконой в руках, но, увидев Леона с пистолетом, застывает посреди лестницы. За Борисом на подкошенных ногах идет **Светлана Николаевна**.

Глебушка. О, Боренька Исусика понес! Сергунь, тебе, наверное.

Отец Сергей (*жестко*). Борис! Положи на место! (*Рывкает.*) На место, я сказал!

Борис от неожиданности роняет икону. Та с грохотом падает по ступеням вниз.

Лизон. А чё творится? Я не воткнула. Лёнчик, убери пукалку, убьешь еще кого-нибудь.

Леон нехотя прячет пистолет. Борис и Светлана Николаевна спускаются к остальным. Настенька поднимает икону.

Каролина Карловна (*Леону*). Откуда у тебя пистолет? Как ты его провез вообще?

Леон. Никак. Мне Миша дал. Сказал, из шотландской партии остатки.

Глебушка. Это, конечно, не наше дело, но мы ждем пояснений. Желательно юридических. Правда, Карловна?

Каролина Карловна. Юрий Владимирович, вы в этом замешаны? Признавайтесь! (*Поворачивается к адвокату.*) Рассказывайте. Ну!

Юрий Владимирович (*мямлит*). Не имею права, Каролина Карловна. Светлана Николаевна мой доверитель. Только с ее согласия.

Каролина Карловна. Светлана Николаевна?

Светлана Николаевна (*безнадежно машет рукой*). Рассказывайте, Юрий Владимирович.

Юрий Владимирович. Вы уверены?

Светлана Николаевна. Выхода нет. Не убивать же их, в самом деле.

Глебушка. Зачем всех? Через одного давайте. Мы рассчитаемся.

Каролина Карловна. Хватит! Хватит уже, Глеб! Говорите!

Юрий Владимирович. Значит, вот какое дело. Тут всё очень непросто и запутанно...

В этот момент раздается звонок в дверь.

Светлана Николаевна. Не открывайте! Нас нет дома!

Глебушка. Это полиция, за барахлишком пришла.

Светлана Николаевна. Вот и я об этом.

Глебушка. А поскольку это полиция, то она слепа и света в окнах не видит.

Каролина Карловна. Миша, иди открой дверь!

Михаил идет открывать дверь. Возвращается. В руках у него небольшая коробка, перевязанная алой лентой. Михаил ставит ее на стол.

Светлана Николаевна. Кто там?

Михаил. Никого. Только вот это, на.

Глебушка. Ну-с, что у нас в этом гробике припасено?

Михаил (*развязывает ленту и открывает коробку*). Твою мать, на!

Все заглядывают в коробку и тотчас отшатываются.

Настенька (*с иконой в дрожащих руках*). Это его, да? Его?

Глебушка (*смотрит в коробку*). Перстень на пальце его вроде. А я предупреждал.

Отец Сергей. Дары данайцев.

Глебушка. И снова в тему.

Каролина Карловна. Боря! Звони!

Борис. Кому? Куда?

Каролина Карловна. В полицию!

Юрий Владимирович. Нельзя уже в полицию.

Настенька. Бенечка, позвони, пожалуйста, еще раз Роману Андреевичу.

Бенедикт набирает номер.

Бенедикт. Отключен.

Глебушка. Еще бы он сейчас не в отключке был.

Светлана Николаевна. Что же теперь будет?

Каролина Карловна. Юрий Владимирович...

Юрий Владимирович (*вытирает пот со лба*). Ситуация неординарная... Сложная очень...

Глебушка. Как это точно подмечено.

Каролина Карловна. Заткнись! Заткнись, я сказала, Глеб! За-а-аткни-и-ись!

Глебушка. Да тут затыкайся, не затыкайся. Это же Хэллоун, только русский. Ты не поняла еще, Карловна?

Каролина Карловна. Всё я давно без тебя поняла! Я одного не могу понять, при чем здесь иконы?

Глебушка. А Русский Хэллоун без икон не празднуют.

Отец Сергей. Окстись, кощунник!

Лизон. Правда, Глеб, заманал уже... Ну, Юрий Владимирович...

Юрий Владимирович. Ситуация вот такая.

Глебушка. Сложная и неординарная.

Юрий Владимирович. Я, пожалуй, Каролина Карловна, с похорон вашего мужа начну.

Каролина Карловна. Это еще зачем?

Юрий Владимирович. Так понятней будет... Тут вот как вышло. После того, как Вадим Альбертович вас всех наследства лишил, а обязательная доля перешла его незаконнорожденному сыну, то есть в некотором роде сыну любовницы Вадима Аль-

бертовича... то есть как бы Светлане Николаевне...

Каролина Карловна. Ой, я вас умоляю, хватит копаться в этом грязном белье.

Юрий Владимирович. Понимаете, Каролина Карловна, если не покопаться, то можно как бы и не накопать...

Глебушка. Здравая, новая, мудрая мысль.

Светлана Николаевна. Копайте уже. Только неглубоко.

Юрий Владимирович. Тут глубоко надо, потому что, если не глубоко, то тогда никто ничего не поймет. А если никто ничего не поймет, то получится, что мы белье как бы приподняли, но не копнули...

Глебушка. Ты, Юрасик, извини, конечно, но ты... как бы это сказать повежливее... ротожоп.

Юрий Владимирович. Простите, я очень нервничаю. Можно убрать эту коробку?

Каролина Карловна. Беня...

Бенедикт. Куда?

Каролина Карловна. Я не знаю куда. Куда угодно. Выброси! Кольцо только сними. И мне принеси!

Бенедикт (*брезгливо*). Голыми руками?

Каролина Карловна. На вот, платок возьми. (*Протягивает Бенедикту платок с вензелем ККК*.)

Бенедикт уносит коробку. Быстро возвращается. Брезгливо возвращает Каролине Карловне платок, в котором лежит кольцо.

Глебушка. Копай дальше, Юрасик.

Юрий Владимирович. Так вот... Значит, после того, как умер Вадим Альбертович...

Каролина Карловна (*примеряя кольцо*). Вы повторяетесь!

Юрий Владимирович. Словом, а бизнес-то вести надо... продолжать дело покойного... а он картины, если помните, собирал. Дорогие... а дела Вадима Альбертовича, как известно, я вел... ну и связи у меня кое-какие остались... А ведь как картины в нашей стране коллекционируются?... ну, не мне вам объяснять... ввозим-

вывозим... там иконы наши хорошо идут... Отец Сергей, конечно, очень в бартере помогал... а тут авиалинии... похоронное бюро... и, короче, мы, то есть Светлана Николаевна, Миша... не сразу, конечно, в гробах... но как-то попробовали, получилось, один раз, второй... и хоть бы что... ну и пошел новый бизнес... Лёня с Беней за импорт отвечали... Там, если краденое, или... ну, вы поняли... То сюда тогда, с Запада... Ну а я юридическим сопровождением, естественно, занимался. Вообще, очень хороший бизнес оказался... Не хуже авиалиний... Я же и в этот раз ездил, чтобы всё проконтролировать...

Каролина Карловна. А мы почему ничего не знали?

Юрий Владимирович. Ну как бы вам объяснить... ну не знали вы... если, положила руку на сердце, то Боря с Глебушкой зависимые немножко — наркотики, алкоголь, с ними особо наваристой каши не сварить... Лизонька с Настенькой — девушки наивные, ну а у вас очень напряженные отношения со Светланой Николаевной... вот как-то так...

Каролина Карловна. А Роман Андреевич?

Отец Сергей. В неведении он. Эмигрант — веры нет. И вообще — грешник. Столько народу ограбил... *(Подходит к зеркалу)*
А что с зеркалом?

Глебушка. Ты тоже, экзорцист, не отражаешься?..

Звонок в дверь.

Михаил. Я! На!

Быстро выбегает. На трясущихся руках вносит новую коробку с роскошным белым бантом.

Михаил. Не успел. Такси какое-то отъехало. А номер в грязи, на.

Глебушка *(в горькой усмешке)*. Вам посылка. Ухо Ван Гога.

Михаил пытается распутать бант, но только сильнее затя-

гивает узел.

Борис. Дай я! (*Помогает брату, вскрывает коробку.*) И правда...

Все. Что «правда»?

Борис (*чуть слышно*). Оно...

Глебушка. Такими темпами мы ни до Коляды, ни до референдума не доживем.

Икона вываливается из ослабевших рук Настеньки, и девица теряет сознание. Лизон пытается привести сестру в чувство. Все начинают безумно носиться по гостиной и дико орать.

За окнами в истошном вопле заходится неврастеник-петух.

Затемнение. Резко падает занавес.

КАРТИНА СЕДЬМАЯ ОТТЕНКИ ГИПЕРРЕАЛИЗМА

Подмосковный пополуденный день. Пришел черед языческих колядок, православных святок и светского референдума. За окнами усадьбы слышится щебет снегирей и прочей пернатой живности.

Петух молчит.

*За столом – стоящим в противоположной стороне от ведущей на второй этаж лестницы – сидят **Михаил, Борис и Глебушка**. Посреди стола возвышаются самовар и «Вежливая» бутылка водки с черной этикеткой-шевроном, на которой изображены страж при полной амуниции и кот Мурр. На тарелках раскидана снесь.*

Михаил наряжен в гусарскую форму, Глебушка – в мундире поручика, Борис – в бархатном штатском. Грудь Михаила увешана медалями, крестами и какими-то значками неизвестных ведомств. Сбоку свисает сабля в ножнах, на хромовых сапогах искрятся декоративные шпоры. В свою очередь, грудь Глебушки украшена бантом, выполненным в черно-оранжевой гамме «Рус-

ского Хэллоуина»; корпус перетянут портупеей с кобурой из кожзама. Из кобуры выглядывает травматический «Наганыч». Борис локтем упирается в лежащий на столе самоучитель «Финский для отъезжающих», из которого в качестве закладки торчит лента молочного цвета. Грудь Бориса бархатна и невинна.

Около каждого брата небрежно брошены бумажные бутоны роз. Около Михаила и Глебушки – алые, около Бориса – белая.

Глебушка встает и включает музыкальный центр. Птичий заоконный гам заглушается хитом культовой советской и российской рок-группы «Агата Кристи» – «Сказочная тайга»:

Когда я на почте служил ямщиком,
 Ко мне постучался косматый геолог.
 И, глядя на карту на белой стене,
 Он усмехнулся мне...

Борис. Ты, Глебушка, «ватник»!

Глебушка. Сам ты «ватник»! Чтобы я за ваш гребаный сепаратизм голосовал – такого не будет! Такой референдум только на Коляду возможен. Это бред, полный бред!

Борис. Ты не понимаешь, времена империи закончились. Пора по-новому на вещи смотреть. Разве плохо, если мы как финны начнем жить? Ты же был в Европе. А у нас что? Сделай потише, разговаривать невозможно!

Глебушка (*встает, делает чуть тише, возвращается за стол, поправляет на груди черно-оранжевый бант*). У нас Родина – придурок. Пиджачная твоя душонка.

Михаил. Глебочка дело говорит. Ты, Борька, провокатор. Пятая колонна! Только на-но.

Борис. Глебушка, это не Родина! Родина там, где сытно!

Глебушка. С каких это пор тебе здесь не сытно стало?

Борис. С тех самых! Когда по Европе ездить начал. Когда первый пиджак от Лагерфельда купил.

Глебушка. Чем же тебя наши портные не устраивают?

Борис. Тем, что они не кутюрье!

Михаил. Чё, Боряйла, за пиджак Родину готов продать?

Борис. Какую Родину? Это не Родина. Это – телогрейка! Мисся хювя олла, сиелля Исянмаа! Где хорошо, там и Родина!

Михаил. Хрена мы, Глебочка, такую падлу в доме держим? *(Хватается за эфес сабли.)*

Глебушка. Иудушка. Чем чмошней и ничтожней человек, тем он более либерал.

Борис. А вы – «ватники»! Посмотрите, как остальные страны живут! Жратва, шмотки, пентхаусы! Вот где верхи могут, а низы хотят!

Глебушка. Ну, не тебе печалиться. Поди побираться еще не начал. Вон какой брендовый марафет на ноздрях.

Борис. Ты мои ноздри не трогай!.. Забыл, как тут вмиг раскулачивают?!

Глебушка. А при сепаратизме твоём, что, не раскулачат, думаешь?

Борис. При сепаратизме свобода будет! Интеграция! Инвестиции! И не сепаратизм, а суверенность и самобытность. Не подменяй термины. Сепаратизм сепаратизму – рознь!

Глебушка. Именно! Вот тут я с тобой абсолютно согласен. *(Подпевает.)*

Черные сказки про розовый снег,
Розовый снег даже во сне...

Борис. Не юродствуй! Знаешь, как все заживут?

Михаил. Как, на? *(Ходит саблей в ножнах.)*

Борис. Свободно! Калининград сразу к немцам примкнет, финны заливу помогут, китайцы Сибирь наконец освоят. У нас много земель. Отойдут другим – не жалко! Хватит уже этого царизма, этой архаики! Сколько можно!

Михаил. Глебочка, может его сразу вальнуть, на? *(Кивает на кобуру брата.)*

Борис. Всю Ро\$фью не вальнешь! Ты же сам, Миша, шотландцев поддерживал! И хватит меня бутафорией всякой пугать!

Михаил. Я не поддерживал. Я оружие поставлял. Это не одно

и то же. *(Вытаскивает саблю из ножен, кладет рядом с собой на стол.)*

Борис. Нет, одно! Убери ее отсюда. Раздражает!

Михаил. Пусть полежит... Не одно. Оружие – бизнес, целостность – политика!

Борис. Политика и бизнес – то же самое!

Михаил. Ты меня вконец запутал! Шотландцы – чужие, русские – свои! *(Вскидывает саблю.)*

Борис *(вскакивает с места)*. Это пластмасса!

Михаил. Заодно и проверим, на!

Глебушка *(спокойно)*. Миш, угомонись, хватит тут Каина изображать. Да сядь ты, наконец. Размахался, в самом деле. *(Михаил неохотно садится, с шумом вставляет саблю в ножны – раздается глухой звук; Глебушка продолжает.)* Я вот смотрю на тебя, Борайла, и думаю. Ты ведь всегда придурком был. Но вот когда ты успел окончательно в идиота превратиться – этот момент я упустил. Ты разве не понимаешь, что стоит регионам отсоединиться, нас сожрут сразу?

Борис. Не сожрут, если это в Конституциях закрепить!

Глебушка. В каких Конституциях, «пиджачник» ты штопаный?

Борис. Автономий. Суверенных государств! Вот сейчас референдум пройдет, сами увидите. Народ устал от этой тирании, нищеты! Пора уже самоопределяться!

Михаил. С узкоглазыми?

Борис. Зачем с ними? Если поближе к Финскому заливу махануть, мы сразу в €пе окажемся! Сразу!

Михаил. Шило на мыло. Узкоглазых на чухонцев менять?

Борис. Вы не толерантны оба! Не вежливы!

Глебушка. Ты зато на своем коксе очень толерантным стал! И вообще, ты в курсе, что самая уродливая форма лицемерия – это как раз вежливость?

Борис. А чтобы выжить, Глебушка, нужно лицемерить!.. И вы меня не слушаете совсем! У них прекрасный язык, между прочим! *(Подхватывает самоучитель.)* А если что, так и Курилы по-человечески заживут! Хоть и с узкоглазыми. Про залив вообще

молчу!.. Ничего. Вот посмотрим на результаты референдума. У нас народ не дурак, за ничету голосовать не будет. Послушайте, как красиво. *(Выключает музыкальный центр, вытаскивает из самоучителя бумажку с крупными каракулями. Старается декламировать по памяти, но постоянно заглядывает в текст.)*

Оллако вай эй олла, сииня пулма:
 Яломпаа онко хенгэн кярсия
 Кайкк'инхан оннен искут сея нуолет
 Вай кяйдя миеккаан тускайн мерта вастаан,
 Лопеттайн кайкки? – Куолла, – нуккуа,
 Эй муута; – луулла, унесс эття пяттю...

Михаил *(перебивает, гогочет)*. Это – пять, на! Этя пятю!

Борис. Это – не пятю! Это – монолог Гамлета! Я целый месяц, между прочим, учил!

Глебушка. М-да... Эта речуга в твоём исполнении посильнее «Фауста» Гёте будет. Только ты и её не выучил... *(Пауза.)* Я, Боренька, ошибся. Ты не «пиджачник», ты – «подкладочник». Подстилка, проще говоря.

Борис. А вы «ватники» все! Так и останетесь в своей сраной Рашке! И Европа не Америка! *(Отходит в сторону, бубнит по-фински, раскладывает на журнальном столике «набор кокаиниста», вытаскивает из самоучителя молочную ленту, читает вслух.)* Моя фамилия Кряжистый! Ага, вот! Сукунимени он Кряжистый!

Глебушка *(взрывается)*. Да ты задрал уже, штрейкбрехер! Задрал! Всё это одна шайка-лейка! Какая, к черту, Европа? Чё ты незнайкой прикидываешься?! Нет никакой Европы – проходной двор это давно! Неужели ты, Боряйла, не понял – что все они колонии давно, вассалы, рабы. Хочешь, чтобы и у нас «слоники» и «ослики» по стране забегали? Чтоб тошнилочки Макдоналдса полным цветом расцвели? *(Поёт.)* «You Wanna Be Americano, Americano, Americano...»

Михаил. Именно, Глебочка! Гудбай Америка, на!

Глебушка. И при чем здесь «Рашка», Боряйла? Что ты как

диссидент из семидесятых? Что тебя на прошлом заклонило? Ты еще Грозного с Виссарионом вспомни. Другая же страна давно. Больше двадцати лет.

Борис. Не другая! Такая же! Русь сидящая! *(Шумно всасывает ноздрей порошок, обращается к Михаилу.)* Будешь?

Михаил. Я с финскими наркоманами не нюхаю!

Борис. Ну и не надо, мне больше останется! *(Глебушке.)* И вообще! Косово, Каталония, Венеция – вот на кого равняться надо! Баски опять же! Корсика! Бавария, наконец!

Глебушка. Ты еще зигу для правдоподобия кинь. И хватит тут евросопли по харе размазывать. Другая страна. Давно другая. Всё другое. И мы – не Косово, мы – не баски. На порядок больше будем. В разы. Шестая часть суши, между прочим.

Борис *(победно).* Вот! И я о том же! Срань – мы! Дыра большая! Шестая часть ужаса!

Глебушка. А срань, Боренька, по мановению палочки в райские кущи не превращается. И если хочешь знать, я тоже власть ненавижу. Но страну я люблю больше, чем свою ненависть к власти. А вам ведь, «пиджачникам», что не сделай – всё плохо. Евровидение плохо, Олимпиада плохо, День победы плохо. Вам же при любой власти плохо. Потому что вы не власть не любите. Нет. Не в этом фишка. Совсем не в этом. Вы страну ненавидите. Вы будете два унитаза по соцсетям гонять, потому что воду за собой спустить не можете. Вы же только гадить умеете. Вы – чудовища. Пиявки. В вас ненависть на уровне Дэ-эН-Ка вживлена. У вас вообще генотип по ошибке набран. *(Обращается к Михаилу.)* И никакая они, Миша, не пятая колонна. Слишком красиво для них, вычурно, поэтично. Они – предатели. Самые банальные обыкновенные предатели. Их каленым железом выжигать надо, на фонарных столбах вешать, к стенке ставить. Только так в них можно гнусь вытравить, которая на генном уровне... *(Наливает водку. Залпом осушает рюмку.)*

Михаил. Успокойся, Глебочка.

Борис. Убивать? Как в тридцать седьмом? Рукопожатным захотелось быть? *(Истерично хохочет.)* А нагана вместо травми-

ка у тебя нет?

Глебушка (*хватается за кобуру, но быстро отдергивает руку*). На тебя и травматика жалко. (*Сквозь зубы*.) И да. Убивать. Я считаю, вас убивать надо. Давить. Уничтожать. Истреблять. Только не наганями. Слишком это гуманно... Вас в кислоте растворять надо. Чтобы вы новых предателей не наплодили. Только уже – стоиудных. У которых одна только цель – попилить, раздраконить, разрушить. И на самом деле не за свободу проголосовать, а за дестабилизацию. Потому что никто не ненавидит Россию так сильно, как сами русские... И да, Боренька, сто раз да. Я не толерантен. Не вежлив... Потому что я так долго был толерантным... так долго был вежливым... что в итоге стал инквизитором... Потому что... (*Пауза*.) Потому что нет порока в моем отечестве. Но он в каждом из вас...

Михаил. Красиво, Глебочка, сказал! Молодца, на! (*Пугливо озирается*.) Тока это, тише давай.

Глебушка. Ты меня, Миша, не успокаивай! Настрогали тут нечисти, понимаешь! Фрилансеры, аутсорсеры, креативщики! Такие все фешенебельные стали, что удавиться хочется. Да какие, к чёрту, креативщики? Какие фрилансеры? Безработные креаклы кругом! Голубые в стрингах либерасты! Боря вообще ни дня в своей жизни не работал!

Борис. Я не гей!

Глебушка. Ты хуже! Ты мозгами – гей!

Борис. «Ватник»! (*Трет десны*.) В тайге своей оставайся!

Глебушка. Чухонец гребаный! Пригрели змею!

Михаил. Сука он и есть сука. Давай маханем лучше, на. (*Разливает по рюмкам*.) Представляешь, чё у других сейчас творится?

Глебушка. Надо думать, вообще семьи рушатся. Вразжопоци¹ живут.

¹ *Вразжопоци* – раздельно, без сексуальной близости (о проживании супругов).

Михаил. Как?

Глебушка. Раздельно.

Михаил. Во-во! Скоро у нас у всех вразжопицу будет. Ну, дёрнем, на!

Братья выпивают. Закусывают.

Глебушка (*презрительно смотрит в сторону Бориса, который копается в самоучителе*). Вот надо же. Можно десятилетиями с человеком в одном доме жить, а гниду так и не распознать... Знаешь, Миша, как-то был проведен любопытный эксперимент. «Пиджачникам» и «ватникам» показали одни и те же фотографии: грязных туалетов, окровавленных тел, растерзанных животных. Так вот. У «ватников» были зафиксированы вспышки в нервных центрах мозга, связанных с самосохранением. А «пиджачникам» хоть бы хны. Будто на солнышко из шезлонга глядели да «Мохито» потягивали.

Михаил. Бреешь, на.

Глебушка. Крестом Сергия клянусь.

Михаил. Тогда точно бреешь.

Глебушка. Нет, Миш. Чистая правда. Таким образом «ватника» от «пиджачника» можно отличить с точностью до 98%... (*Пауза.*) А вот мне интересно, что там у наших в головах?

Михаил. Да хрен его знает. Лизон вот точно дура. Интернета начиталась. Стопудово за сепаратизм галку шлепнет.

Глебушка. Отключать ее от соцсетей пора.

Михаил. Это да. А ты, Глебочка, молодцом, на! Не ожидал от тебя. Наш чел оказался. (*Нежно приобнимает брата, снова разливает.*) Ты же вроде всегда против власти был.

Глебушка. Против власти и остался, но не против страны. А сильные мы никому не нужны. И пока нас боятся — нас уважают. Поэтому цель — раздробить. Цель — не уважать. Так что не сравнивай теплое с мягким.

Михаил. Не пересекаю отличия, на.

Глебушка (*задумчиво*). Понимаешь, Миша. Тут всё не так про-

сто. Любое государство, оно, по сути, как машина для разрушения, как маховик. Неужели не ясно, что ты можешь быть хоть «ватником», хоть «пиджачником», но власти глубоко наплевать, кто ты. Кем бы ты ни был, рано или поздно, она разорвет тебя на ватные комки и нитки с пуговицами. И если в государстве бизнесмен с бомжом разобщены, то в борьбе за страну они стоят плечом к плечу. Поэтому я за страну, Миша. Но всегда буду против власти. То есть я за внешнюю политику, но против внутренней... Вот, к примеру, знаешь, почему оранжевые революции всегда обречены? Потому что народ не за страну бьется, а власть на власть меняет. Вату на вату. И заканчивается всё всегда одним и тем же. Оранжевый цвет покрывается черным Хэллоуином... *(Пауза)* С другой стороны, конечно, жуть кругом происходит. «Пиджачников» поддерживаешь — страну предаешь, с «ватниками» в строю маршируешь — вроде как воровской власти кланяешься... Получается, что мы вечно живем в амбивалентности, когнитивном диссонансе и нескончаемом парадоксе. И какие фигуры не выбирай, партию с государством все равно проиграешь. Поэтому из двух зол приходится выбирать, которое ближе. Такая вот чехарда выходит... Но вот что знаю абсолютно точно. Можно одновременно быть диссидентом и патриотом, но сложно, оставаясь либералом, любить Родину...

Михаил *(чешет затылок)*. Вообще ни хрена не понял, на. Мне вразжопицу больше понравилось... Ну ладно, а вот интересно, если б олигарх жив был, он бы за кого голосовал, как думаешь?

Глебушка. Этот бы сепаратистом стал, к гадалке не ходи. Хотя он такой мутный, что мог бы за что угодно проголосовать, а фига в кармане все равно бы своего часа ждала. Но вот чего я, Миша, до сих пор понять не могу, так это следующего... Ну ладно там палец, ухо... А почему больше никто на связь не выходил? Будто все в воду канули. Где, как бы это выразиться, остальные части тела? Ведь столько месяцев прошло, между прочим.

Михаил. Так это ж круто! Картины у нас остались. А олигарх, надо сказать, всегда дрянью был. Подох, туда ему и дорога, на.

Ты вспомни, что он в Шотландии с нами сделал. Жаль только, что мы с него бабки перед отъездом не стрясли. Даже тут надул.

Глебушка. Да уж, мозги у него в Шотландии совсем в картофельное пюре превратились... И всё-таки это странно как-то, чтоб вообще без новостей.

Михаил. Отсутствие плохих новостей – тоже хорошая новость, на...

Глебушка (*задумчиво*). Ну да, ну да... Ни тела, ни звонков, ничего... Непонятно... А тут еще Настька всю ночь орала. Говорила, что в окно Романа Андреевича видела.

Михаил. Забей, Глебочка, Настька же нервная. Ей лечиться надо.

Глебушка. Я ей то же самое сказал.

К братьям подходит Борис.

Борис. И мне плесните!

Михаил. А ты на финском скажи! (*Ржёт.*)

Борис. Без проблем! Мене персесеен!¹

Михаил (*наливает Борису*). Заслужил, чухонец! На!

Глебушка (*Михаилу*). У меня подозрение, что наш финн тебя послал.

Борис выпивает. Кашляет.

Михаил (*гогочет*). Что патриоту хорошо, либералу – смерть!

В этот момент из коридора раздается голос Светланы Николаевны: «Только тщательно ноги вытирайте. Тапок на всех нет... И осторожней. Тут гробы».

*Вскоре в гостиную шумной гурьбой вваливаются **Светлана Николаевна, Каролина Карловна, Настенька, Лизон, отец Сер-***

¹ Иди в жопу (*финск.*)

гий и Юрий Владимирович. Все красные, зимние, праздничные. У некоторых слева, на груди, приколоты бумажные розы.

За ними в тертых кожаных куртках, заломленных карманах, украшенных белыми бутонами, и шнурованных берцах появляются **Леон с Бенедиктом.** У Бенедикта в руках многочисленные пакеты и сумки. У Леона – охапка разноцветных гелиевых и воздушных шаров с наклеенными на них надписями: «Самоопределение», «Самобытность», «Суверенитет» и «Революция». Аббревиатура при этом выглядит парадоксальной.

Отец Сергей (сбрасывает на диван длиннополую соболиную шубу и пышный православный треух). С морозцу не помешало б. Зерцало не поменяли? (Сбивая снег, топочет валенками, на голенище которых поигрывает фирменный лейбл: «РПЦ».)

Светлана Николаевна (на ходу снимает обливную дубленку с норковой шапочкой). Так праздники. Поставок нет. (Подтягивает кожаный чулок правого сапога, оправляет юбку, затем, цокая каблучками, поднимается по лестнице на второй этаж – там занимается цветами.)

Глебушка (в пустоту). У нас целый год праздники.

Каролина Карловна (в линялом лисьем полушубке, на голове меховое гнездо, на ногах обычные «дутики»; обращается к сыновьям). А не рано начали?

Михаил. В самый раз, на.

Юрий Владимирович (стягивает с головы мерлушковый пыжик и расстегивает пальто с бобровым воротником, под которым обнаруживаются костюм-тройка и красная бабочка в белый горох). А куда вы все пропали? (Постукивает друг о друга узконосыми штиблетами на «рыбьем меху».)

Борис. Мы курить после голосования вышли. Вас долго не было, мы и уехали. А вы где были?

Настенька (в серебристой ушаночке, коротком пуховике под жель и пушистых унтах). Мы в церковь после референдума заскочили.

Глебушка. В церковь надо было «до». После референдума –

поздно. Слава Сибири, кстати!

Все. Сибир... *(Осекаются, в замешательстве смотрят друг на друга.)*

Лизон. Глебушка, ты дурак? *(Скидывает на диван черно-оранжевый пуховик, разукрашенный под хохлому, шлепает в европейских плагиат-валенках – уггах – к зеркалу.)*

Глебушка. Ты очень умная, можно подумать. Нашла за что голосовать.

Лизон. Откуда ты знаешь, за что я голосовала? И не твоё дело, между прочим. И вообще. У меня тоже может быть мнение. А сейчас такое мнение в тренде. Вот. *(Достаёт планшет из сумочки «Voïna i Mir», крутит попой в палех-лосинах перед зеркалом, пытается сделать «самофото».)* Чёрт! Забыла совсем, оно же не работает!

Глебушка. Лизочка, дуручка. В конце концов, ты самостоятельная личность или чей-то аппендикс? Какое «такое мнение»? Ты хоть понимаешь, что транслировать чужое мнение и быть в тренде значит проживать чужую жизнь?

Михаил. Вот это ты круто, Глебочка, задвинул. Молодца, на!

Каролина Карловна. Я смотрю, вы спелись.

Борис. Ма, а ты за что голосовала?

Каролина Карловна. Тайна голосования. Но тебе, Боренька, скажу. За самобытность. *(Обнимается с сыном.)*

Глебушка. Развалить страну решила? То, что папка не успел сделать?

Каролина Карловна. Миша! Скажи ему!

Михаил. Не, мать. Это уже без меня!

Каролина Карловна. Как ты смеешь! Я тебя растила! Миша!

Михаил. То и вырастила, на! Правильно, Глебочка?

Глебушка. Правильно!

Отец Сергей. Не ссорьтесь, отцы и дети.

Настенька. Матери...

Отец Сергей. Тем паче. Давайте лучше колядовать. Праздник-то какой!

Глебушка. Языческий. На что колядовать будем, Сергунь?

На результаты референдума? Как проголосовал, кстати?

Отец Сергей. Церковь отделена от государства.

Глебушка. А от кормушки? Что там в духовных скрепах? Дефицита нет? Можешь не отвечать. Это риторические вопросы.

Юрий Владимирович. На результаты, Глеб Вадимович, бессмысленно колядовать.

Глебушка. На ноу-хау в электоральном процессе намекаешь? На «вбросы» с «каруселями»? *(Блеет козлом.)* «Карусель, карусель — это радость для нас, прокатись на нашей карусе-е-ели!..»

Юрий Владимирович. На опыт.

Борис. Так а ты, Юра, за что голосовал?

Михаил. Да, Юрасик, на тебе почему роз нет?

Юрий Владимирович. Я в карман положил.

Глебушка. А покажи, какого цвета бутончик.

Юрий Владимирович. Зачем?

Глебушка. Ну просто. Любопытно. Скажи мне, за что голосовал, а я скажу, кто ты.

Юрий Владимирович. Не могу, Глеб Вадимович. Это было бы неправильно. Тайна голосования всё-таки.

Борис. А вот мама...

Юрий Владимирович. Это ее полное право.

Глебушка. Выжидаешь, значит. Результатов ждешь. *(Подходит к каждому, смотрит на бутоньерки, направляется к слугам, держащим воздушные шары.)* Ну а вы, орки, вставили свое веское гражданское слово? Самоидентифицировались?

Леон с Бенедиктом *(привязывают воздушные шары к перилам, ведущим на второй этаж).* Indeed! *(Переключаются на пакеты с покупками.)*

Светлана Николаевна *(спускается со второго этажа; в руках у нее лейка).* Хватит, Глеб, политику разводить. Как проголосовали, так проголосовали!

Глебушка. Как, Светлана Николаевна? Ну если не секрет?

Светлана Николаевна. Как надо! *(Поливает цветы на подоконнике, обращается к Каролине Карловне.)* Ваш махровый гибрид сорняками какими-то порос.

Каролина Карловна (*зло пожимает плечами и цедит сквозь зубы*). Лучше поливать надо. Здесь вам не Европа.

Светлана Николаевна. Ладно, хватит уже пререкаться всем. (*Оставляет лейку на подоконнике, присоединяется к остальным.*) Давайте праздновать наконец! (*Слугам.*) Так! Ну-ка, убрали здесь быстро! И пол вымойте. Я же просила всех – тщательно ноги вытирать... Сери-и-иожа, вы своими валенками тут сугроб надели. Заставлю в носках ходить.

Леон с Бенедиктом безропотно собирают разбросанную по гостиной верхнюю одежду и выносят в коридор. Возвращаются со шваброй и ведром. Быстро моют пол. Просят каждого приподнять ноги – протирают подошвы. Затем возвращаются к пакетам.

Настенька. Согласна со Светланой Николаевной! Давайте веселиться! Референдум Рождества не отменяет!

Глебушка (*усмехается*). И Коляду тоже. Помнится, лет сто тому назад... во время Великой Октябрьской Коляды...

Юрий Владимирович. Тогда не референдум был.

Отец Сергей. В октябре не колядуют.

Глебушка. Ага, цыплят по осени считают. Называлось только по-другому, суть та же. Так вот, когда большевики пришли к власти...

Каролина Карловна. Глеб! Пакеты! Хватит тут телевизора!

Михаил. Точно, Глебочка, давай накатим! По-рождественскому, по-колядовскому!

Борис. Революцию всегда отпраздновать успеем!

Михаил. Умочаю, Боряйла!

Глебушка. Как известно, Боренька, после февральской революции обычно следует октябрьский переворот. А нам два раза наступить на грабли маловато будет...

Каролина Карловна. Пакеты!

Отец Сергей. Поддерживаю, матушка! Как ни зноби мороз, а праздничек веселый теплее печки пригреет.

Глебушка. Едрить твою, экзорцист! Это тебя в церкви такими псалмами нашпиговали?

Михаил. Жжёшь, Глебочка!

Лизон. Миша, чё ты его Глебочкой постоянно называешь? Противное же имя.

Михаил. Зато ласковое, на!

Все направляются к пакетам, над которыми склонились Леон с Бенедиктом.

Настенька (*выуживая из пакета маски в пол-лица*). Это тебе, Миша. Глебушка — твое. А это Боре.

Михаил. Чё за хрень, на?

Настенька. Маски для празднования.

Глебушка. Вы совсем очумели? У меня сейчас когнитивный диссонанс будет. Недавно же из октября вылезли.

Светлана Николаевна. Пора подрастать. Надевайте, Глеб. Коляда без масок — не Коляда.

Глебушка. Подрастать или переродиться? У меня ощущение, что я из маскарадов последнее время не вылажу. Впрочем, как скажете, Светлана Николаевна. Колядки — хозяйские порядки. Только, если хотите знать, нам маски не помогут. Мы же ни одной русской традиции, кроме пятничных пьянок, не знаем.

Лизон. Уже знаем! Мы брошюрку и компакт-диск в церковной лавке купили.

Глебушка. Что еще за диск?

Лизон. С колядками! Можно в караоке петь.

Настенька. И брошюрка есть. (*Показывает Глебушке.*)

Глебушка (*читает вслух*). «Колядки на каждый день». (*Удивленно.*) В церкви купили? Вы ничего не перепутали? А брошюрки «Православие головного мозга» там не было? «Диагноз, стадии, лечение».

Отец Сергей. Церковь сейчас толерантно к истокам относится.

Глебушка (*молча смеряет его презрительным взглядом, рас-*

сматривает маски, говорит в сторону). Вот же охламоны. Придурки православные.

Михаил. Я не хочу лошадью быть.

Настенька. Это жеребец. Посмотри, какое лицо мужественное. Тем более ты и так в гусарской форме. Тебе конем очень пойдет.

Михаил. Не хочу! Дура!

Настенька. Возьми медведя тогда. Что ты обижаешься, в самом деле.

Глебушка. Ура-патриотический медведь на коне – это, Мишаня, клёво. Как сказал один философ: «Достаточно посмотреть им в лица, чтобы понять их сущность». И свалился в запой...

Михаил. Не по делу ты сейчас, Глебочка, пошутил.

Глебушка. Это я по привычке. Давай, Настурция, я конем буду. *(Надевает маску, закрывающую верхнюю половину лица; ржёт.)* Иго-го!

Настенька *(протягивает сестре овечью морду).* Это тебе, Лиза.

Лизон. Я овцой не буду! *(Выхватывает у сестры маску симпатичной козочки.)*

Остальные тоже перевоплощаются. Каролина Карловна нехотя берет маску коровы, Борис – индюка, Светлана Николаевна превращается в гусыню, Настенька становится овцой, Юрий Владимирович – хорьком, а отцу Сергию достается личина хряка.

Леон и Бенедикт натягивают маски разубыстных мышей, напоминающие чужеземные мордочки Mickey и Minnie Mouse.

Настенька. Довольно удобные маски, кстати.

Глебушка. Метафоричные. И сидят, как влитые. Сейчас мы тебе жениха наколядуем, а то засиделась в девках. Ну что, отрубь, к столу?

Каролина Карловна. Не порть праздник! Лёнчик, Бенчик! Вытаскивайте остальное!

Слуги пытаются вывалить содержимое из пакетов на белого медведя, лежащего на полу.

Светлана Николаевна. Только не на шкуру! Испачкаете!

Бенедикт. А куда?

Светлана Николаевна. На пол!

Леон. Хлеб на пол?

Светлана Николаевна. Пол чистый. С ним ничего не случится.

Отец Сергей. Не гоже, матушка.

Светлана Николаевна. Ладно, давайте на диван. Только застелите чем-нибудь. Вон покрывало на стуле.

Слуги набрасывают на диван покрывало и вытаскивают из пакетов и сумок круглый хлеб, на котором выдавлены бороздки в виде косоугольного креста, пироги, крендели, горшочки с кутьей и кашей, а также трехлитровые запечатанные сургучом бутылки с забористыми горилкой и перцовкой. На бутылках красуются этикетки с колячками.

Остальные помогают накрыть на стол. Настенька и Лизон, сверкаясь с брошюркой, украшают гостиную разноцветными лентами и устилают стол соломой, взятой из бумажного пакета. На пакете нарисован какой-то веселый дед в тюбетейке, держащий плакат: «Коляда в ЭС-ЭС-ЭС-ЭР!» Поверх соломы сестры накидывают расшитую петухами скатерть, затем переносят на стол пироги с горшками и водружают по центру самовар. Братья с любовью несут бутылки. Кажется, что в руках у них крупные стеклянные младенцы.

Глебушка. Хавчик в крестьянской печи сварганили? Референдум-церковь-село? По пути заехали?

Каролина Карловна. Всё шутки шутишь? Сейчас это в супермаркете купить можно.

Глебушка. А солому, надо полагать, на бензоколонке приобрели?

Лизон. Гле-бо-чка! Хорош пургу гнать. И вообще, помогай.

Вон, скатерть лучше поправь.

Глебушка. Вы бы лучше волчью шкуру постелили. *(Поправляет скатерть.)* Ну а петушиные клювы откуда? На каких церковных пальцах вышиты? *(Читает лейбл.)* «Made in China». Ну, кто бы сомневался.

Настенька. Там же и купили. Комплектом продавалось.

Каролина Карловна. Боренька, принеси, пожалуйста, тарелки из спальни.

Борис. Ма, а где они? *(Уходит.)*

Каролина Карловна *(кричит ему вслед).* На комод мраморный ангел стоит. Сними его — тарелки в комод. Под платьем свадебным... Да! И поднос захвати!

Глебушка *(матери).* На всякий случай не забываем крепкие крестьянские корни? *(Кричит Борису.)* От нафталина только отряхни!

Каролина Карловна. Это, Глеб, если ты забыл, от прабабки твоей осталось.

Слышится грохот, брань, появляется матерящийся на финском Борис. Ругань сильно напоминает татарскую. В руках Борис держит поднос, на нем возвышается посуда.

Борис. Чуть не разбил! Там же гробы по всему коридору. Хорошо, что тарелки деревянные.

Светлана Николаевна. Ничего, через неделю эту партию вывезут. Просто сейчас некуда ставить.

Борис *(водружает поднос на стол).* У меня даже в глазах помутилось! И Роман Андреевич померещился. Весь седой, и лицо такое... *(Подбирает слова.)* Старое и будто бы фиолетовым отдает.

Отец Сергей *(крестится).* Упокой душу раба твоего...

Глебушка. Меньше муки надо пользоваться. И не такое привидится.

Михаил *(ржёт).* Молодец, Глебочка! Порвал в клочья, на!

Каролина Карловна. Что за мука, Глеб?

Глебушка. Для блинцов, Карловна. Масленичных. Из расейских кофешопов.

Каролина Карловна. Не поняла тебя.

Глебушка. А и не надо. Главное, что Боряйла понял.

Каролина Карловна. Боря, а рюмки где?

Борис. Николаевские? Так ты ж не просила, ма.

Каролина Карловна. Они в буфете. За сервизом. Только осторожней, пожалуйста.

Борис *(снова уходит)*. Понял! Понял!

Глебушка. Не вздумай червонцы трогать! И сервизом Екатеринбургским не жонглируй!

Борис возвращается с рюмками. На них императорские вензеля.

Глебушка. От прадеда, если не ошибаюсь? По отцовской?

Каролина Карловна. Да, Глеб. По ней.

Глебушка. Что-то я такой линии у нас не припомню. Кроме тульской самоварной, разве что.

Каролина Карловна. Обсуждали уже когда-то. Помнить не обязательно. Главное, что в родословной написано.

Глебушка. Написано или выправлено?

Каролина Карловна. Угомонись, Глеб!

Борис. Вы не поверите, но ощущение, что там всё-таки кто-то есть.

Светлана Николаевна. Где?

Борис. Да в коридоре. Будто в гробах кто-то роется.

Глебушка. Не обращай внимания, это Гоголь панночку ищет.

Светлана Николаевна. Леонид!

Леон. One moment! *(Выбегает.)*

Светлана Николаевна. По-русски! Ты в эР-эф!

Леон *(издалека, эхом)*. ОК! *(Прибегает.)* Пусто!

Борис. Ну не знаю...

Глебушка *(показывает на маску)*. Это тебе индюк на глаза давит.

Настенька. Мне ночью тоже показалось, что в доме посторонний. Я выходила, а там тень. И за окном вроде бы кто-то был. Я Глебушке рассказывала. Он не поверил.

Глебушка. Ну, поскольку ни принца шотландского, ни его отца среди нас нет, то и тени неоткуда взяться. А тебе, Настурция, валерьянку надо пить. Желательно в количестве перцовки, потребляемой отцом Сергием. Душа-то у нашего свидетеля Бахуса луженая.

Отец Сергей. Напраслину возводишь. Токмо по праздникам.

Глебушка. Зато в каких количествах. На все будни хватает. Как говорится, окстись и вздрогни!

Лизон (*сестре*). Так вот ты чего орала.

Настенька. Ну да. Страшно же. А если это Роман Андреевич?

Михаил. Какой Роман Андреич? Ты чё, на?

Настенька. Ну а вдруг его не убили всё-таки?

Юрий Владимирович. Настенька, ну а где же он столько месяцев пропадал и почему прячется от нас? Какой в этом смысл?

Настенька. Мало ли... Он вообще в Шотландии очень странным стал.

Светлана Николаевна. Не говори глупостей, в доме охрана. Никто не мог незамеченным появиться.

Глебушка (*кивает в сторону слуг и усмехается*). Эти, что ли? Тише, мыши, кот на крыше.

Бенедикт. Нормальная охрана, Глеб Вадимыч!

Глебушка. Мультипликационная только. Вам бы еще из гелиевых шариков подышать.

Отец Сергей. Давайте уже трапезничать.

Каролина Карловна. А и в самом деле.

Светлана Николаевна. Да, за стол. Все за стол.

Все рассаживаются за столом и начинают есть.

КАРТИНА ВОСЬМАЯ
КАРТИНА МАСЛОМ

Михаил (*с набитым ртом*). Так чё там с традициями, на?

Настенька. Надо в брошюрке посмотреть. (*Открывает книжицу, листает, читает.*) Вот. «Коляда – традиционный праздник языческого происхождения у славянских народов, связанный с зимним солнцестоянием, позднее приуроченный к Рождеству и Святкам...»

Глебушка. Ну я так и думал. Славяне. Рождественской индейки не будет.

Настенька. Не перебивай, Глебушка. Тут дальше есть. «Неотъемлемыми атрибутами праздника являлись ряженье с использованием шкур, масок и рогов, колядование, колядные песни, гадания...»

Лизон (*щелкает всех на планшет*). Вот, мы всё правильно сделали! Миша, обними Борю с Гле-бо-чкой! Я в блог фотку выложу.

Михаил (*обнимает Глебушку*). Финна не буду!

Борис. «Ватники». Оба! (*Тараторит что-то бессвязное на финском.*)

Настенька. Хватит вам. Вот тут очень интересно. «По народному поверью Мать – сыра земля могла разверзнуться за ложь, за ложную клятву или за лжесвидетельство...»

Глебушка. Это к адвокатам. Да, Юрасик?

Юрий Владимирович. Не смешно, Глеб Вадимович.

Глебушка. А я и не шутил.

Каролина Карловна (*Михаилу*). Миша, скажи ему!

Михаил. Не-а...

Настенька. Ну не перебивайте, пожалуйста. «Коляда – древний бог веселых застолий, имя его образовано от слова „коло“ (круг), поэтому колядки, возможно, имеют отношение к колдовству... Коляда вывел людей за пределы сиюминутного существования, подробно изложив, как движется время и каких перемен от него следует ожидать... Если первым в дом войдет мужчина – говорили, что это на благосостояние...»

Глебушка. Роман Андреевич, например?

Каролина Карловна. Это веселый праздник!

Михаил. Тут мать поддерживаю! Наливай! На!

Мужчины откупоривают бутылки. Разливают. Молчат.

Борис. Может, колядку какую споем?

Глебушка. Запевай, юный ленинец! Мама небось тебе все уши ими в карамельном детстве прожужжала. Да, Карловна? Петушки на палочке, сахарная вата, колядки.

Каролина Карловна. Тогда не те времена были.

Глебушка. А если в комоды порыться?

Светлана Николаевна. Так вот же на бутылках слова есть.

Лизон. Да ну, неинтересно. Мы же диск купили. Давайте караоке устроим.

Михаил. Всё! Я так долго ждать не могу. *(Ни с кем не чокаясь, осушает свою рюмку; все следуют его примеру.)*

Лизон направляется к «домашнему кинотеатру», вставляет диск. Остальные присоединяются к ней. На плазменной панели появляется заставка: лоснящийся поп, сильно напоминающий отца Сергия, держит в ладони тройку лошадей, медведя и цыган.

Глебушка. Стоп! Отмотай! *(Лизон отматывает и останавливает картинку, Глебушка показывает на экран.)* Сергунь, что я вижу? Продался язычеству?

Все (хором). Ох!

Лизон. Да, нежданчик.

Отец Сергий (отводя глаза). Шутействовал. Коллеги с православного канала попросили. Не смог отказать.

Настенька. Вы теперь медиазвезда!

Глебушка. Вифлеемская! На хромои кобыле не подъедешь. Ну, почем нынче самоварное православие?

Отец Сергий. Это былое. Давайте лучше колядки искать.

Глебушка. Ну уж, былое. Прошлого года компактик?

Отец Сергей. Позапрошлого. На Пасху снимали.

Глебушка. Меняем ХВ на хэ-ээ? Продаем устаревшие колядки?

Каролина Карловна. Глеб! Отстань от отца Сергея! Лиза! Ищи песенки!

Отец Сергей. Спасибо, матушка, за заступничество.

Лизон. Нашла! Вот эта должна быть симпатичная!

Лизон нажимает на пульт. Играет развеселое треньканье, звенят колокольчики и бубенцы. В пошлом вихре по экрану несутся яркие, будто разукрашенные детскими фломастерами и акварельками, слова колядки. На буквы наслаиваются скачущие лошади-альбиносы, жеребцы-брюнеты и кони в наливных яблоках.

Кряжистые и Ко заливаются в нестройном, без слуха и голоса, многоголосье.

Ходит Коляда по святым вечерам,
Заходит Коляда во Рублево-село.
Собирайся, селяне,
Будем с Колядой!
Открывайте сундучок,
Доставайте пяточок!
Открывайте, коробейники,
Доставайте копейки!
Подходи, не робей,
Сейчас народ потешим.
Кто будет чёртом, а кто лешим!
А кто никем не хочет
Пусть за пятак хохочет!

Внезапно Глебушка резко срывает с себя маску коня и направляется к столу.

Глебушка. Всё! Надоело! Устал! Фигня полная! Бред! Бред! Бред!

Все. Так весело же!

Глебушка. Нет! Невесело! *(Садится за стол.)* Вы что, не понимаете? Это же ряженье всё! Неправда! Чушь!

Каролина Карловна. А кто сказал, что это правда?

Михаил *(снимает маску).* Глебочка, может, водочки лучше вмонтируем?

Глебушка. Миша, какой водочки? Какой, на хрен, водочки? Мы тут колядки орем, а реальность — она там. *(Показывает рукой в сторону выхода.)* Там, где Романа Андреевича порубили. Там, где весь мир, как колядочный пирог, на куски разламывается. А вам по хрену всё. Наливай-пей. Беснуйся. Хохочи. Открывай сундучок, доставай пяточок! Водочки, вашу мать! Всю страну в водочке уже утопили.

Борис. Так ты же и топил больше всех. Один раз выпил, потом только похмелялся.

Лизон. Ну, всё понятно. Предпипец сейчас начнется. Опять Гле-бо-чка решил всем праздник испортить. *(Плюхается на диван, включает планшет.)* О! Большинство за самобытность!

Юрий Владимирович *(достаёт из кармана мятый белый бутон, ловким привычным движением прищипливает к лацкану пиджака, переворачивает бабочку на воротнике рубашки: белый фон, красные зерна).* Впрочем, это, наверное, правильно. Пора в €пу.

Глебушка. Как большинство?! *(Несется через всю гостиную к Лизон, выдирает из ее рук планшет.)* Дура! Это фейк!¹ Что ты на всякую пургу постоянно ведешься!

Лизон. Ты чё, не веришь? Сам посмотри, сколько эту инфу уже перепостили.

Глебушка. Да это ложь! Провокация!

Борис *(радостно потирая руки).* Отлично! Отлично!.. Добрый день! Рад с вами познакомиться! Моя фамилия Кряжистый! *(Ходит кругами по гостиной, с выражением говорит на финском.)* Хювя пайвя! Саанко эситтяютюя! Сукунимени он Крязистий!

¹ *Фейк* (англ. комп. fake) — фальсификация, фикция.

Все быстро достают телефоны, смартфоны, планшеты и прочие девайсы с гаджетами¹. Выходят в соцсети и лезут на новостные сайты.

Михаил. Хера, Лизка! У меня пишут, что большинство за целостность. На! *(Показывает свой смартфон Лиззону.)*

Борис. Я либерал, прошу предоставить мне политическое убежище. Олен либерали, я анон тайльта турфапайкка... Вот мой паспорт. Тясса он пассини.

Юрий Владимирович *(быстро снимает белую розу, прячет в карман, выуживает алую, цепляет на лацкан, лихо управляется с бабочкой-хамелеоном).* Всё-таки целостность. Ну и правильно. Лучше грозный царь, чем семибоярщина. Один кулак сильнее пальцев.

Настенька *(всматривается в слайдер).* Странно. А у меня в ленте пятьдесят на пятьдесят.

Отец Сергей. Нет! Самобытность. *(Вскидывает вверх украшенный сапфирами платиновый Vertu.)*

Каролина Карловна *(близоруко щурится над мобильником с крышкой).* Ничего не понимаю. Тут везде информация разная.

Юрий Владимирович срывает с пиджака алую розу, развязывает бабочку, в сердцах швыряет их на пол, подходит к Светлане Николаевне, доверительно берет под локоток и отводит в сторону.

Юрий Владимирович. Светлана Николаевна, я вот что подумал. Пока такая неразбериха творится, очень неплохо партию картин сегодня-завтра переправить. И не надо неделю ждать, сейчас очень удачное время. Всем ведь теперь не до нас будет, с этим голосованием. Понимаете меня? Отправим самое лучшее,

¹ *Девайс* (англ. device) — техническое устройство; *гаджет* (англ. gadget) — модное техническое приспособление, приборамбас.

самые сливки. А то потом, ну... всякое может быть... можно вообще ничего не успеть, уж больно ситуация шекотливая.

Светлана Николаевна. А ведь вы правильно, Юрий Владимирович, говорите. *(Подзывает слуг.)* Картины принесите! Надо перебрать всё!

Леон и Бенедикт выбегают в коридор. Шустро втягивают гробы в гостиную. Распахивают крышки.

Светлана Николаевна. И со второго этажа. Будем сортировать. *(Слуги взбегают вверх по лестнице; Светлана Николаевна обращается к остальным.)* Ну, помогайте. Выбирайте только лучшее. *(Склоняется над одним из гробов.)*

Каролина Карловна *(перебирая рулоны).* Это, Светочка, пока можно оставить. *(Вытаскивает часть рулонов и бросает на пол.)* Реалисты сейчас не в тренде. А вот авангард на Западе хорошо пойдет.

Светлана Николаевна. Согласна. Но иконы, Каролина Карловна, думаю, всё-таки этой партией отправим?

Каролина Карловна. Естественно! Вечное искусство. И соц-арт обязательно возьмите. Он тоже вечный. Да, про яйца не забудьте. Они первой категории.

Настенька *(берет маленькую икону в руки).* А можно я себе оставлю?

Каролина Карловна. Положи на место!

Отец Сергей. Дельная вещица. Враз уйдет.

Глебушка. Самый сок, да, Сергунь? Ходовой товар.

Лизон. А можно я пофоткаю? *(Направляет планшет на картины.)*

Михаил. Я те пофоткаю! *(Отбирает планшет.)* Нашла время, на!

Лизон. Мишка, ну верни, я не буду! Что я не понимаю, что ли?

Михаил. На! Отстань. Только не вздумай щелкать! Это же самодонос! *(Возвращает планшет.)*

Лизон, обиженно поджав губки, отходит в сторону, но через какое-то время втихаря наводит планшет на присутствующих.

Юрий Владимирович (*роясь в гробу*). Светлана Николаевна, я вот еще что хотел сказать. Время, конечно, не очень удобное. Но хотелось бы заранее точки над «i» расставить. Насчет процентов. Сейчас на границе тяжеловато будет. А тут очень деликатно действовать надо.

Светлана Николаевна. Конечно, Юрий Владимирович! Десять, как всегда, ваши.

Юрий Владимирович. Нет уж, извините. Тут все двадцать выйдут.

Светлана Николаевна (*распрямясь*). Вы это серьезно, Юрий Владимирович?

Михаил. Да, Юрасик, щечка не треснет, на?

Юрий Владимирович. Ситуация больно спорная. Тут ведь еще неизвестно, как всё в ближайшие часы повернется. Риски. Понимаете? Риски... А «телефонное право» оно такое... тарифы поднялись...

Светлана Николаевна. Я подумаю.

Юрий Владимирович. Хотелось бы всё-таки на берегу.

Светлана Николаевна. Двенадцать.

Юрий Владимирович. Не демпингуйте, Светлана Николаевна. Пятнадцать.

Светлана Николаевна. Но вы гарантируете, что всё нормально пройдет?

Юрий Владимирович (*прижимает руки к груди*). Безусловно. Если вовремя «Премимальный план» выбрать, то всё отлично будет.

Светлана Николаевна (*склоняется над гробом*). Хорошо. Договорились.

Борис. По рукам!.. А вот интересно, как это на финском будет? (*Лезет в самоучитель.*) Вот! Кетте пелле!

Глебушка (*задумчиво*). «Адвокатов надо брать в ежовые рукавицы и ставить в осадное положение, ибо эта интеллигент-

ская сволочь часто паскудничает». Еще Ильич, между прочим, говорил. Впрочем, Ленин — это уже винтаж. *(Отходит в сторону, наблюдает за слугами, которые спускают со второго этажа картины, с осуждением смотрит на Кряжистых и Ко.)* А вы, конечно, мрази конченные. Скоморохи. Ряженные...

Длинная пауза.

Все. Что?!

Глебушка. Я говорю: едим Россию, опилки пилим. «Хождение по мукам» и «Мёртвые души» в одной книжке.

Каролина Карловна. Ты чего это?

Глебушка. Вы же счастливы будете, если всё вдруг развалится.

Борис. Да и пусть валится к чертям собачьим! Сейчас за вашего-то брата примутся. Только голосочки подсчитаем. Мало не покажется! Устали уже от этого «железного занавеса»! Мам, вот эту картину сюда давай.

Глебушка. Да что тебе, сучонок ты этакий, не нравится?

Борис. Всё! Говно страна!

Глебушка. Что «всё», дубинушка? Литература? Электрификация? Индустриализация? Полеты в Космос? Может, для тебя еще Белка и Стрелка не той породы были?

Борис. Не той! Дворняги! Надо было их там оставить! *(Тычет пальцем вверх.)* И вообще, задрал уже всех своим ура-патриотизмом!

Глебушка. А, ну понятно. Поэтому ты со всеми решил «Белую гвардию» в жизнь воплотить. Так, чтоб по полной программе. Всех в либеральных дворняг превратить. В шелудивую стаю с «Собачьим сердцем».

Борис. Не знаю, не читал. И вообще! Отвали, я занят! Мам, ну этот гроб уже заполнен.

Лизон. Точно, Гле-бо-чка! Надоело! *(Выключает планшет.)*

Михаил. Ты фотографировала, что ли? Дай сюда!

Лизон. Не дам! *(Быстро взбегает на второй этаж.)*

Михаил. Я за тобой гоняться не буду!

Лизон. А ты попробуй! *(Показывает Михаилу язык и наводит планшет на брата.)* Чи-и-из!

Михаил *(грозит кулаком вверх).* Дура!

Глебушка. Эй! Вы – уроды? Скажите мне, уроды? Вы же по гороскопу упыри все! Что вы творите? Что вы беспределите? Миша, ты совсем с дуба рухнул? Ты же не лучше Борьки!

Михаил. А чё? Мазюлек жалко? Это ж бабки! *(Показывает на картины.)* Они не пахнут, на.

Глебушка. Не мазюлек, Миша. Вас жалко. «Образумьтесь, бессмысленные!.. Люди!!!» Что вы разворовываете всё? Что вы тут за разгул демократии устроили? Чего вам неймется? Что не так?!

Борис. Всё не так! Нищета! Транспорт! Дороги! Мамуль, сюда давай.

Глебушка. Какая нищета, Боряйла?! Ты всю жизнь на Рублевке прожил! А насчет дорог, так они сами по себе в хайвеи и автобаны не превращаются. Сам же палец о палец ради дорог не ударил! Но нет, тебе всё на блюдечке с либеральной каемочкой подавай. Ты сразу сытеньким хочешь быть.

Светлана Николаевна. Мы, между прочим, авиалинии выстроили.

Глебушка. Это те, которые страну грабят и шотландским «юбочникам» оружие поставляют? *(Кивает на гробы.)*

Юрий Владимирович. Это побочный бизнес.

Каролина Карловна. А народ, Глебушка?! Народ? Забыл про него? *(Борису.)* Нет, Боренька, абстракционистов сюда.

Глебушка. Какой, к чёртовой матери, народ?! Когда ты народ в последний раз видела?

Каролина Карловна. Когда надо, тогда и видела. *(Снова Борису.)* Иконы в этот ящик.

Светлана Николаевна. Глеб, прекратите демагогией заниматься. Помогайте лучше. Правда, надоело уже это ваше «ватничество». А то ведь начнется сейчас. Пушкин, Гагарин... Ну сколько можно, в самом деле? Сто раз одно и то же.

Глебушка (*на разрыв аорты*). Демагогией?! Да кислотой вам всем в лица! Прямо вот на ваши звериные морды! Пушкин им, видите ли, не так писал! Гагарин криво взлетел! Может, Матросов еще плохо прыгнул?! «Ватники» они, по-вашему, были? Да Та-ла-ли-хи-на на вас нет!

Лизон (*кричит сверху*). Пафосник ты, Гле-бо-чка, гнилой пафосник! Хватит уже всем мозги компостировать!

Глебушка (*кричит снизу*). В чем же я пафосник, Лиза? И почему это я «ватник», если страну люблю? Почему, если я ее люблю, значит, автоматически власть поддерживаю? Значит, нерукопожатный. Значит, лизоблюд. А что, если я за целостность, но одновременно против власти? Что, если я за олимпийские кольца, но против медведей? Может такое быть? Да еще как может! И нет тут когнитивного диссонанса. Нет!

Лизон. Вот! В этом и пафосник! Заманал уже своими социальными тёрками. Дай-ка я тебя лучше сфотаю!

Глебушка. А вы, вы... (*Захлебываясь слюной*.) Вы – парад мелких бесов! Вы «пиджачники» – позор антропологический! Вы и есть – дворняги! Кутюрье им подавай! Чупа Чупс! Планшеты! Ты, Лизон, вообще на платформе! Ты – Android! Ты, наверное, думаешь, что все, кого ты в блогах читаешь, – это и есть репрезентативный срез общества?!

Лизон. Чего?.. Классная фотка, кстати, вышла! Ты такой на нерве как бы. На «Adrenaline Russia».

Глебушка. Ничего! Хватит тут овцу давать! Онкология – лайк!¹ Бомбежки – лайк! Самолет взорвался – лайк! Плотину прорвало – стопроцентный лайк! И смайлик в комментарии! Котиков давай пости, когда всё в тартарары летит! Смотри, не замаякай!

¹ *Лайк* (англ. like) – нравится, одобряю. Базовое понятие в социальных сервисах, распространившееся вместе с социальными сетями. Условное выражение одобрения материалу, пользователю, фотографии, выражающиеся нажатием одной кнопки.

Лизон. Это у тебя плотину прорвало! Чем тебе котики вообще не нравятся? (*Ходит по второму этажу, подбирает ракурс.*)

Глебушка. Всем! Потому что за мысли надо лайки получать, а не за фотки!

Лизон. Ой-ой-ой! Посмотрите на него. У тебя сколько френдов? А у меня пять тысяч!

Глебушка. Да! Зафренди бота¹ — получи друга!

Лизон. Много ты понимаешь! Я на максимуме, между прочим! И не Android корейский, а IOS... Знаешь, почему у тебя друзей нет? Потому что нудный ты, Гле-бо-чка, как, как...

Глебушка. Как кто? Планшет завис? Френды пропали — друзья не появились?

Лизон. Как пост² политика! Бессмысленный и беспощадный. Вот!

Борис аплодирует.

Борис. Респектую от души, Лизочка! И вообще, а почему это ты прав, а остальные нет?

Глебушка. А потому что у меня чуйка на врагов. Интуиция с генами прадедов. И интуиция мне говорит — вы страну ненавидите. Вы ее так ненавидите, что готовы фашизм полюбить. Вы твари навозные. Быдло. Вас топтать надо.

Борис (*внезапно подскакивает к Глебушке*). Ты вообще — колорад! Жук в полоску!

Глебушка. А ты рот себе зашей! В зашитый рот жук не залезет!

Борис. Кюря! Фитту! Лумпу!³

¹ Бот — компьютерный «робот».

² Пост — в данном контексте возможно любое прочтение: 1) отдельно взятое сообщение (запись) на форуме или в блоге; 2) ритуальное воздержание от принятия пищи или пищевые ограничения по религиозным соображениям; 3) чин, ответственная должность.

Глебушка. Обезьянка финская! Дворняга!

Борис. Ты сам зверь еще тот! «Ватник»!

Глебушка. Говно тактичное! *(Плещет водкой на маску Бориса, тот нелепо трясет индюшачьим «хоботом»; Глебушка медленно вытаскивает из кобуры травматический револьвер.)* Будь толерантным к моей нетолерантности...

Борис. Мама!

Глебушка. «Поднимите мне веки! Не вижу!»

Каролина Карловна. Боря, сам разбирайся. Надо картины разобрать.

Отец Сергей. Охолонитесь, отроки.

Юрий Владимирович. Вы, Глеб Вадимович, иногда сами как русский фашист рассуждаете. По крайней мере, отголоски чувствуются. Уберите оружие, пожалуйста.

Глебушка. Не уберу... Скорее как реалист. Потому что при такой вашей либерал-толерантности Миша, например, очень быстро превратится в самую незащищенную прослойку общества. Белого мужчину средних лет с ретроградной сексуальной ориентацией. *(От пояса выстреливает в шар с надписью «Самоопределение»; женщины вскрикивают и закрывают уши.)*

Светлана Николаевна. Немедленно перестаньте, Глеб!

Глебушка. Не перестану... А скоро мы вообще гетеро-парады несанкционированно проводить начнем. И знаете почему? Потому что обществом такие как вы, либерало-фашисты, управлять начали. Цензуру вводить, ушлых менеджеров на места ставить, бюджеты с грантами пилить. «Пиджачники», которые на всех ярлыки навесили. И кто не свингер, не педофил и не гей, тот своего мнения иметь не может. Парадокс, да? Диктатура содомитов и гоморщиков произошла. Тирания фриков. Такая вот самоидентификация... Такое вот самосознание... *(Недобро ухмыляется и прицельно стреляет в шар «Самобытность».)* Свингеры

³ Мужской половой орган, женский половой орган, женщина легкого поведения *(финск. бранн.)*

всех стран, соединяйтесь!

Борис (*хватаясь за голову*). Ну какие свингеры? Какие педофилы? Сил моих больше нет это слушать!

Глебушка (*с яростью орет в сторону Бориса*). Скандинавские! (*Целится в третий шар*.)

Светлана Николаевна. Кто-нибудь заберет у него пистолет, наконец?!

Глебушка (*не реагируя*). А всё почему? Потому что стоит дать человеку свободу, он тут же начинает беспределить и творить анархию. Потому что дать свободу — значит получить «Скотный двор». Так что уж лучше «железный занавес» — за ним дышать легче, за ним жить свободней! (*Выпускает пулю в шар «Суверенитет».*)

Лизон. Это какой-то человек-монолог просто! Он же как спам.

Каролина Карловна. Я смотрю, Глеб, ты не можешь без скандалов. Ни дня без яда.

Глебушка. Не могу, Карловна. Не могу. Потому что вот тут пусто! (*Бьет себя рукоятью револьвера в грудь*.) Там где, как у вампира, не стучит уже давным-давно. Там, где коллапс души произошел. Полный и окончательный. А знаешь почему? Потому что это благодаря таким, как Боря, мы все в формат 3D перешли: к дуракам, дорогам и демократам. И не в дорогах проблема, а в последних, из-за которых нормальные, никогда не несшие негатива, слова вдруг ругательствами стали. (*Машет «Наганычем» в сторону Бориса*.) Это благодаря таким, как наш Боренька, инвалиды превратились в «людей с ограниченными возможностями», негроидная раса в пигментированных «афроамериканцев», а гомосексуалисты в «геев». А вот патриоты, напротив, ругательством стали... Но надо одно себе уяснить: от того, что вы стали «геем», это не значит, что вы перестали быть... Ну вы поняли...

Борис (*срывающимся голосом*). Я говорил! Я не гей!

Глебушка. Ты вообще инвалид! (*Расправляется с четвертым шаром и спокойно убирает револьвер в кобуру*.)

Каролина Карловна. Ох, как же я от тебя устала, Глеб. Как устала. Иди уже, в самом деле, лучше водки выпей! Такую ахинею порой несешь!

Глебушка. И выпью, выпью! Имел я вас всех в виду!

Светлана Николаевна. У вас просто невыносимый характер!

Глебушка (*спокойно*). Нормальный у меня характер. Это у вас у всех психика нестабильная. (*Опускает голову, направляется к столу, бормочет под нос.*) И почему сюрреализм выдуман не нами, но происходит он только у нас? (*Разводит руками.*)

Глебушка поднимает голову и вдруг замирает. Из его глотки вырывается нечленораздельный клеток.

Борис (*злорадно*). Что, «ватничек», ваткой поперхнулся?

Глебушка (*откашлявшись*). Олигархом.

Он медленно протягивает руку вперед. Все разворачиваются в сторону праздничного стола и застывают в неестественных позах. У некоторых рулоны выпадают из рук и лениво катятся по полу.

За столом восседает седой как лунь старик¹. Это — Роман Андреевич. Однако в его облике произошли существенные изменения: за время отсутствия олигарх сильно постарел и осунулся. Подглазья покрылись фиолетовым. Косички на бороде стали редкими и всклокоченными, как льняная пакля. Шотландское же облачение превратилось в телогрейку, серые штаны и вымазанные грязью кирзачи.

Роман Андреевич жадно налегает на кутью из горшочка.

Роман Андреевич (*облизнув глубокую деревянную ложку*). Изюма не хватает. А так ничего... (*Пауза.*) А сбитня у вас нет? А?

¹ Один из основных персонажей *Коляды*, рассказывающий поучительные истории и байки. (*Прим. авт.*)

Ну ладно... *(Разворачивает бутылку водки и с издевкой читает колядку, написанную на этикетке.)*

Коляда-моляда,
Уродилась Коляда!
Кто подаст пирога —
Тому двор живота.
Еще мелкой скотинки —
Числа бы вам не знать!
А кто не даст ни копейки —
Завалим лазейки.
Кто не даст лепешки —
Завалим окошки,
Кто не даст пирога —
Сведем корову за рога,
Кто не даст хлеба —
Уведем деда,
Кто не даст ветчины —
Тем расколем чугуны!

Злые колядки на каждый день. Хорошие слова. Правда, звери?

Настенька теряет сознание и плавно падает на руки Борису. Но тот быстро приводит ее в чувство. В этот момент у Михаила надрывно звонит мобильник: рингтон — «Владимирский централ».

Михаил *(прижав смартфон к уху)*. Да... Понял... Серьезно? Ну, на!.. А если с индугенцией? Как это «уже не прокатит»?

Каролина Карловна. Миша, кто там?

Михаил. Потом, потом, на... *(Озабоченно отходит в сторону, продолжает с кем-то вполголоса разговаривать, затем отключает смартфон и кладет его в карман.)*

Роман Андреевич. Я смотрю, вы тут очередной праздник справляете? *(Недобро усмехается.)* Не Хэллоуин, так Коляда?

Не надоело?

Светлана Николаевна. Так вы живы, Роман Андреевич?

Роман Андреевич. А вам бы всем иначе хотелось?

Каролина Карловна. Побойтесь Бога, Роман Андреевич.

Отец Сергей. Рады, искренне рады! Слава Богу!

Глебушка (*в сторону, тихо*). И Чёрту слава...

Роман Андреевич (*встает из-за стола*). Ну, давайте, что ли, обнимемся тогда? По православному обычаю. Поелозим щечками. А? Как?

Все (*растерянно*). Конечно, конечно! (*Нерешительно идут к Роману Андреевичу.*)

Роман Андреевич, раскинув руки, целеустремленно движется навстречу. Но вдруг делает резкий рывок в сторону и со всей силы бьет Бенедикта под дых. Бенедикт валится на пол. Затем Роман Андреевич разворачивается и наносит мощный удар в челюсть Леону. Тот падает рядом с Бенедиктом. Олигарх сладострастно начинает пинать их ногами. Остальные стоят и в недоумении смотрят на происходящее. Роман Андреевич со словами: «За барана. В расчете. Считай – реванш», как ни в чем не бывало, разворачивается ко всем спиной и возвращается за стол.

Роман Андреевич. Я же говорил – руки удар еще не забыли.

Глебушка. Снова пилюльки? Может, вам на аспирин лучше перейти? Или эффекта плацебо боитесь?

Роман Андреевич. Я уже ничего в этой жизни не боюсь. Отбоялся.

Юрий Владимирович. Роман Андреевич, а обняться?

Роман Андреевич. На том свете обнимемся. Ну что, картины возвращать будете, или как?

Леон и Бенедикт медленно поднимаются с пола. Отряхиваются.

Оба. Sorry, Роман Андреич.

Бенедикт. Мы ж не знали, что у Гамильтона и ваши были.

Леон. На реставрацию сдали, да?

Роман Андреевич. На оценку. Впрочем, уже неважно. *(Задумчиво.)* Всё так меняется. Так меняется... Хэллоуин. Коляда. Референдум... Каролина Карловна, картину перестаньте мять...

Каролина Карловна. Так тут и ваши?

Роман Андреевич. А зачем же я в Москву приперся?

Каролина Карловна *(кладет картину в гроб)*. Ностальгия. Вы сами говорили.

Роман Андреевич. Я сильно на идиота похож?

Глебушка. Ну, в этой одежде... Как говорят: «Не спеши, путешественник, – порвешь ботинок».

Борис. Кстати, да. А почему вы?..

Роман Андреевич. Одет так? Так ведь Коляда. Референдум. *(Начинает громко смеяться в голос.)* Хэл-ло-у-ин. Весь мир сплошной Хэллоуин! Весь мир – Коляда! Весь мир – нескончаемый референдум. *(Вытирает выступившие на глазах слезы.)* Боже, какой же это всё абсурд. Какой абсурд! *(Мотает головой из стороны в сторону.)*

Глебушка. Тоже мне новость открыли. Секрет Полишинеля.

Роман Андреевич. Согласен, Глеб Вадимович, это не секрет. Давно не секрет. *(Опять начинает смеяться.)* Мы вот планируем. Схемы выстраиваем. Вы вот картины по этим схемам воруете. А тут бац – Коляда! Бац – референдум! И всё! Всё! Конец! Хэллоуин для всех пришел. Русский Адъ.

Настенька. Роман Андреевич, вам плохо?

Лизон. Да он пьяный.

Роман Андреевич. Да я всю жизнь, Лизонька, как пьяный. С этой страной. С той. С «юбочниками», «порточниками». С «ватниками», «пиджачниками». *(Плещет водку в бокал, резко осушает его, крикает, вытирает губы рукавом, им же занюхивает.)* Ничего же спланировать нельзя. Я вот, думаете, зачем вас к себе в гости пригласил? Для чего настоял, чтобы вывезли меня? Я же давно ваш план раскусил. Авиалинии, гробы, картины. Это же

проще пареной репы всё. Проще вареной тыквы, если хотите. Мне ведь главное на чистую воду всех вывести было. Своими руками. *(Расстопылив пальцы, протягивает руки вперед.)* Я же сам до всего докапываться привык. А тут бац! И всё наперекосяк... Ты планируешь, планируешь... А всё почему? А потому что – государство... Потому что винты мы этом в механизме. Поршни. Чюх-чюх, чюх-чюх... Куда государство, туда и ты. Как в товарняке на Сибирь. Хоть запланируйся, хоть ты всю свою жизнь на десятилетия разрисуй, а государство тебя всё равно пятилетками раздавит. Референдумами. Голосованием. Колядой этой нескончаемой.

Глебушка *(Михаилу)*. Я же говорил тебе, Миша...

Михаил. Ни хера не понимаю, на! Бухой он, что ли?

Роман Андреевич. Да, Миша! Бухой! Всю жизнь бухой. В щи русские! В пудинг английский!.. Вот вы, думаете, вы все свободны? А хера вам! Фигу вам от государства. *(Показывает мощный кукиш.)*

Лизон. Можно я вас, Роман Андреевич, пофоткаю? Вы такой классный в этом ватнике. И look стильный.

Роман Андреевич. Фоткайте, Лизонька! Фоткайте, чего уж там! Теперь уже всё равно.

Лизон фотографирует.

Светлана Николаевна. Роман Андреевич, вы бы присели! Вы же пьяный.

Роман Андреевич. Да, Светочка, пьяный! Потому что... Как бы это объяснить... Хрестоматийно... Сейчас вспомню... Как же там в драмкружке было?.. Эх, молодость моя. С потрошками и спитым чаем... С кашей на воде... *(Выпрямляется в полный рост, нетрезво раскидывает руки, декламирует.)* Когда я пьян... мне всё нравится. Н-да... А трезвый человек – не свободен... он за всё платит сам: за веру, за неверие, за любовь, за ум – человек за всё платит сам, и потому он – не свободен!.. Государство – вот правда! Что такое государство?.. Это не вы,

не я, не они... нет! — это вы, я, они... в одном! *(Тычет в каждого пальцем.)* Понимаете? Это — огромно! В этом — все начала и концы... Всё — в государстве, все для государства! Существует только государство, всё же остальное — дело его рук и мозга! Государство! Это — ужасно! Это звучит... подло! Государство! Надо презирать государство! Не жалеть... не унижать его жалостью... презирать надо! Выпьем же за государство! Хорошо это... чувствовать себя в государстве!.. *(Снова наливает в бокал водку. Пауза.)* Кого бояться человеку?..¹ *(Настенька и Каролина Карловна жиденько аплодируют.)*

Лизон *(смотрит в планшет)*. Круто! Тридцать лайков уже!

Отец Сергей. Как сребреников.

Глебушка. И снова, Сергунь, в райское яблочко попал. *(Роман Андреевичу)* А подобное я уже где-то слышал, антигорький вы наш. Только там попозитивней было. Так что правильно вас освистывали. И батя вечерами порол.

Роман Андреевич. Попозитивней только в классике бывает. А у нас, Глеб Вадимович, бардак, абсурд и суицид реализма. *(Одним махом выпивает водку, хватает пирог со стола, утыкается в него носом, шумно дышит.)* Эх, Рос-си-я! Хлеб да соль. Соль да хлеб. А жрать нечего!

Каролина Карловна. Роман Андреевич, да что произошло, наконец? Вы можете по-человечески говорить?

Роман Андреевич. По-человечески я только сесть могу. Сидеть и сесть.

Лизон. Во! Точно! Где вас так оффотошопили?

Светлана Николаевна. Да, вы почему такой белый?

Настенька. И одежда на вас странная.

Лизон *(прыскает)*. Дьявол носит ватник.

Юрий Владимирович *(озабоченно)*. Что с портфелем, кстати, Роман Андреевич?

¹ «Перевертыш» монолога Сатина «О человеке» из пьесы «На дне» М. Горького. *(Прим. авт.)*

Роман Андреевич. Ша на рифму нарвешься, Юрок. На такую рифму, что тебе это рифмованное место курортом покажется.

Борис. Да что случилось?!

Роман Андреевич. Случилось. Очень даже случилось... Беда случилась. Как сказала, Лизонька, офотошопили. Именно что. От-фо-то-шо-пи-ли.

Михаил. Хватит уже волынку тянуть! Рассказывай, наконец. Где был? Без рифмы, на!

Роман Андреевич. А нет уже волынки. Нет. Ну, в общем... По порядку... Был я... *(Опрокидывается на стул.)* Как же это всё по-человечески рассказать?.. Вот вывезли вы меня в гробу. Так? Так. А в грузовом отсеке было, мягко скажем, некомфортно. Холодно. Я вылез. Пробрался в эконом-класс. Сел на свободное место. Потом самолет приземлился. Но вы же в бизнесе летели. Вас чуть раньше выпустили. Я за вами. Дождался, пока вы та-можно прошли. А там уже и сам...

Юрий Владимирович. Как это сам? Вы же в розыске. Вас бы задержали сразу.

Роман Андреевич. Да нет, не сразу... Должок у генерального передо мной. У многих в аэропорту должок. Да и не только там... *(Пауза.)* В общем, в этот раз паспортный контроль я прошел без проблем. Сел в такси. И тут мне грандиозная мысль в голову пришла. А что, если подшутить над вами? Разыграть, так сказать. Быстренько завернули в магазинчик: «Игрушка-праздник». Знаете, есть такая забавная сеть с сувенирами и розыгрышами?

Лизон *(хихикает).* Типа мешочка со смехом?

Роман Андреевич. Типа, Лизонька. Типа. Только пальчик и ушко. Таксиста я отблагодарил. Это мы с ним всё провернули. Он как раз вам и звонил. А мне очень хотелось всю правду узнать. Я же до конца не был уверен, что это именно вы... Ну и узнал.

Борис. Как это?

Юрий Владимирович. Да, непонятно, честно говоря.

Роман Андреевич. А алчность? Алчность никто не отменял.

Да, Каролина Карловна? Снимите кольцо, пожалуйста. *(Нетвердой походкой направляется к Каролине Карловне, берет ее за руку, настойчиво снимает кольцо с руки.)* Колечко-то у меня с сюрпризом. Тут на много гигов памяти. *(Направляется к музыкальному центру, нажимает на кольцо, из него выскакивает флешка, Роман Андреевич вставляет ее в USB-разъем.)* А приёмник всегда со мной. Мало ли. Времена-то какие. Сейчас, сейчас... А, вот...

Слышится промотка звука, друг за другом бегут голоса Кряжистых, наконец отчетливо раздаются:

«Светлана Николаевна. *Копайте уже. Только неглубоко.*

Юрий Владимирович. *Тут глубоко надо, потому что, если не глубоко, то тогда никто ничего не поймет. А если никто ничего не поймет, то получится, что мы белье как бы приподняли, но не копнули...*

Глебушка. *Ты, Юрасик, извини, конечно, но ты... как бы это сказать повежливей... ротожоп.*

Юрий Владимирович. *Простите, я очень нервничаю. Можно убрать эту коробку?*

Каролина Карловна. *Беня...*

Бенедикт. *Куда?*

Каролина Карловна. *Я не знаю куда. Куда угодно. Выброси! Кольцо только сними. И мне принеси!*

Бенедикт. *Голыми руками?*

Каролина Карловна. *На вот, платок возьми...»*

Роман Андреевич *(возвращается к Каролине Карловне, протягивает кольцо).* Оставьте себе, Каролина Карловна. Это немного, что у вас осталось. *(Дарит ей таблетницу.)* В комплект к кольцу шла. Это для прослушки. Я, правда, в ней последнее время таблетки носил. Но вот, видите, пригодилась. А это... Смотрите, если в этом месте шнурок развязать, то цветами можно как наушниками пользоваться. *(Снимает с шеи шотландский шнурок, отдает Каролине Карловне.)*

Каролина Карловна. Как это понимать, Роман Андреевич?

Роман Андреевич. А очень просто. Чудеса техники, что тут скажешь. XXI век. На любой частоте работают. Гамильтон, конечно, уникальный человек по части подарков... Только вот Богородица не уберегла его... И меня с ним... *(Пауза.)* Словом, продолжаю. На такси мы подъехали к вашему дому, послушал я вас, красавцев, и понял: пора за такие вещи наказывать. Крепко наказывать. Ну и уехал. Уединился на какое-то время. В деревеньке одной. При Посаде с Лаврой. Подумал. И решил. А не увести ли мне ваши акции, раз такое дело? *(Резко поворачивается к Светлане Николаевне.)* Да, Светочка?

Светлана Николаевна. Но я ничего не продавала.

Роман Андреевич *(усмехаясь)*. Так никто не продавал. Привыкли в кредит жить. Акции же в залоге у банка были, правильно? А сроки все вышли. Я ведь навел справки по старым каналам.

Светлана Николаевна. Вы не могли так поступить!

Роман Андреевич. Еще как мог.

Юрий Владимирович *(растянуто)*. Цес-си-я.

Лизон. Что?

Юрий Владимирович. Уступка прав требования.

Роман Андреевич. Именно. О чем, собственно говоря, вас всех и уведомляю. Прошу погасить долг.

Светлана Николаевна. Но нам нечем!

Роман Андреевич. Естественно, нечем. Да мне это и не нужно уже.

Светлана Николаевна. Почему это?

Роман Андреевич. Потому что я... Потому что... Дурак! Идиот! Кретин!

Михаил. Это мы и так поняли, на!

Роман Андреевич. Нет. Вы не поняли. Я же не договорил, кому вам надо погасить долг.

Все. Кому?

Роман Андреевич *(членораздельно)*. Го. Су. Дар. Ству. *(Подходит к зеркалу, удивленно смотрит на него, недоуменно пожима-*

ет плечами.) Вот кто главный герой, который не виден, но который везде.

Все (*недоуменно переглядываясь*). Это как так?

Роман Андреевич. А потому что я всё оформлял на доверенную структуру и доверенных людей. Выкупил. Оформил. А потом эти доверенные люди из доверенной структуры ко мне пришли... Вы не понимаете, что произошло! Вы просто не понимаете!.. А мне всё объяснили, как будет — со мной, с вами, со всеми. Какие поцелуи и объятия экспроприации нас всех ожидают. Заметили, как я это слово стал бойко выговаривать? (*Смакует — победно и одновременно горько.*) Экс-про-при-а-ци-я!.. То-то же!.. Понимаете, оказывается, нет доверенных людей в этом мире. И уже неважно, кто сейчас на референдуме победит. «Пиджачники» или «ватники». «Черный квадрат» или «Красный». Не поменяется ничего. Никогда не поменяется... Лиза, Лиза, что же вы за дура такая непроходимая? Зачем вы в соцсетях наши фотографии с Хэллоуина публиковали? Что же вы за идиотка? Нас же пасли всех давно... И меня пасли. С самого аэропорта. И не мне вы теперь должны, а этим доверенным людям, на которых я всё оформлял. Которые не доверенные давно. Которые и есть — государство. Вот тут-то и кроется самое настоящее зло, которое всех пожирает — и бесов, и ведьм, и анчуток. (*Пауза.*) Потому что есть зло пострашнее... Есть Хэллоуин, но есть и — Адъ. Понимаете?

Глебушка. Еще как понимаем. Как говорили в фильме «Олигарх»... Не смотрели, Роман Андреевич? Зря. Очень поучительное кино. Так вот, а говорили там следующее: «Бизнес на доверии заканчивается трагедиями». Лихо вы, конечно, себя сдали. Как стеклотару.

Юрий Владимирович. Так вот вы почему седой. Отпустили?

Роман Андреевич. Ага... Повозили, поговорили, места разные показали. Экскурсию, так сказать, провели. Но потом отпустили, да. Как видите. Кому я теперь нужен? Гриб у дороги. Пустое место. Ноль. Даже не так — минус один... Эх... Никогда не играйте в Гамлета с государством... никогда... (*Пауза.*) Вот, да-

же гармошку именную подарили. Полюбуйтесь. *(Вытаскивает из кармана губную гармошку, забавно играет «Чижика».)*

Глебушка. Храните ее теперь у сердца. Остальным, я так понимаю, крепко поделиться пришлось?

Роман Андреевич. Всё, что в портфеле было. Хотел ведь красиво. По старинке.

Юрий Владимирович. Шантажнуть?

Роман Андреевич *(расплывчато)*. Да нет...

Глебушка. Понятно. На каждого мудреца довольно подлеца.

Каролина Карловна. Хорошо же вы над нами пошутили.

Юрий Владимирович. Скорее над собой. Вот что значит тройную игру вести.

Лизон. Точно.

Пауза.

Настенька *(тихо)*. Прямо как Джек.

Отец Сергей. Воистину.

Все переглядываются.

Светлана Николаевна. И что же нам теперь делать? Вам... Вам сказали?

Роман Андреевич *(вздыхает)*. Еще можете успеть.

Настенька. А вы?

Роман Андреевич. Не знаю. Ничего я уже не знаю... Такое ощущение, что в сердце краб вцепился... Не отражается государство. Вот в чем беда. *(Членораздельно.)* Не от-ра-жа-е-т-ся. *(Приподнимается на носках, колукает ногтем левый верхний угол зеркала, подхватывает двумя пальцами защитную пленку и вдруг резко сдирает.)*

Все. Ох!

Роман Андреевич *(смотрится в отражение)*. М-да, постарел. Как-то враз постарел. *(Задумчиво тербит косички на бороде.)* Вот как бывает. Пытались в смешном страшное спрятать,

а страшное всё равно вылезло. Вылезло, сволочь, и победило.

У Михаила снова звонит смартфон.

Михаил. Да, на! Понял, на!

Каролина Карловна. Что там, Миша?

Михаил. Проблемы, на... Ржавчина началась. Обыски в головняке пошли. *(Бегает вокруг гробов, бряцает декоративными шпорами, хватает картины, тут же швыряет обратно, безумно таращит глаза.)*

Лизон. Жесть. И чё щас делать?

Роман Андреевич. А что в таких случаях делают? Прикидываются мёртвыми. Главное в соответствующие одежды переодеться.

Юрий Владимирович. Кошмар! Сейчас же допросы пойдут. Любой ведь крайним может стать. Тут и пятьдесят первая не по-может¹. Даже если она, как «Отче наш», от зубов отскакивать будет. Бежать надо. Однозначно.

Борис. Успеем еще, успеем... Олен либерали, я анон тайльта турфапайкка. Сукунимени он Кръязистий! Тясса он пассини!

Каролина Карловна. А если нас в аэропорту уже ждут? Может, поездом попробуем? *(Нервно.)* Вас же еще помнят в «эР-Жэ-Дэ»? Да, Роман Андреевич?

Роман Андреевич. Должны помнить.

Настенька. Да ну брось, мама... То же самое будет.

Борис. Надо рискнуть! *(Лихорадочно роется в самоучителе.)* Я беженец из России! Я из Москвы! Олен паколайнен Веняйяль-тя! Олен Московаста!

Лизон. Интересно, а что там с референдумом?

¹ Право не свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников, круг которых определяется федеральным законом (в соответствии со ст. 51 Конституции РФ).

Долгая-долгая пауза. Все молча смотрят на Лизон.

Михаил. Дура ты, Лиза! Не до него сейчас! На!

Глебушка (*мотает головой из стороны в сторону*). Ну и бараны же мы все, какие же мы бараны. (*Пауза*). На заклинании.

Направляется к одному из гробов и выбрасывает из него картины. Пинает их ногами, зло расшвыривает по гостиной. Точно куриную тушку, рубит слова песни: «Цыпленок жареный, цыпленок пареный, цыпленок то-же хо-чет жить... паспорта нету – гони монету, монеты нет – са-дись в тюрь-му...»

Каролина Карловна. Что ты делаешь, Глеб?

Настенька. Что ты делаешь?..

Лизон. Что ты?..

Борис (*по-фински*). Мите?..

Глебушка (*разворачиваясь; отчетливо*). Вам же сказали. Ничего. Ни-ко-гда. Не из-ме-ни-тся. (*Пауза. Долго смотрит на всех*.) Ну, что? «Ко мне, упыри! Ко мне, вурдалаки!» Эх! Начали за здравие... (*Бессильно машет рукой*.) Какие же у нас дремучие судьбы... Сукунимени он Крязистий! Олен Московаста! С-суки! Мо-ско-ва-ста!

Глебушка влезает внутрь гроба и с грохотом хлопает крышкой. Остальные нерешительно переглядываются, но через какое-то время следуют его примеру. Лизон принимается фотографировать происходящее на планшет, но никто на нее реагирует – ящички закрываются. После чего она делает селфи, машет ручкой олигарху и, похихикивая, тоже скрывается в гробу.

Роман Андреевич включает музыкальный центр, садится на центральный гроб и, вяло покачивая ногой, подыгрывает на губной гармошке унылой мелодии, раздающейся из динамиков.

Вдруг тихо начинает всхлипывать. Затем смахивает скупую слезу, распрямляется и, словно Малевич в кремационной печи, раскидывает руки крестом. Какое-то время стоит в свете про-

жектора. Со словами: «Так скучно, так одиноко. Голова болит...» вслед за остальными исчезает в обитой атласом домовине. С жаккардовым покрывалом и мятым рулоном соц-арта вместо подушки.

В гостиной остаются только гробы.

И тут же за окном надсадно орет петух. Под его крик и стук колес уносящегося в евродадь поезда играет песня распавшейся рок-группы «Агата Кристи» – «Трансильвания»:

Открытая дверь на свежей земле
Мы вколачиваем гвозди,
Чтоб в гробу лежали кости.
Чтоб из-под земли не лез,
На тебе поставлю крест.
Трижды плюну на могилу,
До свиданья, милый, милый,
Милый.
Бывай!

Затемнение. За ним вспыхивает яркий пронзительный свет.

*На сцену выбегает разномастная **толпа** в ватниках и пи-джаках: пенсионеры, студенты и офис-менеджеры. За ними следуют домохозяйки с детьми.*

Мальчики постарше вооружены бутылками с лимонадом: «Бу-ратино», «Тархун» и «Байкал». У девочек конфеты: кульки с «Алёнкой», мешочки с «Красной Шапочкой» и пакетики с «Мишкой на Севере».

Малолетних детей мамы держат на руках. Футболочки с перечеркнутыми анимационными Mickey Mouse и майки с Minnie Mouse в прицельной мишени на розовых животиках малышей чуть задраны. От переизбытка нежности их хочется поцеловать в пузцо.

Толпа шумит, толпа завывает, толпа орет и горланит. «Гром победы, раздавайся!», «Молитва русских», «Боже, Царя храни!», «Рабочая Марсельеза». Всё тонет в чудовищной какофонии криков и звуков. Всё тонет в «Интернационале», «Гимне э-Сэ-Сэ-

Сэ-Р», «Патриотической песне» и «Вопле России».

На древках из стороны в сторону мотаются хоругви с Богородицей, знамена с гербами, штандарты с вензелями. Имперские стяги, советские флаги, российские полотнища. Всё плывет, всё мерцает, всё расплывается.

От шума и гама хочется в гроб, но...

Салют. Ликование. Занавес.

**КАРТИНА ДЕВЯТАЯ
НАСКАЛЬНЫЕ ГРАФФИТИ**

Теги и ключевые слова: #...

∞

End of story & Game over

Москва, 2012 – 2014 гг.

ЛАЙФХАК

Пьеса в 2-х действиях

Лайфхак (от лайфхакинг, *англ.* life hacking) – на сленге означает «хитрости жизни», «народную мудрость» или полезный совет, помогающий решать бытовые и жизненные проблемы, экономя тем самым время. Это набор методик и приёмов «взлома» окружающей жизни для упрощения процесса достижения поставленных целей при помощи разных полезных советов и хитрых трюков. Обычно *лайфхакер* не создаёт новые методики, а овладевает существующими. Термин соединил слова *life* («жизнь») и *hack* («взлом»). В советское время *лайфхаки* размещались в подборках разнообразных советов «1000 полезных советов», «Советы туристу», «Советы автолюбителю», «1000 и 1 совет как выжить в незнакомом городе» и т. п.

Настоящий текст является реновацией пьесы «Лайф-Лайф», реконструированной для одного из российских драматических театров, исходя из реалий 2018 года. Капитальный ремонт и последующий ребрендинг пьесы намечены на 2025–2045 гг. в зависимости от ветхости текста и изменяющейся действительности. (*Прим. авт.*)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Парень — лет 20–23, одет в рваные модные джинсы с пуговицами на задних карманах и в черную тишотку. На ней — принт в виде карты метрополитена г. Москвы. На голове — надетая задом наперед бейсболка. Правое предплечье в цветных тату. На ногах кеды-конверсы¹. В руках скейт².

Девушка в мини — фитоняшка³ примерно того же возраста. Постоянно жует жвачку. Губы накачаны филлером, пупок с пирсингом, икры в татушках. Юбка-мини, топик, курточка и криперы⁴ на платформе. На запястье розовый смарт-браслет. Всё яркое и кричащее.

Инженер в кепке (*Игорь Сергеевич*) — хорошо к 60. Патристически настроенный либерал без харизмы, но с амбициями. Он же — интеллигент на нерве. Из-под дерматиновой темной кепки, которую он то и дело снимает, выглядывают сальные волосы. На лице — скорбь, наложенная двумя высшими образованиями. Серый галстук, такого же цвета костюм, коричневые сандали и светлые носки. Всё из универсама советских времен.

Мужик (*Пётр*) — 40–45 лет. Балагур и насмешник. Ни разу не интеллигент. Без амбиций. Широкие штаны и легкая болонье-

¹ *Конверсы* (англ. Converse) — знаменитые кеды фирмы «Converse».

² При сценическом воплощении пьесы вместо *скейта* возможно использование складного *скутера*, *гироскутера*, *сегвея* или *моноколеса*.

³ *Фитоняшка* — девушка, активно занимающаяся фитнесом и следящая за своей фигурой. Слово образовано от слияния двух слов «фитнес» и «няшка» (милашка), появилось в речи несколько лет назад. Фитоняшки активно публикуют свои фото в соцсетях. В частности, в «Инстаграме».

⁴ *Криперы* или *криперсы* (от англ. creeper — красться) — также имеют второе название — *платформы*. Массивная обувь с утолщенной прямой подошвой, оснащенная шнуровкой (или без нее). Благодаря толстой подошве, к росту любителей этой обуви всегда выгодно добавляется несколько сантиметров.

вая куртка, несвежая майка, китайские кроссовки. Всё дешевое, по цвету — мрачное. С рынка. На руках виднеются плохо сведенные наколки.

Лайфхакер (*Арнольд*) — к 30. Представитель компании, занимающейся проведением курсов психологических тренингов личностного роста «Лайфхак». Тощий и манерный — с характерной латентностью. Типичный хипстер. Бороденка, очки. Куцый пиджачок, короткие узкие брючки, цветные носочки, ботики-лоферы. Весь до тошноты яркий, эклектичный и дерганый. Харизмы — ноль. Карманы забиты всяким мусором — вейпом¹, гаджетами и прочими навороченными прибрлудами.

Женщина с длинными ногтями (*Алла Григорьевна Величина*) — либерально настроенная патриотка с харизмой. С хорошим возрастом. И с большой буквы. Холеная. Умная. Практичная. В меру цинична. Платье. Обувь. Сумка. Всё самое дорогое... Ногти.

Мужчина с кейсом (*Андрей Викторович Белов*) — в возрасте, но еще «вполне». Полноват. Очки, часы, кейс. Внутри кейса — ноутбук, планшет, зарядки и спиннер². Костюм качественный — почти фирменный. Туфли дорогие.

Просто мужчина — просто мужчина. И просто костюм. Не без иронии и отличительных черт, но в толпе теряется. Воз-

¹ *Вейп* или *вэйп* (*англ. vape*) — тип электронных сигарет; по сути — парогенератор, в котором испаряется специальная курительная жидкость. При вдыхании пара «курильщик» получает тот же эффект, что и при курении. Многие эксперты не без оснований считают электронные сигареты вреднее обычных из-за выброса токсинов.

² *Спиннер*, *фиджет-спиннер*, вертушка, крутилка для рук (*англ. fidget spinner, hand spinner*) — развлекательная вращающаяся игрушка. Эксперты разделились в оценках пользы спиннера для здоровья, некоторые считают, что он может помочь в стрессовых ситуациях, выступая в роли успокоительного средства, другие отрицают эту возможность и считают, что игрушка скорее отвлекает, чем помогает сконцентрироваться.

раст неизвестен.

Лейтенант (*Филимонов*) — классический полицейский в штатском. Иронии мало, отличительных черт тоже. Внешне можно перепутать с Просто мужчиной, возраст тот же.

Баба с пакетами — гастарбайтерша без возраста. Что-то в районе 40–60. Из-за разновеликих сумок и пакетов непонятно, во что одета.

Пенсионер с кроссвордом — возраст «к закату». Молчун, очкарик. Дужка очков перевязана изолентой. Рубашка клетчатая, штаны коричневые, подтяжки. На ногах тапочки. В руках брошюра с кроссвордами и сканвордами.

Мальчик с железной дорогой (*Саша*)¹ — не девочка. Допубертатного периода. В инвалидной коляске. Кроссовочки, майка с мультипликационными вагончиками, спортивные штанишки. Коробка с игрушечной железной дорогой лежит на его худых коленках.

Мама — мама Мальчика с железной дорогой. В соку. Одета по моде.

Бомж — классика. В «трениках» и шубе. От 20 до 60.

Седой мужчина — категорически 55. Подтянут, ироничен. Себе на уме. В джинсовом костюме, благородных тонов водолазке и светлых мокасинах.

Группа «Метрополитен» — 10–15 человек разного пола и возраста, тщетно пытающиеся одеваться, как **Седой мужчина**. Они же **Массовка** в начале пьесы.

¹ Персонажа может играть молодой актер театра. Также возможна постановка без линий *Мальчика с железной дорогой* и его *Мамы*. (Прим. авт.)

Фойе театра.

Тут и там видны названия станций – м. «Третьяковская», «Марксистская», «Площадь Ильича». Некоторые фрагменты на стенах представляют собой движущиеся вагоны метро. На одной из стен изображен эскалатор с вертикальными лампами. По эскалатору едут люди.

На скамьях у гардероба и в фойе устроились актеры и актрисы, переодетые в пассажиров, ждущих поезда на платформе. Посреди фойе высится сине-красная колонна с информационным терминалом, кнопками «справки» и «экстренного вызова», а также изумительным названием «ИНФOSOS». Около «инфососа» толпятся зрители.

При входе в зрительный зал, как в метрополитене, стоят турникеты. Около них – билетерши в форме работников подземки. Программки раздаются, как флаеры и листовки-завлекаловки в переходах метро, бесплатно, но с надрывом: «Да возьмите же, наконец! Возьмите!»

Зрительный зал.

На левой стене – огромные окна и двери вагона. Между ними – карта метрополитена с Московским центральным кольцом. На правой стене – рекламные плакаты и, в середине, внушительное сигнальное устройство для экстренной связи с машинистом.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ МАФИЯ

Раздается грохот движущегося поезда. Шум постепенно затихает, сцена освещается – она выполнена в виде вагона метро. В левом верхнем (по отношению к зрителю) углу сцены висят электронные часы, которые показывают [23:45 00] [00:00].

*Поезд останавливается – из вагона быстро выходят люди. Часть пассажиров остается на своих местах. Из динамиков раздается голос: «Уважаемые пассажиры! При выходе из последней двери последнего вагона будьте осторожны». В вагон входят **Девушка в мини, Парень**, держащий скейт, и **Баба с пакетами**. Парень и Девушка в мини встают по разные стороны около средних дверей. Парень прислоняется к ним спиной, Девушка в мини берет за поручень. Оба достают смартфоны. Баба с пакетами оказывается около Парня и ставит свою поклажу на пол. Из динамиков доносится: «Осторожно, двери закрываются. Следующая станция „Площадь Ильича“. The next station is „Ploschad Ilyicha“». Двери закрываются, поезд движется, вагон трясется, а часы гаснут. Баба с пакетами, балансируя, роется в пакетах и сумках, что-то перекладывает, ищет. Наконец вытаскивает целлофановый мешочек, приподнимает и внимательно на него смотрит, шевелия при этом губами, – вероятно, пересчитывает находящиеся в нем яйца. Рядом, на скамье, восседает **Мужик**. В руках у него почти пустая бутылка пива. Он делает несколько глотков и недовольно бросает бутылку на пол. Вздыхает. Озирается, словно ищет у присутствующих сочувствия. Напротив Мужика сидит человек, слишком для мужчины своеобразный – это **Лайфхакер**. Мужик смотрит на него и брезгливо морщится. Поворачивает голову влево (по отношению к зрителю вправо) и чуть нагибается. На своей скамье видит **Мужчину с кейсом, Женщину с длинными ногтями** и какого-то серого типа, читающего газету, – **Ин-***

женера в кепке. На следующей устроились задумчивый **Пенсионер** с кроссвордом, который слюнявит карандаш, и **Мама** Мальчика с железной дорогой. Из сумочки Мама выгладывает бутылочка «Фанты». Рядом с Мамой стоит инвалидная коляска. В ней сидит **Мальчик**, на коленях он держит коробку с железной дорогой. Вдалеке, в левом конце вагона, дремлет **Бомж**. В ногах у него баул, а на коленях — бутылка с «бормотухой», повернутая дном к пассажирам. Мужик смотрит вправо и видит в противоположном конце вагона **Просто мужчину** и, чуть поодаль, мужчину обычного, сидящего напротив Просто Мужчины. Он явно спит, поскольку голова у него запрокинута. Это **Лейтенант** в штатском. Мужик, естественно, об этом не знает.

Время позднее, поэтому людей в вагоне немного. На внутренних стенах вагона мерцают дисплеи с рекламой и информацией о всероссийских достижениях народного хозяйства.

Вдруг поезд резко тормозит. Пивная бутылка катится в конец вагона, в котором спит Лейтенант. Девица в мини, держась за поручень, делает круговое движение, больше подходящее для танца с шестом в стрип-баре. Парень успевае широко расставить ноги, поэтому сохраняет равновесие. Остальные по инерции сильно дергаются в сторону движения, затем возвращаются в исходные положения. Лейтенант мотает головой, но не просыпается. Бомж недовольно ворчит во сне.

Баба с пакетами хватается за поручень. Раздается хруст скорлупы.

Поезд окончательно останавливается. Долгая тишина. Проходит какое-то время. Пассажиры начинают озабоченно озираться, всматриваться в окна вагона, молча переглядываться.

Мужчина с кейсом. Кажется, застряли.

Парень. Сколько можно! Второй раз за день! (Зло.) The next station is «Ploschad Ilyicha»!

Женщина с длинными ногтями (как бы про себя). Как станции называют, так и едем. Зря я все-таки на метро поехала. Лучше бы такси дождалась... (Пауза. Задумчиво.) Зачем они вообще

названия переводят, если только произношение имитируют?

Инженер в кепке (*обводит рукой вагон и показывает на дисплей*). А у нас всё имитация! Не видите разве?

Баба с пакетами (*вдруг замечает, что из мешочка текут разбитые яйца*). Ой, лышенько, шо теперь делать?!

Мужик. Это, мамаша, на сковородку неплохо б... Сальца с лучком порежешь и сальмонеллой сверху...

Баба с пакетами. Та шо ж такэ?

Мужик. Чё, не видишь, приехали?

Баба с пакетами. Та мне ще три станции ехать!

Мужик. Опусты ты свою смятку на пол... растеклась. Говорю тебе, приехали. Ща захват поезда начнется, порежут нас всех – на шкварки... (*Гогочет*.)

Баба с пакетами. Ах ты ж! Ах ты ж! (*Продолжает держать мешочек, не зная, что с ним делать. Переступает с ноги на ногу и задевает Парня*.)

Парень (*нервно*). Бабка! Да уברי ты от меня барахло свое, в конце-то концов! (*Показывает на футболку, внизу которой расплазается мокрое пятно*.) Испачкала же!

Баба с пакетами. Ой, хлопчик...

В этот момент дисплеи начинают мерцать, и из динамика раздаётся голос: «Уважаемые пассажиры! Пожалуйста, соблюдайте спокойствие и оставайтесь на своих местах. Поезд скоро отправится».

Баба с пакетами сворачивает мешочек, прячет в одну из многочисленных сумок, роется в ней и, наконец, достает – по виду ресторанныю – клетчатую салфетку. Вытирает ей руки и протягивает Парню. Тот промокает низ футболки и возвращается Бабе с пакетами. Достает смартфон. Баба с пакетами подхватывает свой скарб и плюхается около Лайфхакера. Ему она неприятна, мужчина пытается отодвинуться, но некуда: с другой стороны поручень. Девушка в мини оценивающе рассматривает смартфон Парня.

Девушка в мини (*Парню, свысока*). Не флагман¹...

Парень (*окидывая Девушку в мини хмурым взглядом*). А у тебя прикид для косплея² или «пижамной вечеринки»?

Девушка в мини (*перекатывая жвачку во рту, отчего видно, как искривляются ее ярко накрашенные губы*). Че-е-его-о-о?

Парень. Ты аккуратней жуй, а то губы лопнут. Иди вон лучше покемонов полови. В таком прикиде самое то.

Девушка в мини. Ка-азел!

Парень. Выдра щипаная. Миу-миу-миу!

Мужчина с кейсом (*достаёт смартфон, пытается позвонить*). Нельзя ли потише? (*Смотрит на дисплей*.) Связи нет. Со всем.

Мужик. Куда тише-то, считай, в могиле все... В братской. Ща террористы какие-нибудь приползут.

Мужчина с кейсом (*поворачиваясь к Мужуку*). Перестаньте народ пугать. Тут женщины, дети...

Мужик. А чё нас пугать?.. То братва, то дефолты, то чучмеки разные с поясочками... Потом митинги, автозаки, санкции... Нам теперь в пасть дьяволу попади – так он, поди, поперхнется... Так мы закалились.

Лайфхакер (*прокашливаясь, словно пробуя голосовые связки*

¹ *Флагман* – смартфон, обладающий новейшими передовыми возможностями. Компания-производитель флагмана старается максимально долго сохранить в секрете информацию о внешнем дизайне, подробнейших характеристиках новинки и её особенностях (*фичах, фишках*) вплоть до релиза устройства. Из-за этого искусственным путем подогревается ажиотаж пользователей.

² *Косплей* (*англ. costume play* – «костюмированная игра») – популярное хобби, заключающееся в переодевании в костюмы и отыгрывании характера, пластики тела и мимики персонажей компьютерных игр, кинематографа, литературы, комиксов, *аниме* и *манги*. Как правило, это увлечение включает в себя изготовление костюма и элементов атрибутики выбранного персонажа.

на ощупь). В вас, уважаемый, очень много негатива. Знаете, я мог бы порекомендовать вам замечательные курсы оздоровления сознания.

Мужик (*набычившись*). В морду хошь?

Лайфхакер. Я серьезно. (*Поднимается со своего места и достает из внутреннего кармана пиджака пачку флаеров. Протягивает один листок Мужику.*) Возьмите. Тут адрес и схема проезда. Для вас, с этим флаером, – пятипроцентная скидка.

Мужик (*вертит флаер в руках, читает*). «Лайфхак»! Чё за гавкотня такая?

Парень. Это «хитрости жизни» по-английски. Или «народная мудрость»... Ну типа там как использовать клипсы от вешалок для пакетов, быстрее размораживать продукты, устранять засоры в раковине... «100 полезных советов», короче. Всю эту муть в киоске союзпечати иногда купить можно. Интернет так вообще под завязку этим хламом забит.

Лайфхакер. Ну что вы, это всё слишком примитивно. Мы давно на другой уровень вышли.

Парень. На какой же?

Лайфхакер (*дает флаер Парню*). Мы непосредственно с сознанием работаем. С засорами в мозгах, так сказать. Вначале чистим сознание, а потом взламываем жизнь.

Парень (*подозрительно рассматривает флаер*). Мне, кажется, если взломать жизнь – это плохо кончиться может. (*Читает вслух.*) «Центр толерантности, саморазвития и психологической адаптации „Лайфхак“». А сайта у вас что, нет? А то вы как из нулевых. Вы бы еще вагон оклеивать начали. Тоже мне – лайфхакер.

Лайфхакер (*вытаскивает смартфон, пытается войти в Интернет*). Сайт? Есть, конечно. Но он еще сырой немного. На реновации.

Парень (*усмехаясь*). В ногу со временем идете?

Лайфхакер (*прячет смартфон*). Так все равно вай-фая нет, я бы вам показал. Когда связь включают, обязательно посмотрите. Мы, кстати, и в «Инстраграме» есть, и в «Фейсбуке», и «ВКонтак-

те». Вообще во всех соцсетях. Обязательно присоединяйтесь к нашим пабликам. Это, между прочим, очень и очень серьезные психологические тренинги. Для позитивного восприятия мира и достижения поставленных целей путем наименьшего сопротивления. То есть оболочка, вы правы, она как в обычном лайфхаке... всё через наименьшее сопротивление... но вот содержание... это уже только для избранных.

Парень. И стоят ваши тренинги, как последний айфон, да?

Лайфхакер. Деньги — не главное. Их всегда можно занять.

Парень. Ну да. И бегать потом, бегать... От коллекторов.

Инженер в кепке на миг отрывается от газеты, смотрит на Парня, одобрительно кивает и снова углубляется в чтение.

Мужик. Пацан, не бузи. Дай чела послушать. А то ща экстремисты какие-нибудь...

Лайфхакер. Вот с чего вы взяли?.. Ну какие сегодня в Москве экстремисты?.. Вас, кстати, как зовут?

Мужик. Пётр.

Лайфхакер (*протягивает руку и манерно представляется*). Ар-нольд.

Мужик (*руку игнорирует и спрашивает с подозрением*). Чё за имя такое «голубиное»?

Лайфхакер (*озабоченно рассматривает зависшую ладонь, наконец прячет ее в карман и пожимает плечами*). Вы не толерантны. Имя как имя.

Парень. У меня так попугая в детстве звали. Сдох.

Мужик (*хмыкает*). Какое у тебя детство тяжелое было...

Парень. А тритона — Арчибальдом. Тоже лапы склеил. Оказалось, плавать не умел. Топором на дно аквариума — фига-ась!

Лайфхакер. Вы знаете, мне кажется, вам про «Лайфхак» все-таки не мешало бы послушать.

Парень. Ага, чтоб самому коньки отбросить.

Лайфхакер. Очень много негатива. Очень.

Мужик. Ладно, Арноша, давай, валяй свой «Гав-Гав». А то ща

эти с детонаторами ворвутся... «Всэм лэжать! Нэ двыгаться!»

Мужчина с кейсом. Перестаньте травмировать людей!

Лайфхакер. И откуда в вас это?

Мужик. Чего откуда?

Лайфхакер. Негатив.

Мужик. Так Москва ж... туды ее растуды. Столица — мать наша... Мундиальная... Ты калякать-то будешь?

Лайфхакер (*приободрившись*). Значит, так. Психологический тренинг «Лайфхак» пришел к нам из Америки...

Парень. Кто б сомневался...

Девушка в мини. Топово!

Баба с пакетами. А шо, в нас своево нэма?

Мужик. В вас, незалежных? Нэ, нэма.

Просто мужчина (*направляясь к сидящим из конца вагона*). Вначале весь экспорт профукали, теперь мозги.

Лайфхакер. Ничего! Новые санкции — новые возможности! Я смотрю, вам тоже интересно. Присаживайтесь.

Просто мужчина садится около Бабы с пакетами.

Лайфхакер (*совсем бодро*). Так вот, «Лайфхак» — это психологический тренинг, направленный на межличностное общение. Что же мы все с вами понимаем под таким простым, но одновременно сложным, а стало быть, универсальным термином, как «межличностное общение»?

Проговаривая это, Лайфхакер заглядывает каждому в глаза.

Баба с пакетами. Шо?

Лайфхакер (*бодро-бодро*). А понимаем мы под ним общение индивидуума с окружающим миром, то есть взаимодействие человека в семье, в кругу друзей, в команде единомышленников. Иными словами, под «межличностным общением» мы понимаем эффективность в партнерстве. С клиентом.

Парень (*подмигивая Девушке в мини*). Слышала? С клиентом...

Девушка в мини. Достал уже!

Лайфхакер (*не снижая темпа*). Большое внимание в тренинге уделяется повышению личностной самооценки, обретению своего «я» и нахождению контакта с ним, выявлению истинных целей и приоритетов в жизни великого создания, именуемого Человеком! Более того, основной курс тренинга дает возможность начать осваивать полный спектр жизненного, творческого и духовного потенциала, который скрыт в вас, словно бутон цветка, но который, на последующих курсах, обязательно расцветет великолепным лотосом счастья и благополучия, если вы пройдете полный, повторяю, полный курс наших психологических тренингов. Поверьте мне – это ноу-хау!

Парень. Вот если его сейчас не выключить, он вещать будет, пока в нем батарейки не сядут.

Мужик. Да ладно те, душевно впаривает. Ни хрена непонятно, но – красиво...

Просто мужчина (*массируя виски*). У меня даже голова разболелась. Сейчас кровь из ушей пойдет.

Девушка в мини. Лампово! Вы такой няшный. А можно я с вами сфотаюсь?

Лайфхакер. Конечно, можно.

Девушка в мини обнимает Лайфхакера, делает «двойное селфи».

Девушка в мини (*рассматривает снимок в айфоне*). О! Прикольная гифка¹ будет!

¹ *Гифка* (от *англ.* Graphics Interchange Format (GIF) – «формат для обмена изображениями») – популярный растровый формат графических изображений. Формат *GIF* поддерживает анимационные изображения. Они представляют собой последовательность из нескольких статичных кадров, а также информацию о том, сколько времени каждый кадр должен быть показан на экране. Анимацию можно сделать цикличной, то-

Лайфхакер (*протягивает Девице в мини листок*). А это флаер. С пятипроцентной скидкой. Обязательно приходите!

Парень. «Мы вас прозомбируем...»

Женщина с длинными ногтями (*мелодично смеясь*). Мунисты были, сайентологи были, нью-эйджеры были, теперь еще и лайфхакеры объявились. Это и правда очередной лайфхак по выкачиванию денег... А ведь есть совсем другие методики – куда более действенные и прогрессивные...

Лайфхакер (*не обращая внимания на последние реплики и подняв палец*). Но это еще не всё! Вся прогрессивная цивилизованная общественность...

Парень. Да?! Кранты нам теперь, если из метро вылезем, то всё одно – путь в Кашенко обеспечен...

Лайфхакер. Зря вы так, молодой человек. Вот приходите к нам – тогда всё своими глазами и увидите... Какими люди счастливыми и продвинутыми могут быть... Какими цивилизованными и толерантными друг к другу! Ведь сегодня абсолютно все достойны равенства и одинакового счастья – гендеры, трансгендеры. Даже натуралы! Неимоверные возможности, просто неимоверные!

Женщина с длинными ногтями (*удивленно*). Даже?!

Мужик. Ты сам-то с полом определился или еще в процессе?

Просто мужчина. Он, по-моему, не в той стране метро выбрал.

Парень. Веганов еще забыл.

В этот момент раздается голос из динамика:

«Уважаемые пассажиры! Отправление поезда по техническим причинам задерживается. Убедительная просьба оставаться на своих местах и сохранять спокойствие. На линии произошла авария».

гда вслед за последним кадром начнётся воспроизведение первого кадра и т. д.

Дисплеи в вагоне окончательно тухнут.

Девушка в мини. Жесть!

Парень. Попадалово!

Все достают смартфоны и пытаются прозвониться. Баба с пакетами ныряет в сумки в поисках своего чудо-аппарата. Тычет в кнопки. Безумно орет: «Ал-ле-е! Ал-ле-е!» Девушка в мини, вооружившись флажком в ярком бампере, выдавливает из себя: «А-ал-ло-оу! А-ал-ло-оу!» Парень, быстро поняв, что всё безрезультатно, просто забавляется смартфоном. Видимо, играет в «закачанную» игру.

Мужчина с кейсом (*растерянно вертит в руках смартфон*). У меня же завтра сделка! На сон вообще времени нет! Чёрт! Чёрт! (*Распалаясь*.) Чёрт поberi этот город с его городничим!

Женщина с длинными ногтями (*спокойно достаёт айфон из сумочки, мельком смотрит на него и тут же кладет на место*). Ну... Этот город не только в компетенции городничего...

Мужчина с кейсом. Да все они... Кого не спросишь... «Это не в моей компетенции...» Только дачи строят да плитку кладут...

Женщина с длинными ногтями (*иронично*). Дачи — это к мнистрам. А вот плитка, да, она в компетенции...

Мужчина с кейсом (*взрываясь*). Да какая разница, женщина! Все они одинаковы — энергетики, нефтяники, газовики... Роснановцы эти!.. А у меня нормальная сделка, в отличие от них! Челове-че-ска-я! Простите меня... Не выдержал... Понимаете, наша компания теплоизоляцию поставить должна. Я строительством занимаюсь... И всё «в белую»... Последнее время весь на нервах!

Женщина с длинными ногтями (*удивленно*). Строительством? «В белую»?

Мужчина с кейсом (*шёпотом*). Представьте себе. Приходится. Госконтракт. Да и реновация на носу. Тут уже не до шуток.

Женщина с длинными ногтями. Это, конечно, довольноно

странно... тем более что госконтракт... *(Пауза.)* ...но, как минимум, заслуживает уважения... Дайте-ка я вам руку пожму. Признаться, первый раз такого человека вижу. В наше реновационное время. *(Пожимает руку. Запрокидывает голову – думает, что-то прикидывает.)* Теплоизоляция, говорите? А утеплитель на кровлю у вас есть?

Мужчина с кейсом. Обижаете.

Женщина с длинными ногтями. Это очень интересно. А вы знаете, у меня есть деловое предложение. У нас с мужем одно из направлений деятельности связано со строительством, так-то мы вообще в фармацевтическом бизнесе, но если у вас есть утеплитель, кубов шесть-восемь, мы бы, наверное, взяли. Я еще точно не знаю, сколько понадобится. Сметы окончательной нет.

Мужчина с кейсом *(вяло)*. Ну. Шесть-восемь – это мало...

Женщина с длинными ногтями. Я имела в виду шесть-восемь тысяч... Мы недавно с друзьями торговый центр решили в порядок привести.

Мужчина с кейсом *(нервно дергает головой, точно отказывается поверить в услышанное)*. С «этими»? *(Показывает вверх пальцем – на потолок вагона.)*

Женщина с длинными ногтями *(кивая головой в сторону)*. Нет, с «теми»... Ну, помните, там еще пожар был...

Мужчина с кейсом *(с восхищением)*. Конечно, конечно... я вам коммерческое вышлю...

Женщина с длинными ногтями. Высылайте. Думаю, договоримся... *(Достает из сумочки визитку.)* Вот вам мои координаты. Единственное... *(Пауза.)* Мы по безналу только часть можем... Надеюсь, войдете в наше положение?.. *(Подмигивает.)*

Мужчина с кейсом. Для вас – без проблем. В принципе, если будет желание, можем и через офшор пропустить. Так что на ваше усмотрение. *(С благоговением рассматривает визитку, поправляет очки, читает вслух.)* «Общество с ограниченной ответственностью „Совтранстелефарма“. Алла Григорьевна Величина. Консультант». *(Очарованно смотрит на Женщину с длинными ногтями.)* Понимаю, понимаю... Величина! *(Открывает кейс,*

прячет визитку, вынимает ламинированную карточку, протягивает ее Женщине с длинными ногтями.) Белов Андрей Викторович... Там не смотрите, это так... Главное, телефоны и e-мэйл.

Женщина с длинными ногтями (*бросив беглый взгляд на карточку, кладет ее в сумочку*). Спасибо. Только я – Величина. Знаете, в визитке же не будешь ударение ставить.

Мужчина с кейсом. Да, да... Скромно так... А вы, может, в «Фейсбуке» есть? Мы бы зафрендились.

Женщина с длинными ногтями. Уже нет. Бог миловал. И вам не советую.

Мужчина с кейсом. Отчего же? Очень удобно.

Женщина с длинными ногтями (*усмехаясь*). «Эти» за «теми» следят. Не хочу лишний раз помогать...

Мужчина с кейсом. Понимаю...

Мужик (*убирает телефон в карман куртки и хлопает себя ладонями по коленям*). Ну, всё ясно! Откапывать нас будут только завтра!

Лайфхакер. У вас установка неправильная. А вот по системе «Лайфхак» тренинг личностного роста напрямую связан с позитивным мышлением. Приходите, Пётр, не пожалеете. Мы настроим вас на правильную волну, которая вынесет ваш корабль в океан тепла и взаимопонимания, откроет вам новые горизонты возможного, раскроет ваш самобытный потенциал. И это только основной курс... а есть еще и продвинутый!

Парень (*не поднимая головы, продолжает играть на смартфоне*). Для особо тупых пользователей.

Лайфхакер (*прохаживаясь по вагону взад-вперед*). Как же вы не правы, молодой человек! Как не правы! Продвинутый курс даёт возможность пересмотреть свою жизнь и справиться с тем, что не позволяет индивидууму жить целостно и гармонично; помогает освободиться от ограничений, накладываемых на него его прошлым и, по большей части, деструктивным опытом. «Лайфхак» – это возможность создать себя заново, с чистого листа, так, чтобы былые неудачи, обиды и низкая самооценка уже не могли повлиять в будущем на успешное достижение целей.

Девушка в мини (*надует огромный жвачный пузырь и взрывает его*). Чистый хайп!¹

Лайфхакер (*от неожиданности подпрыгивает, поворачивается к Девушке в мини и оценивающе смотрит на нее*). Девушка, это еще не хайп! Вот лидерский курс – это да, это хайп! Он позволит вам закрепить знания, полученные на предыдущих курсах. Вы сможете поднять на небывалую высоту свою самооценку, стать желанным игроком в любой команде, значительно повысите стоимость своего труда и, как следствие, увеличить свой доход и ускорить карьерный рост. Вот тут, именно тут хайпануть можно!

Парень (*засовывая смартфон в карман джинсов*). Про карьерный рост – это ей неинтересно. Вот про желанного игрока в любой команде и повышение стоимости труда – тут поподробней.

Лайфхакер. Карьерный рост – это не главное... Вы все сможете добиться вообще любых своих целей и выполнить личностную миссию в социуме, которую укажут вам наши консультанты! Потому что только при сотрудничестве, соучастии и взаимопомощи наших тренеров можно добиться истинной синергии и усилить эффект взаимодействия двух, а то и более, человеко-Я!

Парень. У нас одна миссия – из вагона метро выйти. Не научите?

Просто мужчина (*делает фейспалм² – закрывает лицо ру-*

¹ *Хайп* (англ. hype) – шумиха, ажиотаж, агрессивная и навязчивая реклама, в том числе обман, возбуждение (эмоциональное). *Хайп* разводят вокруг чего-то или кого-то модного в данный момент. Производные – *хайпить*, *хайпануть*, *хайповый* и т. п. *Хайпить* – пиарить, активно рекламировать, продвигать, поднимать популярность чему или кому-либо, раскручивать, раздувать, поднимать шум вокруг чего-то (проводить вирусный маркетинг). *Хайпануть* – означает прославиться в чем-либо и где-либо (произвести фурор).

² *Фейспалм* (англ. facepalm; от face «лицо» + palm «ладонь») – попу-

кой). Бре-дя-ти-на какая-то. Фольгу на башку натянуть хочется.

Лайфхакер, не отвечая на вопрос Парня, принимается суетливо раздавать флаеры всем присутствующим в вагоне. Подходит даже к спящему Лейтенанту и аккуратно засовывает ему в нагрудный карман пиджака один из них. Возвращается к остальным. Бомжа игнорирует.

Лайфхакер (*постепенно впадая в экстаз*). Пять процентов скидка, пять процентов! Тренинги личного роста и персональной эффективности, корпоративные тренинги и тренинги для акционеров, индивидуальная тренировка или VIP-коучинг, тренинги для молодежи и родителей, социальная инженерия, тайм-менеджмент и семинары духовного роста... (*В экстазе.*) Погруженность и взаимодействие!.. Нет! Я даже больше скажу!.. Иммерсивность, интерактивность и полный инсайт! Озарение, проницковение в суть бытия и..! Катарсис!!!

Девушка в мини (*хлопает в ладоши*). Вау, красавчик! Полный инсайт!

Лайфхакер (*отдышавшись, продолжает раздавать флаеры*). Возьмите же... У вас есть? Не хотите брать?.. Жаль... Пятипроцентная акция скоро заканчивается... Берите, я серьезно... Перформативное психики, личностная перезагрузка, апгрейд тимбилдинга... У нас после основного курса – уникальная система скидок и начисления баллов...

Парень (*кивая на Мальчика с железной дорогой*). Пацану

лярное онлайн-выражение в виде физического жеста. Более широко известная трактовка выражения: «лицо, закрытое одной рукой», которое является проявлением разочарования, стыда, уныния, раздражения или смущения. Этот жест иногда называют «рукалицо». В интернет-обсуждениях термин используется для выражения безнадежности диалога, а также в ответ на явную глупость или ложную информацию.

не забудьте дать. Вырастет. Навестит.

Лайфхакер (*не почувствовав иронию*). Я уже его маме дал. Вы же мама, да? Вот с папой и приходите. Всей семьей приходите. С родственниками. Это и сыну вашему будет полезно. Пусть только подрастет...

Парень. А то материал еще сырой... Лепить не из чего...

Лайфхакер (*воодушевленно, не реагируя на Парня и картинно раскидывая руки*). ...Это же как шкатулка со сказками!..

Женщина с длинными ногтями. Только оттуда почему-то чёртики выскакивают.

Лайфхакер. Женщина, женщина, что вы понимаете...

Женщина с длинными ногтями (*с красивой усмешкой*). Да уж побольше вашего... Ар-нольд...

Просто мужчина (*Лайфхакеру*). А не хило вы вообще на продажах банальностей зашибаете, если так подсчитать. Типа сходил на тренинг «Не дай себя нае...» (*Хлопает ладонью по кулаку другой руки. Раздается глухой звук.*) Дорого, сука, но что поделывать.

Мужик. Так, я не понял... а сколько твой «Гав-Гав» стоит?

Лайфхакер. Для вас всех, всех (*обводит присутствующих нежным взглядом*) — первая лекция вообще бесплатно... Вы же для меня теперь как родные...

Парень. Ага. В семье не без уroda.

Инженер в кепке (*молча складывает газету, кладет рядом с собой, медленно поднимается и вдруг выкрикивает*). Всё это профанация! И вы, Альберт, это прекрасно знаете!

Лайфхакер (*в растерянности*). Арнольд.

Инженер в кепке. Всё равно!

Мужик (*радостно*). По-«голубиному»!

Мужчина с кейсом. Пётр, хватит. Здесь все-таки приличные люди.

Мужик. Он приличный? (*Показывает на Лайфхакера*). Да ладно те...

Инженер в кепке. Так вот, Арнольд. Всё, что вы все... нам тут всем на уши вешаете — всё это просто ужасно! Это кошмар про-

сто какой-то! Эти тренинги. От чего эти тренинги, я вас спрашиваю? От правды? От реальности? От пробок сплошных? От него вот?

Инженер в кепке, не разворачиваясь, указывает на Бомжа, похрапывающего в конце вагона. На коленях у того бутылка «бормотухи», которую он даже во сне держит аккуратно, словно дорогую технику.

Инженер в кепке (*подходит к Лайфхакеру, упирает палец ему в грудь*). Вы скажите, скажите всем, сколько ваше мозго... не при женщинах... мозготерство стоит? Скажите... А методы, вами используемые? А НЛП? А гипноз? А манипуляции в соцсетях? Вот вы — знаете, как это всё работает? Знаете, конечно... как же вам не знать... Но и я знаю! Мы все — знаем. Вначале нам помогают разобраться со своими проблемами, дают установки, работают с нами, по головушке поглаживают... Мы, дурни, смотрим — а сработало! Правда, помогло! И с женой как-то... и так... Позитив появился... На второй уровень переходим... Платим, естественно... якобы со скидкой, но в двойном размере... И тоже всё по делу... всё срабатывает... добиваемся намеченных целей... Тут уж не за горами и третий уровень — лидерский... И вот, если мы на первом уровне воспринимаем все ваши трели как правду, а на втором — почитаем за истину, то лидерский — мы уже само собой принимаем за слово Божье... Только дело в том, что на третьем уровне нам цели-то и подменяют. А мы так устроены, что два раза поверив, на третий — верим безоговорочно. И нет уже ни машины, ни квартиры. Цели подменены. Были в тренингах, стали — в «трениках»... (*Указывает на Бомжа*.) Переструктурирование жизни произошло.

Лайфхакер. Как-то вы так... как-то... И у нас не уровни — курсы.

Женщина с длинными ногтями. Не вижу принципиальной разницы.

Мужик (*Лайфхакеру*). Чё скажешь в свое оправдание? Дурите

нас, уродцы?

Лайфхакер (*опустив глаза и суетясь*). Мы, мы...

Мужик (*встает и берет его за грудки*). Ты не «мыкай»... Дуришь, спрашиваю? Мундиаль нам в башке устроить хочешь? Ну-ка, давай мысли быстро! И позитива побольше.

Лайфхакер. Я вообще-то только недавно этим...

Мужчина с кейсом. Вот! Я же говорил! (*Поворачиваясь к Женщине с длинными ногтями, точно ища поддержки*.) Они все так... недавно... консультанты только... Извините. (*Отводит взгляд в сторону*.)

Женщина с длинными ногтями. Да всё правильно вы, Андрей Викторович, говорите. Всё правильно, к сожалению.

Баба с пакетами. А я спытаты хотела: шо це такэ – Эн-Лэ-Пи? Эн-Лэ-О знаю...

Парень. Это, бабка, нейролингвистическое программирование. С тобой говорят, говорят, улыбаются, в глаза заглядывают, а потом ты под поезд вдруг бросаешься. Каренина в метрополи-тене...

Баба с пакетами (*хлопая глазищами*). Ой...

Девица в мини. То есть я правильно шарю, что этот «Лайфхак» – полный отстой?

Парень (*усмехаясь*). Это вообще зашквар.

Девица в мини (*про себя*). Надо гифку удалить. (*Зло удаляет фотографию с Лайфхакером из айфона*.)

Мужик. Да кидалово это всё!

Инженер в кепке. Нет, мужчина, это не кидалово! Это больше, чем кидалово! За всем этим ва-а-жные люди стоят! Они, если хотите, лидерским уровнем заправляют. Они и по телемосту на весь мир вещают, и интервью направо-налево раздают, и на ютубе сидят...

Мужик (*отпуская Лайфхакера и обращаясь к Инженеру в кепке*). А как это с тренингами связано, чё-то я в толк не возьму?

Инженер в кепке. Так потому что всё это одно – дурилово!

Парень. У вас как-то того... ассоциативный ряд слегка нарушен.

Инженер в кепке (*набирает обороты*). Он не у меня нарушен, он у вас у всех перевернут. Посмотрите, до чего власть Москву довела! Это же ад какой-то!

Женщина с длинными ногтями (*искренне удивившись*). Вы это серьезно сейчас?

Инженер в кепке. Куда как серьезно!

Женщина с длинными ногтями. Ну уж прямо. Прекрасный же город стал. Любая европейская столица позавидует. Посмотрите, какие скверы стали, какие чистые улицы, какие тротуары. А площадки детские? А метро? А вай-фай на каждом углу?

Инженер в кепке. Всё это китч на китче и китчем погоняет!

Женщина с длинными ногтями. Слушая вас, складывается впечатление, что страна меняется, а некоторые люди — не совсем.

Лайфхакер. Много негатива.

Инженер в кепке (*взорвавшись*). Я вам покажу позитив сейчас! Вы сами-то все верите в то, что говорите?! Это же имитация всё! И какой может быть позитив, когда я с двумя высшими образованиями, инженерным и философским, должен за копейки на заводе корячиться!

Мужик. Это ты еще хорошо устроился...

Просто мужчина. Не надо было философский заканчивать.

Парень (*имитируя голос Лайфхакера*). А вы к нам на «Лайфхак» приходите, вместе погавкаем...

Инженер в кепке (*не реагируя на реплики*). Вы вообще понимаете, хоть на минутку отдаете себе отчет, до чего мы людей довели?

Парень. Нормальный такой приход...

Инженер в кепке. Это не приход — это коллапс! Всё хорошо, всё очень хорошо, сейчас ваши деньги станут нашими, и всем от этого станет еще лучше... Что хорошего? Я вас спрашиваю!

Девушка в мини. Вы, блин, монструозный какой-то. Чё за траблы ваще? Идите на фирму работать.

Инженер в кепке. Я спекулянтom работать не буду! Воспита-

ние не позволяет!

Девушка в мини. А мне вот не влом.

Инженер в кепке. Это потому что сучка... Извините, женщины.

Девушка в мини. А чё вы меня хейтите? Завидно, да?

Инженер в кепке. Чего?

Девушка в мини. Ну это...

Парень (*Инженеру, поясняя*). Ненавидите.

Инженер в кепке. Не русская, что ли?

Парень. Интернет-сленг.

Инженер в кепке. Так бы и говорила! Не завидно! У меня скоро возраст дожития — не возьмут меня на фирму!

Мужик. Доживи еще...

Парень. Логический ряд, я смотрю, у вас тоже хромает.

Просто мужчина. Нет денег — побирайтесь краудфандингом. Сейчас все нищоброды в соцсетях так делают.

Девушка в мини. Можете еще биткойны майнить.

Парень. Ну, (*смеется*) тогда вообще весь мир у ваших ног.

Инженер в кепке. Крауд... Простите, как?! Майнить?! Я не понимаю ваших заморских слов! Живые люди так не разговаривают! Так ладно бы виртуальная реальность с коментами, репостами и хештегами, это еще куда ни шло. Тут всё понятно — там все больные. Но ведь, посмотрите, и в жизни же уже так! Вы только вслушайтесь — аутсорсинг, коворкинг, мерчанд... мерчанд... Твою ж мать! Мерчандайзинг! Что это за ёп?! Это же выговаривать невозможно! Страна лайфхакеров!

Просто мужчина. Не страна вообще-то, весь мир такой. Сплошной стартап.

Парень. А я смотрю, вы достаточно продвинутый юзер. Небось и профиль в кепке есть? Признавайтесь, комментите втихаря или коллекцию кепок постите?

Инженер в кепке. Меня уже нет в соцсетях! Я не привык прилюдно обнажаться!

Просто мужчина. Не привыкли или надоело?

Девушка в мини. Вы еще это... про аутлеты с сейлами забыли.

Инженер в кепке (*подходит к Девушке в мини, тычет в нее*

указательным пальцем, затем в Парня и Просто Мужчину). Роботы!

Девушка в мини. Да вас ваще нет, если вы в сеточках не зарегистрились!

Инженер в кепке. А меня это устраивает! Мне не нужны чужие лайки и дружба с киборгами! Я живой в отличие от вас!

Инженер в кепке замолкает, падает на свое место, срывает кепку, нервно теребит в руках и качает головой из стороны в сторону. Затем поднимается, прохаживается по вагону. Останавливается около сигнального устройства экстренной связи с машинистом, смотрит поверх него – на рекламу. Из пиджака достает блокнотик, записывает.

Мужик. Чё ты там пишешь?

Инженер в кепке (совершенно спокойно, будто и не распаялся). Тут работу предлагают. (Читает вслух.) «Служба электрооборудования метрополитена приглашает...»

Мужик. Кого?

Инженер в кепке (читает дальше). «...электромонтеров тяговых подстанций... Третьего-пятого разрядов... Интересная работа, стабильная заработная плата, премиальные...»

Мужик. Не. Я – пас.

Просто мужчина (Инженеру в кепке). Вы ж философ, кажется?

Женщина с длинными ногтями. Для нашего метро это норма.

Инженер в кепке (высокомерно). Не забывайте, у меня два образования.

Просто мужчина. Толку-то.

Инженер в кепке не достаивает его ответом и углубляется в чтение.

Парень (посмеиваясь, смотрит на Лайфхакера, затем обращается к Инженеру в кепке). А коучеры для пассажиров там не требуются? Так, чтоб каждому пассажиру – по коучеру?

Инженер в кепке (*разворачиваясь*). Нет – кучера не требуются. Тут только эти... ну... надзиратели для торговшей. Идите сами смотрите.

Парень (*подходит к Инженеру в кепке, читает на скорую руку приклеенный листок*). Торговая компания набирает супервайзеров для промоутеров. Оплата высокая... (*Посмеиваясь, отходит, чешет затылок*). Да, ну мы даем, конечно. Пожалуй, вы правы были. (*Останавливается около Девуцы в мини*.)

Инженер в кепке прячет блокнотик, возвращается на место и застывает памятником с «двумя образованиями» – кепкой на голове и газетой в руках.

Парень (*к Девуце в мини, ухмыляясь*). Что ж ты на метро едь, если вся такая крутая?

Инженер в кепке отмирает, прислушивается.

Девуца в мини. Тачка заглохла.

Парень. А «Яндекс Такси»?

Девуца в мини. А чё-то влом было...

Парень. Ясный пень. Небось у метро хачи какие-нибудь выкинули.

Инженер в кепке выпрямляет спину.

Девуца в мини. Я? С хачами?!

Парень. Ну, за деньги, небось, всё равно с кем.

Девуца в мини. Ты ваще лузер! На свою мобилу с прикидом глянь.

Парень. Да уж, не айфон твой гребаный!

Девуца в мини. Идиот в левых конверсах!

Парень. Почему же в левых?

Девуца в мини. На них лейбл не тем боком.

Парень (*рассматривает свои кеды*). Да ладно те! Он же во-

обще круглый.

Наконец Инженер в кепке отбрасывает газету, вскакивает, вытягивается и принимается трясти головным убором в сторону Девушки в мини.

Инженер в кепке. Нет, это какая-то страна бреда! Бреда и брендов! Вот вы мне, девушка, можете объяснить, чем ваше облачение от одежды, ну не знаю, вот кого-нибудь из нас отличается? (*Указывает кепкой на остальных, приглаживает другой рукой нечистые волосы.*) Или вот телефон, например? Чем он лучше?

Девушка в мини. Не бренд... (*Пауза.*) Не флагман... Платформа не та...

Парень (*показывая на криперы Девушки в мини.*) Ага, у тебя зато та.

Девушка в мини. А у меня та! (*Делает селфи.*)

Парень. На фига ты вообще фоткаешься, когда вай-фая нет? Как ты свой «лайк-шер-репост» запилить собралась?

Девушка в мини. Отвали!

Инженер в кепке. Ничего не понимаю. У вас на одежде что, швы не на тех местах? Подошва как-то иначе приклеена? Кнопки в телефоне по-другому нажимаются? Что не так?

Девушка в мини. Всё. Не понтово. Не хайп. (*Продолжает делать селфи.*)

Инженер в кепке. Поймите, девушка, платье и обувь должны тело закрывать, а вы этими брендами с айфонами себе мозги компостируете... Телефон же так же звонит! Вы — зомби. У вас мозги боком.

Девушка в мини. Сам ты — зомби! Лох в кепке!

Парень. А он дело говорит, между прочим. Вот ты мне можешь объяснить, что в твоём дутом флагмане с надкусанным яблоком особенного? Какая там уже модель по счету? Сто пятнадцатая? На дыхание еще не реагирует?

Девушка в мини. А так не знаешь! Не каждому... вот... потому

что не хайп... *(Интенсивно жуёт.)*

Парень. Почему же не хайп?

Девушка в мини. Потому что не тренд — вот...

Парень. Что не тренд? Хайп не тренд? Так хайп как раз тренд. Чё ты тупишь?

Девушка в мини. Блин, я запуталась. Хватит меня троллить!
(Прячет айфон в сумочку.)

Мужик. Это вы на каком языке сейчас чирикали?

Парень. Это мы, Петь, в пинг-понг играем — всё равно стоим... Так хоть размяться.

Инженер в кепке. Именно, именно! Размяться! Всю жизнь только и делаем, что разминаемся, а как до дела доходит, мы сразу занедуживаем! Потому что шарики-мячики сплошные в голове!

Парень. Что-то вы передергиваете сильно...

Лайфхакер. Негатива много. Вот на «Лайфхак»...

Просто мужчина. Да заткнитесь вы все! Хватить уже спамить, наконец! Давайте лучше решать, как выбираться отсюда. Уж минут двадцать стоим... Надо с машинистом связаться. *(Обращается к Лайфхакеру.)* Нажмите на кнопку, пожалуйста. Вон она, рядом с вами.

Мужик. Не нажимай. Взлетим. Это они специально так сделали, вмонтировали в блок связи мину, знают же, гады, что мы первым делом на кнопку захотим нажать.

Лайфхакер *(подняв руку и поворачиваясь к Просто мужчине).* Нажимать?

Просто мужчина. Конечно, нажимайте. Что вы его слушаете.

Лайфхакер. А если он прав?

Парень *(ухмыляясь).* Вот и проверим. *(Подмигивает Мужу.)* Да, Петь? Вжих, и на кусочки...

Женщина с длинными ногтями. Вы, юноша, не по годам циничны. Мужчина, нажимайте же скорей.

Лайфхакер. Может, вы... что-то я... признаться... а вдруг он прав... вдруг...

Мужик *(смеясь).* Чё?.. Задрейфил? Да, пошутил я, нажимай.

Лайфхакер. Нет, знаете, давайте вы. Если что, то вы и отвечать будете. А вдруг на самом деле...

Парень. Если вдруг, то уже никто ни за что отвечать не будет. Нажимайте, что вы, будто в своем «Лайфхаке», отключились...

Лайфхакер. Сами идите и нажимайте, в конце концов!

Просто мужчина. Да что вы как маленький, в самом деле. На кнопку нажать сложно? Берете указательный палец...

Парень. ...направляете в сторону кнопки...

Женщина с длинными ногтями. ...нажимаете...

Мужик (*широко раскинув руки*). ...Ба-бах!

Лайфхакер (*отскакивая в сторону*). Ну уж нет. Вас вон сколько, а я один.

Парень. Вообще-то тут и одного достаточно будет.

Мужик. Чтоб взорваться...

Лайфхакер молча отходит в сторону, садится, что-то бубнит себе под нос, закрывает глаза и, откидываясь на спинку скамьи, затихает.

Мужик. Так, один готов. Сапер номер два... Кто следующий?

Никто не двигается.

Мальчик с железной дорогой. Мама, я боюсь.

Мама. Не бойся, солнце, дяди шутят... Скоро поедем... Там сломалось что-то...

Мальчик с железной дорогой (*успокаиваясь*). Мама, а когда починят?

Мама. Скоро, сынок, скоро...

Мальчик с железной дорогой. А мы не взорвемся?

Мама. Нет, конечно...

Пауза.

Парень. Что за ерунда... Давайте я нажму. (*Направляется*

к сигнальному устройству экстренной связи с машинистом.)

Мужик. Если увидишь зеленый и красный проводки — рви зеленый.

Парень резко останавливается. Топчется.

Мужик (*ухмыляясь*). Ну, чего? Жми...

Парень. Тут три.

Все. Что три?!

Парень. Проводка три.

Мужик. Да ну? Кончай лапшу на уши вешать!

Парень (*зло*). Не верите, идите и посмотрите.

Отходит от кнопки. Все срываются со своих мест. Смотрят на сигнальное устройство.

Мужик (*почесывает затылок*). Да, дела... Слышь, инженер... Глянь, это по твоей части больше.

Баба с пакетами (*голося*). Мы **загынемо** уси, да?! **Загынемо**?!

Мальчик с железной дорогой (*начинает всхлипывать*). Мама! Мама!

Мама. Сынок... не бойся...

Инженер в кепке. Да это проводка просто вылезла.

Мужик. Ну, так нажимай тогда.

Инженер в кепке (*показывает в сторону сигнального устройства*). Да мне и сказать-то туда нечего вроде... Я, собственно, не спешу.

Мужчина с кейсом. Дайте я нажму. Никакого толка от вас. А у меня завтра сделка важная... поспать хоть чуть-чуть...

Все расступаются. Мужчина с кейсом подходит к сигнальному устройству. Всматривается. Делает бессмысленные шаги вперед-назад.

Мужчина с кейсом. Странные проводки все-таки... И кнопка

блестит как-то... подозрительно, что ли...

Мужик. Кончай болтать. Нажимай. Она затерта просто. У нас же все, кому не лень, нажать норовят.

Мужчина с кейсом. А почему я?

Мужик. Ну ты же спешишь. Так ведь?

Мужчина с кейсом. Нет, ну я спешу, конечно, но не так чтоб... Да и проводки... *(Проходит на свое место, садится.)* Странно всё это как-то... странно...

Мама. Да нажмите же кто-нибудь на кнопку, наконец! Сколько можно? У меня ребенок плачет.

Мужик. Да, ситуация...

Просто мужчина. Шутить надо было больше...

Мужик. А я чё, знал, что так получится?

Просто мужчина. Вот и нажимайте теперь.

Мужик *(показывает кукиш).* На-ка, выкуси! Тебе надо, ты и нажимай.

Просто мужчина. Это вопрос принципа, понимаете – принципа. Вы это всё завертели – теперь и нажимайте.

Мальчик с железной дорогой. Мама, мама, я писать хочу!

Мама. Нажмите вы эту кнопку дурацкую, сколько можно ждать! У меня ребенок!

Мужик. Ну так вперед!

Мама. Я – женщина!

Мужик. И чё? Нажать нечем?

Мама встает, идет к кнопке.

Мужик. Хочешь сына лишиться? Валяй – дело твое... Детоубийца...

Мама *(останавливаясь и обращаясь к Инженеру в кепке).* Вы уверены, что это просто проводка?

Инженер в кепке *(отводя глаза).* Ну как вам сказать...

Мама. Вы не юлите! Это проводка, или там все-таки бомба?

Инженер в кепке. Откуда мне знать, в конце концов? Я, что ли, собирал?!

Мама. То есть вы не знаете, что там?

Инженер в кепке. Да нет, конечно. Откуда бы мне.

Мама. Бомба, значит. *(Садится на место.)*

Мальчик с железной дорогой. Мама, в туалет...

Мама *(закрывая голову руками)*. Терпи... Будь мужчиной... Боже, что же это делается...

Парень *(с издевкой)*. Будь мужчиной, малыш. Вырастешь — поможешь нам на кнопку нажать.

Просто мужчина. Подождите, давайте мыслить здраво. Попробуемся хотя бы... Ведь если бы нас хотели уничтожить, то, думаю, это уже давно бы сделали. Это во-первых... Ну, а во-вторых, вы же сами слышали, что это авария на линии, ведь не в первый раз... так почему...

Баба с пакетами. Это они хитрые... Я знаю, **донька** моя замуж выходила, а вин узяв та с Нэлькой **закрутив** одразу ж писля свадьбы, **злыдэнь**.

Просто мужчина. Женщина, подождите... при чем тут...

Баба с пакетами. А ты не перебивай, дослухай. Он же ж и прописался у ней, у **доньки** моей, и «Жигули» мы им подаруваны, а сервизов, сервизов **скильки**...

Просто мужчина. И?..

Парень. Не поддавайтесь на провокацию. Она вас заговорит сейчас.

Баба с пакетами. Зараз ни «Жигулей», ни сервизов нэма, а **донька** у нас живэ.

Просто мужчина. Так это он из-за сервизов?

Баба с пакетами. Туфик вин, шо тут ще казаты...

Девушка в мини *(Парню)*. Твоему попугаю прокатило б...

Парень. Иди ты...

Просто мужчина *(опомнившись)*. Женщина, вы к чему это всё ведете?

Баба с пакетами. Та хитрые они дуже... И нас **зараз** тэж, да? *(Обращается к Мужу.)*

Мужик. Да, да...

Просто мужчина. Вы меня слушаете вообще все — или нет?

Вы поняли, что я сказал?

Инженер в кепке. Конечно... В-третьих, там на самом деле бомба оказаться может.

Просто мужчина. Да это идиотизм просто какой-то! Взрослые же люди вроде!

Просто мужчина вскакивает и подбегает к кнопке. На него тут же наваливаются остальные. Увлекают за собой Пенсионера с кроссвордом. На своих местах остаются только спящий Лейтенант, Мама и Мальчик с железной дорогой, а также Женщина с длинными ногтями. В своем углу на скамье валяется Бомж, он что-то мямлит во сне. Свалка. Крики. «Я тебе нажму! Я тебе нажму!», «Взорвать нас всех решил!», «Да вы что, в своем уме?!», «Вали его на пол!» От криков просыпается Бомж. Сонно-пьяно поводит глазами. Поднимается. Пошатываясь, подходит к дерущимся. Смотрит по сторонам, видит сигнальное устройство и направляется к нему. Кто-то замечает его намерение и кричит: «Нет! Нет!» – но этому кому-то не дают вырваться из толпы. Бомж нажимает на кнопку. Ничего не происходит. Чей-то крик: «Он нажал! Нажал!» Все резко перестают драться, наблюдая за тем, как Бомж стоит и давит на кнопку, словно звонит в дверь.

В этот момент просыпается Лейтенант. Широко зевает, потягивается. Заинтересованно склоняет голову, но никаких действий не предпринимает.

Бомж (заплетающимся языком). За-кры-то...

Поворачивается лицом к своему месту, видит оставленный баул, возвращается, плюхается на сиденье и делает несколько жадных глотков «бормотухи».

Лайфхакер манерно поправляет пиджачок. Мужчина с кейсом, сняв свой пиджак, чистит рукава. Девушка в мини пудрит носик, красит губы и делает селфи. Парень считает количество дыр на рваных модных джинсах – не образовалось ли новых. Инженер

в кепке прохлопывает свой костюмчик головным убором. Баба с пакетами массирует то локоть, то колено, приговаривая: «Ах ты ж... Ах ты ж...» Просто мужчина, запрокинув голову, пытается остановить кровотечение из носа. В руке у него носовой платок. И только Мужик сидит довольный и сладко пофыркивает: «Хорошо размялись! Эх, хорошо!»

Мальчик с железной дорогой. Мама, я домой хочу... Писать... Пить...

Мужик. Ты определись, пацан.

Мама (*успокаивая сына*). Потерпи. (*Обращается к остальным.*) Он же описается сейчас... Что мне делать?

Инженер в кепке. Меньше химией пичкать надо. (*Указывает на бутылочку «Фанты», торчащую у Мама из сумочки.*) И так всю страну отравили... Только и знаем, что всякую гадость со-сем...

Мама. Опять вы за свое.

Мужик (*кивая на Лайфхакера*). Ага, негатива много. Весь позитив выжрал...

Инженер в кепке. Помолчите! Такие, как вы, с вашими шуточками, только беспорядки наводят. Вы посмотрите, что из-за вас произошло, кто эту дурацкую историю с кнопкой затеял!

Мужик. Я?! Я?! Чё ж ты сам не нажал?!

Инженер в кепке. Я не нажал, потому что вы... (*Тычет в его сторону пальцем.*)

Мужик. Чё — я?

Инженер в кепке. Потому что вы, вы перевернули во мне всё!

Парень. Какой вы внушаемый.

Инженер в кепке. А вы? Что же вы не нажали?

Девушка в мини. Это он всё! Гомункул! (*Указывает на Мужика.*)

Мужик. Я тя, швабра, ща по сенсорному экрану размажу! Будет селфи на все времена!

Просто мужчина. Перестаньте все, наконец! (*Убирает носовой платок в карман.*) Как выбираться будем? С машинистом же

связи нет. Что нам дальше делать?

Мальчик с железной дорогой. Ма! Писать!

Инженер в кепке. Дальше, дальше... *(Подходит к Мальчику с железной дорогой.)* Тебя как зовут?

Мальчик с железной дорогой. Саша.

Инженер в кепке. А меня — Игорь Сергеевич. Давай, Саша, так попробуем. Не «писать, пить»... А наоборот — «пить, писать» ... Ты напиток свой допей, а потом отъедь в сторонку и пописай в бутылочку.

Мужик *(восхищенно)*. Ну ты инженер!

Мальчик с железной дорогой *(Маме)*. Можно?

Мама. Конечно, дядя правильно говорит.

Мальчик с железной дорогой выпивает остатки «Фанты» и отъезжает на коляске в сторону. Разворачивается к присутствующим спиной.

Мужик. Влазит?!

Мальчик с железной дорогой *(поворачивает голову к Мужикку)*. Ага...

Мужик *(гогочет)*. Главное, чтоб не застрял...

Девушка в мини. Ка-азел!

Мужик. Овца!

Мама. Перестаньте вы, в самом деле!

Мужик. Тебя не спросил. Ты с мое поживи...

Просто мужчина *(кивает в сторону Мужика, затем показывает на пустую бутылку пива в конце вагона)*. ...попей...

Мужик. Я смотрю, у кого-то нос восстановился. Или мне кажется?

Просто мужчина. А не пошли бы вы... Я так и знал, что это вы мне нос разбили.

Мужик. Кто ж еще... Я старался.

Мама *(Инженеру в кепке)*. Спасибо вам.

Инженер в кепке. Да не за что.

Мужик *(переключаясь на Инженера в кепке)*. Он всегда так

делает. Выпьет... *(Пауза.)* ...и в бутылку! В бутылку!

Инженер в кепке. Я вам сейчас... сейчас... *(Пауза.)* ...По роже дам!

Мужик. А ты дай! Дай! Один уже дал такой! *(Кивает на Простого мужчину.)*

Мальчик с железной дорогой *(возвращается к Маме, протягивает бутылочку с жидкостью).* На.

Мама. Саша, Саша, что ж ты так... Дай я уберу. *(Завинчивает бутылочку и ставит ее под ноги.)*

Мальчик с железной дорогой. А что с дядей?

Мама *(имея в виду Инженера в кепке).* А что с ним? Он разве тоже хочет?

Мальчик с железной дорогой. Не с этим. С тем. *(Показывает пальцем в сторону.)*

Все смотрят в направлении, которое указал Мальчик с железной дорогой. На полу в скрюченной позе лежит Пенсионер с кроссвордом. Подтяжки на его спине перекручены. Из-под рубашки торчит майка. Правая нога подвернута под живот. Штанина, оголив икру, задралась. Лицо упирается в тапок. Очки съехали. В руке зажата брошюра с кроссвордами и сканвордами.

Парень. Так... *(Подходит к телу. Наклоняется. Трогает за плечо.)* Эй, эй... Вставайте. Холодно же... На полу...

Мужик. Погоди, дай я... *(Направляется к Пенсионеру с кроссвордом, пинает его ногой. Затем склоняется над телом и переворачивает его на спину.)* У нас того... Кажется, этот...

Инженер в кепке. Кто?

Мама. Кто там?

Баба с пакетами. Шо там такэ?

Женщина с длинными ногтями. Пётр, не тяните. Что там случилось?

Мужик *(возвращается на свое место, озирается, молчит, пытит и, наконец, выдавливает).* Кто, кто... Никто уже... Жмур там.

Просто мужчина. Опять вы со своими шуточками дурачками...
ми...

Мужик. Ну, ежели человек может жить с ножом в груди...

Мама (*испуганно*). Как – с ножом?

Мальчик с железной дорогой. Мама, дяди шутят?..

Просто мужчина (*подходит к телу, внимательно смотрит*).
Нет, мальчик. Дяди уже не шутят.

Женщина с длинными ногтями. Доигрались! Следовало ожидать.

Девушка в мини. Пипец, мы попали!

Баба с пакетами. Ой! Ой! Человека *вбылы!* *Вбылы!* Полиция!

Мужик. Заглохни, бабка!

Баба с пакетами (*продолжает голосить*). А-а-а! *Вбылы!* Сэр-эд била дня *вбылы!*

Просто мужчина (*замечает*). Вообще-то уже первый час ночи...

Мужик (*Бабе с пакетами*). Заткнись, говорю! А то рядом ляжешь!

Баба с пакетами замолкает, лезет в сумки, достает колбасу и нервно откусывает. Жует.

Мужик. Поминки справляешь? Не рано?

Баба с пакетами. Так *отож*, (*снова кусает*) я, как нервничаю, всэ *йим* та *йим*, *йим* та *йим*... *Сынку*, шматочек хочешь? (*Протягивает колбасное кольцо Мужуку*)

Мужик (*морщась*). Аппетита нет...

Мальчик с железной дорогой вздрагивает и начинает плакать.

Мужик. Пацан, кончай реветь! Будь мужиком!

Парень. Вы еще скажите – «слезами горю не поможешь», – так, чтоб совсем его успокоить.

Инженер в кепке. Что же теперь делать?

Мужик (*чешет затылок*). Чё, чё... Убийцу искать. Надо мыслить, из нас кто-то...

Просто мужчина. Дельное замечание, учитывая, что мы в замкнутом пространстве находимся...

Лейтенант. Полиция! Всем оставаться на своих местах!

Подходит, демонстрируя в развернутом виде удостоверение. Все поворачиваются в его сторону.

Баба с пакетами. Та мы и так на своих!

Мужик. О! Вот и рояль в кустах... Ты кто, боец?!

Лейтенант. Лейтенант Филимонов.

Девушка в мини (*нервно кивает*). Дратути.

Мужчина с кейсом (*Лейтенанту*). А позвольте полюбопытствовать...

Лейтенант (*не выпуская удостоверения из рук и близко-близко поднося его к лицу Мужчины с кейсом*). Убедились? (*Быстро прячет удостоверение в карман*.) Ваши документы!

Мужик. Чё ты дерзкий такой? Ты, лейтенант, успокойся. Сядь.

Лейтенант. Я не вас спрашиваю.

Мужик (*хлопает его по плечу*). Да брось ты, какие документы в наше время...

Лейтенант. Вы мне не тыкайте. Ваши документы. (*На этот раз обращается к Мужичу*.)

Мужик. Ща, разбежался.

Отворачивается от Лейтенанта, но тот резким движением заламывает ему руку за спину и пригибает к сиденью.

Мужик. А! А!

Лейтенант. Я сказал — документы!

Мужик. Да отпусти ты руку! Больно же!

Лейтенант отпускает руку Мужика. Тот медленно выпрямляется, разворачивается, трет запястье, что-то бубнит под

нос. Вдруг делает резкий выпад и бьет лейтенанта в челюсть. Последний теряет равновесие и падает на пол.

Мужик (*подбегает к распластанному телу*). Лежать, с-сука! Лежать, я сказал!

Мужик вдруг яростно начинает пинать лейтенанта ногами, к нему подскакивают мужчины, с трудом оттаскивают и усаживают на скамью. Баба с пакетами быстро дожевывает колбасу и снова лезет в сумку.

Мужик (*порываясь вскочить*). Менты! Ментяры поганые! Достали уже! Тут пятьсот, там тысяча... «Где ваша регистрация?! Почему не зарегистрировались?!» Сволота! Наверху от них продыху нет, так они еще в метро, как крысы! Как крысы!.. И по куску нас! По куску! Зарплата у всех копеечная, а ездят, сцуки, на джипах! Их переименовывают, переименовывают, а они как были гнидами, так и остались!

Инженер в кепке. Вы и его убили...

Мужик. Мало! (*Вскакивая*.) Таких расчлнять надо. Крысы!

Инженер в кепке (*раскачивается из стороны в сторону*). Это – конец. У нас теперь два трупа.

Парень (*ходит по вагону и нервно смеется; останавливается, зажимает нос руками, имитирует голос переводчика американских фильмов*). «Метрополитен Пикчерз» представляет: «Мертвые в метрополитене – 2».

Женщина с длинными ногтями (*Парню*). Вы с ума сошли!

Просто мужчина. Это у него нервное.

Девушка в мини начинает дико хохотать. Затем кричит: «Выпустите меня отсюда! Выпустите!» и резко бросается к дверям, пытается их раскрыть. К ней подскакивает Просто мужчина, разворачивает к себе и дает сильную пощечину. Девушка в мини оседает, всхлипывает, но вскоре затихает.

Мужчина с кейсом и Женщина с длинными ногтями лихора-

дочно хватаются за смартфоны, но сразу понимают, что связь не восстановилась. Баба с пакетами почти целиком запихивает в рот бутерброд с сыром.

Тем временем Лейтенант приходит в себя. Садится на полу. Покачивается взад-вперед. Все постепенно успокаиваются. Раздается возглас Парня: «Уф! Отпустило, кажется». Со своих мест подхватываются Лайфхакер и Мама.

Мама (почему-то обращаясь к Женщине с длинными ногтями). Помогите же кто-нибудь.

Женщина с длинными ногтями. Пусть мужчины... У меня – маникюр. Я не готова шеллак¹ портить.

Инженер в кепке (задумчиво). Что нам жизнь человеческая... Маникюр, педикюр – это да... это – жизнь...

Женщина с длинными ногтями. Вы это мне?

Инженер в кепке. Я это всем.

Инженер в кепке подходит к Лейтенанту, вместе с Лайфхакером и Мамой усаживает его на скамью.

Мама. Вам плохо?

Лейтенант (обводит всех затуманенным взглядом, останавливается на Мужике). Это сопротивление представителю власти...

Мужик (кивает на тело). Ща, полицей, компанию составишь! Представителям рая...

Лейтенант. Вот приедем...

Лайфхакер (Лейтенанту). Не злите его. У вас, кстати, в кармане флаер на курсы психологического тренинга. Со скидкой. Я вам положил, пока вы спали. Приходите. (Пауза.) Тоже.

Парень. Мы вас полечим...

¹ Шеллак (маникюр) – вид гель-лака для ногтей и соответствующей разновидности маникюра.

Мама. Вы как?

Лейтенант. Вроде ничего... Голова только кружится и подташнивает...

Мужик. Это взятки наружу просятся – пережрал...

Лайфхакер. Не слушайте его. Негатива много. Вот если бы он на «Лайфхак» пришел...

Мужик (*взрываясь*). Молчать! Молчать, урод!

Лайфхакер прижимается к спинке скамьи и защищается, делая руками неуклюжее движение, походящее на букву «Х».

Инженер в кепке (*Мужику*). Держите себя в руках. Вы хоть понимаете, что произошло? Вы человека убили.

Мужик (*часто моргая*). Кто? Я?!

Инженер в кепке. А то кто же? Мы все свидетели.

Мужик. Да вы чё? Зачем? Я его ваще первый раз вижу! (*Кивает в сторону трупа*.)

Инженер в кепке. Ну, вы же сами признались.

Мужик. Когда?!

Инженер в кепке. После того, как лейтенанта уложили. Я же вам сказал тогда, что вы и его убили... То есть я не знал еще, что лейтенант жив... А вы промолчали...

Мужик. Да ты чё! Я тебе не ответил, потому что мне не до того было.

Инженер в кепке. А вот странно как-то, что вы не ответили... Я бы, если бы не я убил, я бы ответил... А то как-то... навевает мысли определенные...

Лайфхакер (*мстительно и одновременно трусовато*). Да он это, кому же еще быть. Очень негативный человек. И лейтенанта хотел... да не получилось...

Просто мужчина. Ну, нашу власть простым хуком не вырубить... Тут в пах бить надо.

Лейтенант (*Просто мужчине*). Поговорите мне!

Лайфхакер. Не получилось, Пётр... Так-то...

Мужик. Я те ща «Лайфхак» на одно место натяну!

Баба с пакетами (*кивая на Мужика*). Вбывэць, вин и е вбывэць!

Мужик. Да вы чё, с дуба рухнули все? Я даже не знаю, кто он!

Лейтенант. На место приедем, там разберутся, знали – не знали...

Инженер в кепке. Он это, он.

Лайфхакер. А вот ходил бы на психологические тренинги...

Мужик (*нервно*). Вы издеваетесь, да? Скажите, издеваетесь? Вы чё? Жмура на меня повесить хотите? Да вы заодно все! Это – сговор! (*Подбегает к Женщине с длинными ногтями, заглядывает ей в глаза*.) Женщина, вот вы, чё, вы тоже так считаете?

Женщина с длинными ногтями (*рассматривая маникюр*). Ну, я не знаю... Но, с другой стороны... А кто, по-вашему?

Мужик (*срываясь на женский визг*). Да с чего бы мне? Я ножа с собой отроду не носил. Зачем мне этот геморрой, когда кругом мусора и металлодетекторы?! Я чё, самоубийца, – нож с собой таскать?!

Лейтенант. Приедем – разберемся. Еще срок добавят. (*Направляется к трупу, приседает, щупает пульс на запястье и шею*.) И я не мусор, я – полицейский!

Мужик. За что, полицейский?! За что кошмаришь?!

Лейтенант (*отходит от трупа*). Мертвый.

Парень. Вы б ему еще искусственное дыхание сделали при таком раскладе.

Лейтенант. Ты не умничай. (*Мужик*.) За сопротивление!

Мужик. Да ты же первый начал руку мне выкручивать!

Лейтенант. Имею право. Я – представитель власти!

Мужик. Какой, на хрен, представитель! Сейчас эти ксивы в Интернете раз плюнуть заказать! И ваще ты в штатском! Может, он и не легаш вовсе, чё вы ему все верите?!

Лейтенант. Еще и за оскорбление сотрудника правоохранительных органов намотают...

Мужчина с кейсом. Он документ показывал. Я видел. На ли-

пу не похоже. А нож, кстати говоря, всегда спрятать можно. Если грамотно завернуть, то его и не всякий металлодетектор обнаружит. Тем более он вообще не боевой, а скорее кухонный. У кого вообще вопросы могут возникнуть?

Мужик. Да мало ли чё там понаписано – в липе этой? А насчет ножа, так в чемодане – самое то его прятать. Туда даже топор влезет.

Просто мужчина. Кстати, кстати... (*Подходит к трупу*) Рукоятка большая. Петру негде было его спрятать, а вот в дипломате...

Мужчина с кейсом (*в полной растерянности*). Да вы... вы... чего вы... Я вообще крови боюсь.

Просто мужчина. Ну можно ведь и зажмурившись...

Лейтенант (*Просто мужчине, в нетерпении*). Что вы там ходите взад-вперед? Закройте труп чем-нибудь, наконец!

Просто мужчина. Чем я его закрою?

Лейтенант. Да хоть пиджаком своим!

Просто мужчина. Решительно не буду. Он же испачкается. У вас свой есть – вот и закрывайте, если вам надо.

Лейтенант подходит к телу, демонстративно скидывает с себя пиджак и набрасывает на труп.

В этот момент Мужчина с кейсом вдруг начинает производить непонятные манипуляции с чемоданчиком: то ставит в ноги, то вновь кладет на колени, открывает и закрывает, показывая содержимое присутствующим: «Видите? Тут ноутбук, планшет и зарядки. Еще спиннер. Он хорошо стресс снимает. Нож бы уже не влез». Некоторые склоняются, покачивают головами, кто-то говорит: «Но если сбоку, то – влез бы». После чего Мужчина с кейсом достает спиннер, резко захлопывает кейс и прячет его за спиной.

Мужчина с кейсом (*Просто мужчине*). Да не я это! Не я! Из-за вас, между прочим, драка началась! Вы ее спровоцировали! Спе-ци-аль-но! (*Нервно крутит спиннер*.)

Просто мужчина. Да я больше всех в этой драке пострадал.

Мне нос разбили.

Мужчина с кейсом. Э... не... это вы так... для отвода глаз... А сами... с ним вот сговорились... (*Кивает на Мужика.*) Чтоб он якобы вас... и вы вроде как ни при чем...

Лейтенант. Это уже соучастие получается.

Просто мужчина. Ерунда какая-то... Так вы вообще до абсурда договоритесь. Будто мы вместе с ним (*показывает на Мужика*) по метрополитену ходим и пенсионеров режем.

Лейтенант. Так, может, это вас на прошлой неделе в розыск объявили? Жаль, фоторобот забыл...

Просто мужчина (*не выдерживая*). Да! Меня! А пятнадцать лет тому назад я еще и в Битцевском парке орудовал! Девочками закусывал! Вы не лейтенант, вы... вы!..

Лейтенант (*предупредительно поднимает указательный палец*). Внимание – статья!

Просто мужчина. А вы не при исполнении! И вообще (*озирается по сторонам в поисках жертвы*), может, это... Парень вот этот или девица. Что вы привязались ко мне?

Парень. Мне это всё игру в «мафию» напоминает...

Лейтенант (*задумчиво почесывая переносицу*). Мафия, значит... Так я и знал. То есть вы тут все в этом деле замешаны...

Парень. Вы, уважаемый Филимонов, вслушивайтесь во фразы. Игра в «мафию»... это означает именно игру, знаете, ну как в «прятки» или «догонялки». Вам это должно быть знакомо.

Лейтенант. Не умничай, я сказал...

Парень (*с юношеским максимализмом*). А вы не тыкайте! Сами же недавно на Петра обижались... (*Кивает на Мужика.*) Уважайте сограждан.

Лейтенант (*недовольно*). Ладно, извините. Игра какая-то... что там еще за игра...

Парень (*ко всем*). Ну, если интересно, могу рассказать.

Мужик. Валяй. Рассказывай.

Парень. Ну, правила очень простые. Собирается группа милых приятелей и друзей. (*Становится на скейт, раскачивается.*) Вот почти как мы с вами. Все расслаживаются вокруг уютного

стола, желательно круглого, чтоб углов не было, а то негатив, сами понимаете... *(Лайфхакер, как болванчик, кивает башкой.)* Выбирается ведущий, который раздает всем бумажки. Бумажки чистые. И только на одной нарисован крестик. Крестик – это и есть «мафия». При этом по правилам никто свою бумажку другим показывать не может. А дальше начинается правда жизни. Город милых, добропорядочных граждан засыпает. Ведущий говорит: «А теперь глаза открывает только „мафия“». И тот, у кого был крестик, открывает глаза – знакомится таким образом с ведущим, а потом снова закрывает. После чего ведущий мило вещает: «„Мафия“ себя показала. А теперь город добропорядочных граждан, матерей-героинь и защитников Родины, просыпается, просыпается...» Игроки распахивают очи и ударяются в поиски «мафии». Кто он, где он? Но поскольку никто не знает, кому выпала бумажка с крестиком, то выбирают кого попало. Кто-то кому-то не нравится из-за внешних данных, кто-то на кого-то не так посмотрел... А кто-то в компании просто самый говорливый и, значит, самый противный... *(Кидает беглый взгляд на Инженера в кепке.)* Слово за слово – выбор сделан. Ведущий объявляет: «Голосуем. Кто „за“? Кто „против“? Ваше последнее слово...» Встает новоиспеченный «мафиози» и начинает бить себя кулаками в грудь: «Да я, да вы что, я ж за Родину воевал», – и прочую пафосную лабуду. А остальные ему: «Ты бумажку, бумажку покажи». А он: «Да не я это, не я...» – «Как не ты? Ты. Кому еще быть? Ты вон даже кадыком нервно дернул, когда на свою бумажку смотрел». – «Я сглотнул». – «А чего это ты сглотнул?» – «Так просто. В горле пересохло». – «Что это у тебя в горле пересохло, а у нас нет?.. Разворачивай давай бумажку». Ну, он разворачивает... а там, там... Там-то и пусто. Тут ведущий и говорит: «Дамы и господа, так сказать, поздравляю вас. Только что вы убили одного из своих... А сейчас, солнечные мои чикатилки, закрываем глазки и спим». Настоящая «мафия» открывает глаза и жестами показывает ведущему на свой выбор. Ведущий кивает и произносит: «„Мафия“ сделала свой выбор. А теперь вторая часть

Марлезонского балета! „Добропорядочные“ Джеки-Потрошители открывают свои глазоньки и... и... — тут важно сделать паузу... — и просыпаются без Ивана Ивановича. Иван Иванович, вы у нас уже того — в веночках». Вот тут обычно и начинается самая игра. Боевые хомячки начинают обсуждать: «А почему Ивана Ивановича убили, кто на него зуб держал?» Некоторые перемигиваются: «Ну, мы-то знаем, Иван Иванович с женой Венедикта Соломоновича, нет, мы сказать ничего не хотим, мы просто подумали... Перемигиваемся только... Хотя, если вспомнить, то и здороваются они на людях как-то так, натянуто, что ли, будто кислоту из одной пробирки пьют...» На словах же получается следующее: «А может, это Венедикт Соломонович, а? Что это вы, Венедикт Соломонович, молчите? Вы что, не с нами? Почему не обсуждаете никого? А?..» — «Ну я так, я правила еще плохо знаю». — «Да ладно вам, вы ж в прошлый раз „мафией“ оказались...» И кто-нибудь: «Точно он! Он нас в прошлый раз всех порешил... Ну так что, вы снова „мафия“? Признавайтесь. Вы или нет? Что у вас в оправдание?» — «Я, честно говоря, не очень сегодня...» — и Венедикт Соломонович, отказываясь от последнего слова, разворачивает бумажку, в которой, как несложно догадаться, тоже дырка от бублика... Дальше опять все спят, «мафия» открывает глаза, и город новоиспеченных маньяков просыпается без Розы Арнольдовны...

Мужик. Нам тут Арнольдик тоже бумажонки какие-то впаривал... Со скидкой.

Лейтенант. Пётр, не встречайте. (*Парню.*) Ну а суть в чем? Что-то я не пойму.

Лайфхакер. Маму только больше не трогайте.

Парень (*Лайфхакеру, удивленно*). Что, попал? Попал?

Лайфхакер. Дважды. Меня в честь деда назвали, а мама — Роза.

Парень. Не может быть. Нет, честно?

Лайфхакер. Да.

Парень (*усмехаясь*). Извините, случайно.

Девница в мини. Лол!

Лейтенант. Повторяю вопрос. В чем суть?

Парень. А в том, кто же победит — «мафия» или «народ»?
(Пауза.)

Инженер в кепке (вскакивает). Мафия, однозначно! Мафия у нас у всех давно вот тут сидит! (Хлопает себя по шее.) Вот как, как можно вначале рубль обвалить, а потом пенсионный возраст повышать?!

Лейтенант (Инженеру в кепке). Сядь... (Смотрит на Парня.) Сядьте...

Инженер в кепке. Хватит уже! Насиделись! Время подниматься пришло!

Женщина с длинными ногтями. Нам еще в вагоне революционеров не хватало...

Мужик (тихо, поглядывая на Лейтенанта). Ща власть свергнем...

Лейтенант. Да погодите вы все... Что, фишка просто в том, кто кого... так?

Просто мужчина. Фишка игры в том, что мы готовы ближнего своего просто так... просто потому, что кому-то что-то вдруг померещилось... просто взять и... убить!

Парень. Совершенно верно. Ведь, как правило, «мафия» почти всегда выигрывает. Потому что каждый руководствуется своими, какими-то только ему понятными умозаключениями. Кто-то до игры в «мафию» на кого-то не так зыркнул, кто-то чужую жену... что-то там... И, что интересно, у так называемого добропорядочного гражданина цель, как ни странно, не просто выжить — но убить, чтобы выжить... А для «мафии» норма — и провокатором быть, и путать всех; более того, если на него вдруг укажут, он же имеет право на последнее слово и, если у него хорошо подвешен язык, он легко может всех переубедить и перевести стрелки на кого-нибудь другого... Но поскольку каждый играет сам за себя, то сплоченной команды у игроков не получается... Вот «мафия» и убирает всех по одному... А если много играющих, и «мафии» две... То вообще нереально выжить. Поскольку один «мафиозник» другого еще и прикры-

вает.

Инженер в кепке. Мафия всегда одна!

Парень. Я не об этом.

Инженер в кепке. А я об этом! Об этом! Вот вы думаете, у мафии хамон с пармезаном на столах не лежит? Э, не! Ошибаетесь! У них уже холодильники от контрафактов ломаются! Поверьте мне, у коррупционеров... Да, именно! Не побоюсь этого слова!.. Кор-руп-ци-о-не-ров!.. Всё-всё на столах лежит! И вместо того чтобы народ кормить, они эти контрафакты в своих брюхах уничтожают!

Мужчина с кейсом (*усмехаясь*). Бросьте. У всех пармезан на столах лежит, просто не все об этом в «Фейсбуке» пишут.

Женщина с длинными ногтями (*смеется в голос*). Вы еще, Игорь Сергеевич, про масонов с иллюминатами забыли...

Лейтенант. Так, а ну-ка все! Кончайте мне тут балаган устраивать! Власть им не нравится... Я, между прочим, представитель!..

Парень (*задумчиво*). Вот такая игра в «мафию»... Вот такой лайфхак по взлому жизни... (*Отталкивается ногой и едет на скейте по вагону*)

Все молчат. Каждый занят своими мыслями. Инженер в кепке начинает вздыхать. Баба с пакетами, будто что-то поняв, вдруг застывает над сумками, но потом продолжает движение и погружается в них с головой. Мальчик с железной дорогой откидывается в инвалидной коляске, дремлет. Мама протягивает руку и нервно перебирает кудри сына. Просто мужчина ходит взад-вперед по вагону и приговаривает: «Да, да... да, да... мафия, мафия... По одному...» Лейтенант чешет затылок, Бомж что-то бормочет во сне, будто разговаривает с невидимым собеседником. Видимо, ему снятся кошмары. Лайфхакер с интересом поглядывает на Мужчину с кейсом. Тот отводит глаза.

Женщина с длинными ногтями. Гнусно это всё...

Инженер в кепке. Куда уж гнуснее! Парень дело говорит, ма-

фия всегда выигрывает. Пока мы тут в метро... Они там наверху жируют!

Просто мужчина (*остановившись*). Вы не так поняли... Суть игры в том, что простой человек – он как раз и есть мафия... Чтоб найти настоящую мафию, надо почти всех убить... И если образно, то это не государство нас уничтожает, а мы его... В нас в каждом убийца живет.

Инженер в кепке. Знаете, вы всех под свою гребенку... Не надо вот этого!

Просто мужчина. Да? А вы забыли, как на Петра накиннулись? Вы что, видели, как он убил? Или вам померещилось, а? Парень правильно говорил – чтоб себя выгородить... Может, все-таки это вы – мафия, а?

Парень (*поправляя Просто мужчину*). Убийца, вы хотели сказать.

Просто мужчина. Да одна петрушка... Ты ж понимаешь... Я никого не обвиняю, но мы ведь правда – еще чуть-чуть, и невинного бы обвинили... Вот просто так, потому что нам показалось... Так и подмывает спросить, а кто же написал миллионы доносов?..

Мужик. А ты чё его выгораживаешь, может, вы того?.. В сговоре?

Просто мужчина. Я имен их даже не знаю... (*Кивает на Мужчину с кейсом, а затем на лежащее тело.*) О чем вы говорите?..

Мужик (*хмыкая*). Ну, убийство еще не повод для знакомства...

Баба с пакетами. Так кто вбив, колы никто нэ вбивав?

Мужик. Да ты, бабка, и замочила. Вон у тебя сумки какие. Там нож самое простое спрятать... Арнольд! Ко мне! Искать! Нож, сумка, сумка, нож... (*Погавкивает.*) «Лайфхак»!

Лайфхакер (*гордо дернув головой на тонкой шее*). Не смейте со мной в таком тоне!

Мужик. А в каком тоне, голуба моя, тебе бы хотелось?.. Ладно, сбрызни... Ты наверняка острее пилочки для ногтей ничего не держал, куда тебе...

Девушка в мини. Так кто старпера прихлопнул?

Парень. Начинается...

Просто мужчина. А мы все... Вы не поняли?

Мужик. Ну уж нет. Я на себя групповуху брать не буду. *(И тут его озаряет.)* Слушайте, а давайте его за окно выкинем! А то полиция, у меня регистрация опять же просрочена... *(Смотрит на Лейтенанта.)* Звиняйте, запямятовал, тут же у нас представитель как бы...

Поднимается, подходит к окну вагона, дергает вбок фрамугу.

Лейтенант. Стоять! Стоять, я сказал! Два шага назад!

Мужик *(набычившись)*. Ты чё, чё ты... Давно не чмырили?

Лейтенант. Сядьте на место! Никому никаких действий не предпринимать!

Женщина с длинными ногтями. Правда, Пётр, садитесь. Зачем нам еще сокрытие улик... Вы в своем уме?

Парень. Сокрытие улик при полицейском – это будет бомба...

Мужик. Ну, сесть я, положим, всегда успею. *(Все-таки возвращается на место.)*

Мужчина с кейсом *(шустро крутит спиннер)*. Давайте размышлять логически. У кого мог быть нож?

Парень. Да у кого угодно... Вот хоть у лейтенанта.

Лейтенант. Я?!

Девушка в мини *(хлопая жвачным пузырем)*. А вай нот?

Парень. Вы вроде как с нами едете. Или не с нами? Или вы в другом вагоне?

Лейтенант. В каком другом?

Парень. Правильно. Другого-то и нет... Мы же в последнем едем, а перед нами – сломанный. *(Показывает в сторону предполагаемого вагона.)* Вон, свет не горит, и внутри – никого.

Просто мужчина. Символично как всё... Мы все едем в последнем вагоне...

Парень. Да, да... За нами тоннель, а впереди – пустышка.

Лейтенант. Я и без тебя... вас... это знаю, вы к чему это?..

Парень. А к тому, что раз вы с нами ехали, то тоже причастны.

Лейтенант. Я же в драке не участвовал...

Парень. Разве?

Лейтенант. Я спал, вы что?! Я же после драки проснулся... И подошел уже только тогда, когда вы тут... труп сделали.

Женщина с длинными ногтями. То есть вместо того чтобы, как представитель власти, разнять драку, вы...

Инженер в кепке. Они всегда так: как что-то происходит, полицию не дозовешься.

Мужик. Зато они на трупы, как вороны, слетаются... Стаями.

Лейтенант *(повторяясь)*. Да вы же сами знаете, я ж из конца вагона к вам подошел! После драки уже.

Парень *(пожимая плечами)*. Нет, не знаем. Честно, не знаем. Я, например, могу предположить, что вы во время драки подбежали, сделали свое мокрое дело и на место вернулись – типа спите...

Лейтенант. Пацан, ты что?! Опух?! Я спал! Спал!

Мужик. Во! Власть труп проспала.

Инженер в кепке. А что вы хотите, если у нас на Красной площади...

Просто мужчина. Да погодите вы со своим политиканством! Скажите, Филимонов, это правда, что вы, как парень сказал...

Мужик *(продолжая измываться)*. Исподтишка кокнул. Негоже, негоже. Нас бы позвал, мы б подсобили кто чем.

Лейтенант *(в панике)*. Да это бред! Просто бред какой-то! Вы все больные! Вы рехнулись! Я не мог отреагировать! Я спал!

Мужик. А надо было реагировать! Надо было не спать!

Лейтенант *(пятитяся, показывая на каждого пальцем)*. Это вы, вы...

Парень *(задумчиво)*. Ну это как посмотреть... Не видать вам теперь звездочек новых.

Лейтенант. Это просто мафия какая-то! Вы же сами про игру рассказывали! Вы шутите, да?

Парень. Какие уж шутки теперь, когда труп в вагоне.

Лейтенант (*бьется в истерике*). Но там же отпечатки!

Просто мужчина. Отпечатки? Вы в каком веке живете? Будет убийца в такой ситуации отпечатки свои оставлять, он что, умалишенный?

Лейтенант. Вот приедем на место, там разберемся. Должно же было что-то остаться...

Все осуждающе и недобро смотрят на него, кивают головами, будто говорят: «Знаем, как же, не вы это...»

Не убивал я! Честное слово, не я это!

Мужик (*расслабившись, садится на скамью*). Так, ну убийцу мы, походу, нашли. Да, Арнольдик?

Лайфхакер делает вид, что не слышит.

Просто мужчина. Кстати, там на теле столько отпечатков... и все, между прочим, наши... А вот рукоятка ножа, думаю, чистая. Убийца же не дурак.

Мужчина с кейсом. Откуда такая уверенность?

Парень. Фильмов посмотрелся.

Просто мужчина. Это ваше поколение на сериалах и блокбастерах выросло. А я за нашей Родиной не первый год замужем. Опыт – будь здоров... Не будет там отпечатков на ноже.

Мужик. Ваще это всё на подставу какую-то смахивает. Только вот в чем – не пойму.

Женщина с длинными ногтями. Что же тут непонятого – труп на нас повесили. На всех причем.

Инженер в кепке. Мафия это всё!

Девушка в мини (*обращается к Просто мужчине*). А если там наши отпечатки, на боди, так, мож, его почистить?

Мужик (*к Бабе с пакетами*). Пылесоса со стиралкой в сумке не завалилось? А? Ну ладно... жуй дальше... (*Девушке в мини*.) Чем ты его чистить собралась, дура?

Парень (*злоеще*). «Тайдом»... Мы идем к вам. Белый ли у вас саван?

Просто мужчина. Так его не отчистишь, разве что нитки какие от нашей одежды снять... или еще что-нибудь... (*Склоняется над трупом.*)

Лейтенант (*вскакивает*). Ничего не трогать! Это улики! Не трогайте, вам говорят!

Просто мужчина. Раньше надо было думать. До драки еще.

Лейтенант. Я спал!

Просто мужчина. Вот и идите спать. Зачем людей подставляете? Вдруг рядом с телом чей-то предмет, а его обладатель к убийству никакого отношения не имеет. Мы ведь вашу братию знаем. Затаскаете потом.

Инженер в кепке. Правильно. Всю страну то сажаете, то выпускаете, то сажаете, то выпускаете! Будто мы скот какой! Только из автозака выйдешь — тут же в другой упаковывают!

Лейтенант. Не позволю!

Подбегает к телу, дорогу ему преграждает Мужик.

Мужик (*выпячивая грудь*). Стоять, бояться!

Лейтенант несильно толкает его в грудь. Мужик хватается за руку. К Мужику присоединяются остальные. Начинается новая драка. Мужчина с кейсом бьет Лейтенанта чемоданчиком в лицо. Лейтенант падает около трупа. Его пинают ногами. Женский голос: «Вы убьете представителя власти, убьете!» Этот крик действует на всех отрезвляюще. Пассажиры впадают в ступор. Лейтенант опирается на труп, засовывает руку под пиджак, скрывающий тело, и выдергивает нож. Встает, пошатывается. С лезвия стекают кровавые капли. Лейтенант направляется к обидчикам, те разбегаются.

Баба с пакетами. Цэ вин, вин — **вбывець!**

Просто мужчина (*направляется к Лейтенанту*). Бросьте нож!

Не-ме-дле-нно!

Лейтенант топчется на месте, что-то для себя решает, ошалело смотрит на пассажиров и, наконец, бросает нож на пол. Бьет по нему ногой. Нож скользит по вагону, оставляя на полу неровный малиновый след, и замирает около Бомжа, который давно проснулся и копается в своем скарбе. Бомж приподнимает баул и ставит поклажу прямо на нож. Лейтенант падает на сиденье и закрывает лицо, трясется, кажется, что он плачет. Все постепенно возвращаются на свои места.

Просто мужчина (*подходит к Бомжу*). Поднимите, пожалуйста, сумку. У вас под ней важная улика.

Бомж. Не по-дни-му.

Просто мужчина. Это нож. Хотите в тюрьму попасть?

Бомж. Там хоть... кор-мят... (*Тычет бутылкой Просто мужчине в лицо*.) Вали отсюда. Ва-ли, я сказал!

Мужик (*кричит*). Оставь его! На него и спишем! У кого нож, тот и убийца!

Просто мужчина возвращается. Бомж продолжает меланхолично рыться в бауле. Нож из-под днища не достает. В этот момент просыпается Мальчик с железной дорогой и начинает плакать. Мама его успокаивает. Через какое-то время Мальчик с железной дорогой принимается икать.

Мама. Дайте воды... Кто-нибудь...

Баба с пакетами вытаскивает из сумки двухлитровую бутылку минералки и протягивает Маме.

Мама. Спасибо.

Мальчик с железной дорогой продолжает плакать. Мама разворачивает коробку, вытаскивает вагончики, дает сыну мине-

ралку, — тот пьет и через какое-то время затихает, играет. Икать тем не менее не перестает. Мужик поднимается со своего места, раскачивается — с вызовом смотрит на Лейтенанта, затем направляется к трупу. Склоняется, что-то поднимает.

Мужик. О, оторвалась. *(Вскидывает руку.)* Чья пуговка?

Все принимают осматривать свою одежду.

Парень *(обнаружив недостающую деталь на заднем кармане джинсов).* Моя.

Мужик. Иди, бери. Вещдок.

Лейтенант *(не предпринимая никаких действий).* Я... Я... Это статья!

Мужик *(с довольным видом похлопывает его по плечу).* Ты не переживай. Отпечатки пальцев у нас теперь есть. А может, и бомжара на себя грешок возьмет.

Парень подходит к Мужiku и забирает пуговицу. Остальные тоже потихоньку подползают к убиенному, скидывают пиджак Лейтенанта и, стараясь не дотрагиваться до тела Пенсионера с кроссвордом, принимают снимать с его одежды кто нитку, кто ворсинку. Отчищают его штаны от следов обуви.

Девушка в мини. А! Он дернулся!

Лейтенант. Дайте я! *(Быстро подскакивает, отстраняя остальных, склоняется над трупом, снова щупает пульс.)* К сожалению, мертвый. Теплый еще, но мертвый.

Мужик *(тоже склоняется над трупом, но ему мешает Лейтенант).* Ну-ка. Да не мешай ты! Да не,дохлый вроде.

Девушка в мини. Хайли лайкли¹дохлый?

¹ *Хайли лайкли* (англ. highly likely) — с высокой степенью вероятности. Используется как *интернет-мем*, высмеивающий несостоятельность по-

Мужик. На все сто дохлый.

Мужик начинает интенсивно шарить в карманах убиенного. При всех достает кошелек, раскрывает, пересчитывает деньги, со словами: «Не густо» кладет себе в карман. Мужчина с кейсом вынимает из руки трупа брошюру с кроссвордами и сканвордами, возвращается на свое место, садится около Женщины с длинными ногтями. Лайфхакер заботливо прикрывает тело пиджаком Лейтенанта, отходит к скамье и умиротворенно садится. Вытаскивает пилочку для ногтей и начинает чистить ногти. Мимо него проходит Мужик, хитро подмигивает Лайфхакеру и пятерней ворошит ему волосы на голове: «Я же говорил! Голуба моя». Лайфхакер взбрыкивает: «Оставьте меня в покое!»

Девушка в мини втихаря делает фото трупа на айфон, но от внимательного взгляда Мужика это не ускользает.

Лейтенант (*чуть не плача*). Что же вы... что же вы...

Мужик. Глохни уже... представитель...

Женщина с длинными ногтями (*кивает в сторону трупа и обращается к Мужчине с кейсом*). Пенсионера кроссворд?

Мужчина с кейсом. Да... всё равно... там уже (*машет в направлении лежащего тела брошюрой*) переворошили всё...

Лейтенант (*Мужику*). Мародер.

Мужик. Убийца!

Парень. Не зря мы в одном поезде застряли. Одни стрелочники...

Мужик. Это ты мне?

Парень. Это я нам всем. Ну вы даете... Я же пошутил. При чем здесь лейтенант?

Мужик. Ну не... так дело не пойдет. Ты ж сам сказал, что это он.

Парень (*достает смартфон*). О'кей, гугл! В какой части тела

литических высказываний (в частности, прозападных).

находится мозг у человека? Нет ответа, вай-фай отключен... (*Прячет смартфон в карман.*) Вы вообще в своем уме? Я же только предположил, имея в виду, что это и он может быть. Вы разницу чувствуете между «может быть» и «есть»? Мы же сейчас и его чуть не убили... Из-за ерунды какой-то! Еще чуть-чуть и... у нас бы на самом деле два трупа было! Понимаете, не один, а – два!

Мужик. Не жалко. Одним ментом меньше.

Просто мужчина. Да, если вдуматься, уродство колоссальное. Мы так друг друга поубиваем почем зря, как в вашей «мафии».

Женщина с длинными ногтями. Уже в «нашей».

Мужик подходит к трупу, приподнимает безымянный палец правой руки убиенного, которая выглядывает из-под пиджака Лейтенанта.

Просто мужчина. Что вы там делаете?

Мужик (*напряженно*). Да кольцо обручальное. Только сейчас заметил. Ч-черт, не снимается. Какросло прям!..

Просто мужчина (*таким тоном, что Мужик отскакивает от тела*). А ну-ка, займите свое место немедленно, а то я за себя не ручаюсь! Скажите спасибо, что мы на кошелек глаза закрыли.

Мужик (*возвращаясь на место*). А чё – я? Вот он кроссворд взял. Каждому свое. Ему-то зачем теперь?..

Инженер в кепке. Ну и страна! По клочку, по нитке, лишь бы успеть. У трупа уже... Во дошли! Никого не стесняемся.

Мужик. А кого стесняться? Все ж свои.

Женщина с длинными ногтями. Да, Пётр, признаться, не ожидали мы от вас.

Мужик (*искренне*). Да зачем ему?

Просто мужчина. Затем, чтоб в гроб как человека положить.

Мужик. Да зачем ему деньги там? Тем более такие...

Женщина с длинными ногтями. Это уже не ваша забота. Он,

между прочим, с нами ехал. Домой, наверное, к жене. А вы...

Инженер в кепке. Горбатого могила исправит, что ему объяснять!

Мужик. Вот только про могилу не надо! Не надо, хватит уже! Подавитесь вы своим кошельком! Нате! *(Кидает его на пол.)*

Просто мужчина. Нам чужого не надо – это ваши трофеи. И вообще, положите туда, где взяли.

Мужик *(смотрит вниз, думает, что-то решает, поднимает кошелек, вытаскивает из него купюры, запихивает деньги в карман своих брюк, выуживает грязный носовой платок, аккуратно вытирает кошелек от отпечатков, затем бросает его на пол и мыском кроссовки направляет под дальнюю скамью).* Ну уж нет, дудки... Они мне еще пригодятся. Вам-то что... а у меня две отсидки в прошлом... и лейтенант недобитый... он-то свое веское слово вставит...

Лейтенант. Вот вы почему на меня убийство хотели повесить...

Мужик. Да пошел ты. Это пацан всё, со своей «мафией»... Запутал всех.

Парень. Это мы сами себя запутали. Только там игра, а тут...

Просто мужчина. Да... Доигрались мы. Мало того, что в застрявшем вагоне, так еще и с трупом в придачу...

Женщина с длинными ногтями. Обычно в лифтах застревают...

Парень *(недобро).* Представляю: нас всех в лифт засунуть и в «мафию» предложить поиграть... Кто бы выжил?

Мама. Хорошо хоть свет есть.

Баба с пакетами *(задумчиво).* А то бы *усих* повбывалы...

И тут резко гаснет свет.

Мужик. Сглазили вы, бабы! Какюк нам теперь!

Парень *(на нерве, с похихикиванием и зажав нос).* «Метрополитен Пикчерз» представляет: «Психоделический триллер „Метрофобия“». В главных ролях: Пётр, рецидивист *(голос удаляется),*

Лейтенант Филимонов в роли маньяка – убийцы пенсионеров, Игорь Сергеевич, инженер, – он же инженер человеческих душ, Арнольд – продвинутый «голубой» коучер... падшая фитоняшка в наколках... Кончай меня щипать... шучу я.

Женщина с длинными ногтями. Опять вы за свое?

Просто мужчина. Это у него нервное.

Парень (*продолжая; с кокни¹-подмосковным акцентом*). The next station is «Doroga v Ad»...

Занавес.

Антракт.

¹ *Кокни* (англ. Cockney) – один из самых известных типов лондонского просторечия, назван по пренебрежительно-насмешливому прозвищу уроженцев Лондона из средних и низших слоёв населения.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ ЖЕРТВЫ

Голоса в темноте.

Мужик (*со смешком*). Эй, инженер! Это по твоей части. Вкрути лампочку.

Инженер в кепке (*серьезно*). Лампочка тут ни при чем — это на линии...

Мальчик с железной дорогой. Мама, я боюсь!

Мужик (*измываясь*). Не бойся, сынку, мы — в аду...

Мужчина с кейсом. Перестаньте изгаляться! Это же ребенок!

Женщина с длинными ногтями. Нажмите кто-нибудь на кнопку! Может, сработает в этот раз!

Инженер в кепке. Да уж, пусть сработает хоть что-нибудь...

Парень. Я уже нажимал. Без толку.

Мужик. Мало того что душно, так еще и не видно ни хрена!

Баба с пакетами. А ты виконце видкрый.

Мужик (*хмыкает*). Чё, так светлее станет?

Раздается звук отодвигающейся фрамуги.

Парень. Что дальше делать будем? Кого еще уьем?

Просто мужчина. Ждать. Что еще остается...

Парень. Может, через окна попробуем вылезти?

Лейтенант. С места преступления? Не позволю!

Мужик. А ты не увидишь...

Внезапно загорается свет. Пассажиры щурятся. Мужик стоит около приоткрытой фрамуги спиной к остальным.

Девушка в мини. О! Свет врубили!

Парень. А ты в темноте не любишь, да?

Девушка в мини вопрос игнорирует.

Просто мужчина. А где?.. Где?.. *(Начинает кашлять.)* Где труп?

Все смотрят на то место, где лежал убиенный. На полу валяется только пиджак Лейтенанта.

Баба с пакетами. Втик.

Парень. Ага. С колотой раной в груди... Я так часто делаю, зарежусь на досуге — и хожу, хожу... Думаю, зачем я это сделал... маюсь — покоя мне нет...

Лейтенант. Это как так?.. Это вы его в окно, что ли?

Мужик *(поворачиваясь).* А?

Лейтенант. Вы зачем его в окно выбросили?

Мужик *(смотрит туда, где лежал Пенсионер с кроссвордом).* Да зачем мне? Да он бы и не пролез.

Просто мужчина. А куда он мог деться?

Мужик. Не знаю, не знаю. Может, закатился куда?..

Инженер в кепке. Так поезд же не двигался. Да и куда он закатиться мог?

Парень *(юродствуя).* Сразу видно — ин-же-нер...

Мужик *(в растерянности).* Ну я не знаю, может, он сам... Я читал, так бывает... после смерти... от шока...

Парень. Где это вы такую глупость читали?

Мужик. Ну или по телику... А и в самом деле, куда он?..

Лейтенант поднимает пиджак с пола, отряхивает, надевает, затем встает на скамью, высовывается в оконный проем, смотрит вниз. Разворачивается и прыгивает.

Лейтенант. Нет там никого.

Женщина с длинными ногтями. А вы хорошо смотрели? Мо-

жет, он под колеса закатился?

Несколько пассажиров подходят к окну, встают на скамью, мешая друг другу, просовывают головы во фрамугу.

Просто мужчина. Хоть глаз выколи.

Мужчина с кейсом. Да нет, привыкают глаза... вроде...

Девушка в мини (*визжит*). А-а-а! Крыса!

Мужик. Ух, жирная какая... Пшла отсюда!

Инженер в кепке. Пусто.

Неповоротливо спускается. Остальные, один за другим, следуют его примеру. Очищают сиденья от следов обуви.

Девушка в мини. Отврат полный! Крысятина!

Инженер в кепке. Не мерзее нас с вами... Так где все-таки труп?

Парень (*в своем стиле*). Отлично оттягиваемся. В «нажми кнопку» уже играли, в «убей пенсионера» – тоже, сейчас будем – в «искать труп». Мне это компьютерный квест напоминает.

Просто мужчина. Я смотрю, ты у нас по части игр большой спец.

Парень. Ага, только в этой я правил не знаю. А так вообще отличная тусня...

Лейтенант подходит к Мужуку.

Лейтенант. Где труп?

Мужик (*пожав плечами и скорчив глумливую физиономию; глазки бегают*). Понятия не имею.

Лейтенант. Вы у окна стояли. Значит, вы...

Мужик (*морщит лоб – делает вид, что думает*). А, вспомнил. (*Пауза.*) Это бабка окно попросила открыть, чтоб на меня всё спихнуть. А сама взяла его и съела в темноте... Они, рагули

эти, после Майдана очень прожорливыми стали. Всё жрут и жрут.

Баба с пакетами (*застывая с бутербродом*). У мэнэ нервная почва.

Мужик. Вот она ее и удобряет... трупиками.

Лейтенант. Я серьезно.

Мужик (*разводя руками*). Не брал я, на хрена мне чужое.

Лейтенант (*цедя сквозь зубы*). Ладно, разберемся. Приедем только, ты у меня попляшешь...

Лейтенант достает сигареты и надолго уходит в противоположный от Бомжа конец вагона. Открывает верхнюю фрамугу, нервно закуривает и садится.

Парень (*вслед Лейтенанту*). Нас раньше диггеры найдут, чем мы приедем! (*К остальным*.) Линять отсюда надо. Тут что-то непонятное происходит.

Мама (*Лейтенанту*). Не курите в вагоне! У меня – ребенок!

Лейтенант. Отстаньте!

Просто мужчина (*Парню*). Куда линять? А если поезд поедет? Он же раздавит всех.

Парень. А мы назад пойдем.

Лайфхакер. За ним же следующий идти может. (*Достает вейп*.)

Мужик (*Лайфхакеру*). Откуда знаешь? В паровозики играть любишь?

Лайфхакер. Злой вы, негативный человек! (*Выдувает клубы пара*.)

Мужик (*хохоча*). Ну, это, голуба моя, кому как.

Мама (*Лайфхакеру*). И вы туда же!

Лайфхакер. Это – вейп! Он – безвредный! Сигареты давно уже прошлый век!

Просто мужчина. Вейп безвредный? Ну-ну...

Парень. Ага. Откажитесь от никотина, курите вейп! Забейте легкие канцерогеном!

Лайфхакер. Да, безвредный! Почувствуйте амбре! Вишневая

косточка, между прочим!

Мужик. Вишневую косточку неплохо бы...

Просто мужчина. Пётр, молчать!

Мужик. Я хотел сказать, что косточку неплохо бы на эти проверить, как их...

Мужчина с кейсом. Токсины.

Просто мужчина (*сочно и с расстановкой; специально для Лайфхакера*). Акролеин. Формальдегид. Диацетил. Сплошные витамины.

Парень (*не выдержав*). Послушайте, но ведь не сидеть нам тут до второго пришествия? Что ж вы, как инкубаторские, в самом деле?! Блин, Арнольд, я из-за этого дыма как в турецкой бане себя чувствую. Убери ты свой ингалятор, наконец! (*Машет рукой, разгоняет пар*)

Лайфхакер (*в задумчивости прячет вейп, уходит к Лейтенанту*). У вас сигаретки не будет?..

Парень становится на скейт, едет в угол к Бомжу, дергает последнюю дверь, та не поддается; возвращается, по пути без особой надежды рвет аварийные рычаги открытия дверей, затем останавливается около средних дверей и пытается раскрыть створки. Безрезультатно.

Просто мужчина (*Парню*). Стой! Не по рельсам же нам идти? Хочешь, чтоб током ударило?

Инженер в кепке. В метро током не бьет, в метро — сразу убивает.

Мужик (*с восторгом*). Инженер!

Парень. И правда... (*Откатывается на скейте от дверей*). Ну что ж, тогда будем мучиться — в «найди киллера» играть. (*Обращается к Бабе с пакетами*.) Угостите чем-нибудь, пожалуйста, очень есть хочется.

Баба с пакетами (*достает из сумки пирожок и протягивает Парню*). На, поижь трошки, сынку, замори чэрвячка.

Инженер в кепке (*медленно раскачивается из стороны*

в сторону, набирает темп, вдруг начинает орать). Замори... замори... заморили... Человека убили! Че-ло-ве-ка! Вот просто так — в драке какой-то... Ехал себе, ехал, и всё... и не доехал... Нам человека, как оказалось, убить — это (показывает на Бабу с пакетами и Парня) что пирожок съесть! Есть человек, и нет его!.. Вы «На дне» Горького читали? Так это про нас про всех! (Бегаёт по вагону.) А мы даже не на дне — мы вообще под землей. В могиле! Мы — трупы все. Мы — затерянные под землей. И это не пенсионер умер! Это мы! Мы — сдохли здесь! Сегодня! Сейчас! Я еще час назад нормальным человеком был, понимаете, я жил, как простой смертный. И только сейчас оказалось, что я умер. Что не жил я вовсе никогда, если вот так просто поддался... сломался...

Все с удивленными лицами смотрят на его хаотичные передвижения и слушают сумбурные выкрики.

Мужик. Так ты убил?

Инженер в кепке (*подбегает к нему*). Да вы не понимаете... То, как мы сейчас себя ведем... это уже неважно, кто воткнул... Понимаете — не важно!.. Мы ж как стервятники, — вы вот деньги утянули, мужчина кроссворд взял, просто так вот подошел пожитейски, как будто каждый день это делает, и взял кроссворд... у мертвого пенсионера... Парень — пуговку... да и я... хорош...

Парень. Вы-то что?

Инженер в кепке. А я смотрел на вас и не останавливал. Я тогда точно с душой прощался.

Просто мужчина. Классическая интеллигентская позиция. Болтать и ничего не делать.

Парень. С душой прощаться. Рефлексовать.

Инженер в кепке (*бия себя кулаками в грудь*). Согласен с вами! Абсолютно с вами согласен! Знаете, я будто всю жизнь в вагоне ехал... ту-ту, ту-ту... А куда приехал? Куда?! Всё, нет меня! Сдох я здесь! Душу, душу потерял...

Мужик. А ты поищи. Может, и труп заодно найдешь.

Инженер в кепке (*подбегает к Мальчику с железной дорогой, берет у него один из вагончиков*). Я отдам, отдам, Саша... Я не убегу... Мне уже некуда... Боже мой... Как это всё обыденно оказалось... А ведь не война... Вагон просто какой-то... (*Поднимает игрушку вверх*.) Каких-то несколько минут, несколько человек — и ты убийца! И кого? Пенсионера!

Мужик. Можно подумать, пенсионер — не человек, его уже убить нельзя.

Мужчина с кейсом. А был ли дедушка? Я вот уже и не уверен.

Парень. Лайфхак! Убей пенсионера — помоги пенсионному фонду страны!

Девушка в мини. Ага! Крутой флешмоб можно замутить!

Инженер в кепке. Вы не шутите! Не шутите! Вы не то место для этого выбрали!

Просто мужчина. Это у них нервное.

Инженер в кепке. Вы еще все не поняли, что произошло. Мы же не пенсионера убили. Понимаете? Это мы себя зарезали. Походя, в вагоне!

Парень. Как в игре — я же говорил.

Мужик (*кивает на Инженера в кепке*). Эк его разбирает-то!

Инженер в кепке (*падает на сиденье*). Эх, люди, люди... Вы же не его жизнь взломали! Вы свою взломали!..

Возвращает Мальчику с железной дорогой игрушечный вагончик, низко опускает голову и, закрывая лицо, делает «двойной фейспалм» ладонями. Мальчик с железной дорогой пристегивает вагончик к игрушечному локомотиву и втягивает в игру Маму.

Остальные потихоньку, пряча глаза, подтягиваются к Бабе с пакетами.

Мужик. Мать, не будет пожрать чего? Оголодал я.

Баба с пакетами. Йиж, йиж, сынку... Тоби с сыром чи з ковбасой?

Мужик. И с тем, и с тем... И откуда у тебя столько жрачки?

На Майдане же уже не кормят.

Баба с пакетами. Та я ж у ресторане работаю. Со смены еду. Вы йижтэ, йижтэ...

Баба с пакетами угощает бутербродами и других. Все начинают жадно жевать.

Инженер в кепке (*оторвав руки от лица и подняв голову*). Даже сейчас... даже когда у нас труп... вы едите... никуда не едите, а едите... все, как один... Ну что вы за люди!..

Мужик (*с набитым ртом*). Так нет трупа-то... Ты чего? Нет трупа — нет проблемы. Это ж — здорово!

Инженер в кепке. О! Как это всё... Уже с ног на голову...

Женщина с длинными ногтями (*обращаясь к Инженеру в кепке*). Вы, конечно, где-то правы, но при нашей жизни, скорости, смене впечатлений... СМИ, Интернете, соцсетях наконец... Убийство уже не так и удивляет. Мы, в некотором смысле, даже привыкли. Смерть еще не пришла, а мы уже венки заказываем и к комментариям в «Фейсбуке» готовимся. Новых инфоповодов ждем. (*Откусывает от бутерброда.*)

Инженер в кепке. Так это-то и ужасно! Для нас жизнь человеческая — пшик! Вы вот жуете, а мне кусок в горло не лезет!

Мужик. Надо себя заставлять... А то вондохлый какой, кто ж тебя на тяговую подстанцию возьмет?

Женщина с длинными ногтями (*Инженеру в кепке*). У меня просто трезвый ум и хороший аппетит. Почему я должна умиаться из-за какого-то там пенсионера? Ну, убили... Да, согласна, нехорошо получилось. Вроде и до пенсии в нашей стране дожил, а так нелепо погиб. Страшно даже... Ну так ведь не я же убила, я в этом точно уверена. А полиция — она разберется. На то она и полиция. (*Кивает в конец вагона, в котором сидят нервно курящие Лейтенант и Лайфхакер.*) Понимаете, в этой жизни каждому — свое...

Инженер в кепке (*открыв рот и хватая воздух, точно рыба*). Ничего себе позиция! Каждому свое! Так и концлагеря можно

оправдать. *(Размашисто пишет рукой в воздухе, словно на воротах Бухенвальда.) Jedem das Seine!*

Женщина с длинными ногтями *(смотрит в сторону Бомжа).* Знаете, никого не хочу оскорбить, но и концлагеря порой очень даже... А то некоторые сильно в развитии отстают. Не поймешь, умерли давно или живут еще...

Инженер в кепке. Да вы фашистка! Вы с когтями! *(Вытягивает в ее сторону растопыренные пальцы.)* На ногтях шеллак, а на сердце шлак!

Женщина с длинными ногтями. Вы прямо рифмоплет какой-то. Нет, Игорь Сергеевич, я просто сильный человек, в отличие от вас. И принимаю жизнь такой, какая она есть. Без ваших розовых очков и глупостей про жертв-убийц в одном лице. Всё это не ново, а выдается вами чуть ли не за озарение. Пошлость это всё – ваши образы...

Инженер в кепке. Человека убить – пошлость?! Да у вас кардиостимулятор вместо сердца!

Женщина с длинными ногтями. Не человека – убить, а кричать после убийства: «Позор мне! Как же я так пал?!» Вы же не любите жизнь, вы ее ненавидите... Если вы думаете, что это система вас довела до такого состояния, что вы, как говорили, с двумя высшими образованиями копейки получаете, так, может, следует задуматься, а почему так? Почему один миллионами ворочает без какого-либо вообще образования, а другой – вот как вы...

Инженер в кепке. Да потому что у нас ворье вокруг сплошное! Потому что у нас бюджет пилят и пилят! Пилят и пилят! Будто жуки какие-нибудь древесные! Потому что у нас чиновники с олигархатом, как сиамские близнецы давно срослись! Скрепки их, видите ли, скрепили! Вы зайдите на странички в Википедии наших коррупционеров! Зайдите, не поленитесь! Почитайте статьи о них! Двадцать лет тому назад – никто и звать никак, а открываешь данные по налоговым декларациям – в ушах от нулей закладывает! Глаза кровоточат! И вообще! Вместо того чтобы пенсии на копейки повышать, лучше бы

они лишние нули в своих декларациях убрали!

Женщина с длинными ногтями (*вытирая губы платочком и обращаясь к Бабе с пакетами*). Спасибо. Очень вкусно было. (*Затем – к Инженеру в кепке*.) Вы еще про ГУЛаг забыли сказать, тиранию и кровавый режим...

Инженер в кепке. А как же иначе! Миллионы жертв! Или забыли уже?! А насчет режима, так всем известно, что у нас элита антинародна! Это секрет Полишинеля давно!

Женщина с длинными ногтями. Я вас не перебивала, дайте сказать. Не забыла я про жертвы, никто не забыл... Но лично я считаю, что один – сильный, а другой – слабак. И образование тут ни при чем. А тирания с режимом – они, знаете ли, в головах у светлоликих и рукопожатных. Это как раз миф всё. Надо же кого-то обвинить в собственной несостоятельности... А вам бы, Игорь Сергеевич, я рекомендовала поменьше чужие биографии в Википедии читать. Стремитесь, чтобы о вас хотя бы две строчки написали. А то складывается впечатление, что вы просто завидуете. Одни, видите ли, по вашему разумению, воруют, а другим, видите ли, не дают! Вот вы, Игорь Сергеевич, конкретно вы, как к деньгам относитесь?

Инженер в кепке. А как к ним еще относиться можно? Грязь это!

Женщина с длинными ногтями. Ну, я так и думала... А я вот иначе полагаю: я считаю, что деньги – это огромное счастье, это чудо, которое делает человека свободным. Более того, человек с большими деньгами, он же и других осчастливить может. Что бы вы, к примеру, сделали, если бы у вас появился миллион долларов?

Инженер в кепке (*в полном замешательстве*). Что бы... что бы... Да не знаю я, что... Ну, в начале сослуживцев бы угостил... (*Загибает мизинец*.) Жене шубу... (*Пауза*.) Не очень дорогую... (*Загибает безымянный палец*.) А, да! Ремонт бы обязательно сделал... У меня гастарбайтеры есть знакомые... Работящие, не пьющие... ну, почти... и берут после Майдана совсем недорого... А то пока ваших пенсии с реновацией дожدهшься, раньше

деревянный макинтош на себя примеришь... (*Загибает большой палец.*) «Ладу Калину» бы купил или «Ниву» последнюю... Тюнинг сделал, диски поставил, аэрографию, ну, чтобы не угнали... Или нет... лучше иномарку какую-нибудь... «Daewoo», например, или даже «Hyundai»... Но с аэрографией, конечно... (*Смотрит на оставшиеся два пальца – выбирает указательный. Застывает. Тут же прячет руку в карман.*) Остальное – в банк, под проценты...

Женщина с длинными ногтями. Не будет у вас миллиона.

Инженер в кепке. Почему это?

Женщина с длинными ногтями. Размаха нет. Вы дальше ковров на стенах ничего не видите. А если б и появился вдруг, совершенно мистическим образом, у вас миллион, то сослуживцев вы бы не угощали, нет... Вот вы бы, именно вы... вы бы в лицо им плюнули.

Инженер в кепке. Это еще с чего бы?

Женщина с длинными ногтями. А вы их ненавидите. Вы вообще всех ненавидите. Власть, людей, деньги. Вы за маской инженера разрушителя прячете.

Инженер в кепке. Да? А вы, вы? Что бы вы сделали, если б у вас миллион был?

Женщина с длинными ногтями. А мне он не нужен.

Инженер в кепке. Ага. Всем, значит, нужен, а вам – нет?! (*Злобно.*) Ин-те-ре-снень-ко...

Женщина с длинными ногтями. А у меня уже есть.

Все перестают жевать.

Инженер в кепке. Да, да... (*С сарказмом.*) Поэтому на метро ездите...

Женщина с длинными ногтями. Да нет, конечно. Банальная ситуация просто вышла. Я у подруги задержалась на дне рождения. Выпили, разговорились... Честно говоря, не думала, что так задержусь. А водитель пораньше отпросился. Ну я, конечно, «Яндекс Такси» вызвала. А некто Ибрагим Мамедович, или как там

его... оказалось, с навигатором не очень дружит. Вы же знаете, они, мамедовичи эти, и в бумажных картах раньше не особо-то разбирались, что уж о новых технологиях говорить... В общем, я его целых полчаса прождала... Ну и не выдержала, естественно...

Инженер в кепке (*язвительно*). Что-то слабо верится в вашу историю. Ну и как вам метро *наше*? Не боязно?

Женщина с длинными ногтями. Терпимо. Как везде. Вы, Игорь Сергеевич, не обижайтесь. И правда, постарайтесь все-таки на вещи добрее смотреть.

Инженер в кепке (*с ненавистью смотрит на Женщину с длинными ногтями*). Нет... нет... Не того!.. Не того мы убили!..

Женщина с длинными ногтями (*высокомерно, с усмешкой*). Больше позитива!

Лайфхакер (*подходит с Лейтенантом*). Вот-вот. Позитивней надо!

Мужик. Глядите-ка, Арнольдик вернулся... Где был, голуба моя? Медитировал? Чё-то мы давно нашего метросексуала (*с нажимом на «метро»*) не слышали! Может, психотренинг со скидочкой проведешь? А то мы слегка невменяемые... А, засланец наш американский?

Лайфхакер. Не хочу. Устал. Завтра приходите, у вас на флаере адрес есть.

Мужик. Приду я, как же. Завтра. Вот приедем, только вы меня и видели все.

Парень (*вдаль*). А завтра так никогда и не наступило...

Женщина с длинными ногтями. Перестаньте уже. Не смешно. Предлагаю всем просто расслабиться и немного отдохнуть. Андрей Викторович, что у вас там за слово не разгадывается?

Мужчина с кейсом (*крутит спиннер*). Да вертится на языке, а всё никак... Вот смотрите...

Женщина с длинными ногтями. Интересно... (*Пауза*) Андрей Викторович, а вы бы не могли эту штуку убрать?

Мужчина с кейсом. Она нервы успокаивает.

Женщина с длинными ногтями. Жутко раздражает, если

честно.

Мужчина с кейсом (*прячет спиннер*). Честно говоря, меня тоже. Но знаете, привык.

Инженер в кепке (*вклинивается в разговор*). Очень это по-русски...

Женщина с длинными ногтями. Что – по-русски?

Инженер в кепке. Человека убить, труп спрятать, потом сидеть – кроссворды решать. И это ещё... Спиннер крутить! Успокаиваться!

Женщина с длинными ногтями. Что вы как... как... я не знаю... как Герцен, в самом деле? Вас, что, декабристы разбудили? Вас растревожили?

Инженер в кепке. Кстати, о декабристах! Кстати, о Герцене! Да! Разбудили! Да! Растревожили! При Герцене хоть жизнь была! Литература! Театры! Искусство!

Мужчина с кейсом (*обращаясь к Женщине с длинными ногтями и расстроено опуская кроссворд*). Ну зачем вы начали... Теперь его с этой шарманкой не остановишь.

Женщина с длинными ногтями. Чем же вас современное искусство не устраивает?

Инженер в кепке. Мерзостью! Плагиатом! Халтурой! Всех купили! Всех! Литературой уже давно «Макдоналдс» правит! Да что там... Вы кого последнего читали?

Женщина с длинными ногтями. У меня нет времени на всякую бесполезную ерунду, я только «по делу» читаю... Хотя... когда-то очень Чехова любила... (*Пауза*). А сейчас что в литературе? Вы бы кого порекомендовали?

Инженер в кепке. А никого! Никого, равным счетом! Я вот читал... всех их, всех читал... (*Делает круговое движение рукой*). Их нету. Они пишут, а их нет.

Мужчина с кейсом. Это еще как так?

Инженер в кепке. А вот так – это такие специально обученные издателями роботы, которые выдают на гора всякую дрянь. И чем больше в книге дряни, тем выше ее тираж.

Женщина с длинными ногтями (*в усмешке*). Я так полагаю,

вы и гонорары их подсчитали.

Инженер в кепке. Да, да, подсчитал. И что с того? Не в них дело. Пусть они писать научатся вначале, чтоб такие гонорары получать.

Женщина с длинными ногтями. Вы опять о деньгах. Как-то вам надо...

Инженер в кепке. Да! И о деньгах тоже! Потому что купили их всех — писателей! Я их читал, когда они только первые шаги в литературе делали. Так это на нормальные шаги похоже было, на искусство!.. Пусть тиражи небольшие, но хоть содержание вменяемое... А тут будто разом продались все! Трахаются только в романах, водку глушат и анашу курят! Нон-фикшн типа! *(Обращается к остальным женщинам.)* Извините, пожалуйста...

Женщина с длинными ногтями. Ну вообще-то писатель, как правило, окружающую действительность отображает.

Инженер в кепке. То есть солнце уже не заходит и не восходит? Пшеница не колосится?

Парень. Согласитесь, про колосья — это уже раз сто было, еще в школе.

Инженер в кепке. Ага, а вам всем больше про косяки нравится!

Парень. Ну, в общем...

Инженер в кепке. В общем, не в общем, но так не бывает. Я не против такого искусства, но это же засилье просто какое-то... А кино? А биеннале эти безумные с извращенцами?.. Сплошь тусуются все — и хвалят друг дружку... *(Ходит по вагону гусем.)* Талантов-то настоящих — нет! Деланое это! Деланое! Вы фамилии на обложках книг поменяйте, никто и не заметит, что автор другой... Потому что кругом — одни фаллосы... И критики вокруг них, обласканных издателями, увиваются и крупницы истины выискивают... Нет там истин! Нет — и никогда не было! Какашки это всё, а не творчество!

Парень. Зря вы, конечно, женщина, про Герцена начали. Разбудили вы его. *(Обращается к Инженеру в кепке.)* Ну что вы зря трафик гоняете? Нормально всё читается, прикольно...

Инженер в кепке (*взрываясь*). Я ненавижу заморские слова! Говорите по-человечески! И не «прикольно» должно быть, не «прикольно»! Когда о книге говорят — «прикольно», это значит, что книга ужасная! Книга учить должна, сердце будоражить, мозги, наконец!.. (*Пауза.*) А эти философы заморские, со своими путями-поисками?.. Я это всё у Киплинга в «Киме» еще читал. Так там хоть написано было, выписано как!.. (*Поднимает указательный палец вверх.*)

Парень (*морщась*). Киплинг, кажется, «Маугли» написал...

Инженер в кепке. Это для таких, как вы, он «Маугли» написал, ну чтоб доходчивей... А для думающих он «Ким» написал... Что, неизвестна вам эта книга?.. А потому что — не «Макдоналдс»!

Просто мужчина. Такие, как вы, костры из книг жгут.

Инженер в кепке. А такие, как вы, в таком случае, всемирные потопы устраивают... из макулатуры... Нельзя это продавать! Нельзя! Плохо это! Дурно!.. Вот, девушка, скажите, вам имя Гессе говорит что-нибудь, или вы только «Фейсбук» читаете?

Девушка в мини (*жуя жвачку*). Стебётесь, что ли?

Инженер в кепке. И что же?

Девушка в мини. Это кофе с мороженым. На Тверской.

Инженер в кепке (*кричит*). Гессе — это писатель! Это не кофе! Это — «Сиддхартха»!

Девушка в мини. Иззи, чел. Иззи. (*К остальным.*) Чё он гонит? Глясе — это кофе.

Инженер в кепке (*победно*). Вот вам, пожалуйста! Поколение эллочек-людоедок. Этих, как их... Блогеров с юзерами.

Парень (*Инженеру в кепке, мстительно*). Говорите по-человечески. Будьте последовательны.

Инженер в кепке. А по-человечески я вам вот что скажу. Вначале появляется «падонкаффский» язык, а потом и сами понки!

Парень (*закрывает лицо рукой*). Ну вы вообще уже. У меня фейспалмы для вас закончились.

Девушка в мини. Ага. На волне такой. Надо его сфотать. Клё-

вый мем можно замутить.

Фотографирует Инженера в кепке. Тот, стоя в комичной позе, пытается прикрыть лицо руками.

Женщина с длинными ногтями (*примириительно*). Ну, всё знать нельзя...

Инженер в кепке. Но основное-то – необходимо! Понимаете, просто жизненно необходимо... Чтобы выжить! Чтобы не «Макдоналдс»!.. Чтобы не только глясе, чтобы не только смузи!.. А они нам лет двадцать своих закордонных чаек с алхимиками подсовывают... И так, знаете, по-простецки, каждую фразу разжевывая, чтоб любой даун понять мог... Что-нибудь вроде... «Наш герой вышел на край берега. Ему показалось, что птица парит в воздухе. Но это была не совсем птица. Это в небе парила его душа...» Да у Андерсена «Гадкий утенок» в сто раз больше чайкой был!

Женщина с длинными ногтями (*поправляя Инженера в кепке*). Лебедем.

Мужик. Хорошо не голубем, да, Арнольдик? (*Кидает на Лайфхакера оценивающий взгляд*.)

Лайфхакер. Оставьте меня в покое, наконец!

Мужик (*напевая*). А я не знаю почему, а ты мне нравишься... А он мне нравится, нравится, нравится... (*Останавливается*.) Голубь по имени Арнольд...

Инженер в кепке. Да какая разница! Лебедем, не лебедем! Вы же понимаете, о чем я говорю! Нас пичкают всякой требухой, выдавая за деликатес, а мы жрем и жрем, вот как бабка!

Баба с пакетами. У мэнэ нервическое...

Инженер в кепке. Да тупическое! Тупическое у нас у всех! Актеров на сериалы разобрали, писателей на нон-фикшн подсадили, художники кроме акций и инсталляций вообще уже ничего путного сотворить не могут. То рот себе зашьют, то мочку уха отрежут, то колокольцы на брусчатке зафиксируют. А вы свое ухо к стене прибивать еще не пробовали, да так чтоб голову не раз-

бить?!. А инсталляторщики эти? Концептуалисты хреновы? «Это у вас что такое — красное в разводах?» — «Это инсталляция „Мать-Революция“». — «А это что? Черное, разчувырканное?» — «Закат». Какой это, мать вашу музу, «Закат», какая «Мать-Революция»?! Это — параноя! Чистой воды параноя и бездарность!..

Баба с пакетами. Ты б, сынку, пойив чево-нибудь... А то кричишь, кричишь, как оглашенный...

Женщина с длинными ногтями. И в самом деле, успокоились бы вы... Вы что, прозаик? Вас что, романы с фаллосами писать заставляют? Может, вы, не дай бог, акционист? Вас к фиксациям призывают? Сядьте лучше, перекусите...

Инженер в кепке. Так я только и делаю, что перекусываю!.. То книжку какого-нибудь распиаренного графомана почитаю — очередного гения от литературного стойла, то на биеннале схожу — на инсталляции попялюсь, низ с верхом поищу... То на статью маститого критика натолкнусь. И что удивительно — там, где он, критик этот доморощенный, кого-то с дерьмом смешал, там-то истинный художник и кроется, а вот там, где статья хвалебная — там миазмы сплошные... Ну, загадка!.. Страна — загадок! Королевство кривых зеркал прямо какое-то!.. А сериалы? А театр «за жисть»?.. С этими, как их? Куль... тур... трегерами! (*Пауза.*) Всё перекусываю и перекусываю...

Просто мужчина. Не доверяете критикам — читайте мнения обывателей в соцсетях, там еще не то найдете. Особенно про колокольцы.

Инженер в кепке (*будто его замкнуло*). ...всё перекусываю и перекусываю... перекусываю и перекусываю... А постоянно годный!

Парень (*с усмешкой*). А вы не пережевывайте. Вы — сразу заглатывайте. Чтоб желудочный сок зря не гонять...

Инженер в кепке. Вот вы всё шутите, а они — серьезно, между прочим. У них — дискурс, новаторство, структурализм! (*Вскидывает правую руку, очерчивает над кепкой круг.*) Понимаете, они с нимбами! Сосаети эти, с паблисити! Они с венками лавро-

вами! У них же словно взаправду всё... Будто это и есть жизнь — но это не жизнь, не жизнь! Я отказываюсь!

Парень (*подходит к Бабе с пакетами. Берет у нее бутерброд и огурец. Направляется к Инженеру в кепке*). Поешьте.

Инженер в кепке. Спасибо. (*Принимается жевать.*) Всё как взаправду. Всё! Как жить? Когда возраст дожития у нас еще со школьной скамьи начинается! Как жить после этого?!

Мужчина с кейсом (*поправляя очки*). Вообще как-то странно получается. Всё, что вы говорите, вроде правильно, а слушать вас не хочется. Почему так?..

Пауза.

Инженер в кепке. Правду никто слушать не хочет!

Просто мужчина. Слабак потому что. И не патриот, и не либерал в конечном счете. А так, поорать просто. Борцун диванный.

Женщина с длинными ногтями. Ура-либерал. Если такое возможно, конечно.

Мужчина с кейсом (*Женщине с длинными ногтями*). Правильно говорят: вот сидит в человеке говно, а он гордо называет его характером. Прошу прощения, Алла Григорьевна. Не выдержал.

Женщина с длинными ногтями. Вы опять правы, Андрей Викторович. Они заигрались за Родину.

Мужик. Смотрите-ка, аппетит проснулся! Жрёт!

Инженер в кепке. Я не жру! Я — вкушаю!

Просто мужчина. Это еще как посмотреть...

Парень. Так поедимъ!

Женщина с длинными ногтями. Предлагаю все-таки вернуться к кроссворду...

Инженер в кепке. К какому кроссворду?! Мы человека убили! Где он?! Или для вас жизнь — сплошные фан и игра? Может, еще виртуальные смайлики? Но смерть — не виртуальные смайлики!

Мужик (*подходит к Инженеру в кепке, хлопывает его*

по плечу). Тихо, тихо, юридивый. Чё ты кипишуешь? Чё щи такие мрачные и постные нацепил? Ну-ка, быстро сделай их радостными и наваристыми. *(Огромной пятерней жмет Инженеру в кепке щеки.)* Всё хорошо... Нет его, и не надо... Зачем нам этот геморрой? Не было пенсионерчика, не было... Ему и так по жизни всего ничего оставалось... Всё, затихни... Не бы-ло!.. *(С этими словами разворачивается к остальным, внимательно заглядывает каждому в глаза.)* Так ведь? *(Все одобрительно кивают.)* Кто-нибудь щелкал жмура?

Мужчина с кейсом. Мы что, извращенцы трупы фотографировать?

Мужик *(Девушке в мини).* Швабра, ты фоткала. Я видел. Дай сюда бандуру свою!

Девушка в мини. Не дам!

Мужик. Дай сюда, я сказал! *(Быстро вырывает у нее айфон из рук.)*

Парень, Лейтенант и Просто мужчина *(вместе).* Э! Ты чего! *(Вступаются за Девушку в мини, начинается небольшая потасовка. Мужик резво вскакивает на скамью.)*

Мужик *(сверху).* Отвалите от меня!.. Где тут? Как он включается? Давай показывай, лахудра! *(Дышит на айфон.)*

Девушка в мини. Он на палец реагирует.

Мужик. Давай палец сюда! *(Тянет ее вверх за руку.)* А то отрежу!

Баба с пакетами *(показывая пальцем на Мужика; тихо остальным).* Вбывэць...

Девушка в мини. А! Отпусти!

Мужик. Это?

Девушка в мини. Да. Только селфи не трогайте. Ну, плииз!

Мужик. На фига мне твои рожи? Ты б еще со жмуром сфоткалась. Ну вот, теперь точно всё! *(Возвращает смартфон, спускается вниз.)* Больше никто фоток не делал? *(Все мотают головами.)*

Мужчина с кейсом. Может, представитель?

Лейтенант. Я не успел. Не подумал, если честно. Я же

не знал, что он исчезнет.

Инженер в кепке. Вот! Вот! Наберут во власть по объявлению, а они даже думать не научились! Стратеги хреновы!

В этот момент в динамиках вагона начинается что-то шуметь, раздаётся скрежет, пассажиры напряжённо прислушиваются. Голос машиниста: «Уважаемые пассажиры! Аварийная ситуация на линии устраняется. Убедительная просьба оставаться на своих местах. В ближайшее время поезд отправится. Принесим свои извинения за доставленные неудобства».

Тихо начинается звучать музыка.

Просто мужчина. Какой-то он подозрительно вежливый.

Мужчина с кейсом. Как не в метро прямо. И мелодия эта...

Инженер в кепке. Ещё бы им не вежливыми быть... Знают ведь, что теперь по судам затаскают. Один моральный ущерб чего стоит... Впрочем, в нашей стране — это недоказуемо.

Женщина с длинными ногтями. Это если не попробовать никогда.

Мужик. Главное, объявились. Ща я им скажу, чё я о них думаю. *(Подходит к сигнальному устройству, уверенно давит на кнопку — в ответ ни звука.)* Тьфу! Ни фига. Как так?

Инженер в кепке. А как всё у нас. Связь в одну сторону. Сверху вниз.

Женщина с длинными ногтями. Ну так что, кроссворд, — или потанцуем?

Инженер в кепке. Вы в своем уме? После того, что случилось...

Мужик. Так, я не понял. Чё случилось, Игорек? Чё случилось? Мы же договорились. Так или нет? Я тя спрашиваю, Игорек. Или ты не с нами?

Инженер в кепке *(отводя глаза).* С вами, с вами...

Мужик. Ты смотри мне, порву. На кепки. А они пусть танцуют — дело молодое.

Мужик указывает на Деву в мини, которая уже вьется у поручня. Рядом с ней, в такт попсовой мелодии, перебирает ногами Парень. Просто мужчина сидит и отбивает руками ритм. Напротив него устроился Лейтенант, который напоминает дружинника на дискотеке «застойных» времен.

Парень (*машет рукой*). Давайте разомнемся! Что вы там рас-селись, как пенсионеры!

Женщина с длинными ногтями (*Парню, тоже машет*). Спасибо, мы лучше здесь загадки порешаем! Вы танцуйте!

Инженер в кепке (*в сторону*). Каждому — свое...

Женщина с длинными ногтями (*приглашающим жестом*). Ну что ж, а нашему поколению остается кроссворд. (*Берет у Мужчины с кейсом брошюру с кроссвордами и сканвордами, читает вслух.*) По горизонтали — вид пассажирского транспорта, перспективный в условиях больших городов с насыщенным уличным движением. Отличается высокой эксплуатационной скоростью... Дальше пятно. Кровь, наверное... Пять букв.

Инженер в кепке (*задумчиво*). И там, и там пять.

Женщина с длинными ногтями. Где?

Инженер в кепке. Пятно. Кровь.

Женщина с длинными ногтями. Ну, с вами всё понятно. Пётр?..

Мужик. Поезд.

Женщина с длинными ногтями. Да ну нет, конечно. Metro это.

Инженер в кепке. Издевательство просто какое-то!

Женщина с длинными ногтями. По вертикали. Тоже пять букв. Несамостоятельное, а при оборудовании мотором — самостоятельное транспортное средство, движущееся по рельсам.

Инженер в кепке. Вагон!

Женщина с длинными ногтями. Правильно. Подходит. В нашем с вами случае, как вы понимаете, это средство самостоятельное... А вот это посложней. Девять букв. Координатор, контролирующий и регулирующий ход производственного процесса,

график выполнения работ, выпуск продукции, и, как вы все, наверное, догадались, движение транспортных средств. Ну же, ну? Я вот догадалась. На «Д» начинается...

Мужик (*радостно*). Дегенерат!

Женщина с длинными ногтями (*жестко*). Нет.

Мужик. Как нет? (*Зажимая пальцы.*) Девять букв же?

Женщина с длинными ногтями. Это еще не значит, что оно подходит. Оно же с другими словами коррелировать должно...

Мужик. Коля... чё?

Женщина с длинными ногтями. Да ну вас... Диспетчер это. Так, пишем...

Инженер в кепке. Что это за кроссворд у вас такой?! Что это за изымательство?! Откуда вы его выкопали?!

Мужик. У пенсионера утянули. Ему уж всё равно. Не чтец. Но ежели он попросит, мы ему тут же – в момент – возвернем. Вот те крест – возвернем! Тока он уже никогда не вернется. По-нял? Не вер-нет-ся. (*Показывает Инженеру в кепке кулак.*)

Мужчина с кейсом. И правда, странный кроссворд какой-то... (*Берет у Женщины с длинными ногтями брошюру, читает название.*) «Сборник кроссвордов и сканвордов, выпущенный ко Дню Метрополитена».

Инженер в кепке. И что, там всё на одну тему?

Мужчина с кейсом (*перелистывая страницы*). Надо думать...

Инженер в кепке. Уберите его, уберите, наконец! И так тошно!..

Мужчина с кейсом (*откладывая брошюру в сторону*). Вы только успокойтесь. Вам и правда «Лайфхак» бы не помешал.

Лайфхакер. Да, да!

Женщина с длинными ногтями. Я получше тренинг знаю. Сама иногда практикую. Хотите расскажу?

Инженер в кепке. И вы? И вы? Боже мой – кругом зомби!

Женщина с длинными ногтями. Ну так как, рассказывать?

Мужик. Валяйте, всё равно делать нечего... Бабка, попить нет чего?

Баба с пакетами. Минералочка.

Мужик. Давай. *(Берет бутылку, сосет из горлышка.)*

В этот момент к сидящим подскакивают Парень и Девушка в мини.

Парень. Давайте расслабимся, нельзя же так!

Девушка в мини. Ништяк! Ништяк!

Увлекают Инженера в кепке, Мужчину с кейсом и Женщину с длинными ногтями за собой. Все начинают пританцовывать. К ним присоединяются Лайфхакер и Просто мужчина.

Женщина с длинными ногтями *(в танце, обращается к Инженеру в кепке).* Вы послушайте, а там сами решайте. Это к «Лайфхак» и прочим сектам никакого отношения не имеет. И денег платить никому не надо.

Лайфхакер *(подергивая тощим тазом; недоверчиво).* Да?

Женщина с длинными ногтями. Представьте себе. Это, считайте, «Лайт-Лайф». Легкая, светлая и ясная жизнь! *(Обращается к Просто мужчине.)* Покрутите меня...

Просто мужчина *(крутит Женщину с длинными ногтями, недоверчиво замечает).* Ну, это только в мышеловке сыр бесплатным бывает.

Женщина с длинными ногтями *(вертится).* Я тоже вначале так думала. А оказывается, что мышеловка, мышь и сыр — это, по сути, лишь возможность выбора. И дело просто в том, кем вы себя считаете.

Инженер в кепке *(неуклюже переминается рядом, пытается поймать всё время ускользающую Женщину с длинными ногтями).* Человеком я себя считаю. Нормальным человеком! Считал... До сегодняшнего момента, пока с вами со всеми не познакомился.

Женщина с длинными ногтями *(хохочет).* Человеком-сыром или человеком-мышью?

Парень *(выделывая ногами кренделя).* Человеком-вагоном он

себя считает... *(Напевает.)* Человек-ва-гон, человек-ва-гон...

Инженер в кепке *(обиженно)*. Ваш этот символизм непонятный... И вообще, я устал... Я танцевать не умею.

Парень. А, всё равно музыка кончилась. *(Плюхается на сиденье.)* Класс!

Девушка в мини. Супер!

Женщина с длинными ногтями *(усаживается, отдувается, обращается к Инженеру в кепке)*. По-моему, это вы с символизма начали. С вашими «ту-ту, ту-ту»... Уф, здорово потанцевали...

Инженер в кепке. Да, неплохо... Так что вы там про «Лайт-Лайф» говорили?

Женщина с длинными ногтями. Что? А, ну да... Вам правда интересно?

Инженер в кепке. А что еще делать остается? *(С издевкой.)* Человека убили, пожрали, потанцевали – самое время психотренингом заняться.

Женщина с длинными ногтями *(усмехаясь)*. Сарказм ваш принимается. Ну, ладно, поскольку и вправду заняться нам нечем, то слушайте. Существует методика так называемого альфа-уровня. Я не инженер по образованию, как вы, Игорь Сергеевич, но даже мне понятны основные положения этой концепции. Суть ее в том, что мозг человека излучает и принимает определенные волны. То есть одновременно является и приемником, и передатчиком. Поверьте мне на слово, но это уже давно доказано учеными и проверено на практике. Если мы находимся в состоянии активности, то есть на так называемом бета-уровне, мозг работает в режиме четырнадцати-двадцати герц; когда же человек засыпает или просыпается, то это – альфа-уровень, при котором мозг генерирует частоты от семи до четырнадцати герц. Далее идут другие уровни, но нас они на данном этапе интересуют меньше всего, поскольку относятся к состояниям разных фаз сна. В чем же суть альфа-уровня?

Баба с пакетами. В чем?

Женщина с длинными ногтями. А в том, что это пока единственный открытый уровень, при котором человек может созна-

тельно программировать свое подсознание и, наоборот, брать из него нужные ему программы. (*К Бабе с пакетами.*) Я не очень запутано?

Баба с пакетами. Не... Я поняла... Как с холодильником... Ложишь, берешь, ложишь, берешь...

Женщина с длинными ногтями (*снисходительно*). Примерно. Но попробую объяснить иначе.

Парень. На нашем уровне.

Мужик. Дай послушать.

Женщина с длинными ногтями. Я продолжаю?

Парень. Угу.

Женщина с длинными ногтями. Спасибо. Так вот. На сознательном уровне мы, что называется, разъединены, как отдельно взятые вагоны. А вот все вместе на уровне подсознания — вы, Пётр, вы, Игорь Сергеевич, вы, Андрей Викторович, и я — все-все — представляем собой единое целое. Один, так сказать, поезд. А поезд — это как бы всё человечество. Только вместе со всеми нами он может двигаться и достичь пункта своего назначения.

Мужик. То есть типа если мы наляжем, так он поедет?

Женщина с длинными ногтями. Понимаете, Пётр, это — образы. Поезд, вагоны... Жизнь так устроена, что каждый едет в своем вагоне. Но движется он только вместе с поездом. Пока человек этого не понимает, он стоит на месте, именно поэтому нужно всегда думать о целом составе. О своем месте в нем... о том, что вы везете в своем вагоне... Нужны ли вы поезду? Не отцепят ли вас где-нибудь в депо за ненадобностью? Но думать надо каждый день, постоянно, — будто вы подбрасываете дрова в топку. Каждый, каждый день...

Длинная пауза.

Молчание. Слова, произнесенные Женщиной с длинными ногтями, наводят всех на мрачные мысли.

Инженер в кепке снова берет у Мальчика с железной дорогой один из игрушечных вагончиков, вертит в руках, крутит колесу-

ки. Резко возвращает. Остальные, кроме Бабы с пакетами, которая занята поглощением пищи, на какой-то миг застывают. В тишине вагона слышится только шорох сумок и пакетов.

Мужик (*почесывая макушку*). А ведь дело! Это как про меня прям... Две ходки... семь лет в общей сложности... Вроде из тюрьги вышел... думал, по-новому заживу... вперед двигаться буду... семью наконец заведу... а чё семь лет назад, чё шас... стою, топчусь, а время идет себе... тик-так, тик-так... (*В безнадёге машет рукой*.) Ээ-х!

Инженер в кепке (*вдруг вскакивая*). Да не про вас это! Что вы лезете всё! Про меня это! Это я всю жизнь топчусь! Женился, детей нарожал, диссертации эти незащищенные... А как-то... будто на месте...

Мужчина с кейсом (*задумчиво кивает*). Да, да. Теплоизоляция... А зачем? Кому? «Этим»? «Тем»?

Просто мужчина (*хмуро*). Жена, развод, жена — круговорот...

Парень. Я смотрю, и ваш вагончик стихи повез.

Просто мужчина (*точно открыв для себя истину*). Я же холостяк по натуре! Зачем я это всё?..

Парень. Ну, если ничего в жизни не добились, говорите всем, что реализовались в семье.

Просто мужчина. Так ведь и в семье... Тоже! Не реализовался!

Женщина с длинными ногтями. Это потому, что своего поезда не знаете.

Парень. Ну ведь и вы с нами... тут... как бы... застряли...

Женщина с длинными ногтями. Юноша, я про поезд жизни говорю. Не про вагон, а про метрополитен! Жизнь не надо взламывать, ей можно управлять. Понимаете меня?

Парень. Да понимаю я, понимаю... Только при чем здесь этот ваш альфа-уровень?

Женщина с длинными ногтями. А потому, что он с подсознанием связан. Там вы можете свои цели, свои чаяния программировать. Вы рисуете картинки, а они потом материализуются...

Человек картинками живет, которые рисует сам. Сам рисует и сам в них живет.

Пауза.

Баба с пакетами. Знаю, знаю... Я *колы* сильно хочу шо-то, за-вжды маю. Учора хотила красненького крепленого, так со свадьбы, шо у нас у ресторане гулялы, две сумки уволокла... Еле до-перла...

Женщина с длинными ногтями. Не очень удачный пример, но правильный, скажу вам. Главное – желание и картинка. Понимаете? Это не всем удастся – хотеть и получить, но это можно запрограммировать. А потом эта программа в сознательный уровень выплескивается, и картинка материализуется.

Инженер в кепке. Но мы же не компьютеры, в самом деле! Что вы говорите такое?

Женщина с длинными ногтями. В том-то и дело, что компьютеры! Именно! Только в отличие от какого-нибудь «MacBook'a» у нас есть право – запрограммировать себя самим.

Мужик. А чё, это только задавая храпака можно сделать? Мне ваще слово не нравится... Альфа эта... Мурашки по коже... Будто наручники щелкают.

Женщина с длинными ногтями. Это же название только. Вы всему свои имена можете дать. Тут главное понять, что сознание – это ваш вагон, а поезд – он в подсознании находится. Вагон сдвинется с места, только когда поезд поедет. Вот у вас есть мечта, юноша?

Парень. Да. (*Пауза.*) Я актером хочу стать.

Женщина с длинными ногтями. И? Учитесь уже где-нибудь?

Парень. В МГУ. На экономическом. На втором курсе.

Женщина с длинными ногтями. Вот, юноша. Ваш вагон стоит.

Парень. С чего бы это? У меня после окончания работа будет, зарплата хорошая. Экономисты сейчас везде нужны.

Женщина с длинными ногтями. Юноша! Бросайте вы ваш экономический. Не нужен он вам. Идите в кинематограф, в те-

атр. Вы же хотели.

Парень. Ну, не знаю. Я с отцом говорил, у него связи только в МГУ... Во ВГИКе и ГИТИСе нет никого. Да и конкурс там – за-качаешься.

Женщина с длинными ногтями. Юноша, не становитесь вы чужим вагоном, не надо! Это всё ваш папа, понимаете? Это папино «хочу», не ваше! Человек создан, чтобы быть счастливым, человек создан для того, чтобы реализоваться, чтобы достичь своих целей, чтобы все его мечты сбылись, а вы стоите на месте... вы цепляете свои вагоны к чужим поездам.

Парень (*неуверенно*). Ай, да нормально всё... Никого я не цепляю.

Женщина с длинными ногтями. А надо бы цеплять. Надо бы. Поступками. Действием. Безумными выходками, наконец. Потому что в старости вы вдруг поймете, что всю жизнь простояли в депо, что всю свою жизнь только и думали, что выйдете из ремонта и встанете на новые рельсы. А нет там для вас места уже! Нету!

Инженер в кепке. Куда я попал? Куда попал?.. Это палата для умалишенных! Что она говорит, что?! Эти вагоны какие-то, поезда, рельсы... Это... идиотизм какой-то! И что самое главное, самое важное... это... Это правда всё! Мы же не хотим двигаться, мы же все только рассуждаем о движении! А по сути-то – стоим!

Парень. Ну хорошо, брошу я экономический, а где гарантия, что...

Женщина с длинными ногтями. Вера – ваша гарантия. Желание. Вы же даже не пробовали хоть один шагок сделать. У вас картинка перед глазами неправильная. Понимаете, вы видите свой провал на конкурсе. Вы с вашим папой, который со связями, программируете в себе позицию неудачника. Вы уже сейчас... изначально обречены... Вы себя бухгалтером видите, а не актером.

Парень. Нет, ну почему... Закончу экономический, встану на ноги... и когда-нибудь...

Женщина с длинными ногтями (*жестко*). Не будет этого «ко-

гда-нибудь» с такой позицией. Подумайте, хорошо подумайте.

Баба с пакетами. Ну и як в эту вашу альфу, прости Господи, входьты?

Женщина с длинными ногтями. Очень просто. Расслабьтесь, закройте глаза и то, что я буду говорить, тихо повторяйте за мной. Только глаза не открывайте.

Парень (*мстительно*). Типа как в «мафии»?

Лайфхакер. И с чего вы вообще взяли, что ваша лженаука... (*Осекается.*)

Мужик (*показывает Лайфхакеру кулак*). Глохни, ущербный!

Баба с пакетами (*мистически, будто ей было знамение*). Цз вона, вона — вбывыця...

Мужик. Цыц! Никакая она не «вбывыця». И ваще, не было никакого трупа.

Лейтенант, Мужик, Девица в мини, Баба с пакетами, Инженер в кепке, Просто мужчина и Парень расслабляются, закрывают глаза и хором повторяют за Женщиной с длинными ногтями. Лайфхакер кривится, но молчит, прочие с интересом наблюдают за происходящим.

Женщина с длинными ногтями (*мягким мелодичным голосом*). Мое тело совершенно расслаблено. Я глубоко вдыхаю и на выдохе вижу падающие цифры. Глубокий вдох. На выдохе — три, три, три. Глубокий вдох. На выдохе — два, два, два. Глубокий вдох. На выдохе — один, один, один. Тело мое совершенно расслаблено, оно неосяземо. Я вижу шпалы. Я парю над ними. Я спускаюсь вниз. Я иду, считая шпалы. Я считаю их в обратном порядке. Глубокий вдох. Десять. Выдох — всё дальше и дальше. Глубокий вдох. Девять. Выдох — всё дальше и дальше. Глубокий вдох. Восемь. Выдох — всё дальше и дальше. Глубокий вдох. Семь. Выдох — всё дальше и дальше. Глубокий вдох. Шесть. Выдох — всё дальше и дальше. Глубокий вдох. Пять. Выдох — всё дальше и дальше.

Баба с пакетами заваливается на сиденье и начинает похрапывать. Женщина с длинными ногтями ее не тревожит. Остальные продолжают сидеть в расслабленных позах.

Женщина с длинными ногтями продолжает:

Глубокий вдох. Четыре. Выдох — всё дальше и дальше. Глубокий вдох. Три. Выдох — всё дальше и дальше. Глубокий вдох. Два. Выдох — всё дальше и дальше. Глубокий вдох. Один. Выдох — всё дальше и дальше... Я вижу перед собой свой вагон... *(Длинная пауза.)* А теперь войдите к себе — в вагон. Что вы видите в нем? Что бы хотели изменить? Посмотрите, подумайте... Начнем с вас, Пётр... Только негромко...

Мужик *(вполголоса)*. Тут решетки везде... и нары вместо сидений... я иду... параша... тьфу, хрень какая...

Женщина с длинными ногтями. Представьте, что вы держите в руках тряпочку. А то, что вы видите, нарисовано мелом на доске. Стирайте ваш образ, Пётр, стирайте. Берите новый мелок, другого цвета, и начинайте рисовать. Пусть то, что вы нарисуете, оживет...

Мужик *(морщится, пыхтит, крутит головой. Через минуту)*. Оба-на! Пацаны... Двое... И баба... Ла-а-дная... Не, ну титьки!..

Женщина с длинными ногтями. Некоторые мысли, Пётр, лучше не высказывать вслух, пусть они останутся вашими. Любите эту женщину, любите...

Мужик. Ну дык...

Женщина с длинными ногтями. А вы, Филимонов, что в вашем вагоне?..

Лейтенант. Там решетки везде... и нары вместо сидений... а на нарах... *(Пауза.)* Пётр...

Мужик. Я те ща!..

Женщина с длинными ногтями. Пётр, успокойтесь... Сейчас мы Филимонову всё исправим. Вы, Филимонов, сотрите всё, как я рассказывала, и нарисуйте что-нибудь приятное... Можете это даже в тетрадке школьной проделать, с карандашами и ластиком... давайте я вам помогу. Пусть это будет большая такая звез-

дочка... Внутри нее бриллиант... От звездочки идет муаровая красная лента... Звездочка не простая, звездочка — маршальская... Вы в кабинете, коньяк...

Лейтенант. И жена Петра...

Мужик. Я его ща ухайдохаяю! *(Вскакивает с места, но глаза тем не менее не открывает.)*

Женщина с длинными ногтями. Пётр, сядьте! Лейтенант, прекратите! Что вы его провоцируете?

Лейтенант. Что представлялось, то и программировал.

Женщина с длинными ногтями. С вами невозможно работать. Так же нельзя... Что у вас, девушка?

Девушка в мини. Прямо тут, при этих гоблинах?!

Парень *(не открывая глаз).* Тебе привыкать, что ли?

Женщина с длинными ногтями. Не будем развивать тему, хорошо?.. Что у вас, многоуважаемый наш Игорь Сергеевич?..

Инженер в кепке. Это вы мне?

Женщина с длинными ногтями. Естественно.

Инженер в кепке *(удивленным голосом).* Многоуважаемый? Ко мне никогда так не обращались...

Женщина с длинными ногтями. Ну, это от содержимого вашего вагона зависит... Так что у вас?

Инженер в кепке. Они визжат, а я их стегаю. Они у меня по вагону ползают, прощения просят... А я их плетьюми, плетьюми!.. Весь вагон в крови уже... Но нет им пощады, нет!

Женщина с длинными ногтями *(с интересом).* Кто же они?

Инженер в кепке. Известно кто... Олигархи с коррупционерками, писатели эти, кинозвезды... Бомонд, короче.

Парень. По-моему, это он все-таки... пенсионера...

Просто мужчина. Вряд ли... Масштаб не тот.

Женщина с длинными ногтями. Мрачно, мрачно вы себе свой вагон представляете, Игорь Сергеевич. Вы сотрите всё и представьте, будто вы журнал с вашей фотографией рассматриваете. «Esquire», например, или «Time». Вы — «Человек года»... Или еще лучше, Канны, красную дорожку, вспышки фотокамер, вы с женой, под ручку...

Инженер в кепке. А кого ж я тогда стегать буду? Истеблишмент надо наказывать.

Женщина с длинными ногтями. А никого не надо наказывать. Если не стегать, поезд сам поедет.

Инженер в кепке. Поедет. Да. *(Пауза.)* Но без селебрити!

Просто мужчина. Такой поезд никуда не поедет... *(Открывает глаза.)* Я вас, женщина, понял. Все мы свои вагоны рисуем... И пока у нас с рельсами в голове непорядок – никакого движения из тоннеля не будет...

Женщина с длинными ногтями. Ну, примерно... Жаль, конечно, что вы все...

Она не договаривает. Резко гаснет свет. Поезд начинает двигаться.

Голоса в темноте.

Девушка в мини. Супер! Поехали!

Женщина с длинными ногтями *(победно)*. Я же говорила!..

Мужик *(напевая)*. «Вагончик тронется, перрон – останется»...

И тут поезд снова останавливается. Свет не загорается.

Парень. Что?! Опять?!

Инженер в кепке *(с издевкой)*. Плохо запрограммировали, надо еще раз попробовать...

Мальчик с железной дорогой. Ма-ма! Ма-ма!..

Мама. Скоро приедем, сынок.

Загорается свет.

Мальчик с железной дорогой испуганно смотрит на Маму. Она гладит его по голове. Успокаивает.

Мужчина с кейсом. Что это было? Мы же вроде поехали...

Инженер в кепке. Всё у нас «вроде»... Вроде столица, а вроде – деревня... Вроде едем, а вроде – стоим...

Мужик (*вскочив с места и широко раскинув руки*). По-здра-вля-ю вас всех! По-здра-вля-ю! (*Начинает дико гоготать*)

Женщина с длинными ногтями. Что еще случилось?

Мужик. А вы не видите, да? Не видите? И правильно, что не видите... (*Хохочет*.)

Мужчина с кейсом. Говорите яснее, в конце концов... Что с вами, Пётр?

Мужик. Куда уж яснее... Мента-то нет. Растворился...

Инженер в кепке (*поворачивая голову туда, где сидел Лейте-нант*). Да это черт знает что... вообще... что тут... это мистика ка-кая-то!..

Парень. Шок – это по-нашему!

Девушка в мини (*надувая жвачный пузырь и хлопая по нему ла-дошкой*). Опа! Сега-мега-драйффф! Суперски исчезают!

Парень. В Москве появилась новая коллекция шапок-неви-димок... Продаются в «Метро»...

Мужик. Он, наверное, за пенсионером пошел... Или альфов-цы забрали... Чё, впрочем, одно и то же...

Мужчина с кейсом. Но это же... Нет, это как-то... Такого про-сто быть не может!

Мужик. Ты себя запрограммируй, запрограммируй... Пред-лагаю никого не искать. (*Обращается ко всем*.) Народ! Всё, всё! Стоп! Стоп-кран, говорю! Слуш меня! Трупа нет, мента нет... Чё у нас, значит, получается? А? А?.. Шевелите извилинами. Это, значит, нет ни убийства, ни сопротивления власти... Всё – чи-стые мы. (*Вытирает ладонь о ладонь*.) А ножичек мы сейчас вы-бросим. (*Направляется к храпящему Бомжу, приподнимает баул, брезгливо вытаскивает двумя пальцами за кончик лезвия нож и выбрасывает его за окно, после быстро-быстро затирает но-гами остатки малинового следа, тянущегося по вагону, которые не стерли танцующие, и, довольный, садится на свое место*.)
Всё! Баста!

Мужчина с кейсом. Да не бывает так! Это розыгрыш!

Инженер в кепке (*с совершенно серьезным видом*). Если это розыгрыш, и если это кто-нибудь, кроме нас с вами, видел, то

это очень злой розыгрыш... Вы хоть понимаете, что мы все... мы все... души здесь наизнанку вывернули... Мы же так обнажились, что уже не оденемся никогда... И, поверьте, это похуже любого «Фейсбука» будет... Мы же теперь голые навсегда... Голые и грязные... Нам уже не отмыться! *(Застывает около одного из окон и читает вслух.)* «Места для инвалидов, лиц пожилого возраста и пассажиров с детьми». *(Бездумно повторяет.)* «Места для инвалидов... Для инвалидов...» *(Приседает, бьет себя по коленям и заходится в нездоровом смехе.)*

Со своего места поднимается Бомж, подходит к пассажирам и тычет каждому в лицо дном бутылки.

Бомж. Ну что, долбаки... Поехали?.. Дебилы, мля! *(Жмет на кнопку экстренной связи.)*

На его фразу никто не реагирует.

Поезд трогается и постепенно набирает обороты.

Все бросаются друг к другу, обнимаются, поздравляют. Будят Бабу с пакетами, увлекают в свой круговорот Бомжа. Обнимают и его. Мужик показывает в сторону зрительного зала: «Народ! Уже станция! Станция! Это дело надо отметить! Тут недалеко кабак есть!.. Во! Во! Вагон другого поезда!» Машет зрителям: «Эге-гей!» Девушка в мини подпрыгивает: «Супер! Вай-фай заработал! Ой! Мне что-то в личку скинули!» Парень: «Ур-раа!.. О! И мне ролик пришел!» Мужик бросается к Женщине с длинными ногтями. Сгребает в охапку, смачно целует в губы: «Это всё альфа твой! Это ого-го!» Женщине с длинными ногтями не очень приятны его прикосновения, но она тоже счастлива, и потому старается не подавать вида. И только Инженер в кепке постоянно спрашивает: «А где труп? Труп — где? Мы же все-таки человека убили!.. Он же как бы человек был... хоть и пенсионер...» Ему отвечают чуть ли не хором: «Да это неважно! Важно, что мы из тоннеля выбрались! Вот что важно... Сейчас по домам все...» Инженер в кепке: «А как же лейтенант? Он же там, навер-

ное, в тоннеле остался?» — «Да сам выйдет, что вы переживаете! И вообще он — мент, хоть и переименованный... ментом больше, ментом меньше... Всё так здорово!» — «Но ведь человек все-таки... пусть и переименованный...» — «Не берите в голову! Смотрите, нас уже встречают! Видимо, и правда что-то серьезное на линии произошло. Мы, считай, герои!.. Глядите-ка... ка... камеры!»

Поезд останавливается, и к нему со всех сторон сбегаются люди. У одних в руках камеры, у других — микрофоны. Впереди шествует в джинсовом костюме седой сухопарый человек со смеющимися глазами.

Мужик (*широко улыбается в объектив телекамеры*). Да всё пучком у нас! Не парьтесь! Поначалу, конечно, непросто было, но когда люди кругом хорошие... (*Прихватывает Лайфхакера, тот оказывается у него под мышкой и начинает жадно хватать ртом воздух.*)

Инженер в кепке (*позирует операторам и говорит в поднесенные микрофоны*). Спасибо, господа, спасибо. Хочу выразить огромную благодарность нашему правительству за оперативное разрешение чрезвычайной ситуации на линиях самого красивого метрополитена в мире.

Баба с пакетами (*машет в объектив*). Доньку, цэ я! Маты твоя! Сюды казаты, да? (*Тычется в микрофон.*) Хочу передать привет усим своим родственникам. Леша, Миша, диду Женя, я вам гостинцев видправыла... с человеком... Там икорки четыре банки, черной, и сервелату восемь палок... (*Камера продолжает снимать.*) А, забула... Диду Женя, вид геморрою чаю попей, почечуйного... и осиновые листья — пид зад! Диду Женя, листья на два часа засунь, на два!.. Не больше! (*Склоняется над сумками.*) Пидожды, рецепт скажу!..

Остальные тоже позируют, как на фотосессии, и раздают интервью.

Девушка в мини. А вы нас по TV покажете? Мы типа герои, да?

Седой мужчина¹. Герои, девушка, герои... Все вы герои... И зачем же по TV? Все в открытом доступе, в режиме онлайн, прямая трансляция... Мир-то у нас вон какой. Открытый! Свободный! Развернитесь и посмотрите!

И тут в вагоне загораются все дисплеи. На них появляется один из каналов видеохостинга «YouTube» с быстро набирающими количеством лайками и дислайками. Все разворачиваются в сторону вагона и смотрят на экраны.

Девушка в мини. Лайков больше!

Парень. В разы...

Инженер в кепке. Это что такое?

Просто мужчина (*потерянно*). Это, кажется, мы...

Седой мужчина. Примите наш поклон — от меня как режиссера и от всей съемочной группы нового реалити-шоу «Метрополитен»... Сердечно вас всех поздравляю с удивительным и незабываемым дебютом. И, кстати говоря, только что мы с вашей помощью преодолели планку в десять миллионов просмотров! Спасибо! Большое вам спасибо!

После этих слов в вагоне открывается неприметный люк, находящийся под скамьей. Из люка один за другим появляются Пенсионер (без кроссворда) и Лейтенант. Они поднимаются наверх, выходят из вагона и направляются к собравшимся. К ним присоединяется Бомж.

Щелкают затворы фотоаппаратов, работают камеры, глаза слепят вспышки.

«Герои» впадают в ступор. Мужик выпускает Лайфхакера,

¹ При сценическом воплощении пьесы *Седого мужчину* и *Пенсионера с кроссвордом* можно объединить в одного персонажа. (Прим. авт.)

тот плавно и медленно опускается на пол. Затем поднимается на четвереньки и застывает. Кажется, он вот-вот залает. Женщина с длинными ногтями нервно мнет подушечки пальцев. Девушка в мини стоит в позе «Да вы гоните!» – ноги на ширине плеч, руки в боки, пирсинг вперед, рот открыт. Баба с пакетами, нагнувшись к поклаже, так и застывает. При этом голова чуть приподнята, а глаза косят как-то снизу вверх на Пенсионера, помятого Лейтенанта и совершенно трезвого Бомжа. Из глотки булькает: «Чур меня, чур...» Мужчина с кейсом левой рукой прижимает в отчаянии чемоданчик к груди, будто защищается щитом, правой – лихорадочно крутит спиннер. Парень заходится в смехе. Мама придерживает инвалидную коляску, на которой сидит Мальчик с железной дорогой. В руках у Мальчика коробка с игрой – из которой один за другим выпадают вагончики. Он пытается одновременно ловить игрушки и не выпускать коробку из рук. Инженер в кепке то снимает головной убор, то надевает. Из рта вываливаются слова: «Честь и достоинство... По судам...» Просто мужчину зациклило, он стоит напротив Пенсионера, смотрит на него и начинает делать бессмысленные движения – поправляет галстук и чешет нос, поправляет галстук и чешет нос, поправляет галстук и чешет нос... При этом, как заезженная пластинка, повторяет: «Так, так, так... Вот, значит, как... Так, так, так...»

Седой мужчина. Познакомьтесь, господа. Актеры театральной труппы «Вагонетка.ру»¹, которые были с вами всё это время и полностью контролировали ситуацию. А здесь наш самый главный реквизит. *(Показывает нож с секретом, пакетик с малиновой жидкостью, затем берет у Бомжа бутылку и поднимает ее высоко вверх.)* Наша главная скрытая камера!

Мужик *(первый приходит в себя).* Реалити... Ютуб... угу...

¹ При сценическом воплощении пьесы может быть использовано название театра, в котором ставится пьеса. *(Прим. авт.)*

шоу... угу... На всю страну, значит... В открытом доступе... Я же чувствовал, что он липовый, ментяра ваш... *(Тянется к бутылке Бомжа, которую держит Седой мужчина.)* Дай, не балуй...

Женщина с длинными ногтями. Пётр, Пётр... не надо... не надо... я прошу вас...

Просто мужчина. Подождите. Не сходится что-то. *(Все поворачиваются к нему.)* Кто-то еще должен быть... Ведь драка... *(Пауза.)* Там же лейтенанта не было, а пенсионер с бомжом... *(Пауза.)* Они же просто сидели. *(Начинает озираться.)* Кто-то четвертый должен быть... Тот, кто драку начал...

Парень *(истерично хохоча).* Вы еще не поняли? Нет никакого четвертого! Это мы!.. Мы!..

Все теряют интерес к Просто мужчине и переключаются на Мужика.

Мужик. Дай, не балуй...

Седой мужчина. Извините, не могу.

Мужик. Дай, говорю. Не понтись, фраер!

Седой мужчина. Не могу.

Мужик. Дай!

Инженер в кепке. Петя, Петенька... Третий срок — дадут...

Последняя фраза явилась для Мужика катализатором.

Мужик *(рванувшись вперед).* УБЬ-ЮЮЮ!

От удара Седой мужчина падает на пол. Мужик подворачивает ногу и валится на него. Операторы продолжают снимать происходящее с разных ракурсов. Седой мужчина и Мужик крутятся по сцене волчком. При этом каждый норовит не только ударить соперника, но одновременно дотянуться до бутылки. Остальные, за исключением Мамы и Мальчика с железной дорогой, которому она закрывает ладонями глаза, наваливаются на съемочную группу. Крушат камеры и осветительные приборы.

Раздаются возгласы: «А вот сейчас всё будет по-настоящему!.. Это – мафия!.. Убью!..»

Из толпы выуживается Лайфхакер. Он достает вейп и, бегая вокруг дерущихся, принимает нервно дымить. Пар постепенно заволакивает пассажиров и они исчезают в перистых облаках с запахом вишнёвой косточки.

Под истошные крики: «Убили! Все-таки убили!» поезд набирает обороты. Но убитый из-за многочисленных ног толпы, окутанный дымом, не виден...¹

В левом верхнем углу сцены зажигаются электронные часы. На сцену опускается полотно экрана. Кадры показывают зрителей, входящих в фойе театра, проходящих турникеты и занимающих свои места в зале. Зрителей – смотрящих спектакль.

Голос машиниста

(бархатистый и одновременно бесстрастный)

«УВАЖАЕМЫЕ ПАССАЖИРЫ!

БУДЬТЕ ОСТОРОЖНЫ, ВАС МОЖЕТ СНИМАТЬ СКРЫТАЯ КАМЕРА».

Занавес.

*Москва, 18 – 25 июня 2006 г.,
21 августа – 15 сентября 2018 г.*

¹ При сценическом воплощении пьесы финал возможен без убийства неизвестного. (Прим. авт.)

ПОСЛЕСЛОВИЕ

ИЗЮМИНКИ И БЕЗУМИНКИ В СОВРЕМЕННОЙ ДРАМАТУРГИИ

Главным событием культурной программы VIII фестиваля театров малых городов России в Вышнем Волочке была встреча зрителей, участников и гостей фестиваля с писателем и драматургом Глебом Нагорным, сыном известного поэта, заслуженного деятеля искусств РФ, Юрия Кобрин. Литературный псевдоним Глеб Юрьевич взял по девичьей фамилии матери. Он – член Союза писателей Москвы, Союза писателей XXI века и Союза театральных деятелей Российской Федерации, лауреат ряда литературных премий, автор романа «Флёр», сборника новелл и рассказов «День Города», пьес «Лайф-Лайф», «Салон ритуальных услуг» и «Красная Мельница».

По первой и основной профессии он – юрист. Член Адвокатской палаты г. Москвы, Межрегиональной коллегии адвокатов г. Москвы и Профессионального союза адвокатов России. По его собственному признанию, именно юриспруденция дает ему средства к существованию. Но к своему увлечению литературным творчеством, театром и кинематографией он подошел вполне профессионально – к трем высшим образованиям (юридическому, экономическому и психологическому) прибавился факультет кинорежиссуры ВГИКа им. С. А. Герасимова (мастерская М. М. Хуциева), школа актерского мастерства при театре-студии под руководством В. А. Конкина и актерский курс при театральном центре «Гримерка» в Москве. Снимался в кино и выступил в качестве режиссера-постановщика ряда короткометражных фильмов, кандидат в члены Гильдии кинорежиссеров России.

На этом фестивале поставленный по его пьесе спектакль

«Life-Life» с успехом показал в конкурсной программе Молодежный драматический театр города Тольятти. Спектакль стал лауреатом фестиваля в номинации «Лучшая сценография». По традиции фестиваля сразу по окончании показа состоялся арт-клуб – обсуждение спектакля с участием артистов и членов жюри. Критики сошлись во мнении, что пьеса – образец хорошей литературы. Кандидат искусствоведения из Москвы Ольга Игнатюк отметила, что в отличие от большинства современных драматургов, автор словно бы прорежиссировал будущую постановку. Его ремарки отличаются обстоятельностью и дотошностью – «Бери и ставь!» Жюри фестиваля присудило Глебу Нагорному диплом за создание пьесы на современную тему.

А вот какой разговор с драматургом состоялся в театральной гостиной.

– Что больше всего Вам понравилось на фестивале?

– Вышневолоцкие зрители. В зале было много молодежи, подростков. Они оказались очень подготовленными и благодарными зрителями, живо реагировали на все, что происходило на сцене. После антракта начали аплодировать еще до открытия занавеса. А когда артисты вышли на поклон, зал приветствовал их стоя. Это очень приятно и говорит об отношении публики не только к просмотренному спектаклю, но и к театру вообще.

– Какую сверхзадачу Вы ставите перед собой, приступая к написанию пьесы?

– Я стараюсь писать так, чтобы это было литературное произведение, которое интересно читать. Ведь обычно пьесы тяжело читаются и далеко не все ставятся. Это большая удача, если кто-то из режиссеров выберет твою работу, да она еще и приживется в репертуаре театра. Или по твоему сценарию поставят фильм.

– Над чем Вы сейчас работаете, какие темы Вас волнуют?

– Работаю параллельно над несколькими вещами. Правлю пьесу «Русский Хэллоуин», действие которой происходит в Ан-

глии. Изредка пишу новеллы и рассказы. Но катастрофически не хватает времени, поскольку с головой погружен в адвокатскую деятельность, а творчество для меня только хобби.

Что касается тем, которые меня волнуют, то мне интересна судьба небольших провинциальных городов и их жителей. Например, в пьесе «Красная Мельница» действие происходит на шерстомойной фабрике, которая на первый взгляд выглядит гротескно, но такая фабрика существует в действительности. Жаль только, что и такие фабрики, и такие города, как Вышний Волочек, если ничего не предпринимать, через несколько десятков лет могут просто исчезнуть. Надо об этом писать и говорить, надо бить в набат, поскольку в этом целиком и полностью виновата проворовавшаяся исполнительная власть, рассекающая по рытвинам и ухабам наших городов на джипах.

— Как Вы относитесь к современной драматургии?

— За современной драматургией я слежу. К сожалению, в ее потоке много вещей, далеких от литературы — автор что видит, то и поет, калькируя действительность и напрочь забывая об изобразительных средствах. Более того, есть вещи, которые ни при каких обстоятельствах нельзя показывать со сцены. Это уже вопрос эстетической культуры и хорошего вкуса. Много «чернухи», к тому же авторы зачастую небрежно обращаются со своими героями и фактическим материалом. И все это выплескивается на зрителя.

Однако произведения молодых драматургов надо читать, в их потоке можно и нужно искать и находить по-настоящему интересные работы.

— В наше время опубликовать любое литературное произведение — проблема, пьесу — тем более. Есть опасение, что самое интересное как раз и окажется неопубликованным...

— Для этого есть Интернет. Я, как и множество других авторов, этим широко пользуюсь, и все мои тексты, как опубликованные в печати, так и ждущие своей очереди, размещены не только у меня на сайте, но и на серьезных литературных ресурсах — «Журнальный зал», «Читальный зал», «Мегалит», «То-

пос», «45-я параллель».

– Какие ощущения вызывают у Вас постановки ваших пьес?

– Мне интересно увидеть каждое режиссерское прочтение. Например, спектакль «Life-Life» два сезона при полном аншлаге шел в Русском драматическом театре Литвы и третий сезон идет в Ставропольском академическом театре драмы имени М. Ю. Лермонтова. Сейчас готовится постановка в Мурманском областном драматическом театре. В Ставропольском академическом театре пойдет пьеса «Салон ритуальных услуг». У режиссеров разные подходы к теме, спектакль живет и развивается. Мне было бы интересно, как его поставят на других подмостках, например, в Вышневолоцком драмтеатре или в Москве. Даже если пьесу в разных театрах ставит один и тот же режиссер, спектакли похожими не бывают, поскольку артисты, сценографы, музыка и, конечно, зрители — другие.

– Что Вас затронуло в последнее время из увиденного в театре или кино?

– Знаете, я всегда стараюсь объективно воспринимать то, что вижу на сцене, безотносительно к личности авторов и режиссеров. Скажем, мне не все нравится у Кирилла Серебренникова и не очень понятна ситуация с его назначением художественным руководителем Театра имени Гоголя, но «Зойкина квартира» в МХТ им. А. П. Чехова в его постановке — блестящий спектакль. Кроме изумительной режиссуры, сценографии и актерских работ там много всяких изюминок, фишечек и фенечек. И при этом не потерялся Булгаков, остался его мастерско-маргаритовский взгляд.

В кинематографе из последнего я в восторге от «Фауста» в режиссерском прочтении Александра Сокурова и «Меланхолии» Ларса фон Триера. Из прочитанного — любопытны пьесы братьев Пресняковых. Их тексты с безуминкой, но без безумия.

– Какие черты характера Вы особенно цените в людях?

– Обязательность и верность слову. В Москве есть замечательный литератор Евгений Степанов — гендиректор холдинга

«Вест Консалтинг» и главный редактор нескольких газет и журналов, в том числе журнала «Дети Ра», в рекордные сроки опубликовавший мои новеллы и рассказы в ряде изданий.

Для Москвы это вообще редчайший случай, чтобы человек дал слово не ради красного словца, а ради конкретного дела, и сдержал это слово. Я, конечно, Евгению Викторовичу за это очень признателен.

— Вы автор романа «Флёр». Есть задумка написать другой роман?

— У меня есть черновики еще двух незаконченных романов. Но для того, чтобы книги дошли до своего читателя, нужен хороший менеджмент. К сожалению, издатели романа «Флёр» оказались симпатичными людьми, но исключительно непрофессиональными менеджерами. Они издали роман с изумительными иллюстрациями и потрясающей полиграфией, но ровным счетом ничего не делали для продвижения романа на рынке.

Подобная ситуация была, если не ошибаюсь, у Пауло Коэльо с издательством «София», когда его книги кормили мышей на складах, пока в издательстве не поменяли менеджерский состав.

В итоге с издателями «Флёра» пришлось поступить достаточно жестко, но справедливо, через два года раздувания щек, обещаний и ничего не делания с их стороны — я расторг договор. В настоящее время все авторские права в полном объеме принадлежат мне. Видимо, люди забыли, что я прежде всего адвокат, а потом уже писатель.

— Сейчас театр все больше склоняется в сторону режиссерского театра, а актеры там только выполняют замысел постановщиков. Как Вы к этому относитесь?

— Когда я учился в институте кинематографии, у нас в группе были все режиссеры. А откуда брать актеров? Из своих. И когда я снимался в качестве актера, режиссерские амбиции приходилось прятать подальше. Иначе на съемочной площадке воцарится хаос. То же самое и на сцене. Пожалуй, я соглашусь с режиссерским театром.

– Вот пьеса написана. Как дать ей сценическое воплощение?

– Написал я «Лайф-Лайф» в 2006 году и начал ходить с распечатками по театрам Москвы. Так вот, в МХТ им. А. П. Чехова в 11 часов утра на проходной у секьюрити уже лежала пачка пьес. Сами понимаете, при такой конкуренции пробиться крайне тяжело. Правда, пьесу через неделю после написания собирался ставить Леонид Трушкин в Театре на Малой Бронной. Мы вели переговоры, и он предлагал мне писать специально для театра в год по пьесе, но что-то у него не сложилось с труппой, и худруком театра он пробыл очень не долго. В итоге постановка так и не сложилась.

А Владимир Хрущев из Молодежного драматического театра города Тольятти увидел эту пьесу уже в Ставропольском академическом театре в постановке Юрия Попова, и она ему очень понравилась. Что из этого получилось, зрители и коллеги видели на фестивале. Нередко случается, что сначала пьеса идет по провинции, а потом ее замечают в столице. Так было, если не ошибаюсь, с «Одноклассниками» Юрия Полякова. А вообще, на пробивание своих вещей, к сожалению, уходит больше времени, чем на написание. У нас ведь совершенно не развита система продюсирования. По уму, автор должен только писать, а доносить его произведения до читателя и зрителя должны литературные агенты и продюсеры. В Российском книжном союзе около 150 издательств, но политику определяют два гиганта, и авторы зачастую становятся заложниками политических игр на этом поле.

– Кого из драматургов XX века Вы выделяете?

– Пожалуй, Вампилова. А вот Эжена Ионеско я не люблю, хотя его «Носорог» сценически сделан безукоризненно. Но если в «Носороге» есть метафоричное содержание и форма, то в «Лысой певичке», «Уроке» и «Стульях», на мой взгляд, есть только форма. Понимаете, я не люблю откровенный бред, который мне активно подают ангажированные критики под соусом интеллектуального абсурда.

— А что из западной классики любите?

— Это покажется странным, но писать я начал после прочтения Генри Миллера. Люблю Ремарка, хотя оба эти автора стали с годами повторяться. Вообще, я учился в школе, которую мы в шутку называли школой с англо-литературно-историческим уклоном, и литературу в нас буквально вбивали, поэтому мы, как могли, изворачивались, используя в сочинениях чужие рецензии. А когда я прочитал Миллера, то понял, что, оказывается, можно писать по-другому — не хрестоматийно, не по правилам. Очень люблю Набокова. Особенно ценю умение работать со словом, что, как правило, не свойственно современным прозаикам. Не говоря уже о том, что многие занимаются самоплагиатом и переписывают самих себя. Те же Пелевин и Сорокин сегодняшние ничем не отличаются от самих себя десятилетней давности.

— Вам не хочется самому поставить свою пьесу или снять по ней фильм?

— Знаете, каждый должен заниматься своим делом. Но, как говорится, не зарекаюсь. Вообще, в институт кинематографии я поступал уже после тридцати лет на платное отделение, реализовав свою давнюю мечту. Думал, что достаточно заплатить для поступления. Но оказалось, что на каждое место претендуют около 24 человек, а приемные экзамены шли в четыре тура и продолжались с апреля по сентябрь. В итоге я был принят в мастерскую народного артиста СССР М. М. Хуциева — человека удивительно талантливого.

Многие из моих сокурсников сняли фильмы, получили какие-то премии на кинофестивалях, но почти все возвратились в свою прежнюю профессию, потому что надо кормить семью и иметь стабильный заработок.

Конечно, есть мечта снять свой фильм, но для этого нужны колоссальные деньги. Поэтому скорее всего это будет авторское малобюджетное кино. Но хочу заметить: неправда, что нет хороших современных пьес и сценариев. Они есть, их много, но им очень трудно пробиться на театральную площадку, не говоря

уже о кино.

– Почему с темой постановки своей пьесы Вы связали кино, а не театр?

– Наверное, потому что по одному из образований я кино-режиссер. А вообще, у нас в семье разделение труда. Отец отвечает за поэзию и мемуары, а я – за прозу, драматургию и публицистику. Мама – литературный редактор и самый строгий критик. Но повторяюсь, каждый должен делать свое дело. И как можно лучше...

Беседовала Нина АЗАРИНА

«Дети Ра»,

№2 (100), февраль 2013 г.;

«Поэтоград»,

№6 (57), февраль 2013 г.;

«Тверской курьер»,

№17 (493), 16 ноября 2012 г.

РУССКИЙ ХЭЛЛОУИН – НЕ БЕССМЫСЛЕННЫЙ, НО БЕСПОЩАДНЫЙ

– Глеб, нам интересна судьба «Русского Хэллоуина», за который вы получили не одну, и не только литературную, а даже политическую (Демьяна Бедного) награду – ведь это был сначала роман, а потом роман-перформанс. Вам не кажется, что образ олигарха по-прежнему недоволен в отечественном искусстве – если не считать исчерпывающим одноимённый фильм (а он и впрямь едва выпрыгивает за уровень детективного сериала) по мотивам биографии покойного Березовского. Образ же ныне здравствующего Абрамовича, ставший в «Хэллоуине» центральным – пытался кто-то перетаскивать на сцену, ведь роман в модификации перформанса это и предполагал?

– Вообще говоря, «Русский Хэллоуин» изначально задумывался не как роман, а как сиквел пьесы «Салон ритуальных услуг». Насколько мне известно, в драматургии только Сухово-Кобылин использовал этот приём. В кинематографе, безусловно,

есть и сиквелы, и приквелы, но, насколько я знаю, в современном театре аналогов этому нет. Что касается главного героя, то ни к Абрамовичу, ни к Березовскому он, конечно, никакого отношения не имеет. Это некий собирательный олигархический образ, который в пьесе «Салон ритуальных услуг» вообще являлся второстепенным героем. И поскольку в «Салоне ритуальных услуг» действие, разворачивающееся на Рублёвке, заканчивается тем, что олигарх уезжает в Шотландию, то в «Русском Хэллоуине» всё как раз с Шотландии и начинается, а второстепенный герой становится главным.

В любом случае, это не роман, который стал перформансом, а наоборот, пьеса, которая по объёму и содержанию превратилась в роман. При этом драматургическую форму я сохранил. То есть вещь выполнена на стыке двух жанров – прозы и драматургии. Я вообще люблю искать редкие, необычные формы. Наверное, поэтому «Русский Хэллоуин» получил не только премии в драматургии, прозе и инсталляциях, но и вошёл в лонг-лист литературной премии Международного кинофестиваля имени Саввы Морозова.

Что касается судьбы «Русского Хэллоуина», то вполне возможно в ближайшие полгода состоится постановка по мотивам романа: в Москве, в «Театральном особняке» под руководством Леонида Краснова. Но загадывать не буду.

Театральный мир настолько изменчив, что строить какие-либо планы на будущее бессмысленно. Скажем, на постановку спектакля по «Салону ритуальных услуг» у меня года четыре как заключён договор с одним театром, тем не менее спектакль до сих пор не поставлен. И это при наличии подписанного контракта. Что там у худсовета в отношении пьесы кардинальным образом изменилось, какие «духовные скрепы» не в те пазы вошли, я уже, признаться, даже не интересуюсь.

– В целом, наш читатель чаще гадает, чем знает точно – как происходят те или иные награждения, кто курирует и финансирует литературные и театральные премии. Просто возникает очередной автор с очередным «орденом» и вроде бы –

вот оно, признание... В коридорах этой власти вам удалось по-черпнуть что-то интересное не только как претенденту на премию, а ироничному наблюдателю?

– Откровенно говоря, если бы за мной стоял издатель, литературный агент или театральный промоутер, я бы палец о палец не ударил, чтобы участвовать в каких-либо конкурсах и премиях, поскольку у меня отношение к творчеству предельно конкретное: проза должна выходить в книгах, а драматургия — ставиться в театрах. Все эти дипломы, знаки отличия и премии приятны первые десять минут, и если они не имеют финансовой составляющей или не становятся трамплином к последующим публикациям или театральным постановкам, то, по большому счёту, это просто красивые бумажки в рамках. Иногда с вензелями и печатями. Дело в том, что я вынужден участвовать в различных литературных премиях и конкурсах, чтобы хоть как-то донести свою прозу до читателей, а драматургию до театров. Что касается «коридоров власти», то это давно уже секрет Полишинеля. Почти все драматургические премии так или иначе находятся под жёстким контролем «новой драмы», абсолютно во всех престижных литературных премиях вы будете с завидным постоянством наткаться на одни и те же издательства, «толстяки» и фамилии шорт-листеров. Это даже обсуждать как-то неловко. На эти темы написаны десятки разоблачительных статей, а воз и ныне там. За последний выбор Нобелевского комитета вообще стыдно. «Политическая пощёчина» Белоруссии и России, думаю, не стоит того, чтобы из-за этого обойти вниманием более талантливых претендентов, чем Светлана Алексиевич. В частности, тот же Харуки Мураками с точки зрения писательской амплитуды, художественного дара и мирового признания объективно более достойный кандидат.

– **Никита Михалков подал свою очередную кинематографическую неудачу на «Оскар» — не сам, конечно, подал, но мы догадываемся, как оно происходит и как оно там у него всё «схвачено». Вопрос в связи с этим — а какова вообще система отбора**

и на скольких кинофестивалях можно «покрутить» своё кино?

– Неудача – это ещё слабо сказано. Вообще говоря, есть категория режиссёров, которым после определённого возраста категорически нельзя снимать. Вспомните, какую конъюнктурную чепуху в конце восьмидесятых-начале девяностых снимал Гайдай. В случае же с Михалковым это ещё и сусально-благостная конъюнктура. Иначе как «гротескным реализмом» я это назвать не могу. И это снял тот же человек, который подарил миру прекрасные картины, которые по праву стали классикой кинематографа. Честно говоря, я это могу объяснить только какими-то глубокими возрастными изменениями... Что касается кинофестивалей, то это отдельная и очень масштабная тема. На мой взгляд, все эти кинофестивали огромная профанация, рассчитанная на обывателя. Люди, которые не имеют никакого отношения к кинематографу, ведутся на эти премии, поскольку не имеют ни малейшего представления, как это на самом деле происходит.

Первый раз я заинтересовался кинофестивалями, когда мой приятель принёс DVD с фильмом какого-то не то алжирского, не то марокканского режиссёра. Эта дичайшая лабуда была вся увенчана лавровыми венками. После просмотра, я приятелю прямо заявил, что более унылой и беспомощной вещи мне видеть не приходилось, на что получил от него вполне резонный обывательский ответ: «А как же премии? Посмотри сколько наград!» И вот тут я заинтересовался этим процессом. Признаться, даже не ожидал, что так легко можно сделать себе имя на кинематографическом поприще. Хотя, казалось бы, кино делать сложно и достаточно затратно, если это, конечно, не авторское малобюджетное кино, как в блестящих случаях с «Пылью» Сергея Лобана и «Портретом в сумерках» Ангелины Никоновой, когда бюджет первого фильма обошёлся всего в три тысячи долларов, а второго – в двадцать тысяч.

Чтобы было понятно, я приведу только цифры. Для сравнения возьмём литпроцесс. Если подсчитать все русскоязычные престижные литературные премии, достойные фестивали-кон-

курсы, все драматургические конкурсы, серьёзные поэтические награды и премии «толстых журналов», то в общей сложности по всему русскоязычному миру и во всех жанрах их наберётся немногим больше пятидесяти. При этом драматурги и поэты будут связаны по рукам и ногам только своими жанрами, а стало быть, и конкурсами очень узкой направленности. В русскоязычной драматургии их вообще не больше десяти.

А теперь поговорим о кинопремиях. Режиссёр Алексей Учитель в одном интервью назвал цифру — вы только вдумайтесь — 2000 кинофестивалей по всему миру. Я в СМИ наталкивался на цифру вообще в 4000. Только в России проводится порядка 100 кинофестивалей. Но что удивительно, полнометражных художественных фильмов в России тоже снимается плюс-минус 100. И представьте, что вы не лентяй, и сильно озаботились фестивальной судьбой своей киноленты. Делаете титры к фильму на английском языке и совершенно свободно начинаете окуливать фестивали от Канады до Австралии.

В качестве примера приведу два фильма без оценки качества кинолент и таланта авторов. Полнометражная картина Славы Росса «Сибирь. Монамур» взяла 70 наград на различных кинофестивалях, короткий метр Сергея Цысса «Второе дыхание» участвовал в 300 фестивалях 50 стран мира и получил около 60 наград, то есть фактически «выстреливал» каждый пятый фестиваль. А теперь вообразите, что вы отправили свой фильм даже не на 300, а хотя бы на 100 фестивалей. Предположим, на 50 фестивалях вашу ленту по тем или иным причинам в конкурсную программу не отобрали: не понравилась работа, не подходит по тематике фестиваля, вы в соцсетях зацепили кого-то из членов жюри и т. п. А в 50, напротив, к фильму отнеслись вполне благосклонно. Если вы сняли не откровенную чушь, то 5–10 наград вам обеспечено. Причём на кинофестивалях номинаций же масса: Гран-при, лучшая режиссёрская работа, лучшая операторская работа, лучший сценарий, лучшая мужская роль, лучшая женская роль, лучшая роль второго плана, лучшая музыка, приз зрительских симпатий. Конечно, на «Оскар» сам

себя, любимого, не подашь, тебя должны именно «выдвинуть», но для участия в большинстве кинофестивалей вообще никто не нужен. Зачастую достаточно в электронном виде заполнить анкету и выслать ссылку на скачивание фильма. И это при том, что возможность участия в подавляющем количестве фестивалей вообще бесплатная, а где-то имеет очень символическую сумму. Более того, это участие, как правило, ещё и не ограничено географически. Как я говорил, вам достаточно сделать титры.

Скажу больше, существует ряд компаний, которые специализируются на продвижении и отправке фильмов на российские и зарубежные кинофестивали. Например, услуги «Сinergoto» стоят «6 500 руб. ежемесячно за 200 +\)-фестивалей в год, что составляет по 15 +\)- фестивалей в месяц». И вот вы уже во Франции, Италии, Германии. И тут ведь есть ещё один нюанс. Обыватель не делает различия, скажем, между конкурсной программой короткометражных фильмов Каннского кинофестиваля и «Short Film Corner» Каннского кинофестиваля.

Поясню, чтобы было понятно. Представьте себе Московский зоопарк, около которого ютится небольшой зверинец. Вот этот «Уголок короткого метра» и есть тот самый зверинец при Каннском фестивале, который прямого отношения к конкурсу короткометражных фильмов не имеет, являясь всего-навсего «площадкой для творческого и делового общения профессионалов и продвижения короткометражного кино», что, собственно говоря, прямым текстом следует из информации, размещённой на официальном сайте Каннского кинофестиваля. Фактически это такой ларёк «Союзпечати», примкнувший к супермаркету. Поэтому когда какой-нибудь режиссёр бахвалится в СМИ и блогах участием в Каннском фестивале, не поленитесь, помониторьте, в какой программе его фильм принимал участие.

Теперь по поводу уровня фестивалей. Многие российские режиссёры делают упор только на международные кинофестивали категории «А», которые утверждены Международной федерацией ассоциаций кинопродюсеров (FIAPF), такие как Каннский, Берлинский, Венецианский, Шанхайский кинофести-

вали, фестиваль в Локарно, в Карловых Варах, ММКФ и т.п., либо ориентированы на достаточно знаковые российские кинофестивали, скажем, «Кинотавр», и вообще больше чем в десяти-двадцати фестивалях участия не принимают, берут, что называется престижем, а другие, напротив, «режиссёрский вес» набирают количеством и шлют свои фильмы от Торонто до Сиднея, от Камчатского края до Калининградской области. Ведь сегодня любая уважающая себя «деревня» считает своим долгом пустить «красную дорожку» к клубу. И всё что потом требуется от режиссёра, это просто ездить по этим «деревням» за своим детищем, отлавливать журналистов и раздавать интервью. Всё. Иллюзия «режиссёрского имени» создана. Дальше уже идёт манипуляция гипотетическим зрителем в соцсетях, который видит только скан диплома где-нибудь в фейсбуке и нежное нарциссическое селфи со статуэткой, не понимая, что эта премия никакого престижа в кинематографической среде вообще не имеет. Тем не менее по соцсетям тут же несётся лава из любвеобильных лайков и щедрых перепостов, а журналисты подхватывают режиссёрские байки про международные награды. Таким образом аудитории очень легко запудриваются мозги.

Я не буду называть фамилию одной дамы, но как-то на ютубе я посмотрел её совершенно чудовищную короткометражную работу. Причём — что с точки зрения содержания, что с точки зрения технического уровня. И что бы вы думали? Работа завоевала две премии в США на каких-то одному американскому богу известных фестивалях. О чём это говорит? О том, что даже откровенный бред имеет все шансы получить награду. Словом, колоссальная девальвация кинопремий произошла. И причина тут одна — это их невероятное, совершенно запредельное количество. Обыватель же, как я говорил ранее, с одинаковым успехом проглотит и Каннский кинофестиваль, и его «уголок».

— **Политическая конъюнктура в истории всех награждений Михалкова очевидна: в начале 90-х требовалось «советское покаяние», оно и было получено в «Утомлённых солнцем»,**

но вряд ли можно на этом закончить список «политически подгадавших». Появление, например, в кинопремиантах такой упаднической вещи, как «Овсянки» — чем на ваш взгляд может быть обусловлено? Сползанием «прогрессивной» интеллигенции через православие уже в откровенное язычество?

— Всё гораздо проще. Дело, конечно, не в православии и не в язычестве. Надо просто понимать, что конъюнктура бывает двух видов. Патриотическая и либеральная. Часть фестивалей, они как раз ватнического толка, часть, напротив, белоленточного. И аудитории у этих премий соответствующие. Тут главное держать нос по ветру. А большинство режиссёров, к сожалению, ориентированы не столько на зрителя, сколько на статуэтку, поскольку сегодня во главу угла ставится не талант, а тщеславие. В киносреде даже есть такая шутка: «Хочешь оторвать премию? Посмотри, какой фильм получил на этом фестивале в прошлом году Гран-при и сними нечто похожее». Поэтому множится очень много унылого авторского кино «за жисть». С утомительным и длинными планами, чернушной драматургией, маргинальными героями. Этакий а-ля русский экзистенс. «Овсянки», к слову сказать, не такое уж плохое кино. Есть гораздо более фестивально-унылая тягомотина, мало имеющая отношения к жизни. В итоге получается никому не нужное плагиативное «фестивальное кино», в котором по едкому замечанию Светланы Проскуриной «человек два часа конструируется по экрану». Помню, во ВГИКе даже ходил анекдот на тему премиального кино. Режиссёр говорит актёру, стоящему на берегу моря: «Походи у воды. Посмотри вдаль. Постой, покури. И побольше задумчивости». Актёр спрашивает режиссёра: «А о чём всё-таки этот фильм? Какая моя сверхзадача?» Режиссёр: «Тут нет сверхзадачи. Это фестивальное кино. Оно о нас, о всех о нас...» Вот в таком ключе, к сожалению, сегодня российское кино и снимается. Якобы про нас, но почему-то в это невозможно поверить, да и смотреть можно только хорошо насосавшись водки и желательно с кокаином. А проблема тут одна: дело в том, что не рассказываются внятные, креп-

ко сбитые, драматургические истории. В киноленте будет что угодно: шалтания-болтания героев по экрану, длинные планы, будут задействованы краны, рельсы, стэдикамы и «долли», но не будет главного – взаимоотношений между людьми. Но зато в каждом режиссёре откроет глазки маленький Тарковский или Герман-старший. Из всего потока киноработ прошлого года я вообще могу выделить только две киноленты – это «Дурак» Юрия Быкова и «Класс коррекции» Ивана Твердовского. Поэтому не стоит удивляться, что наш кинематограф находится в глубокой, ну, вы поняли где... И тут, конечно же, дело не в зашоренных недалёких зрителях, а в самих режиссёрах. Снимая кино «не для всех», они фактически снимают кино «ни для кого». Поскольку всё это кино из разряда «для меня, членов жюри и моего кота на кухне». Ни о каком серьёзном прокате тут речи быть не может, поскольку и бесплатно в Интернете это зачастую смотреть невозможно... А вспомните одиозный «Левиафан» Звягинцева. Если заметили, это был чуть ли не единственный фильм прошлого года, который просто казнили в соцсетях за сценарий. Там же веры нет прежде всего в бытовые отношения между героями. То есть показана такая сценарная чушь, якобы происходящая в российской глубинке, которая очень по сердцу либералам-западникам, но в которую крайне сложно поверить, просто начав анализировать сам сценарий и взаимоотношения между героями. И я, откровенно говоря, удивлён, что Звягинцев снял визуально любопытное кино с крепким актёрским ансамблем и, как всегда, изумительной операторской работой, но при этом на таком рыхлом материале. В принципе, я предполагаю, почему это происходит. Дело в том, что Звягинцев – это такой Михалков наоборот. И если один стал снимать пафосную белиберду для «людей в погонах», то другой с упорством плодит фестивальную конъюнктуру для «любителей печенек».

– **А сами не хотите что-нибудь снять? У вас же одно из образований ВГИК-овское, мастерская великого Марлена Хуциева.**

– Это сложный вопрос. С одной стороны, я очень не люблю

незавершённые гештальты, с другой, прекрасно понимаю, что в индустрии могу рассчитывать только на малобюджетное авторское кино. И тут есть большой соблазн начать снимать фестивальныи унылый бесперспективняк, просто потому что нет ничего проще, как слепить нечто тягостное и якобы элитарное. А плодить очередной деструктив мне искренне не хочется. Снимать же ради того, чтобы снимать – я тоже не вижу смысла. Есть и ещё одна проблема. Кино для меня это как раз тот случай, когда мне мешает собственное воображение. Многие сравнивали мой роман «Флёр» с киноработами Терри Гиллиама. Но то, что я могу себе позволить в прозе, невозможно воплотить в кино без наличия колоссального бюджета. А его не будет, тут надо быть реалистом. Но желание снимать, безусловно, есть. Тем более, что с технической точки зрения снять кино сегодня можно и без вложения огромных средств. Поэтому дело осталось за малым. Наступить на горло собственному воображению, не прельститься фестивальными ветрами и веяниями и постараться снять что-нибудь просто человеческое.

Беседовал Дмитрий ЧЁРНЫЙ

«Литературная Россия»,

№36 (2719), 16 октября 2015 г.

ПИСАТЕЛЬ – ЭТО СТИЛЬ

Нашумевший «роман-файл», как называет его автор, а вслед за ним и критики, и читатели, ставший на данный момент самым известным произведением Глеба Нагорного, бесспорно, хорош и интересен. Но творчество этого автора не ограничивается лишь одним произведением, а сами его работы отличаются друг от друга и по стилю, и по реализации. Главы его нового произведения вы можете увидеть на страницах бумажного издания «Контрабанды». А сегодня мы поговорим с их автором – юристом Глебом Нагорным. Это не ошибка, Глеб Нагорный в самом деле юрист. Но, кроме этого, он еще и писатель. О том, кого в нем больше, писателя или юриста,

о его старых и новых книгах и немного о вечном.

«Контрабанда»: Ваш роман называют «роман-файл». Это рождает много ассоциаций с компьютерами, техникой, программированием... это намеренно? В нем есть какая-то «программа», которая взаимодействует с «пользователем»?

Глеб Нагорный: Безусловно. Тем более что главный герой, Флёр, сам является одновременно и файлом, и романом. Это намек на то, что все мы без исключения являемся файлами и живем в своеобразном компьютере. По моему глубокому убеждению, люди рождаются неравными по определению — с изначально заложенными в них программами, разными потенциалами и векторами. Понимаете, чтобы стать Ломоносовым, нужно родиться с талантами Ломоносова. Грубо говоря, быть запрограммированным. Поэтому вопли о всеобщем равенстве и братстве и единых для всех правах — все это от лукавого. Человек, рожденный в фавелах Рио-де-Жанейро или трущобах Дели, уже по вложенной в него программе не равен младенцу из Виндзорской династии. Да что там далеко ходить, соционика насчитывает шестнадцать психотипов. Все это совершенно разные люди-файлы. А теперь относительно самого компьютера. На протяжении всего своего существования человечество не выдумывало ничего, что бы ни наличествовало в том или ином виде в природе. Скажем, летательные аппараты — все это трансформации уже существующих в мире конкретных примеров. Попросту говоря, пернатых. Так и с компьютером. Сильно подозреваю, что кто-то гениально считал суть, если хотите, внутреннюю изнанку мира и в итоге создал пластмассовую коробку с программами, файлами, всемирной паутиной и виртуальной жизнью. Кто вы? Человек или блог? Файл дрожащий или право имеете? Примерно это я и пытаюсь донести до читателя-пользователя.

«Контрабанда»: Когда Вы начали писать, как сами отреагировали на это? Вот жил человек, работал, и вдруг — писатель... Как оно было?

Глеб Нагорный: Откровенно говоря, никаких особых изменений я в себе не ощутил. Мне было просто любопытно попробовать. Я попробовал. Вроде бы получилось. Стал продолжать. Тем более что для писательства никто, кроме самого себя и ноутбука, не нужен. В отличие, скажем, от кинотворчества с колоссальными финансовыми вложениями или изобразительного искусства с приобретением холстов, красок, багетов и прочих материалов. В этом плане прозаикам или поэтам, конечно, гораздо легче, чем людям других творческих профессий. Да и энергетические затраты у них, на мой взгляд, существенно ниже. А я, надо сказать, человек достаточно ленивый.

«Контрабанда»: Кем Вы себя ощущаете — писателем, который еще и работает в юриспруденции, или юристом, который пишет книги?

Глеб Нагорный: Я, безусловно, юрист. Но, скажем так, с творческим потенциалом. Но писателем, тем не менее, себя не ощущаю. Дело в том, что за двадцать лет я так ни разу своей профессии и не изменил. Может быть, и хотел бы что-то кардинально поменять с профессиональной точки зрения, поскольку, откровенно говоря, юриспруденция достаточно скучна и однообразна, но творчество сейчас мало кого кормит. Поэтому вопрос писательства для меня скорее просто забавное времяпрепровождение. Тем более что мало кто в наше время может назвать себя писателем, зарабатывающим именно литературным трудом. Таких людей, наверное, по пальцам пересчитать можно. Литературные журналы в подавляющем большинстве гонорары не платят, а если и платят, то этих денег хватает на пару бизнес-ланчей. Колоссальное количество книг выходит в самиздате. Даже под шапкой именитых издательств. Есть, конечно, топовые авторы. Но их с десяток-другой. Остальные, как вы понимаете, сидят в фейсбуке — разбрасывают ссылки на свое творчество и, к сожалению, нередко вынуждены собирать деньги на издания своих книг краудфандингом. Даже союзы писателей давно превратились в формальные организации, которые многие годы попросту не выполняют своих непосред-

ственных функций — защиты и материальной поддержки авторов. А успешный писатель — это ведь не только чистое искусство, это еще и тиражи, и гонорары, и выделенная от союза квартира, и творческие путевки. Как, собственно говоря, было четверть века тому назад. Вообще творческий человек не должен быть сирым и убогим, иначе он плохо кончит. Фраза «художник должен быть голодным» — это, на мой взгляд, редкая по своей циничности демагогия. А за последние тридцать лет творческая среда оказалась, к сожалению, полностью разваленной и финансово незащищенной. Причем это происходит не только в литературной сфере, но и в театральной, и в кинематографической. На десяток топовых писателей приходится десятки тысяч членов разнообразных союзов. ВГИК, ГИТИС, Щукинское и Щепкинские училища ежегодно выпускают тысячи безработных актеров и режиссеров. А на экранах при этом мы видим одни и те же лица. Творческая профессия сегодня фактически убита государством — и, на мой взгляд, это не менее актуальная проблема, чем проблемы мизерных пенсий, деградирующего образования и некачественной медицины. И если раньше люди рвались в творческие союзы и гильдии, считали за честь быть принятыми в профессиональные ряды, то сегодня все эти союзы-гильдии превратились в пустой звук. Не говоря уже о том, что только в нашей стране возможна ситуация, когда знаменитый писатель, актер или режиссер умирает в глубокой нищете.

«Контрабанда»: А что вообще, по Вашему мнению, делает человека писателем? Что он должен сделать, сказать, каким быть, чтобы иметь право называться писателем?

Глеб Нагорный: Ну, прежде всего, он должен владеть языком. Под этим я подразумеваю не просто навык соединять слова во фразы, а умение из этих слов и фраз создавать самобытные сюжеты. Причем не только основанные на содержании, но и на стиле. Вы никогда не перепутаете, скажем, Гоголя с Набоковым, а Набокова с Булгаковым. Дело в том, что писателями их делали в первую очередь уникальный стиль и неповторимый

язык. К сожалению, современная литература очень «размыта» в этом плане. Вы можете прочесть, на первый взгляд, топовую книжицу популярного автора, — как принято говорить, «знакового», — но на поверку окажется, что такую книжку мог бы с легкостью симитировать его коллега по цеху. Блины, как известно, все умеют печь, а вы попробуйте бисквитный торт создать. Так что: писатель — это стиль.

«Контрабанда»: Вы продумываете идею или она приходит и требует быть написанной, а Вы уж после ее шлифуете и вносите правки?

Глеб Нагорный: Зависит от конкретного произведения. Скажем, роман-файл «Флёр» — был чистой идеей, пришедшей извне. Безусловно, после написания я вносил правки и шлифовал, как, собственно говоря, всегда делаю со своими произведениями, но что-либо придумывать... Нет, скорее я просто успевал отображать события и записывать за героями. Но, конечно, есть и такие вещи, которые мной, если так можно выразиться, «спланированы» от начала и до конца. Скажем, рассказ «День Города» или пьеса «Русский Хэллоин». В любом случае, просто одной идеи, пусть и пришедшей извне, недостаточно. Этому еще надо придать форму. А форма придается писательским опытом, мало имеющим отношения к чистому творчеству. Это уже — работа. Где-то даже ремесло.

«Контрабанда»: Если бы Вы знали, что следующий Ваш роман изменит жизнь каждого, кто его прочитает, о чем бы Вы написали?

Глеб Нагорный: Честно говоря, я не верю в то, что какой-то роман может изменить жизнь каждого. Люди по своей природе очень не похожи друг на друга. На мой взгляд, это было бы бессмысленное рассуждение — голословное и умозрительное. Вот, к примеру, Библия. Казалось бы, универсальная книга. Наравне с ней существуют Бхагавад-гита, Тора, Коран. Тоже не менее уникальные произведения человеческого ума и духа. И все они вроде бы об одном и том же. О Боге, любви, всепрощении. А посмотрите, сколько крови от этих книг. От их универсальности

и уникальности. Потому что не от книг это зависит, а от тех, кто их читает. Один Библию прочтет и покается, изменит в себе что-то, придет к переосмыслению всей своей жизни, неблагоприятных поступков, а другой, — с этим же Священным Писанием под мышкой, — побежит в супермаркет людей расстреливать, жарить «майские шашлычки», мародерствовать.

«Контрабанда»: Где выход из тупика однообразности современного искусства?

Глеб Нагорный: Выход очень простой. Стараться не равняться на других. Не превращаться в креативное стадо, которое все время оглядывается на моду, тенденции и тусовку. Делайте свое, пишите, как *вы* чувствуете и как именно *вы* видите этот мир. Тогда и однообразие исчезнет. Но языку учиться, в любом случае, надо у классиков.

«Контрабанда»: Как Вы думаете, бумажная книга умрет, уступив место цифре, или труд писателя, перенесенный на бумагу, всегда будет привлекать настоящих ценителей литературы?

Глеб Нагорный: Я думаю, они будут существовать, не мешая друг другу. Потому что это вопрос скорее привычки. Кто-то предпочитает читать цифровую книгу. Для кого-то приятней держать «живую» книгу в руках. Конкретно про себя могу сказать, что в метро я стараюсь читать «цифру» — это просто эргономичней. Но дома я, безусловно, беру в руки реальную осязаемую книгу. Пахнущую типографской краской. На самом деле никто здесь никому не наступает на «информационные пятки». Это скорее вопрос удобства получения информации из разных источников. Лично во мне «цифра» с бумагой в жесткое противоречие не вступают.

«Контрабанда»: Мода в литературе — это хорошо или плохо?

Глеб Нагорный: Это не хорошо и не плохо. Это — данность. Как новые модели кроссовок с липучками и пиджаков с «локтями». Что-то становится классикой, что-то живет один сезон. Мода необходима, но надо отдавать себе отчет, что все, что модно сегодня, не факт, что будет оценено завтра, да и вообще кому-либо нужно. Поэтому не стоит гнаться за модой. Много вы знае-

те тряпок из 70-ых, которыми восторгались наши родители, отстаивая километровые очереди, и которые ровно так же востребованы сегодня? Вот с литературной модой ровно то же самое. В классику войдут десятки, а то и единицы. Как бы ни хотелось туда попасть всем союзам писателей с их «почвенниками» и «постмодернистами». Кто останется? Никто этого не знает. Но уже сегодня очевидно, что далеко не все «модные литераторы» будут нужны литературе в ее пафосном понимании. Поскольку мода на этих авторов зачастую поддерживается не за счет качества произведений, а искусственным путем: при помощи массированных пиар-атак. Какие только маркетинговые ходы тут не задействованы: и СМИ, и соцсети, и резонансные статьи, и рецензии критиков, и интервью по ТВ, и баннеры на улицах, и реклама в метро. Примерно таким же образом у нас зубную пасту и стиральные порошки продают. По сути, все это «Основы маркетинга» Филипа Котлера. Отношения к литературе и искусству это не имеет.

«Контрабанда»: Часто успешные вещи сейчас получают продолжение, что в литературе, что в кино. А кто-нибудь еще «попадет в файл»? У Вашего самого знаменитого романа ожидается продолжение или это Вам не интересно?

Глеб Нагорный: Сложно сказать. Задача, которую я поставил себе этим романом, на мой взгляд, была мной полностью реализована. Роман состоит из многочисленных пластов и подтекстов. Этого я, собственно, и добивался. Но помимо содержания, я еще делал акцент и на игре с языком: на аллюзиях, метафорах, афоризмах, неологизмах, каламбурах и т. п. Не могу сказать, что мне сегодня особо интересно к этому возвращаться. Но, если и вернусь, думаю, это уже будет немного другая история. Вопрос в другом. А есть ли смысл входить в одну реку дважды?..

Беседовала Алёна МОРГУНОВСКАЯ

«Контрабанда»,

№3 (29), декабрь 2014 г.

**ИСКУССТВО ПРИЗВАНО РОЖДАТЬ,
А НЕ РАЗРУШАТЬ**

Понять, с кем мы в данном случае имеем дело, не трудно. Достаточно посмотреть на объём этой беседы. Да, всё верно: перед вами писатель. Встречайте, Глеб Нагорный! Прошу любить и жаловать, ибо есть за что. Мы пытались скомпрометировать его. Задавали неловкие вопросы, искали лазейки для провокаций, а он ни в какую.

– Приветствую вас, Глеб! Наши вопросы могут местами показаться провокационными и претенциозными. Таковы условия среды. Вы готовы?

Глеб Нагорный: Ну, если и вы будете готовы к моим ответам. Надеюсь, ваше самочувствие позволит вам выслушать всё то, что я скажу.

– Как бы вы охарактеризовали то направление, в котором работаете в рамках прозы? Что, по-вашему, вообще представляет собой мышление прозаическим текстом?

Глеб Нагорный: Никогда не задавался этим вопросом. Вы просто садитесь и начинаете писать. И либо ангел вам на плечо в этот момент сядет, либо птичка отметится. Тут уж кому как повезёт. Если серьёзно, то это некий, часто неосознанный, поток, не до конца сформулированная идея, которую слово за словом, фраза за фразой необходимо структурировать в текст и придать этому тексту цельную логичную форму. Не очень сложно? Тогда скажу проще – если начать задавать себе такие вопросы, то можно вообще перестать писать. От шока. А как я это делаю? Что касается «направления», то возникшая идея, как правило, предопределяет выбор жанра. Скажем, роман-файл «Флёр», на мой взгляд, больше тяготеет к постмодернистским традициям. Что касается драматургии, то пьесы у меня написаны в жанрах трагифарса, гротеска, один критик даже назвал меня родоначальником «макабрической антиутопической буффонады». С чем это едят, мне, признаться,

сложно сказать. Некоторые рассказы у меня очень депрессивны и, скажу немного высокопарно, экзистенциальны, другие, напротив, тяготеют к шутовству и сатире.

Вообще, «мышление прозаическим текстом», на мой взгляд, это невозможность кратко и доступно, как поэт, выразить какую-то одну мысль. Отсюда начинаются многостраничные словострадания, если не сказать грубее. Ну а что касается моих писательских предпочтений, то они основаны, безусловно, на моих читательских запросах. Скажите, что вы читаете, и я скажу вам, что вы пишете. Мне, например, нравятся длинные, протяжённые во времени вещи, именно поэтому я совершенно равнодушен к поэзии и, в общем-то, со скепсисом отношусь к рассказам. Всё это можно очень красиво написать, но по содержанию всё равно выглядит как-то куце. Только начинаешь вчитываться в произведение, а оно уже закончилось. По той же причине в кинематографе я отдаю предпочтение полнометражным фильмам и блестящим американским и английским сериалам, появившимся в последние годы, в то время как к коротким метрам отношусь более чем прохладно.

— Что побудило вас когда-то начать заниматься творчеством? Как давно это произошло и что с тех пор изменилось?

Глеб Нагорный: Откровенно говоря, я никогда не собирался писать. У меня не было и до сих пор нет желания становиться писателем в общепринятом смысле. Это скорее хобби, не более того. В конце концов, кто-то после работы ходит в спортзал, кто-то увлекается литрболом, кто-то прожигает время в соцсетях, собирая комменты и лайки, ну а я иногда пишу. Переворот же в моём сознании произошёл после прочтения Генри Миллера. Я это часто в разных интервью говорю. Дело в том, что в школе нас постоянно убаюкивали классикой, а Генри Миллер показал, что можно писать вообще по-другому. Со временем я, правда, разочаровался в его творчестве, поскольку, на мой взгляд, Генри Миллер, как и большинство успешных авторов, сел на объезженного конька и стал, как в цирке, ездить по кругу собственной прозы, но толчком, тем не менее, послужил именно он. Потом я

открыл для себя Бориса Виана. Полюбил Гофмана, Кафку, Гессе, Кортасара, Оруэлла. Этот список можно продолжать до бесконечности. А первая моя публикация, если не ошибаюсь, была публицистической, в ведущем литовском еженедельнике «Республика». Было мне тогда лет восемнадцать-девятнадцать, и учился я на юридическом факультете Вильнюсского университета.

Что с этого времени изменилось? Ну, во-первых, я стал адвокатом и одновременно закончил мастерскую Марлена Хуциева во ВГИКе. Во-вторых, у меня пошли литературные публикации, вышел роман, пьесы начали ставить в театрах, появились литературные награды. Но произошло и в-третьих... Это любопытные перемены во мне самом. Возникло какое-то буддистское спокойствие на грани с равнодушием. Думаю, это связано с тем, что некоторые вещи приходилось пробивать в прямом смысле годами, а когда я дошёл до определённых целей, к тому моменту они оказались не столь значимыми и актуальными в моей жизни. Сейчас у меня совсем другие приоритеты – семья, дети, квартира. Обыденные человеческие ценности. Популярность и лауреатства я давно для себя вынес в разряд суеты и мишуры. Все это, конечно, интересно, но лишь постольку-поскольку. И вообще, надо отдавать себе отчет, что любой творческий человек – это не только его творчество. Многие ставят между своим «я» и своим творчеством знак равенства. А человек – это совокупность и творчества, и семьи, и работы, и взаимоотношений с людьми. Как только происходит у человека перекос в какую-то одну сторону, жизнь начинает рушиться. К сожалению, на моем жизненном пути попадались в достаточной мере одарённые люди, которые на поверку оказывались заражёнными звёздной болезнью или, напротив, страдаемыми недугом непризнанной гениальности. Как с людьми с ними было просто невозможно общаться, настолько они были заиклены на своем «я» в искусстве. В результате такого рода заикленность зачастую оборачивалась для них трагедией в семье и во взаимоотношениях с окружающими. А виной тому стано-

вился как раз творческий эгоцентризм, который реализовывался часто только в одном — в безоглядном и беспринципном использовании других людей ради своих целей. Вообще, знаете, что скажу, — поменьше надо знакомиться с известными людьми. Звёзды должны быть недосыгаемыми, иначе очень быстро может наскучить та незвёздная пыль, которую они после себя оставляют.

— Как бы вы определили понятие вдохновения? Имеет ли здесь место нечто мистическое или же всё математически точно и ясно?

Глеб Нагорный: Лично для меня — это только мистика. Как и говорил, я, например, никогда не собирался писать ни прозу, ни уж тем более пьесы. Но, видимо, сработали какие-то кармические законы и гены — поскольку отец у меня заслуженный деятель искусств РФ, поэт Юрий Кобрин. Да и большинство идей, надо сказать, почти всегда приходило спонтанно. Тот же роман-файл «Флёр». Та же идея пьесы «Лайф-Лайф». В моменты написания крупных вещей на меня находит... не знаю даже, как точно выразиться... это сродни болезни. Пока вещь до конца не доведёшь — не выздоровеешь. Но я вам скажу — это прекрасная болезнь. И окончательно выздороветь означает для меня перестать быть тем, кто я есть. А так называемая «математика» появляется в другой момент — в момент правки, редакции произведения. Технической отточки.

— Так или иначе, вы работаете, используя классические формы выражения. Проза и романы уже с давнего времени живут на последнем издыхании, а пьесы так и вовсе принято считать вымершим жанром. Есть ли срок годности у художественной формы, и есть ли смысл с ним считаться?

Глеб Нагорный: Помните, что Рудик-Родион говорил в «Москва слезам не верит»? «Ничего не будет. Ни кино, ни театра, ни книг, ни газет — одно сплошное телевидение». Это всё из той же оперы. Кто сказал, что проза и романы на последнем издыхании? Что же тогда, по-вашему, высылают на «Большую книгу», «Букер», «Нос», «Национальный бестселлер»? Это, мягко

говоря, не очень-то похоже на посты и комменты из блогов. Кто сказал, что пьесы — вымерший жанр? Какой-то доморощенный театральный критик, адепт так называемой новой драмы? Поверьте, ни один уважающий себя профессиональный театральный режиссёр не будет братья за ваш рыхлый текст, который ему придётся самому же потом переписывать и переделывать за вас под пьесу. Хотя есть, конечно, и такие «виртуозы». Всё это сейчас мы в полном цвете наблюдаем во всяких расплывшихся «новодрамовских» постановках-однодневках.

По большому счёту, все эти заявления продвигаются дилетантами, не умеющими писать и не желающими учиться писать. Они таким образом прикрывают собственную несостоятельность. Это своего рода жульничество, напёрсточничество, пляски и игрища голых королей. Поэтому говорить о том, что пьесы принято считать вымершим жанром, мягко скажем, преждевременно. Принято определённой тусовкой. А на смену любой тусовке, как известно, приходит другая. Пьесы же как были пьесами, так ими и останутся. В этом смысле, кстати, очень показательна американская сценарная школа. Ни одна американская кинокомпания не возьмёт у вас текст, который не выдержан в форме сценария. Попробуйте с такими заявлениями выйти, скажем, где-нибудь в Голливуде и объяснить им, к примеру, что сценарии приказали долго жить, а у вас просто такое своеобразное видение будущего фильма.

— Важным моментом в ваших работах является ностальгическая интонация. Где-то это ностальгия по личному прошлому, а где-то — по историческому и культурному. Что такое ностальгия, или почему вас так тянет к прошлому?

Глеб Нагорный: Никакой ностальгии я не испытываю. Жить прошлым означает не развиваться. С другой стороны, естественно, за мной есть определённый жизненный опыт, любовные переживания, потери, разочарования. Родился я вообще в Советском Союзе, до тридцати лет жил в независимой Литве, в тридцать переехал в Москву. У меня достаточно длинная и интересная судьба. Со всеми полосами зебры. И самое гре-

ховное, порочное, что может себе позволить творческий человек, — это забыть себя. Забыть чёрные полосы. А этих полос много. Поверьте, на десятерых хватит. И как только вы из зебры превращаетесь в белое парнокопытное в яблоках, можете смело на себе крест ставить. Даже не на творчестве, а на себе как на человеке. Но тут не в ностальгии, конечно, дело. Не стоит возвращать то, что само по себе осталось в прошлом. Но из этого прошлого можно взять хорошее, извлечь уроки. И уж, конечно, не стоит перечёркивать то, что наработывалось годами, а то и кровью. Я имею в виду наши историю и культурные традиции. Поэтому когда по Эстонии и Латвии маршируют фашисты с зигами, гомосексуалисты в некоторых особо продвинутых странах усыновляют детей, а наши дети сдают бредовый ЕГЭ по европейским лекалам — мне и правда хочется вернуться в прошлое.

— Если современные русские философы стремятся миновать постмодернистскую традицию философствования, то вы признаёте его, но всячески критикуете. Чем вам так не угодил постмодернизм и, если он так плох, как предлагаете с ним бороться?

Глеб Нагорный: Я ничего против постмодернизма никогда не имел. Напротив, ряд моих произведений написан именно в постмодернистском, я бы даже сказал, гиперэкспериментальном ключе. Это касается и ряда новелл с рассказами, и романа «Флёр».

Другое дело, вы, наверное, имеете в виду слова одного из героев романа, которые он говорит в главе «Погасшее Окно». Мол, пуст постмодернизм. «Пустмодернизм». Но, во-первых, это слова героя, а во-вторых, в них тоже есть своя правда. Понимаете, обеденный стол не может состоять только из десертов, так может аллергия начаться. Это я к тому, что повальное увлечение постмодернизмом становится неинтересным, пресным, скучным и очень предсказуемым. Начинается своего рода постмодернистский чёс: литературный чёс, театральный чёс, киночёс.

Но, с другой стороны, если произведение сделано талант-

ливо, то не имеет равным счётом никакого значения, в каком ключе, жанре, стиле или «-изме» оно выполнено. Хоть в классицизме, хоть в копрофилизме. Показатель таланта — сам талант, и он самодостаточен. Течения не играют равным счётом никакой роли.

— Как вы считаете, должно ли искусство оперативно отвечать вызовам современности? Собственно, ставит ли современность какие-то задачи перед искусством?

Глеб Нагорный: Если искусство оперативно отвечает вызовам современности, оно моментально становится конъюнктурным. Великие романы пишутся годами, а то и десятилетиями. Полотна пишутся не за сутки. Удачные спектакли не ставятся с бухты-барухты. Очевидно же, что, скажем, постановки шайкилейки в подвале «Театра. doc» вроде «Час 18» о гибели Магнитского в «Матросской тишине» и «БерлусПутин» — это паразитирование на больших темах и спекуляции, не имеющие равным счётом никакого отношения к искусству, поскольку всё это привлекает зрителей только в определённый политический момент.

Другое дело, о самой современности нужно писать и необходимо ставить спектакли, но таким образом, чтобы это было интересно и через пять-десять лет, а не делалось на потребу дня. Ведь чем хороши классики? Они же тоже писали о своей современности и своих современниках, но использовали при этом архетипичные и в то же время самобытные образы, не педалируя сиюминутные политические процессы. Потому что Драконы — они во все времена одинаковые, с тем же смрадным запахом из пасти и болотным цветом бликующей чешуи.

— Как бы вы охарактеризовали ту ситуацию, в которой находится сегодня отечественное современное искусство?

Глеб Нагорный: Отсутствие уникальных идей, самобытного почерка, неповторимого стиля — вот чем характеризуется современное искусство. Слишком много вторичного, подражательного и, как результат, — посредственного. По этому поводу вспоминается блестящая шутка. На одном художественном конкурсе надо было нарисовать картину на тему голода. Так вот, один ху-

дожник представил на суд зрителей анальное отверстие, затянутое паутиной. Примерно так я и вижу современное искусство. В качестве примера, всё более-менее образованные, начитанные и зрительно подкованные люди хаот фильмы с плинтусным юмором вроде «Самый лучший фильм» и т. п. В качестве противовеса, естественно, появляется архаус, так называемое фестивальное глубокомысленное кино ни о чём.

Наши доблестные режиссёры почему-то полагают, что раз Тарковский, Сокуров, Герман-старший, Балабанов и прочие столпы кинематографа смогли, то и они не хуже. Итог: вы сидите и полтора часа, а то и больше, дремлете в кинозале, потому что уже с первого кадра понятно, чем всё закончится. Как-то в течение одной недели я посмотрел ряд фильмов наших «добрых» архаусников. Во всех фильмах совершенно разных режиссёров, возможно даже друг с другом незнакомых, в финале главный герой либо покончил самоубийством, либо его убили, либо он кого-то убил, либо вообще всё вместе. В общем, все умерли. И всё это прикрывается социальной значимостью произведения. Потом авторы почему-то удивляются, что их фильмы проваливаются в прокатах. Это и есть анальная трещина в паутине. Потому что всё это на самом деле стороны одной медали. С одной стороны — нескончаемая ржака, с другой — унылая беспросветная депрессуха, замешенная на социалках.

А мир-то — он хитрый, он как раз где-то посередине, если хотите, на ребре медали. Я не говорю, что не появляются талантливые произведения, — они, безусловно, есть. И, бесспорно, не весь архаус такой. Но вот тенденция делить искусство на ржаку и чернуху, на белое и чёрное, на левых и правых, конечно, удивляет.

— Кто такой русский? Какие антропологические изменения происходят с ним в современности?

Глеб Нагорный: Русский — это тот, кто думает на русском и видит сны на русском. Во мне смешено три крови, родился и вырос я вообще в Литве, десять лет живу в Москве, мои родители говорят на русском, отец пишет стихи на русском, в моей

семье говорят на русском, пишу, думаю и вижу сны я тоже на русском. Кто я, по-вашему? Конечно, русский. При этом чисто русской крови во мне нет. Знаете, у меня есть забавный приятель, который откопал в своей крови далёкий немецкий гемоглобин. Нет ничего смешнее – наблюдать за его мимикрией. Лет десять он всем рассказывает, что он немец. Начал оправдывать фашизм, хотя его дед прошел Великую Отечественную войну, лет семь безуспешно пытается уехать на ПМЖ в Германию, хотя за тридцать с лишним лет ни разу не был за границей и о Европе имеет такое же смутное представление, как я, скажем, о бозоне Хиггса. А до того как он откопал у себя не то бабушку, не то прабабушку, был среднестатистическим выходцем из российской провинции с абсолютно ординарными русскими внешностью, именем и фамилией. Таким, кстати, как вы понимаете, и остался. Любопытные, конечно, метаморфозы с людьми порой происходят. Именно поэтому Гоголь, безусловно, русский писатель, как бы ни хотелось думать некоторым ультрарадикальным украинцам. Национальность, унаследованная от праотцов, и штамп в паспорте тут особой роли не играют. Что в ваших «снах и думах», то вы и есть. Что же касается антропологических изменений, тут я особых изменений не заметил. Хвост вроде бы ещё ни у кого не вырос, но айфон у некоторых, конечно, прирос к руке намертво.

– В каком соотношении, по-вашему, находятся сегодня мода и искусство? Как бы вы определили понятие моды?

Глеб Нагорный: Они как сиамские близнецы, как шерочка с машерочкой, всегда бок о бок ходят. И часто так случается, что именно мода помогает появиться каким-то уникальным вещам в искусстве, каким-то новым течениям, открытиям. Но случается и так, что мода есть, а произведения по какой-либо причине не выстреливают и надолго в памяти не остаются. Почему так происходит? Ответ, собственно, на поверхности. Прежде всего надо делать произведения искусства, невзирая и не оглядываясь на моду. Если хотите, мода – это волна, которая может либо поднять сокровище со дна творческого океана, либо превра-

титься в солёную пену на замусоренном берегу. То, что мы сегодня наблюдаем, к сожалению, как раз больше всего напоминает именно ту самую пену.

– Отталкиваясь от вашего эссе «Радикализация искусства», задам вполне закономерный вопрос: к чему ведёт радикализация художественных жестов? Есть ли тупик, обусловлен ли он временем, и что будет после радикальности?

Глеб Нагорный: Ну, эссе – это громко сказано. Скорее, это рассказ со стёбом. Как и всегда, за этим идёт обновление. Радикалы, анархисты, PussyRiot, яйцеприбивальщики на площадях всегда появлялись во времена морака. Но главная проблема в том, что для борьбы с политическим мракобесием они сами же выбирают сатанинские методы. Да и вообще, был уже и твякающий Кулик, всё ещё где-то задрал хвост бегающий. И по пьяни захлебнувшийся в лягушатнике Мамышев-Монро. И матюги на Красной площади из тел выкладывали, и фаллос на разводном мосту калякали, и прочие юродивые не раз и не два отмечались. Проходили. Скучно.

Но глубокое их заблуждение в том, что они создают искусство. Всё это – хлам, пыль, шелуха. Поскольку не имеет никакой художественной ценности и по природе своей нежизнеспособно. То есть это разовые акции, эпатаж, быстродействующий самопиар. Очевидно же, что такого плана акции будут жить ровно до той поры, пока кто-нибудь не догадается взблегнуть, скажем, в Госдуме или помочиться на Мавзолей. По мне так ряд таких действий – это вообще чистой воды административно наказуемое хулиганство и девиантное поведение творчески малоодарённых людей, которые хотят как-то о себе заявить. Таким вот, мягко говоря, странным образом.

Ведь тут в чём соль? Если я или, предположим, вы нагадите в каком-нибудь музее, то нас, естественно, посадят в спецприёмник или определят в стационар жёлтого дома. И, в общем-то, правильно сделают. Но если мы раструбим в интернете, что это политическая акция, направленная на свержение власти, что мы на самом деле есть группа художников-радикалов, и не ради ка-

ла, извините за седобородый каламбур, это сделали, не ради дефекации, то мы тут же становимся творцами с большой буквы, революционерами, популярными личностями, за нас ещё, не дай Бог, ООН вступится. А ведь разницы на самом деле никакой: фекалии и у художника, и у простого смертного отличаются только квинтэссенцией съеденного на завтрак.

Вообще, так скажу, с властью не стоит бороться провокациями, с властью можно бороться только при помощи искусства. Потому что власть спит и видит, когда же вы оступитесь, когда начнёте нарушать законы, когда позорно высечете сами себя, как та унтер-офицерская вдова, когда вы своими поступками, наконец, превратитесь в жупел для ваших гипотетических сторонников. Более того, такими акциями быстро пресыщаешься.

Поэтому лично я думаю, что дальше пойдёт обновление. Новый виток. Если хотите, современный ренессанс. Потому что искусство призвано рождать, а не разрушать. И вообще, вандалы, если помните, плохо кончили. С другой стороны, этому нет смысла уделять столько внимания, лишний раз подливая воду на пиар-мельницу. Всё это само собой рано или поздно схлопнется, как карточный домик. Чуть подтолкни — и посыплется. И уж тем более не надо никого сажать по уголовным статьям. Во-первых, такие наказания, конечно же, не соответствуют масштабам деяний, это я уже как адвокат говорю, во-вторых, это, безусловно, лишний пиар создаёт. Кстати говоря, нет ничего более радикального, эффектного и зрелищного, чем прилюдная лоботомия или акт самосожжения. Предлагаю некоторым «художникам» серьёзно задуматься над такими инсталляциями. Не знаю, как вы, но я бы с удовольствием сходил посмотреть. Жаль, что это, возможно, только одноразовые инсталляции будут. Но славы, поверьте, у этих троллей будет вагон и маленькая тележка. И в анналы они войдут, и кривоногих последышей в виде орков обретут.

— Как прочно вписан художник в контекст капиталистической системы? Возможно ли вырваться из этого контекста, и что для этого нужно?

Глеб Нагорный: Это касается каждого художника отдельно. Его психологического и соционического типов. Скажем, Пикассо и Дали — великие уникальные художники, успешные самопиарщики и делатели огромных состояний. В то же время — нищий безумно-гениальный Ван Гог. Вспомните ошалелые, с падениями и взлётами, судьбы того же Генри Миллера и Чарльза Буковского. Таких примеров сотни, если не тысячи. И зачастую это вопрос не столько таланта, сколько массы слагаемых: характера, связей, коммуникабельности, судьбы, стечения обстоятельств, ваших пороков или, наоборот, добродетелей. Например, бесфамильно, если позволите... Есть масса талантливых современных русских писателей, которые у всех на слуху, но когда читаешь некоторые их книги, зачастую ловишь себя на мысли: а ведь влѣгкую с этим романом имярек мог бы оказаться где-нибудь в самиздате в Тмутаракани. Но так сложились звѣзды, что живѣт он в Москве, опубликовало его крупное издательство и ещё пиар-фея в чело поцеловала.

По поводу второго вопроса. Возможно ли вырваться из контекста капиталистической системы? Тут нужно чѣтко и честно задать себе ряд вопросов и обозначить свои цели. Если вы хотите славы и денег, то будьте готовы к тому, что талант должен быть с ногами: бегайте, пиарьтесь, дружите, скандальте, пишите резонансные статьи, бухайте с известными личностями, набейте кому-то морду, дайте себе набить — и слава вам обеспечена. Только писать при этом, конечно, не забывайте. Желательно хорошо. А то у некоторых всё в беготню уходит, да и со стороны это выглядит довольно смешно и нелепо.

Но если вы к этому относитесь более или менее равнодушно, то зарабатывайте деньги другим ремеслом, а свои труды выставляйте в интернете. Вот вы и вырвались из-под капиталистического Молоха. Читатели всегда найдутся. Другое дело, конечно, той славы и тех денег, как у тех, у кого «талант с ногами», у вас никогда не будет. Максимум — известность в блогах, среди френдленты. Тут другой вопрос: а надо ли вам всё это? Я, например, для себя давно решил. Бегать за славой, тусовать-

ся, пиариться, разбрасывать ссылки и т. п. я не буду. Мне лень, мне это всё скучно и неинтересно. Не говоря уже о том, что это ко всему прочему колоссальная трата времени. И вообще, я законченный интроверт на грани с социопатом. Мне за глаза хватает себя самого и моей семьи. От скопища людей я сильно устаю.

Что касается популярности, то нет ничего приятней, чем получать восторженные имейлы от читателей и приглашения от изданий, которые сами тебя находят, чтобы взять интервью. Как ваше, например. Мне этого более чем достаточно. Считаю, что это и есть наивысшая оценка моего творчества. И не надо по этому поводу суетиться. Как говорил Воланд: «...никогда и ничего не просите! Никогда и ничего, и в особенности у тех, кто сильнее вас. Сами предложат и сами всё дадут!»

— В Европе, начиная примерно со второй половины двадцатого века, активно изобретаются принципиально непродаемые творческие жесты. Естественно, многое из изобретённого уже обкатано буржуазией, однако сам этот левый запал кажется до сих пор перспективным и плодотворным. Как вы относитесь к непродаемому искусству вроде перформансов, инсталляций и т.п.?

Глеб Нагорный: В том-то и парадокс: ничто так хорошо не продаётся, как инсталляции и перформансы. Потому что лепить их можно килограммами и километрами. Вот вам навскидку. Стена. На стене рама. В раме — пистолет. Подпись под рамой — Маяковский. Петля на стене — Есенин. Колесо. Из него вьётся длинный алый шарф — Айседора Дункан. На стене распята телогрейка с гулаговской нашивкой — Солженицын. Рядом пришпилены смокинг с бабочкой — Бродский. Початая бутылка водки, из горлышка торчит шприц — Высоцкий. Ещё с десятков таких придумок внаброс — и можно смело открывать какое-нибудь биненале, посвящённое, ну, не знаю, скажем, судьбам и вехам XX века. Тут же обязательно появятся околокультурные проходимцы, которые привлекут критиков, и те заявят, что это «новое течение», «новый взгляд», «прорыв», «новация», и нагородят ещё

с три короба подобной лабуды. Обязательно откликнутся и здравомыслящие люди, которые будут крутить пальцем у виска, отметятся в блогах и ёрнически откомментируют происходящее под хвалебными статьями. И вот тут-то и произойдёт резонанс. Народ валом повалит.

Понимаете, в чём дело: для перформансов и инсталляций не нужен особый талант. Это нам внушили, что это не клоунада, а элитарное искусство избранных и для избранных. Поскольку всё это, в принципе, может сделать любой среднестатистический человек из толпы. А вот спектакль поставить или картину написать — это совсем другое. Тут, как минимум, нужны талант, мастерство, наработанное пробами и ошибками, самоотдача и многолетний опыт. И отличие тут существенное. Спектакли и картины изначально нацелены на искусство, а перформансы и инсталляции заточены под резонанс, эпатаж и рубилово баб-ла. И знаете, по-моему, уже давным-давно пора срывать маски с этих ряженых морд и начать всё своими именами называть. А то не ровён час, мы на полном серьёзе в медицинских анализах начнём копать и искусствоведческие беседы на эти темы проводить: Шанель это или что-то существенно иное? У меня, кстати говоря, по этому поводу есть рассказ «СЛОН, или биеннале национального идиотизма». Я его написал как раз после посещения какого-то очередного московского биеннале современного искусства. Так вот, многие воспринимают этот рассказ как документальный очерк, публицистическую статью. А рассказ от начала до конца выдумка. Написан, наверное, за полчаса. Тем не менее, инсталляций, набросанных в нём, хватит на целый бомжатник от современного искусства. Я бы сказал ещё грубее, но, к сожалению, в СМИ сейчас запрещены более хлёсткие слова.

— Возможны ли, по-вашему, объективные критерии в оценке выходящего из под пера кого бы то ни было? Какие бы вы предложили варианты проверки на вшивость?

Глеб Нагорный: Ну, проверка на вшивость простая. Если вы, положим, акцент в своём творчестве делаете на маргиналах

и фекальных массах, забывая при этом, не буду говорить высокопарно, о душе, забывая о конфликтах, о взаимоотношениях между людьми, о подтекстах, то очевидно, что вы эпатируете публику, а не создаёте искусство. Если же для вас драматургический конфликт первоочередной, то пишите хоть о педофилах. Вспомните ту же набоковскую «Лолиту». Суть Гумберта – не педофилия, а внутренний надлом, поиск, разрыв внутреннего «я». Тут очень важно понять, кроется что-то за вашими эрекциями или там только спермотоксикоз.

Что касается объективности в оценке вышедшего из-под пера. Все вещи в мире, безусловно, основаны на субъективной оценке – нравится-не нравится, но есть вещи универсальные. Скажем, в прозе это язык. Вы можете писать о чём угодно и как угодно, но если у вас скудный словарный запас, деепричастные и причастные обороты для вас пустой звук и у вас напрочь отсутствует образное мышление, то, пожалуй, вы не на ту дорогу свернули. Драматургия без определённой жёсткой формы и видения автором сцены по сути нежизнеспособна. Иначе, как я и говорил, получается текст, который приходится адаптировать для сцены. Иными словами, заново переписывать.

– Над чем вы работаете в последнее время? Какие вопросы исследуете, чему планируете посвятить себя в ближайшее время?

Глеб Нагорный: В последнее время, как, собственно, и в прошлое, я собираюсь посвятить себя адвокатской практике. Что касается творчества, – повторюсь, моего хобби – тут сложнее. Есть у меня несколько вещей, которые требуют правки, но... не буду зарекаться, всему свое время. Одно могу сказать точно – останавливаться я не собираюсь.

Беседовал Иван СПИЦЫН

«Литературная Россия»,

№18 (2654), 2 мая 2014 г.;

«Большая книга», 2 мая 2014 г.;

«Русская жизнь», №6, 2014 г.;

«Abje.tk», 27 января 2014 г.

Глеб Нагорный

Оттенки гиперреализма
Сборник пьес

Глеб Нагорный — адвокат, прозаик, драматург, публицист. Член МФРП, СП XXI века, СП Москвы и СТД РФ. Включён в биографическую энциклопедию успешных людей России «Who is Who в России» (Швейцария). Кавалер ордена «Серебряного орла». Победитель и лауреат всероссийских и международных литературных премий «Золотое перо Руси», «Литературная Россия», «Славянские традиции», «Русский Stil» (Германия), «Пражский фестиваль» (Чехия), «Время драмы», «ЛитоДрама», имени Демьяна Бедного, имени де Ришелье и др.

Пьеса «Лайф-Лайф»

«Без колебаний называю „Лайф-Лайф“ одной из лучших русских пьес начала XXI века...»

Алексей Битов, театральный критик

Роман-перформанс «Русский Хэллоин»

«Сильный ход — поместить всё действие между двумя языческими праздниками. Получилось такое жуткое фантасмагорическое оформление всего происходящего. Этакая „комедия масок“... И маски, соответственно, как предтеча и иллюстрация надвигающегося его — того самого „страшного и беспощадного“».

Михаил Хейфец, режиссёр, драматург

ISBN 978-5-4490-5957-4

9 785449 059574 >